

Леонид Бен-Шир

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Бен-Шир Леонид

(Бешер-Белинский Леонид Борисович)

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	6
В качестве вступления <i>Из книги второй «Некоторые отступления – годы 1989–95 в Ташкенте</i>	11
ГЛАВА 1 <i>Некоторые уже традиционные отступления</i>	24
ГЛАВА 2 <i>Первые шаги на новом месте и виде деятельности</i>	31
ГЛАВА 3 <i>Обустройство в Ташкенте. Опять З. П. Зарапетян!</i>	45
ГЛАВА 4 <i>Автопробег Ярославль–Ташкент через Иргиз и Аральск</i>	59
ГЛАВА 5 <i>Принят коллективом. Становлюсь ГИПом по НГМК</i>	73
ГЛАВА 6 <i>Успешное решение проблем Сабырсая</i>	81
ГЛАВА 7 <i>Мой первый юбилей. Мама, юношеские годы. Аксельбанты</i>	92
ГЛАВА 8 <i>Реконструкция и расширение ГМЗ-2. Л. И. Тимошенко</i>	113
ГЛАВА 9 <i>Учкудук – новые задачи. Э. Т. Оганезов</i>	123
ГЛАВА 10 <i>А что в филиале № 1 ПромНИИпроекта!?</i>	141

ГЛАВА 114

Год 1976. Житейские подробности. Витковские.

Краснокаменск – С. С. Покровский, Хоментовские 164

ГЛАВА 12

Рост объемов продолжается, значимость растет.

Комбинат – Филиал. Филиал – головной институт.

«Застойные» 1976–1985 годы 182

ГЛАВА 13

Продолжим о «застойных годах». А. А. Петров 205

ГЛАВА 14

Так все-таки «застойные»?!

Смерть Ш. Рашидова. «Узбекское дело» 229

ГЛАВА 15

Мы стали Лауреатами Государственной премии СССР.

Ушел А. А. Петров. Смена руководства

в Минсредмаше. Е. П. Славский. 237

ГЛАВА 16

Теперь о делах житейских, семейных, радостях и огорчениях.

Однокашники и друзья. Мы приобрели «ГАЗ-24» 247

ГЛАВА 17

Большое турне: Москва – Харьков – Ростов-на-Дону –

Владикавказ – Кобулет – Тбилиси – Баку – Красноводск –

Ашхабад – Ташкент. Год 1980, а что в стране? 267

ГЛАВА 18

Тяжелые годы «перестройки».

Как удержаться на прежнем уровне. Н. И. Кучерский 290

ГЛАВА 19

Филиал НИИПромтехнологии в годы перестройки.

Приватизация. Отъезд детей 307

ГЛАВА 20

НГМК и концерн «Кызылкумредметзолото».

Н. И. Кучерский. ГМЗ-3 запущен 334

ГЛАВА 218

О поездке и пребывании в США в 1993 году..... 358

ГЛАВА 22

Институт СредазНИПИИПТ.

Первые годы молодого государства – 1992–1995.

НГМК процветает. Пора воссоединяться с детьми.

Прощание с коллективом, отъезд. Итоги «взгляда»!..... 383

В качестве послесловия 414

Приложение 1

О наших родственниках и некоторых деталях из прошлой жизни.... 424

Приложение 2 449

Нашим внукам Ирине, Элине,
Юрию, Лие –
посвящаю!

«...если человек ест и пьет, и видит
доброе во всяком труде своем,
то это — дар Божий.»
«...нет ничего лучше, как наслаждаться
человеку делами своими: потому что
это — доля его.»

Экклезиаст

ПРЕДИСЛОВИЕ

Волею судьбы, живем мы с Юлией моей супругой) в Израиле уже 11 лет. Подробно объяснять причины и обстоятельства отъезда из самостоятельного Государства – Республики Узбекистан – в 1995 году я изложил во вступительной статье второй моей книги и что-либо уточню по ходу настоящего повествования. Думаю, что большинство читателей моих писаний (если таковые будут), знают по собственному опыту, или из рассказов бывалых, о «большой алии» (выезд на постоянное место жительства) из СССР и Стран постсоветского времени в Израиль. «Возвращение на Историческую Родину» – событие глубочайшего стресса, долгих моральных переживаний и физической перегрузки. «Абсорбция» (врастание) в Новой Стране в новое общество проходит очень нелегко, особенно, у людей моего возраста. Тем не менее, мы освоились здесь, проживаем в красивом, довольно большом по местным меркам, приморском городе Нетания, в 3-х комнатной (съемной) квартире, имеем друзей и товарищей и, пока на ногах, ведем активный образ жизни.

Под последним имеется ввиду не участие в «общественной и политической жизни», а частое участие в экскурсиях по многочисленным Историческим местам и Природным заповедникам, которыми изобилует эта маленькая, но прекрасная Страна, встречи с друзьями по поводу тех или иных, семейных дат и просто «поболтать», посещение (не частое) концертов и спектаклей заезжих театров и артистов.

Для меня, полностью воспитанного Советской Властью, проработавшего более 47 лет в атомном (с ударением на первом «О», как это выговаривал легендарный министр Среднего машиностроения СССР Е. П. Славский) ведомстве, практически до дня отъезда, самым тяжелым стало «безделье», вакуум, по сравнению с активнейшим, напряженным ритмом производственной, творческой и общественной деятельности.

Родился я в простой еврейской семье, в одном из местечек бывшей «черты оседлости», в Украине. Воспитывался без отца мамой, преданнейшей Советской власти труженицей, с 30-х годов членом ВКП(б)–КПСС и бабушкой. Пережил голод 33–34 годов, репрессии второй половины тридцатых годов (уже что-то соображал), все тяжелейшие годы Второй Мировой – Великой Отечественной войны (не на фронтах, а работая и учась). Получил высшее образование. Проработал в очень важном секретном ведомстве почти полвека, пройдя от должности начальника горного участка уранового рудника через все ступеньки иерархической лестницы, до директора большого комплексного предприятия (со своим городом и всей инфраструктурой) по добыче урана, а затем главного инженера проектов по крупнейшему горному комбинату по добыче урана и золота. Стал кавалером Ордена Трудового Красного Знамени, нескольких медалей, лауреатом Государственной премии СССР, почетного звания «Заслуженный инженер УзССР». В результате общественной деятельности, неоднократно избирался депутатом поселковых, районных и областного Советов депутатов трудящихся. После достижения 60-летнего возраста стал «Персональным пенсионером Республиканского значения», хотя пенсию получал уже с 55-летнего возраста.

Я об этом говорю только для того, чтобы подтвердить мое мнение о том, что имел достаточно обширный долгий опыт и основанный на нем кругозор, позволяющие мне попытаться описать большой период состояния, строительства и развития одной из важной составляющей подотрасли атомной промышленности СССР – добычи и первичного обогащения уранового сырья – и создания крупнейшего

Предприятия по добыче и извлечению золота на базе уникального месторождения Мурунтау в Центральных Кызылкумах Узбекистана. Историю эту я буду описывать в основном в хронологическом порядке, а события с субъективных позиций, какими мне они виделись и оценивались мною в описываемое время.

Потребность изложить мои воспоминания появились у меня давно, после нашей «эмиграции», или «возвращения на историческую Родину – «Израэль», где я, привыкший к непрерывной деятельности в труде и общественных делах, оказался не удел. После приобретения, произошедшего благодаря помощи нашего младшего сына Виктора, персонального компьютера создались условия осуществления моей задумки. По мере освоения компьютера работа идет все быстрее, но следует учитывать, что у меня нет никаких записей, дневников и даже большинство любительских фотографий и других документов, имевшихся в наших семейных «архивах», которые были мною уничтожены перед выездом из Узбекистана в силу весьма ограниченного объема груза, разрешенного к вывозу (не более 40 кг на человека), и поэтому приходится зачастую возвращаться к тексту, вносить коррективы. Все события, фамилии участников этих событий, их география и биография зиждуются лишь на моей, всё еще неплохо действующей памяти! И должен заранее попросить прощения, если неточно отражу фамилию, имя или отчество некоторых участников событий, так как именно эти атрибуты, почему то, наиболее трудно вспоминаются, а вот сами события мною будут изложены точно, но, конечно, с моим видением в период их свершения, и иногда с комментарием с позиции сегодняшнего дня.

Начал я писать в 2001 году, не наметив никаких планов состава труда. Мысли текут, написать хочется многое, память держит много фактов и обстоятельств, стараюсь как можно меньше описывать технических терминов, больше давать характеристик участникам событий через их реакцию на них. В апреле 2005 года у меня сложился план моего труда, если Бог даст мне его закончить. Назвал я свои воспоминания «Взгляд изнутри». Будет он состоять из трех книг, разбитых по принципу периодов моей работы и жизни моей семьи на разных предприятиях атомного ведомства. Первая книга уже написана – период работы на предприятиях Ленинабадского горно-химического комбината, в том числе мое непосредственное участие в производстве «модельных» взрывов и первого в СССР подземного атомного взрыва на Семипалатинском атомном полигоне, вторая книга написана в двух частях, в первой части – период

работы в Учкудукском рудоуправлении Навоийского горно-металлургического комбината, во второй части – период работы в Южном (Сабырсайском) рудоуправлении. Третья книга будет отражать период работы в филиале № 1 Московского института ПромНИИ-проект в г. Ташкенте (затем ставшим самостоятельным институтом СредазНИПИПТ) главным инженером проектов по НГМК.

До написания этих строк произошло много событий, о которых коротко напишу и которые повлияют на изложение задуманной третьей книги.

В октябре месяце 2005 года младшему нашему сыну Виктору исполнилось 50 лет, полувековой юбилей, который не отметить нельзя было. Читателям предыдущих моих книг известно, что он в 1997 году уехал из Израиля, живет и довольно успешно работает в США в городке Потомак, штат Мериленд. Это всего в десятке километров от центра Вашингтона, DC. Мы уже побывали у него в гостях четырежды, кстати и в сентябре 2001 г., во время известного всему миру теракта, совершенного мусульманскими фанатиками, уничтожившими башни Всемирного торгового центра вместе с почти тремя тысячами безвинных людей. Виктор пригласил нас, родителей и старшего брата Бориса к себе, в США. С Юлией мы прилетели к нему в начале сентября, а Борис в начале октября. Мы очень много и хорошо пообщались с Витей, внуками. Витя и его супруга Инна, как и в предыдущие наши приезды, старались уделить нам много внимания, показать максимум возможного из исторических достопримечательностей, природных заповедников и культурных центров. Очень красиво, весело и необычно были организованы и проведены юбилейные торжества 10–12 октября, отметить которые собрались многие друзья из нескольких городов. Друзья – это несколько семей еще из прежней, Ташкентской, жизни и многие уже сдружившиеся в Америке замечательные семьи из русскоязычной эмиграции 90-х годов из разных регионов бывшего СССР. В конце октября мы втроем – Юлия, Боря и я прилетели в Израиль. Боря сразу приступил к работе, а мы с Юлией постепенно адаптировались к новому временному режиму.

Утром 7-го ноября я себя почувствовал не очень хорошо, вызванный на дом врач предложил мне немедленно отправиться в больницу. Меня госпитализировали, провели необходимые обследования и 10-го числа оперировали. В результате двухчасовой операции хирурги удалили большую опухоль в прямой кишке. Благодаря прекрасным врачам-специалистам, современной технологии, интенсивной терапии уже 17-го ноября был выписан из больницы домой,

где на строгой диете и благодаря Юлиным заботам прихожу в норму. Сейчас меня начнут курировать онкологи. «Что день грядущий мне готовит!?» Придется торопиться. Попробую останавливаться лишь на значимых событиях и интенсифицировать работу по их изложению.

И последнее! Фамилия моя Бешер-Белинский Леонид Борисович была всю прежнюю жизнь, а в Израиле я стал Леонидом Бен-Шир (в переводе с иврита – «Сын Песни»). Причина весьма банальная. Наши сыновья уехавшие в Израиль на пять лет раньше нас, называли себя «Бен-Шир» из-за того, что «Бешер» в переводе на иврит может быть прочитано и звучит как «Басар», что значит «мясо». Их детей (наших внуков) могли дразнить в школах.

Написание моей третьей книги затянулось по многим причинам и следует сделать некоторые дополнения. Первая и вторая книги закончены, изданы и их малый тираж разослан мною родным, друзьям и товарищам, бывшим сослуживцам во многие государства и страны. Неожиданным для меня был успех у читавших их и желание многих иметь эти книги. Если Бог позволит мне закончить третью книгу и будут средства, то постараюсь издать ее в несколько большем тираже.

К сказанному ранее о написании книг по памяти и отсутствию архивных источников, материалов, фотографий добавлю, что при изложении событий последних лет работы мне уже помогли изданный и врученный мне в конце 2003 года печатный том «НГМК. История создания и развития». Очень объемный, нужный и важный труд, о котором свое мнение, наверное, изложу в конце этой, завершающей мои писания книге.

В КАЧЕСТВЕ ВСТУПЛЕНИЯ

*Из книги второй «Некоторые отступления –
годы 1989–95 в Ташкенте*

Начать вторую книгу мне захотелось не с продолжения непосредственно первой книги, а как бы с «конца» моей производственной жизни, то есть, с событий ухода с последней работы в атомном ведомстве СССР, а вернее уже аналогичного ведомства Республики Узбекистан, так как произошло это в мае 1995 года, а Советский Союз развалился в 1991-м. Пишу я эти строки в самом начале июня 2004-го года ровно через девять лет пребывания на заслуженном отдыхе.

Как и почему мы оказались в Израиле? Каким образом меня, свыше 47 лет проработавшего в секретнейшем ведомстве и на должностях с «формой допуска № 1», выпустили на постоянное место жительства за границу? Вот это в короткой форме постараюсь рассказать и, думаю, это поможет лучше понять мои некоторые суждения и комментарии.

Начатая Михаил Сергеевичем Горбачёвым в СССР «перестройка», главным образом в «хозяйстве», создала некоторые условия для специалистов, да и для рабочих, имеющих желание и потенциал, зарабатывать больше, чем в государственном секторе, через создаваемые кооперативы. Наши сыновья, старший Борис и младший Виктор, к этому времени имевшие высшее образование, семьи и по двое детей, и ставшие довольно высокими специалистами в области программирования, с группой друзей по профессии тоже организовали кооператив, успешно трудились по 12–14 часов в сутки, реализовывали свою продукцию и стали зарабатывать по 450–500 рублей в месяц. Это более, чем в два – два с половиной раза больше, чем на государственных предприятиях и учреждениях.

Но в конце 1989 года Правительство Узбекистана по каким-то соображениям издало постановления о запрещении функционирования кооперативов в некоторых видах хозяйственной деятельности, в том числе в области программирования. Ребята оказались в ситуации, из которой можно было выйти лишь или вернувшись на работу в государственный сектор и сесть на зарплату в 150–200 рублей в месяц, или покинуть страну, как это делали уже тысячи людей, семей, в первую очередь еврейской национальности, выехать на постоянное место жительства в Израиль. Они вместе с семьями друзей (еще три семьи) решились на выезд, о чем сообщили нам, родителям и попросили дать им письменные согласия, требуемые ОВИРом. Мы (я и Юля) не были готовы к такому обороту дела и предложили детям вернуться на работу в государственный сектор, но они категорически отказались от этого шага. Выдержали мы не более двух месяцев и дали согласие на их отъезд. В июле месяце 1990-го года, после оформления документов, пять семей, в том числе две наших сыновей, отбыли из Ташкента в Москву регулярным авиарейсом. Время было уже очень тревожным с точки зрения уголовной обстановки, особенно вокруг отъезжающих в эмиграцию. Поэтому заранее состоялся разговор с московскими друзьями, а именно, с Сашей Аксельбантом (сын моего друга адвоката Давида Марковича Аксельбанта) и Юрой Сарнэ, родным братом Адели, супруги Давида, об аренде автобуса, который встретит всю компанию в Домодедово и отвезет по местам их пребывания в Москве, а также в назначенный день соберет всех и отвезет в «Шереметьево» для отлета в Израиль через Будапешт. Семьи моих сыновей были размещены на даче Аксельбантов в «Загорянке». На следующий день в Москву вылетели и мы, я и Юля, остановились у Аксельбантов в Московской квартире на улице Самеда Вургуна. Через два дня состоялись проводы в «Шереметьево». Отправлялся специальный рейс, организованный СОХНУТОМ, но на месте оформления регистрации и багажа был полный хаос и неразбериха, который еще более подогревал слезы горечи у провожающих и отъезжающих, от мыслей о возможности уже никогда не увидеть родных и друзей. Наконец, всё улеглось, отъезжающие ушли в зал отправлений, мы, провожающие, разъехались по своим местам проживания, где ждали и дождались сообщений о благополучном прибытии к месту назначения. Мы знали, что наши семьи в Израиле будут проживать в городе Нетания, где им уже сняли в аренду первые квартиры друзья из их компании, выехавшие в Израиль несколько месяцев раньше. После проведенного в Москве и Ленинграде трудового отпуска мы вернулись в Ташкент.

В Ташкенте мы проживали уже 19 лет, работал я в филиале № 1 московского института ВНИИПротехнология, (это бывший ПромНИИпроект, ранее ГСПИ-14, а еще ранее Предприятие П/Я 1119) главным инженером проектов по НГМК, а Юлия не работала, будучи на пенсии. К обстоятельствам и времени нашего переезда в Ташкент на работу и постоянное жительство после работы в НГМК мы вернемся и подробно опишем в соответствующем месте. Шел 1990-й год. В стране, в некотором роде, царил хаос, шла приватизация, шагала инфляция, продукты питания в государственной торговле исчезали, а имевшиеся не отличались качеством. На этом фоне цены на рынках поднимались очень «бодро». Но, наша жизнь, я имею ввиду мою семью, как и большинство сотрудников и их семей нашего института и других предприятий и учреждений Минсредмаша, была более обеспечена, благодаря более высокой оплате по сравнению с аналогичными в других отраслях, и заработная плата выплачивалась регулярно, тогда как во многих промышленных предприятиях и учреждениях зарплата задерживалась на месяц-два. Жили мы в трехкомнатной квартире на третьем этаже 42-квартирного жилого дома, сданного в эксплуатацию в 1972 году, находящегося во дворе домов №№ 15 и 17 по улице Богдана Хмельницкого. Это был один из микрорайонов, выделенных для нашего института, а дом № 15 и был зданием нашего института. Институт был комплексным и состоял из проектной части, части инженерных изысканий и научно-исследовательской части. Основными объектами проектирования были три больших уранодобывающих комбината: Ленинадский горно-химический; Навоийский горно-металлургический; Киргизский горнорудный. Коллектив института численностью более 2-х тысяч человек был уже в расцвете своих возможностей и, если ранее здесь велось лишь рабочее проектирование по ранее разработанным головным, в Москве, институтом ТЭО (технико-экономическим обоснованиям), Техническим проектам (ТП), то уже в восьмидесятые годы в филиале разрабатывались, и успешно, эти стадии проектирования по многим промышленным и городским объектам. Наибольший объем проектных, изыскательских работ и научных исследований в филиале велся по объектам НГМК, где был главным инженером проектов (читай и инженерных изысканий, и научных исследований) именно я уже 16 лет. Объемы работ, оплата за них заказчиками определяли основные технико-экономические показатели работы самого филиала. Заключение договора, своевременная оплата выполненных работ имели важное значение и в большой степени зависели от взаимоотношений между заказчиком

и институтом. Главным же связующим звеном между этими двумя субъектами процесса был именно главный инженер проектов. Следует особо подчеркнуть, что должность, круг обязанностей и полномочий «Главного инженера проектов» значительно отличается при одинаковом звучании в зависимости от характера института. В специализированных институтах, как например «Теплопроект», «Сеть-проект» и подобных, главный инженер проекта административно входит в состав специализированного отдела, например, подстанций, и ведет проекты только этих объектов в составе комплексного проекта электроснабжения того или иного предприятия, то есть, его круг обязанностей и ответственности ограничен, а ответственность за проект в целом возлагается на руководство специализированного института. В комплексном же институте главный инженер проектов ведет проект во всех его частях и стадиях, отвечает за все принимаемые технические решения, технико-экономические показатели проекта и их достижения на практике, определяет необходимый характер исходных данных для проектирования, необходимые объем исследований и инженерных изысканий, сроки их выполнения, составляет «Задание на проектирование», совместно с представителем заказчика представляет последнее на утверждение вышестоящей организации, разрабатывает графики прохождения проектирования в специализированных отделах института и определяет основные технические решения на основании предложений специалистов отдела-технолога разрабатываемого проекта, определяет в необходимых случаях какие специализированные институты взять в субподряд для разработки отдельных вопросов, заключает договор с ними и т. д. и т. п. К описываемому периоду я был уже «Заслуженным инженером Узбекистана», лауреатом Государственной премии СССР, Персональным пенсионером Республиканского значения, кавалером ордена Трудового Красного Знамени, медалей, почетных знаков и грамот. У меня было три заместителя, в том числе по технологии химической и металлургической, по строительству, по проектированию городских объектов (архитектор). Подавляющее большинство сотрудников и руководителей специализированных отделов института весьма плодотворно работали со мной, понимали меня с полуслова, с удовольствием выполняли мои указания, в необходимых случаях беспрекословно выезжали в командировки на объекты НГМК, хотя не любили выезды на другие комбинаты. Сам же я не менее половины рабочих (и не рабочих) дней проводил в командировках на площадках строительства Комбината в городах Навои, Учкудук, Советабод, Заравшан, Зафарабад и довольно часто

в г. Москве, где или согласовывались материалы, или защищались проекты в головном институте, или в утверждающих инстанциях — Первом или Девятом главных еправлениях Министерства. Я имел большие преимущества в силу того, что был главным инженером проектов по комбинату, в котором проработал 10 лет на руководящих должностях в период самой большой интенсификации освоения уникальных месторождений урана «Учкудук» и «Сабырсай». Бывший директор комбината (с 1971 по 1985 г.) Петров Анатолий Анатолиевич, под началом которого я работал главным инженером Учкудукского рудоуправления, а тогда он его директором, действующий директор комбината Кучерский Николай Иванович (с 1985 года по настоящее время), в прошлом молодой специалист, прошедший школу становления в Учкудуке же и три года под моим началом, да и большинство руководителей отделов комбината и рудоуправлений ранее или работали в моем подчинении, или знали меня по работе на смежных предприятиях, оказывали мне большое уважение и не только по указанным выше причинам, но и потому, что видели во мне специалиста и руководителя болеющего за дело, не считающегося со своими личными интересами, отдающего всё для удовлетворения нужд производств. А это было мое воспитание, мой характер и желание, воспитанные примерами моей семьи и Советской властью, хотя я уже многое знал про эту власть. Кроме должностных обязанностей я еще уже много лет избирался членом парткома КПСС предприятия (института) и был заместителем секретаря парткома, возглавляя организационный сектор. Бывший директор филиала А. П. Суворов, действующий директор Ю. Я. Пытель, который был избран на эту должность по моей рекомендации, не мешали мне работать, точнее, всячески поддерживали мои предложения по организации работ, в кадровой политике и других вопросах, потому что, как правило, эти предложения были дельными, да и потому, что успешное прохождение возглавляемых мною работ для НГМК, их объем и своевременная оплата за выполненные виды работ фактически держали весь филиал «на плаву». Они понимали, что многое из сказанного является результатом энергии, опыта, высокого авторитета ГИПа, то есть моего, и в коллективах заказчика, и в институтском коллективе, и в головном институте, и в главных управлениях Министерства. И это не бахвальство, это было именно так.

Итак, вернувшись после проводов детей и внуков в Израиль, я сделал заявление директору и начальнику 1-го отдела филиала о случившемся. Я должен был это сделать, так как у меня появились родственники за границей. Дело осложнялось тем, что руководство

филиала должно было понизить мне «форму доступа к секретным материалам», а это значит, что я не смогу оставаться на занимаемой должности. Последнее никак не устраивало никого. Приняли решение – уволить меня в связи с уходом на пенсию, а со следующего дня меня зачислили заместителем ГИПа. Оформили мне лишь «форму № 3», но имелось ввиду, что я буду продолжать выполнять все действия по-прежнему как главный инженер проектов. Так и было на самом деле. У заказчика, в НГМК, о моих последних обстоятельствах знал лишь директор Н.И. Кучерский. Так продолжалось до конца 1991-го года, т. е. до развала СССР.

Весной 91-го года мы получили от одного из сыновей из Израиля гостевое приглашение. Но, при оформлении, мне органы КГБ разрешения на посещение Израиля не дали и в гости отправилась только Юлия. После развала СССР, все-таки «режимщики» как-то понизили свои требования, видно подрастерялись, не зная «куда ведет кривая», и меня опять назначили по приказу ГИПом. Я продолжал исполнять все функции на прежнем уровне. В 1992 году мы опять получили гостевое приглашение в Израиль. Меня, не без помощи авторитета Н. И. Кучерского, выпустили из Узбекистана, и я впервые выехал за границу.

Страна Израиль нам понравилась с точки зрения географии, климатических зон, красот природы, миниатюрных городков и поселков, порядка и красоты сельхозплантаций, качества автомобильных дорог и потоков автомобилей на них. Дети и их семьи тяжело приспособлялись к местным условиям, языку, но с каждым месяцем они, всё же улучшали свои материальные и бытовые условия за счет многочасовых режимов работы, учебы, упорства и на базе накопленных еще в СССР знаний и умений. Об Израиле сейчас распространяться не буду, это тема другая, большая и неоднозначная. Если Бог даст, то после завершения задуманных книг под общим названием «Взгляд изнутри», опишу и житие-бытие в Израиле.

С начала 1992 года Узбекистан, как и все бывшие Союзные Республики СССР, оформился в самостоятельное государство. На территории Узбекистана находились и успешно действовали несколько крупных промышленных и строительных предприятий бывшего теперь Минсредмаша СССР:

– Навоийский горно-металлургический комбинат, крупнейший поставщик уранового концентрата и валютного золота в бывшее советское государство, разрабатывая уникальные урановые месторождения Учкудук, Сабырсай, Букинай, Кетменчи, Сугралы, уникальнейшее и крупнейшее месторождение золота Мурунтау и менее

крупные, но своеобразные, месторождения золота Кокпатас и Дау-гызтау, и содержащий города Навои, Заравшан, Учкудук, Советабад, Зафарабад.

– Навоийское Управление Строительства, подчинявшееся 10-му главному управлению Минсредмаша.

– Трест механомонтажных работ со своей прекрасно оборудованной базой по изготовлению емкостей и других заготовок, а также выпускающая готовые мини-молочные заводы для животноводства, разработанные в тресте в порядке конверсии оборонных ведомств, подчинявшийся 12-му главному управлению Минсредмаша.

– Красногорское рудоуправление с городком, подчинявшееся ЛГХК.

– Филиал №1 института ВНИПИПромтехнологии, подчинявшийся 9-му главному управлению Минсредмаша.

– Каттакурганский кирпичный завод, подчинявшийся 13-му главному управлению Минсредмаша.

– Среднеазиатская контора материально-технического снабжения (КМТС) в г. Ташкенте с большой прирельсовой базой.

Президент Узбекистана по предложению Руководства НГМК и с согласия первых руководителей указанных объектов принимает решение создать государственный концерн, объединяющий все предприятия и учреждения бывшего Минсредмаша СССР. Я был участником учредительного совещания в г. Навои, в управлении НГМК, которое проводил Н. И. Кучерский. На совещании единогласно проголосовали за объединение, утвердили устав концерна. После обсуждения нескольких предложений по названию приняли мое предложение назвать концерн «Кызылкумредметзолото», выбрали правление концерна и его председателя, которым стал Н. И. Кучерский, ревизионную комиссию, председателем которой избрали меня.

Примерно с марта–апреля 1992 года золото, выпускаемое золотоизвлекательным заводом ГМЗ-2 Центрального рудоуправления в виде золотых слитков с содержанием 99,99%, перестали отправлять в Москву, а вывозили в очень короткие сроки запроектированное и сооруженное спецхранилище Гохрана в г. Ташкенте. Президент Узбекистана И. А. Каримов понимал, что многотысячный коллектив (более 45 тысяч), созданный в суровых условиях пустынных и полупустынных районов Узбекистана, вырастивший тысячи прекрасных и опытных инженерных кадров и рабочих специалистов, промышленный потенциал всех производств, инфраструктура городов и рабочих поселков НГМК являются главным флагом под-

держания и дальнейшего развития добывающей и металлоперерабатывающей отраслей самостоятельного Узбекистана, что ни в коем случае нельзя допустить снижения производительности и объемов выпуска золота и урана, являющихся источниками поступления в закрома республики валюты, полностью поддержал предложения руководства концерна о порядке распределения прибылей и финансирования нужд НГМК. Было издано специальное постановление правительства Узбекистана по этим вопросам. Правлению концерна были предоставлены большие полномочия, а его председатель, Н. И. Кучерский получил ранг министра.

Более подробные обстоятельства состояния дел во вновь организованном государстве Узбекистан в период, начиная с Горбачёвской перестройки, попыток передела собственности, перевода многих, или большинства предприятий и производств оборонной промышленности СССР на «мирную» продукцию, что называли «конверсией», разгулявшегося беспредела уголовщины будут, по мере моих возможностей, освещены в дальнейших моих писаниях в хронологическом порядке, который мною принят для воспоминаний.

Ну, а жизнь в Узбекистане, как и во всех Странах, входящих в сообщество, названное СНГ, ухудшалась, многие промышленные предприятия резко уменьшали объемы выпускаемой продукции, из-за нарушившихся связей с объектами, поставляющими сырье и комплектующие изделия, и с объектами, приобретающие готовую или промежуточную продукцию Узбекских предприятий, находящихся в России и других Странах СНГ, резко уменьшился объем капиталовложений в строительство и расширение производств и городов, соответственно, и объемы проектирования. Многие проектные институты сокращали трудящихся. Наш институт отделился от головного в Москве и стал называться СредазНИПИпромтехнологии. Объемы изысканий, проектирования и других видов работ и в нем сокращались, сокращалось и количество работающих в Институте за счет уходящих на пенсию, вместо которых уже не принимались вновь работники. Вместе с тем, именно наш институт стал приобретать наибольший авторитет в стране тем, что очень успешно, оперативно проектировал объекты расширения, реконструкции и нового строительства действующего золотоизвлекательного ГМЗ-2, объекты возобновленного строительства золотоизвлекательного завода в Учкудуке – ГМЗ-3, взятых под особый контроль правительством республики, многих объектов конверсии на рудоуправлениях комбината и концерна. Правительство Республики стало привлекать наш институт к проектированию других, не связанных

с концерном, промышленных объектов. В институте осталось лишь одно, мое подразделение ГИПов, т. е. проектирование шло только под моим техническим и организационным руководством. Так, мы стали генеральным проектировщиком крупного комплекса по добыче сырья, переработки и выпуску соды, весьма необходимой для других промышленных производств Узбекистана. Сырьевая база этого производства находится в пустынных и отдаленных районах республики, в Каракалпакской зоне, где необходимо было еще и создавать базы строителей, кроме того, были значительные проблемы экологического свойства по расположению и захоронению отходов, «хвостов», этого производства. Получил я приглашение и от директора Алмалыкского горно-металлургического комбината Виталия Николаевича Сигедина на участие в проектирование реконструкции, расширении и техническом перевооружении отдельных объектов комбината, на что руководство института по моему предложению отнеслось весьма положительно. С В. Н. Сигединым мы были знакомы уже много лет по прежней работе в НГМК, о чем читатель узнает в свое время. Таким образом, объем работ в группе ГИПов не только не уменьшался, а и возрос. Выросла и моя значимость, и авторитет во всех кругах моего общения. Зачастую Н. И. Кучерский поручал мне участвовать в совещаниях, проводимых на уровне замов предсовмина республики в Ташкенте, по отдельным вопросам состояния строительства объектов фосфоритового производства и другим.

Полным ходом шли переговоры между НГМК (по согласию президента) и рядом фирм США о создании совместного производства по кучному выщелачиванию золота из забалансовых руд карьера Мурунтау. Отвалы убогих по содержанию золота в них руд складировались в отдельные места, по ним имелись все необходимые характеристики. Они не имели балансовой стоимости, так как все затраты по их разработке, транспортировке и складированию были уже законно списаны на себестоимость добычи балансовых руд. К этому времени исследования и практика извлечения из таких руд золота методом «кучного выщелачивания» имелись и на НГМК, и на предприятиях известной корпорации «Голд ньюмент» в США. Широкому развитию этого метода еще в СССР и после его распада мешало отсутствие необходимых специальных материалов, некоторых специальных инструментов и приспособлений для выполнения обязательных условий защиты окружающей природной среды, в связи с применением в процессе цианистого натрия и других вредных компонентов. А в США такие материалы и приспособления уже

широко изготавливались и применялись на практике, с одной стороны, а второе и не менее важное, это необходимость значительных капиталовложений в создание упомянутого производства, а свободных средств в Узбекистане, как понятно, не было. Переговоры, а их по поручению правительства Узбекистана, вели Министерство геологии Узбекистана и НГМК, с одной стороны, и корпорация «Голд Ньюмент» и привлекаемые ею другие финансовые партнеры, с другой стороны, были долгими, почти два года, но закончились подписанием соответствующих договоров и контрактов. В соответствии с договорами доля вклада в совместное производство со стороны Узбекистана составляли «убогие руды», а «Голд Ньюмент» полностью покрывала необходимые расходы на строительство и технологическое оборудование. Мощность предприятия была определена в 10 миллионов тонн переработки руд в год. Полученное от переработки этих руд золото делилось пополам между учредителями, т. е. 50% Узбекистану, 50% – «Голд Ньюменту».

«Голд Ньюмент» – заказчик – для осуществления строительства наняла в качестве Генерального подрядчика тоже известную фирму в США «Бейтман», которая должна была запроектировать, построить и сдать объект «под ключ» заказчикам. Проектирование велось в США, но на правах субподряда «Бейтман» привлек к проектированию всех внешних коммуникации к объекту наш Институт, и я стал непосредственным участником этого процесса. Объект должен был строиться вблизи забалансовых отвалов, т. е. на промышленной площадке карьера Мурунтау, где имелись специфические климатические, почвенные и прочие условия, с одной стороны, а с другой стороны, в Зеравшане имелись мощное строительное управление концерна и крупные подразделения монтажного треста концерна «Кызылкумредметзолото», которые фирма «Бейтман» и взяла в субподряд для непосредственного осуществления строительных и монтажных работ запроектированного объекта. В процессе проектирования возникали необходимость увязок вопросов строительных норм (различных в США и в Узбекистане), разработки графика производства строительных работ и связанных с этим сроков и способов доставки на строительную площадку материалов и оборудования и многих других. И вот, осенью 1993-го года Н. И. Кучерский отправил группу специалистов в составе заместителя директора комбината по капстроительству А. В. Ращупкина, ГИПа СредазНИПИПромтехнологии Л. Б. Бешер-Белинского, начальника монтажного треста «Югпроммонтаж» В. Е. Гудсона, главного инженера Зеравшанского управления строительства В. Я. Насибулина,

начальника сметно-экономического отдела ЗУСа В. Л. Дмитриева, для решения и согласования ряда вопросов, возникших в последней стадии проектирования, и организации непосредственно строительства с целью осуществить его за предусмотренный проектом срок – 14 месяцев. Главные офисы генподрядной фирмы «Бейтман» и корпораций «Голд Ньюмент» находились в городе Денвер, штат Колорадо, куда мы и отправились на 16 дней с полетом через Турцию, Истамбул. Подробности нашего пребывания в США, моей первой и последней командировки в настоящий капиталистический мир, опишу в соответствующем месте, сейчас скажу лишь, что запроектированное предприятие «Заравшан-Ньюмент» по переработке убогих золотых руд карьера Мурунтау было построено и сдано в эксплуатацию ровно за 14 месяцев, в соответствии с разработанным в период нашего пребывания в США графиком строительства. Знакомство же мое с капиталистической системой хозяйствования, образом жизни, социальной сферой и т. п., а я очень интересовался всем этим, окончательно просветило мои познания и подтвердило преимущества «загнивающего» перед «светлым будущим коммунизма».

В Узбекистане же высокими темпами шла инфляция, остановка многих промышленных предприятий, были изданы указы о переводе всей документации, переписок и т. п. на узбекский язык. Начался и продолжался отток русскоязычного населения, стояли громадные очереди в Российское посольство для оформления российского гражданства. Это коснулось и нашего института, да и всех других предприятий концерна. Жизнь становилась более сложной, мой возраст шел к семидесяти, других перспектив объединения с семьями сыновей не просматривалось, а стоимость и возможность ежегодных поездок в Израиль ухудшались. Мы приняли решение об отъезде на постоянное место жительства (ПМЖ) в Израиль. О принятом решении я заявил Н. И. Кучерскому и директору Института Ю. Я. Пытелю. Оба руководителя выразили сожаление, но не препятствовали такому моему шагу. Мы подали документы на оформление, а в конце мая 1995-го года был издан приказ о моем увольнении. Официально было заявлено, что я ухожу на пенсию.

На проводы, которые устроили в зале столовой института, приехал из Навои Н. И. Кучерский, с ним более 20-ти руководящих сотрудников НГМК и концерна, начальники отделов, главные специалисты, знавшие меня много лет. В зале присутствовали и более сорока сотрудников института. Вел собрание Ю. Пытель, а первым Николай Иванович зачитал адрес комбината и вручил мне памятные

подарки. Было высказано много хороших слов и посланий в прозе и стихах от многих сослуживцев и коллективов. Вечер прошел в очень хорошей атмосфере.

Все необходимые оформления прошли, мы получили новые паспорта республики Узбекистан, по которым можно было выезжать, и спецрейсом, организованным агентством «Сохнут», 22.06.95 вылетели в Тель-Авив. К автобусу, выезжавшему с нашего двора, на котором нас везли в аэропорт, вышло пол института проводить меня, мою семью, и долго размахивали прощальным жестом.

Через несколько часов мы приземлились в аэропорту Бен-Гурион и стали гражданами Израиля. Мы здесь же, в аэропорту, изменили фамилии на новую – Бен-Шир, я вместо Бешер-Белинский, а Юлия вместо Шатуновская. Это пришлось сделать потому, что наши дети, прибыв в Израиль в 1990-ом году, взяли эту фамилию Бен-Шир (в переводе с иврита – Сын Песни).

Сегодня 22.06.04, ровно девять лет мы проживаем здесь, в городе Нетания, красивом курортном, на берегу Средиземного моря в съемной трехкомнатной квартире в самом центре, у площади Независимости. В этом же городе проживает семья нашего старшего сына Бориса, довольно успешно вписавшегося благодаря упорному труду в программистскую среду. Дочь его (наша старшая внучка) Ирина успешно окончила среднюю школу, отслужила (2 года) в Армии Оборона Израиля, окончила Хайфский Технион (первую степень – бакалавра) и также успешно учится там же на вторую степень. Сын его, Юрий (наш внук) окончил среднюю школу, отслужил 3 года в боевых частях Армии Оборона Израиля, в этом году демобилизовался и готовится поступать на учебу в университет. Младший сын, Виктор Бен-Шир, прожив и проработав в Израиле почти 7 лет, решил и осуществил переезд на работу в США, где уже находится 7 лет, получил грин-кард, успешно работает в солидной программистской фирме, живет в штате Мериленд, вблизи Вашингтона. Старшая его дочь, Элина, закончив в Израиле специальную среднюю школу с художественным уклоном, поступила, а в этом году закончила 4-летний колледж при Художественной Академии в Вашингтоне по специальности «Компьютерный дизайн» и работает по специальности. Младшая его дочь, Лия, успешно закончила среднюю школу в США, поступила и окончила в этом году два курса Мерилендского университета по специальности «международный бизнес». Мы с Юлией много в эти годы объездили прекрасных мест в Израиле в рамках экскурсий, многое узнали об этой чудесной во всех отношениях стране, приспособились к местным условиям,

очень слабо (возраст) освоили язык иврит, имеем определенный круг общения, друзей из стран бывшего СССР, боремся с некоторыми и возрастными, и приобретенными еще в прежней жизни недугами, с которыми местная, неплохая медицина пока справляется. Благодаря семье нашего сына Виктора мы уже четырежды побывали в США по полтора месяца. В течение этих пребываний поехали много по восточным и юго-восточным штатам, Нью-Йорку, Вашингтону, Канаде и имеем значительный объем впечатлений от увиденного и пережитого. Об этом отдельный рассказ. Виктор же подарил мне новый персональный компьютер, который мы привезли в Израиль, я его в определенной степени освоил и возникло желание описать свои воспоминания, чем и занимаюсь в свободное время (часа по два-три в день, но не систематически). Пишу «сходу» без черновиков, только по памяти, никаких записей, дневников не вел и не имею.

За прошедшие девять лет я дважды побывал в Узбекистане, благодаря тому, что многие друзья-товарищи, ветераны НГМК и, в первую очередь, действующий, третий по счету, директор НГМК, он же председатель совета концерна «Кызылкумредметзолото» Николай Иванович Кучерский помнят меня и мой вклад в становление и развитие этого уникального предприятия и официально приглашали меня на торжественные празднования юбилейных дат – 40-летия в 1998 году и 45-летия в 2003 году – со дня образования комбината. Все расходы по транспорту, проживанию и питанию нес НГМК. На эти праздники приглашались многие ветераны комбината, проживающих в разных теперь странах СНГ, и только я из страны дальнего зарубежья. Праздники эти проходили очень торжественно, красиво, организованно, на фоне больших успехов, достигнутых современным коллективом НГМК, и, главное, эмоционально, «со слезинкой на глазах» у ветеранов, вспоминающих свои молодые, полные энергии, инициатив годы и «ушедших» друзей и товарищей».

ГЛАВА 1

Некоторые уже традиционные отступления

В Израиль мы прилетели 22 июня 1995 года, в день 54-й годовщины начала Великой Отечественной войны. В терминале аэропорта «Бен-Гурион» нас проводили в спецзал, где в процессе продолжавшихся два-три часа оформления документов, мы получили «теудат оле» с измененными на «Бен-Шир» фамилиями, небольшую сумму наличных денег, номер счета в банке, на который поступил первый взнос полагающейся «корзины» помощи репатриантам. В зале прилетов нас встретили сыновья Борис и Виктор и доставили нас в город Нетания, где они жили со своими семьями уже пять лет. После трехнедельного проживания в семье Бориса удалось, благодаря помощи нашей невестки Ольги, снять трехкомнатную (салон и две спальни) квартиру в самом центре города. Нам повезло, мы и до сих пор (более 10 лет) живем в этой квартире, тогда как многим репатриантам за такой срок пришлось менять места жительства неоднократно. Сыновья нам приобрели две односпальные кровати, стол и два стула «олимовского стандарта», а в течение полумесяца мы купили новые холодильник, стиральную машину и платяной шкаф на средства, выделяемые репатриантам на такого рода первые приобретения. В дальнейшем необходимые для обустройства пустой квартиры предметы постепенно мы «приобретали» из отслуживших и выставляемых старожилами на тротуары и покупкой подержанных же на имевшихся в городе нескольких складах, куда их в благотворительных целях сдавали «ватики» (старожилы) и «сабры» (родившиеся на земле «Ерец Исраэль»). Так здесь было принято и не вызывало каких либо стеснительных комплексов.

С сентября Юлия и я начали учебу в «ульпане» – это система специальных школ по изучению языка иврит с разными програм-

мами и требованиями в зависимости от возраста и начального уровня знания языка. Естественно, что мы были в возрастной группе пенсионеров, вернее получающих пособие по старости. В таких группах курс продолжался 8 месяцев, в отличие от групп до пенсионного возраста, где учили лишь 5 месяцев. Закончили ульпан, не постигнув языка, но все-таки имея представления о нем и запомнив несколько десятков наиболее употребляемых в быту слов и выражений. В нашей группе было 30–35 слушателей, прибывших в Израиль из разных городов и теперь уже стран бывшего СССР, с которыми обмениваемся стандартными фразами при встречах. Из числа «сокурсников» у нас сложились устойчивые дружеские отношения лишь с Раей Штаймазен, инженером-связистом из Ленинграда и с Еленой Крайман, актрисой и режиссером драмтеатров, репатрировавшейся из Киева. Родители одного из друзей и сослуживцев нашего сына Бориса – Саня и Юрий Богуславские, бывшая адвокат из Москвы Роза Элинсон, Рая и Елена составляют наш ближайший круг общения. Мы дружим, обязательно отмечаем семейные праздники – дни рождения, государственные праздники Израиля и привычные советские, просто заходим на «огонек» и «погугорить». По мере старения, к сожалению, частота встреч уменьшается.

Возникающие у нас проблемы активно помогают решать наши сыновья, невестки, которые, по правде говоря, трудятся очень напряженно и заняты своими многочисленными проблемами и воспитанием детей. Внуки уже подросли за пять лет пребывания в Израиле до нашего приезда, и все очень неплохо учатся в школе. Очень тяжело было семьям в первый период их пребывания здесь, когда дети были малыми, особенно у младшего сына, Виктора, а работать необходимо было с утра и до вечера, чтобы обеспечить питание и оплату съема квартир. Шестилетняя Лия и восьми с половиной летняя Элина самостоятельно приходили домой и «хозяйничали» по своему разумению до прихода родителей в 20–21 час. Самой большой проблемой для нас, как и для всех новых репатриантов – «алимов», было посещение госучреждений, банка, больничной кассы (поликлиники), где практически не было русскоязычных служащих и требовался переводчик.

Несмотря на то что мы уже побывали в Израиле до приезда на постоянное жительство – Юлия четырежды, а я дважды – нас поражали переполненные товарами бесчисленные магазины и магазинчики, особенно одежды и обуви, и мы никак не могли понять, кто и когда раскупит эти залежи товаров. Не менее чудесными для нас были картины природы, быстро меняющиеся по мере продвижения

на автомобиле (или автобусе) на север или юг ландшафты от похожих на украинские и среднерусские лесостепные и до северокавказских предгорных или среднеазиатских полупустынных и пустынных. Не верилось, что улаждающие глаз лесонасаждения долин, предгорий и гор рукотворны и сделаны еврейскими поселенцами еще до создания Государства Израиль, а затем государственным объединением «Керен каemet бе Исраэль». Радовали глаз и возбуждали внутреннее чувство гордости за еврейских крестьян прекрасно ухоженные поля, где выращивались кукуруза, подсолнухи, хлопок, пшеница, ячмень, овощи и бахчевые культуры, фруктовые сады и многочисленные плантации цитрусовых (пардесы) и вызывало удивление видимое отсутствие работающих на них людей или иногда работающего механизма. Как создаются леса, мы узнали из собственного опыта после того, как нас, учащихся ульпана, в начале первой весны нашего пребывания в Израиле в феврале 1996 г. вывезли в район горы Кармель, где мы приняли участие в праздновании «Нового года деревьев» – «Ту би шват» на иврите – и посадили по десятку деревьев. В этот ежегодный праздник десятки тысяч израильтян на собственных машинах или общественном транспорте выезжают семьями на природу и высаживают заранее приготовленные работниками «Керен каemet...» саженцы тех или иных сортов, а после этого отдыхают, жарят шашлыки, дети резвятся, играют в разные игры, компании распевают песни, идут громкие разговоры на разные темы, дебаты и на политические темы. Во многих местах страны в лесах и других пригодных зонах созданы для таких прогулок и отдыха условия, здесь имеются столы со скамьями, очаги для разведения огня, краны питьевого водоснабжения, мусоросборники, туалеты, причем, все это содержится в весьма удовлетворительном состоянии, к чему мы, бывшие граждане СССР, не привыкли. В каждой семье наших сыновей было по малолитражной автомашине, на которых главы семейств добирались до работы и обратно. Довольно часто по выходным (пятница – суббота) в первые годы нашего пребывания сыновья старались вывозить нас в разные районы страны. В процессе этих прогулок мы любовались и красотами природы, и замечательными автодорогами, и красивыми утопающими в зеленых насаждениях городками, поселками kibbutz или мошавов, неповторяемой архитектурой жилых, служебных и промышленных зданий в них. По мере нашего освоения здесь мы уже самостоятельно приобретали путевки на однодневные экскурсии по разным маршрутам и таким образом познакомились со многими историческими местами и легендами о них, природными

аповедниками в разных климатических зонах с разнообразными экзотическими растениями и животным миром. В первые пять лет мы не менее одного раза в месяц участвовали в экскурсионных поездках и убедились, что в этой маленькой стране сосредоточено такое число и значимость исторических событий, как ни в одной другой, и невозможно увидеть и познать все за многие годы жизни здесь. Конечно самое сильное впечатление оставляет Иерусалим, где сконцентрированы памятники значимых событий истории еврейского народа и государства и истории трех религий, признаваемых большинством цивилизованной части человечества. Каждый раз при въезде в Иерусалим внутри тебя возникает какое-то особое чувство чего-то возвышенного, незнакомого состояния, не возникающего ни при каких других обстоятельствах. Особенно остро это чувство при первом посещении этого чудо-города! С чем это связано!? То ли действительно здесь есть «географические аномалии», то ли это навеяно передающимися из поколения в поколение в среде изучающих постулаты религий ортодоксов и известных большинству цивилизованных людей легенд и положений о святости этих мест и ценности созданных здесь реликвий.

Большой интерес вызывают и неизгладимые впечатления оставляют и современные музеи, такие как «Яд вашему», музей танковых войск в Латруне, музей ВВС Армии Обороны Израиля, расположенный южнее города Беер-Шева.

Впечатляет особое положение и отношение к Армии обороны Израиля со стороны граждан страны. Всеобщая воинская обязанность, по которой должны отслужить три года юноши и два года девушки с 18 лет отроду (после окончания среднего 12-летнего обучения), поддерживается подавляющим большинством населения. Военные базы и территории воинских частей располагаются во всех регионах и, как правило, состоят из временных легких сооружений, нет привычных для нас, бывших Советских граждан, казарм и прочих капитальных сооружений. В силу этого стирка обмундирования, постельных принадлежностей лежит на обязанности самих солдат и офицеров и выполняется во время их отпусков на побывку домой. А такие побывки в «мирное время» предоставляется солдатам не реже, чем раз в две недели, иногда и чаще в зависимости от рода войск и конкретно выполняемых задач в данное время. На побывку солдаты уходят с личным боевым оружием и при полном рюкзаке с вещами для стирки. Где бы вы не были, на улицах, в общественном транспорте, повсюду вы встречаете таких «отпускников», вид которых вызывает умиление и какое-то сочувствие вместе с гордостью

за армию, не раз подтвердившую свою боеспособность и умение противостоять врагу и агрессору. «Мирное время» я взял в кавычки потому, что никакого такого времени в течение 10 лет нашего пребывания в Израиле, до этого и, думается еще многие предстоящие годы, не было и не будет. Фактически идет перманентная война с террористами, вернее сказать с бандитским руководством так называемой «палестинской автономии», созданной левыми политическими деятелями Израиля под давлением США и ЕС, заигрывающими с арабским миром в силу полной зависимости от последнего в поставках стратегического сырья – нефти. Большинство правителей арабских «нефтеносных» государств, их идейные исламистские фундаменталисты на почве этой зависимости с каждым годом нагнетают в своих замыслах и, если западный цивилизованный мир не сумеет освободиться от этой зависимости путем создания альтернативных энергоисточников, куда следует более энергично вливать большие денежные ресурсы в ближайшие десятилетия, то будет поздно.

Со второго года жизни в Израиле мы стали получать пособие по старости от ведомства национального страхования («битуах леуми») и пособие на съём квартиры от министерства строительства. Пособие на съём квартиры покрывает лишь менее половины фактической оплаты, поэтому вторую недостающую часть приходится извлекать из пособия по старости, а это составляет половину последней. Чтобы уложиться в бюджет мы стараемся, особенно в первые годы, максимально ограничивать расходы на питание и другие хозяйственные покупки. Основные продуктовые товары приобретаем на нашем городском рынке, где цены в полтора, а то и в два раза дешевле, чем в супермаркетах. Сыновья в первые полтора-два года помогали нам относительно небольшими суммами, что нам не очень хотелось – ведь мы не привыкли к такому положению, всегда ранее сами помогали детям становиться на ноги. Со временем мы адаптировались к существующим условиям, научились укладываться в свой бюджет и даже позволяем себе иногда делать покупки деликатесов и довольно хороших вещей, покрывая такие дополнительные расходы из небольших «запасов», привезенных с собой и полученной мною германской компенсации за урон от эвакуации во время ВОВ. Стараемся вести активный образ жизни, встречаемся с друзьями, отмечаем семейные даты за довольно обильными и красивыми застольями. Круглые юбилейные даты отмечаем с друзьями даже в ресторане. В Израиле сложилась замечательная, на наш взгляд, традиция, дающая возможность широко отмечать

торжественные семейные праздники (свадьбы, бар(бат)мицвы, юбилейные дни рождения и др.) в ресторанах, залах торжеств, несмотря на солидную стоимость таких мероприятий. А возможность осуществлять это для семейств со средним и даже минимальным доходом позволяет то, что подавляющее большинство приглашенных в виде подарка вручают виновникам торжества наличные деньги примерно в размере стоимости места в ресторане. Так мы отметили семидесяти- и семидесятипятилетние юбилеи мои и Юлины. Таким образом, несмотря на текущие немалые коммунальные расходы, заметные расходы на приобретение лекарств, государственные пособия по старости обеспечивают приличное существование стариков, если рачительно вести домашнее хозяйство. Питаемся мы не хуже, а может быть и лучше, чем в бывшей советской жизни, где имели доходы по тем меркам выше средних. Постепенно мы обставили квартиру мебелью за счет отданных нам уехавшей из страны в США семьи Виктора и покупки новых других предметов в торговой сети. Любительница «покопаться в земле» и разводить цветы Юля создала «зимний сад», круглый год украшающий своей зеленью, попеременно благоухающей цветущими разностями, салон нашей квартиры.

Через два года нашего пребывания в Израиле младший сын Виктор заявил об его отъезде в США, где хочет попробовать свои силы в области программирования пока не перевалил за 45-летний возрастной рубеж. Улетел по годовому контракту с Израильской фирмой, давшей ему рабочую визу, через год перешел на работу уже в Американскую фирму, через год в более солидную фирму, производящую программную продукцию, где за прошедшие годы приобрел значительный авторитет и продолжает трудиться в должности «Sr. Manager» с довольно солидным даже по Американским меркам материальным содержанием. Две его дочери (наши внучки), несмотря на вторую абсорбцию очень успешно адаптировались, освоили английский язык и с высокими оценками закончили среднее образование. Старшая Элина закончила колледж с «красным дипломом» в Вашингтоне в 2005 г., получив звание бакалавра по специальности компьютерный дизайн и графика, а младшая заканчивает в 2006 году Мерилендский университет по специальности «международный бизнес».

Старший сын Борис продолжает трудиться в Израиле, где благодаря незаурядным способностям и упорству в труде достиг определенных высот, руководит большой группой программистов в одной из успешных Израильских фирм, семья его приобрела в собствен-

ность четырехкомнатную квартиру в центре города Нетания (с помощью банковской ссуды «машканты»). Его дочь (наша старшая внучка) Ирина, отслужив 2 года в Армии обороны Израиля, успешно закончила первую степень (бакалавра) в Хайфском Технионе, продолжила учебу и в 2006 году закончила вторую степень по специальности «химия органических веществ», продолжает Технионе работу и учебу на докторскую степень. Сын сына и наш внук Юрий, отслужив 3 года в боевых частях Армии обороны Израиля после завершения среднего образования, работает в одной из телевизионных фирм и готовится к поступлению в Хайфский Технион. Супруга Ольга ведет домашнее хозяйство.

Страна Израиль нам нравится, мы полностью адаптировались здесь, это наша страна со всеми ее сложностями и недостатками. Уделять время и место внутри- и внешнеполитическому положению мне не хочется, да и не имеет отношения к характеру моего труда. Подчеркну лишь, что я и Юлия не состоим ни в какой из многочисленных политических партий, но придерживаемся «правых» (по местному делению) взглядов и поддерживаем жесткую позицию по отношению к террористическому руководству ПА, уступать которому нельзя ни по каким требованиям, в том числе в создании Палестинского государства. «Контролируемые» (или «оккупированные» по арабской терминологии) территории должны быть разделены между соседними арабскими Государствами – Иорданией и Египтом. Никакого «палестинского народа» никогда не было, это изощренная выдумка.

В феврале, 5-го дня мне исполнилось 80 лет. Юбилей отметили 11-го числа, в субботу в симпатичном ресторанчике на центральной площади Нетания в кругу почти сорока гостей – родных, родственников, друзей, в том числе прибывших из разных городов Израиля и даже из США – сын Виктор, из Германии – вдова Адель Аксельбант-Сарне. Меня поздравили через интернет и почту руководители НГМК из Навои, Московского института НИПИпромтехнологии, Ташкентского СредазНИПИпромтехнологии и многие бывшие сослуживцы и друзья из многих городов бывшего СССР.

На этом закончу отступление и начну воспоминания в ускоренном темпе – время поджимает!

ГЛАВА 2

Первые шаги на новом месте и виде деятельности.

Прилетел в Ташкент из Навои 11 октября 1971 года. Юлия осталась в Сабырсае, оба сына в Ярославле, где Виктор учится в 10 классе, Борис студент третьего курса в Технологическом институте. Отправляюсь к маме, которая живет в центре города во вновь отстроенном после землетрясения украинскими строителями районе, названном «Украина», в однокомнатной квартире на 4 этаже дома, окна которого «смотрят» прямо на корпуса престижной тогда средней школы № 110. Облик Ташкента изменился, в центре исчезла улица Самаркандская, которая вместе с бывшей улицей им. Ленина стала широким Ленинским проспектом с расположенными в бульварной части сквером, а в нем кафе, шашлычные в оригинальной архитектуре с элементами многовековой местной традиции голубых куполов, далее гостиница «Ташкент», за ней очень красивое, облицованное ажурными мраморными конструкциями здание музея Ленина. Исчезли многие улочки и переулки одноэтажных, глинобитных домиков с двориками района «кашгарки», на месте которых возникли четырех – пятиэтажные и отдельные девятиэтажных кирпичные и железобетонные многоквартирные жилые дома и административные здания. Продолжалось строительство новых районов «Юнусабад», «Каракамыш», «Чиланзар». Многие строительные организации, присланные для восстановления Ташкента после землетрясения из разных Союзных республик, остались в Ташкенте вместе со строительной техникой и значительным числом кадров строителей, решивших стать жителями Ташкента. В районе Центрального сквера силами строительных и монтажных организаций Минсредмаша продолжалось возведение многоэтажного здания гостиницы, названной после сдачи в эксплуатацию «Узбекистан»,

расположенной вдоль четверти окружности сквера между улицами «Пушкинская» и им. Карла Маркса, с широким ансамблем очень пологих лестничных маршей, ведущих к центральному входу, возвышающемуся над уровнем проезжей части улиц. Я, хорошо знавший географию Ташкента времен ВОВ и послевоенного периода жития и учебы в институте, трудно ориентировался в нем. Приходилось даже спрашивать иногда как проехать в тот или иной район.

Филиал № 1 московского института ПромНИИпроект находился на улице им. Богдана Хмельницкого в доме № 15. Это четырехэтажное довольно внушительное по длине фасада серое здание с большими оконными проемами, длинным и крутоватым лестничным подходом к центральному входу, выполненному солидными деревянными конструкциями, без вывесок о его принадлежности (режим секретности) сразу же вызывало мнение у проходящих о принадлежности к «закрытости» учреждения в нем находящегося. Вход на первый этаж из просторного вестибюля преграждал турникет, у которого дежурил милиционер – вход только по пропускам. Звоню из находящегося в вестибюле телефона начальнику филиалу Афанасию Павловичу Суворову, который присылает к посту охраны сотрудника 1-го отдела (режимного) и меня сопровождают в кабинет Суворова. Мы знакомы уже много лет, но никогда не встречались в неофициальной обстановке. Несмотря на довольно широкую улыбку на лице Афанасия Павловича, разговор идет довольно сухо и формально. Условия моей работы уже оговорены в письме Суворова с приглашением на работу в филиале, и это подтверждается в изданном в этот же день приказе о моем назначении начальником горного сектора во 2-м отделе (горном) с окладом 200 руб. в месяц и выплатой подъемных расходов на переезд. Мне предлагается для временного жилья комната в общежитии, находящемся на втором этаже дома № 17 по ул. Богдана Хмельницкого. Я согласился, хотя большую часть свободного от работы и командировок времени до вселения в выделенную мне 3-х комнатную квартиру проводил у мамы, что доставляло ей громадную радость. А сдача в эксплуатацию панельного 4-этажного дома по ул. Зольная дом № 3, где и была квартира под № 42, намечалась на декабрь 1971 г.

Суворов пригласил к себе начальника отдела № 2 Николая Степановича Прокопенко, с которым я и явился к месту моей будущей работы. Сотрудники горного отдела располагались на втором же этаже в нескольких комнатах. На втором этаже также размещались, кроме руководства филиала, основные управленческие службы (планово-производственный отдел с диспетчерской группой, бухгалтерия,

режимно-секретный отдел, отдел кадров) и проектные отделы, наиболее связанные с секретной документацией – горный, технологический, генплана и транспорта, группа экономических обоснований – и кабинеты главных инженеров проектов. Чтобы в дальнейшем были понятнее читателю многие излагаемые положения подробнее расскажу об основной структуре и составе Филиала.

Руководство Филиала, его начальник А. П. Суворов, главный инженер В. Д. Николаев управляли тремя структурными подразделениями: инженерно-геологических изысканий, проектирования, научных исследований.

Инженерно-геологические изыскания возглавлял Г. А. Андреев, старейший сотрудник этого подразделения, созданного до организации Филиала и именуемого тогда п/я 505, мрачноватый на вид, мало разговаривающий тихим голосом, но уверенно, небольшого роста солидный человек. Он вел себя независимо сообразно тому, что изыскательские работы в денежном выражении к этому времени составляли наиболее весомый вклад в объемы работ, выполняемых филиалом. Кроме геологического, топогеодезического отделов и грунтовой лаборатории, размещающихся в Ташкенте, в составе подразделения находились несколько экспедиций и партий инженерно-геологических изысканий, в том числе № 18 с базой в г. Навои.

Научно-исследовательский отдел (НИО) возглавлял кандидат технических наук П. Д. Шилов (мой однокашник) и в его составе действовало несколько исследовательских лабораторий (горная, гидротехническая, геофизики и др.) Руководство и лаборатории размещались на ул. Волгоградской, где находились и автобаза, и склады материально-технического снабжения филиала. Здесь в свое время были построены первые производственные и два жилых строения созданного филиала № 1, и он (филиал) свою деятельность начал отсюда.

Вопросами материально-технического снабжения, транспорта, быта управлял заместитель директора по общим вопросам, которым был В. А. Погодаев.

Проектная часть филиала состояла из специализированных отделов, основными из которых являлись №2-4 (горный), №3 (технологический) определяющие главное направление и специализацию всего института – проектирование строительства и эксплуатации горнодобывающих предприятий и объектов первичной переработки (химическому, металлургическому и др. способам обогащения и извлечения) руд. Отдел № 5 (строительный), №6 (энергетический), № 9 (сметный и бюро экономических расчетов и обоснований),

№ 10 (водотеплоснабжения и канализации, вентиляции), № 14 (генплана и транспорта), № 15 (архитектурно-строительный – проектирование объектов жилищно-коммунального и социально-культурного назначения, поселков и городов), № 16 (конструкторский – разработка нестандартизированного оборудования и приборов), № 18 (гидротехнических сооружений), № 21 (расчетов на ЭВМ и программного обеспечения). Почти каждый из перечисленных отделов становился технологическим при необходимости проектировать отдельные объекты их профиля.

В филиале в основном велось проектирование производственных и жилищных объектов трех комбинатов: Ленинабадского горно-химического (ЛГХК), Киргизского горнорудного (КГРК), и Навоийского горно-металлургического (НГМК). По каждому из этих комбинатов имелся главный инженер проектов, который непосредственно руководил принятием основных технических решений всех частей проектов, увязкой их в единое целое, следил за созданием графиков проектирования и прохождением процесса в смежных отделах, участвовал в разработке заданий на проектирование со специалистами заказчиков (комбинатов), защищал принятые технические решения у заказчиков и в вышестоящих инстанциях, обеспечивал выдачу в необходимых случаях заданий на инженерные изыскания и обеспечение этими материалами проектных отделов. Главными инженерами проектов к этому времени в филиале были: по ЛГХК – Александр Георгиевич Галочкин, мой однокашник по горному факультету института, работавший в проектировании с 1948 года еще с СПБ-2, сильно располневший (на почве болезни), пользующийся довольно высоким авторитетом в филиальной среде; по КГРК – Георгий Иванович Архангельский болезненного вида худощавый горный инженер с некоторым «желчным» характером (это определил со временем, после нескольких месяцев работы); по НГМК – Глеб Николаевич Осколков, горный инженер с рыжеватым оттенком волос, зычным голосом выдающий нескончаемые шутки-прибаутки из несколько лошадиного оскала крупных зубов, с которым был я знаком уже много лет по работе и о котором писал в предыдущей книге. Проектирование объектов жилищно-гражданского назначения, поселкового и городского строительства по всем комбинатам велось под руководством главного инженера проектов, которым был Вячеслав Викторович Источников. ГИПы по два занимали две комнаты на втором этаже. У главного инженера филиала был заместитель по организации проектирования, которому подчинялась диспетчерская группа планово-производственного отдела,

разрабатывавшая графики прохождения проектирования, увязанные с выдачей изыскательских материалов, следившая за исполнением этих графиков. Эту должность занимал Игорь Яковлевич Некрасов.

В управлении имелся технический отдел (ТО), в составе которого функционировали технический архив (проектные, изыскательские и др. материалы), и отдел оформления, оснащенный всем набором печатного, копировального и другого оборудования, необходимого для выпуска проектно-сметной, изыскательской документации и научно-исследовательских отчетов в необходимом количестве экземпляров и качестве.

Коллектив филиала во всех его частях и службах по численности приближался к двум тысячам и обеспечивал все виды проектных работ по комбинатам Минсредмаша, расположенных в Средней Азии, материалами инженерных изысканий, вел проектные работы в основном в стадии рабочего проектирования на основе разработанных силами головного московского института проектных материалов в стадиях «ТЭО (технико-экономическое обоснование)», и «Технический проект (проектное задание)», утвержденных в соответствующих инстанциях. Иногда разрабатывались проекты в стадии «Техно-рабочий проект» с утверждаемой частью на отдельные объекты, не предусмотренные в утвержденных комплексных проектах предприятий и необходимых для нормальной деятельности. Такие проекты создавались на основе заданий на проектирование разрабатываемых специалистами заказчиков и утвержденных одним из руководителей министерства. Нахождение филиала в Ташкенте способствовало оперативным возможностям создания рабочих групп по разработке рабочих чертежей на местестроек, осуществлять авторский надзор за строительством, исправлять выявленные ошибки и упущения в проектной документации. Благодаря этому, а также активное и оперативное участие сотрудников филиала в проектировании жилья в новом районе Ташкента «Каракамыше» при ликвидации последствий землетрясения, востребованность работ филиала возрастала и одобрялась руководством комбинатов и предприятий обслуживаемого региона, руководителями головного института и 9-го главного управления Минсредмаша. Филиал (институт) стали называть «суворовский», по фамилии его начальника Суворова. С А. П. Суворовым я был шапочно знаком, как помнят читатели первой книги, с 1952 года со встречи на угольном руднике Майли-Суйского предприятия, куда он приезжал как инженер проектной группы с ГИПом СПБ-2 Колеговой. Неоднократно встречался с ним уже работая в Учкудуке, Навои главным образом

при его участии в «хвосте» многочисленных сопровождающих приезд Министра групп сотрудников Ведомства, местных партийных и советских органов. В этих случаях он вел себя «очень скромно», находясь в последних рядах и «не высовываясь».

Н. С. Прокопенко провел меня в свой кабинет, где было рабочее место и его заместителя Револьд Львовича Левитина, с которым я был знаком по приездам последнего в Учкудук и Сабырсай, т. к. сотрудники филиала вели проектирование рабочих чертежей горных работ рудника № 6 Учкудука и рудников №№ 1 и 2 Сабырсая. В кабинет были приглашены начальники проектных групп горного отдела, и Николай Степанович представил меня как начальника горного сектора.

В составе горного сектора было пять проектных группы по три-четыре человека каждая. Группа Н. И. Кузнецова, горного техника с большим стажем проектных работ, ведущая проектирование горных работ объектов ЛГХК, группа Г. М. Зиновьева, горного инженера, ведущая проектирование объектов КГРК, группа Н. А. Норкина, горного инженера, ведущая проектирование объектов НГМК, группа горного инженера М. П. Гиммерверта, ведущая проектирование горно-капитальных объектов по всем комбинатам и группа под руководством И. И. Мамохина, техника геолога с большим стажем работ в геологических партиях и руководящих геологических органах Узбекистана, участника ВОВ, разрабатывающая геолого-геофизические, гидрогеологические и маркшейдерские разделы проектов и «Технико-экономические доклады (ТЭД)» по обоснованиям целесообразности проведения детальных разведок опосредованных геологическими организациями рудопроявлений и обоснованию кондиций для подсчета запасов разведанных месторождений при утверждении их в ГКЗ (Государственной Комиссии Запасов). Последняя группа, связанная, как правило, с секретными и совершенно секретными материалами, размещалась в отдельной комнате, где мне было организовано рабочее место, и я приступил к исполнению новых для меня обязанностей.

Понятно, что я неплохо разбирался в проектной документации, ее составе в разных стадиях проектирования, определенных требованиях к ней и прочее-прочее, так как уже много лет руководил оценкой качества проектов, осуществлением на практике проектных замыслов, знал слабые места проектировщиков с точки зрения практика. Это помогло мне довольно быстро освоиться, постигнуть азы создания проектов, детали и тонкости взаимоувязки отдельных частей проектов внутри горного отдела, где функционировал

горно-механический сектор, разрабатывающий средства механизации горных работ, электроснабжение внутрирудничных объектов, автоматизацию горных процессов, и со смежными отделами, участвующими в проектировании горных объектов.

Наиболее сложным было найти способы и средства для налаживания взаимопонимания с подчиненными мне сотрудниками и смежниками. Кадры в Филиале сложились частично из специалистов, ранее работавших в СПБ-2, к этому времени уже имеющие значительный стаж проектирования и пользующиеся на этой основе заслуженным авторитетом, и пополнялся молодыми специалистами из ВУЗов и техникумов. Минсредмаш по-прежнему пользовался преимуществами при отборе еще обучающихся студентов для распределения их на работу в подчиненные министерству предприятия. Для азиатских предприятий стали базовыми ВУЗы Ташкента и Алма-Аты, главным образом ТашПИ (бывший САИИ), Ленинабадский политехнический техникум в г. Чкаловске, созданный в конце пятидесятых годов, где уже шло обучение многим специальностям, требуемых производствами горно-металлургических комбинатов. Несколько лет уже функционировал и выпускал специалистов горных, строительных и других необходимых профилей Навоийский промышленный техникум в составе НГМК. Трудились в филиале относительно небольшое число сотрудников, перешедших с производств проектируемых комбинатов. Но, большинство из них работали не на должностях, связанных непосредственно с проектной работой, а во вспомогательных отделах и службах. Не каждый производственник мог освоить специфический характер проектных работ.

Большинство сотрудников горного отдела, да и многие из других проектных отделов и изысканий знали меня по прежней моей работе, бывая в командировках на предприятиях в Янгиабаде, Навои, Сабырсае. Помогло мне и то, что в филиале трудились мои друзья-одноклассники по институту и по работе в ЛГХК. Как уже отмечал, начальником НИО Павел Шилов, в техническом отделе Александр Теплов, тоже пришедший на горный факультет после демобилизации (из госпиталя по инвалидности – без ноги), очень скромный человек с весьма умной головой, прекрасный шахматист; в изыскательских отделах Владимир и Антонина Кожевниковы, в 6-м (энергетическом) отделе Лидия Репина, в горном отделе Мария Родионовна Брагина, бывший маркшейдер, и ее муж Иван Иванович (фамилии не вспомнил), бывший горный мастер на руднике № 2 Янгиабада – в техническом отделе и другие.

Но самое главное это то, что начальником отдела был Николай Степанович Прокопенко, который и являлся главным организатором моего перевода на работу в Филиал, как я потом узнал, да и догадывался об этом ранее. Читатели моей первой книги знают о моей работе в замах у Н. С. Прокопенко на Янгибадском рудоправлении, о значительной инициативе по резкому улучшению санитарных условий и состояния техники безопасности на горных работах, в осуществлении которой я принял активнейшее участие и продолжил уже после отъезда Николая Степановича. Мы не прервали наши товарищеские взаимоотношения (несмотря на порядочную разницу в возрасте), изредка переписывались. Не помню в каком году мы с Юлией, будучи в отпуске в Кисловодске, побывали в гостях у Прокопенко в г. Лермонтове, где работал Николай Степанович главным инженером рудоправления. Чета Прокопенко жили в собственном доме, который построили по эскизам хозяина, где жилые и подсобные помещения располагались в двух (а может быть и в трех) уровнях, имелся солярий с прекрасным видом на утопающий в зелени городок. Именно Николай Степанович вышел к А. Суворову с предложением и проектом письма в адрес руководства НГМК о переводе меня в филиал. А. П. Суворов по каким-то причинам долго не подписывал вызов, а Николай Степанович упорно неоднократно напоминал ему об этом.

В обязанности начальника сектора входили не только определять или согласовывать технические решения, принимаемые инженерами, начальниками групп при проектировании, но и обеспечивать равномерную загрузку проектных групп в соответствии с их численностью, своевременную разработку чертежей и заданий смежникам в соответствии с утвержденными графиками, перед началом календарного месяца выдать начальникам групп плановые задания по объему работ, обеспечивающие плановую выработку на одного проектировщика и необходимый фонд заработной платы не только покрывающий фактические его выплаты, а и создание задела для возможности повышения окладов, проводить техническую учебу с подчиненным персоналом, обеспечивать соблюдение трудовой дисциплины. Я легко справился с новыми обязанностями, сумел показать некоторым из числа мало меня знающих, что владею технологией горного производства на высоком уровне и изучил положения соответствующих СНиП («Строительные нормы и правила»), а попытки «проверить» эти мои знания были. Особенно этим «грешил» горный инженер (кстати, заочник) В. В. Шакин из группы Н. Кузнецова, сам отличавшийся некоторым тугодумством, очень

«неуживчивым» характером, из-за чего его недолюбливали коллеги. Довольно долго, месяца два–три шла «притирка» во взаимоотношениях с начальником группы горно-капитальных работ Марком Павловичем Гиммервертом. Горный инженер, участник ВОВ (старше меня по возрасту), имевший много фронтовых наград, работавший с 1949 или 50 годов на разных должностях в Табошарах, а в последние несколько лет до перехода на проектные работы главным инженером небольшого по объему Чиркассарского рудоуправления ЛГХК и уже пару лет начальником проектной группы, был обижен тем, что не он стал начальником сектора. Это чувствовалось во всем его поведении. Но, в конце концов, он убедился в моем преимуществе в производственном опыте и знаниях и наши отношения наладились.

В филиале велись разработки проектов главным образом в стадиях «рабочих чертежей» по ранее разработанным в головном институте и утвержденным стадиям проектирования «Технический проект» (ПЗ), отдельные «Техно-рабочие проекты» по не очень сложным объектам. Но был и опыт разработки в стадии «Технический проект» I очереди строительства предприятия на базе месторождения Сабырсай, проводившийся под тщательным контролем со стороны специалистов головного института. Все основные решения, разрабатываемые в Ташкенте, согласовывались в Москве путем выезда ГИПа, главных специалистов филиала туда, где скрупулезно проходили экспертизу в соответствующих отделах, в результате которой составлялся «Протокол....», положения которого рассматривались на широком совещании у главного инженера института и утверждались последним. Лишь после этого шла дальнейшая разработка проекта. В то же время в филиале велась и разработка проектов во всех стадиях проектирования рабочих поселков и отдельных общественных зданий в них г. Янгиабада одноименного рудоуправления, микрорайонов Учкудука (Северного рудоуправления НГМК), поселка Советабад (Южного рудоуправления НГМК), нескольких рабочих поселков рудоуправлений КГРК, располагающихся в южных областях Казахстана, и «Проект» и рабочие чертежи санатория «Киргизского взморья» на берегу озера Иссык-Куль.

В первые несколько месяцев работы я выезжал в командировки на согласования технических вопросов в ЛГХК и НГМК. В ЛГХК в Янгиабадское рудоуправление, где продолжали трудиться многие мои товарищи и друзья, а первыми руководителями были директором Георгий Харитонович Седаков, главным инженером Михаил Николаевич Соколов. Бывшие руководители этого рудоуправления

В. Я. Опланчук и П. И. Шапиро были к этому времени директором и главным инженером ЛГХК соответственно. В НГМК побывал в Учкудуке, для которого проектировали рабочие чертежи рудника № 6, и в Советабаде, для которого также разрабатывали рабочие чертежи и осуществляли авторский надзор за исполнением технических решений. В поездках в Советабад я был особенно заинтересован, так как здесь продолжала жить Юлия. Сдача в эксплуатацию жилого дома по улице Зольная, где мне предназначили квартиру, планировавшаяся в декабре 1971 года, задерживалась (обычная практика тех лет в СССР) и произошла лишь в феврале 1972 года. Юле было очень тяжело и неприятно находиться одной в Советабаде, особенно если учесть ее замкнутый характер. Она уволилась с работы, занималась домашним хозяйством, любимыми цветами на приусадебном участке, общалась лишь с наиболее близкими товарищами Галиной Махониной, Риммой Шангареевой, Надеждой Казанцевой.

Постепенно, в течение нескольких месяцев разобрался с системой управления филиалом, обстановкой в нем, состоянием зримых и закулисных взаимоотношений трудящихся особенно в верхних эшелонах.

Единоначальником уже порядочно лет со дня создания филиала № 1 института ПромНИИпроект был Афанасий Павлович Суворов, горный инженер, выпускник Свердловского горного института 1951 года, небольшого роста человек с выраженным рыжим оттенком и тенденцией к облысению не густых волос, явно играющий под знаменитого исторического однофамильца-полководца. Участник ВОВ, имел несколько боевых наград, в том числе Орден Красной звезды, хотя, как я узнал потом, в Армии был почти все время водителем автомашины главного медика одного из фронтов. Внешне казалось, что он уравновешенный, медленно и негромко говорящий и даже демократический управляющий, редко появляющийся на рабочих местах его подчиненных, не вникающий в детали проходящих в коллективе процессов. Редко выезжал на комбинаты, для которых работал филиал, но всегда представлял и участвовал в совещаниях, проводившихся вышестоящими органами в Москве, на комбинатах и при посещении их министром, заместителями министра или руководителями главных управлений. На самом деле это был довольно смысленный, «себе на уме» руководитель, очень тонко держащий главные экономические ниточки управления, окруживший себя когортой преданных ему начальников отделов управления: планово-экономического

(Э. Н. Михайлянц), кадров (Г. Б. Афанасьев), 1-го – режимно-секретного (Т. П. Турчанинова), а также умело выдвигавший нужных ему людей на выборные должности председателя профкома, да и секретаря партийной (КПСС) организации. Оклады и тарифные ставки оплаты труда в нашем филиале (институте), как и во всех других предприятиях и учреждениях Минсредмаша, были выше аналогичных в других не секретных ведомствах, но ниже, чем на производственных предприятиях и, конечно, не очень удовлетворяли потребности и желания большинства работающих. Могу прямо признаться, что бюджет и моей семьи сильно уменьшился – я стал получать почти в двое меньше прежнего, а Юлия уволилась с работы. Но, мы могли пополнять расходы за счет имевшихся сбережений, наличие которых скапливалось благодаря высоким прежним заработкам и очень умелому ведению хозяйства Юлией. А возможность повышение окладов техников и инженеров в филиале было поставлено в очень большое число необходимых условий (не превышение фонда зарплаты в отделе сумме средних окладов вилки по штатному расписанию; занимать высокие места в очень развитом социалистическом соревновании по разным видам работ и приуроченным ко многим праздникам и очередным Съездам КПСС и т. д., и т. п.). Ходатайства руководителей подразделений о повышении оклада тому или иному сотруднику проходили многочисленные согласования в управленческих отделах, у руководителей структурных отделений и редко достигали цели при подписании приказа лично Суворовым. Особенно остро страдали техники, а под моим началом, а их было 4–5 человек. Это были люди, окончившие средне-технические учебные заведения и получавшие 90–110 руб. в месяц. Некоторые из них уже были женаты, имели по ребенку, ютились в комнатках в семейном общежитии. Обнаружил, что семейные бюджеты у них настолько дефицитны, что ограничивают расходы на еду, живут впроголодь. Да и не мудрено – только за сапоги для молодой супруги надо выложить 80 руб., а ведь хочется – молодежь! – предпочитают поголодать. Я провел с некоторыми беседы и предложил перейти на работу в Учкудук, где по моей рекомендации смогут работать горными мастерами, где их семейные бюджеты возрастут не менее чем втрое. Два техника согласились, уехали и в последствии благодарили меня за совет и помощь. Мои действия вызвали неудовольствие со стороны А. Суворова, о чем он мне высказал свое «фе». Несмотря на то, что уход ребят создавал некоторый дефицит работников в отделе, Н. С. Прокопенко не высказывал мне упреков, понимал – ведь производительник! В основном же мои

взаимоотношения с А. П. Суворовым были ровными, встречались лишь в официальной обстановке, я держал себя независимо, да и он не выражал каких-либо эмоций по отношению ко мне. Наоборот, со временем он стал выказывать некоторые действия сближения со мною. Об этом несколько позже.

Главный инженер института (филиала) Валерий Диодорович Николаев, горный инженер, однокашник А. Суворова по учебному институту, ранее работавший в горной лаборатории ЦНИЛ ЛГХК, был переведен на занимаемую должность менее года до моего появления здесь. С ним мы были знакомы по работе в ЛГХК и особенно по работе над фильмом об успехах в разработке средств, их внедрению и созданию нормальных санитарных условий на рудниках Янгиабадского рудоуправления впервые в практике урановых рудников системы Минсредмаша. В филиале главный инженер выполнял функции как бы руководителя только проектной части, что меня очень удивляло. Я так и не понял за большой срок работы в институте, он сам себя поставил в такую роль, или ему такую роль определил А. Суворов. Главный инженер не мог непосредственно отдавать какие-либо указания, распоряжения работникам инженерных изысканий, хозяйственных служб, хотя формально всё-таки отвечал за состояние техники безопасности в этих подразделениях. Непосредственно ему подчинялся технический отдел управления. Еженедельно при главном инженере проводилось диспетчерское совещание, подготавливаемое диспетчерской группой ППО, по вопросам выполнения графиков текущих проектных работ, с объяснениями начальников отделов о причинах их срывов и принимаемых мерах по ликвидации отставания. В совещаниях обязательно принимали участие ГИПы, руководитель диспетчерской группы, начальник технического отдела и отдельные сотрудники отделов по решениям их руководителей. Решения, принимаемые главным инженером на этих совещаниях фиксировались в протоколе, в котором отражались и наказания провинившихся проектных групп и отделов в виде снятия баллов в системе социалистического соревнования. При главном инженере регулярно проводились совещания по обсуждению с оценкой его качества каждого законченного этапа проектирования или завершенного проекта по докладу ГИПа. Дело в том, что в системе взаимоотношений «заказчика» (производственные комбинаты) и проектной организации (института) в вопросах оплаты за выполненные объемы работ, определяемые нормами СЦПиИР (сборник цен и расценок проектных и изыскательских работ), предусматривалась доплата за «высокое качество», если

такое подтверждал ответственный представитель заказчика (директор, главный инженер, зам. директора по КС комбината). Готовил такое решение начальник (или зам. начальника) ОКСа. Участники проектируемых материалов, отмеченных «высоким качеством», получали премиальную добавку к зарплате за счет образуемого дополнительного фонда от части дополнительной оплаты за выполненный объем работ. Это был очень хороший стимул для участников проектирования и сотрудников вспомогательных служб, которым также определялись определенный процент от дополнительного фонда зарплаты. За каждый проект оцененный высоким качеством также начислялись дополнительные баллы в социалистическом соревновании. Не могу сказать, что витавший в воздухе «дух соперничества» и напряженная обстановка между отделами и структурными подразделениями в принятом соцсоревновании и методы определения бальности при подведении его итогов, способствовала сплочению коллектива. Ведя совещания и особенно в своих заключительных высказываниях, В. Д. Николаев был очень многословен, старался в своем лексиконе применять «высоконаучные» слова и термины, подчеркивая свою осведомленность и намекая на прежние участия в каких-то разработках, высоких совещаниях близких к обсуждаемому вопросу. Большинство участников совещаний относились к таким разглагольствованиям со скучным видом и нетерпением, ожидая их скорейшего окончания. В. Николаев как главный инженер проектного института не влиял на суть принимаемых технических решений, практически не выезжал на проектируемые объекты. Однако, он был инициатором создания многих внутриинститутских документов, положений, распоряжений и т. п., регламентирующих действия по повышению качества проектов, применения в них достижений науки и техники, выполнению требований технологических и строительных норм, улучшению взаимодействий смежных отделов и служб, следил за выполнением в этих вопросах всех указаний вышестоящих органов. Наши взаимоотношения были очень ровными, иногда с некоторой натянутостью, не могу понять почему, но внешне всегда вежливыми. Не знаю ни одного случая, чтобы он меня, или я его, назвал по имени, а не «Леонид Борисович», «Валерий Диодорович» за 20 лет совместной работы. Вот начальника (директора) Суворова были моменты и события, когда я его называл «Афанасий!», а он меня «Леонид!»

Заместитель главного инженера по организации проектирования И. Я. Некрасов был назначен на эту должность примерно за год до начала моей работы здесь. Это инженер-гидротехник, выпускник

1958 года Ташкентского института инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства, работавший с 1959 года в Филиале в 18-м отделе. Это довольно крупной комплекции и росту человек, с которым на первых порах мы практически мало сталкивались по делам производственным, но так как он был и членом партийного бюро института, то я как член КПСС, да еще и «со строгим выговором в учетной карточке» познакомился с ним сразу. Через примерно год после снятия с меня партийного взыскания, о чем я подробно опишу несколько позже, меня неоднократно выбирали в партбюро (затем «партком») института, а он часто избирался в партком, а последние годы почти бессменно возглавлял этот орган, наши отношения стали и были дружественными. Игорь Яковлевич выказывал неплохие организаторские способности, упорство в деле достижения цели, вместе с тем, довольно мягкий характер и некоторую неуверенность. Многие члены коллектива считали Игорь Яковлевича «выскочкой», я же увидел в нем преданного делу сотрудника, стремящегося честно выполнять свои и производственные и общественные обязанности, поэтому всячески поддерживал его, а он, думаю, понял во мне старшего по возрасту и опыту товарища, который не подведет ни при каких обстоятельствах.

ГЛАВА 3

Обустройство в Ташкенте. Опять З. П. Зарапетян!

Мне вручают ордер на вселение в трехкомнатную квартиру под номером 42 в доме № 3 по ул. Зольной, это на третьем этаже. Дом четырехэтажный, панельный, панели внешне облицованы плиткой, кроме салона (термин сегодняшний), двух спален, кухни и отдельных служб имеется длинный балкон-лоджия. Жилая площадь всего 37,8 м². Это маловато для семьи в 4 человека, при двух взрослых сыновьях. Но, уже большая радость, можно эту семью собирать на постоянное место жительства. Звоню Юлии, по вечерам после работы делаю покраску полов по своему усмотрению, уборку, и выезжаю в Советабад для перевозки домашних вещей. Юлия, имеющая «богатый опыт» неоднократных переездов, уже многие вещи, книги уложила в ящики. По приезду оформил оплату автомобиля ЗИЛ-151, с помощью выделенных мне рабочих погрузил весь скарб и выехал в кабине этого же автомобиля в Ташкент. Юлию предварительно отправил поездом, и она ожидала меня в Ташкенте у наших друзей Кожевниковых, живущих в одном из домов нашего микрорайона, на противоположной стороне улицы им. Богдана Хмельницкого.

Осваиваем новую квартиру. Привезли с собой два холодильника и два пианино. Один музинструмент – это старинный, выполненный «поставщиком двора Его Императорского Величества» «Шредер», приобретенный Юлиными родителями для нее в пору детства и пробывший у них с тех пор, хотя Юлия так и не училась играть. После Ташкентского землетрясения этот инструмент и еще некоторые вещи были перевезены мною в Сабырсай, где я уже работал, в связи с отъездом Шатуновских в Ярославль на постоянное местожительство. Второй инструмент мы приобрели в Учкудуке для музыкальных занятий наших сыновей. Сборную мебель пытаемся поменять

на ставшие в моде мебельные гарнитуры. Но это не так просто в советской действительности. Надо или суметь договориться с зав. секцией мебельного магазина о солидной переплате, чего я никогда не умел и не пользовался такими приемами, или приобрести со вторых рук, естественно по рыночным ценам. Такая операция нам удалась лишь через полгода, или более, когда уже в Ташкент приехали Борис (в апреле) и Виктор (в июне). Юлия на работу в филиал ПромНИИпроекта не пошла, хотя ее приглашали в отдел № 6.

Борис в Ярославле учился уже на третьем курсе технологического института, но специальность ему не нравилась. Виктор заканчивал 10-й класс средней школы. Они были примерными учащимися. Родители Юлии, пребывая уже в возрасте около и более семидесяти, так и не смогли приспособиться к Ярославским климатическим условиям, приобрести новых друзей (в таком возрасте это почти невозможно) и, самое главное, быть в «большом далеке» от единственной дочери. Настало время собирать семью.

Я связался с моим однокашником по горному факультету Учкуном Исамухамедовым, к этому времени успешно работающему заместителем ректора ТашПИ, с которым очень подробно обсудил необходимые шаги по переводу Бориса из Ярославского технологического в Ташкентский политехнический, и получил от него заверение об оказании помощи по этому вопросу. После ряда переговоров, сравнения списков пройденных Борисом дисциплин и необходимых для перехода на очень престижную тогда специальность «Кибернетика электрических систем» на энергофаке, впервые организованную с 1971–72 учебного года под эгидой действительного члена Академии Наук СССР Ф. Ф. Фазылова, известного ученого-энергетика, Борис мог поступить лишь на второй курс с сентября 1972 года при условии досдачи ряда дисциплин. Уже в марте Борис прибыл в Ташкент и, упорно занимаясь, успешно сдал необходимые экзамены и зачеты, был зачислен в ТашПИ и начал учебу, потеряв два года.

Виктор успешно окончил среднюю школу, самостоятельно прилетел в Ташкент и поступил в ТашПИ на факультет АСУ и эту же специальность. Таким образом оба наших сына начали учебу в ТашПИ с 1972–73 учебного года, Борис на 2 курсе, а Виктор на 1-м.

Макс Борисович и Рахиль Исаевна (родители Юлины) остались в Ярославле одни. Это никого не устраивало, и мы начали кампанию по устройству обмена Ярославской квартиры на Ташкентскую. Были даны объявления в газеты и там, и тут. Повезло и довольно быстро нашлись партнеры по обмену – относительно молодая семья, глава

которой газетный работник, перевелся на работу в Ярославль, где уже находился, а супруга с ребенком ожидали в Ташкенте возможность обмена квартиры – тоже двухкомнатной на 12-м квартале массива Чиланзар. После взаимного осмотра квартир – он в Ярославле, а мы с Юлией в Ташкенте – и получения «добро» от родителей, были срочно оформлены документы обмена. Юля в конце июня вылетела в Ярославль, вместе с Витей помогла родителям упаковать вещи, отправить багаж, а затем Витю в Ташкент. В начале августа я оформил трудовой отпуск, вылетел в Ярославль, отправил Юлию и Рахиль Исаевну в Ташкент, подготовил наш автомобиль «Москвич-408» к дальней дороге, и мы с Максом Борисовичем отправились «своим ходом» в Ташкент. Об этом «увлекательном» путешествии хочу написать в отдельной главе. И так, вся семья оказалась в сборе, все в Ташкенте. Очень удачно решился и вопрос приобретения гаража для нашего автомобиля. В жилом микрорайоне, что по улицам Б. Хмельницкого и Танкистов, была построена группа кирпичных индивидуальных гаражей, там был и гараж наших друзей Кожевниковых. В этом микрорайоне жила семья Шиловых, начальника НИО филиала, инвалида ВОВ. Перед самым моим приходом на работу в филиал во дворе за забором производственного комплекса и перед фасадом жилого дома по Зольной, где я получил квартиру, группа из 10 сотрудников филиала добилась разрешения на строительство блока кирпичных гаражей, методом «народной стройки» возвели их. Один из этой группы был П. Шилов. Мне удалось приобрести за немалые по тем временам деньги (тысяча рублей) гараж в группе по ул. Танкистов и по предложению П. Шилова обменяться с ним гаражами. Оформили сделку взаимным договором, заверенным руководством филиала (территории жилых микрорайонов приписаны во владение нашему учреждению).

Вошел в очень необычный для меня режим работы проектного института: на работу к 9 утра, ровно в 13 – идти на обед, ровно в 18 – «марш» домой. Практически никаких авралов. Все подчиненные мне группы, как правило, выполняют задания в запланированные сроки, при некоторых сбоях принимаю меры и за счет более интенсивного труда в рабочее время отставание устраняется. Только в дни командировок на предприятия режим меняю, вхожу в прежний ритм, используя весь ресурс 12–13 часового дня работы.

Примерно в конце марта 1972 года меня позвала к телефону секретарь директора. Дело в том, что междугородные телефонные звонки могли поступать лишь на телефоны первых руководителей филиала. Остальные телефоны, имевшиеся практически во всех

рабочих комнатах, связывались через внутренний коммутатор между ними и не имели выхода во внешний мир. Взяв телефонную трубку сразу же узнал голос и манеру разговора Зарапа Петросовича Зарапетяна:

– Здравствуй! Как дела? Что делаешь? – Рассказал ему в двух словах о моем положении.

– Предлагаю тебе работу у меня, здесь. Знаешь где я работаю?

Да, я уже слышал, что Зарап Петросович работает в Академии Наук и занимается организацией работ по строительству объектов для академических институтов в Красной Пахре (Подмосковье) и еще где-то в других районах, и что он уже пригласил несколько сотрудников из НГМК к себе на работу, в частности, уехал к нему работать руководитель сметно-договорной группы ОКСа НГМК Василий Улькин.

Но я не был готов к ответу на столь неожиданный и очень серьезный вопрос. После некоторой заминки говорю:

– Зарап Петросович! Я только-только получил квартиру в Ташкенте, перевез семью и опять переезжать!?

– Дам тебе через три месяца квартиру в Красной Пахре, это почти в Москве!

– Подумаю..., посоветуюсь с Юлией.

– Смотри! Не тяни!.. Мне нужно! Я позвоню еще.

Меня удивила осведомленность Зарапетяна о моей работе в филиале и сделанное им предложение. Seriously обсуждали с Юлией все «за» и все «против». Посчитали, что уже проделанное и сложившиеся обстоятельства – переезд в Ташкент, поступление Бориса в ТашПИ, начатые меры по обмену квартир Юлиных родителей, в Ташкенте же живет моя мама, которая счастлива, что я вернулся сюда, т. е. уже свершившаяся возможность сбора всей семьи в одном городе, с которым связаны многие годы молодости, есть друзья – важнее, чем перспективы очередного переезда, обустройства на новом месте, в новом коллективе, хотя это и ближе к «цивилизации».

Буквально через неделю Зарап Петросович повторил звонок. Меня пригласила секретарь к аппарату:

– Ну! Надумал!? – раздался несколько хриловатый голос Зарапетяна.

– Зарап Петросович! Решили отказаться, большое спасибо за предложение, но!..

– Не пожалеешь? Думай еще! – на этом наш разговор на сей раз закончился, а мне послышалась интонация недовольства.

Прошло пару недель и меня опять зовут к телефонному звонку по приглашению Зарапетяна. Бегу:

– Здравствуй, Леонид! Я завтра лечу в Ташкент по делам. Хочу, чтобы ты меня встретил. Скажи Афанасию, остановлюсь в Вашей гостинице! – он изложил номер рейса и время прилета.

– Будет все сделано, Зарап Петросович!

Иду к Афанасию Павловичу, рассказываю и прошу дать мне служебный автомобиль «Волгу» для встречи. Я не знаю до сих пор, знал ли А. Суворов о звонках ко мне от Зарапетяна (была такая возможность слушать разговор с параллельного аппарата), или нет, но после моего изложения сути тут же распорядился забронировать номер в гостинице и подать мне автомобиль для поездки в аэропорт. Встретил Зарапетяна рано утром. Завез в гостиницу. Здесь он попросил меня приобрести билет ему на поезд до Бухары и вручил мне удостоверение Героя Социалистического Труда, чтобы не стоять в общей очереди в кассах. Я оформил себе командировку в НГМК, в кассах приобрел билеты для проезда в мягком вагоне З. П. Зарапетяну до Бухары, а себе до Навои. Я опекал Зарап Петросовича весь день, обедали в ресторане, на приглашение к нам домой он отказался. По ходу нашей встречи рассказал мне, что едет на заседание Бюро Бухарского обкома КПУз для рассмотрения его персонального дела. Больше на эту тему разговора не было. За время поездки вели общие разговоры, не коснулся он и темы о моем переезде к нему на работу. Ко второй половине следующего дня поезд приближался к ж.д. станции Навои, я собрал свои вещи и приготовился к выходу. Поезд на станции Навои стоит по расписанию не более 5 минут. После остановки к нашему вагону буквально прибежали несколько человек и бросились обнимать Зарапа Петросовича, тоже вышедшего вместе со мной из вагона. Это были Ю. А. Антонов, О. В. Гвасалия, других не помню. Я распрощался с Зарапом Петросовичем, в вагон вместе с ним вошел Ю. Антонов и поезд тронулся в дальнейший путь. Юрий Александрович Антонов – инженер-электрик, участник ВОВ, окончил энергофак САИИ, как и Юлия и многие однокашники в 1948 году после демобилизации из армии, хотя был намного старше возрастом. По окончании института был тоже распределен в «хозяйство Чиркова» (потом ЛГХК – читай мою первую книгу), работал в энергослужбе в Чкаловске, а затем был переведен в КГРК, где стал начальником «нижней площадки» (Кара-Балта). Не помню в каком году, но он был переведен в НГМК, стал здесь главным энергетиком. В 1970 году перешел на работу в Навоийское Управление строительства

(НУС) заместителем начальника. Ю. Антонов довольно крупного роста с выправкой военного человека и высоко держащейся почти полностью лысой головой, производил впечатление весьма солидного человека. Каким образом сотрудники НУСа узнали о проезде Зарапетяна через Навои, я так и не знаю.

Больше я с Зарапом Петросовичем не видался довольно большой период времени. Но прошедшая встреча с ним навевала в моих мыслях много воспоминаний и рассуждений, которые я никак не мог выбросить из головы. Ведь еще были свежи пережитые эмоции во время и после «исторического заседания» бюро Бухарского обкома КПУз, о котором подробно я изложил в конце моей второй книги.

Первый раз я увидел Зарапа Петросовича еще летом 1948 года, находясь в приемной «начальника хозяйства» Б. Н. Чиркова, управление которого находилось в старом городе Ленинабада (бывший и настоящий «Ходжент»). Это был молодой, 34-летний явно армянского происхождения, темноволосый с легкой проседью, энергично вошедший в приемную, резко и уверенно, но с небольшой хромотой, шагавший в сторону шкафа-двери в кабинет «хозяина» человек. После того как он оттуда вышел, мы, ожидавшие приема, узнали, что это и есть уже легендарный начальник первого уранодобывающего предприятия «Табошар». На работу к нему я не попал, но несколько раз видал его и слышал выступления на конференциях и совещаниях, в которых принимал участие как делегат или передовик смежного Майли-Суйского предприятия. Знал, что он в 1953 году переведен на работу в Москву, в Министерство Геологии СССР с большим повышением в должности. Министром Геологии СССР в это время был П. Я. Антропов, который, как я понимаю, знал Зарапетяна по прежним временам. Работая в Мингеологии, Зарап Петросович учился заочно в высшем учебном заведении, но не окончил его. Летом 1959 года Зарап Петросович выступал с зажигательной речью на широком производственном совещании по подведению итогов работы предприятий комбината № 6, где директором в это время был уже Г. В. Зубарев, очень красочно рассказывал о перспективах будущего комбината на базе уникального месторождения Учкудук и необычных трудностях его строительства в пустынных условиях, о возможностях большого роста и интереса для ИТР, имея ввиду необходимость освоения новейших методов и технологий, мощной техники. Будучи директором этой новостройки Зарап Петросович призывал переходить на работу к нему. Его выступление было очень внимательно выслушано присутствовавшими (в том числе и мною). Тогда я еще не знал, что судьба приведет меня к возможности

более близкого знакомства с этим незаурядным руководителем. Но это произошло.

За десять лет работы под началом Зарапа Петросовича я узнал многие его достоинства, некоторые и положительные и отрицательные черты его характера, по моему пониманию, и показал их во второй книге. Несмотря на сложность и неоднозначность его действий, понял, что именно такой руководитель и организатор необходим в период становления и развития строительства крупной стройки с нуля в весьма неблагоприятных условиях, поэтому руководство Минсредмаша вернуло его в свое ведомство и назначило директором комбината № 2. Используя свои незаурядные организаторские способности, не щадя себя, свое здоровье и зажигая подчиненных, он сумел создать коллектив единомышленников, таких же энтузиастов и из опытных специалистов, переведенных с других предприятий системы, и, главным образом, из молодых специалистов. Только такой руководитель мог добиться разрешения на передачу стройки в пустынных, труднодоступных местах с генподрядного способа на хозспособ, беря полную ответственность на себя. Именно это закрепило мнение руководства Минсредмаша, а через последнее и решение Правительства СССР о строительстве и освоении уникального месторождения золота Мурунтау Минсредмашем, а не Минцветметом, старейший (по стажу) и уважаемый министр которого П. Ф. Ломако очень против этого возражал. Выполняя все труднейшие задачи и планы, которые ставились ему вышестоящими органами, иногда опережая плановые сроки, Зарап Петросович становится известной личностью не только в рамках министерства и республики, где он депутат Верховного Совета, член ЦК КП Узбекистана, делегат Съезда КПСС, несмотря на секретность, закрытость работ, проводимых комбинатом, через ряд статей, опубликованных в газете «Труд», журнале «Огонек» и особенно в газете «Правда» корреспондентом Ю. Апенченко, а и на всю великую Страну. Ему присваивается звание Героя Социалистического труда с вручением Ордена Ленина, кажется уже третьего у него. Никогда не читал биографии Зарапетяна, но знал, что он участвовал в стройке канала «Москва–Волга» в качестве комсомольского вожака, затем работал с конца тридцатых годов в Норильске у А. П. Завенягина и руководил цехом открытых горных работ. Думаю, что и первым начальником (директором) первого уранодобывающего предприятия, «Табошар» он стал по указанию Завенягина, тогда одного из руководителей Первого Главного Управления при Совмине СССР.

И вот этого руководителя в одночасье исключили бы из КПСС, сняли бы с работы и могли лишить всех наград будь он на том, описанном мною заседании Бухарского бюро обкома КП УзССР в июне 1971 года. Спасло то, что его до этого увезли в Москву в связи с предынфарктным состоянием. Его персональное дело ждало своего разрешения. Меня, да и многих сослуживцев, с которыми я общался и дальше, работая в проектно-институте, удивляло кажущееся равнодушие, с которым отнеслись к этим событиям такие крупные руководители, как Е. П. Славский, Ш. Р. Рашидов и др., которые до решения КПК КПСС были хорошо знающими достоинства Зарапетяна, почти «друзьями» последнего, не вступились за него. Да поистине, ведомство Пельше в ЦК КПСС было «жандармом», решения которого непререкаемы и вступать в противоречие с ним не решались даже крупнейшие государственные и партийные руководители. Да собственно я понимал, анализируя все это, что «Партия» расправлялась во все годы и со значительно большими по рангу ее членами и государственными деятелями. Достаточно вспомнить расправу с «Кагановичем, Молотовым, Маленковым и примкнувшими...».

Прошло более 8–9 месяцев со дня заседания Бухарского Бюро Обкома КПУз, некоторые руководители министерства все же «разобрались» с делом, был издан приказ по министерству, меняющий формулировки «преступлений» и отстранения З. П. Зарапетяна от должности директора НГМК. Зарап Петросович после выздоровления был принят на работу в ведомство Академии Наук СССР на должность заместителя директора Института ядерных исследований по капитальному строительству. Директором института был А. П. Александров, вскоре ставший президентом Академии Наук СССР. И вот Зарапетяна пригласили явиться в Бухарский обком КП Узбекистана для решения его персонального дела. Острота событий прошла, на него налагают партийное взыскание, из рядов КПСС не исключают.

Дело ведь сделано! Для меня остался вопрос – кому это понадобилось? Кто настоящий инициатор всех действий по устранению Зарапетяна из НГМК? Ведь понятно, что организатор сбора «компромата» на Зарапетяна, начальник планового отдела Ю. М. Копылов и остальные подписанты письма в КПК КПСС мелкие пешки в этой акции. Я перебирал в уме все возможные варианты и приходил к выводу, что это должны были быть большие должностные лица.

Зарап Петросович имел, на мой взгляд, достаточно недоброжелателей из числа аппарата министерства. Я за время работы под его

началом обращал внимание на то, как он дает понять многим из них на свое преимущество, особенно когда «аппаратчики» являлись с ревизией по тем или иным вопросам. Зарап Петросович по несколько дней не принимал их, ссылаясь на занятость, а «ревизор» не мог выполнять порученное ему задание без резолюции на предписании. Добившись приема и беседы с Зарапетяном, «ревизор» становится более лояльным потому, что у него уже нет достаточно времени для детального изучения вопроса, а Зарап Петросович уже переговорил по телефону с его (проверяющего) непосредственным начальником и снял многие вопросы. Беседа приобретает почти товарищеский тон. После завершения работы и разбора протокола проверки главковский сотрудник приглашается в Зараповский автомобиль, прогулка по городу и строящимся объектам с рассказом о перспективе и планах, а иногда и совместный обед. Проверяющий уезжает как бы с чувством выполненного долга, но понимает и «удар по носу», ему выданный, униженность и затаивает обиду на Зарапетяна. Одним из таких недоброжелателей в Министерстве был начальник управления руководящих кадров и учебных заведений Семендяев, работавший в аппарате заместителя министра по кадрам Мезенцева. Мог и, думаю, был лицом, очень заинтересованным в развенчании Зарапа Петросовича, первый секретарь Бухарского обкома КП УзССР Каюм Муртазаевич Муртазаев. Быстроразвивающееся строительство объектов уранодобывающей отрасли, золотодобычи и извлечения этих металлов в центре пустыни, строительство крупных объектов химической промышленности, стройиндустрии и энергетики в промышленной зоне г. Навои силами подразделения Минсредмаша, громадные успехи достигнутые при этом, бурный рост численности трудящихся, населения в городах и поселках, находящихся на балансе НГМК, связанный с этим рост численности и авторитет единой парторганизации под эгидой Навоийского горкома КП УзССР – все это явно вело к созданию новой областной структуры с выделением из Бухарской области значительной ее части. Этому способствовал громадный авторитет Зарапа Петросовича Зарапетяна в масштабах республики. Такое развитие событий никак не устраивало первого секретаря Бухарского обкома и его аппарата, теряющих весомость в среде республиканских областей. Совсем не секрет, что областные комитеты КП УзССР и под их руководством областные администрации вели явную и подспудную деятельность по увеличению весомости управляемых ими территорий для возможной победы в занятии главенствующего положения в руководстве республикой и ее партийных органов.

Вот так сложилась «коалиция» по дискредитации З. П. Зарапетяна. Остальное было делом техники. Найти недовольных в среде сотрудников НГМК было очень нетрудно. Ведь Зарап Петросович, не щадя себя, не давал «почивать на лаврах» и своим подчиненным, которых он находил в любое время суток, по разным поводам, не давал уходить в отпуск в желаемые «бархатные» месяцы, неожиданно отстранял с должности, или наоборот ставил на ответственный пост, казалось, недостойных. Почему организатором сбора подписей под письмом в КПК КПСС стал именно Копылов, мне неизвестно и по сей день. Ведь Ю. Копылов как раз и был тем, кого выдвинул на очень большую и ответственную должность начальника планового отдела комбината именно Зарапетян. До этого Копылов не имел какого-либо значительного производственного опыта, больше работал в аппарате, часто появлялся на производственных подразделениях в качестве сопровождающего Зарапетяна в роли фотокорреспондента, помощника на побегушках. О других подписантах догадывался, ходили всякие слухи. Уже через несколько месяцев после назначения директором комбината А. А. Петрова один за другим стали увольняться и уезжать подписавшие жалобу, думаю не без намека последнего, и понимая, что он не будет поощрять «предательские выходы». Первым из таких был начальник ОТиЗа Н. Пружинин, затем сам Ю. Копылов, которого сменил на этой должности О. А. Янушпольский, до этого работавший начальником планового отдела Северного рудоуправления (Учкудук), уходит главный бухгалтер С. В. Лежнев. Но вот совершенно неожиданно, буквально пару недель тому назад (а сейчас конец марта 2006 г.) я узнал из достоверного источника (а это вдова Ю. Копылова) полный список подписавших письмо в КПК. Думаю будет справедливо перечислить их в алфавитном порядке: Г. Я. Бердников, В. А. Будыта, Л. М. Демич, Л. Г. Дмитриев, В. А. Ежов, А. В. Зарудний, И. П. Захаров, Н. П. Зуев, С. И. Карпов, Ю. М. Коноплев, Ю. М. Копылов, С. В. Лежнев, С. В. Левченко, Н. Е. Лысенко, Н. М. Пружинин, П. В. Смирнов, В. А. Хихлич, Ю. Н. Щеглов, В. П. Щепетков. Как уже говорил, о многих из них догадывался, но никак не мог предполагать, что среди них есть Л. М. Демич и П. В. Смирнов. Вместе с тем, более утвердились мои догадки, что о готовящейся акции по направлению письма в КПК мог знать и не посчитал нужным предотвратить А. А. Петров, ни в коем случае не являясь инициатором. Это мое утверждение подкрепляется тем, что не могли такие подчиненные А. А. Петрова в Учкудуке, как Л. Демич, В. Хихлич,

Н. Лысенко, не посоветоваться с ним по такому серьезному и далеко идущему по последствиям шагу.

Не помню точно через какое время, но еще раз Зарап Петросович позвонил мне в Ташкент с предложением перейти к нему на работу, думаю, что он хотел использовать мой опыт ведения горных работ на строительстве подземных сооружений исследовательской лаборатории по улавливанию частиц «нейтрино», производившиеся где-то в горах Северного Кавказа подведомственными ему строительными подразделениями. Я окончательно отказался от этого предложения. Мне показалось, что он не ожидал такой моей категоричности и почувствовалась какая-то натянутость и взаимная неудовлетворенность разговором.

Много лет не встречался с Зарапом Петросовичем, хотя имел урывочные сведения о нем и семье главным образом от Э. Т. Оганезова, который тоже редко, но общался с Зарапетяном. В памяти осталась личная встреча во время празднования 35-летия НГМК осенью 1993 года в г. Навои. На торжественном собрании во дворце культуры «Фархад» присутствующие в переполненном зале участники стоя, бурными аплодисментами, встретили выходящих в президиум З. П. Зарапетяна и А. А. Петрова (кстати, и я был удостоен чести сидеть в президиуме). После небольшого доклада действующего директора Н. И. Кучерского с большим интересом были выслушаны выступления и первого директора З. П. Зарапетяна и второго директора А. А. Петрова. Накануне, на встрече Н. Кучерского в его кабинете с группой ветеранов комбината З. П. Зарапетян предложил создать историю строительства и развития комбината и издать ее к очередному 40-летию юбилею, даже назвал некоторые фамилии тех, кто мог бы участвовать в написании этого труда. Среди них он назвал меня, считая, что именно я могу хорошо описать раздел, освещающий освоение наиболее трудных подземных горных работ. Забегая вперед, скажу, что я, к сожалению, не активно включился в эту работу, не имел свободного времени, шла очень напряженная работа в институте, связанная с вопросами выживания в условиях резкого уменьшения объемов инвестиций в строительство и, соответственно, потребности проектирования. Да и шло к тому, что придется уезжать к месту постоянного проживания детей. Не побоюсь выразить «крамольную мысль» – в созданном и изданном в 2002 году труде «НГМК. История создания и развития» в целом хорошем и нужном, действительно очень слабо отражены вопросы подземных горных работ, и, наверное, потому, что среди тех, кто писал нет ни одного непосредственного

участника этого вида работ периода их освоения в Учкудуке, кроме Д. Г. Якуповой.

В памяти остались конечно встречи с Зарапом Петросовичем в февральские дни его 80-летия, в 1994 году. Я приурочил командировку в Москву. В день рождения, около 13 часов явился на квартиру к юбиляру, где был принят очень тепло. После объятий, поздравления и вручения скромных подарков, моего обмена любезностями с Сусанной (дочерью), с которой был знаком, Зарап Петросович пригласил меня к журнальному столику, где мы, попивая коньяк, разговаривали о всяких разностях, а больше он расспрашивал меня о делах, детях и т. п. Клавдии Михайловны уже не было в «мире сем», старшей дочери и сына в эти дни, по мне неизвестным причинам, на торжествах тоже не было. Зарап Петросович выглядел постаревшим, сильно поседевшим, двигался несколько заторможено, шалило сердечко.

Раздался звонок в квартиру, я пошел открывать дверь. Пригласил входящего во внутрь, проводил к сидящему у столика Зарапу Петросовичу и поставил третий стул и прибор. Возгласы давно не встречавшихся друзей, объятия и похлопывания по спинам! Пришедший, а я сразу его узнал – это был Кирилл Васильевич Данилин – сел на стул, я разлил по бокалам коньяк и под здравицу в честь юбиляра, предложенную им, дружно выпили. Пошел светский разговор и когда я вставил несколько слов, Кирилл Васильевич внимательно присмотревшись ко мне, воскликнул:

– Бешер! Это ты!?

– Да я, Кирилл Васильевич!

– А я тебя не узнал. – изрек он и притянул меня за руку к себе.

– Так ведь прошло почти сорок лет как мы не встречались! – говорю я.

Гость пробыл часа полтора и сказал, сославшись на плохое самочувствие, что не сможет быть на вечернем торжестве по случаю юбилея. Распрощались.

В последующие пару часов приехали Э. Т. Оганезов, С. З. Львовский и еще несколько человек. В 17 часов на поданном мини-автобусе «РАФ» все перечисленные поехали в один из Подмосковных (по какой дороге не помню) дом отдыха-санаторий, где в довольно просторном зале были накрыты столы примерно на 70–80 персон.

На территории дома отдыха несколько капитальных сооружений, много насаждений, но все покрыто снегом – февраль! Внутри тепло, все гости в сборе. Не имею возможности перечислить всех, многих и не знаю. В зале известные мне сотрудники НГМК и сотрудники

организации, в которой трудился последние годы Зарап Петросович, и где к этому времени работали и бывшие навоийцы, которых он перетащил к себе. Из последних могу вспомнить В. Улькина, Р. М. Дмитриева, В. В. Новикова. Рядом с З. П. Зарапетяном сидел Н. И. Кучерский, который и произнес первый, очень теплый тост и здравицу в адрес юбиляра. Затем слово было предоставлено послу Республики Узбекистан в Российской Федерации Абдуллаеву (если не ошибаюсь по фамилии), прочитавшему и вручившему юбиляру по поручению Президента Узбекистана Ислама Каримова красочно оформленный «Адрес...», в котором очень ярко и тепло отражался громадный вклад З. П. Зарапетяна в дело создания Зарафшан-Учкудукского промышленного комплекса. Еще из навоийцев в торжестве принимали участие Н. Е. Лысенко, С. З. Львовский, больше вспомнить не могу. Много тостов в честь юбиляра было произнесено, в том числе и мною, весь вечер прошел, как говорят, в «теплой и дружественной обстановке». Обратил внимание, что среди приглашенных нет ни одного ответственного представителя бывшего Средмаша. Развалился «Союз Советских...», упала роль «атомного монстра», сменилось поколение и забыт один (и наверное многие) из корифеев первопроходцев создававших эту отрасль. Обидно! Подумал: – «ведь всю почти жизнь, не зная ни дня ни ночи отдыха, “горел” на производстве, забывая семью, воспитание детишек (именно последнее не лучшим образом отразилось на поведении сына Сергея в юношеские его годы), создавал на новостройках, как правило, в тяжелейших климатических условиях, очень нужные стране производства – Норильск в Заполярье, Табошар в горах Таджикистана, Учкудук–Навои–Советабод в пустынях Узбекистана – отмечает знаменательную дату как-то скромно, в кругу немногочисленных друзей».

За полночь торжество закончилось, гости разъезжались, а Зарап Петросович пригласил небольшую группу на завтра к 15 часам к нему домой. Николай Иванович Кучерский, сославшись на необходимость возврата в Узбекистан, извинился и распрощался. Пригласил Зарап Петросович и меня. Но в этот день у меня была назначена встреча с моими Московскими друзьями Аксельбантами, и я на встречу с Зарапетяном опоздал ровно на час. Когда я вошел, то Зарап Петросович, отжурив меня, сказал:

– Налейте ему штрафной стакан водки! – Я, ничуть не сопротивляясь, взял до краев налитый тонкий стакан и произнес тост:

– Пью до дна за здоровье и долгие годы нашего неугомонного руководителя и учителя Зарапа Петросовича! – и выпил одним

вздохом весь стакан до капли. Присутствующие даже зааплодировали.

В квартире, кроме хозяина и дочери Сусанны, были: Э. Т. Оганезов, С. З. Львовский, Н. П. Воробьев, Р. М. Дмитриев и одна женщина, имени которой не помню, как я понял медицинская сестра, следящая за состоянием здоровья Зарап Петросовича. Встреча проходила непринужденно, весело и запомнилась на всю жизнь. В какой-то момент Сусанна произнесла:

– Помнишь, папа, как Бешер отказался...? – Но Зарап Петросович, стрельнув на нее укоряющим взглядом (он это умел делать), резко сказал:

– Перестань! – Она умолкла. Думаю, она хотела напомнить эпизод из известного заседания бюро Бухарского обкома КП Узбекистана, о ходе которого, очевидно, кто-то рассказал Зарапетянам. Ему эти напоминания были неприятны, а у меня опять всплыли мысли: «Не смогли в то время занимавшие высокие посты министр, трижды Герой Труда Е. Славский и первый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш. Рашидов, защитить перед коммунистическим режимом Зарапетяна! Первый – потому, что в персональном деле Зарапетяна фигурировали факты проведения в Навои торжества по случаю его 70-летия и вручения ему подарков, особенно радиотехники, а второй – очевидно, по боязни перед могущественностью КПК, что и подтвердилось через не очень большой срок, когда дважды Герой Труда, кавалер чуть ли не десятка Орденов Ленина Ш. Рашидов был “разоблачен” и скончался не то от инфаркта, не то “покончил собой”, история “покрытая мраком” до сих пор».

Эти два знаменитых Советских деятеля вольно или невольно были втянуты в оригинальное «соревнование» – у кого больше Орденов Ленина на данный момент – такой подсчет вели зачастую друзья и товарищи в кулуарах больших совещаний или при застольных сборищах. Более удивительно то, что Е. П. Славскому, к счастью, удалось быть министром почти до 90 летнего возраста и уйти на пенсию без всяких эксцессов.

Больше я с Зарапом Петросовичем Зарапетяном не встречался. Он скончался в 1998 году – «Пусть сохранится в наших сердцах память о нем!» – а я уже три года жил в Израиле. Не знаю даже на каком кладбище он похоронен.

ГЛАВА 4

Автопробег Ярославль–Ташкент через Иргиз и Аральск

Выполняю обещание описать очень познавательную и поучительную эпопею перегона автомобиля «Москвич-408» из г. Ярославля в г. Ташкент, совершенного мною совместно с моим тестем Максом Борисовичем Шатуновским («Да не померкнет о нем память!»).

Середина августа 1972 года. Отправили Юлию и Рахиль Исаевну в Ташкент. Оба сына уже там. Подготовил автомобиль к длинной дороге – подтянул все гайки, смазал все узлы, загрузил канистру с запасным маслом для двигателя, 20-литровую с бензином, связку дров, консервы для еды, постельные принадлежности, проверил комплект инструмента. У нас справочник «Автомобильных дорог СССР», к которому уже относимся несколько критично после предыдущего путешествия с попыткой проехать из Ярославской области в Калининскую, и по нему выбрали маршрут: отправились рано утром и стремились проехать как можно больше, используя хорошие дороги в этих районах, предполагая, что впереди, в Казахстане условия будут не столь благоприятными, скорее отвратительными. Мы совершали не туристическую прогулку, а перегоняли автомобиль и стремились как можно меньше времени тратить на это мероприятие, хотя я по-прежнему получал большое удовольствие от вождения автомобиля, мало уставал за рулем и любил бывать в местах, где ранее не бывал. Следует учесть, что за рулем мог быть только я, Макс Борисович автомобиль не водил. Довольно быстро и без происшествий прошли маленький Ростов Великий, Загорск и вот мы на Московской кольцевой дороге (МКАД). Используя схемы «Атласа...» без труда съехали с кольцевой на магистраль Москва–Куйбышев (ныне Самара), взяли курс на Рязань. Но дорожная

обстановка поменялась – в воздухе дым-туман, видимость резко ухудшилась, дышать затруднительно. Оказалось, из-за необычной жары горели торфяники, принимаемые меры по их тушению не давали ожидаемых результатов. Об этом мы узнали и из радиосообщений по автоприемнику. Говорили и о серьезнейшем положении в самой Москве, куда дошли дым и газы. Старались не останавливаться, лишь пили воду из своих запасов.

Рязанская область, подъехали к какому-то перекрестку двух магистралей и увидели в стороне от дорог отдельно стоящее сооружение с красочными стендами, призывающими отведать русские яства. Время обеденное, решили остановиться, перед рестораном была асфальтированная стоянка. Правее центрального входа была устроена просторная клетка, где обитали два молодых медведя. В просторном зале стояли деревянные покрытые темным лаком длинные столы, при них с резными высокими спинками деревянные стулья такого же стиля, по залу двигались подавальщицы в расшитых русскими узорами кофтах, юбках и красивых фартуках, на голове кокошники, на ногах красивые сапожки (не хочется называть их нерусским словом «официантки»). В одном их углов стояла большая клетка с говорящим попугаем. В зале было много зеленых насаждений в кадках. Обстановка очень уютная, располагающая к отдыху. Нам подали заказанные русский квас, пельмени. Отдохнули, рассчитались, стоимость обеда вполне доступная. Отметим, что можно же создать при желании приятные точки общественного питания, резко отличающиеся от большинства таковых на просторах великой страны и даже в столицах.

Пустились в дальнейший путь. Шли с приличной скоростью, но ехать в темное время суток не намечали. Перед самым заходом солнца уже были на территории южной оконечности Республики Коми. Небольшая деревушка. Решили попроситься заехать в подворье, чтобы не ночевать на обочине, так ведь безопаснее. Постучался в домик, стоящий в глубине приусадебного участка, огороженного покосившимся редким забором. Вышел мужчина лет сорока в неряшливой одежде с глазами, выражавшими полную тоску. Мне даже захотелось вернуться обратно, но я все же спросил разрешения заехать в усадьбу и переночевать здесь в машине. Хозяин сразу же дал согласие, а выскочившие из избы трое мальчишек с большим энтузиазмом стали открывать подобие ворот-шлагбаума. Заехал, поставил автомобиль у дальней от избы изгороди от соседнего участка. Мы вышли из автомобиля, размяли ноги после долгого сидения в пути и увидели неприглядную картину – практически весь

приусадебный участок был засажен картофелем и пожелтевшая ботва полностью полегла наземь. В оставшихся от попыток копки некоторых лунках видны были корни с крохотными картофельками. Из-за отсутствия дождей и необычной жары практически погибли картофель и другие виды посадок. Сельские жители этих районов были на грани голода, о чем мы поняли после мытья рук из висящего у избы рукомойника и когда к нам, собравшимся ужинать, подошли явно голодные дети. Мы тут же поделились с ними. Дети с радостью убежали в дом поделиться с родителями. Я тоже заглянул в избу с каким-то вопросом и увидел все убожество внутреннего убранства, соответствующего и внешнему состоянию покосившейся избы. Кое-как проглотили еду и улеглись спать, разложив спинки сидений внутри автомобиля.

Рано утром тронулись в дальнейший путь. Почти не разговаривали, давило на психику увиденное накануне состояние крестьянства в не такой уж глубинке, а вблизи автомагистрали. Дорога с хорошим покрытием, движение не очень интенсивное поутру, держал приличную скорость 90–100 км/час. Через два–три часа подъехали к Волге. Переехали необычный по нашим понятиям мост через Волгу – впечатляет! И мы на левом берегу великой реки у городка Жигулевск. Рядом легендарный город Тольятти, выросший на базе советской стройки века – сооружения автозавода, первая очередь которого уже выдавала «на-гора» современный советский автомобиль «Жигули-2101», прообразом которого был итальянский «Фиат». Стороной объехали центр города, нам не до красот его улиц и домов, нам необходимо скорее преодолеть километры пути до наступления темноты. Стремились вперед на Куйбышев. Большой город недалеко. По незнакомым улицам вести автомобиль трудно-вато, нервозно. Указателей для выезда в нужном нам, да и в других направлениях нет, приходится останавливаться и расспрашивать, обращались главным образом к милиционерам. Один из них вместе с разъяснением как проехать по городу к выезду на Уральск дал рекомендацию нам останавливаться на ночевку у постов ГАИ. Не задерживаясь в Куйбышеве, поспешили дальше на Уральск.

Прошли более 100–110 км. И оказались в районном городке под названием Черниговское (за правильность не ручаюсь). Здесь заправились и бензином и провизией. Выехали. Качество дорожного покрытия резко изменилось, класс дороги снизился в соответствии с данными «Атласа автодорог...» с областного до районного значения и, наконец, в каком-то небольшом селении из нескольких деревянных домов (хуторок) окруженном полями с созревшими зерно-

выми, превратилась в грунтовую. Чувствовалось, что подъехали к пограничным местам, стыку областей, а здесь к стыку республик, т. е. к глубинкам далеким от их администраций, куда не доходили средства на строительство и поддержание автодорог. Тем не менее стоял железобетонный километровый столб с табличками на верхнем конце, на которых с одной стороны «0», а с другой «1». От столба дальше грунтовая дорога почему-то раздваивалась. Выбрали одну из них. Вокруг степь и золотистые «хлеба». Ехали минут сорок и на тебе! Стоит железобетонный дорожный километровый столб, на котором та же табличка с одной стороны «0», а на другой – «1». Остановились, вышли из машины, внимательно осмотрели столб и окрестность и убедились, что мы у того самого столба! Слышно, что вдаль урчат работающие механизмы – идет уборка урожая. Направились к хуторку. На неоднократные просьбы откликнуться на мои вопросы есть ли кто живой в доме, только из одного из них вышел человек довольно преклонного возраста и заявил:

– Никого нет! Все в поле! – А на мои вопросы куда и как проехать в сторону Уральска, старик махнул рукой в нужную по его разумению сторону и молвил:

– Прямо!! – развернулся и вошел в дом. Я обратил внимание, что он в валенках. На этом наше общение закончилось.

Делать больше нечего, возвратились к злополучному столбу и двинулись по правой из двух проселков. Дорога постепенно поворачивала вправо, засеянные поля закончились, голая степь без признаков жизни, лишь почти на горизонте видны отдельные кучки кустарниковой растительности. Приблизились к этой зеленой зоне и увидели за ней возвышавшийся метра на 2,5–3 земляной вал, который оказался краем полотна автомобильной дороги, простирающейся налево и направо насколько видно глазом. Поехали вдоль вала и нигде не было возможности выбраться на дорогу, а по ней редко, но проносились автомобили, которые мы видели лишь по верхушкам кабин. Наконец есть довольно крутой рабочий съезд с полотна дороги. Вышли по нему на дорогу – это довольно широкое дорожное грунтовое прекрасно уплотненное полотно, без верхнего покрытия и лента которого уходила по прямой в каждую сторону на всю видимость глазом. Сел за руль и готов был преодолеть подъем на дорогу. Полные обороты двигателя, и «Москвич» влетел вверх так, что оказался на середине дороги, ширина которой не менее 15 метров. Вырулил к правому краю, по карте определил, что это может быть автодорога «Оренбург-Уральск» и надо двигаться вправо (так и стояли) на Уральск. Пока мы разбирались, проскочили

пару большегрузных автомобилей, но на мои просьбы не остановились. Двинулись в путь, полотно позволяло держать скорость 80–90 км/час и через час–полтора выехали на асфальтированное шоссе и показались городские строения. Это действительно Уральск. Нашли заправку, здесь же поблизости была и столовая. Узнали, как выехать в сторону Актюбинска и, памятуя наставления Куйбышевских гаишников, подъехали к посту ГАИ. Дежуривший офицер после расспросов (номерные знаки на нашем авто все те же «БХБ») разрешил поставить автомобиль несколько сзади гаишного строения-будки. Уже полная темень, улеглись на ночлег.

Только забрезжил рассвет, и мы тронулись в путь. Через небольшой отрезок времени дорога с черным покрытием (думаю методом битумного смешения) с шириной проезжей части в один ряд в каждую сторону, прямая, как линейка до горизонта и так не изменяющаяся сколько едешь, была проложена в бескрайней степи. Только через каждые примерно 20–30 км. были обозначены перекрестки с отходящими вправо или влево грунтовыми дорогами и на дорожном столбе табличка-указатель с наименованием населенного пункта, к которому они вели. Чаше наименования были типа «Новоалексеевской», «Октябрьский», «Урожайный». Это означало наименования поселков, образованных здесь на целине, совхозов. По дороге изредка попадались навстречу грузовики, нагруженные зерном, чаще самосвалы «ЗИЛ-555» и водителями большинства автомобилей были солдаты. Мы мчались со скоростью 100–110 км/час, однообразие пейзажа и отсутствие чего либо, на что можно было бы обратить внимание, способствовало тяги на сон. Попросил Макса Борисовича разговаривать со мной и следить за моим бодрствованием. Лишь однажды сделали остановку, когда увидели лежащий кверху колесами автосамосвал на обочине противоположного движения и сидящих на земле рядом с ним двух солдат. Я направился к ним и спросил:

– Не нужна ли, ребята, помощь? – В ответ услышал:

– Да нет, батя! Мы в порядке. Скоро к нам приедут. – Не стал спрашивать о причинах случившегося. Солдаты были в явно нервном возбуждении, похоже авария с ними произошла не так давно.

Солнце жарило здорово, в воздухе «марево», все окна открыты, машина продувалась за счет скорости. Остановились прямо в степи, укрыться от солнца негде. Пообедали и опять в путь. Часов через 5–6 пути мы в Актюбинске. Типично казахский город, на окраинах рядом с капитальными одно- и двухэтажными кирпичными домами стояли юрты, бродили верблюды и ишаки (ослы), ветерок-поземка

переносили оторвавшиеся с корней высохшие «букеты» колючки, газетные обрывки и прочий мусор. Нас не интересовало ничего, кроме бензозаправочной станции и продуктового магазина. Нашли, «заправились» и – на выезд в дальнейший путь.

Дорога по-прежнему прямая, покрытие сносное и скорость движения приемлемая для спешащих. Пейзаж несколько изменился, появилась некоторая холмистость, вдали даже небольшие горы. Видны признаки «цивилизации» – большая запыленность, запахи дыма, дорожное покрытие в выбоинах от тяжелой техники. Виден довольно большой по площади и уже достаточно глубокий, несколько уступов карьер, а за ним, на противоположной стороне производственные здания и сооружения. Обогнув карьер, проехали по окраине жилого городка, и все это называется «Хромтау». Не задерживаясь, поехали дальше, впереди самые неопределенные по проходимости участки пути, что понятно просто по тому, что там нас ждала пустыня, и было видно по обозначенным в «Атласе...» характеру и значимости предстоящих дорог. Пока еще ехали по дороге с черным покрытием, но через два часа пути пришлось съехать с трассы на обочины – шли работы по поднятию уровня и ее расширению. А на обочинах глубокая колея в рыхлых породах, пыль поднималась неимоверная, заносило ее в сторону движения (попутный ветер) и практически не было никакой видимости. Скорость минимальная. Вот опять появилась возможность заехать на трассу, здесь не было никаких работ, хотя полотно изрядно изрыто выбоинами, но все же можно было двигаться со скоростью 50–60 км/час, были дорожные знаки, километровые столбы и т.п. Не понятно только почему и зачем ремонт и устройство выполнялось довольно большими участками, оторванными друг от друга. Приходилось то съезжать, то выезжать заново на трассу. Местность слегка гористая, между поднятиями довольно широкие долинны пространства. Участки реконструкции дороги закончились, грунтовое покрытие с достаточным количеством выбоин, но хорошо укатанное не очень пылило и позволяло развивать скорость 60–70 км/час. Время поджимало, солнце двигалось к закату и надо было добраться до населенного пункта, а вокруг ни одного селения, да и по «Атласу...» только впереди городок под названием «Иргиз».

Несмотря на все перипетии мы уже за тот день по показаниям спидометра проехали почти 700 км. Начинало быстро смеркаться. Мы на ровной местности, просматриваемой, несмотря на уменьшение светового дня, влево и вправо долина и впереди сверкает ленточка реки. Полностью грунтовая дорога привела нас к пологому

берегу. За водным пространством шириной примерно метров 50–70, крутой подъем на плоскогорье, над которым был виден лишь один огонек, стало совсем темно. Вышел из машины, надел резиновые сапоги (есть в багажнике) и промерял глубину потока по вероятному маршруту преодоления его к грунтовому въезду вверх. Оказалось, что глубина не более 50–70 см, но дно из довольно рыхлых пород. Решили не оставаться здесь до рассвета, а добираться до городка. Завел двигатель и на первой скорости без приключений прошел водную часть пути, с добавкой «газа» преодолел подъем и выехал на плоскогорье. Перед нами буквально с десятков одноэтажных строений, юрт, слышна работа двигателей дизельной электростанции, на нескольких опорах уличные светильники. На одной из площадок стояло несколько автомобилей и вблизи от них автозаправочная станция с двумя колонками. Поставил свой автомобиль в выстроенный ряд ранее стоявших рядом с «Волгой» ГАЗ-21. Остальные автомобили грузовые большой грузоподъемности. Несмотря на уже позднее время в поселке было какое-то движение, поодаль тлел костерчик, вокруг несколько сидящих и беседующих людей. Автозаправочная станция закрыта. Мы поужинали в машине при открытых дверцах. Появились хозяева рядом стоящей «Волги», трое мужчин и устроились на ночлег, один в машине и двое в спальных мешках. Мы тоже легли в машине на разложенные сидения, довольно комфортно.

Проснулись с рассветом, солнце быстро шло на подъем, начало припекать. Поднялись и соседи. Познакомились. Владелец автомобиля лет 55 худощавый узбек, живущий в Нукусе, участник ВОВ, по профессии водитель, его на много младший родной брат, врач, живущий и работающий в Ташкенте и молодой человек по имени Леонид, инженер – горный электромеханик, живущий в Москве, отец которого фронтовой друг и товарищ владельца «Волги». Узбекские братья приезжали в гости к московскому другу, купили со вторых рук автомобиль «ГАЗ-21» и много запчастей к нему (полный багажник) и теперь перегоняли его в Узбекистан. Сын друга, Леонид, взяв трудовой отпуск, сопровождал друзей как второй водитель, чтобы скорее добраться до Ташкента – у врача отпуск заканчивался, и он не хотел опоздать на работу. Они, прибыв в Иргиз раньше нас, подробно выяснили предстоящую дорожную обстановку нашего пути до Аральска – это фактически бездорожье по пустынным пескам с участками передвигающихся барханов высотой в десятки метров. Устроили совместный завтрак, в процессе которого предложил двигаться вместе двумя машинами с условием, что я иду впереди, и

в случае пробуксовки в песках они помогают выбраться, наметили совместно меры по обходу непроходимого места и «Волга», по возможности, обходит его. В порядке компенсации предложил попутчикам возможность использования наших, довольно внушительных съестных припасов и дров, чего совершенно нет у них, из-за полной (и даже излишней) загруженности багажника и части заднего сидения салона «Волги» запчастями. Соглашение состоялось.

Мы все были огорчены, когда выяснилось, что автозаправочная станция открывается лишь в 9 утра – азиатско-восточная ментальность. Это же потеря драгоценного нежаркого поутру времени, но делать нечего, произвел некоторые профилактические операции автомобилю. Мы первыми заправились бензином – какая радость, что в таком месте все-таки есть заправка и в наличии бензин!

Неприятности не стали себя долго ждать, буквально через первую десятку километров колея, проложенная грузовиками, уперлась в довольно высокий, метров пять, бархан и мой автомобиль, зарывшись «брюхом», сел в песках. Все включились в работу по уборке песка из-под авто (есть две саперные лопатки), я выбрался задним ходом из бархана, обследовали окрестность, наметили обходной маневр, увидели следы ранее проезжавших и нашли вариант. Удалось. Двигались со скоростью не более 10–15 км/час. Солнце уже поднялось к зениту, температура воздуха накалилась, а малая скорость не приносила «ветерка», хотя спущены все стекла в дверках автомобиля. Дорожного полотна как такового не было, была лишь колея, проложенная большими большегрузными автомобилями, пользующимися этим маршрутом. Ширина колеи больше, чем разнос колес «Москвича» и мне приходилось одним из колес, то левым, то правым ехать по межколеийному бутру. Примерно через 5–6 км пути увидели километровые столбы с цифрами километража, что совершенно не понятно – что здесь ранее была организованная автодорога?! А может быть это знаки будущего строительства?! Правда, в «Атласе автомобильных дорог СССР» эта трасса обозначена как автодорога республиканского значения!!! Парадоксы Советской действительности.

Опять перед нами гряда барханных песков, обойти которые невозможно. Перед преодолением каждого бархана проводили рекогносцировку, некоторые действия по уборке межколеийной гряды, засыпке глубокой колеи собранными в окрестности сухими остатками весенней зелени. Все участники «путешествия» активно, почти не разговаривая, выкладывались для создания условий продвижения автомобилей. Делали передышки, запасы питьевой воды очень

быстро уменьшались. Солнце уже в зените, а пройдено не более половины пути. Пытались каждый раз обойти очередной бархан по имеющимся следам в пологих песках, оставленных ранее прошедшими автомобилями, но кончалось это тем, что перед нами оказывался другой, не менее высокий и еще с более глубокой колеей, бархан. За прошедшие 5–6 часов пути встретили не более 2–3 встречных грузовиков. У очередного встретившегося водителя узнали, что впереди еще более сложные барханные участки труднопроходимые для наших автомобилей. Водитель дал совет отклониться от намеченного пути на Аральск, взять вправо и выйти на станцию «Саксаульская», куда вела более благоприятная дорога, хотя и несколько длиннее маршрут, а от «Саксаульской» к Аральску легче проехать вдоль железной дороги, где также нет организованной автодороги, но нет барханов. Обсудили и решили прислушаться к совету.

Действительно, через небольшое время выехали на равнинную, с не большим слоем песка и гальки область, где местами была пустынная растительность. На почве просматривались следы проезжавших здесь автомашин и шли они в разные направления. Можно было двигаться с приличной скоростью, но каждый раз, когда-то что называется дорогой раздваивалось, приходилось останавливаться и обсуждать куда же ехать? Видимость хорошая, но на просматриваемом до горизонта пространстве не было никаких признаков человеческого присутствия.

Часа через два пути остановились перекусить и обсудить создавшуюся обстановку, поняли, что похоже, мы заблудились. Решили двигаться, придерживаясь направления на юг, имея в виду, что должны таким образом добраться до железной дороги, которую не заметить нельзя, а уж в каком ее участке, то это как повезет. Настроение у всех не из лучших, высказывались сомнения в правильности ранее выбранного решения уйти с «официальной трассы» на Аральск.

Поехали дальше и в мареве горизонта левее направления движения появились контуры двух юрт – не мираж ли это? Свернули к ним и убедились, что это реальные объекты. Когда мы приблизились к юртам на расстояние метров 300–400, то увидели мчавшегося верхом на лошади седока откуда-то из пустыни тоже к юртам. Почти одновременно подъехали к первой, выполненной из серо-коричневого войлока, и из которой поднимался дымок. К нам подошел спешившийся седок, молодой казах, одетый в выцветшую военную гимнастерку и войлочном национальном головном уборе, произнес

слова приветствия на чистом русском языке. Мы с радостью поприветствовали его, расспросили, как и куда необходимо ехать, чтобы добраться до станции «Саксаульская». Нас внимательно слушала и вышедшая из юрты молодая беременная женщина в национальной одежде. Поодаль паслись несколько верблюдов, лошадей, бычков. Хозяин что-то сказал женщине на казахском языке и она вынесла кувшин и несколько пиал – нам предложили выпить довольно прохладный молочного вида напиток – кумыс. Мы с благодарностью приняли угощение. Хозяин назвал свое имя – Касым и пригласил нас передохнуть в рядом стоящую с наветренной стороны белую (из светлого войлока) юрту и откинул входной полог. Вошли в полутемь. Постепенно глаза адаптировались и хорошо стало видно внутреннее убранство юрты: под ногами шерстяные ковры с национальным узором, на трех вертикально висящих паласах прикреплены богато расшитые и инкрустированные полудрагоценными камешками кожаные лошадиные сбруи и седла для верховой езды, вокруг центральной части юрты устроены небольшие возвышения, покрытые коврами и подушками для расположения отдыхающих. Вверху круглый проем, через который в юрту проникает дневной свет и свежий воздух. Касым включил радиоприемник, работающий на батарейках. Его супруга принесла (только ко входу в юрту) фарфоровый чайник и пиалы, передала их Касыму. Касым раздал нам пиалы с зеленым чаем и пошла беседа, в течение которой мы узнали, что он отслужил в Советской армии, после демобилизации работает уже несколько лет чабаном (пастухом) в одном из совхозов и пасет табун лошадей. Работает старательно, успешно, ему хорошо оплачивают труд. Вместе с ним трудится и его жена, у них двое детей. Вместе с совхозным табуном пасутся и его личные верблюды, бычки и овцы. Юрты и все их убранство – его личная собственность, работой он доволен, зимний сезон проводят дома, весенне-летний на пастбищах. На вопрос одного из нас:

– А сколько может стоять такая юрта? – последовал ответ:

– Примерно, как автомобиль «Москвич!»

Мы воспользовались гостеприимством Касыма не менее 1,5–2 часов. Он подробно рассказал нам, как и по каким приметам двигаться дальше, до Саксаульской осталось не более 30 км. На прощание он попросил нас оставить ему несколько сигарет. Я дал ему две пачки, чем он остался очень доволен. Мы же были ему вдвойне благодарны за оказанный нам прием и помощь.

Через десяток километров встретили грузовой автомобиль, на который два человека погружали заготовленные ими полу- и

сухие колючки. Они нам сказали, что мы на верном пути и скоро появится организованная грунтовая дорога, ведущая к ж.д. станции «Саксаульская», где мы сможем отдохнуть и даже, если пожелаем, заночевать, для чего один из них дал нам его домашний адрес. Прогноз оправдался и появились одноэтажные здания жилья и каких-то небольших примитивных производств – мастерских, складов. В поселке была и столовая, где мы с удовольствием проглотили стандартные блюда большинства «столовок», присущих общепиту того Советского периода в любой точке необъятной Страны независимо от их географического положения.

Задерживаться не стали, переехали через ж.д. пути по переезду, устроенному из шпал, скрепленных строительными скобами, и отправились по грунтовой песчаной дороге, проходящей вблизи ж.д. пути трансзаирской магистрали, в сторону городка и очередной ж.д. станции Аральск. И опять пришлось преодолеть несколько барханов с применением известных уже нам приемов, хотя проходящая по ним колея была менее глубокой, чем прежние и моральное состояние наше было не очень подавленным – успокаивало наличие ж.д. магистрали, по которой очень часто проходили то в одну, то в другую сторону длинные ж.д. составы с грузами и реже пассажирские (одноколейка).

Уже почти к концу светового дня приблизились к ж.д. станции Аральск. Городок находился по другую сторону ж.д. пути и мы туда не стремились. Автомобильная колея проходила по узкому пространству между ж.д. магистралью и пологим берегом Аральского моря, практически приближаясь к срезу воды. Тогда Аральское море еще было «полноводным», хотя тенденция к его высыханию уже наметилась. Опасность забуксовать в размокшем песке весьма вероятна, но после пешего обследования решились на повышенной скорости проскочить небольшой участок очень близкий к воде и это нам удалось. Отъехали километров 10–15 и наступила темнота. На ночлег остановились поодаль от проезжей колеи, развели костер из имевшихся у меня в багажнике поленьев. Наши попутчики заявили, что вынуждены расстаться с нами в связи с тем, что врач спешил попасть на работу и вести автомобиль будет второй их водитель. Делать нечего, устроили прощальный ужин с выпивкой. Расставались с сожалением, пожелали друг другу самых лучших благ. «Волга» с нашими попутчиками ушла в темень ночи. Больше мы никогда не встречались, но с большой благодарностью много раз в последующие годы и до сих пор я вспоминаю братьев-узбеков и Леонида-москвича, оказавших нам неоценимую помощь

в благополучном преодолении песков Кызылкумов. Без нашего «союза» неизвестно чем могло закончиться такое путешествие в пустыне.

Остались на ночлег вдвоем с Максом Борисовичем. Как только забрезжил рассвет, двинулись в путь. И опять перед нами довольно высокий бархан, через который проходила колея и других возможностей проезда нет. Пешее обследование, наметил детали поведения на подъеме, взял возможный разгон на равнинной части перед подъемом и на полных оборотах двигателя взлетел на верхушку бархана! Сбавив обороты мотора и спускаясь с барханы, услышал громкий стук в двигателе. «Ну!» – подумал – «Пришла беда!». Как только спустился, заглушил двигатель, поднял капот. Ничего сделать не мог – весьма высокая температура всех металлических деталей, лишь смогу щупом посмотреть уровень масла в картере двигателя, масло в норме. Ждали остывания, а пока обсуждали с Максом Борисовичем возможные варианты действий, если дальше двигаться на автомобиле было бы нельзя. Оставлять автомобиль без присмотра – это все равно, что его потерять навсегда. Кому-то из нас надо было ждать здесь при автомобиле, а второму возвращаться в Аральск и добираться поездом в Ташкент, откуда нужно было доставить необходимую запчасть. Посчитал, что оставаться здесь, в пустыне должен я. Макс Борисович с этим согласился. Через час-полтора снял кожух клапанной коробки. Проверил зазоры между толкателями и коромыслами клапанов и обнаружил, что один из зазоров вместо доли миллиметра составляет более сантиметра. Не вероятно! Как регулировочная гайка и контргайка могли раскрутиться так!? Но факт есть факт. Восстановил размер зазора, благо резьбы не были сорваны. Все удалось сделать. Завел двигатель – работает без стука, устойчиво. Радость беспредельная!

Двинулись вперед, пески становились более плотными, барханов больше нет. По карте впереди ж.д. станция и городок Калининск, и мы через пару часов здесь. Небольшой отдых, перекусили и дальше в путь. По карте до очередного пункта, станции Джусалы примерно 170–180 км. Но значительно раньше дорога стала как-то обозначенной, даже с признаками черного покрытия и вот мы подъехали к КПП со шлагбаумом и двумя солдатами-автоматчиками. У нас потребовали документы личные и на автомобиль. Один из солдат спросил закурить, дал ему с десятков сигарет. Нам объяснили, что мы въезжаем в запретную зону, нам следует придерживаться дороги вдоль ж.д. полотна, не въезжать в центр показавшегося городка, именуемого «Ленинск». Выполнили данные нам

наставления. Справа виднелись двух- и трехэтажные дома, много агитстендов, присущих советским социалистическим городкам. Затем асфальтированная дорога перешла через железное полотно на левую (по ходу движения) сторону и открылась панорама широкой, асфальтированной, с разметкой автомагистрали, уходящей на север в степь на всю видимость глазом. Развил по ней скорость 80–90 км/час, но через 10–15 минут большой придорожный стенд известил о запрете дальнейшего движения по дороге и необходимости сворачивать вправо, на Джусалы, Кызыл-Орду. Догадались, что это дорога на космодром «Байконур». С сожалением съехал опять на полевую дорогу, но уже через три-четыре километра дорога стала с черным покрытием с шириной проезжей части по одной полосе в каждую сторону. Движение очень редкое, была возможность двигаться на скорости 70–80 км/час. Настроение повысилось, не было желания останавливаться, питались и пили на ходу. Без происшествий проехали Джусалы и спешили по возможности в светлое время добраться до Кызыл-Орды. Перед въездом в город был пункт ГАИ и вблизи от него островок многолетних зеленых насаждений у довольно широкого арыка. Подъехали к этому месту и тут же устроились на ночлег. Здесь уже стояла черная «Волга», и двое мужчин примостились на складных стульчиках у тлеющего костра. Вынесли свои припасы, дрова и подошли к костру с просьбой разрешить нам присоединиться к отдыхающим. Получили разрешение. Обменялись информацией о своих маршрутах и их целей. Оказалось, что мы разговариваем с министром шоссейных дорог Казахской ССР, который совершал инспекторскую поездку по областям Республики, и его шофером. Рассказал о наших мытарствах по пустыне и выразил непонимание тем, что нет очень нужной коммуникации, которая могла бы весьма положительно повлиять на развитие многих отраслей региона и улучшение жизни населения. Министр согласился и сказал, что он как раз и хочет продвинуть строительство дороги на этих участках и выразил мнение, что через три-четыре года эта проблема будет решена. Не знаю про день сегодняшний, но мне известно, что до момента нашего отъезда из СНГ автомобильной дороги между Аральском и Иргизом построено не было. После приятных разговоров наши собеседники стали собираться в дорогу, они здесь ночевать не собирались, останавливались лишь отдохнуть. Мы закончили ужин и улеглись спать. Приняли решение преодолеть оставшиеся примерно 600–650 км до Ташкента за завтрашний день, хотя характер предстоящих дорог не предполагался хорошим.

Поднялись не очень рано, следовало в городе пополнить запасы провизии и питья, а магазины открывались не ранее 8 утра. Из города выбрались лишь после девяти.

Без каких-либо приключений и заметных событий миновали пункты Чиили, Туркестан, Арысь, останавливаясь лишь на короткое время размять ноги и подкрепиться едой. «Крейсерская» скорость из-за неудовлетворительного состояния дорожного покрытия и увеличивающейся интенсивности движения была довольно скромной и нам удалось прибыть к Ташкенту лишь в полной темноте. По сверкающему огнями городу ехали с минимальной скоростью, стараясь не попадать в поле зрения сотрудников ГАИ – внешнее состояние автомобиля, пропотевшие одежды и небритые физиономии седоков могли привести к долгим объяснениям. Около полуночи прибыли домой. Нас с нетерпением ждали. Мы по ходу прохождения по маршруту ежедневно (кажется пропустили лишь один день) давали телеграмму Юле о нашем благополучии. Быстро сбросили с себя дорожную одежду, гимнастерка не только пропиталась потом, пылью и грязью, а и разорвалась местами на ленточки. Приняли ванны, с удовольствием поужинали домашней едой в кругу родных. Я проспал, не просыпаясь, более 20 часов. Мы совершили маршбросок на 3500 км за 6 условно световых дней, пройдя в среднем почти по 600 км в день. Все детали «Москвича» так «пропитались» песком, что я его выметал из разных мест в кузове и багажнике при каждой уборке в течение более 2-х лет.

ГЛАВА 5

Принят коллективом. Становлюсь ГИПом по НГМК

Значимость горного отдела в филиале под руководством опытного специалиста каким был Н. С. Прокопенко, укомплектованность этого отдела кадрами с производственных предприятий, способствовавших приданию большей уверенности у молодых специалистов, выросла не только в рамках самого филиала, но и в среде специалистов и руководства головного института. Мои служебные единоличные поездки или во главе группы проектировщиков-горняков и в ЛГХК и особенно в НГМК, заканчивающиеся, как правило, успешным разрешением возникающих технических вопросов, зачастую имевших неоднозначное решение и разные предложения со стороны специалистов комбинатов, оперативное выполнение проектных проработок этих решений, удовлетворяющее заказчиков, закрепляло и мой личный авторитет в среде проектантов. Весьма доброжелательно принимали меня и в комбинатах, начальники и специалисты производственных отделов которых были моими товарищами. В НГМК продолжал действовать порядок, введенный при Зарапетяне, в соответствии с которым прибывающие в командировку из внешних организаций могут попасть на подчиненные предприятия (рудоуправления, заводы) только после получения резолюции на командировочном задании от одного из первых руководителей комбината. Я в таких случаях старался попасть к А. А. Петрову, который принимал меня, как правило несмотря на занятость, доброжелательно. В филиале разрабатывался «Проект II очереди строительства и подземной отработки запасов месторождения Сабырсай», в ходе которого было много дискуссий по возможности и целесообразности осуществления его, из-за наличия над рудным весьма мощного, обводненного с высокими

напорами кампан-палеоценового горизонта. Мой уже многолетний опыт работ, в частности в Сабырсае, дал возможность очень активно и веско участвовать в обсуждениях этого вопроса и в филиале, и в головном институте, и в комбинате, причем, к моим замечаниям и предложениям относились весьма внимательно и серьезно.

В электромеханическом секторе горного отдела филиала явно не хватало имеющего производственный опыт работ квалифицированного специалиста, который мог бы внести оживление во внедрение в разрабатываемые проекты элементов автоматизации управления горными механизмами и процессами. Н. С. Прокопенко неоднократно просил меня выбрать такую кандидатуру в НГМК и предложить перейти на работу в филиал. В предыдущей книге писал, что в НГМК стал работать заместителем главного механика Л. И. Бастриков, с которым мы были знакомы еще по совместной работе в Майли-Су, дружили в Навои семьями. Мы знали, что супруга Леонида Ивановича, Наташа, довольно болезненная женщина, есть уже взрослые две дочери, которым необходимо получать высшее образование и стремление последних вырваться в «большие города». Я предложил Леониду Ивановичу переход на работу в филиал. Он дал согласие, перевод осуществился, семье Бастриковых выделили освободившуюся трехкомнатную квартиру в одном из домов по ул. Танкистов. Возглавив электромеханический сектор горного отдела, Л. И. Бастриков тактично и умело внедрился в процесс проектирования, показал свой высокий уровень знаний и со временем значительно улучшил стиль работы подчиненных ему групп. Иногда в процессе работ интересы наших секторов входили в противоречие, особенно по вопросам разделения стоимости проектных работ, которые начальник отдела должен был разделить между нами. Каждый из нас пытался доказать большую весомость и долю в предстоящих разработках. Н. С. Прокопенко терпеливо выслушивал наши рассуждения, прекращал дискуссию при переходе к слишком эмоциональным выражениям и заканчивал выдачей каждому из нас ровно половины. На этом и заканчивались наши расхождения. Работали слаженно, авторитет отдела и наш личный рос. Мы продолжали дружить семьями, старшая дочь Бастриковых поступила в медицинский институт в Москве, младшая продолжала учебу в Ташкенте.

Подходил годичный срок со дня наложения на меня партийного взыскания и возможности подачи заявления о его снятия. Я готовился к этому событию, надо было пройти все инстанции от

первичной ячейки, партгруппы, и до бюро Ташкентского обкома КПУз, только областная парторганизация могла снять взыскание, наложенное областной парторганизацией. Партийные ступеньки в филиале прошел быстро. На заседаниях парткомиссии и бюро Янгибадского горкома КП УзССР снятие взыскания тоже прошла без особых расспросов, большинство членов этих партийных органов, как и первый секретарь горкома Константин Михайлович Тимофеев, знали меня уже много лет и отнеслись к моему взысканию с несколько юмористическим оттенком. Сложнее было пройти заседание и долгий опрос партийной комиссии Ташкентского обкома, членами которого были в основном «старые большевики» пенсионного возраста. Дотошно добирались своими вопросами до сути дела, заставили меня «пропотеть», но все же «простили» меня и рекомендовали снять с меня партийное взыскание, что очень помогло совершиться этому на заседании бюро Ташкентского обкома КП УзССР за 5–10 минут почти без дополнительных вопросов, хотя я очень волновался как раз перед этой инстанцией. Теперь я стал «чистым» членом КПСС и вскоре избирался членом партбюро партийной организации филиала.

Н. С. Прокопенко, будучи одним из старейших, как по возрасту, так и по времени работы в системе Минсредмаша сотрудником, был прекрасным наставником и руководителем отдела, вел себя очень независимо с руководством филиала, не стеснялся и очень корректно высказывал свои дельные замечания по работе в адрес любого руководителя независимо от его ранга. Замечу, что и он стал сотрудником филиала института в Ташкенте «по несчастью». После перевода и отъезда с «Развилки» (в дальнейшем Янгибада) в середине пятидесятих годов с должности главного инженера предприятия он стал главным инженером предприятия (рудоуправления), расположенного вблизи г. Пятигорска, в районе мировой известности курорта, и подчинявшегося непосредственно Первому главному управлению Министерства. Начальником (директором) этого предприятия был Степан Гаврилович Вечеркин. Развитие здесь горных работ, переработка привозимых с других предприятий («давальческих») руд, научных исследований и строительство прекрасного городка, названного «Лермонтов», шло полным ходом. Через какое-то время стало модным строить собственные дома в этом престижном районе трудящимися предприятия. Соблазнились и первые руководители. Семья Прокопенко за свой счет возвела очень красивый, в несколько уровней дом (о нем уже упоминал). Но, кто-то позавидовал такому поведению руководи-

телей и написал «жалобу», в которой сообщалось об использовании Н. С. Прокопенко служебного положения при приобретении материалов и услуг на строительстве дома. Началось служебное и партийное расследования, были попытки заведения и уголовного преследования. Но очень аккуратный и опытный человек, каким был Н. С. Прокопенко, сохранил все необходимые документы и доказал полную оплату всех затрат на законных основаниях и отвел уголовные претензии. Однако, в его действиях (кому-то это захотелось) были найдены нарушения «партийной этики» и других прегрешений, на него наложили какое-то партийное взыскание и отстранили от должности. Так он оказался в Ташкенте на работе в филиале Московского института. Николай Степанович не скрывал, что стремится переехать на постоянное место жительства в Москву. Думаю, что это диктовалось двумя главными обстоятельствами. Во-первых, болезнь его супруги, Мины Ивановны (не уверен в правильности), страдавшей прогрессирующей формой болезни Паркинсона, и во-вторых – необходимостью получения высшего образования в престижном ВУЗе его дочерью. Прокопенки занимались поиском вариантов квартирного обмена на Москву. У нас были довольно дружелюбные отношения, но из-за болезни супруги Прокопенки не посещали семейные праздники друзей и товарищей и не приглашали к себе. Мне довелось побывать в квартире семьи Прокопенко несколько раз, общаться с очень приятной, даже красивой в свои почти 60 лет дамой, с явным оттенком «кавказской национальности», ярко выраженным аристократическим воспитанием и хорошо поставленной, очень грамотной русской речью Миной Ивановной. Она очень хорошо умела готовить вкусные яства, очень красиво и с явной доброжелательностью угощать гостей.

Николай Степанович неоднократно в разговорах со мной, поначалу как бы намеками, а затем по мере приближения возможного варианта квартирного обмена уже прямо выражал свое мнение о назначении меня начальником горного отдела вместо него. Мне с одной стороны это льстило, а с другой стороны было несколько неловко, имея ввиду, что в отделе есть заместитель начальника – Революд Львович Левитин, горный инженер, уже порядочно лет работавший в институте, бывший преподаватель горных дисциплин в Чкаловском техникуме ЛГХК. Выслушивая предложения Н. С. Прокопенко, старался не выказывать каких-либо эмоций.

В самом конце 1973 года меня вызвал к себе Афанасий Павлович Суворов и в беседе один на один на разные производственные темы спрашивает:

– А как ты смотришь на то, что я предложу тебе стать главным инженером проектов по НГМК? – Это было неожиданно. После небольшой заминки задаю свой вопрос:

– А как на это посмотрит А. А. Петров? – В ответ:

– Это согласовано с ним! – Про мнение главного инженера НГМК не спрашиваю и вот почему. К этому времени главным инженером НГМК уже стал Иван Иванович Белов, горный инженер, переведенный по просьбе А. А. Петрова с должности начальника горного отдела Первого главного управления Минсредмаша. Я ведь прогнозировал, что А. А. Петров не будет долго «держатъ и терпеть» А. П. Щепеткова, которого, как мне казалось, еще в годы работы в Учкудуке, он (Петров) не очень жаловал. С Иваном Ивановичем я неоднократно встречался, еще работая в НГМК и уже трудясь в институте. Очень выдержанный, я бы сказал даже чересчур интеллигентный для горняка и участника войны, человек относился ко мне тактично и, как мне казалось, с уважением, как к прошедшему хорошую школу горняцкого труда. И. И. Белов, будучи старше меня по возрасту, окончил институт на год позже меня и тоже имел значительный опыт ведения горных работ, занимая разные и довольно высокие должности на зарубежных предприятиях нашей системы. Думаю, что идея назначить меня главным инженером проектов филиала института по НГМК возникла именно у руководства комбината, которое и предложило А. П. Суворову это сделать.

Дал согласие на переход в ГИПы и с января 1974 года начал выполнять эти обязанности. Николай Степанович, несмотря на недовольство моим уходом из отдела, продолжал со мной самые благожелательные отношения.

Совершил поездку в Навои и представился в новом амплуа А. А. Петрову и И. И. Белову. Обошел в управлении комбината начальников, заместителей начальников отделов, сотрудников основных производственных отделов. Все принимали мое назначение благожелательно. Попробую вспомнить и перечислить некоторых из них, работавших тогда в управлении комбината, тем более, что многих уже и нет в живых. Начальником горного отдела продолжал работать П. В. Смирнов, его заместителем О. Н. Мальгин, сотрудники отдела Г. Коноплев, Ю. Ефремов, Ю. Чернышев и др. Начальником технологического отдела (главный технолог) трудился Ю. Н. Щеглов, вскоре перешедший на работу в г. Желтые Воды на должность начальника технологического отдела филиала №2 института ПромНИИпроект и ставшего затем начальником этого филиала. Главным механиком и начальником механического отдела про-

должал работать Б. И. Шварцман, его заместителем Л. Д. Ефанов. Начальником планового отдела работал О. А. Янушпольский, который сменил уехавшего в неизвестность (для меня) сборщик подписей под письмом-доносом на З. П. Зарапетяна в адрес КПК КПСС Ю. Копылова. Начальником ОТиЗ работал вернувшийся на эту должность после увольнения одного из подписантов упомянутого письма Н. Дружинина, В. К. Жук. Начальником кустового вычислительного центра и главным конструктором по КСКП – вновь организованного подразделения по разработке и внедрению средств автоматизированного учета и управления производством – работал после возвращения из долгосрочной заграничной командировки Ю. М. Маслов. Положительно приняли мое назначение заместитель директора комбината К. П. Павлычев, начальник ОКСа Е. М. Маламуд, главный инженер ОКСа С. С. Бакулин и зам. начальника ОКСа П. Г. Ульянов. Все перечисленные и многие другие сотрудники знали меня по работе в НГМК и, как я понял, приветствуют возможность более близкого общения со мной в работе, выражали надежду на плодотворное сотрудничество. Надо сказать, что в это время создавалась очень напряженная обстановка в своевременном обеспечении проектной документацией развернувшихся горных работ и особенно работ по строительству объектов золотоизвлекательного комплекса.

В первой же поездке в комбинат в новой роли я попросил А. А. Петрова разрешить командировки проектировщиков филиала института непосредственно на предприятия комбината без заезда в Навои, что улучшит оперативность принятия решений и выдачи рабочих чертежей, а при необходимости утверждения некоторых решений руководством комбината старший из проектантов будет это осуществлять заездом в комбинат.

Через месяц–полтора состоялась моя поездка в новом качестве в головной институт в Москву. Здесь, как я уже ранее упоминал, проектированием по каждому комбинату велось под руководством определенной группы (бюро) ГИПов. Меня хорошо приняли мои старшие товарищи, а теперь мои непосредственные опекуны, это ГИП Эдуард Тигранович Оганезов, его заместитель по горным работам Лев Христофорович Мальский и заместитель ГИПа по технологии Владимир Осипович Серко. С первыми, как знают читатели моих уже написанных книг, знаком много лет, а с последним фактически познакомился поближе, хотя уже встречался ранее. В целях исключения дублирования и разделения сфер (объектов и стадий проектирования), определили и уточнили некоторые организационные положения взаимоотношений в процессе работ по

проектированию, порядок рассмотрения, согласования и утверждения разработанных в филиале «Проектов» и «Техно-рабочих проектов» (ТРП). Э. Т. Оганезов официально представил меня директору института Олег Леонидовичу Кедровскому и главному инженеру института Валерию Петровичу Шулике, хотя я был с ними знаком по прежним встречам.

Мой предшественник Г. Н. Осколков перешел на работу в Учкудукское рудоуправление (СРУ) комбината, где стал руководителем проектной группы при производственно-техническом отделе. Мне в «наследство» от него достался в роли заместителя ГИПа по строительству Алексей Андреевич Рогулин. Это инженер-строитель, ранее работавший в строительном отделе № 5 (промышленного строительства), но в силу своего своеобразного, трудного характера не сумевший вписаться в коллектив отдела, был переведен к Осколкову в замы. Рабочие места наши размещались в небольшом кабинете вместе с ГИПом по гражданскому строительству В. В. Источниковым. Мои коллеги ГИП по ЛГХК А. Г. Галочкин и ГИП по КГРК Г. И. Архангельский размещались в соседнем кабинете и замов у них пока не было.

Уже в первые месяцы работы я разобрался с характером и возможностями моего зама Рогулина, довольно теоретически грамотного строителя, знающего многие положения СНиПов наизусть, но формалиста, женолюбца, небольшого роста человека (155–160 см), страдающего от этого «синдромом неудачника», приводящего к частым конфликтам с сотрудниками. Большинство моих поручений по организации проектирования и принятия решений по отдельным объектам заходили в тупик и довести их до конца он не мог. Дело кончалось тем, что он сам просил меня включиться в завершение процесса, хотя я видел и слышал все происходящее, находясь рядом. В то же время А. Рогулин обладал прекрасным почерком, умел красочно оформить плакаты, рисунки, любил чистоту, аккуратность. Решил использовать эти положительные стороны Алексея. Завел систему учета и хранения всех документов, касающихся принятия технических решений, смет на стоимость проектирования и распределения их по производственным отделам, графиков прохождения проектов, технико-экономических показателей, достигнутых по ним, протоколов их утверждения и многое, многое другое по отдельным папкам и расположения их на полках в хронологическом порядке. А. Рогулин замечательно и, как мне показалось, с удовольствием принял мое предложение, scrupulously выполнял это. Он следил за чистотой и порядком в кабинете, объявлял участникам

намечаемых многочисленных при ГИПе совещаний о времени их проведения, организовывал чаепитие. В не очень далеком будущем, когда мы получили отдельный кабинет в новой пристройке к основному зданию, он (кабинет) стал, благодаря стараниям Рогулина, самым лучшим по оформлению и чистоте среди соревнующихся. Он также вел систематическую борьбу со мной, вернее, с моим курением в кабинете, сам будучи не курящим. Я же курил много, обычно сигареты, но в кабинете трубку с хорошим табаком «Золотое руно», запах которого приходили почувствовать многие сотрудники. С А. А. Рогулиным мы проработали много лет, несмотря на некоторую натянутость взаимоотношений между нами, расстались мы лишь в начале 90-х годов, когда стали сокращать численность и увольнять достигших пенсионного возраста.

Так началась моя новая деятельность в должности главного инженера проектов по Навоийскому горно-металлургическому комбинату.

ГЛАВА 6

Успешное решение проблем Сабырсая

Наиболее серьезным объектом проектирования, наряду с выпуском рабочих чертежей для рудников №№ 1 и 2, являлась разработка «Технического проекта строительства и отработки II-й очереди рудников месторождения Сабырсай». Основные технические решения и предложения по второй очереди были приняты в стадии ТЭО (технико-экономическое обоснование), разработанного силами головного института ПромНИИТехнологии. Довольное успешное освоение и разворот работ по строительству и отработки первой очереди рудников, выход их на проектную производительность по добыче довольно легко обогащаемых на ГМЗ-1 урановых руд, выросший и продолжающий строиться городок со всеми видами социальных благ, созданная инфраструктура требовали условий дальнейшего развития работ и рабочих мест, уверенности в продолжении стабильности существования предприятия и жизни населения. Вместе с тем, условия осуществления горных работ на рудниках II-й очереди строительства и на очередных шахтных полях резко ухудшались за счет значительного увеличения глубин залегания продуктивного горизонта и наличия надрудного мощного, обводненного и высоконапорного кампан-палеоценового горизонта, отделенного от первого примерно 40-метровым прослоем плотных, водонепроницаемых глин. Проведение добычных работ предусматривались системами с обрушением выработанного пространства и, хотя все теоретические расчеты показывали, что зона обрушения при этом не дойдет до кампанского горизонта, полной уверенности в этом не было. Полной и повсеместной изученности физико-механических свойств, мощности и других характеристик глин, составляющих водоупорный горизонт, не имелось, а доведение необходимой изучен-

ности требовало дополнительного времени и значительных средств. Укрупненные проработки вариантов применения систем с закладкой выработанного пространства, предварительного снятия напоров с кампанского горизонта давали неприемлемые технико-экономические показатели по себестоимости добываемых руд. А время поджимало. Я уже сообщал, что оборудование поверхностных площадок стволов № 1-2 рудника №1, № 2-2 рудника № 2 и даже непосредственно проходка ствола № 2-2 начались уже в 1971 году при моей работе директором рудоуправления. Разработанными головным институтом с привлечением специализированных организаций локальными техно-рабочими проектами предусматривалось пройти ствол № 1-2 методом замораживания пород водоносных горизонтов с тьюбинговым креплением, а проходку ствола № 2-2 уже освоенным в НГМК методом скважинного снятия напоров с водоносного горизонта и применением усовершенствованного проходческого щита, разработанного конструкторами научно-исследовательской лабораторией ПромНИИпроекта, возглавляемой Геннадием Трофимовичем Шираем и его сотрудниками Ю. В. Литинским, А. Кузнецовым. По этим проектам на площадке ствола № 1-2 были построены здания подъемной машины, замораживающей станции, пройден воротник ствола, а ствол № 2-2 был довольно успешно пройден на всю проектную глубину и на площадке началось строительство постоянного административно-бытового комбината.

В то же время в Учкудуке в конце 60-х и в начале 70-х годов продолжались уже на уровне опытно-промышленных работы по извлечению урана методом скважинного подземного выщелачивания особенно на участке № 102. Проведенные и остановленные в 1970 году опытные работы СПВ на залежи № 12 в Сабырсае были оценены в отчете, выпущенном сотрудниками предприятия совместно с исследователями ВНИИХТа и ПромНИИтехнологии, в котором подробно указывалось на допущенные ошибки, недочеты и, главное, неудачно выбранный участок для проведения опыта из-за больших глубин залегания, наличия мощного надрудного горизонта щелочных пород при отсутствии необходимых материалов обсадки скважин и т. п. В отчете все же была подтверждена принципиальная возможность извлечения урана способом СПВ в Сабырсае.

Сотрудники геологического отдела предприятия предложили провести дальнейшие опытные работы СПВ на обособленном рудном блоке запасов в районе первого шахтного поля и поддержанные руководством разработали проект. Работы начались в 1974 г., продолжались более 2-х лет и показали вполне удовлетворительные

результаты по извлечению и себестоимости единицы продукции. Во время моих посещений Южного рудоуправления его директор Виктор Петрович Щепетков, с которым у меня продолжались хорошие деловые и товарищеские взаимоотношения, обязательно завозил меня к месту опытных работ и просил включиться в проектирование отдельных объектов для опытных работ: растворосборников-отстойников, насосных станций и т. п. Мы с ним решили прилагать максимум усилий по получению положительных результатов, переходу на опытно-промышленные объемы работ.

Перспективность способа скважинного подземного выщелачивания урана в горно-геологических условиях месторождений Учкудукского и Сабырсайского типа стала реальной и вопросами изучения процессов выщелачивания, создания материалов, приборов, механизмов для совершенствования его стали заниматься не только производственные предприятия, а и ученые и исследователи ВНИИХТА, ПромНИИпроекта, где создавались специализированные лаборатории и отделы. Необходимость быстрее создания условий и кадров для проектирования объектов СПВ в Ташкентском филиале ПромНИИпроекта первыми осознали мы, сотрудники горного отдела, которым уже в какой-то степени не хватало объемов работ по проектированию рудников. С момента же моего перехода на работу ГИПом я настоятельно требовал усиления геологической группы, укомплектованию ее необходимыми специалистами. Однако начальник отдела Н. С. Прокопенко тормозил прием дополнительных сотрудников, мотивируя недостаточным объемом плановых работ. Я убедил директора А. П. Суворова, и он дал согласие на перевод в филиал из НГМК опытного геолога Аркадия Семеновича Баклаженко, работавшего заместителем главного геолога НГМК. Его назначили главным геологом горного отдела. За относительно небольшой срок геологическую группу горного отдела укомплектовали специалистом-гидрогеологом и специалистом-буровиком. Филиал включился в проектирование объектов СПВ. К сожалению, А. С. Баклаженко не смог освоить особенности проектных работ, отличающихся от характера рудничного геологического обслуживания производств, вписаться в коллектив и после года-полтора перевелся на работу в ЛГХК (г. Чкаловск) на должность заместителя главного геолога, откуда он в свое время перешел на работу в НГМК. Но его эрудиция и производственный опыт все же весьма положительно повлияли на практику и стиль работы геологической группы. Полностью развернулись знания, опыт и, я бы сказал, талант техника-геолога, много лет бессменного руководите-

ля геологической группы Ивана Ивановича Мамохина. Именно его неторопливый энтузиазм, упорство и скрупулезность дали возможность квалифицированно производить подсчет запасов, определять и обосновывать кондиции, величины разубоживаний при добыче и еще много других параметров, требуемых при разработке проектов, начиная со стадий ТЭДов для геологических организаций при обосновании целесообразности перехода на детальную разведку рудных проявлений и до стадий «Технический проект», обосновывающие необходимость и целесообразность строительства рудников и предприятий на разведанных рудных телах и месторождениях. Я с большим удовольствием вспоминаю времена общения с этим скромным, но при необходимости умеющим постоять за свое мнение, человеком, фронтовиком, никогда не выпячивающим свои многочисленные боевые награды. Он, конечно, заслуживал назначения на должность главного геолога горного отдела, о чем я неоднократно ходатайствовал, но в силу бюрократизма руководство филиала на это не согласилось по причине отсутствия у И.И. Мамохина высшего образования. Иван Иванович еще много лет продолжал работать в институте, несмотря на возраст и мне довелось повидаться с ним в 1998 г., когда я приезжал по приглашению на празднование 40-летия НГМК.

Проведенные (и продолжающиеся) опытные работы на обособленной залежи, не входящей в подсчет запасов рудника № 1, из-за расположения за тектоническим сбросом, дали весьма обнадеживающие результаты и исходные данные, на базе которых головным институтом ПромНИИпроект было выпущено «ТЭО отработки оставшихся запасов месторождения Сабырсай методом СПВ». Этот проект прошел все инстанции утверждения. Разработка «Технического проекта строительства и отработки оставшихся запасов месторождения Сабырсай методом СПВ», благодаря моим усилиям и поддержке руководства НГМК в лице А. А. Петрова и главного геолога комбината Матвея Ивановича Минькина, была поручено филиалу № 1 института ПромНИИпроект.

В состав Южного рудоуправления в середине 70-х было переданы работы по строительству и отработке месторождения Кетменчи. Это месторождение еще в годы моего директорства в Сабырсае бывшим директором комбината З. П. Зарапетяном было обещано передать в состав предприятия п/я № 12, как тогда оно называлось. Месторождение Кетменчи располагается в районе кишлака Карнаб, а это более 30 км от г. Навои и в 20 км на юг от ж.д. станции Зиатдин. Оработка этого месторождения, разведанного геологическими

организациями экспедиции «Краснохолмскгеологии», по количественному уровню разведанных запасов, горно-геологическим условиям залегания и прочим условиям, традиционными способами было нерентабельным. Благодаря же полученному опыту по СПВ в НГМК руководством и руководителями геологической службы комбината было принято решения о проведении опытных работ на одной из залежей и по разрабатываемым проектным отделом комбината локальным проектам здесь были сооружены необходимые временные здания и полигон. Проводимые опыты дали весьма обнадеживающие результаты. Объемы работ возрастали, цех Кетменчи стал базой и для научных экспериментов по совершенствованию технологии разных переделов извлечения металла из недр способом ПВ. Комбинат привлек к проектированию объектов ПВ и филиал института. Таким образом филиал №1 ПромНИИпроекта стал генеральным проектировщиком всех видов работ и строительства объектов Южного рудоуправления, его городка и инфраструктуры. Для меня же это стало одним из главных направлений моей работы и забот в дальнейшей деятельности.

В процессе работы над техническим проектом по отработке запасов месторождения Сабырсай способом СПВ сотрудники отдела № 2 (горного), отдела № 3 (технологического) многократно под моим руководством выезжали на предприятие, где, изучая происходящее на производстве, обмениваясь мнениями с руководителями работ всех уровней, рабочими-исполнителями разнообразных операций, узнавали много новинок для себя, обсуждали свои технические решения и предложения, вкладываемые в проект. Принципиальные решения записывались в протокол проводимых совещаний, при необходимости утверждались у руководства комбината. Благодаря такому содружеству работа над проектом шла слажено, придавало чувство удовлетворенности. Я с ответственными исполнителями отделов выезжал в Москву в головной институт, где по нашим докладам проводилось согласование основных технических решений в соответствующих отделах. При главном инженере ПромНИИпроекта Валерии Петровиче Шулике проводилось расширенное техническое совещание, на котором по моему докладу проводилось обсуждение принятых решений, вносились предложения, поправки и протокольным решением окончательно закреплялись и утверждались. В соответствие с этими протокольными установками продолжалось дальнейшее проектирование в Ташкенте.

Одновременно с разработкой технического проекта нами разрабатывались рабочие чертежи, а на предприятии строились отдель-

ные сооружения для расширения и развития работ по добыче урана ПВ на втором шахтном поле.

Мне не хочется загружать читателя описанием технических, специфических и специальных процессов, работ и терминов, присущих как традиционным способам добычи (подземные и открытые горные работы), так и новому способу скважинного подземного выщелачивания, но для понимания всей проблемы и того грандиозного эффекта полученного за счет применения последнего попробую рассказать о них в самом простом и сжатом виде.

Даже не специалистам известно, чтобы добывать полезные ископаемые подземными и открытыми разработками: необходимо «перелопачивать» большие количества горной массы (особенно на открытых разработках); требуется укладка на больших площадях поверхности земли отвалы пустых и забалансовых пород, нарушая экологию; все процессы представляют повышенную опасность для здоровья участников с точки зрения несчастных случаев и профессиональных заболеваний; строительство рудников и карьеров – процесс капиталоемкий и времязатратный. Строительство рудников и добыча урановых руд в горно-геологических условиях месторождений типа Учкудукского, да еще и в пустынных и полупустынных условиях добавляют к вышесказанному целый ряд дополнительных неблагоприятных факторов – отработка в сильно обводненных, неустойчивых породах, радиационную опасность для трудящихся и экологии.

Способ скважинного подземного выщелачивания заключается в следующем: с поверхности на определенном выделенном блоке пробуриваются несколько рядов скважин, из которых одни являются «закачными», а другие – «откачными». Скважины обсаживаются (закрепление стенок) соответствующими материалами, а по мощности рудного пласта (тела) оборудуются соответствующими фильтрами. Через закачные скважины в недра закачиваются растворы необходимых реагентов, а через откачные скважины производится откачка растворов, но уже обогащенных выщелачивающими реагентами из пород урановыми агрегатами. Поднятые на поверхность растворы пропускаются через ряд переделов на технологических установках (ЛСУ) с применением процесса сорбции урана на специальные смолы. Последние процессы перенесены из практики извлечения урана из руд на гидрометаллургических заводах. Сорбционные процессы извлечения урана (а позже и золота) и необходимые для этого органические смолы были созданы в специализированном институте ВНИИХТ (ранее НИО-10) под руководством Бориса Николаевича Ласкорина, ставшего действительным членом Академии Наук

СССР (академиком). Мое описание очень упрощено. Практическое же применение всех указанных процессов потребовали многосторонних исследовательских работ, создания многих уникальных материалов, оборудования и приборов, больших творческих усилий многих коллективов практиков производственных предприятий, научных и проектных подразделений институтов, сотрудников разных уровней управлений (комбинатов, главных управлений).

Из даже упрощенного сравнения приведенных мною способов добычи урана видно преимущество последнего, где не требуется проникать трудящимся в недра, рискуя здоровьем, не занимают площади под отвалы пород, значительно уменьшается объем строительства постоянных сооружений.

Полученные укрупненные технико-экономические показатели в рамках ТЭО, выполненного в головном институте, уточненные в ТП (техническом проекте), выполненном в филиале показали, что отработка оставшихся запасов месторождения Сабырсай способом СПВ снижает объем капиталовложений в 3,5 раза, почти на 20% увеличивает промышленные запасы за счет вовлечения в отработку блоков с пониженным содержанием урана, снижает себестоимость добычи урана в 1,5 раза. Кстати, большой вклад в работу по пересчету запасов и созданию кондиций под способ СПВ вложила геологическая группа горного отдела филиала с моим непосредственным участием.

Для выхода предприятия на проектную (и плановую) производительность по добыче урана способом СПВ проектом предусматривалось развить работы одновременно на 2, 3 и 5 шахтные поля. Остальные шахтные поля вовлекались в отработку по мере необходимости для поддержания уровня добычи урана на проектной производительности.

Развитие работ потребовали скорейшей выдачи рабочей проектной документацией и это стало одной из боевых задач филиала и моей, как ГИПа.

Скорейшее развитие работ по добыче металла СПВ и достижение проектных показателей по этому способу стало возможным благодаря развернутым на предприятии усилиям и энтузиазму большого коллектива, вдохновляемого, в первую очередь, первыми руководителями Виктором Петровичем Щепетковым и Владимиром Семеновичем Горуля. Активнейшее непосредственное участие в освоение СПВ, совершенствование процессов, создание технических новшеств и их внедрение принимали геологи, горняки, буровики, механики, технологи Е. Г. Тарубаров, К. С. Мальцев, А. Д. Синяв-

ский, А. Н. Четверня, Ю. М. Акопян, В. В. Чернышов, В. А. Маткаримов, В. А. Халматов и многие, многие другие. Осваивались более совершенные буровые станки, испытывались и создавались лучшие по результатам фильтры, способы борьбы с химической и физической кольматацией прифильтровых зон, создавались и внедрялись материалы и конструкции соединений обсадных средств, испытывались, совершенствовались и внедрялись геофизические методы контроля за местом посадок фильтров, целостностью обсадных колон, аппараты и процессы переработки продуктивных растворов на ЛСУ и УППР, внедрялись откачки продуктивных растворов насосами вместо эрлифтов, были созданы насосы из нержавеющей стали, организован их частичный ремонт непосредственно на предприятии, совершенствовались организационные производственные структуры и управления (буровые цеха, цех по ремонту скважин, бригадный подряд) и многое, многое другое. Быстрейшее внедрение многочисленных технических новшеств и предложений от трудящихся стало возможным благодаря создавшемуся тесному содружеству и постоянного общения проектировщиков филиала с практиками. Мною было организовано практически ежемесячные выезды проектных групп на автомобиле-микроавтобусе «РАФ» на предприятие для решения возникающих вопросов, обмена мнениями, выдачи решений на месте, авторского надзора за исполнением проектных решений, намечаемых планов и необходимых первоочередных рабочих чертежей. Проектировщиками были разработаны легко возводимые конструкции зданий ЛСУ, ставшие практически типовыми, надежные и нетрудоемкие конструкции раствороемкостей и насосных при них, несколько позже централизованное хранение и трубопроводный транспорт в черных трубах серной кислоты на полигоны ПВ до узлов закисления, централизованная станция приготовления глинистых растворов и многое другое.

Филиал полностью обеспечивал выдачу проектной документации по строительству всех производственных объектов, инфраструктуры и расширению работ СПВ на месторождении «Кетменчи», переданного в состав Южного рудоуправления.

Способ скважинного подземного выщелачивания урана стал широко внедряться на месторождениях НГМК и на некоторых месторождениях, переданных ЛГХК («Букинай») из НГМК, новые небольшие месторождения в районе Кзыл-Орды не пригодные для других способов отработки. Сырьевая база ЛГХК, в связи с завершением отработки запасов на месторождениях «Табошары», «Чиркасары», «Чаули», «Майли-Катан» и др. резко уменьшалась и на

этом комбинате внедрялся и представлял большой интерес опыт извлечения урана из отдельных рудных тел и блоков с низким содержанием в скальных породах также путем закисления и откачки растворов через скважины из подземных горных выработок. В проектирование последних включился и филиал института.

В процесс внедрением способа скважинного подземного выщелачивания урана, создания и совершенствования его технологий и материалов включились все уровни управления в системе Минсредмаша, его научные и проектные институты, привлекались специализированные институты и производства других Ведомств СССР. В частности, были созданы в рамках 13 Главного Управления предприятия по выпуску полиэтиленовых труб, фильтров, на одном из Кишиневских заводов выпуск скважинных насосов, а на Лермонтовском рудоправлении выпуск скважинных насосов в нержавеющей стали и др. Надо отметить, что и в руководстве Первого главного управления Минсредмаша появились энтузиасты этого способа и, в частности, ставший его главным инженером Виктор Авакумович Мамилов, бывший директор Восточного комбината (Желтые Воды), а в горном отделе Главка было создано бюро СПВ, которым руководил бывший директор ЦГХК (затем первый зампред председателя Совмина Казахской ССР) Сергей Артемьевич Смирнов.

Чтобы несколько отвлечь читателя от затянувшегося описания технических подробностей, не совсем интересных для не участвовавших в работах Минсредмаша, выдам несколько сплетен.

Разворот работ по строительству предприятий по добыче и переработке урановых руд на территориях Таджикской, Киргизской и Казахской Республик, успешное их осуществление, создание инфраструктур, социалистических поселков и городов, ставших примерами для местных органов административного управления и населения и образцом будущего развития, поднимало авторитет директоров комбинатов, которые действительно были незаурядными хозяйственными руководителями. Они становились членами выборных партийных и советских органов республиканского уровня. Руководители же республик возжелали иметь их в своих штатах. Таким образом, первым перешел работать на должность первого заместителя председателя Совмина Таджикской ССР Геннадий Васильевич Зубарев, директор ЛГХК. Он несколько лет успешно работал в этом амплуа и погиб (я об этой трагедии упоминал ранее) в катастрофе вертолета при облете создавшегося в горах «озера» от затора сошедшим громадным оползнем русла горной реки и угрозой его прорыва

для нижележащих поселков и городов. Вторым стал первым зам-предом председателя Совмина Киргизской ССР директор комбината №5 (Майли-сай) Кирилл Васильевич Данилин. Однажды супруга Данилина лежала на лечении в Кремлевской больнице в Москве и в беседе с одной из медицинских сестер поделилась «горькой судьбой» проживания среди местного не совсем культурного населения. Через какое-то время в эту же клиническую больницу легла супруга Первого Секретаря ЦК КП Киргизии (естественно киргизской национальности) и ей жалобу предыдущей пациентки передала сердобольная сестричка. По возвращению первой киргизской леди домой рассказ дошел до «первого». Через какое-то время Кирилл Васильевич обнаружил, что перед ним все меньше и меньше ставится проблем, не задается вопросов, не заходят сослуживцы и т. п. Понял, что он оказался в изоляции. На этом закончилась его карьера на республиканском поприще. Безработным он не стал. Его взял к себе в Комитет материально-технического снабжения (или Обеспечения – был такой в те времена), которым руководил тогда в Правительстве СССР Дымшиц, на должность начальника управления «Главтара», где К. В. Данилин проработал до перехода на пенсию. Третьим на должность первого зампреда председателя Совмина Казахской ССР перешел работать директор ЦГХК Сергей Артемьевич Смирнов. Причин не знаю, но не долго продолжалась его пребывание на этой должности, и он стал работать руководителем группы ПВ в горном отделе ПГУ. Мне было очень неприятно видеть (а такие моменты были при моем посещении Министерства), как этот очень высокий ростом, уже немолодой человек, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда носится по кабинетам главка с бумажками и по мелким поручениям. Раздумывая, я решил, что никогда бы не согласился в его обстоятельствах идти на такую должность и не понимал, что же заставило его согласиться на такое, на мой взгляд, унижение.

Содружество всех участников внедрения, строительства и развития работ по СПВ в Сабырсае привело к быстрому освоению проектной производительности по добыче урана этим прогрессивным методом. Строительство второй очереди рудников по подземной добыче было прекращено. Многие здания и сооружения бывших рудников были использованы для нужд объектов СПВ (компрессорная, электроподстанции, бытовые комбинаты), для хозяйственных нужд (свинарник в зданиях бывшей замораживающей установки и подъемной машины у ствола №1-2, коровник в сооружениях ствола № 2-1). Из постоянных на все время отработки СПВ запасов урана

нами были запроектированы на центральной площадке, расположенной в 2–3 км от ГПП-1, установка по отмывке смол с ЛСУ и получению насыщенных растворов, отправляемых на переработку на ГМЗ-1 в Навои. Много творчества в создание этой установки, ее аппаратному оформлению, совершенствованию ее работы вложили сотрудники предприятия, проектного технологического отдела № 3 филиала. На этой же площадке – склад серной кислоты, глинистая станция, административно-бытовой комбинат, столовая. К площадке подведены ж.д. пути. Готовая продукция предприятия на завод перевозилась по началу в автомобильных цистернах, в которых привозилась из Навои серная кислота, а когда к площадке предприятия была построена ж.д. ветка от станции Нагорная, она (продукция) отправлялась в ж.д. цистернах.

Последняя вагонетка с рудой на-гора из подземных работ была выдана в Сабырсае в 1983 году. Предприятие с 1984 года работало на полную проектную производительность по добыче урана исключительно способом скважинного подземного выщелачивания с весьма удовлетворительными технико-экономическими показателями. Перед коллективами предприятия и проектировщиков встали другие, не маловажные вопросы совершенствования многих процессов в деле предотвращения экологического загрязнения недр и поверхности, рекультивации оработанных площадей для возможности их дальнейшего народно-хозяйственного использования.

Перевод работы целого уранового предприятия с производительностью добычи в 600–650 тонн металла в год подземными горными работами на способ скважинного подземного выщелачивания (СПВ) за весьма короткий срок в 5–7 лет был осуществлен впервые в практике СССР.

Мои систематические посещения в описанные годы Южного рудоуправления, тесный контакт с В. П. Щепетковым, В. С. Горуля перешли в дружественные отношения, безусловно способствующие успешному прохождению проектных и практических работ, их осуществлению и удачному завершению. На этом прервем главу с Сабырсайскими проблемами.

ГЛАВА 7

Мой первый юбилей.

Мама, юношеские годы. Аксельбанты

Время неумолимо движется вперед, годы мчатся незаметно, а уже новый 1976 и остается всего ничего до 5 февраля – дня моего рождения и его пятидесятого раза!

Посоветовались с Юлией и решили отметить это событие в кругу друзей, товарищей, сослуживцев, естественно не в домашних, а приемлемых условиях одного из многочисленных ресторанов Ташкента, возникших за последнее десятилетие «восстановления» и строительства после известного землетрясения. Остановились на варианте одного из банкетных залов ресторана «Зарафшан», большой комплекс которого высился на бывшей главной улице города, им. Карла Маркса. Число гостей определилось около пятидесяти. Понятно, что пригласить большее число ограничивалось нашими материальными возможностями. Разослали всем приглашения на ближайший после дня рождения выходной день – субботу, 7 февраля. «Ненавязчивый» советский сервис тех застойных времен заставил приложить достаточно много неприятных усилий, чтобы обеспечить желаемый уровень проведения торжества даже в ресторане, понадобилось самим покупать и доставить многие виды продуктов, привести музыкальные средства и т. п. С помощью сыновей эта часть была организована.

Я понимал, что успех проведения самого торжества в большой степени зависит от того, кто будет вести его, т. е. кто будет «тамадой». После многих раздумий решил попросить взять на себя эти заботы уважаемого Николая Степановича Прокопенко. Он дал согласие, но поставил мне условия – на торжестве обязательно должна быть моя мама и весь «сценарий» будет им составлен и осуществлен.

Оказалось, что руководство филиала, комитет профсоюза со своей стороны готовили отметить важную для меня дату. За четыре с половиной года работы непосредственно в филиале, мои связи со многими сотрудниками института в прежние годы работы уже с первых лет в системе (помните знакомство с А. Суворовым в 1951–52 гг.), активное участие в общественных делах коллектива (член парткома филиала), участие в общих собраниях, конференциях, частое выступления на них с деловой критикой, разумными предложениями, выдаваемыми с тактичным юмором, одобрительно принимаемыми присутствующими, успешное руководство проектными работами и, как правило, положительная оценка их заказчиком создали мне уже немалый авторитет в коллективе. Очевидно поэтому на торжественное собрание в обеденный перерыв (такова была традиция здесь) 5 февраля в конференц-зале собралось необычно большое количество сотрудников, стояли даже в проходах. В мой адрес были зачитаны адреса от руководств и общественных организаций филиала, Московского головного института, Навоийского горно-металлургического комбината и Ленинабадского горно-химического комбината, коллектива Янгиабадского рудоуправления. Поздравляли многие начальники проектных и вспомогательных отделов в прозе и стихах, вручили цветы. Было очень волнительно и приятно.

Но вернемся к семейному торжеству, состоявшемуся 7-го февраля в «красном зале» ресторана «Зарафшан». Гости собрались к назначенному времени. Наш младший сын Виктор, водивший автомобиль, привез мою маму. Заранее были определены места для всех участников, о которых я расскажу несколько позже, так как моей главной целью и есть рассказ о моих (наших) друзьях, разделивших наш семейный праздник. Столы были расставлены буквой «Т», в головной части которых разместились я, виновник торжества, по одной стороне от меня моя мама, Дора Иосифовна Белинская, по другую – ведущий собрание Н. С. Прокопенко и рядом с ним Юлия.

Под очень тихо звучащую классическую музыку Николай Степанович, открыв собрание, обратился к моей маме и коротко рассказав о некоторых вехах ее жизни (заранее подготовился), произнес очень красивый тост (он рос, учился и женился на Кавказе) и здравицу в ее честь и благодарность за то, что дала стране такого сына! Затем уже пошли тосты и поздравления в мой адрес, адрес Юлии и нашей семьи.

Теперь о моих и наших друзьях, участниках торжества. О маме будет разговор особый. Были Юлины родители Рахиль Исаевна и Макс Борисович, сыновья Борис и Виктор. Порядок перечисления

друзей и товарищей не имеет какой-либо классификации, но начну я с самых первых по времени знакомства и длительности дружбы к тому времени и далее, как говорят – «до гроба». Прилетели из Москвы Давид Маркович Аксельбант (Дэвик) и его супруга Адель (Адочка) Абрамовна Сарне-Рубанова, уже известные к этому времени адвокаты, члены Московской (городской) адвокатуры. Владимир Дудлер и его супруга Маня, он юрист, сотрудник Ташкентского областного совета профсоюзов, она врач. Виктор Кириленко и его супруга Тамара Литвинова, он сотрудник редакции газеты «Правда Востока», она балетмейстер театра им. Навои. С Дэвиком, Володей, Виктором знаком с 1942 года. О них у меня специальный рассказ впереди. Яков Ткач и его супруга Лиля Кийнова, он горняк, мой однокашник, она инженер-электрик, выпускница энергофака САИИ 1947 года. Евгения Давидовна Трейвиш и ее супруг Константин Владимирович Соколовский, оба инженеры-электрики, выпускники энергофака САИИ 1947–48 г., с которыми мы стали дружить по возвращению в Ташкент и даже стали «сватами» (об этом ниже). Павел Шилов и его супруга Августа, мои однокашники по факультету. Семен Мудрый – геолог, однокашник, и его супруга Нюся, врач. Лев Коган и его супруга Виолетта – инженеры-геологи, мои однокашники. Лидия Репина, инженер-электрик, Юлина однокашница и Нина Репина, инженер-механик, выпускница мехфака САИИ, родная сестра Лиды. Сергей Витковский и его супруга, наша однокашница Анна (Захарова в девичестве) – друзья по совместной работе в Майли-Су и в НГМК. Антонина Кожевникова и ее супруг Владимир Кожевников, оба инженеры-гидрогеологи, он кандидат наук, – наши сослуживцы по рудникам в Майли-Су, Янгиабаде и Ташкентском филиале института. Василий Васильевич Махонин, бывший главный механик Сабырсая и его супруга Галина, сотрудник энергоцеха Сабырсая. Афанасий Павлович Суворов – директор филиала. Револьд Львович Левитин – зам. начальника горного отдела филиала. Марк Павлович Гиммерверт, главный специалист горного отдела филиала и его супруга Мария Викторовна, ст. инженер проектной группы экономического анализа филиала. Игорь Яковлевич Некрасов, зам. главного инженера и его супруга Лилия, врач. К сожалению память не удержала еще многих.

И тогда, в день проведения юбилейной встречи, и сейчас, когда пишу эти строки, а происходит это 8–9–10 мая 2006 года, только просмотрели по телевизору праздничный парад на Красной площади в Москве по случаю 61-й годовщины Победы в Великой

Отечественной, а вернее во второй Мировой войне, несколько художественных и документальных фильмов о событиях тех дней и лет, в памяти всплыли многие факты, картины, лица и ностальгические мысли, которые хочется изложить.

Конец ноября, начало декабря 1941 года – мы, моя мама, моя бабушка и я, высадились из «пятьсот веселого» поезда «Куйбышев–Ташкент» на станции «Чирчик горный», что находился фактически в городе Ташкенте (всего километров в трех от центрального вокзала) и нас забрали к себе совершенно чужие люди, рабочие-железнодорожники. Об этом подробно рассказал в первой книге. Вскоре мама устроилась на работу в военкомат Орджоникидзеvского района Ташкентской области, помог ее большой опыт работы в системе военкоматов в середине 30-х годов в г. Сталино (Донбасс), тогда ее называли «Смоляниновский Ворошилов». Попастъ на работу по линии прокуратуры, ее профессии и роду работ последние годы не представилось возможным из-за большого числа претендентов, эвакуировавшихся из многих городов, попавших под немецкую оккупацию. Направили ее в село Троицкое, близ города Чирчик, где, кстати, мне удалили аппендикс в военном госпитале, куда я попал по скорой помощи. Через пару месяцев ее перевели в поселок Карасу, что под Ташкентом. Здесь она снимала комнату у хозяина-узбека во внутреннем дворе с несколькими глинобитными постройками, отделенного от внешнего мира глухим глинобитным же забором. Довольно большой поселок Карасу располагался по обе стороны магистрального шоссе из Ташкента в сторону Той-Тюбе – Ахангарана – Ангрена. Вдоль шоссе шла трамвайная линия маршрута № 5 и у перекрестка с улицей Рисовая в поселке Карасу была конечная его остановка, а начинался маршрут в городе у центрального пассажирского вокзала Ташкента. От Карасу дальше уже функционировала одноклейная трамвайная линия под № 9 до поселка Куйлюк, где был большой сельхоз базар и «толкучка» с промышленными товарами в магазинах и, главным образом, с рук. В поселке Карасу снимали квартиры многие эвакуированные семьи из разных регионов Страны, а на «нашей» улице (название не помню) оказалось много уехавших из Москвы и других городов. В этих семьях были и мои сверстники, с которыми скоро познакомился.

Моя мама, Дора Иосифовна всю предыдущую жизнь, начиная с 16-летнего возраста, трудилась денно и ночно, была активной общественницей, вступила в ряды ВКП(б)-КПСС, всегда была прилежна и предана Советской власти. Это было, наверное, естественно, если проследить как складывался ее характер под тяжестью

и давлением тех неоднозначных и «героических» лет первой мировой и гражданской войн, становления Советской власти, коллективизации, индустриализации, террора и репрессий. Самый младший из четырех детей ребенок, единственная дочь в семье кустаря-одиночки портного, но говорят талантливого, в местечке Тростянец Каменец-Подольской губернии (потом Винницкой области), которой родители старались дать приличное образование, была вынуждена прервать учебу в гимназии и вернуться (кажется это был 1918 год) домой. В это время в местечке были лишь родители и средний брат, мой дядя Зеэв (Владимир) со своей семьей, женой и сыном первенцем Наумом. Самый старший брат Гриша, к этому времени уже отец трех дочерей с юношеских лет связался с бандой легендарного в близлежащих районах Украины и Молдавии Г. Котовского, ставшего к этому времени командиром Красной Армии. Самый младший брат Илья тоже ушел из местечка, стал участником революционного движения, но я точно не знаю, в какой партии он состоял. В 1919 г. в Тростянце и близлежащих местечках прошли еврейские погромы, в результате которых были убиты сотни мужчин-евреев. В эту мясорубку попали и мой дед Йохим Белинский и его средний сын Зеэв. Дед погиб, а дядя Зеэв, порубленный пашками чудом остался жить и через какое-то время выбравшись из груды трупов, добрался домой, где его спрятали и отходили. Шрамы на груди, лице и языке так и остались на всю жизнь и дядя разговаривал несколько шепеляво. Вскоре после погрома в местечке появился дядя Гриша с отрядом бойцов-котовцев и устроил акцию возмездия, уничтожив активистов погрома. В их выявлении помогала и младшая сестренка, моя мама Дора. С этих пор она стала активным участником становления советской власти, сочувствующей, а затем и членом ВКП(б). Ее направляли для работы в разные общественные организации, женсоветы, местные органы самоуправления. Так она оказалась в районном городке Бершадь, где вышла замуж за Бориса Бешера и родила меня. Уже в 8–9 месячном возрасте меня подбросили к бабушке Еве (Хаве) в Тростянец. Не знаю по каким причинам, но брак длился недолго, они разошлись. С моим отцом я видался насколько помню лишь один раз в году 30-м. Отец скончался от «разрыва сердца» (очевидно инфаркта как сейчас это называют) в 1933 г. в Одессе, что я узнал впоследствии от мамы.

В 1928–29 гг. мама переехала жить и работать в г. Одессу. Думаю, что это произошло с помощью брата Ильи Белинского, который к этому времени жил и работал здесь, окончив пединститут. Дядя Илья в гражданскую войну воевал в составе 2-й Конной Армии

и был комиссаром казачьей сотни. Числился он украинцем. Был несколько раз ранен, а затем заболел «сыпным тифом». В госпитале его отходила медсестра, которая и стала его женой. Они стали жить в Одессе, где родился у них сын Виля (в честь В. И. Ленина). Затем дядя Илья плучил второе высшее образование – электротехническое. С самого начала войны с немецко-фашистами дядю с учетом возраста забрали на трудовые работы по сооружению оборонительных сооружений. Вскоре их строительные работы были немцами обойдены, они остались в тылу немцев, и дядя долго бродил по оккупированным территориям, пробиваясь работами у местных крестьян в глухих местах (он ведь был «украинцем»). После освобождения оккупированных мест он вернулся в Одессу, где узнал о гибели жены и сына, не сумевших эвакуироваться. Дядя уехал в г. Ленинград, где и жил до кончины. О нем, если удастся, рассказ позже.

В Одессе мама стала работать в органах милиции, наверное, помогли устроиться хорошие характеристики с мест прежних работ. Со временем ей выделили квартиру во дворе дома № 55 по улице им. Свердлова (бывшая Канатная). Назвать эту комнату квартирой можно только условно – прямо из одного из двух узких рукавов, на которые разделился довольно широкий в начале двор, входишь ступенькой вниз в комнату размером в 16–18 м² с глиняным полом. Здесь же и угол-кухня. «Удобства» в деревянной будке в начале двора для всех жильцов многочисленных подобных квартир, там же и колонка питьевой воды. В Советское время в квартиры были превращены каменные постройки, служившие ранее складскими помещениями. Получив жилье, мама перевезла нас, бабушку и меня, и здесь мы жили с 1930 до середины лета 1933 года. Подробно о моих впечатлениях этого периода, с умирающими на улицах от голода людьми я описал, кажется, в первой книге. Не хочу повторяться.

Старший брат Григорий Белинский в это время жил в городе Сталино, в Донбассе, во «Всесоюзной кочегарке», столице угледобывающей и металлургической промышленности СССР, где вопросы снабжения населения продуктами питания были значительно лучше. Дядя порекомендовал моей маме и бабушке переехать сюда, к нему на первых порах. А жил он на дальней окраине города, в поселке первенца азотной промышленности, Азотного химзавода. Работал он тоже в милиции, рядовым, но не на оперативной работе, а в хозслужбе. У него была большая семья – четыре дочери – он имел заслуги как активный участник во все годы революционной борьбы в рядах отрядов Г. Котовского (они тезки и очень дружили, как он мне рассказывал), и ему выделили 3-х комнатную квартиру в

каменном одноэтажном, двухквартирном коттедже, оборудованном водопроводом, канализацией, с приусадебным участком и дворовыми подсобными постройками. Мама сразу устроилась на работу в Сталинский горвоенкомат, ее назначили начальником ВУС (военно-учетный сектор) Смоляниновского района, ей вскоре выделили для жилья комнату на первом этаже 4-этажного здания общежития трудящихся Азотного завода. На первом этаже в каждой комнате жили семейные, а на остальных этажах – холостяки по 4–6 человек в комнате. Здесь меня с трудом определили в школу с сентября 33-го года, хотя мне еще не было 8 лет. Но вернемся к Карасу и к 1942 году.

Не помню как, но первым познакомился с Дэвиком Аксельбантом, эвакуированным из Москвы, моего роста юношей с волнистой шевелюрой, сочными губами и взглядом с каким-то небольшим поворотом лица. Оказалось, что у него с рождения косит правый глаз, но это ничуть не мешало очень приятному впечатлению об общем его облике, выдававшем добрый нрав, уравновешенность и большую симпатию. Семья Аксельбантов жила на нашей улице ближе к берегу реки Карасу и состояла из главы Марк Давидовича, его супруги Цили Наумовны и двух детей – Дэвика и младшей сестренки Нины. Квартирные условия были значительно лучше моих. Дэвик познакомил меня с другими сверстниками-москвичами Аркадием Бернштейном, Женей Давыдовой, Сеней Кристаль, Евой Городецкой, Асей Просмушкиной. Некоторые из них были знакомы еще в Москве, здесь уже была их компания. Затем к нам примкнули Володя Дудлер, Яков Эпштейн, оба из Украины. Мы часто собирались по вечерам у кого-либо из них, чаще на берегу речки, где балагурили, пели песни. Особенно хорошо пела Ася, которую я умел поддерживать вторым голосом, я ведь был музыкантом (ранее играл на трубе с семи лет). А днем каждый занимался своим делом. Я пошел в школу и очень быстро догнал пропущенную программу 9-го класса и сдал все экзамены. Среди молодежи моего возраста в это военное время стало модным, да и поощрялось государством, ускоренное обучение и сдача экзаменов экстерном. Многие из нас (я, Дэвик, Яков, Володя, Ася) поступили на подготовительные курсы при Ташкентском текстильном институте, находящемся в районе соцгородка Ташкентского текстильного комбината, крупнейшего промышленного предприятия Узбекистана. На территории текстильного института, располагавшегося в новых величественных по тем временам корпусах, был и открытый плавательный бассейн. Поездки в институт, занятие в нем, купания в бассейне,

знакомство с учащимися из других районов Ташкента, совместная подготовка к занятиям, посещение сеансов кино и спектаклей театров драматического и оперетты, где часто гастролировали коллективы известных театров и филармоний Москвы и других городов центра страны – все это составляло нашу молодую жизнь, несмотря на тяготы невиданной по масштабам войны на выживание, заботы о хлебе насущном, одолевавшим наших родителей. Мы становились друзьями, начались элементы ухаживаний. Несмотря на то, что семьи некоторых наших друзей стали переезжать в город, ближе к цивилизации и местам работы глав, наша компания расширялась. К нам влились Аркадий и Ева Ройфе, Вэлка Дудлер, двоюродный брат Володи, Фаня (фамилию не помню, киевлянка), Зоя Корн, Марик (фамилию не помню). К компании примкнул старший по возрасту Сеня (Семен) Городецкий, вернувшийся с фронта без одной руки родной брат Евы. Хорошо помню, как мы всей компанией встречали на вокзале Семена, возвращавшегося после госпиталя, устроили в квартире Городецких вечеринку с хорошими закусками и выпивкой. Ева только вернулась из больницы, где лежала по поводу нервного расстройства и была подстрижена наголо.

Еще в начале апреля скончалась моя бабушка, страдавшая раком пищевода. Болезнь проявилась в начале 41-го года, медленно прогрессировала, лечения фактически никакого не было, бабушка «таяла» на глазах. Похоронили ее по еврейскому обряду на еврейском кладбище, находившемся в районе за заводом «Ташсельмаш», рядом с большим православным кладбищем.

Глубокой осенью 1942 года я успешно экстерном сдал экзамены и получил аттестат об окончании средней школе № 13 в Карасу. В это время мама получила извещение о предоставлении работы в Ташкентской областной прокуратуре, она все время добивалась перехода на работу в органы прокуратуры и не теряла на это надежды. Добилась она и получения комнатки в 13 м² во дворе дома № 7 по улице Туркестанской Ташкента, что в самом центре. Вход со двора в маленький тамбур, где можно поставить лишь ведро для мусора, а затем в вытянутую в длинный прямоугольник комнату. Здесь помещались лишь разнесенные по длине и на разных сторонах узкие металлические кровати для мамы и для меня, маленький узкий столик у единственного окошка во двор. Но это было верхом счастья. Неожиданно маму в начале 1943 года арестовали, содержали во внутренней тюрьме МВД, пытали, но не добились от нее подписания «показаний», фабриковавшихся следователями и, в конце концов, ее отпустили и реабилитировали.

Я, наверное, повторяюсь, так как писал об этом в первой книге, но нахлынувшие воспоминания о тяжелых военных годах, особенно начального их периода, во-первых, дают возможность подчеркнуть характер моей мамы, о которой сейчас идет речь, и во-вторых, воскрешают лучшие годы моей юности, друзей, с которыми провел это время и не терял связи многие годы затем.

Я остался один без средств к существованию. Пошел работать. Недолго учеником слесаря-монтажника, затем экспедитором в «Ташхлебснабсбыт» и, наконец, возчиком на прядильную фабрику «Таштекстилькомбината». Именно в этот наиболее тяжкий для меня период мне помогли мои друзья и, особенно, Дэвик Аксельбант. Я выжил, поступил на учебу в САИИ на горный факультет, дождался возвращения мамы из заключения. Мама, устраивавшая во время пребывания во внутренней тюрьме, ночных допросов без права присесть, голодовки, отказы от прогулок, вернулась домой в довольно плачевном состоянии здоровья. Я поддерживал ее по мере своих возможностей и опять же с помощью моих друзей. Через пару месяцев маму приняли на работу в органы милиции, и она стала следователем отдела уголовного розыска Узбекского Республиканского Управления Милиции. Мама не потеряла веру в советский строй, по-прежнему была идейным членом КПСС, выполняла свои служебные обязанности со старанием и прилежанием, не отставала от сослуживцев-мужчин и пользовалась большим авторитетом. Интересно, что она пользовалась «авторитетом» и в среде уголовного мира. Она умело вела допросы подозреваемых, не применяла силовых приемов, относилась доброжелательно к допрашиваемым и добивалась правдивых показаний. Зачастую мама участвовала и в оперативных акциях по поимке крупных бандитских групп и мероприятиях по имитации «заказчицы» тех или иных противоправных действий. Ее умелые действия при допросах, бескорыстие, распространялись в среде уголовников. Мне пару раз довелось быть свидетелем того, как ее останавливал при встрече бывший ее «клиент» и благодарил за справедливое к нему отношение и правильные советы.

Милицейское жалование, обмундирование, пайки, возможность пользования столовой на территории Управления милиции, коллективное огородничество, повышенная студенческая стипендия, моя работа на факультете помогли нам выжить до конца войны и первые не менее тяжелые послевоенные годы. Я закончил институт, получил назначение, уехал, работал, забрал маму к себе. Женитьба, перевод на другое предприятие и опять расстались с мамой. Она продолжала работать в Майли-Су, затем ее перевели в поселок предприятия

Адрасман. Мы виделись очень редко. Мама плохо переживала одиночество, тосковала, завела собачку, стала подкармливать многих бездомных собачек и кошек. После выхода на пенсию вернулась в забронированную в Ташкенте нашу «квартиру» и продолжала заботиться о бездомных животных, прослав «кошатницей». Между нами шла регулярная переписка, изредка при проезде через Ташкент я посещал ее. Мама была счастлива, когда я вернулся на работу в Ташкент. Здоровье ее начало падать. Пришлось даже отказаться от перевода на работу в Приаргунский горно-химический комбинат (Забайкалье) по сделанному мне очень интересному предложению со стороны его директора (моего товарища) С. С. Покровского, на которое я дал уже согласие. Подробнее об этом напишу позже. Мама на мое сообщение о возможном моем переезде сказала:

– Сынок, дождись здесь до моей смерти, а потом поедешь, куда захочешь!

Поразмыслив, понял справедливость ее просьбы, ведь добраться из Краснокаменска Читинской области в Ташкент в случае экстренной необходимости можно не раньше, чем за двое суток, если повезет, а то и значительно больше.

Маму начал одолевать сахарный диабет, и она скончалась в 1984 году. Я провел у ее постели последние 8–10 дней и она умерла, сжав мою руку. Так закончила жизнь преданнейшая, несмотря на все перипетии, Советской власти труженица, офицер милиции, член КПСС, все годы сознательной жизни которой прошли в многочасовом ежедневном труде, почти не бывавшая в трудовых отпусках.

Вернусь в военные и послевоенные годы. Большинство моих друзей переехали жить из Карасу в Ташкент и, несмотря на проживание в разных районах города, продолжали собираться в компании по разным случаям и просто повстречаться. Уже к концу 1944 года москвичи стали возвращаться в Москву, чтобы не потерять оставленные квартиры. Одним из первых уехал один без родителей в Москву Дэвик Аксельбант, за ним вскоре Городецкие. Расставаться с ним было очень жалко, мы обещали друг другу хоть изредка сообщать о себе. Он оставил мне свой московский адрес. Постепенно уехали Ройфе, Давыдовы, Кристаль. После окончания войны возвратились в свои места и киевляне и многие другие эвакуированные семьи. Остались в Ташкенте оба Дудлера – Володя и Вэлка, Виктор Кириленко, бывший одессит, с которым мы познакомились в 1943 году, родители которого жили в Янгиюле (30 км от Ташкента), а он служил в Красной Армии в газете «Фрунзевец», органе Среднеазиатского военного округа и Ромка Рышин.

Вместе с тем у меня появились друзья, с которыми нас свела совместная учеба в институте. Это Дэви Зхус, дружба с которым продолжалась не очень долго, в связи с отъездом его семьи к месту прежней жизни, в Кишинев в 1945 г., Яков Ткач, поступивший на факультет в 1944 году, Юрий Антипов, Виктор Надеждин, Нариман Ходжибаев, Леонид Цой, Альберт Аганов. У меня как бы появились две компании, которые между собой знакомыми не были. Нелегкая, но интересная, насыщенная учебой, работой, участием в художественной самодеятельности студенческая жизнь, молодость компенсировали все невзгоды бытия, было много радостей, веселья, вечеринок по праздникам, походов в кино.

В 1946 году, проезжая через Москву на первую производственную практику в г. Сталино (Донецк), я встретился с Дэвиком, который был в это время студентом юридического института. При этой встрече он рассказал мне весьма интересную и в то же время грустную историю. Я упоминал среди наших друзей военных времен имя Марик (фамилию не помню). Так вот, Марик тогда работал на одном из заводов, оборонном, да собственно говоря, все заводы тогда выполняли те или иные заказы армии, выпускали изделия или детали для обороны страны, нужды фронта. Тогда действовал «Указ...», предусматривающий уголовную ответственность за прогулы (невыходы на работу без уважительных причин) или опоздание на работу более, чем на 20 минут. В один «прекрасный» день Марик опоздал на работу почти на час, за что был судим и получил 5 лет тюремного заключения. Через несколько дней после приговора Марк ночью появился к самому умному и доброму из нас Дэвику и рассказал, что бежал из тюрьмы вместе с каким-то «моряком», организовавшем побег. Дэвик, дав временное убежище Марику, посоветовался с Володией Дудлером и со мной о проблеме и было принято решение – подделать свидетельство о рождении В. Дудлера на «Дудлеров» и по нему Марк получил паспорт и исчез. Но, однажды, в начале 1945 году Марик появился в Москве у Дэвика, который принял его и пытался как-то помочь устроиться. Родители Дэвика еще к этому времени не вернулись из эвакуации. В один из немногих дней пребывания Марка в квартире Аксельбантов вернувшийся домой Дэвик обнаружил, что квартира ограблена, и Марк исчез. Больше о нем мы никогда не имели никаких сведений.

Уже в 1950 г. я познакомился с молодой женой Дэвика Адой Сарнэ-Рубановой, их полуторогодовалым сыном Александром, младшим ее братом Юрием и ее родителями, о чем подробно описал в первой книге. Адочка тоже окончила юридический институт, и они

работали по специальности. С этих пор во всех без исключения случаях и временах, при проезде через Москву, или поездках в Москву в одиночку ли, семьей ли мы встречались, останавливались в квартирах Аксельбантов, где всегда были желанными гостями.

Давид Маркович Аксельбант (Дэвик) очень успешно продвигался в своей профессии. Он сумел предугадать и выбрать перспективную специализацию в адвокатской деятельности, которой вскоре занялся, сумев пробиться благодаря таланту в члены московской городской адвокатуры. В это время в Советской действительности только начала пробиваться «мода» на приобретение личных (собственных) автомобилей и стали выпускать легковушки «Москвич», а затем «Победа», на продажу. Естественно должны были совершаться аварии, несчастные случаи и прочие конфликты, связанные с увеличивающимся числом участников автотранспортного движения, особенно в Москве. Давид и стал одним из первых специалистов по ведению дел защиты интересов участников таких разборок. Умело вел эти, да и другие дела, и получил достаточную известность в Москве. Давид и Ада углубляли свои профессиональные знания, вели светский образ жизни, общались с большим кругом людей из числа родственников, друзей-однокашников, бывших клиентов, многие из которых были или становились крупными специалистами в своих областях деятельности и занимали высокие должности. Я уже писал в первой книге, что Давид был юрисконсультom и членом одного из первых кооперативов по строительству большого 8-этажного жилого дома, возводимого на территории бывшей деревни в районе конечной тогда станции метро «Сокол». В 1950 году он предлагал и мне вступить в этот кооператив, а я тогда отказался. С начала 1954 года они уже жили в двухкомнатной квартире этого красивого с «фонарями» дома, владея каменным просторным гаражом во дворе. Но от метро к дому добираться надо было зигзагами по неблагоустроенным тропинкам и иногда кем-то уложенным доскам, из-за непролазной грязи. Главный фасад дома смотрел на неухоженный рынок, тогда называвшемся «Инвалидным». Дом высился среди этого хаоса как маяк будущего. Таким его увидела в 1955 году Юлия, когда мы, возвращаясь из Сочи во время трудового отпуска, останавливались у Аксельбантов. Но район быстро застраивался и благоустраивался. С годами все деревенские «хаты» были убраны, выросли кварталы 8–12 этажных домов, рынок стал современным и называться «Ленинградским», рядом с ним прекрасный кинотеатр «Баку».

Давид совершенствовался не только в профессии, он увлекся живописью, изучал историю искусства, биографии и характеры зна-

менитостей-художников, стал собирать коллекцию. Умел оценивать картины современных еще неизвестных художников, выставлявших свои работы в магазинах-худсалонах, и удачно покупать именно тех, что со временем становились знаменитыми. К середине шестидесятых годов Давид уже стал одним из известнейших адвокатов Московской коллегии, стал участвовать в крупных процессах уголовных дел экономической и политической направленности.

Известность моих друзей росла, Адочка окончила аспирантуру и стала кандидатом юридических наук, клиентура становилась солиднее, рос и достаток семьи. В семье появилась дочь Марина, членом семьи была и много лет работавшая еще у родителей Ады няня Ульяна. Аксельбанты переселились в трехкомнатную квартиру в том же доме-кооперативе. Наши связи не прекращались. Не только мы посещали московских друзей, но и наши дети, взрослея и передвигаясь по Стране на производственные практики или другим поводам, останавливались у Аксельбантов, дружили с детьми Аксельбантов Сашей и Мариной.

Давид, вращаясь в «высоких» кругах, участвуя в крупных судебных процессах, знал многие события и обстоятельства негативно-го плана советской действительности неизвестные большинству граждан страны, особенно таким провинциалам, какими были мы, читающие лишь партийные и государственные официозы и принимающие их за правду и единственную. При встречах мы с ним зачастую вступали в дискуссии по поводу внутренней, внешней и национальной политики партии и правительства, состояния экономики страны и другим вопросам и всегда он побеждал, у меня не хватало аргументов в доказательство правильности действий властей. Я уезжал внутренне расстроенным, но с каждым разом со временем убеждался в его правоте. Мои сыновья после встреч с Давидом тоже вступали со мной в спор, придерживаясь больше противоположных мне мнений. Я даже как-то высказал Давиду мое «фе» по поводу его негативного влияния на мозги моих детей. Давид не был диссидентом, хотя участвовал в судебных процессах по их защите, он был умным человеком, хорошим аналитиком, обладал здоровой логикой и поэтому делал верные выводы и даже предсказания, осуществлявшиеся на практике. Именно у них, Аксельбантов я впервые прочел нелегально распространяемую в самиздате книгу Солженицына «В кругу первом», читая ее по ночам в одной из командировок в Москву.

Наши дружественные связи не прерывались, мы знали о всех делах, семейных событиях несмотря на то, что жизнь наших семей

проходила на весьма далеком расстоянии, в совершенно разных культурных, бытовых и информационных условиях. Наши жены Адочка Сарнэ и Юлия, несмотря на нечастые встречи, стали близкими душевными подругами. Запомнились навсегда очень благожелательные, теплые приемы, стремление Аксельбантов создать максимум приятных условий нашего пребывания в Москве, на даче в Загорянке, где нас также с большой душевностью встречали и родители Адочки Софья Александровна и Абрам Соломонович. Ада с Дэвиком устраивали нам с Юлей посещение фешенебельного ресторана гостиницы «Советская», а ранее, еще в начале шестидесятых, мне ужин в ресторане «Пекин», которые были нам, провинциалам еще и школой приобретения основ и навыков поведения в таких «аристократических» заведениях. Адочка через свои связи устроила Юлию в семидесятых годах в Москве в лечебницу, где ее (Юлю) избавили от частых и тяжелых приступов мигрени. Мы, в свою очередь также делали все возможное на создание лучших условий приема Аксельбантов при их приездах к нам, в Азиатские края. Они были у нас в Сабырсае (об этом писал во второй книге), в Ташкенте на моих юбилейных (50- и 60-летиях) и однажды совместно с их немецкими друзьями из ГДР.

При каждой встрече с Давидом я узнавал из его рассказов что-то характерное для текущего момента из жизни Страны. Позволю себе написать некоторые из них, которые будут интересны.

В конце шестидесятых годов прошел большой судебный процесс, в котором Давид принимал участие как адвокат-защитник интересов одного из более чем 50-ти обвиняемых в крупных экономических преступлениях Преступление заключалось в следующем: шерсть со шкур забиваемых на мясокомбинатах овец шла на дальнейшую обработку для создания нити и готовых шерстяных изделий в соответствии с утвержденными стандартами. Шерсть с голов овец по этим стандартам не соответствовала требованиям и уничтожалась. Небольшая группа специалистов нашла способ обработки шерсти с голов овец, обеспечивающий полное соответствие ее для дальнейшего использования в процессах получения изделий. Дополнительная продукция, полученная на основе этого способа, во всех дальнейших переделах официально не учитывалась и поступала на реализацию в торговые точки по официальным государственным ценам. Естественно, что это осуществлялось уже большой группой интересантов на всем пути производств по получению готовых изделий из сырой шерсти. Проведенными многочисленными экспертизами было доказано, что качество изделий полностью соответствуют

требованиям стандартов и спецификаций. Таким образом покупатель никак не страдал, наоборот, больше удовлетворялся спрос на дефицитные товары. Полученные от реализации дополнительной («левой») продукции деньги делилась по каким-то «правилам» между участниками этой аферы. Так продолжалось несколько лет, пока кто-то не выдал эту деятельность. Понятно, что реализованные таким образом суммы были весьма крупными. Сам судебный процесс длился более 9 месяцев, были опрошены десятки свидетелей, проведено много экспертиз и т. п. На вопрос судей почему обвиняемые специалисты в свое время не подали заявки на изобретение или рационализаторское предложение, ответ был прост – мизерное однократное вознаграждение от государства никого не удовлетворяло, а получение хотя бы минимального процента от получаемой государством прибыли при использовании способа не предусматривается. В соответствии с приговором суда несколько обвиняемых были приговорены к высшей мере (смертной казни), многие к 10 годам, другие к меньшим срокам заключения. Дело завершилось. Через несколько месяцев группа адвокатов, в их числе Д. М. Аксельбант, по собственной инициативе посетили крупный московский мясокомбинат и поинтересовались, что же сейчас делают с шерстью голов овец. Ответ был однозначный – уничтожают в печах.

По одному из гражданских дел Давид представлял интересы клиента лет сорока по фамилии Суслов, который был сыном второго лица в руководстве КПСС, ортодоксального секретаря по идеологии, «черного кардинала», как его называли в народе, М. А. Суслова. В чем заключалась суть дела я не помню, но это не имеет значения в данном рассказе. Положение в разборе дела было таким, что больше шансов было в решение вопроса не в пользу Суслова-сына, о чем Давид сказал клиенту. Через несколько дней Аксельбант был приглашен в кабинет Суслова-старшего и после прослушанной информации последний спросил:

- А каков же выход? – получил ответ от Давида:
- Сделать необходимый звонок судье. – И дал позывные судьи.

На следующем судебном заседании был вынесено решение, полностью удовлетворяющее Сусловскую сторону. Судья был хорошим знакомым Давида и через какое-то время Давид его спросил:

- Был ли звонок «сверху»? – на что получил ответ:

– Да. Звонил личный секретарь Суслова! – «Сам» не решил, или считал ниже своего достоинства звонить какому-то судьишке. Но все-таки главный идеолог Партии вмешался, повлиял на судебное решение, используя «телефонное право».

Во время Афганской кампании, а точнее Афганской войны, ходило много слухов не только о кровопролитных тяжелых для Советской армии боях в горных и пустынных условиях, больших потерях, зверствах моджахедов, но и о недостойных фактах поведения солдат и офицеров Советской Армии по отношению к мирному афганскому населению. От Давида узнал весьма вопиющую историю. Командир одной из частей Советской армии майор, его заместитель капитан и один из подчиненных им командир подразделения лейтенант (фамилию последнего мне называл Давид, но я забыл), кроме боевых задач и действий постоянно устраивали выезд подразделения на одну из автомагистралей, где проводили «проверку документов» у пассажиров проезжающих автобусов междугороднего сообщения. Каждого проверяемого выводили из автобуса, обыскивали и изымали всю денежную наличность и самые ценные предметы, т. е. грабили. Вырученные такими образом средства шли на покупку спиртных напитков и прочего для устраиваемых оргий. В очередной «проверке» один из пассажиров, у которого оказалась солидная сумма долларов и дорогостоящая радиотехника, оказал сопротивление, пытаясь объяснить, что возвращается из Индии где проработал несколько лет с целью заработать на содержание семьи и не может отдать заработанное. Его в автобус не вернули, ценности забрали, избили. Автобус ушел. Не зная, что делать с ограбленным, лейтенант дает команду одному из солдат «убрать» его и это приводится в исполнение. В автобусе находился родственник оставленного проверяющими пассажира, который после нескольких дней отсутствия последнего заявил в органы власти о произошедшем. Короче говоря, расследование привело в указанную войсковую часть и полностью картина раскрылась. Военным трибуналом солдат, непосредственно исполнивший убийство, и лейтенант, отдавший приказ, были приговорены к высшей мере, расстрелу. Давид участвовал в процессе уже во второй инстанции (по кассационной жалобе) в качестве защитника лейтенанта, а пригласил его отец подзащитного, оказавшегося крупным военным в одном из генеральских званий. Приговор удалось смягчить заменой на большой срок тюремного заключения.

Это лишь небольшое число примеров многочисленных рассказов Давида о различных сторонах Советской действительности, о которых мы не могли узнать из официальной печати, и которые подтверждали доходящие слухи, обсуждаемые в узких «кухонных кругах».

Дэвик и Адочка познакомили меня (нас) не только со своими родственниками, живущими в Москве, но и со многими своими дру-

зьями, с которыми мы неоднократно общались, например, с семьей Пинтель Мариной и Киром, семьей Левинсонов Дмитрием и Светланой. Очень интересной были встреча, знакомство и совместное посещение спектакля в театре им. Моссовета со знаменитым артистом МХАТа, народным артистом СССР Марком Прудкиным и его супругой. Небольшого роста, сухощавый, удивительно подвижный при солидном уже возрасте и полный юмора человек. Не менее интересным и довольно долго продолжавшемся знакомством было с Мариной Алексеевной Алиханян. К этому времени вдова известного ученого-физика, академика Артема Алиханяна, родного брата еще более известного академика, физика, Героя Социалистического Труда Абрама Алиханова, сподвижника И. В. Курчатова, со своими детьми жила в большой квартире одного из двух громадных домов по Ленинскому проспекту, окаймляющих площадь Гагарина. В связи с необходимостью гражданского процесса по разделению наследства умершего супруга (характер дела – это мое предположение, я о нем не спрашивал), Марина Алиханян поручила вести ее интересы адвокату Д. М. Аксельбанту. Довольно долго ведущийся процесс закончился в пользу Марины, а семьи Алиханян и Аксельбантов стали общаться и стали друзьями. В одной из моих поездок в Москву Аксельбанты пригласили меня поехать в гости к их друзьям, и я согласился. Так я познакомился с довольно молодожаво выглядевшей, светловолосой, я бы сказал красивой женщиной, очень приветливо принявшей меня после короткого представления, произнесенного Давидом. В продолжавшейся пару часов беседе, чаепитие я практически не произнес ни слова, несколько смущенный размером и обстановкой квартиры, неизвестными мне обсуждаемыми темами. Однако при расставании Марина Алексеевна как-то просто, приятно и, как мне показалось, искренне обратилась ко мне с предложением посещать ее и впредь. Наше знакомство действительно продолжилось, я несколько раз бывал у них вместе с Аксельбантами и однажды на большом приеме, где участвовало не менее 20 человек, с застольем с разнообразными вкусными и красиво украшенными яствами и напитками. Среди гостей были и академики, и доктора наук. Вечер закончился довольно за полночь просмотром фильма Чарли Чаплина «Диктатор». Оказалось, что в квартире есть по всем правилам устроенная киноустановка в отдельном помещении смежном с салоном, в последнем спускается хорошо замаскированный в ненужное время на противоположной стенке экран. Фильм шел на английском языке, с титрами на французском, а в зале раздавался синхронный перевод на русском языке, произносимый специально

приглашенным переводчиком. Я познакомился и с детьми Марины, дочерью и сыном. Позже узнал, что квартира специально спланирована для академика после объединения двух стандартных для этого дома 3-х комнатных квартир. Марина Алексеевна Алиханян была кандидатом биологических наук, вела какую-то научную работу в этой области и была нашей гостьей дважды, приезжая в Ташкент в командировки. Она подружилась с Юлией и даже призналась ей, что стала весьма религиозной и что многие ученые, особенно биологи, приходят к религиозным воззрениям.

Дети Адочки и Давида росли, закончили Московский автомобильно-дорожный институт (МАДИ), где работал и преподавал младший брат Ады – Юрий Сарнэ. Саша женился на Тане, правда девушке не нравившейся отцу. И действительно их брак, несмотря на рождение и воспитании дочери Наташи, через порядочно лет распался. Дочь Марина вышла замуж за однокашника по институту Романа. Эта семья еще в конце семидесятых, понимая бесперспективность жития в СССР, добилась выезда из СССР и устроилась в Западном Берлине, где и живут по сей день. Старший их сын, Марк, получил образование в Англии и работает в Германии, младший, Бенья, продолжает учебу в школе. В девяностые годы, после распада Советского Союза в Германию уехал сын Аксельбантов Александр со второй женой Светланой.

Ада и Давид продолжали жить и работать в Москве, как могли изошрялись организовывать встречи с уехавшими, что было запрещено до времен перестройки. В 1998 году они вместе Юрой Сарнэ приезжали в Израиль к нам в гости. Мы провели с ними чудесных несколько дней и отпраздновали 50-летие их сына Саши, который тоже прилетел сюда.

Огромным ударом стало для нас известие о болезни и кончине Дэвика (Додика, Давида Марковича) Аксельбанта в 2000 году! Никогда не померкнет память о нем!!!

Адочка (Адель Абрамовна) и ее брат Юра (Юрий Абрамович), будучи пенсионерами, переехали жить в Берлин, ближе к детям. Адочка смогла и прилетела на празднование моего 80-летнего юбилея, и мы провели замечательное двухнедельное незабываемое общение. Всплыли все прежние годы моего благоговения и глубочайшего уважения к ней – любимой и любящей супруге и друга моего и нашего незабвенного друга Давида Аксельбанта!

Немного и о других друзьях юности. С Аркадием, Евой Ройфе, с Аркадием Бернштейном и его младшими братьями я видался пару раз в первые мои проезды или приезды в Москву. Потом мне ста-

ло известно, что Ройфы то ли в конце 50-х, или начале 60-х годов каким-то образом уехали через Финляндию на запад; Бернштейны уже в семидесятых всей семьей выехали в ФРГ. С Женей Давыдовой встречался несколько раз благодаря опять же Дэвику и Аде, которые с ней хоть и редко, но общались, она стала врачом, вышла замуж, но скончалась в довольно еще молодом возрасте. Только с Асей Просмушкиной и я, и мы с Юлей, встречались много раз, чему помогли продолжавшаяся дружба между семьями Аксельбантов и Голодовских (фамилия мужа Аси), живших практически рядом, не далее 300–400 метров друг от друга. Супруг Аси Яков Голодовский, очень симпатичный человек, прошедший фронт и оставшийся в Армии, был направлен в конце 40-х годов в группу военпредов на крупнейший в СССР автомобильный завод им. Сталина (ЗИС), где прослужил много лет и дослужился до чина полковника. Вышедши в отставку, по просьбе руководства завода продолжал работать на этом заводе еще несколько лет. Практически в каждый приезд в Москву мы с Аксельбантами бывали у Голодовских, попадали даже на какие-то семейные праздники, или они (Голодовские) бывали у Аксельбантов. У Аси с Яшей родились две дочки, которых они воспитали и выдали замуж. Не помню в каком году Яков скончался – Да не померкнет память о нем! – а Ася живет в Москве с семьей одной из дочерей. На днях переговаривался с ней по телефону после более десятилетнего перерыва.

После возвращения в Ташкент в 1971–72 гг. наша семья возобновила дружеские отношения с друзьями юности семьями Дудлеров Володи и Мани, Ткачей Якова и Лили, Кириленко Виктора и Тамары. Как стали мужем и женой мой товарищ с военных лет одессит Виктор Кириленко и подруга Юлиных юношеских лет Тамара Литвинова, я описал в первой книге.

Теперь понятно почему так много эмоций навесила приятная процедура проведения моего первого юбилея!

В порядке очередного отступления от хронологии хочу дополнить рассказ о Аксельбантах, поводом которого наше с Юлией путешествие в Германию, Берлин в августе 2006 года, осуществившееся по приглашению Адочки (Адель Абрамовны) Аксельбант-Сарне-Рубановой.

Мы с Юлией никогда не бывали в Европейском государстве. В последний наш приезд в США к Виктору в 2005 году и при его приезде в Израиль по случаю моего юбилея в 2006 году мы, обсуждая очередную встречу, предположили осуществить ее в Европе, не принимая еще окончательного варианта. Прилетевшая на мой

юбилей из Германии Ада, встреча с которой кроме огромного удовольствия от общения всколыхнуло глубокие эмоции от воспоминаний молодости и зрелых лет, ностальгию. Во время пребывания у нас Адочка выразила настоятельные приглашения посетить ее в Берлине на любой возможный для нас срок и заверила нас, что у нее есть возможность принять нас, чему будут рады и ее брат, Юрий Сарнэ, и дети Саша и Марина.

Мы долго обсуждали с Юлией и нашими сыновьями возможность осуществления такой поездки и приняли положительное решение, особенно учитывая необычную жару, наступившую на наши (и не только) края. Наше решение уже конкретно обсудил по телефону с Адочкой, приобрел билеты с вылетом в Берлин 6 августа и из него 3 сентября.

У меня нет намерения здесь описывать подробности нашего пребывания в Германии, что я сделаю, если даст Бог, в каком-то другом труде, но высказать беспредельный восторг, не от увиденного – нет! – а от приема, созданных условий, не просто дружественных, а равных родным отношений, выраженных Адочкой, Юрой, Мариной и Романом, Сашей и Мариком, и многократно поблагодарить всех!

Мы провели 30 дней как в сказке, нам показали много достопримечательностей Берлина, мы побывали в Потсдаме, Дрездене, в чудной поездке в Саксонскую Швейцарию, на невиданном нами ранее концерте-спектакле камерного симфонического оркестра и классического вокала, оркестранты и исполнители которого одеты в оригинальные исторические костюмы XVIII века. Концерт состоялся в галерее-оранжерее дворца Шарлоттенбург, принадлежавшего супруге Прусского короля Фридриха. В фойе и зале царил атмосфера покоя, тишины, доброжелательности и торжества. Два с половиной часа концерта прошли в полном внимании публики и прорывался бурными, но сдержанными от «дурацких» выкриков, аплодисментами. Мы были участниками проведения дней рождения Адочки и Марины, первый состоявшийся в большом чудесном доме Ромы и Марины шестого августа (в день нашего прибытия в Берлин) и второй восемнадцатого августа в большом, красочно устроенном в отдельно стоящем здании-пагоде китайском ресторане, расположившемся на окраине небольшого городка в 20 км от Берлина. Саша Аксельбант устроил нам чудесное посещение в дождливый вечер знаменитого кафе «Театральное», что находится в историческом центре (ранее Восточного Берлина), напротив «Оперного театра». Тоже прекрасное оформление, замечательная спокойная атмосфера, отличный антураж и посуда, быстрое без заискивания обслужива-

ние. Выпили по «дринку» прекрасного коньяка, кофе с пирожным и конфетками.

Праздничного настроения добавил нам прилет в Берлин нашего младшего сына Виктора с женой Инной, сумевшего, получив, после последних официальных процедур в начале августа, гражданство США, оформить паспорт, приобрести билеты, приземлиться 25 августа и провести с нами пять дней. Вместе с ними, Аксельбантами (имею ввиду всю большую семью с детьми и внуками) мы побывали и в итальянском ресторане, где провели замечательный вечер, вкушив национальные яства под эксклюзивное и очень приятное сухое красное вино. Нас поразили город Берлин не только своими историческими памятниками и местами событий, но и обилием зеленых массивов и насаждений на улицах, множеством цветов в цветниках, подоконниках, балконах и лоджиях. Многовековые липы, дубы, каштаны и др. зачастую полностью перекрывают проезжие части улиц и тротуары.

Естественно, ни одно застолье не проходило без воспоминаний о безвременно ушедшем из жизни муже, отце, деде, тесте и друге Давиде (Додике, Дэвике, Давиде Марковиче). Поистине, нет крепче и надежней дружбы, завязавшейся в юные, трудные годы между простыми, родственными душами. Примером этому могут служить дружба между Дэвиком и мною, нашими женами и детьми, прошедшая и продолжающаяся всю жизнь, хотя мы никогда не жили (кроме 3-х первых лет) поблизости, находясь на огромных расстояниях друг от друга, встречаясь нечасто, но всегда знали друг о друге, семейных радостях и неприятностях, сопереживали и оказывали посильную помощь и поддержку. Надеюсь так будет до отмеренных нам дней, продолжится и между нашими поколениями.

Подготовка к отъезду, месячное пребывание в Германии, возврат во все еще жаркий Израиль выбили меня почти на два месяца из «графика» написания книги и надо торопиться – многие мои друзья-читатели говорят, что с нетерпением ждут выхода в свет моей третьей книги, просит об этом и Адочка, мой основной спонсор по изданию этой книги – пусть даст ей Бог долгой активной жизни!

ГЛАВА 8

Реконструкция и расширение ГМЗ-2.

Л. И. Тимошенко

В 1973 году было закончено строительство II очереди ГМЗ-2. По этому поводу состоялся в октябре месяце митинг с участием Е. П. Славского и Ш. Р. Рашидова, которые поздравили всех участников строительства и эксплуатационников с очередной победой.

В юбилейный год 30-летия Победы над фашистской Германией было закончено строительство и запущена III очередь ГМЗ-2. Объемы переработки руд и выпуск валютного золота соответственно значительно возросли. Проектирование второй и третьей очередей по-прежнему велось силами головного московского института ПромНИИпроект, но в принятии основных технических решений принимали непосредственное участие специалисты производства, главные специалисты управления комбината, исследователи московского института ВНИИХТ, ЦНИЛа комбината. Главная борьба мнений шла по переделам основного цеха, от результатов работы которого зависели основные технико-экономические показатели работы всего завода. На месте строительства шла корректировка чертежей выездными рабочими бригадами из Москвы. С некоторыми сотрудниками этих групп я познакомился при их почти обязательных заездах в филиал института в Ташкенте, где они численно подкреплялись сотрудниками наших технологического и строительного отделов. Особенно часто московские группы возглавлял сотрудник отдела № 3 Леонид Иванович Скрипка, дружба с которым у меня сложилась и продолжалась затем многие годы. Из наших отделов подключались А. И. Борисюк, Л. И. Михайлов, А. Н. Цицаркин, М. И. Ким, Е. Гутман и др. С 1975 года число привлекаемых сотрудников филиала в поездки на место и разработку рабочих чертежей

на заводе резко увеличилось, а я как ГИП таким образом тоже включился в работы, связанные с заводом.

Работа блоков измельчения II-й и III-й очередей по удельным показателям не только не улучшилась по сравнению с I-й очередью, а и ухудшилась, резко снизилось извлечение золота в гравеоконцентрат, из-за неудачной компоновки отсадочных машин. На практике не оправдалась принятая технологическая схема классификации гидроциклонами, на применение которых настояли главный технолог комбината Ю. Н. Щеглов при поддержке научного сотрудника ВНИИХТа А. В. Мачинского.

В октябре месяце 1976 года на Бесапане, на совещании, проводимым Е. П. Славским в кабинете директора ЦРУ (Центральное рудоправление) В. Н. Каткова, был заслушан доклад ставшего к этому времени заместителем главного инженера комбината по технологии Т. Д. Гурдзиева о состоянии дел в работе ГМЗ-2 и о мерах по их улучшению. В совещании принимают участие Н. Б. Карпов, А. А. Петров, главный инженер ЦРУ Н. И. Кучерский, директор ГМЗ-2 А. А. Пешков, главный инженер завода Н. Т. Долгушин, начальник опытной установки № 5 Н. А. Ганза, директор ПромНИИпроекта О. Л. Кедровский, ГИП Э. Т. Оганезов, его зам по технологии В. О. Серко, представители ВНИИХТа, директор Ташкентского филиала №1 ПромНИИпроекта А. П. Суворов, ГИП филиала Л. Б. Бешер-Белинский и др. Министр, выслушав доклад, резко осудил создавшееся положение, согласился с выдвинутыми предложениями и принял решение о проведении реконструкции переделов II и III очередей цеха измельчения по технологическим схемам, принятым в I очереди, но с улучшенным и более мощным аппаратным оформлением. В разработку проектов замены оборудования и отдельных частей включился большой круг специалистов завода, проектно-конструкторского отдела комбината, головного проектного института и нашего филиала. Министерством была создана комиссия (группа) специалистов под руководством начальника технологического отдела ПГУ Г. И. Шведова, в задачу которой входила оперативное рассмотрение принимаемых технических решений, разработки чертежей, осуществлению их в натуре. Многие рабочие чертежи разрабатывались на месте, в них при необходимости вносились и изменения, и уточнения по мере осуществления работ. Большая группа проектировщиков филиала постоянно находилась в Зарафшане и большую часть суток проводила на заводе. Я стал участником работы комиссии, вносил свои предложения в вопросах увязки и организации исполнения принятых тех

решений, зачастую проявлял упорство и настаивал на принятии моих предложений. Мои действия неоднократно положительно отмечал Григорий Иванович Шведов. Филиал обеспечивал своевременное командирование нужных в каждом случае специалистов-проектировщиков на место работ, которые, несмотря на неблагоприятные бытовые условия, весьма активно работали, видя положительные результаты и своих усилий после осуществления разработанных ими чертежей. Наши специалисты сумели найти решения вписать в весьма стесненные условия двуспиральные погружные классификаторы в составе реконструируемых блоков. Во время капитальных ремонтов бригадами монтажников круглосуточно осуществлялось их сооружение. В филиале разработали чертежи и постепенно было осуществлен перенос на новую площадку и замену одной модификации отсадочных машин на более устойчивую в работе другую, таким образом решили реконструкцию отделения гравитации. Конструкторы комбината и умельцы РМЗ разработали, изготовили и внедрили новые виды футеровки мельниц ММС-70;23. Были внедрены смерчевые насосы, увеличены межремонтные пробеги футеровок, рабочих колес насосов и много, много других новинок.

В 1978 году была завершена реконструкция II очереди цеха измельчения. Увеличилась производительность мельничных блоков, заметно возрос выпуск золота. Стала еще заметнее главная роль технологических переделов именно этого цеха завода. Руководство комбината и ЦРУ оценили значительную роль проектировщиков нашего Ташкентского филиала института в оперативном решении многих вопросов проведенной реконструкции и дальнейшие работы по проектированию реконструкций и разработке проектов и технорабочих проектов отдельных объектов было поручено филиалу № 1 ПромНИИпроекта, и это стало моей одной из главных забот и ответственностью как главного инженера проектов филиала по НГМК.

Шла реконструкция III очереди цеха. Мнения по технологическим схемам и характеру оборудования для дальнейшего увеличения объемов переработки руд, улучшения коэффициента использования оборудования расходились. По предложению группы исследователей ВНИИХТа под руководством академика Бориса Николаевича Ласкорина было выдано задание на проектирование и строительство опытно-промышленного блока № 20, техно-рабочий проект которого в кратчайшие сроки был разработан в филиале, прошел утверждения и в минимальные же сроки был осуществлен в натуре. В составе этого блока три мельницы, конусная дробилка и двухдековый грохот «Скетч», целая система промежуточных бун-

керов и конвейеров, и впервые смонтирована и запущена шаровая мельница МШЦ-45х60 объемом 80 м³. После проведенных испытаний блок № 20 был приведен в обычную принятую в цехе схему обвязки. Одновременно мы разрабатывали рабочие чертежи, шло строительство блока № 21, который запустили в работу в 1981 году.

Разработка рабочих чертежей, параллельно ведущееся строительство в действующем цехе в стесненных условиях, необходимость доводить проектные решения на месте диктовали постоянное присутствие проектировщиков на заводе и мне, ГИПу приходилось заниматься увязкой хода работ, бывая на месте по несколько раз в месяц, не уменьшая внимания на руководство проектированием других объектов ЦРУ, ЮРУ, СРУ и др. В то же время получал истинное удовлетворение от чувства непосредственного соучастия в получаемых весьма положительных результатах улучшения работы завода, по все увеличивающемуся объему переработки руд и выпуску готовой продукции. Но не менее приятным было систематическое общение по производственным вопросам, на совещаниях и других официальных собраниях, а также и в неофициальной обстановке со многими руководителями завода, ЦРУ, строителями из Зарафшанского управления строительства. В результате тесных взаимодействий сложились товарищеские отношения с директором завода Адольфом Александровичем Пешковым, главным инженером завода Николаем Тимофеевичем Долгушиным. Дружба с А. А. Пешковым продолжилась, и мы неоднократно встречались и тогда, когда он стал генеральным директором «Узбекзолота». Неоднократные расширения и реконструкции опытного цеха № 5 на Бесапане по разрабатываемым нами проектам сдружили меня с очень грамотным, настойчивым трудолюбом и приятным человеком Николаем Алексеевичем Ганза, который стал начальником этого цеха. Мы очень легко с ним решали возникающие вопросы, иногда и разногласия, и в дальнейшем нашем сотрудничестве, когда он совершенно заслуженно стал заместителем директора Северного рудоуправления (Учкудук) по капитальному строительству, где очень энергично руководил строительством сернокислотного завода, началом строительства ГМЗ-3 и продолжением жилищного строительства. Мне до сих пор приятно вспоминать одну из серьезнейших с ним встреч, при которой состоялся следующий разговор:

– Леонид Борисович, мне сделали предложение переехать в Желтые Воды с назначением заместителем директора Восточного комбината по КС. Но я очень сомневаюсь стоит ли это сделать, боюсь справлюсь ли? Обращаюсь к тебе как к старшему, опытному

товарищу и другу! – Я был озадачен, перебрал в уме возможные варианты. Трудно давать такие советы, но, зная характер и отношение к труду этого молодого человека, решительно высказал:

– Николай! Принимай предложение. У меня нет никаких сомнений, что ты справишься с предлагаемой должностью. Тебе же это дает простор для дальнейшей жизни и карьеры.

– Ты мне помог, Леонид Борисович. Решаюсь! Спасибо тебе! – Через небольшое время Н. Ганза уехал. Уже через год он был назначен директором комбината. К сожалению, в дальнейшем не представилась возможность встретиться, хотя я еще часто бывал в Москве и, наверное, и он там бывал. Только по слухам знал, что Н. А. Ганза после распада СССР стал директором одного из заводов бывшего Средмаша в России.

В эти времена познакомился и с другими специалистами, энтузиастами стройки и эксплуатации уникального золотоизвлекательного комплекса, из которых я бы выделил и с которыми сблизился, это Олег Алексеевич Михин, Александр Алексеевич Пашков. Приятными были взаимодействие и встречи со старыми знакомыми по совместной прежней работе в НГМК главным инженером ЦРУ Николаем Ивановичем Кучерским и 1-м секретарем Зарафшанского горкома КПУз, а с 1976 года опять директором ЦРУ Виталием Николаевичем Сигединым. Николай Кучерский как горняк с большим уже опытом ведения открытых горных работ, будучи главным инженером ЦРУ больше внимания уделял развитию и решению многочисленных проблем организации и совершенствования работ уникального карьера Мурунтау. Наш филиал практически не участвовал в проектировании горных работ в карьере. Эти работы вели исключительно проектировщики и исследователи головного ПромНИИпроекта и среди них зам. ГИПа по горным работам Л. Х. Мальский, руководители проектных групп и главные специалисты горного отдела Г. И. Батурин, Н. В. Крючков, Ю. А. Голубев, начальник отдела Л. Г. Подоляко и др. Но вскоре по просьбе руководства рудоуправления мы включились в проектирование ремонтной площадки в цехе ремонта горного оборудования, где создалась очень напряженная ситуация, из-за несоответствия габаритов и ремонтного оборудования основного ремонтного цеха потребностям для ремонта более мощного горного оборудования (экскаваторов, бульдозеров и др.), которым стали оснащаться горные работы карьера. Нами была запроектирована ремонтная площадка с необходимыми грузоподъемными средствами, с окончания строительства которой значительно улучшились условия ремонта горной техники.

Правда, стоит вспомнить, что Николай Иванович Кучерский вынужден был не меньшее внимание уделять и заводским делам в период 1973–75 годов, когда директором ЦРУ был В. Н. Катков. Это был уже немолодой человек, с высшим образованием не знаю какого профиля, с мягким характером, не сумевший вписаться в существующий напряженный характер и темп проводимых работ и практически занимавшийся лишь вопросами хозяйственного обеспечения трудящихся на производстве, своевременному завозу продуктов питания в столовые и улучшения их работы. Каким образом Виктор Николаевич Катков сразу стал директором ЦРУ, прибыв со стороны, я не знаю, но знаю, как к нему относились ближайшие сослуживцы и подчиненные – как к случайно объявившемуся «папе», которого можно послушиваться, но не стоит и не надо обижать. Хорошо, что недолго продолжалось «директорствование» Каткова, и его сменил В. Н. Сигедин.

Во время моего пребывания в зоне его деятельности секретарь горкома В. Сигедин часто приглашал меня к себе и интересовался ходом проектирования и условиями работы проектировщиков, оказывал поддержку в выполнении соответствующими службами предприятия высказываемых мною просьб об улучшении бытовых условий их. Чувствовалось, что секретарь полностью в курсе всех происходящих дел и событий на стройке и в работе подразделений предприятия. А став директором ЦРУ (уже во второй раз), В. Н. Сигедин всегда принимал меня без предварительных согласований, как правило выполнял все мои просьбы и очень требовательно относился и к выполнению взятых нами обязательств.

В описываемый период посчастливилось опять встретиться и поработать с приятным мне близким товарищем Леонидом Ивановичем Тимошенко. О нем написано и в первой и второй книгах о тех периодах общения с ним. Леонид Иванович в 1967 г. закончил Навоийский техникум по строительной специальности (до этого не имел строительного образования, но имел большой практический опыт работ на стройках) В это время он с Дарьей Николаевной Соловьевой жил в г. Навои, хотя сам он фактически находился в районе Сазакино на площадке строительства головных сооружений строящегося уникального водовода «Амударья – Зарафшан». Дарья Николаевна работала в одной из школ г. Навои. Не знаю по каким причинам, но Тимошенки в конце 1967 г. уволились и выехали из Навои. Позднее мы узнали, что семья распалась, а Л. Тимошенко стал работать на стройках комбината в г. Шевченко. В 1972 году Леонид Иванович вернулся в НГМК и был назначен заместителем

начальника, а вскоре начальником СМУ «Промстрой», ведущего строительные работы на промышленных площадках Бесапана, а это и очень важные объекты золотоизвлекательного завода ГМЗ-2. Думаю, что его возвращение и назначение имели место при весьма положительном отношении к этому со стороны А. А. Петрова, знавшего все качества и возможности Тимошенко. На долю Леонида Ивановича выпало руководство и непосредственное участие в строительстве II и III очередей главного корпуса ГМЗ-2 и большая часть работ по реконструкции этих очередей, проводящихся в весьма стесненных условиях действующего производства, при строгом режиме охраны определенных пределов, где была возможность «утечки» золота. А ведь значительной частью рабочей силы строителей были заключенные, приводимые из Бесапанского лагеря. Я неоднократно наблюдал как почти постоянно находившийся на месте работ Леонид Иванович умело справляется с возникающими проблемами, как его привычный голос, несмотря на производственные шумы действующего технологического оборудования и строительных средств, меняет настрой и темп работ «зеков», зачастую пытающихся «покейфовать под шумок». Еще раз: Л. И. Тимошенко был тем типом руководителя и той личностью, необходимой в таких конкретных условиях. Практически при каждом моем приезде в Зарафшан я бывал в доме Леонида Ивановича (приглашал обязательно, где он жил с новой супругой, врачом МСЧ (фамилию не помню). Мы с Юлией в эти годы продолжали общаться при поездках и переписку с бывшей супругой Тимошенко Дарьей Николаевной Соловьевой, которая к этому времени переехала жить в г. Ленинград, где уже продолжали учебу и работу ее дети. Она интересовалась делами Леонида Ивановича, мне казалось продолжала любить его. Однажды она попросила меня передать Леониду Ивановичу несколько документов и наград, оставшихся у нее, что я выполнил. Продолжали мы общаться с Леонидом Ивановичем и тогда, когда он работал заместителем директора Восточного рудоуправления по общим вопросам. Не могу не описать интересную историю, вспомнившуюся мне в связи с Л. И. Тимошенко. Думаю, это было в разгар зимы 1967 г. В очередной командировке в Москву (я тогда работал в управлении комбината) встретился в вестибюле министерской гостиницы на Набережной Горького с прибывшем в командировку «выбивать» дефицитные запчасти для большегрузных карьерных автомобилей Л. Тимошенко. После радостного обмена приветствиями стали обсуждать чем займемся на досуге, а дело было вечернее, на улице приличный мороз и сугробы снега на обочинах проезжей части и тротуаров. Леонид Иванович и говорит:

– Знаешь, у меня тут в Москве есть хороший знакомый, он генерал и зовут его Анатолий Петрович Горшков. Но я не знаю ни адреса, ни телефона его. – Отвечаю:

– Так я сейчас узнаю через справочную службу! – и беру трубку находящегося здесь телефона, набираю 09. Прошу ответившую мне телефонистку дать мне номер телефона А. П. Горшкова, генерала. Через короткое время мне называют пять номеров пятерых «А. П. Горшковых», которые записывает Тимошенко под мою диктовку. Набираю первый из номеров и передаю трубку Леониду Ивановичу. После первых же обменов фразами оказалось, что это и есть искомый Горшков. Несколько восторженных фраз в трубку, запись адреса и Тимошенко восклицает:

– Леонид Борисович, едем!..

Вызывали такси и отправились по адресу, а это на одной из Щукинских улиц, что находятся в районе метро «Сокол». Подъехали и нас встретил у подъезда прогуливающийся, опираясь на палку в спортивном костюме среднего роста, человек. Они обнялись, Тимошенко представил меня. Вошли в дом. В квартире в салоне большой красочный портрет (в масле) генерала при полном букете всех многочисленных наград, довольно красивая современная мебель. Хозяйка дома, симпатичная стройная женщина, накрыла стол на три персоны. Пока она хлопотала, Горшков сообщил нам, что он после лечения в связи с автомобильной аварией, в которую он попал и серьезно пострадал. Он работал начальником ОКСа Мосгорисполкома. Перешли к столу и начался очень интересный рассказ. Анатолий Петрович в самом начале войны в армии и был командиром полка ополчения при защите г. Тулы, стоящей на пути рвущихся к Москве гитлеровцев. После первого перелома хода битв за Москву, когда немецкие войска остановили и даже отогнали назад, Горшкова отправляют в Югославию, к Иосифу Броз Тито в качестве представителя Советского командования и консультанта в партизанской войне против немецко-фашистского режима. Здесь при штабе Тито и провел Анатолий Петрович всю войну. Он подружился с Иосифом и его семьей и дружба эта, забегая вперед скажу, продолжалась многие годы. Анатолий Петрович свой рассказ иллюстрировал десятками фотографий, сделанных за годы, пройденные с партизанскими войсками Югославского сопротивления, на которых запечатлены многие эпизоды боев и картинки быта. Много снимков с Иосифом Броз Тито, его супругой (имя забыл) и даже легендарная собака Тито. Уже после окончания войны Анатолий Петрович был обязательным участником Советских делегаций, отправляемых в Югославию в

годовщины празднований дней Победы. Во время приезда Югославского президента Иосифа Броз Тито в СССР, он (президент) побывал в гостях у Анатолия Петровича. В годы же размолвки между руководством СССР и Югославии Анатолий Петрович Горшков попал в опалу и пережил не лучшие времена в своей жизни. Так вот, это и был первый руководитель стройки будущего комбината и его первых поселков-городов Навои и Учкудука – начальник Управления строительства № 621 в составе 11-го ГУ Минсредмаша, прибывший на станцию Кермине летом 1956 года.

Наша беседа за рюмкой доброй водки и простой закуской незаметно затянулась далеко за полночь и лишь где-то часов в 4 ночи (утра?) мы начали прощаться. На вызванном такси отправились в центр, но настрой был после услышанного несколько возбужденным и решили проехать на Ленинские горы (Воробьевы), с высоты которых полюбовались красивой картиной просыпающейся с медленным восходом солнца Москвы, еще и освещенной мириадами уличных фонарей и отдающимся отблеском их света от искрящегося снега. Так я познакомился с легендарным человеком, имя которого отражено в одном из томов «Истории Великой Отечественной войны». Ранее я не знал истории начала стройки в Учкудуке, хотя фамилию Горшков где-то слышал. Мир тесен, говорят, и действительно через много лет мне довелось еще раз встретиться с А. П. Горшковым в других условиях и по другому, чисто случайному поводу. В одной из поездок в Москву в конце семидесятых, или начале восьмидесятых годов я на субботу-воскресенье из гостиницы переселился к уже упоминавшимся нашим друзьям Аксельбантам. Во второй половине субботнего дня Давид Аксельбант пригласил меня съездить с ним к одному из его клиентов, с которым назначена была встреча в квартире последнего. Подъехали к одному из фешенебельных зданий, что на противоположной стороне от входов-выходов станции метро «Аэропорт» на Ленинградском проспекте. Это жилой дом оригинальной архитектуры. В просторном вестибюле входа пол был застелен ковром, за рабочим столом сидел солидный мужчина – консьерж, интересующийся в какую квартиру и к кому мы направляемся. Давид назвал номер квартиры и сказал, что свидание назначено. Нам сообщили на какой этаж надо подняться на лифте. Дверь нам открыла женщина в очень аккуратном фартучке поверх домашней красивой одежды, лицо которой мне показалось очень знакомой. Пригласила пройти в кабинет, в который через несколько минут вошел хозяин квартиры в добротной пижаме. Это был А. П. Горшков, которого я сразу узнал, но об этом не высказал. Давид и Анатолий Петрович, после того как первый пред-

ставил меня другом и своим человеком, обменялись информацией и прочли какой-то текст отпечатанный на машинке. Я, естественно, не понял, о чем идет речь, в действия не вмешивался и тихо просидел в одном из кресел. Горшков меня не узнал. По окончании визита, уже в машине Давид рассказал мне о существе дела. В одном из больших городов, кажется Днепропетровске, был обвинен во взятке, арестован и осужден на несколько лет predisполкома (имярек), который являлся близким другом, сослуживцем со времен ВОВ, с которым А. Горшков «съел не один пуд соли». Горшков, уверенный в невиновности своего друга, которого оговорили недруги и дельцы, вел уже многомесячные попытки пересмотреть уголовное дело и пригласил в этот процесс известного адвоката Давида Марковича Аксельбанта. Я не забыл и через какое-то время спросил Давида о результатах его усилий и узнал, что дело было выиграно, клевета доказана, друг А. Горшкова был освобожден из тюрьмы и реабилитирован.

С окончанием реконструкции II и III очередей главного корпуса и пуском блока № 21 окончательно победила схема с применением громоздких, но устойчиво работающих двуспиральных классификаторов и вывода из работы гидроциклонов. Совершенствовались схемы обвязок блоков с шаровыми мельницами второй стадии измельчения, внедрялись разные усовершенствования по предложениям многих творчески относящихся к работе инженеров и техников отделений и цехов. Шла борьба и получены положительные результаты увеличения КИО оборудования главного цеха завода. Была достигнута проектная производительность всего уникального комплекса по добыче, объемам переработки руд и выпуску аффинированного золота с применением сорбционной технологии.

Это событие было отмечено:

- присуждением группе из шести руководителей и специалистов Ленинской премии СССР за 1980 год, в том числе заместителю главного инженера комбината по технологии Т. Д. Гурдзибееву, главному инженеру проектов по НГМК ПромНИИпроекта Э. Т. Оганезову, директору НГМК А. А. Петрову.

- присуждением Государственной премии СССР за 1980 год группе из двенадцати руководителей и специалистов, в том числе главному технологу комбината Г. М. Дмитриеву, директору института ПромНИИпроект О. Л. Кедровскому, начальнику карьера Мурунтау В. Я. Кохтареву, главному инженеру ЦРУ Н. И. Кучерскому, директору завода ГМЗ-2 А. А. Пешкову.

На этом закончу эту главу о делах на ГМЗ-2, к которому еще вернемся в дальнейших рассказах.

ГЛАВА 9

Учкудук – новые задачи. Э. Т. Оганезов

Заняв должность ГИПа я стал с 1974 года обязательным участником ежегодных посещений объектов и городов НГМК, совершаемых Министром Е.П. Славским и его свитой. Поездки эти уже по давно сложившейся традиции были в осенние месяцы и начинались, как правило с Учкудука. Были и исключения, когда Е. П. Славский и по два раза в год бывал на НГМК по случаю особых событий, например, как ввод в эксплуатацию I очереди ГМЗ-2 в июле 1969 г.

Горные работы в Учкудуке развивались в соответствии с проектом строительства II очереди рудников и карьеров предприятия. Вместе с тем, на основе полученного опыта по добыче металла способом скважинного подземного выщелачивания на залежах 30, 28 и проявляемого энтузиазма многими ИТР, поддерживаемого руководителями комбината и рудоуправления, шло все более широкое развитие этого способа на выявленных геологической службой залежах, нерентабельных для отработки традиционными способами. Начались опытно-промышленная отработка СПВ на юго-западной части месторождения, названная участком ПВ-102, довольно быстро превратившаяся в рудник СПВ с полным обустройством всех необходимых промышленных объектов – стационарной компрессорной, установкой переработки растворов (УППР), складов кислот и материально-технического обеспечения, подъездными автомобильной и ж.д. дорог и др. Все это обустройство и строительство велось по отдельным техно-рабочим проектам (ТРП) и рабочей документацией, разрабатываемых Ташкентским филиалом ПромНИИпроекта под непосредственным моим руководством.

С учетом предложений специалистов предприятия и его руководства, главного инженера СРУ Л. М. Демича, ставшего с 1975 го-

да заместителем главного инженера комбината, директора СРУ П. Г. Меньшикова, с которыми у меня сложились тесные деловые контакты, нами был разработан, получил утверждение проект отработки шахтных полей 15 и 11, а ранее и шахтного поля 8, единым комплексом с шахтным полем 7, что дало значительную экономию в капитальных затратах. Весь этот комплекс был осуществлен по разработанному нами рабочим чертежам.

Филиал был генеральным проектировщиком города Учкудука, его инфраструктуры и продолжал выдавать проектную документацию и вести авторский надзор за строительством, которое в этот период вело СМУ-1, подчинявшееся рудоуправлению и оставшемуся здесь после перевода Управления строительства на территорию вновь осваиваемого района будущего Зарафшана и ставшего Зарафшанским управлением строительства. Проектирование городского строительства шло под руководством ГИПа В. В. Источникова.

Как проходили встречи и совещания при приезде министра я подробно описал во второй книге и не буду повторяться. Но острота разбираемых вопросов в Учкудуке стала переходить в другую плоскость. Горные работы Учкудука достигли пика своего развития, трудности механизации на подземных работах во многом преодолены, выросли скорости проходок горных выработок, в десятки раз возросла производительность труда на выход, на открытых горных работах полностью освоены комплексы горнотранспортного оборудования (КГТО), поставлены даже рекорды по годовой производительности многими бригадами, выросли плеяды высоких специалистов во всех профессиях сложного горного и других смежных видах производства. Достигнутые показатели отмечались многими Государственными наградами и в 1977 году присуждена Государственная премия СССР группе специалистов и руководителей, в том числе (по алфавиту и без перечисления должностей) Л. М. Демичу, Л. Д. Ефанову, Б. Н. Зиздо, О. Н. Мальгину, Л. Х. Мальскому, П. Л. Нижникову, А. А. Петрову, Б. И. Шварцману, А. П. Щепеткову. На повестку дня встали другие, не менее важные вопросы, связанные с необходимостью освоения вновь разведанных геологами Узбекистана месторождений золота «Кокпатас» и «Даугызтау». О ведущихся геолого-поисковых и разведочных работах на золото в районе Кокпатаса я знал еще в первой половине шестидесятых годов, работая в Учкудуке. Тогда я познакомился с Р. В. Цоем, начальником Кокпатасской поисково-разведочной партии, которому оказывал какую-то техническую помощь. В дальнейшем трестом «Самаркандгеология», руководимом И. С. Соколом, были

значительно увеличены география и объемы поисков и разведки в Кызылкумской провинции, увенчавшиеся выявлением, подтверждением и утверждением к середине семидесятых годов определенных запасов золотосодержащих руд на указанных месторождениях. Мне довелось принять личное участие в развитии геологоразведочных работ в Даугызтау тем, что именно через меня, ставшего ГИПом, начальник ГРП А. С. Горохов привлек наш филиал к разработке ТЭДа (технико-экономического доклада) целесообразности детальной разведки месторождения «Даугызтау», который был нами выполнен, утвержден и в котором мы определили временные кондиции для подсчета запасов. Потом нами были запроектированы разведочные стволы и горные выработки для производства геологоразведочных работ, которые Кызылкумская ГРЭ выполнила и в результате которых были утверждены первые промышленные запасы.

На основании задания Минсредмаша головным институтом ПромНИИпроект было разработано «ТЭО целесообразности промышленного освоения золоторудных месторождений Кокпатас и Даугызтау». Руды этих месторождений состоят примерно на четверть из окисленных и на 75% из сульфидных разностей, а мелкое золото находится в сростках с другими минералами и в ассоциации с сульфидами и арсенитами минералов-носителей пирита и арсенопирита. Сложность заключалась в том, что для извлечения золота из таких руд требовались специальные технологии и оборудование, они относятся к категории упорных. Было известно, что несколько месторождений аналогичных золотоносных руд, в частности на территории Казахстана, не отрабатываются именно по причине отсутствия приемлемых технологий извлечения золота из них, несмотря на проведенные многочисленные исследования научными и проектными организациями Минцветмета СССР. Комбинатом, ВНИИХТом, ПромНИИпроект (в дальнейшем ВНИПИПТ) проводились значительные объемы исследований, технических проработок и опытных испытаний разных технологических схем и типов оборудования для получения приемлемых технико-экономических показателей извлечения золота из указанных руд. Некоторые проверки и испытания проходили и на установке опытного цеха № 5 на Бесапане, неоднократные переустройства которой велись по нашим проектам филиала.

Теперь главными вопросами обсуждения на совещаниях с Министром и в Учкудуке и в Зарафшане стали технологии переработки руд новых месторождений и соответственно строительства завода, место которому было определено в районе города Учкудука.

Последнее имело большое значение для коллектива и населения Учкудука, как возможность дальнейшего существования при сокращении добычи урановых руд в связи с истощением запасов последних, которое все-таки произойдет в будущем. Докладчиками на этих совещаниях стали уже не директора Меньшиков, Зиздо, а зам. главного инженера комбината Т. Д. Гурдзибеев и ГИП ПромНИИ-проекта по НГМК Э. Т. Оганезов. При выступлениях последнего внимание Министра как-то обострялось, он очень внимательно и с особым блеском в глазах поддакивал очень четким суждениям Эдуарда Тиграновича, не перебивая, задавал вопросы. Меня очень удивлял факт того, что инженер железнодорожного транспорта смог изучить, систематически углублять свои знания в области технологий извлечения урана и золота и требуемых для этого оборудования и аппаратов до уровня специалистов этой области. Несмотря на многочисленные проработки, нужных результатов для окончательного принятия решения о технологической схеме переработки руд новых месторождений золота не получалось. Имелись сомнения и по обжиговой схеме, было не понятно, что делать с большими объемами высвобождаемых соединений мышьяка, на которые нет потребителей и хранить которые опасно. Время шло, геологи наращивали запасы золота на Кокпатасе и Даугызтау, менялись решения по способам и технологическим схемам переработки руд. Я был участником и свидетелем того, как Ефим Павлович Славский два или три раза забивал «первый кол» в центре территории, отведенной для строительства ГМЗ-3, куда его вывозили после очередного совещания в Учкудуке при его ежегодных приездах в период 1977–80 гг., а стройка завода не начиналась.

При обжиговой схеме переработки упорных руд предусматривалось использование отходящих газов и получение из них серной кислоты. Расширяющиеся объемы добычи урана методом СПВ на НГМК и в других горнодобывающих производствах Минсредмаша систематически увеличивали потребность этого продукта, который, как и многое другое в Советском Союзе, был в дефиците. Для удовлетворения потребностей в серной кислоте Минхимпром СССР заключил договор с ПНР (Польской Народной Республикой) о поставке оборудования десятка типовых заводов серии СК для получения серной кислоты на привозной сере. Поляки поставку оборудования обеспечили в договорные сроки, а Минхимпром с местом и финансированием строительства этих заводов не определился и оборудование стало обузой для него. Совет Министров СССР обязал другие ведомства, в том числе Минсредмаш, в короткие сроки освоить

поставленное оборудование. Так в НГМК попал типовой комплект СК-43 с соответствующим приказом о его строительстве для обеспечения потребности в серной кислоте. Проектирование было осуществлено с помощью субподрядного института Гипрохим. Несмотря на существенные недостатки в финансировании, строительство СК-43, как начало ГМЗ-3, благодаря значительным усилиям руководства НГМК, его директора А. А. Петрова велось без перерыва. Были подготовлены кадры специалистов и рабочих через Навоийский промышленный техникум, Учкудукское профессионально-техническое училище и завод запущен осенью 1985 года. Большой вклад в пуск, отладку производства, подготовку специалистов вложили первый директор В. В. Новиков, главный инженер В. А. Ромашов, упомянутый мною ранее зам. директора СРУ Н. А. Ганза.

О перипетиях строительства собственно завода по переработке руд новых месторождений, т. е. ГМЗ-3, расскажу по возможности позже, а сейчас хочу рассказать о том, кто возглавлял всю организационную увязку многочисленных научных, проектных, строительных, финансирующих организаций в выработке технических решений для осуществления грандиозной стройки, названной Навоийским горно-металлургическим комбинатом. Речь не о министре, не о директорах, а скромном человеке, имя которому Эдуард Тигранович Оганезов.

В далеком 1949 году в старом городе Ленинабада, где еще тогда располагалось управление «Хозяйства Чиркова», а это первого комбината по добыче и переработке урановых руд в СССР, имевшего закрытое наименование «Комбинат № 6» и где каждое его (комбината) предприятие имело представительство и маленькую гостиничку в арендуемых глинобитных домиках-дворах, я впервые, будучи уже в командировке из Майли-Су, познакомился с постояльцем – внешне совершенно обычный, выше среднего роста, стройный, с короткой стрижкой, темными глазами и красивым овалом лица, выдающем армянское происхождение, человеком, кажется еще в армейской гимнастерке. Мы сразу нашли общий язык, сложили свои возможности для организации общего ужина и здесь я узнал, что Эдуард Тигранович Оганезов является сотрудником проектного института в г. Москве и прибыл в командировку для работы в СПБ-2 в Ленинабаде. Мне очень понравился этот простой, говорящий с чуть-чуть кавказским акцентом, как правило спокойно, но иногда проявляющемся порывом повышенных эмоций. После двух вечеров общения и моего отъезда восояси мы много лет не встречались, но это знакомство мне почему-то запомнилось.

Только через десяток лет мы встретились уже на Учкудукской земле воочию, а я несколько ранее, изучая проектную документацию, узнал, что главным инженером проектов является мой знакомец Э. Т. Оганезов. С его заместителем по горным вопросам Львом Христофоровичем Мальским мы были знакомы по совместной работе с Майли-Суйских времен. Я не знаю вспомнил ли Эдуард наше первое знакомство, не спрашивал его об этом, но уже с первых моих командировочных поездок в Москву, в проектный институт у нас сложились взаимно уважительные отношения, а Эдуард Тигранович оказывал мне всякую помощь для решения стоящих передо мной проблем. Не помню в каком году, а это было еще при моей работе в НГМК, во время моего пребывания в Москве, Эдуард пригласил меня к себе домой, а жили они (его семья) тогда, насколько мне помнится, в квартире большого дома в районе Таганки. Здесь я познакомился с супругой Евгенией Ивановной и дочерьми Валерией (Лерой) и Лидой. Идя на встречу в незнакомую мне московскую семью, я очень внутренне переживал, беспокоясь не знанием многих «столичных этикетов» и возможных промахов. На самом деле встретил самую радушную, без жеманства, обстановку, несмотря на внешнюю «строгость» выражения лица простой русской красоты Евгении Ивановны – ее открытость и благожелательность, умение вести беседу и расспросы о моих делах и моей семье. С этих пор я стал довольно часто бывать в гостях в этой прекрасной семье. Через несколько лет Оганезовы получили довольно просторную квартиру в новом районе Орехово-Борисово и я даже оставался на ночевки, если засиживались допоздна. Евгения Ивановна Рыль, сотрудница технологического отдела № 3 головного института, где была главным специалистом и пользовалась значительным авторитетом, умела и готовить вкусные яства, и содержать просто и красиво дом, и создавать теплую и непринужденную обстановку, принимая гостей, и незаметно удалиться, оставив мужчин для беседы на «мужские» и деловые темы. Бывал я у них многократно и тогда, когда Оганезовы приобрели кооперативную 2-комнатную квартиру на Каширском шоссе, оставив прежнюю квартиру младшей дочери Лиде, вышедшей замуж за Андрея (фамилию не знаю). С Андреем я познакомился у Оганезовых во время его ухаживания за Лидией, когда он заканчивал Плехановский институт. Насколько я понял он был выходцем из западных областей Украины. Некоторые его черты поведения и высказываний мне не нравились, отдавали каким-то «не советским», по моим представлениям духом, некоторым бравированием своими знакомствами с отпрысками «кремлевских» обита-

телей. Мне казалось, что и Эдуард Тигранович не очень одобрял выбор дочери, но ни я, ни он этого вопроса не касались никогда.

Нравилась мне обстановка в группе ГИПа Оганезова. Эдуард Тигранович полностью доверял своим заместителям – по горным работам Л. Х. Мальскому (позже Г. И. Батурин), по технологии В. И. Серко (позже А. А. Мираков, Л. И. Скрипка) – и очень, как бы осторожно, но уверенно направлял их действия в русло, которое считал нужным при обсуждении вопросов на совещаниях при руководстве института, главка, министерства. Он, в тоже время, всегда был в курсе всех вопросов состояния проектирования, принимаемых решений и разногласий по ним независимо от их характера (горные, технологические, строительные и т.п.) и мог обосновано выступить и доложить об этом на любом уровне обсуждения. Мне казалось, что это достается ему ценой больших усилий и работоспособности по изучению знаний вне области его инженерного образования. Думаю, что приобрести знания в области технологии переработки и извлечения металлов из руд ему в большой степени помогала его супруга Евгения Ивановна.

Начиная с 1962 года и до ухода Эдуарда Тиграновича на пенсию, мы встречались с ним по многу раз в каждый год. Он приезжал на НГМК не только в составе свиты Министра, он был обязательным участником совещаний по обсуждению вопросов строительства и проектирования промышленных объектов и городов в составе НГМК и объектов других ведомств СССР и УзССР, ведущихся строительными организациями Минсредмаша, в составе групп под руководством замов министра, начальников главков министерства. А с момента моего становления главным инженером проектов филиала института по НГМК и быстро расширяющемуся списку объектов проектирования, передаваемого филиалу, я не менее пяти–шести раз в год приезжал в Москву для согласования и утверждения основных технических решений, законченных проектов в головном институте или в 9 и 1 Главных управлениях. Естественно, что во всех этих мероприятиях принимал самое активное участие главный ГИП Оганезов и его замы. Особенно серьезными были разборы решений по очень важным и сложным объектам, каковыми являлись хвостохранилища ГМЗ-1 и ГМЗ-2, проектирование которых проводилось в филиале под моим руководством. Именно в Ташкентском филиале сложился очень квалифицированный состав гидротехнического отдела № 18, под руководством В. Н. Черепенникова, который вместе с гидротехнической лабораторией научного отдела (начальник Р. Р. Баширов) и соответствующими подразделениями изыскате-

лей в эти годы сумел разработать несколько технических проектов и рабочих чертежей II и III очередей хвостохранилищ и уранового ГМЗ-1 и золотоизвлекательного ГМЗ-2 с учетом резкого улучшения мер по охране окружающей среды, требования к которым ужесточались. О других многочисленных объектах, проектирование которых стало заботой Ташкентского филиала благодаря моим усилиям и доверию ко мне со стороны руководства комбината, головного института и ГИПа Э. Оганезова постараюсь по возможности описать в дальнейшем, увязав это рассказами об интересных на мой взгляд личностях и временных периодах. Таким образом, мне приходилось много и часто взаимодействовать с Эдуардом Тиграновичем и в производственной обстановке, и в нерабочее время, и в домашней семейной среде и каждый раз я узнавал что-то такое, что хотелось перенять.

Нечего греха таить, часто при приезде в командировки я привозил в Москву дары природы, выращиваемые на благодатных Узбекских земле и климате. В зависимости от сезона это были: сочные, красивые, крупные помидоры, редиска ранней весной, разнообразные сорта десертных виноградов, крупные персики и Чарджуйские дыни-дирижабли летом, зеленая сладкая редька осенью и др. В одном из домов по ул. Каширское шоссе на втором этаже четырехкомнатная квартира служила гостиницей для приезжающих по делам сотрудников из филиалов ПромНИИпроекта и предприятий-заказчиков. Одна из маленьких комнат квартиры предназначалась для приема руководителей филиалов или других лиц категории «VIP». Сложилось так, что и я принадлежал к последним и по заранее сделанному мной телефонному звонку из Ташкента, заведующая гостиницей Луиза Алексеевна готовила этот одноместный номер мне. В первый же рабочий день я приглашал к себе моих наиболее близких товарищей, после окончания работы мы устраивали мальчишник, естественно с соответствующими напитками и закусками, приобретаемыми в обеденный перерыв в магазинах на территории института, или вне ее и в ассортименте доступном в этот временной период состояния экономики в СССР. А состояние это многократно менялось и все в худшую сторону с середины семидесятых и до развала государства. Кто же входил в круг моих наиболее близких товарищей и друзей? Это – Э. Т. Оганезов и его заместители Л. Х. Мальский (бывал редко), А. А. Мираков, позже Г. И. Батулин, Л. И. Скрипка, один из замов главного инженера института Д. Е. Бугримов, специалисты-ученые из НИО, ставшие потом руководителями лабораторий и отделов Ю. В. Литинский, А. Н. Лукьянов и др.

Во время этих встреч шел очень интенсивный обмен мнениями и дискуссии не только по производственным, а больше по житейским, иногда и спортивным темам. Под воздействием горячительных напитков тон и громкость разговоров иногда превышали «норму», но как только вступал в разговор Эдуард Тигранович компания переставала шуметь и внимательно слушали его, чувствовались авторитет и глубокое уважение.

Мне было известно, что Оганезов участник ВОВ, имел тяжелое ранение, в частности потерю зрения правым глазом, (кстати, мы в этом были «тезками» — у меня была травма (проникающее ранение) и потеря зрения левым глазом, но на производстве, — но я никогда не слышал из его уст ссылки на его участие в боях, историй об этом, столь присущих многим участникам войны, никогда не видел на его пиджаке орденских планок, свидетельствующих о его боевых наградах (может быть в дни юбилейных и революционных дат он их навешивал) и, к сожалению, не спрашивал его и не знал, что он был кавалером очень высоких наград, которыми наделяли за значительные подвиги: Орден Красного Знамени, Ордена Отечественной Войны I и II степеней. Разве это не верх скромности!? О его боевых наградах, участие в боях на Северо-Западном и I-м Украинском фронтах в качестве заместителя командира отдельного саперного батальона я узнал совсем недавно из письма Евгении Ивановны Рыль, которая, слава Богу, жива, почти здорова, живет по старому адресу, с которой я восстановил письменную связь, и которая любезно согласилась на переписку со мной. От нее же узнал, что Эдуард Тигранович окончил Военно-инженерную Академию им. Куйбышева, чем очень гордился и очень радовался, когда во время военных парадов на Красную площадь выходили ее выпускники. О не менее значительных, но трудовых наградах, о которых я конечно знал и которыми он заслуженно отмечен — Орден Трудового Красного Знамени, лауреат Ленинской премии, Заслуженный строитель УзССР — уверен, не знали многие его сослуживцы, особенно из молодежи. Это еще одно свидетельство его чрезмерной скромности.

Большое уважение Эдуард Тигранович заслужил не только своими боевыми и трудовыми подвигами, а и уважительным отношением к окружающим сослуживцам, собеседникам независимо от их возраста и служебного положения. Я неоднократно наблюдал как он осторожно и уважительно относится к молодым проектировщикам, приходящим на подпись задания одного отдела смежному, боясь обидеть их самолюбие при нечетких ответах на задаваемый вопрос.

Однажды я был участником воскресного обеда в одном из номеров гостиницы «Навои», на который собрались и заказали несколько человек после нескольких дней объезда и совещаний по вопросам технологии извлечения металлов на заводах НГМК.

Гостиница «Навои» с момента ее сдачи в эксплуатацию в начале шестидесятых годов и до середины девяностых годов была на балансе НГМК и как правило в ней останавливались командированные, связанные с работами комбината. В первом этаже 8-этажного здания гостиницы располагались кроме помещений администрации (в том числе дежурных), входы в буфет-столовую прямо, вход в ресторан «Сармыш» (левое крыло) и в правом крыле несколько однокомнатных одноместных номеров (северная сторона) и двухкомнатных двухместных номеров. На всех остальных этажах однокомнатные одноместные (северная) и двухместные (южная сторона) номера. На первом этаже поселяли «высоких» гостей по распоряжению лишь одного из первых руководителей комбината. Обычно поступало распоряжение заместителя директора комбината по общим вопросам. По сложившейся традиции некоторые часто посещающие производства комбината лица из допущенных на первый этаж не нуждались в таких распоряжениях, а поселялись дежурными администраторами, знавшими их в лицо, и даже практически в одни и те же номера. Я принадлежал к таким лицам и мне, как правило выделялся одноместный номер под № 105. Ресторан «Сармыш» пользовался большой популярностью среди населения города и по вечерам не всегда можно было в него попасть. Лица, проживающие на первом этаже, имели право и возможность сделать заказ на сервировку стола и обслуживание в номере.

Так вот в одном из таких случаев и собралась компания, в числе которой были (вспомню не всех) директор ПромНИИпроекта О. Л. Кедровский, зам. директора ВНИИХТ тогда уже академик Б. Н. Ласкорин, зам. главного инженера ПГУ Ю. А. Корейша, Э. Т. Оганезов, его зам по технологии А. А. Мираков, ваш покорный слуга Л. Б. Бешер-Белинский. Обед проходил в очень приятной атмосфере, кроме обсуждений некоторых производственных эпизодов больше шли рассказы старших по возрасту участников о всяких необычных житейских казусах в шуточных тонах. Лучшие байки произносили О. Кедровский и Б. Ласкорин. Умеренно выпивали, произнося обычно принятые в таких случаях тосты. Я замечал, что большинство сотрапезников с каждым очередным тостом не допивают содержимое рюмок (фужеров, стаканов). Лишь один участник Ю. Корейша, которого я видал впервые, хотя много о нем слышал

ранее, как о директоре ЗГХК (Западный горно-химический комбинат – г. Шевченко в Казахстане) и уже как о сотруднике Главка, добросовестно опорожнял и в очередной раз заполнял на всю емкость свой бокал. Иногда он опрокидывал в рот порцию спиртного между тостами. Затем стал пытаться произнести свой рассказ, не ожидая конца предыдущего, перебивая рассказчика своими не всегда корректными комментариями. Застолье было долгим и постепенно некоторые покинули номер. Остались «хозяин» номера Б. Ласкорин, Ю. Корейша, Э. Оганезов и я. Изрядно опьяневший Корейша, бормоча какую то путаницу о каких то неправильных действиях, обращается к Б. Н. Ласкорина:

– Ты, Борис, ведешь себя неправильно! Я тебя, – и так несколько раз. Нас, естественно, такая форма обращение ко всеми уважаемому доктору технических наук, профессору, академику покорила и мне совершенно было непонятно, почему Ласкорин оставлял это без соответствующей реакции. Я бы на его месте съездил бы Корейше по физиономии (проще – «дал бы в морду»). Не выдержал Эдуард Тигранович и в резкой форме осудил «мальчишеское» поведение Корейши, который несколько осекся, прекратил свои тирады и стал допивать все содержимое, оставшееся в рюмках ушедших гостей. Мы, в том числе и Б. Ласкорин, покинули номер. Таким резким и возмущенным произошедшим я Эдуарда Тиграновича никогда ни ранее, ни позже не видал.

Мне всегда нравилось поведение Эдуарда Тиграновича в кампаниях при высоком начальстве, он не старался вырываться вперед, находиться рядом с «первым» лицом, мне даже казалось, что он как-то смущается, когда его приглашают высказать свой комментарий к обсуждаемому вопросу, хотя высказывал уже уверенно и квалифицированно. Вместе с тем, он старался, чтобы его непосредственные помощники были заслушаны в необходимых случаях по их направлениям работы и достойно оценены. Достаточно подтвердить это хотя бы примером того, что он выдвинул и поддержал кандидатуру Л. Х. Мальского в число претендентов на получение Государственной премии за 1977 год, хотя это была первая попытка на такую высокую награду по работам НГМК и он сам, как первый и главный ГИП, мог рассчитывать на ее получение, ведь уверенно предполагать на выдвижение и получение подобных премий впредь было невозможно. Помню и такой случай, имевший место в одном из приездов Е. П. Славского. В это время уже функционировал постоянный аэродром в Учкудуке (около 10 км от города на юго-запад, за рудником № 2 и участком СПВ № 102), на котором могли призем-

латься самолеты типа ЯК-40 и более тяжелые. У Министра уже был личный самолет типа ТУ-134 со специально оборудованным салоном, приспособленным для отдыха в длительных поездках, Самолет принадлежал ВВС и экипаж состоял из семи офицеров. После проведенных совещаний и обеда Министр и его ближайшее окружение вылетали в г. Зарафшан. Несколько автомобилей, в том числе и тот, в котором ехал Эдуард Тигранович и я, были в составе провожающих в аэропорт. Уже при посадке Ефим Павлович пригласил Эдуард Тиграновича в самолет. Неожиданно Эдуард попросил разрешить и мне полет с ним, на что Министр одобрительно кивает головой. Так я оказался в ограниченной группе лиц, летящих в самолете Министра, тогда как многие, даже высокие рангом вынуждены были «догонять» Министра на автомобилях из Учкудука в Зарафшан более 90 км. И еще – после получения в числе группы Ленинской премии в 1980 г., Эдуард Тигранович несколько раз при наших общениях, как-то с чувством какой-то «вины» говорил мне:

– Леня! Будет и на твоей улице праздник! И ты будешь лауреатом! – Мне даже было как-то неприятно от этих его выражений, не думал же он, что я ему завидую «по-черному»? Конечно, нет!

Думаю, что Оганезов был одним из тех, кто рекомендовал Кедровскому пригласить меня на должность главного инженера Ташкентского филиала института, а не только передатчиком этого приглашения, о чем я писал во второй книге. Несмотря на все увеличивающийся разрыв деловых связей между Главным институтом ВНИПИПТ (Всесоюзный научно-исследовательский и проектно-изыскательский институт промышленной технологии) и филиалом № 1, ставшим самостоятельным САЗНИПИПТ (Среднеазиатский научно-исследовательский и проектно-изыскательский институт промышленной технологии) по мере усложнения экономических связей между Россией и Узбекистаном (и другими бывшими Республиками бывшего СССР), мы продолжали товарищеские и дружественные отношения. В последний раз я встречался с Эдуардом Тиграновичем в февральские дни 1994 года, когда отмечалось восьмидесятилетие З. П. Зарапетяна. О кончине в августе 1995 г. Э. Т. Оганезова – «Да не померкнет память о нем в наших сердцах! – я узнал при приезде в Узбекистан на празднование 40-летия со дня образования НГМК в 1998 г., когда уже жил в государстве Израиль.

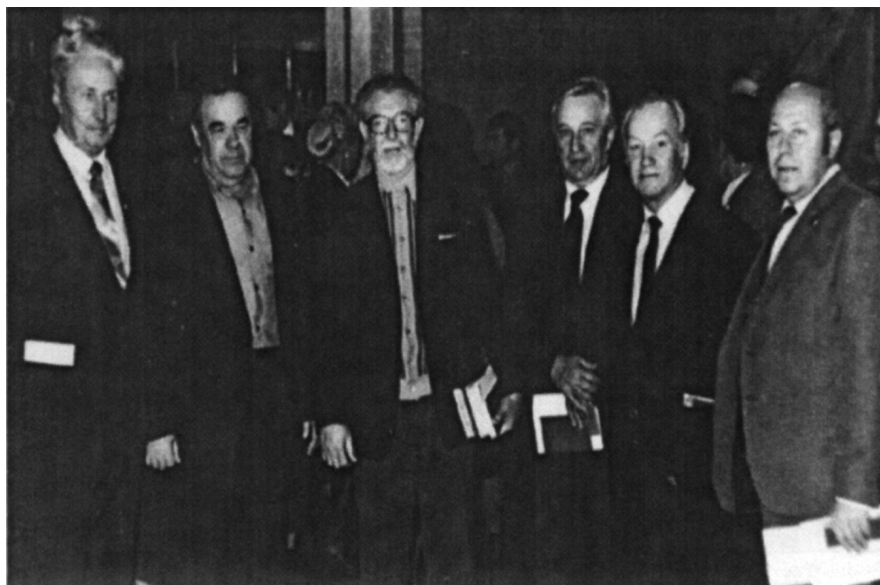
*Борис Хоментовский, Леонид Бешер-Белинский.
Поселок Майли-Су. 1949 г.*

*Всеволод Тележинский, Леонид Бешер-Белинский,
Сергей Витковский. 1952 г., поселок Майли-Су, Киргизия*

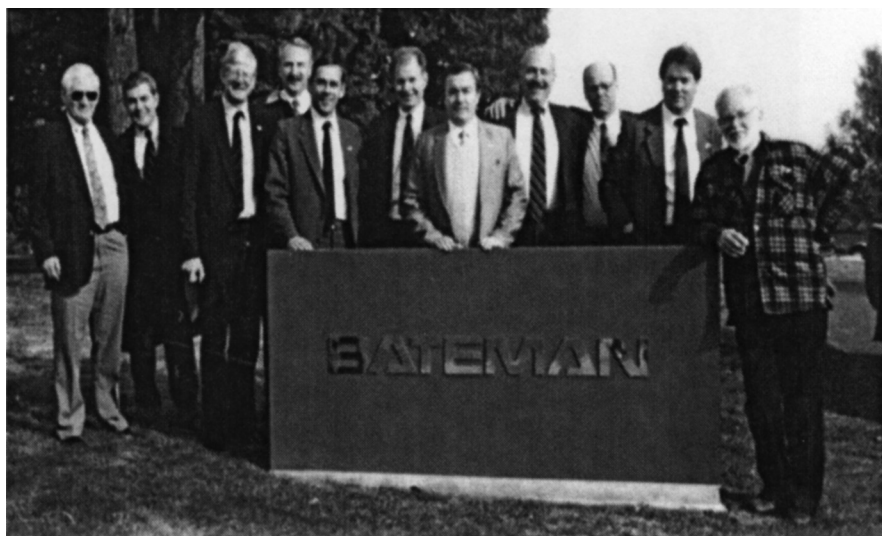
После вручения дипломов и медалей Лауреата Государственной премии СССР: В. Николаев, И. Дорофеичев, А. Суворов, Н. Шереметьев, Л. Демич, Р. Садыков, Л. Бешер-Белинский, В. Щепетков, В. Горуля, Е. Тарубаров, М. Пименов. Москва, Кремль, Свердловский зал, 29.01.1986 г.

Д. А. Петкау, В. Н. Ширяев, Л. Б. Бешер-Белинский, Л. И. Чаплыгин, А. П. Суворов, В. И. Лисянский на X Янгибадской городской партийной конференции. Янгибад, 1985 г.

8 мая 1978 г., Ташкент. Встреча у здания горного ф-та на ул. Гоголевской по поводу 30-летия окончания института. Среди участников: Розалия Берзак, Леонид Бешер-Белинский, Феля Смирнова, Ира Матласевич, Вера Богодухова, Семен Мудрый, Неля Аганова, Нариман Ходжибаев и его супруга, Завалишин, Альберт Аганов, Лев Коган, Арамис Петросян, Мумин Шайхутдинов, Равиль Хабибуллин, Виктор Подлипалин, Виктор Надеждин, Слава Матласевич, Миля Бошнякович, Виолетта Коган, Алексей Сескутов, Зоя Шмарина.

Нашу группу встречают у офиса фирмы «Бейтман». Денвер, США. 1993 г.

*В. Дмитриев, В. Гудсон, Л. Бешер-Белинский,
В. Насибуллин, А. Рацупкин, президент
и вице-президент фирмы «Бейтман» в офисе. Денвер. 1993 г.*

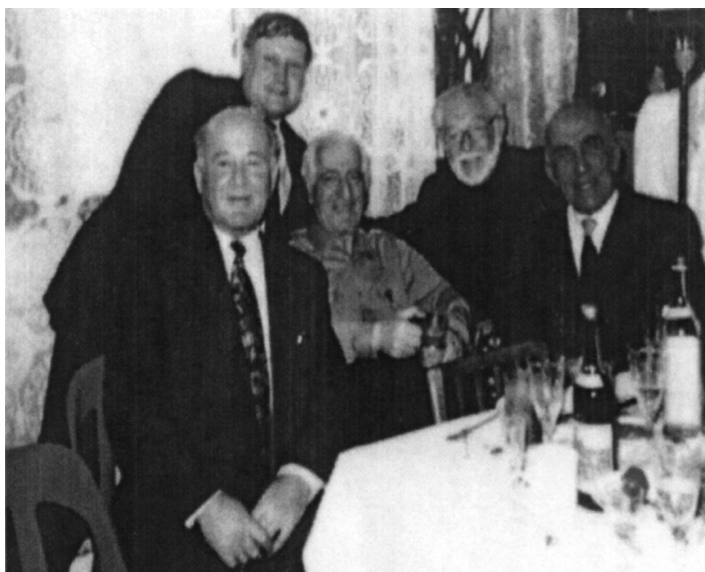
*Нашу группу встречают у предприятия по производству
цианистого натрия. Район г. Элко, Невада, США. 1993 г.*

«Покорители Запада и джентльмен». Денвер. 1993 г.

*Три поколения руководителей предприятия «Сабырсай»:
Николай Воробьев, Леонид Бешер-Белинский,
Юрий Акопян. Навои. 2003 г.*

*С. Львовский, Н. Воробьев, З. П. Зарапетян, Л. Бешер-Белинский,
Э. Т. Оганезов. Москва, квартира Зарапетянов. 26 февраля 1994 г.*

*Сусанна Зарапетян, Л. Бешер-Белинский, Э. Оганезов,
З. П. Зарапетян, С. Львовский, Р. Дмитриев, Н. Воробьев.
Москва, квартира Зарапетянов.
В дни 80-летия Зарапа Петросовича. 26 февраля 1994 г.*

ГЛАВА 10

А что в филиале № 1 ПромНИИПроекта!?

Отпраздновал 50-тилетний юбилей. За первые два года работы ГИПом значительно увеличил объем выполняемых в филиале проектных работ по НГМК и произошло это за счет доверия ко мне как со стороны заказчика, в первую очередь от А. А. Петрова, так и со стороны группы ГИПов и руководства Головного института. Не уменьшались объемы работ и по другим обслуживаемым комбинатам, возрастали объемы научных исследований и инженерных изысканий. Коллектив филиала шел к пику своего развития. Это поощрялось 9-м главным управлением, в состав которого входили проектные институты, и его руководством, в лице Александра Васильевича Короткова. Точно не могу понять на какой основе (догадываюсь), но Коротков выказывал особое доверие директору филиала А. Суворову и, думаю, это помогло последнему продержаться на этой должности более 25 лет, имея ввиду, что непосредственный руководитель последнего О. Л. Кедровский имел, как мне кажется, противоположное мнение. Филиалу выделялись средства на строительство дополнительных производственных площадей, жилья, объемы которых в годовом исчислении, как правило, не осваивались, именно из-за недостаточного умения управлять со стороны Суворова. Очень интересно и своеобразно складывались наши с А. Суворовым отношения. Он никогда не вмешивался в мои дела. За 15 лет нашей совместной работы ни разу директор со мной не разговаривал на тему проходящих у меня работ, не просил информации, не поощрял и не отменял ни одного моего решения. Мне казалось, что он с одной стороны видит мой возрастающий авторитет в коллективах и заказчика и филиала и понимает положительность этого для филиала, а с другой стороны чувствует во мне какого-то

соперника. Я так и не понял, знал ли он о предложении мне быть главным инженером филиала в свое время, или не знал. На эту тему я никогда ни с кем из сотрудников не разговаривал и не высказывал. Меня невмешательство директора в мои производственные дела вполне устраивало. Но у нас был объект противостояния – это туристическая база под названием «Мраморная речка».

Когда и как возникло строительство турбазы, я не знаю. Ко времени начала моей работы в филиале там уже были сооружены несколько временных сооружений, в которых можно было разместить десятка два людей на отдых на природе. Турбаза находилась, не доезжая примерно 10 км от престижного уже тогда и все более завоевывающего известность горно-лыжного комплекса «Чимган». Правительство Узбекистана поощряло, финансировало и развивало возможности этого комплекса, здесь строились подъемники и трассы на уровне международных стандартов, гостиницы и инфраструктура обслуживания. К комплексу постепенно была проложена приличная автотрасса, организовано автобусное движение. В осенне-зимне-весенний сезон сотни и тысячи любителей, в том числе и туристов, устремлялись на «Чимган». Афанасию Суворову удалось оформить выделение приличного участка земли в этом районе для строительства базы отдыха трудящихся филиала. Это было действительно его заслугой. Он же был и главным инициатором, и руководителем по проектированию, организации строительства объектов турбазы и единоличным распорядителем, определявшим список выезжающих на турбазу лиц в выходные и праздничные дни. А популярность турбазы росла и желающих попасть туда было все больше и больше, особенно на бесплатном транспорте от филиала, при ограниченной вместимости и турбазы, и автобуса. Вокруг Афанасия Павловича создавался кружок (в том числе и мой зам. Роголин) из нескольких приближенных к нему «энтузиастов», которые формировали список на очередной выезд, и после утверждения его лично директором он осуществлялся. Обязательным условием выезжающих было участие в тех или иных строительных работах в течение первого дня пребывания. Составление таких списков начиналось буквально со вторника каждой недели, и ажиотаж вокруг этого события будоражил почти весь коллектив. Создавалось впечатление, что Суворов только и занимается турбазой, хотя это было и не так. Афанасий Павлович очень умело использовал возможности отдыха на турбазе некоторых гостей из числа руководства Главка и лиц, присылаемых «сверху» для ревизий и проверок состояния дел по тем или иным вопросам. На строительство уже постоянных

капитальных зданий турбазы выделялись все средства, предусмотренные промфинпланом, и зачастую «свободные», образующиеся с помощью преданных директору (до определенного времени) начальника планового отдела Э. Михайлянца и главного бухгалтера. Многие сотрудники филиала были недовольны характером и стилем происходящего вокруг турбазы, и это становилось предметом резкой критики на проводимых собраниях и конференциях по заключению колдоговоров и проверки их исполнения. Так как я со временем стал членом парткома филиала и был им многие каденции, то и я, выступая на них по разным производственным вопросам, иногда резко высказывался и по поводу турбазовских дел, причем, я мог подать свои замечания с большой дозой юмора, вызывающей бурное одобрение зала. Это очень не нравилось Суворову. Он все старался привлечь меня на поездку в зону отдыха, но я всегда это приглашение не принимал. предпочитал в те выходные дни, что бывал в Ташкенте, проводить со своей семьей, в поездках на природу или на дачный участок (об этом попозже), на получение которого по просьбе Юлии претендовал при их распределении и получил. Суворов, как правило, выезжал на турбазу вместе со своей супругой, работавшей начальником группы в плановом отделе филиала, дочкой, сотрудницей техотдела, а потом и зятем, взятым на работу в филиал. Кстати, не боялся иметь в подчинении собственную жену, хотя в Ташкенте можно было трудиться во многих учреждениях, и других членов своей семьи в отличие от З. Зарапетяна, помните, не разрешившего работать моей жене, Юлии, в штате предприятия в Сабырсае, где я был директором.

Однажды, в первый год моей работы ГИПом, ко мне пришла начальник 1-го отдела (режимно-секретного) Т. П. Турчанинова, очень доверенное лицо Афанасия Павловича, и предложила мне от имени директора курировать и сопровождать прибывающую из Навои группу иностранных специалистов, кажется из ГДР. Я задал вопрос:

– Я нужен как специалист для объяснений каких-либо вопросов по проектируемым и строящимся объектам? Если да, то согласен. Если же как экскурсовод по г. Ташкенту, то ищите другую кандидатуру.

Лицо Турчаниновой вытянулось в полном недоумении, и она резко ретировалась. Через несколько минут я был приглашен в кабинет директора, где Турчанинова доложила о моем отказе. Я повторил Суворову свои мотивы и он, не глядя на меня, сказал Турчаниновой:

– Ну, раз Леонид Борисович не соглашается, подберите другую кандидатуру.

С этих пор Т. М. Турчанинова ко мне стала относиться с оттенком уважения.

Несмотря на понимание моей профессиональной пригодности и положительного влияния на взаимовыгодные отношения с заказчиком, А.П. Суворов как-то очень легко согласился на мой уход из филиала. Первый раз это было примерно в 1975–76 гг., когда я хотел уехать на работу в Приаргунский горно-химический комбинат (подробней попозже), а второй раз в самом конце семидесятых, когда меня пригласил на работу в то время генеральный директор объединения «Узбекзолото» Аброр Кахаров на должность его заместителя по КС. Суворов без комментариев подписывал мои заявления. Но и не возражал, когда я оставался на месте.

Зачастую наши с Суворовым мнения расходились при обсуждении многих вопросов на заседаниях партийного комитета, членом которого он (Суворов) практически был постоянно. В составе парткома, как правило, оказывались наполовину коммунисты, поддерживающие директора во всех его предложениях и наполовину (иногда и меньше половины) тех, что имели смелость поддерживать деловые предложения, отрицаемые директором. Почти постоянно становился членом и секретарем парткома филиала Николай Бережной, числившийся начальником бюро механизации отдела комплексных инженерных изысканий, а фактически выполняющий только партийную должность. В «возглавляемом» им бюро трудились опытные буровик В. Верещагин, механик Ванюшин, которые справлялись без непосредственного руководства Бережным. Бережной очень умело строил политику лавирования в отношениях и с директором Суворовым, и с членами парткома не согласных с действиями директора, и с руководством Янгиабадского горкома КПУз, имея очень покладистый характер, иногда переходящий в беспринципность. Интересно, что А. Суворов в случаях, когда по какому-либо важному с его точки зрения вопросу, обсуждаемому на заседании парткома, Н. Бережной не поддерживал директора, начинал требовать отчета последнего за промахи в работе бюро механизации, прекрасно понимая непричастность Бережного к случившимся событиям.

Особо приближенным к директору из ГИПов был А. Г. Галочкин, ГИП по ЛГХК, работавший на проектной работе еще со времен СПБ-2 в г. Чкаловске, мой однокашник по горному факультету. В пятидесятых годах, будучи в командировках в Чкаловске, я неоднократно посещал семью Галочкиных. Сейчас же, работая рядом, коллеги по должностям при ровных отношениях мы ни разу

не встречались семьями, наши жены не знали друг друга. Мне кажется, что это было влияние Суворова. Семьи Суворова и Галочкина дружили и часто встречались. Супруга Галочкина тоже работала в филиале в техническом архиве. Думаю, что здесь была просто зависть в моих успехах – ведь удельный вес мой, как ГИПа успешно рос, моя группа в большинстве случаев завоевывала первое место в социалистическом соревновании, получая за это полагающиеся знаки (вымпела, знамена, грамоты) и мизерные материальные добавки, которые мы дружно вкладывали в горячительные напитки на «обмывание» победы.

Мой авторитет в коллективе рос не только за счет успехов в производственных делах, в умении управлять процессом проектирования, решительно принимать решения, особенно в случаях больших разногласий между специалистами, доводить их до исполнения и получать при этом необходимый эффект, но и за счет моих выступлений на общеинститутских форумах (профсоюзных конференциях, отчетно-выборных партийных собраниях и др.), в которых я логично, обоснованно и критиковал, и предлагал решения, причем, делал это в очень доходчивой форме, с юморком. Аудитория с большим одобрением принимала мои выступления и предложения. Я всегда тщательно заранее готовился к своим выступлениям, писал тезисы, но произносил речь без бумажки. Мое умение управлять собранием, приобретенное за время работы в руководстве большими коллективами предприятий, очень понравилось как руководству филиала и общественных организаций, так и участникам этих собраний, меня, как правило, избирали председателем наиболее ответственных форумов, на которых вырабатывались важные для коллектива положения и на которых ожидалось бурные дебаты. Это, так сказать, общая обстановка, в которой шла моя работа.

Не менее успешно сложились у меня отношения с большинством специалистов и руководителей специализированных проектных и вспомогательных отделов. Возросший объем работ, давший возможность роста кадров как по служебной лестнице, так и пополнения за счет притока извне, улучшил общую атмосферу и даже, я бы сказал, энтузиазм. Я уже писал о количественном росте и расширении видов работ в горном отделе. Начальник горного отдела Н. С. Прокопенко, принципиальные, ровные и товарищеские взаимоотношения с которым у меня сложились и могли быть лишь положительным примером, нашел приемлемый вариант обмена квартир на Москву и готовился к переезду. Он был владельцем одного из кирпичных гаражей в моем дворе, где мы уже имели свой, и я стал

первым претендентом на его покупку, так как я уже подал заявление на приобретение нового автомобиля – «Жигули» – имя ввиду старый подарить младшему сыну Виктору, имевшему к этому времени права на вождение. Сделка о продаже состоялась, и Виктор стал владельцем гаража. Семья Прокопенко отбыла в Москву, и о дальнейших встречах с ним напишу позднее.

Начальником отдела стал Револьд Львович Левитин, опытный проектировщик, очень выдержанный, медленно, но веско обосновывающий свои предложения и решения специалист, несколько мягковатый по характеру добрый человек, переживающий внутри себя возникающие перипетии. Он руководил отделом до ухода по болезни и на пенсию. Начальник механического сектора горного отдела Л. И. Бастриков тоже вскоре добился перевода на работу в одно из подразделений головного института ПромНИИпроект, располагающееся в г. Селятино, под Москвой, и стал главным механиком исследовательско-производственной базы. Руководить сектором стал ведущий инженер-механик, давно работающий в отделе, Петр Данилович Дудецкий, несколько со странностями, присущими категории «вечных рационализаторов» человек, с вкрадчивым голосом, рыжим оттенком длинных волос, окаймляющих солидную лысину. Под его началом трудились инженеры и техники А. Алимов, Шестаков, Мирнов и др. Набирали опыта проектирования и руководства инженеры-горняки Г. М. Зиновьев, ставший заместителем ГИПа по ЛГХК у А. Галочкина, Н. А. Норкин, ставший в свое время начальником горного отдела, инженер Р. А. Тарзиев и другие. Выросли и расширились объемы и виды работ в геологической группе, укрепленной специалистами буровиком, гидрогеологом и др. Естественно, что мне, как горному инженеру, было довольно просто принимать решения и руководить этой областью работ.

Значительно труднее было управлять работами отдела № 3, технологического. Этим отделом руководил инженер-механик Виктор Михайлович Козлов, и многие специалисты отдела (химики, металлурги) были недовольны им, считая, что руководить отделом должен технолог, а не механик, хотя в отделе была группа механиков, специалистов по технологическому оборудованию и разработке технологических заданий на нестандартизированные средства. Тем не менее с В. Козловым, человеком примерно моего возраста, мы нашли общий язык и работали дружно. Козлов вскоре уехал на постоянное жительство в Москву, ушел из системы, и мы несколько раз встречались во время моих командировок. Начальником отдела стал инженер-технолог Александр Иосифович Борисюк. Не помню

всю его историю, но это был инженер (техник, получивший заочное высшее образование), прошедший школу производственной работы на объектах ЛГХК, в том числе на обогатительной фабрике предприятия № 24, и уже на проектной работе в филиале, инициативный и исполнительный. Несколько «мужиковатого» вида, но очень дружелюбного склада, быстро сходящийся с коллегами по работе у заказчика за счет безотказного трудолюбия и стремления разрешить возникающие препоны, Александр Борисюк понравился мне, очевидно, и я ему, и мы очень плодотворно работали. Мне пришлось очень много поработать над собой, чтобы постигнуть необходимый и достаточный объем знаний по технологическим переделам, механизмам и аппаратам, применяемым на заводах по извлечению урана и золота, читать техническую литературу, но систематически возникающие новые вопросы требовали знаний, которые помогал мне постигнуть именно Александр Иосифович. В отделе работали, росли в профессии многие специалисты инженеры и техники, уже стажированные и молодые специалисты. Выделялись среди них В. Алексеев, А. Мутьев, А. Майоров, Крымов, С. Чернявский, А. Туаев, В. Сычева, А. Николаев и др. Технологические группы и группы механиков в отделе, как правило, работали на проектировании объектов по производственным комбинатам. Так, ведущим инженером, главным специалистом-технологом по объектам НГМК, т. е. по моим, был инженер с большим стажем, старше меня по возрасту Михаил Семенович Вахмянин. Грамотный специалист, но с несколько медлительным и не очень «рвущемся в бой» темпераментом, что очень мне не нравилось. Зачастую я входил с ним в конфронтацию, заставлял его ускорять принятие решений и буквально выгонял к специалистам заказчика для согласования тех или иных вопросов, а он очень не любил совершать такие выезды. Грамотный и шустрый технолог В. Алексеев стал главным специалистом отдела по объектам КГРК и вскоре был выдвинут в заместители ГИПа к Г. Архангельскому, а по уходу последнего на пенсию стал ГИПом по этому комбинату.

Очень важно было найти нужные контакты и выстроить приемлемые взаимоотношения со всеми участвующими в проектировании специализированными отделами, но мне казалось, что особенно необходимо иметь поддержку в строительном отделе промышленных объектов, № 5. Именно сюда сходятся все технические решения отделов, и технологов, и смежных и здесь разрабатываются строительные решения и конструкции от фундаментов и до кровли, по которым возводятся здания и сооружения. Мне удалось

такие контакты найти и сложились весьма деловые и товарищеские отношения с очень грамотным опытным начальником отдела Николаем Ивановичем Неклюевым, с виду спокойным без излишних эмоций, седовласым симпатичным, добрейшей души человеком. В многочисленном отделе трудились и опытные специалисты: инженеры, техники и молодые кадры, которые довольно быстро набирали опыт под руководством наставников, и все с очень большим уважением относились к Николаю Ивановичу. В отделе было два главных специалистов, владеющих опытом расчетов строительных конструкций, М. Ким и А. Цицаркин, которым подчинялись определенные группы. Главные специалисты и их проектные группы были как бы закреплены за обслуживаемыми комбинатами-заказчиками, т. е. соответствующими ГИПами. Такое распределение имело большой смысл, имея ввиду необходимость учета и почвенно-климатических условий районов расположения объектов строительства, и возможности баз стройиндустрии генеральных подрядных строительных организаций и заказчиков, и необходимость налаживания деловых контактов проектировщиков с кадрами исполнителей стройки. В необходимых случаях не исключалось участия тех или иных сотрудников в разработке документации объектов, не их постоянной сферы деятельности. Над объектами НГМК, особенно относящихся к золотоизвлекательным комплексам, главным специалистом был Альберт Николаевич Цицаркин, выше среднего роста, средних лет, светловолосый, с застенчивым видом, мало и медленно говорящий, но внешне приятный человек. Под его началом работали проектные группы, возглавляемые опытным техником-строителем Евгением Гутманом, инженерами-строителями Виталием Онучак, В. Бычковым. Работники этих групп и их руководители очень слаженно, успешно и добросовестно трудились над чертежами в стенах филиала и безропотно выполняли авторский надзор на местах строительства, исправляя ошибки или выдавая новые технические решения, содействуя ускоренному процессу строительства, качеству строительных работ и, тем самым, имели заслуженный авторитет и в коллективе филиала, и у заказчика.

Свою важную роль в проектировании, как и в строительстве и в эксплуатации, имеют все специализированные отделы, и я просто перечислю некоторые фамилии руководителей и специалистов, наиболее запомнившихся мне, и с которыми в тесном сотрудничестве прошли многие годы второй половины моей трудовой деятельности и жизни. При этом надо иметь ввиду, что события и взаимодействия

с каждым из них проходили в разные периоды этих лет, в динамике роста и развития филиала и смены кадров.

Электротехническим отделом (№ 6) много лет руководил Давид Абрамович Триерс, участник Второй Мировой войны, инженер-электрик, выпускник САИИ первых послевоенных лет, опытный проектировщик, активный коммунист и общественник, неоднократно избиравшийся в партийные органы филиала, бессменный председатель филиальной ячейки общества участников ВОВ, прекрасный наставник молодых работников отдела, излишне худощавый и болезненного вида человек, но пользующийся заслуженным авторитетом в коллективе. Это был один из самых многочисленных отделов, в котором трудились специализированные группы по проектированию электроподстанций, линий электропередач (ЛЭП) разных напряжений, средства и линии связи, автоматизацию. Ведущими специалистами и начальниками групп здесь были В. Д. Дмитриев, Ю. С. Лебедев, Ю. С. Михайлов, А. И. Мокшанов, А. Побежимов, Л. П. Репина, В. И. Ридзель и др. Часть этих специалистов стала в будущем костяком вновь созданного отдела № 12. После ухода на пенсию Триерса отделом руководил Виталий Ильич Ридзель, грамотный инженер и толковый организатор, под началом которого отдел освоил разработку во всех стадиях проектов крупных электроподстанций и ЛЭП внешнего электроснабжения 110 и 220 кВ и электрокотельных.

Отделом водоснабжения и канализации, вентиляции и теплоснабжения (№ 10) руководил инженер Иван Мартынович Ветров, тоже опытный проектировщик, знаток многих специализированных норм и правил, несколько менторского склада, но и вспыльчивого характера. Довольно большой по численности, разный по характеру назначения объектов и коммуникаций инженерного обеспечения, коллектив трудился под началом Ветрова довольно успешно. В нем трудились грамотные и знавшие себе цену ведущие инженеры и руководители групп Иосиф Ким, Виктор Исаков (водопровод и канализация), Сергей Емельянов (вентиляция и теплоснабжение), техник И. А. Аверин (котельные) и др.

Отдел автоматизации производственных процессов (№ 12) был образован уже в бытность моей работы в филиале, в середине семидесятых годов. До этого разработкой систем автоматизации процессов и оборудования при проектировании занимались соответствующие специалисты в каждом специализированном отделе. В частности, в электромеханическом секторе горного отдела эти виды работ выполняли инженеры А. Алимов, Мирнов, в электротех-

ническом отделе – В. Дмитриев, Ю. Шадрин и др. Однако, все более усложняющиеся технологические процессы, совершенствующиеся механизмы и увеличение их единичной мощности потребовали более высокого уровня проектов автоматизации с целью повышения производительности производственных процессов и максимального освобождения их работы от ошибок, связанных с человеческим фактором, было принято решение создать специализированный отдел. Руководить новым отделом назначили Анатолия Алимова из горного отдела и сюда были переведены ряд сотрудников из других отделов, в том числе Ю. С. Лебедев, В. Д. Дмитриев, Мирнов и др., затем отдел пополнялся кадрами молодых специалистов. Алимов, несколько полноватый, явно таджикско-узбекско-азербайджанского (в общем восточного) обличья человек, с несколько медлительным, но четким и правильным говором на русском языке (я так и не знаю до сих пор? какой национальности он был), довольно быстро освоился в новом коллективе и уверенно им руководил. Лет через десять А. Алимов был приглашен на работу во вновь созданный в Ташкенте «Метропроект», а начальником отдела стал Владимир Голицын.

Очень своеобразным был отдел генерального плана и транспорта (№ 14), руководимый Леонидом Александровичем Жеребенковым. Выше среднего роста, широкоплечий, светловолосый, средних лет с часто широкой улыбкой большого рта, неулыбчивых, при этом выражающих юмор с большой хитрецей, глаз Жеребенков зачастую пытался доказывать значительный объем предстоящих работ в его отделе по запускаемому в работу объекту, добиваясь большего финансирования этих работ. Дело в том, что стоимость проектирования объекта в соответствующих стадиях разработки проектов определяется сметой в соответствии с нормами определенных разделов СНиПов. После подписания договора на эту работу с заказчиком и перед установочным совещанием, ГИПом распределяется эта сумма (разбивка) между отделами-соучастниками. Эта разбивка также производится по нормам, установленным соответствующим документом, утвержденным руководством филиала в соответствии со существующей административной и производственной структурой, но ГИП имеет право оставлять в резерве до 10% от общей суммы и единолично определять, какому отделу восполнять дополнительные работы, возникающие по тем или иным причинам. Соответствующая разбивка доводится до сведения руководителей отделов на совещании у ГИПа, на котором последний обосновывает и сообщает основные технические решения будущего объекта, сроки и график проведения проектирования, отвечает на возникающие вопросы и

предложения. Все руководители отделов заинтересованы получить максимум из общего «пирога», но лишь некоторые и, особенно Жеребенков, отличались постоянной неудовлетворенностью и выпрашиванием дополнительных средств. В отделе было несколько групп по направлениям проектирования: генплан, топогеодезические привязки, благоустройство территории, автомобильные дороги, железные дороги. Отдел являлся технологом такого проекта при проектировании внешних из указанных коммуникаций. Каждое из указанных направлений возглавляли квалифицированные начальники групп С. Зеленин, А. И. Коновалов, В. Лянной. Практически все выполняемые в этом отделе работы были связаны с кодами геодезической основы Советского Союза и носили секретный и сов. секретный характер, поэтому отдел располагался на втором этаже, где и режимно-секретный отдел. Опытный и стажированный проектировщик Л. Жеребенков имел хорошие связи в специализированных проектных организациях Ташкента: «Гипроавтодор», «Гипротранс», «Генплан».

Особое положение занимал большой по численности отдел по проектированию городского и поселкового строительства, объектов гражданского, культурно-социального направления (№ 15), который в филиале возглавлял многие годы Павел Иванович Зубенко, очень своеобразный человек с несколько скрипучим, растягивающимся и с выдохом говором и очень медлительным на принятие решений характером. С ним, правда, я стал непосредственно контактировать значительно позже начала работы ГИПом, уже в конце восьмидесятых, когда стал руководить и поселковым проектированием, но так и не понял, как вроде бы и болеющий за дело и, говорят, хороший специалист, может спокойно и систематически мириться с коллективом, перманентно не выполняющим плановых объемов работ, срывающий сроки исполнения графиков проектирования, и оставаться его руководителем. В отделе работали группы строителей-конструкторов, в состав которых входили и архитекторы. Были главные специалисты архитектор Татьяна Гришина, конструктор (фамилию не помню), начальники групп Ильин, В. А. Горбачев и др. Не знаю по каким причинам и мотивам, но Павла Зубенко всегда поддерживал директор А. Суворов. Скорее всего эта поддержка была из-за того, что именно в этом отделе разрабатывались, и не плохо, престижные и очень важные для директора проекты, как санаторий «Киргизское взморье», в котором очень были заинтересованы и начальник 9-го Главного управления А. В. Коротков, и сам министр Е. Славский. При довольно частом посещении этого уже

функционирующего и всегда расширяющегося и благоустраивающегося объекта высокими руководителями и гостями присутствовал А. Суворов и подтверждались заслуги филиала и его директора.

Своеобразным по характеру работ был специализированный отдел № 16 – разработчик нестандартизированного оборудования и вспомогательных средств, где трудились инженеры и техники механики, конструкторы, разрабатывающие по заданиям специалистов технологических отделов разнохарактерные средства и механизмы, не производимые машиностроительными заводами, но необходимые в проектируемых производствах (течки, бункерные затворы, нестандартизированные металлические емкости, небольшие передаточные транспортеры и др.), специальные грузоподъемные приспособления (чалочные устройства, крюки, лестницы и др.), но иногда и довольно сложные конструкции первых образцов вновь создаваемых в порядке изобретений механизмов. Разработка таких средств в соответствии с законоположениями велась по отдельным договорам с заказчиком и финансировались из специальных фондов. Этим отделом руководил инженер-механик Анатолий Сердюков, с которым был знаком уже много лет по совместной работе на Янгибадском предприятии, где Анатолий работал главным инженером ЦРММ, а его супруга М. Терехова долгое время была главным санитарным врачом МСЧ-22. Сердюков был крупным блондином спортивного вида, выдававшим в нем силу и здоровье. На самом деле оказалось, что болезнь его подстерегала, и он скоропостижно скончался (не помню от какой болезни.). Начальником отдела стал инженер Валерий Садчиков.

Прежде чем приступить к очередному повествованию об отделе, о котором хочется более подробно изложить свои воспоминания потому, что проделанные нами со специалистами этого отдела проекты и их осуществление на практике имели очень большое значение в обеспечении стабильности работы и ураноперерабатывающего завода ГМЗ-1, и золотоизвлекательного завода ГМЗ-2 – это об гидротехническом отделе под номером 18 – хочу сделать отступление и зафиксировать несколько мыслей о происходящем в данную минуту, час, день.

Сегодня 15 июля 2006 года, суббота. Уже третий день идет почти настоящая война на севере с Ливаном. Признанная Организацией Объединенных Наций террористической так называемая «Хезбалла», представители которой сидят в законодательных и правительственных органах государства Ливан, совершила акт агрессии, зайдя на территорию Израиля и похитив раненых ими двух солдат

и обстреляв некоторые северные городки Израиля ракетами. Израиль заявил официальный протест и справедливо возложил ответственность за происшедшее на официальный Ливан. Не получив удовлетворительного ответа на требования вернуть похищенных и прекратить обстрел своей территории, отсутствие реакции ООН на совершившееся, Израиль обрушил ракетный и артиллерийский обстрел на юг Ливана, где размещаются исключительно базы и боевые подразделения Хезбаллы, ликвидацию которых уже давно потребовала в соответствующей резолюции ООН, и южные пригороды Бейрута, являющиеся фактически районом исключительно занятым бандформированиями, складами боеприпасов, офисами Хезбаллы и шиитским населением, поддерживающим террористов. Разбомбили некоторые взлетно-посадочные полосы международного аэропорта Бейрута, автомобильные дороги «Бейрут – Дамаск» в целях предотвращения вывоза заложников из Ливана и передачи боеприпасов и оружия из Сирии в Ливан. «Хезбалла» (читай Ливан–Сирия–Иран) продолжают ракетные обстрелы северных Израильских городов вплоть до Хайфы. Имеются жертвы и в Израиле, и в Ливане, уже исчисляемые сотнями. Это должно было случиться и назревало потому, что Израильские правители под давлением антиизраильских сил в Море и в ООН предательски сдерживали ответы на систематически проводимые Хезбаллой провокации. Наконец, как только израильское руководство под давлением израильского населения и общественности решилось довести дело до логического конца – заставить Ливан выполнить решение ООН о вводе Ливанской армии на юг страны и разоружении террористической организации – так раздаются буквально вопли со стороны многих арабских государств (ну, это как бы понятно) и со стороны таких «демократов», как Франция со своим Жаком Шираком и Россия со своим Путиным о «несбалансированности» израильских ударов, о страданиях мирного населения в Ливане и ни одного слова о страданиях граждан в Израиле, и ни одного слова о судьбе солдат-заложников. Боюсь, что теперешние израильские политические руководители под давлением так называемой Европейской либеральной общественности и остающейся антисемитской Российской верхушки, солидаризирующихся с арабскими экстремистами, не устоят и свернут начатое справедливое возмездие и не достигнут заявленной цели. Горько, обидно до слез за такое постыдное поведение нашего Израильского руководства и позора, которым они покроют нашу достойную и сильную армию и, тем самым, еще больше сократят ее боевой дух и патриотизм. Обидно и горько за собственное бессилие что-либо изменить!

Но, вернемся к делам прежним. И так, отдел № 18, гидротехнический. Во время моего начала работ в Филиале гидротехническим отделом руководил Рашид Рахимович Баширов, грузный, болезненного вида татарин, почему-то всегда выглядящий каким-то неухоженным и неопрятным. Был же это очень эрудированный инженер с аналитическим складом ума, не помню был ли он кандидатом наук, но вполне тянул на это. Вскоре он стал начальником гидротехнической лаборатории в НИО, работы которой были необходимы для выдачи многих исходных данных проектным подразделениям и выполнения определенных исследований по требованиям заказчиков. Начальником отдела стал Владислав Николаевич Черепенников. Это худощавый, среднего роста шатен с тонкими чертами лица и внимательным взглядом человек сумел быстро освоиться в новой роли и показать все свои способности грамотного, инициативного инженера и организатора работ. Мне очень понравился стиль и характер Владислава Николаевича с первых же моментов нашего общения, очевидно, и он почувствовал во мне делового партнера и руководителя. У нас сложились прекрасные взаимоотношения, способствующие тому, что многие годы практически все проектные решения по строительству, расширению, реконструкции, созданию экологически приемлемых условиям эксплуатации сложнейших, очень важных в технологической цепи работы рудоперерабатывающих заводов объектов складирования твердых отходов (хвостохранилищ), успешно проходили все экспертизы и осуществлялись на практике. Под руководством Черепенникова раскрывались возможности уже имеющих опыт, и набирались опыта и смелости молодые кадры, чувствовавшие оправданную инициативу своего руководителя. Назову лишь часть (которых помню) трудившихся здесь специалистов – Г. Антонова, В. Конанюк, В. И. Нагайник, А. Скрипко. В головном Московском институте отдел № 18 тоже был многочисленным и в нем трудилось много грамотных и хороших специалистов, но, по чьей-то воле, большинство из них было настроено в духе нездорового соперничества с набирающими силу и авторитет специалистами филиала. Конечно, одной и, наверное, главной причиной этому стало отторжение объема проектных работ данного профиля от них и передача этих работ в филиал. Черепенников и специалисты отдела на основе своих очень грамотных и приемлемых технических предложений находили очень нужный деловой контакт с инженерно-техническим персоналом и руководителями действующих и строителями новых карт хвостохранилищ. А это были тоже грамотные, опытные и требовательные инженеры и тех-

ники. Достаточно назвать лишь таких, как бессменный начальник хвостохранилища уранового ГМЗ-1 В. А. Половинко, имевший непререкаемый авторитет в коллективе и справлявшийся со сложностями эксплуатации и поддержания в рабочем состоянии небезобидного, довольно вредного по содержанию радиоактивных и других химических элементов объекта, расположенного вблизи густонаселенного сельскохозяйственного района, как Н. Б. Джалилов, начальник участка, а затем СМУ дорожного строительства, подразделения которого строили емкости под вторую очередь хвостохранилища и осуществляли наращивание дамб хвостохранилищ золотоизвлекательного завода ГМЗ-2, также отличающихся большим объемом весьма вредных цианистых и других химических соединений, которыми заполнялись эти емкости. Хотя хвостохранилища ГМЗ-2 находились в пустынных, мало заселенных районах, но являлись потенциальным загрязнителем горизонтов подземных вод, незначительная часть которых питала питьевое водоснабжение пустынного овцеводства и небольших чабанских поселков. Не буду загружать читателя техническими подробностями и терминами, но скажу, что грамотная и слаженная работа специалистов отдела № 18, их сотрудничество с соответствующими специалистами строителей и эксплуатационников, деловые контакты и товарищеские взаимоотношения мои с заместителем главного инженера комбината по технологии Т. Д. Гурдзибеевым, сотрудниками технологического отдела Г. М. Дмитриевым, Л. А. Чмеревым, Симковым, начальником отдела охраны окружающей среды В. А. Груциновым и другими, были основой многих осуществленных решений по созданию экранов наливных карт №№ 1, 2, 3, освоению намывного способа сооружения карт №№ 4, 5, созданию заградительного ряда откачных скважин, защитивших распространение загрязнений – на хвостохранилище ГМЗ-1; многих мер по намыву дамб, улучшений условий эксплуатации протяженных пульповодов, уменьшению объемов фильтрации жидкой фазы и загрязнения подземных вод, сокращению пыления и консервации законченных карт на хвостохранилищах ГМЗ-2.

И еще об одном, тоже важном в цепи проектирования отделе – сметном, № 9. В условиях филиала в его составе было бюро экономических расчетов и обоснований. Отделом несколько лет руководил бывший главный инженер «Средазгипроцветмета» Попов, пенсионер по возрасту. Его сменил единственный к этому времени сотрудник отдела, мужчина Ю. Я. Пытель, остальные – все женщины. Юрий Яковлевич Пытель – инженер-механик горного машиностроения перевелся в филиал из одного из Новосибирских

проектных институтов, имел определенный опыт проектных работ. Среднего роста, излишне худощавый с видом страдающего желудочно-кишечным заболеванием, с несколько глуховатым голосом, постоянно серьезный, мало улыбающийся, но с тонкими чертами лицом, Пытель успешно руководил женским коллективом, завершающим практически каждый этап проектирования в любой стадии, и которому, как правило, недоставало календарного времени перед отправкой проекта заказчиком. Тем не менее, Пытель умел оперативно и уверенно доводить разделы работы отдела до логического конца и с весьма удовлетворительными результатами, на достижение которых иногда приходилось мне, как ГИПу, несколько «давить» и требовать определенных корректив, по которым с Пытелем договориться было нелегко. Пытель привлек в отдел сотрудников мужчин Алексея Михайловича Ананьева, ранее работавшего в ОКСе ЦРУ НГМК, Абрам Федоровича Трофимова, перешедшего на работу из «Средазгипроцветмета», затем молодого специалиста Валерия Ивановича Лакова, горняка, которые успешно стали руководителями групп, ведущими специалистами разделов сметных, организации строительства, экономических расчетов проектов. С ростом числа и объемов проектирования в стадиях «ТП» и «ТРП» резко возрастала роль бюро экономических анализа, расчетов и обоснований, приход в руководство которым А. Трофимова, очень грамотного и опытного экономиста, позволило успешно решать его задачи. На повестку дня даже стал вопрос создания самостоятельного отдела экономических расчетов и обоснований, но, к сожалению, по причине консервативного стиля управления директора Суворова, до этого не дошло ко времени «перестройки» и, естественно, не совершилось после.

Нельзя не упомянуть еще об одном, относящемся к проектным, отделе – это № 21, автоматизации проектирования и программирования. Этим отделом руководил Эдуард Попов, инженер-электрик. Ниже среднего роста, несколько кукольного вида с хитрецей в облике лица, да и на самом деле в жизни, Попов умел создавать видимость активной деятельности и обосновывать важность работ, проводимых в руководимом им отделе. Фактически в составе отдела был вычислительный центр на базе примитивного уже в это время комплекса ЭВМ «Минск-2», ряд считывающих устройств на базе перфокарт, группа довольно посредственных специалистов-программистов. В отделе фактически действовало десяток программ по обработке некоторых задач бухгалтерского учета, кадров и нескольких локальных задач по отдельным расчетам для отделов

№№ 2, 5, 6. Оборудование и службы отдела занимали довольно большую площадь в одном из крыльев первого этажа основного здания филиала с обособленной системой кондиционирования. ЭВМ «Минск» отказывалась работать в летних Ташкентских температурах и часто давала сбои. Вокруг вопроса автоматизации проектирования в филиале, как и во всей Стране, шли большие дискуссии, издавались директивы, приказы, брошюры, газетные статьи – всех призывали смелее, настойчивее внедрять ЭВМ для автоматизации производственных процессов, преодолеть отставание в этих областях от достижений на Западе. Руководство филиала, особенно в лице главного инженера В. Николаева и его заместителя по организации проектирования И. Некрасова, которому отдел № 21 был непосредственно подчинен, казалось уделяли много внимания расширению объемов задач, выполняемых отделом, пропаганде, обучению и вовлечению в разработку программ специалистов проектных отделов, попыткам приобретения более современных и даже персональных ЭВМ. Но дело продвигалось очень медленно и не эффективно. В ежегодных планах предусматривалось выделение средств на приобретение вычислительной техники, вспомогательных средств к ней, обучение и повышение квалификации персонала в области программирования и использования технологии автоматизации, но планы не выполнялись, заявки на технику не выполнялись, поступающие отдельные аппараты и приборы не могли использоваться, из-за отсутствия сопрягаемых средств. Со временем, конечно, увеличивалось число расчетов и задач, решаемых проектными отделами и отделом № 21 и это нравилось всем, но так и не пришли до самого моего отъезда в 1995 году к комплексному решению задачи автоматизации проектирования, внедрению уже существовавших систем и программ «AUTOCAD», виденной мною в проектной части фирмы «Бейтман» в г. Денвер, штат Колорадо, США в 1993 году. А происходило это по причине отсутствия «системного подхода» к решению таких задач, как это стали называть позже в «перестроечное» время.

Чтобы завершить описание обстановки работы филиала, его коллектива, моего положения и условий работы в нем, необходимо хотя бы коротко рассказать и о весьма важной для процесса проектирования области – инженерных изысканиях и специалистах, которые всегда были первопроходцами освоения новых предприятий и их развития, строительства городов, коммуникаций и расширения осваиваемых территорий. С руководителем всех подразделений инженерно-геологических и топогеодезических изысканий, в состав

которых входили экспедиции № 18 (объекты НГМК) и № 23 (КГРК), несколько изыскательских партий (объекты других комбинатов) и комплексный отдел в г. Ташкенте, Г. А. Андреевым мне соприкаться по работам практически не довелось, чему я очень рад. Несколько его характер и стиль поведения описал ранее и лишь добавлю, что при встречах в коридорах или других обстоятельствах он очень неохотно, сквозь зубы отвечал на мои приветствия «Доброе утро!», «Добрый день!», которые я произносил первым, считая его значительно старшим по возрасту и служебному положению в Филиале. Причем, мне совершенно было непонятно, что послужило причиной такого его поведения. Через какое-то время я перестал с ним здороваться. Благо продолжалось это недолго, Андреев ушел на пенсию. Эту должность занял по праву начальник экспедиции № 18 Валентин Иванович Чернышев, молодой, но опытный инженер-геолог, успешно справлявшийся со сложными работами экспедиции в не легких условиях Навои–Учкудук–Зеравшанского региона, одновременно создавая постоянные базы и экспедиции и изыскательских партий. С В. Чернышевым сложились у нас весьма деловые отношения, даже взаимные симпатии, и практически мы старались выполнять все возникающие просьбы и находить компромиссы при возникновении разногласий в интересах. Во времена перестройки В. Чернышев был переведен на работу в Московский головной институт на должность начальника отдела комплексных инженерных изысканий, где также успешно трудился и всегда во время моих частых командировках мы встречались как старые хорошие товарищи. В комплексе инженерных изысканий был главный инженер, должность которую бессменно занимал за все время моей работы в филиале Владимир Петрович Чуприн, очень теоретически подкованный инженер, педант по характеру, способный своей риторикой заговорить и убедить, но оставить какую-то неудовлетворенность после окончания дискуссии. Вместе с тем он был добрым человеком, дотошным руководителем и наставником и пользовался заслуженным авторитетом. И с ним я находил нужные оттенки поведения и лишь иногда, когда я требовал резко сократить сроки выдачи необходимых материалов изысканий, что могло привести с точки зрения Чуприна к снижению их качества, мы входили в разногласия, все же находя возможные решения. В комплексном отделе инженерных изысканий в Ташкенте трудились главные специалисты всех основных направлений изыскательских работ, имевших за плечами большой опыт работ на местах, в поле, и назову фамилии некоторых из тех, с которыми мне больше приходилось сотрудни-

чать – Владимир Иванович Болотин, Владимир Михайлович Денисов, Виктор Михайлович Чурсин, Анатолий Михайлович Болотин, Марк Славин, Э. П. Фомина и др. Именно эти специалисты вместе с группами инженеров и техников составляли программы предстоящих изысканий, проводили экспертизу и обрабатывали полевые материалы, поступающие из экспедиций и партий, и выпускали окончательные отчеты. Зачастую главспецы выезжали в экспедиции, партии, где проводились собственно полевые работы, проверяли полноту и качество этих работ, оказывая методическую и квалификационную помощь.

Изыскательской экспедицией последовательно руководили после В. Чернышева – Ю. И. Лыков, Р. М. Нуриев, Ю. Ф. Долженко, Н. С. Медведь. Несколько лет главным инженером экспедиции № 18 успешно трудился инженер Т. М. Темиров, ставший в последствии главным инженером всего комплекса изысканий, а через небольшое время и заместителем директора филиала по общим вопросам. А. Суворов в редкие разы выезда на места, чаще перед приездом министра или другого «высокого начальства», брал в служебную машину меня, и мы объезжали базы экспедиции № 18 в г. Навои, полевых партий в Заравшане, Учкудуке. Обходили места работ и проживания трудящихся-изыскателей, беседовали с ними, выслушивали критику и предложения, выдавали указания и рекомендации. Обычно такие встречи проходили мирно, спокойно и не следовало за ними каких-либо приказов или кадровых перестановок. С каждым из перечисленных руководителей экспедиции у меня были самые деловые и товарищеские отношения, зачастую я оказывал им большую помощь в получении от комбината и его подразделений необходимых материально-технических средств, своевременной оплаты за выполненные объемы работ, особенно в последние перестроечные годы и после развала СССР. А делать это я мог за счет большого авторитета у руководства комбината и большинства руководителей подразделений (БМТС, отделов оборудования и снабжения, транспортного отдела, ОКСа и др.)

Несмотря на то, что затянулся мой рассказ о структуре и людях филиала института, должен еще написать об одном, тоже важном отделе – это «отдел оформления». Здесь печатались, размножались многими способами, переплетались все графические, эпистолярные и фотографические материалы, формировались тома, папки с необходимым художественным оформлением, т.е. завершался весь процесс проектирования и отсюда отправлялся «товар» заказчикам. Этим отделом до моего прихода в филиал и еще пару лет руково-

дил один из старейших сотрудников В. Г. Юрин, а потом его сменил сотрудник и первый помощник Юрина Владимир Михайлович Аухименя. Этот худощавый, спортивного вида, подвижный, всегда с веселой улыбкой, готовый выдать шутку, весьма подходящую к моменту, человек был феноменальным умельцем, не только владел многочисленными аппаратами и процессами своего отдела, а и прекрасно рисовал, увлекался гравировкой, резьбой по дереву, мрамору, граниту, изготавливал замечательные образцы художественно оформленных сувениров, мебели под старину, умел оформить собственными руками интерьеры жилых комнат и кабинетов и прочее, прочее, прочее. Этот человек был очень доброжелателен, коммуникабелен, всегда находил приемлемый выход для выполнения в срок и качественно производственные заказы при дефиците нужных материалов, имел громадный авторитет в коллективе. Продолжал он работать в своей должности еще почти 10 лет после моего отъезда в Израиль. Оказалось, а я об этом и не знал, что он был женат, прожил долгую совместную жизнь с супругой-еврейкой, скончавшейся в Ташкенте после продолжительной тяжелой болезни, имел нескольких внуков, уехавших в Израиль, и сам в 2005 году приехал сюда на ПМЖ (постоянное место жительства) на правах еврейского вдовца, получает все положенные репатрианту пособия, живет вместе с внуками, прекрасными ребятами, благоустраивает их собственную квартиру. Я с удовольствием общаюсь с ним (в основном по телефону), он принимал участие в торжественном вечере по случаю моего 80-летия.

В лабораториях НИО-1 проводились исследования, разработка исходных данных и рекомендации по многим вопросам, по требованиям и заданиям заказчиков-комбинатов, проектных отделов филиала, научных подразделений головного института, с которыми разрабатывали совместные темы. Руководил научно-исследовательским отделом, как уже сообщал я ранее, кандидат технических наук Павел Дмитриевич Шилов. В 1973 году он по собственной инициативе с этой должности ушел, став начальником горной лаборатории, а начальником НИО был назначен один из старейших сотрудников В. Г. Муранов. В горной лаборатории в разные годы, но, как правило, помногу лет работали по-разному успешно, имея ввиду, что не все смогли защитить кандидатские диссертации, хотя большинство к этому стремилось, горные инженеры М. М. Массовер, Ю. Токарчук, Марс Когай, И. А. Ларчев, Р. Б. Алмаев и др. С некоторыми из них – Массовером, Токарчуком – был знаком с давних пор по работе на производственных предприятиях. Все научные сотрудники

научной части, как и горной лаборатории относились ко мне с уважением, очевидно отдавая дань моему опыту горных работ и моей роли в организации очень важных связей между ними и специалистами подразделений НГМК, являющегося основным заказчиком и полигоном внедрения научных разработок НИО филиала. Особо остановлюсь и расскажу о Павле Шилове, моем однокашнике по горному факультету. Мы с ним познакомились с самого начала занятий в институте, в 1943 году. Он уже был инвалидом войны, потеряв (кажется) левую ногу до половины бедра. Учился он уверенно, заслуживая высокие оценки. Несмотря на костыли был подвижен, участвовал в наших студенческих, как сейчас говорят, тусовках. Он один из немногих, кто начал серьезно ухаживать и женился еще в студенческие годы на студентке нашего же факультета Августе (девичью фамилию не помню), и у них родилась дочь. После окончания института Павел был принят в нашу атомную систему в СПб-2, где работал до 1953 года, а затем стал начальником созданной в рамках ГСПИ-14 (СПБ-2) специальной научно-исследовательской станции по изучению вопросов предупреждения внезапных выбросов газов, способов проветривания и улучшения рудничной атмосферы в горно-геологических и горнотехнических условиях предприятий Майлисайского комбината. Эти исследования стали необходимы после аварии на руднике № 1 в 1950 году, известные события, которые я описал в своей первой книге. Семья Шиловых прожила несколько лет в г. Майлисае, где познакомилась с нашими друзьями Витковскими, Хоментовскими и др. Не знаю в каком году Шиловы переехали в Ташкент, Павел стал работать в научной части филиала. Он и его супруга Августа были активными участниками группы выпускников горного факультета, живших в Ташкенте и организовывавших встречи однокашников каждые пять лет. Во время нашей жизни в Ташкенте, мы продолжили дружбу и частое общение, встречи семьями и по случаю дней рождения у наших однокашников – Виолетты и Льва Коганов, Виктора Надеждина, Альберта и Нели Агановых, Веры Богодуховой и др. – во время приездов Нели и Бориса Хоментовских в Ташкент из далекого Краснокаменска, Читинской области. Павел Шилов вместе с сотрудниками горной лаборатории провели большую работу по созданию специального оборудования и методов искусственного проветривания углубившегося карьера Мурунтау, разработали специальную установку и метод отбора шламовых проб и ликвидации пыления при бурении взрывных скважин мощными буровыми установками на этом карьере.

Не буду подробней описывать еще другие административные и вспомогательные службы в филиале и их сотрудников, скажу лишь, что у меня были равноудаленные и равноприближенные отношения ко всем окружавшим меня сотрудникам, я старался внешне не отличать их ни по каким признакам и рангам, хотя в душе были те, что больше мне нравились и те, к которым относился с равнодушно и даже нетерпимо. Я по-прежнему, как и на прежней производственной работе, придерживался главных принципов, воспитанных во мне, а именно:

- требовал продуктивной работы и выполнения обязательств от участников процесса квалифицировано и в срок;
- не терпел вранья, попыток необоснованных отговорок, опозданий на запланированные совещания и мероприятия;
- поощрял инициативу и прилежание;
- не допускал панибратства, но всегда принимал участие в вечеринках, «мальчишниках», на которые приглашали;
- не отличал сотрудников по национальным признакам, будучи (и остающимся) глубоко интернационалистом, наоборот, старался внимательней относиться к товарищам крымско-татарской, корейской, узбекской национальностей, коллектив был многонациональным;
- внимательно выслушивал высказывания всех участников совещаний и бесед, выдвигаемых ими предложений и оперативно, при разногласиях, принимал решения, выполнение которых неукоснительно требовал;
- в необходимых случаях высказывал свои оценки положительные или отрицательные в адрес соответствующего лица, невзирая на ранг и присутствие третьих участников разговора.

Несмотря на специфическое положение ГИПа, которому административно подчиняются только непосредственные замы, а все остальные сотрудники имеют своих начальников, мой опыт, стиль руководства процессом работ и поведения создал, как мне казалось, устойчивый и укрепляющийся авторитет у подавляющегося большинства сотрудников филиала. Мне было очень легко работать, хотя бывали и огорчительные моменты каких-то промахов, ошибок, исправлений и т. п. Я даже иногда, находясь в Ташкенте, скучал от размеренного режима труда, от 9 до 18, с регулярным перерывом на обед, без с тревогой ожидаемых телефонных звонков о возможных авариях, несчастных случаях и прочих неприятностях, происходящих в прошедших до этого почти 24 годах работы на производственных предприятиях.

Следует иметь ввиду, что описанная выше мною обстановка в филиале относится больше к периоду семидесятых и до середины восьмидесятых годов, к годам так называемых «застойного периода». Состояние дел, задач, условий деятельности и жизни коллективов, отдельных семей и лиц, как и страны в целом, менялись по мере значимых событий, происходящих в веховые годы для каждой из обозначенных ячеек общества. Такими годами для Страны стали 1985 год, начала «Горбачевской перестройки», 1991 – год развала СССР и образования самостоятельных государств из бывших национальных республик. Для НГМК, его коллектива таким годом был даже не десятилетний юбилейный 1968, а 1969 год, год окончания строительства и ввода в эксплуатацию золотоизвлекательного комплекса и многокилометрового водовода «Амударья– Заравшан», обеспечившего постоянное устойчивое водоснабжение созданного в Центральных Кызылкумах промышленного района, городов и поселков, год ввода в эксплуатацию подземного рудника № 1 на Сабырсайском предприятии.

А в жизни моей и семьи тоже были «веховые» годы, значительно менявшие наше положение, характер, состояние и географию. Некоторые такие годы описаны мною в предыдущих книгах. А сейчас, в очередной главе хочу отразить один из таких годов – 1976-й.

ГЛАВА 11

*Год 1976. Житейские подробности. Витковские.
Краснокаменск – С. С. Покровский, Хоментовские*

Об одном из важных событий этого года – проведенном моем 50-летнем юбилее – уже подробно написал и, если удастся, кое-что можно будет увидеть в фотоматериалах. Это было в начале года. Подходил уже пятилетний срок нашей жизни в Ташкенте. Примерно весной первого года (1972) возвращения в Ташкент мы с Юлей встретились на улице с четой Соколовских – супругой Евгенией Трейвиш и мужем Константином Соколовским, однокашниками Юлии по энергофаку САИИ. Евгения (Женя) закончила факультет на год раньше, а Константин на год позже Юлии. Оказалось, что они живут буквально рядом, в ведомственном доме «Энергосеть-проекта» № 13 по ул. им. Богдана Хмельницкого, наш филиал в доме под № 15, а наш жилой дом практически во дворе последнего. Константин Владимирович Соколовский, кандидат технических наук, доцент, преподавал и занимался научной деятельностью на энергофаке ТашПИ (бывший САИИ), Евгения Давыдовна Трейвиш трудилась в проектно-институте «Энергосетьпроект». Мы стали общаться, бывать у Соколовских, семья занимала 3-комнатную квартиру на первом этаже четырехэтажного дома. Познакомились с их детьми: дочерью Ольгой и сыном Сережей. Ольга уже заканчивала первый курс энергофака ТашПИ, а Сергей учился в старших классах средней школы. Познакомились с ними и наши сыновья, ставшие студентами ТашПИ. Взаимные посещения были довольно частыми, беседы, дискуссии на разные темы культуры, быта, политические. Наш старший сын Борис и дочь Соколовских Ольга понравились друг другу, возникла любовь, и они стали в 1974 году мужем и женой. Мы, родители с обеих сторон, не возражали, более

того, были довольны этим союзом. Молодые поселились у Соколовских, где жилая площадь была больше, чем у нас, да и молодая жена не хотела отрываться от мамы. Мы (Юлия и я) понимали, что молодой чете лучше жить отдельно, сняли им комнату, правда не рядом с местом нашего проживания, но наладить их бытовые условия с учетом учебы в далеко расположенном институте, не удавалось. У Соколовских представилась возможность произвести обмен их квартиры на две смежные двухкомнатные квартиры в первом этаже двухэтажного шестиквартирного дома в одном из зеленых дворов улочки «Обувная», что недалеко от нашего места обитания, буквально в 5 минутах ходьбы. После обмена, выполненного ремонта и объединения квартир молодым была выделена отдельная жилая площадь, где они и жили до самого отъезда в Израиль в 1990 году. Здесь у них родились наши внуки – Ирина в 1980 году и Юрий в 1982 году. Наши дружественные связи, теперь уже «родственные», продолжались весь оставшийся период до конца жизни Соколовских – Евгения скончалась от инсульта в 1994 году, а Константин в 1995 году от сердечной недостаточности, оба в Ташкенте. Константин Владимирович был участником войны почти с самого ее начала и до окончания, участвовал в боях, но обошлось почти без ранений и контузий. Мы познакомились с друзьями Соколовских, его сослуживцами, тоже участниками ВОВ и их семьями.

Но вернемся в 1976-й год. Он стал годом окончания Борисом энергофака по специальности «Кибернетика электрических сетей», единственный выпуск, который и был в этом году. По распределению его направили на работу в «Оргрэс», ставший в скором времени «Техэнерго». Здесь он трудился в отделе программного обеспечения, довольно быстро набираясь опыта и продвигаясь по служебным ступенькам. Его молодая супруга по окончании энергофака по распределению была направлена на работу в Филиал № 1 ПромНИИпроекта (не без моей помощи), где и работала в отделе № 6, а затем № 12 до 1990 года, года их отъезда в Израиль.

В 1977 году закончил факультет АСУ ТашПИ наш младший сын Виктор и по распределению его оставили работать в институте, где под руководством одного из доцентов группа молодых программистов занималась разработкой программ, обеспечивающих компьютеризацию многих вопросов обработки данных приема абитуриентов, учета результатов экзаменов приемных и студенческих сессий и др. Имелось ввиду, что Виктор будет принят в аспирантуру для работы над кандидатской диссертацией. Но успешные разработки программ и их внедрение в практику института поднимали престиж

и значимость самого руководителя-доцента, а он старался держать успешных молодых специалистов-программистов под своим подчинением и ничего не делал, скорее противодействовал переходу Виктора в аспирантуру. После двух лет работы в группе программистов в институте Виктор уволился на законных основаниях и перешел на работу «Техэнерго» в тот же отдел, где работал Борис. Несколько опережая события, сообщу, что Виктору, ведущему занятия со студентами и курирующему написание дипломных проектов одной из групп, понравилась одна из студенток, познакомился с нею ближе, влюбился и предложил руку и сердце. Это была Маргарита Бродская. Ее родители отец Мирослав и мать Жульета не возражали, и наши дети сыграли свадьбу летом 1980 года в «Доме торжеств» по ул. Полторацкого.

Виктор прекрасно водил автомобиль, помните, я научил этому еще во время нашей жизни в Сабырсае. Как только ему исполнилось 18 лет, он прошел официально необходимый курс и сдал экзамен на права вождение легкового автомобиля. Летом 1975 года мы втроем с Юлией и Виктором совершили поездку в г. Алма-Ату, в гости к друзьям и однокашникам Анне и Сергею Витковским, семья которых с 1972 года жила здесь. Сережа работал начальником отдела одного из главков Минцветмета КазССР. Их дети Александр и Ирина были студентами. Наши семьи переписывались изредка и договорились о нашем приезде. Подробно описывать весь маршрут поездки не буду, да и многое выветрилось из памяти, но отдельные моменты отражу для истории. Повсеместно автомобильная дорога была с точки зрения технического состояния довольно приемлемой, с черным покрытием, преимущественно однополосная в каждую сторону и только вблизи столичных городов, в Киргизии – Фрунзе (ныне Бишкек), и особенно в Казахстане – Алма-Аты становилась двух и трехполосной в каждую сторону с покрытием настоящим асфальтом, вместо «холодного асфальта». Выехали утром, не очень рано, нормально проехали через г. Чимкент, хотя были трудности с определением места выезда на Джамбул. Жарко и пыльно, полупустыня, на пути несколько небольших кишлачков. Решаем в Джамбуле не останавливаться. Характерно, что в городах нет, или редко можно встретить указатель или панно маршрутов, по которым можно проехать, чтобы выйти на то или иное направление, поэтому уже в Джамбуле мы потеряли достаточно много времени. Проехали поселок Кара-Балта, известный нам как место нахождения завода и других производств КГРК, управление которого теперь уже располагалось в столице Киргизии г. Фрунзе. Решили добираться до Фрун-

зе и там заночевать. Машину вели поочередно с Виктором. Оставшиеся 200–250 км прошли с крейсерской скоростью не более 55–60 км/час. У меня были координаты компактного расположения здания управления КГРК, микрорайона ведомственных жилых домов и гостиницы, а это было вблизи центра города и довольно быстро и без приключений мы сюда добрались. Заранее никому не звонил, хотя у меня было достаточно много знакомых бывших сослуживцев, работающих в комбинате, но предъявленное администратору гостиницы мое удостоверение сотрудника ПромНИИ-проекта было достаточным, чтобы получить два номера для ночлега и стоянку автомобилю. Переночевали в довольно приличных номерах, позавтракали в открывшемся буфете. Надо отметить, что гостиница содержалась в весьма хорошем состоянии в отличие от многих как ведомственных, так и «официальных» государственных, к которым в то время было много претензий.

Отправились в последний бросок на Алма-Ату (в это время не было принято так говорить, а следовало произносить «в Алма-Ата»), до которой (которого) оставалось 230–250 км. Автомобильная дорога в довольно хорошем состоянии, хотя и не везде, проходила и по горным участкам, но «крейсерская» скорость приличная и через несколько часов открылась перспектива приближающегося крупного города, асфальтированное покрытие в идеальном состоянии, ширина проезжей части в каждую сторону в три полосы, множество панно и указателей дорожного движения, даже предупреждение, что за дорожным движением идет наблюдение с вертолетов. Первые одноэтажные домики, утопающие в зелени, довольно скоро улицы приобрели городской характер со светофорами, разметкой. Никаких затруднений выехать в нужный нам район города не испытывали и лишь в завершающейся части, уже почти в центре города поблуждали, пришлось несколько раз обращаться к прохожим. Дело в том, что Витковские жили в собственном доме, расположенном в микрорайоне индивидуальной застройки на правом берегу Алмаатинки, и, хотя это в нескольких сотнях метров от монументального здания «Дворца культуры им. Ленина», находящегося на левом берегу речки, и административного центра города, названия улиц этого микрорайона были неизвестны многим жителям.

Бурная встреча, взаимные приветствия и «вздохи», немедленный осмотр довольно большого приусадебного участка с многочисленными фруктовыми деревьями, в том числе знаменитыми яблонями, цветника и просторного дома. В принципе, нас ждали, поездка была согласована предварительным телефонным разговором. Загнал ав-

томобиль во двор, разгрузил наши пожитки в отведенную комнату, принял душ и началось застолье. Нет смысла перечислять, чем был накрыт стол и какие тосты произносились, понятно, что угощения было обильным, вкусным, разбавленным в большом количестве и ассортименте спиртными напитками.

Большая семья Витковских – Сергей Николаевич, Анна Петровна, сын Александр, дочь Ирина, мать Сергея Клавдия Михайловна – приобрела в собственность дом относительно недавно, года два–три назад, сделали довольно солидный ремонт (еще продолжающийся) и нельзя сказать, что жили очень просторно. Имелось и большое подполье, где размещались «модные» в те времена запасы всяких производных из собственных и приобретаемых садовых и огородных урожаев варений, джемов, соков, картофеля, тыквы и прочего. Сергей успешно трудился начальником отдела одного из управлений Минцветмета КазССР, Анна работала в каком-то научно-исследовательском институте, дети успешно учились в высших учебных заведениях, домашнее хозяйство по мере сил вела все еще бодрая Клавдия Михайловна. Казалось, что в доме имеется полный достаток и в семье мир и любовь. Но все время в глазах членов семьи и в воздухе витало какое-то чувство грусти, недоговоренности, чего-то не высказанного. Мы провели два очень приятных дня общения с друзьями, побывали на известном спортивном и культурном комплексе «Медео», погуляли по утопающим зеленью улицам центра города. К сожалению, в тот период у наших семей не было страсти к занятиям фотолюбительством, только Саша Витковский умел и имел технику, с помощью которой он сделал несколько слайдов, и уже здесь, в Израиле, мне удалось превратить их в фотографии, если удастся, они попадут в книгу. Но в процессе недолгого пребывания у Витковских я понял причину той «грусти» и ожидания каких-то неприятностей, которые не оставляли членов семьи – это систематическое «прикладывание» Сергея к бутылочке с крепкими напитками. Уже после первого обильного застолья, в течение которого достаточно выпили, Сергей пригласил меня пройти по приусадебному участку и через некоторое время завел меня в подвальчик через вход со стороны одного из боковых фасадов дома и здесь извлек из тайничка бутылку, из которой мы поочередно поглощали хороший коньяк и шел разговор «за жизнь». Я высказал мое удивление и даже протест, но понял, что это бесполезно и проходит мимо Сережиных ушей. Подобное, т. е. такое «пригубление» Сережа совершал при каждом возможном случае нашего уединения от членов семьи, хотя я возражал и сам уже к бутылке не приклады-

вался. Сергей знал много стихотворений знаменитых и мало известных поэтов, сам в молодости писал неплохие стихи, и в подвыпитом состоянии декламировал многие из них, отражавшие, главным образом, пессимистический настрой, протест. Я не посчитал возможным что-либо высказать о происходящем членам семьи Витковских (да и моей), понимая, что это известно им, и что они просто с этим справиться не могут, а выносить «сор из избы» и принимать насильственные меры лечения не хотят.

С грустью, но лучшими пожеланиями расстались, обратный путь не представлял каких-либо трудностей и без приключений вернулись в Ташкент.

Но, побывав я в Алма-Ате еще раз в своей жизни и очень скоро, в том же 1976 году.

В одно «прекрасное» утро мне сообщил Павел Шилов, что скончался Сергей Витковский! Решили лететь на похороны. Приобрести авиабилеты для нас труда не составило. Читателю известно, что Павел Шилов инвалид войны, без одной ноги и передвигался или на протезе, конструкция и качество изготовления которых в Ташкенте (думаю и в Стране в целом) желали быть значительно лучше, или на костылях и это составляло определенные и значительные трудности для путешествия, особенно в незнакомом большом городе. У Шилова, работавшего несколько лет в Майли-Су, оставались связи с бывшим сотрудником этого предприятия, инженером-маркшейдером, а затем сотрудником Майли-Суйского горкома КП Киргизии Петром Ивановичем Ерпиловым. П. Ерпилов за прошедшие годы успешно продвигался в своей карьере партийного функционера, стал секретарем Степногорского городского комитета (городок на базе уранодобывающего предприятия нашей системы), затем секретарем Целиноградского областного комитета КП Казахстана и к описываемому времени первым секретарем Алма-Атинского горкома КП Казахстана, столичного города, а это была очень высокая должность в советский коммунистический период. П. Шилов позвонил Ерпилову в Алма-Ату о нашем приезде, и Петр Иванович обещал транспорт и место в гостинице. Нас действительно встретил представитель горкома, отвез в лучшую гостиницу, где для каждого из нас был приготовлен номер-люкс. После недолгого оформления нас доставили к дому Витковских.

Нет смысла описывать обстановку, состояние членов семьи, царившей тишины, тихого говора многих собравшихся родственников, сослуживцев, друзей. Анна встретила нас как родных, не было необходимости словесного выражения соболезнований, достаточно

было осторожных объятий, через которые передавалась истинная скорбь и боль от безвременной утраты сына, мужа, отца, друга – Сережи Витковского.

Официальное прощание состоялось в здании Минцветмета КазССР. В начале второй половины дня состоялся вынос тела и на транспорте похоронная процессия была доставлена к городскому кладбищу, по территории которой гроб с телом покойного на руках в сопровождении довольно большого числа скорбящих дошел к месту захоронения. В момент недолгого митинга, нескольких прощальных речей, к присутствующим присоединился и П. И. Ерпилов. После обряда захоронения Петр Ерпилов подошел к нам, мы обменялись приветствиями, несколькими фразами на тему самочувствия, поблагодарили Петра за беспокойство о нашем устройстве и отказе на проживание в гостинице, так как Анна настоятельно просила нас остановиться у нее. В заключение нашей короткой беседы Петр Иванович пригласил нас на завтра к 14.00 часам посетить его дом и сообщил адрес.

Не могу сказать, что с большим желанием, но по настоятельной просьбе Павла Шилова согласился посетить Ерпиловых. В самом центре города, на одной боковой от магистральных улочке, огражденной дорожными знаками о запрете проезда, под искомым нами номером, внутри просторного двора, отгороженного от тротуара высоким, но просматриваемым литым металлическим забором, и в центре которого действовал красиво украшенный фонтан, стоял двухэтажный, двухподъездный коттедж. У ворот дежурил милиционер, задавший нам вопрос к кому мы направляемся. Услышав фамилию, взял «под козырек» и объяснил, в какой из двух подъездов идти. На каждом этаже оказалось по одной квартире, а семья Ерпиловых занимала первый этаж. Как нам стало известно позже, второй этаж занимала семья командующего Туркестанским военным округом, а в другом подъезде, охраняемом еще одним милиционером, размещались семьи первого секретаря ЦК КП Казахстана и председателя правительства Казахстана.

Нас встретила супруга Петра Ивановича, лицо которой мне показалось очень знакомым и действительно оказалось, что мы знали друг друга во времена моей работы в Майли-Су, где она трудилась участковым геологом на руднике № 6. Петра Ивановича дома не оказалось, но должен с минуты на минуту приехать – занят делами. Точно имя супруги не помню, но условно назовем ее Надя. После обмена приветствиями, Надя стала показывать нам всю огромную (по тем временам) квартиру с очень пространными комментариями.

Четыре, или пять просторных комнат, кухня и необходимые службы, обставленные добротной мебелью советского производства, люстрами и напольными торшерами Чехии и ГДР, а особенной гордостью Нади был стоящий в кабинете огромный книжный шкаф, изготовленный (говорит «взахлеб») по ее эскизам на мебельной фабрике и заполненный художественной, справочной и технической литературой (очень было модно). Одна из стенок между гостевой комнатой и столовой могла передвигаться (убираться) так, чтобы при «большом приеме» можно было и танцевать многим парам. В дополнение к описанному, Надя нам сообщила, что у них есть и загородная дача с необходимым государственным обслуживанием и питанием, за что они оплачивают всего несколько десятков рублей.

С появлением Петра Ивановича характер разговора изменился, повспоминали прежние молодые годы совместной работы, обменялись текущей информацией о семьях, помянули ушедшего в «небытие» Сережу – все это происходило за обеденным столом, обставленном деликатесами и был подан полный обед из трех блюд. Во время обеда в дом появилась дочь Ерпиловых, студентка, довольно красивая очень модно одетая (вплоть до высоких кожаных сапог) девушка, отказавшаяся принять участие в обеде.

Трапеза и общение продолжались не более двух часов, Петр Иванович должен был участвовать в очередном совещании. Нас отвезли на автомобиле к дому Витковских. На следующий день мы распрощались с Витковскими с понятными пожеланиями крепиться и продолжать жизнь. Нам был подан «партийный» автомобиль в аэропорт, и мы улетели.

Больше я с Ерпиловым, естественно, не встречался, но вскоре, через несколько месяцев дошла информация, что с первых секретарей Алма-Атинского горкома он был снят за какие-то «провинности» и назначен Секретарем КП Восточно-Казахстанской области, что тоже не мало, но, наверное, Надя лишилась многих «благ первой леди столичного города».

К сожалению, через небольшой жизненный срок, нам стало известно о безвременной кончине и Анны Петровны Витковской-Захаровой, светлая память о которой останется в наших сердцах.

Наша жизнь производственная и семейная продолжалась в Ташкенте в обычном русле. Часто общались с нашими наиболее близкими друзьями Антониной и Владимиром Кожевниковыми, и очень запомнились совместные неоднократные осенние поездки в город Джалал-Абад, что в Киргизской ССР. Вечный в Советские времена дефицит товаров, необходимость экономии средств диктовали

производить возможные заготовки на зимне-весенний период. Подавляющее число простых советских семей закладывали в подвалах, в гаражных ямах картофель, лук репчатый, тыквы, варенья из фруктов и ягод, соленья помидор и огурцов и т. п. Больше из наших семей этим занимались Кожевниковы, потому что их семейный доход и достаток были ниже наших. И вот, не помню источник информации, нашим семьям стало известно, что в субботне-воскресные дни в Джалал-Абаде на рынке можно дешево купить грецкие орехи, фрукты и овощи. Поездки в не очень близкий путь, более 500 км, на двух автомобилях, а у Кожевниковых была еще темно-коричневая «Победа», были не только выгодными, но и приятным путешествием с заездами в города и кишлаки, где повсеместно образовывались законные и стихийные базары и базарчики. На прилавках и просто на земле выкладывались дары полей и садов благодатной земли и дехканского труда – многие сорта десертных виноградов, яблоки, груши, гранаты, инжир, громадные арбузы, дыни и тыквы, лук и болгарский перец, многое, многое другое и все это многоцветье отражается уже не жарким, но благодатным южным солнцем. Тут же в котлах парил плов, а в жаровнях на саксаульных углях шипел бараний шашлык. Остановки в таких местах, стоя у жаровни поглощение текущих жиром шашлычных кусочков с горячей узбекской лепешкой – это ли не блаженство!

Поздно к вечеру прибыли в Джалал-Абад, устроились на ночлег в местной гостинице (места всегда есть). Рано утром подъем, умывание, легкий завтрак привезенным «подножным кормом» и подъехали к стоянке у базарной, довольно большой площади, где и организованные ряды стоек, и стихийно, но в определенном порядке создавшиеся прямо на земле ряды продавцов с товаром в мешках, и по одной из части периметра несколько десятков сельских магазинов, где можно приобрести и сельхозпродукты, и промтовары, главным образом для удовлетворения нужд сельхозпроизводителей. Несколько поодаль от торговых рядов площадка, где шла торговля скотом, верблюдами, ослами. Большинство торгующих и покупателей это лица местных национальностей – киргизы, узбеки, таджики, уйгуры – но не мало и европейцев, корейцев, прибывших, как и мы, на заготовки. Нас больше всего интересовали грецкие орехи, цены на которые здесь в 2–3 раза ниже Ташкентских. Постепенно загрузили емкости в автомобилях покупками: орехи, мед, груши, семечки подсолнуха и понемногу прочего. Уставшие отправились в гостиницу, пообедали, обменялись информацией об «достигнутых успехах» и улеглись спать – завтра не позже 5 утра в обратный путь.

Опять остановки в других местах, кратковременный отдых и к вечеру прибытие в Ташкент. Выгрузили добытое. Надо отдыхать, завтра рабочий день. В последующие дни недели часть закупок отдали Соколовским, семье Виктора, моей маме.

Примерно в сентябре 1976 года мне сообщили, что могу прибыть в Чкаловск (Ленинабадской обл.) для получения выделенного мне автомобиля «Жигули». Может быть и не стоит, но напомним читателям солидного возраста и сообщу молодым, не вкусившим жития-бытия в советском социалистическом, упорно строящем коммунистическое общество, которое должно было наступить уже в приближающихся восьмидесятих годах, как сказал в шестидесятых Генсек КПСС в докладе на очередном Съезде Партии, что приобрести не только автомобиль (это уже роскошь), но и много других товаров народного потребления, можно было лишь по совместному решению профсоюзных комитетов и руководства предприятий, учитывающих целый ряд характеристик и условий претендентов. Я имел право приобрести автомобиль, так как ранее имевшийся у меня «Москвич-408» был куплен более 12 лет назад и не продан мною на свободном рынке, а подарен сыну (Виктору). По всем другим показателям (трудовые успехи в социалистическом соревновании, общественная активность и пр.) позволили выделить мне очередь в 1976 г. Снабжение нашего института автотехникой и другими видами особо дефицитных промышленных товаров производилось через УРС (Управление рабочего снабжения) ЛГХК и его базы в г. Чкаловске. Ленинабадский горно-химический комбинат получал по разнарядке ГлавУРСа (г. Москва) определенное число такой техники по каждому ее виду – «Волг», «Жигулей», «Москвичей», «Запорожцев» – и директор комбината с групповым комитетом профсоюза распределяли число каждого из этих видов техники подведомственным им предприятиям и подразделениям. Я с Виктором немедленно выехали в Чкаловск, и здесь на базе УРСа выбрали из имевшихся нескольких вариантов «Жигули-2103» очень приятного темно-синего цвета. В Ташкент вернулись уже на двух автомобилях – Витином «Москвиче-408» и моем «Жигули-2103». Это был праздник!

В одной из служебных поездок в Москву в начале 1977 года (надеюсь, что не ошибаюсь), в коридорах Министерства я неожиданно встретился со Сталь Сергеевичем Покровским, директором Приаргунского уранового комбината. Для не читавших моей первой книги вынужден сообщить, что это мой довольно близкий товарищ первых пяти лет работы в системе Минсредмаша на Майли-

Сайском, одном из первых уранодобывающих предприятий, где мы молодые специалисты с громадным энтузиазмом осваивали строительство рудников, методы добычи и обогащения урановых руд, преодолевая трудности познания некоторых неизвестных ранее характеристик их поведения, проходили школу управления коллективами со специфическими категориями трудящихся, набирались опыта, продвигаясь по служебным ступенькам, житейского опыта, где стали друзьями, женились и стали отцами. Несмотря на прошедшие годы работы уже на разных предприятиях и в разных регионах, мы знали все основные события жизни друг друга. Мы уединились и в довольно короткое время обменялись информацией. Сталь торопился, так как его пребывание в Москве заканчивалось завтра и осталось еще завершить дела и попрощаться с руководством главка и министерства. Он сделал мне предложение перейти на работу в подведомственный ему комбинат на должность заместителя главного инженера с возможным ростом в недалеком будущем. Неожиданное для меня предложение озадачило, и я выразил пожелание организовать мне поездку в Краснокаменск в командировку, чтобы я смог посмотреть характер горных и других видов работ, бытовую обстановку и после этого принять решение на такой серьезный шаг. Сталь Сергеевич со мной согласился, сказал, что это не составляет труда, и чтобы я ждал распоряжения по этому поводу. Мы распрощались.

В начале марта в институт пришло распоряжение из главного управления о направлении меня в командировку в город Краснокаменск и я в середине марта, после оформления необходимых документов (кроме всего прочего, это приграничная зона) вылетел через Новосибирск—Читу к месту назначения. В каждом пункте пересадки приходилось оформлять регистрацию имеющегося билета с получением конкретного места в самолете очередного рейса, стоять по этому поводу в немалых очередях спешащих и обозленных людей, часть из которых ждут своей очереди уже много часов. Правда, в Чите мне помог полномочный представитель комбината, дислоцирующийся здесь, о котором мне заранее сообщили, и он уже знал о моем возможном прибытии. Из Читы на Краснокаменск летали самолеты малой авиации, марки не помню. Меня встретили в аэропорту Краснокаменска и доставили в гостиницу, а после недолгого отдыха и в управление комбината, где и произошла моя встреча со Сталь Сергеевичем и главным геологом комбината, моим однокашником и другом Борисом Николаевичем Хоментовским. Наметили план моего пребывания на ближайшую неделю.

Вечером собрались у Хоментовских за товарищеским ужином и взаимных рассказах о событиях и делах семейных в прошедшие годы.

В течение четырех рабочих дней с утра и до позднего вечера Сталь Сергеевич вместе со мной объехал и прошел практически все места работ на строящихся и уже выдающих руду двух рудниках, заканчивающейся стройки гидрометаллургического завода, на действующей и расширяющейся тепловой электростанции, мы объехали уже заселенные микрорайоны и строящиеся жилые дома и объекты инфраструктуры, побывали и в недавно созданном филиале проектного института ПромНИИпроект, который возглавлял знакомый мне бывший сотрудник нашего Ташкентского филиала (фамилию не помню). Строительство промышленных объектов и города велось по проектам головного московского института, осуществлялось генподрядным строительным управлением одного из строительных главков Минсредмаша с использованием всех категорий принятых в нашей системе трудовых ресурсов – военных строителей, заключенных и вольнонаемных. Жилые микрорайоны застраивались многоэтажными домами довольно приятной архитектуры, особенно на перекрестках будущих основных магистральных улиц. Грандиозность стройки впечатляла, хотя действующие жилые микрорайоны были отдельными «островами», разделенными специфическими заборами «зон» строящихся объектов заключенных. Явно отставало строительство объектов социально-культурного назначения.

Объемы горных работ и их развитие уже были значительными на многих горизонтах и по глубине, характер зданий, оборудования и территория гидрометаллургического завода, размах стройки свидетельствовали о том, что речь идет о высокопроизводительном предприятии на базе уникальных запасов руд и металлов в них.

По ходу посещений горных работ, отделов управления комбината я встречал многих мне знакомых по прежней совместной работе специалистов и руководителей. Начальником одного из рудников был Николай Кудрявцев, ранее работавший в Янгиабадском предприятии, заместителем по общим вопросам начальника другого рудника оказался мой сослуживец по Сабырсаю, инженер-буровик Ахмед Шебзухов. Многие должности начальников отделов и главных специалистов управления комбинатом занимали знакомые мне по Майли-Су и приехавшие сюда, на новостройку с нуля вместе с Покровским и Хоментовским: главный механик Пахель, зам. главного инженера П. И. Югов, заместитель директора по КС В. А. Криднер, начальник транспортного отдела Ф. Н. Мацуй, не

помню какую должность занимала А. В. Лыбина, а ее муж, горняк И. И. Волошин (читай первую книгу), стал «мэром» Краснокаменска. Этим список не ограничивается. Встречались знакомые лица обеих полов, которых я не узнавал, но которые знали меня, приветствовали, интересуясь здоровьем и целью приезда.

Ежедневно в конце рабочего дня мы втроем, Сталь Покровский, Борис Хоментовский и я обсуждали увиденное за день. Сталь интересовался моим впечатлением, просил высказать замечания, предложения. После окончания рабочего дня мы опять встречались уже за ужином в квартире Покровского (супруга, Воля была в отъезде в Селятино под Москвой, где у них была квартира, в которой жил один из сыновей, студент), в моем номере в гостинице или у Хоментовских. Супруга Бориса Нинель Николаевна Варенцова, врач-хирург от Бога с большим стажем, уже в Майли-Су она была заведующей хирургическим отделением больницы, здесь, в Краснокаменске, с нуля организовывала и создала хирургическое отделение и возглавляла его, делала серьезнейшие операции, пользовалась громадным авторитетом в коллективах собственно медиков, производственных подразделений и у населения города. Она, крупная и сильная (хирургу это надо), с очень симпатичным лицом, большими светлыми глазами, практически выражающими улыбку и доброту, была любящей женой, матерью трех дочерей, от души гостеприимной и хлебосольной хозяйкой. Утром пятого дня моего пребывания Покровский пригласил в свой кабинет главного инженера комбината Степана Гавриловича Вечёркина и представил меня. В конце короткой беседы последний пригласил меня зайти к нему после моего освобождения от аудиенции с Покровским. Сталь Сергеевич проинформировал меня, что у него не сложились взаимоотношения с «главным», что Вечеркин в курсе приглашения меня на работу в комбинат, и что мне предстоит определенный «экзамен» в беседе с ним. В состоявшейся в течение получаса беседе Степан Гаврилович расспросил меня о производственной работе за прошедшие почти 30 лет, поинтересовался моими впечатлениями об увиденном на их объектах, внимательно выслушал мой рассказ. Думаю, что Вечёркин уже имел какие-то сведения обо мне из других источников. В конце рабочего дня Сталь сообщил мне о положительном отзыве главного инженера и его согласии на мое назначение его заместителем. В заключение нашей беседы и на вопрос Покровского о моих решениях, я сказал:

— Сталь Сергеевич, понимаешь, что вопрос весьма серьезный, необходимо обговорить его с членами семьи, женой, сыновьями,

старенькой мамой, но я даю принципиальное согласие. – На этом деловую часть описывать закончу.

На ближайшее воскресенье был назначен выезд на реку Аргунь на рыбалку – подводный лов. Хозяйство комбината и город Краснокаменск находятся в южной, степной части Читинской области, примерно в 15–20 км от левого берега реки Аргунь, притока мощной реки Амур. Именно по фарватеру этих рек проходила большая часть границы между СССР и Китаем. Местность довольно равнинная с оригинальным климатом, в зимне-весенний сезон отличающийся многими солнечными днями при достаточно крепких морозах и небольшим снежным покровом. Несмотря на март месяц, степь густо покрыта высохшим, высотой в полметра ковылем. Позавтракали, и примерно в 8 утра был подан автомобиль-ГАЗ-69, за рулем которого сам начальник транспортного отдела Федор Николаевич Мацуй. Загружаются в багажник приготовленные заранее снасти, провизия. В составе группы Сталь Покровский, Борис Хоментовский, Федор Мацуй и Ваш покорный слуга. Каждый из нас был облачен поверх горняцкой спецодежды в меховые ниже колен полушубки, меховые перчатки, на ногах кожаные сапоги с мехом внутри. Отправились в путь. Безоблачное небо, яркое солнце, под колесами покрытая небольшим слоем снега промерзшая грунтовая дорога в одну колею. Тишина, только скрип снега под колесами, мороз градусов под 30. Подъехали к небольшой группе одноэтажных домиков, за которыми в каждую сторону на сколько есть видимость простиралось высокое ограждение из опор с натянутыми проволочными струнами и козырьком во внутрь. Рядом с первым домиком, слева от него в ограждении сооружены ворота из деревянных по периметру и крест-накрест конструкций, также заполненных проволочными струнами, а в центре засов с не очень большим подвесным замком. Это государственная граница «на замке»!

Мы вышли из автомобиля, а из открывшихся дверей домика к нам поспешил офицер, приблизившись «взяв под козырек», доложил Покровскому о полном порядке на границе, а затем поздоровался со всеми рукопожатием. Это был подполковник, начальник пограничной заставы. Сталь Сергеевич, директор Комбината, строительство и существование которого имело громадное значение для развития всего региона, к этому времени был депутатом Советских органов, членом бюро областного и городского комитетов КПСС, оказывал возможную и необходимую помощь местным сельхозыствам, пограничному подразделению, имел значительный авторитет

у руководителей всех рангов и среди населения редких в этой глуши поселков. Представив меня подполковнику, Покровский объяснил цель нашего приезда и сказал, обратившись к нему по имени и отчеству:

– Мы будем на известном тебе месте, отдохнем там несколько часов, прошу проследить за нами.

– Все будет выполнено, не беспокойтесь, обстановка пока удовлетворительная, – произнес в ответ подполковник и подал рукой сигнал стоящему поодаль старшине. Последний в свою очередь дал команду открыть ворота дежурному солдату-пограничнику. Замок был снят, ворота открыты, вся группа прошла за проволочное ограждение, проехал и наш автомобиль. За первым рядом ограждения проходила вспаханная полоса шириной метров пять, припорошенная снегом, и за ней второй ряд проволочного ограждения высотой значительно ниже первого. Справа от КПП, ближе к берегу реки, но еще до спуска к нему я увидел довольно высокую вышку, на которой стоял хорошо экипированный теплым обмундированием вооруженный пограничник, часто прикладывающий к глазам оптический прибор и обводящий своим взором довольно большой сектор вглубь территории противоположного берега, принадлежащего сопредельному, не очень тогда дружелюбному государству, Китаю. Мое внимание обратили на видневшуюся простым глазом тоже сторожевую вышку с китайским наблюдателем-пограничником, располагавшуюся метрах в 400 от нашей. На довольно крутом спуске к реке, уровень которой ниже метров на 6–8 (в это время года поверхность льда), между следовой полосой и собственно поверхностью реки проходит грунтовая инспекторская дорога, по которой мы и отправились вниз по течению и, проехав метров 500, остановились на небольшой площадке, где валялось несколько деревянных ящиков-тары, еще какой-то инвентарь. Разгрузили снасти, провиант. Я никогда не участвовал и в «живую» никогда не видал (только в кино) подледного лова рыбы. Спустились на лед, прошли примерно до середины реки, ширина которой в этом месте была на мой взгляд метров 50. Лед местами был чист как стекло и просматривалась вода под ним, хотя, как оказалось при пробурировании лунок-скважин, толщина его (льда) была 1,3–1,4 метра, а большая часть площади льда не прозрачна, покрыта примерзшим настом. Двумя имевшимися ручными шнековыми бурами мои друзья стали бурить скважины сквозь лед диаметром 70–90 мм, что оказалось нелегким делом. Стихийно возникло соревнование между двумя парами: на помощь Покровскому стал Федор Мацуй,

а Хоментовскому я. Лунки были пробурены и рыболовы – Сталь и Борис – усевшись на ящики, запустили с коротеньких удочек с дрожащим шариком на подвижном конце лески с крючками и «наживкой» на глубину больше толщины льда. Федор крутился возле Покровского, я возле Хоментовского и шел шуточно-подтрунивающий диалог. Ждать долго не пришлось, Покровский первый вытащил рыбку. Это серебристая длиной сантиметров 15–20 рыбешка, даже не помню, как ее рыболовы называли, которую Сталь быстро снял с крючка, бросил тут же на лед. Рыбешка билась о лед, изгибаясь всеми частями тела, и постепенно затихла, замерзнув в какой-то форме. Сбросив первую рыбку, Сталь быстро запустил крючок в скважину, две–три минуты и вытащил вторую. Улов пошел и у Бориса. При каждом сбрасывании с крючка рыбешки, выдавался крик рыболова со счетом, словесный «укол» соревнующемуся о победе. Азарт разгорался. Счет шел уже на второй и третий десяток.

Несмотря на светящее солнце, мороз пробирал и теплую одежду. Я попробовал сам половить рыбку и, несмотря на мое неумение, а снаровка все равно нужна, поймал пару штук. Но меня этот процесс не заинтересовал, не почувствовал я азарта, который охватывает при ловле на удочку в обычных летних речных условиях, когда рыбка «водит», нужно вовремя умеючи подсечь и т. п. По ходу ловли подкреплялись «горячительным» и калорийной закуской. Азарт соревнования продолжался, Сталь Сергеевич хотел быть обязательно «первым». Это у него в «крови». И в молодые годы наших первых лет работы в Майли-Су он отличался стремлением обязательно быть «первым» среди товарищей и друзей и в волейболе, и в фехтовании, и даже в рассказах о всяких былях и небылицах. Наверное, это неплохая черта, ведь он в своих стремлениях и упорном труде действительно добился определенных высот, стал в последствии первым руководителем большого комбината, доктором технических наук, действительным членом Академии горных наук, Героем социалистического труда, кавалером многих орденов. Именно он из всех нас, его друзей тех лет, достиг больших высот в служебной и общественной деятельности. Сталь Сергеевич напряженно трудился до последних дней жизни, спасая от развала созданное под его руководством важнейшее предприятие и коллектив в годы «перестройки» и скончался в марте 1997 года от инсульта. – Пусть память о нем сохраниться в наших сердцах!

Лов закончили, когда Сталь вытащил 46 рыбку, а у Бориса было только 44. Собрали снасти, посидели со стаканами за недолгой беседой и отправились в обратный путь.

На выезде с нейтральной территории в пределы СССР нас опять приветствовал начальник заставы, которого мы горячо поблагодарили.

Вечер завершили в семье Хоментовских, где обработали улов и с удовольствием поглощали вкусные яства, приготовленные Нинель при активном участии Бориса, который тоже был умельцем приготавливать пищу, чем выгодно отличался от нас, его товарищей еще в Майли-Суйский период. Борис Николаевич Хоментовский, мой однокашник по горному факультету, товарищ и друг, с первых лет работы на урановом предприятии мы вместе жили в одной комнате общежития, вместе переживали все радости и неприятности, тоже набирался опыта, трудился с большим энтузиазмом, соответственно продвигался по ступенькам геологических должностей, стал главным геологом комбината № 5 в Майли-Су, вместе с Покровским был первопроходцем в строительстве и освоении Приаргунского уранового предприятия и города Краснокаменск, проработал здесь более 30 лет главным геологом, стал кавалером нескольких орденов и медалей, продолжая совершенствовать свои знания, стал доктором геолого-минералогических наук, действительным членом Академии горных наук РФ, вышел на пенсию по состоянию здоровья после 70 лет от роду. Семью Хоментовских постигло несчастье, когда в семидесятых годах скончалась от онкологического заболевания их старшая дочь, Алена, мать трех замечательных детей, спасти которую несмотря на принимаемые возможные и невозможные меры, не удалось. И Нинель, и Борис стойчески перенесли удар судьбы, продолжая трудиться, воспитывать двух дочерей и внуков. Забегая вперед, сообщу, что Нинель Николаевна, хирург и бессменный зав. хирургическим отделением больницы Краснокаменска, спасшая многие жизни своими серьезнейшими операциями, в том числе на открытом сердце, неоднократная медаленосец и Борис Николаевич Хоментовские продолжают жить, находясь на пенсии, в Краснокаменске, где они Почетные граждане, и мы переписываемся и перезваниваемся с ними периодически.

Обратно в Ташкент из Краснокаменска я добирался через Читу и Иркутск, на что ушло более двух суток.

Мой рассказ об увиденном и перспектива переезда в Краснокаменск не вызвали особенного энтузиазма у Юлии и сыновей. Но это я бы преодолел. Мое же заявление маме о возможном переезде вызвало неимоверную отрицательную реакцию, слезы и мольбы больной диабетом, одинокой и как-то сникшей, ставшей «меньше» женщины. Я понял, что мой отъезд сократит жизнь мамы, что я не

смогу, не дай Бог, своевременно оказать ей необходимую помощь, находясь за тридевять земель от нее, откуда надо добираться сутками в существовавших тогда условиях, и вынужден был дать телеграфный ответ Покровскому об отказе от перехода на работу к нему. Никакой реакции на мое послание не последовало. Думаю, что мой отказ вызвал определенную обиду, что подтвердилось через год-другой при встрече с Покровским, о которой расскажу несколько дальше.

Маленькое очередное отступление от хронологии. Краснокаменск – это да, тот город и лагерь заключенных в нем, в котором сегодня отбывает наказание один из Российских олигархов Ходорковский, судьбой которого интересуются в эти дни (идет сентябрь 2006 г.) многие граждане большинства развитых стран и о котором сообщается во многих средствах массовой информации. После распада СССР в начале девяностых годов Российская Федерация осталась фактически с одним месторождением и предприятием по добыче и первичной переработки урановых руд. Все остальные остались на территориях Казахстана, Узбекистана, Украины. Краснокаменский комбинат продолжает работать, а в России идут проектные проработки освоения новых месторождений урана в труднодоступных районах Восточной Сибири.

ГЛАВА 12

*Рост объемов продолжается, значимость растет.
Комбинат – Филиал. Филиал – головной институт.
«Застойные» 1976–1985 годы*

Возвратился в режим активной работы ГИПа, стараясь вовлечь в сферу деятельности филиала как можно больше объектов проектирования и увеличения объемов работ. Это вполне соответствовало желаниям руководства филиала, а главное усиленно поощрял расширение доли участия проектировщиков филиала в проектировании объектов Комбината его директор, инженер А. А. Петров, понимая возможности более оперативного решения возникающих технических и организационных помех и сроков выдачи документации, более тесного содружества специалистов связки Навои–Ташкент, чем Навои–Москва.

К описанным в главе 8 работам по ГМЗ-2, к которому еще вернемся, филиал стал разрабатывать проекты не только по поручению головного института в стадии РЧ по отдельным проектам, а самостоятельно в стадиях «Технический проект», «Техно-рабочий проект» и РЧ по реконструкции ГМЗ-1, совершенствованию способ возведения и улучшению экологической обстановки его хвостохранилища, полностью по многочисленным переделам, переустройству технологических схем и аппаратурного обустройства опытного цеха для проведения опытно-промышленных испытаний переработки урановых и золотых руд месторождений Сугралы, Даугызтау, Кокпатас. В частности, нами был разработан проект и рабочие чертежи, по котором осуществилось реконструкция и строительство ряда переделов ГМЗ-1 в связи с необходимостью переработки руд месторождения Сугралы, а именно:

- нового корпуса измельчения с установкой мельниц ММС-70/23 и классификаторов 2КСП-24;
- нового узла предварительного выщелачивания с пачуками объемом 120 м³;
- сгустителей диаметром 50 м.

Выдан и осуществлен проект сооружения и эксплуатации карт №№ 4 и 5 хвостохранилища намывным способом.

В период 1977–80 гг. запроектировали и осуществлено строительство I-й очереди автоматизированной системы управления технологическими процессами ГМЗ-1 (АСУ ТП ГМЗ-1), в составе которого специальное здание заводского диспетчерского пункта (ЗДП) с залом для управляющего вычислительного комплекса (УКВ), состоящего из нескольких комплектов ЭВМ типа АСВТ М-6000, зал с мнемосхемой и пультом начальника смены завода, помещения оперативного и ремонтного персонала УКВ. Эта система была в 1980 году принята государственной комиссией с высокой оценкой качества. Внедрение этой системы значительно снизило число нарушений технологического регламента и дало основание для разработки нами и осуществления второй очереди АСУ ТМ ГМЗ-1, которая также с высокой оценкой была принята государственной комиссией в 1984 году. В процессе внедрения АСУ осваивались новая аппаратура в заводской аналитической лаборатории – АРФ-6, автоматическая пневматическая доставка проб с автоматическим пробоотборником – контрольно-измерительные приборы ИКП-1, дозаторы сорбенты, на нижнем уровне внедрялись регулирующая аппаратура системы «Каскад», решались задачи учета, планирования и отчетности работы отдельных переделов и завода в целом. Институт приступил к разработке «Проекта АСУ ТП ГМЗ-1 на полное развитие» и выдаче рабочих чертежей, по которым на нижнем уровне внедрялись микропроцессорные контролеры серий «Ремиконт» и «Ломиконт».

Инженеры, техники, специалисты производственных отделов, особенно отделов-технологов, участники разработок быстро обогащались опытом, много времени проводили на местах строительства проектируемых объектов, оперативно согласовывали со специалистами практики свои решения, вели авторский надзор и создались деловые взаимоотношения, в силу которых были весьма положительные результаты совместного труда. Много усилий и смекалки в создание перечисленных и других объектов площадки ГМЗ-1 вложили М. Вахмянин, Л. Михайлов, Крымов, А. Мутьев, С. Чернявский, М. Ким, В. Онучак, Ю. Шадрин, Ю. Михайлов и многие другие.

Самое активное участие, вернее все рабочее проектирование стволов №№ 1-1 и «главный», рудничных дворов и камер водоотлива, электроподстанции и др., постоянных подъемных машин на основе выполненного головным институтом «ТЭО геологоразведочный шахты “Мурунтау”» велось в филиале отделом-технологом № 2 и смежными отделами. В дальнейшем, особенно в годы, когда начальником шахты был В. А. Бушевцев, нами были уже самостоятельно запроектированы и успешно осуществлены строительством многие поверхностные объекты (бытовой комбинат, механические мастерские, столовая, материально-технические склады, растворобетонный узел и др.), резко улучшившие условия работ, скорости проходки выработок и увеличение объемов геолого-разведочных работ (бурение скважин из подземных камер) с целью подтверждения запасов золота на глубину и за пределами контура карьера.

Продолжались опережающее рабочее проектирование и выдача документации по обустройству полигонов ПВ на вводимых в работу очередных шахтных полях Сабырсайского предприятия. Начались проработки способов рекультивации поверхности отработанных участков ПВ. В изыскание возможных вариантов включились и научные лаборатории филиала. Проведенными здесь исследованиями под руководством кандидата технических наук Марса Когая был рекомендован ряд мер и, в частности, метод с использованием электроосмоса. Научные рекомендации оперативно превращались в технические решения, на основе которых выдавалась проектная документация. На предприятии началось практическое осуществление первых опытов рекультивации и получены первые положительные результаты.

Из перечисленного далеко не полного списка и характера проектных работ и исследований, развернутых в филиале по НГМК, техническое и организационное руководство которыми было моими обязанностями, понятно, что эффективное осуществление требовало от меня полной отдачи сил, напряжения и добросовестности. Только в таком режиме решительных действий и требовательности к исполнителям проектов и персоналу вспомогательных служб в институте, проведения более половины времени непосредственно на местах практического осуществления проектов, тесного сотрудничества с руководителями и специалистами всех рангов в НГМК и в головном институте давали мне возможность добиваться конечного результата, приятного удовлетворения при виде построенных по нашим проектам зданий, сооружений, производств, коммуникаций и признаний моего авторитета в коллективах.

Каждый мой приезд в подразделения и города, подведомственные НГМК, наряду с решением текущих вопросов, становился ве- хой более глубокого обогащения моих знаний положения дел, пла- нов дальнейшего развития, направлений деятельности всех видов работ и путей их достижения, которые назрели и предлагаются ру- ководителями и специалистами управления комбината, рудоуправ- лений и их подразделений. Рождались первые черновики заданий на проектирование, часть которых получала дальнейшее продолжение, заканчивалось соответствующим утверждением, проектированием и осуществлением строительства. Создалась очень благоприятная связка между специалистами производства и проектировщиками филиала. Этому способствовало мое знание основных производств комбината, стремление максимально учитывать после обсуждения обоснованные предложения производственных специалистов в соз- даваемых проектах и квалифицированно отвергать, не создавая ан- тагонизма, неприемлемые.

Со многими руководителями и специалистами, уже об этом гово- рил, но повторяюсь, сложились не только деловые, но просто това- рищеские, а с некоторыми и дружественные отношения. Об отдель- ных хочу рассказать.

Практически постоянная работа по реконструкции опытного цеха № 1, переделкам технологических схем и их аппаратурного оформления для проведения полупромышленных и промышлен- ных испытаний переработки разновидностей руд действующих рудников Учкудука и Сабырсая и вовлекаемых в переработку Су- гралинских урановых руд, золотоносных руд Даугызтау, Кокпатаса требовала оперативной выдачи рабочих чертежей по протокольным решениям, принимаемым в результате обсуждений с участием спе- циалистов цеха, технологического отдела комбината, научных лабо- раторий ВНИИХТа, специалистов головного института и филиала. Как правило, я был участником таких совещаний вместе с нашими инженерами, и удавалось своевременно выполнять наши обяза- тельства. Мне нравился стиль работы и управления делами начальника Опытного цеха, эрудированного инженера и специалиста с не лег- ким, своеобразным характером Юрия Клавдиевича Бровина. Этот выделяющийся и своей особой внешностью (довольно длинной бо- родой), и устойчивой принципиальностью человек, при обсуждении добивался принятия его предложений, умело организовывал работу инженерного и рабочего персонала цеха, не уменьшая объемов про- изводства, в строительных и монтажных работах реконструкции. Я знал об очень активном участии начальника ОТК комбината

Юрия Клавдиевича Бровина в эпопее получения первых слитков промышленного золота на ГМЗ-2, организации их маркировки и легендарной истории сопровождения первой партии золотых слитков в Москву для сдачи их в Гохран СССР. Мне было очень приятно общаться с ним и его супругой гинекологом МСЧ Людмилой Шалевой, с которыми сложились весьма теплые дружественные отношения, и часто бывал гостем у них дома при командировках в Навои.

Очень мне импонировал начальник хвостового хозяйства ГМЗ-1 В. А. Половинко, специалист и довольно «крутой» хозяйственник. На этом, довольно удаленном от заводского руководства участке серьезнейших работ, связанных с «водными и грязевым» процедурами, возникли неплановые, доморощенные сооружения – навесы, где можно было скрыться от палящего солнца, поиграть в шахматы, небольшие ухоженные плантации помидор, арбузов и дынь и «банька» с предбанником, где можно было попариться после работ на хвостовых картах. Постепенно эта банька после нескольких реконструкций превратилась в квалифицированно выполненную сауну с раздевалкой, комнатой отдыха, отделанную пахнущим деревом и оборудованную простыми столом и стульями, нишами для посуды. В составе небольших групп моих сотрудников я неоднократно приглашался на отдых в «баньку», где мы общались с Виктором Половинко и его мастерами. Со временем мода на «сауны» получила довольно широкое распространение в цехах и производствах, на собственно территории ГМЗ-1 было сооружено отдельное довольно объемное здание, где размещались собственно сауна, хороший зал со снарядами для физических занятий, зал для отдыха и «чаепития». Отделка и меблировка уже с некоторыми «претензиями». Дирекция ГМЗ-2 тоже оборудовала очень уютную, красиво и с большой выдумкой отделанную сауну, где в интерьер комнаты отдыха были вписаны пивные бочки из свежеструганных деревянных элементов, а из предбанника можно было выйти и нырнуть в озеро. Сауна располагалась прямо на склоне берега искусственного озера, созданного вблизи города Зарафшана, проект и рабочие чертежи которого были разработаны нами, под руководством ГИПа В. А. Горбачева, ставшего таковым после ухода В. В. Источникова на работу заместителем начальника ОКСа НГМК. Сауны и «баньки» одна лучше другой заимелись в большинстве подразделений производств и строительных управлений. Думаю, будет правильным сказать, что очень напряженный, многочасовой рабочий день и ответственный труд руководителей и специалистов большинства видов производств комбината требовал определенной разрядки и снятия

стрессовых нагрузок, и одним из таких мест были эти сооружения. Не побоюсь и выразить мысль, что не частые, но имевшиеся мои и моих сослуживцев «тусовки», и чаще всего в таких саунах, с руководителями и специалистами производств очень благоприятно воздействовали на улучшение атмосферы, содружество и достижение желаемых результатов на производстве. Эти общения не приводили к панибратству и никак не уменьшали взаимной требовательности.

Частые встречи для обсуждения вопросов по проектированию и реконструкции переделов ГМЗ-1, в большинстве случаев заканчивающихся приемлемыми решениями для всех сторон, привели к весьма ровным отношениям и взаимным симпатиям с руководителями тех лет – главным инженером, мало и тихо разговаривающим, но очень опытным специалистом Арсением Ивановичем Новоселовым и директором Владимиром Ананьевичем Коваленко, тоже прошедшим большую школу, начиная с рабочих профессий и все ступеньки инженерных должностей на гидрометаллургических производствах ЛГХК и НГМК, с которым в будущем у нас сложились самые дружественные отношения на базе совместных работ.

В годы непрекращающихся работ по реконструкции II и III очередей ГМЗ-2, проектирования и строительства опытно-промышленного блока № 20, блока № 21, блока большой единичной мощности № 22, технологическая схема и оборудование которого стали базовыми для дальнейшего применения как на ГМЗ-2, так и для проектирования будущего ГМЗ-3 в Учкудуке, техно-рабочий проект и рабочие чертежи которого также были разработаны Филиалом, заводом руководили директор А. А. Пешков и главный инженер Н. Т. Долгушин, а начальником цеха измельчения (главный корпус) стал О. А. Михин. Всегда подтянутый, модно одетый, сухощавый, высокого роста Пешков, очень уверенно проводил практически ежедневные диспетчерские совещания по разбору текущих работ, чувствовалась полная осведомленность о положении дел как в действующих производствах, так и на объектах реконструкции и монтажа оборудования. Грамотно анализировал ошибки и просчеты, допущенные персоналом и руководством цехов, Долгушин. Ими давались согласованные между собой указания по организации выполнения очередных работ и ликвидации упущений. Практически постоянное пребывание наших проектировщиков на заводе, выполнявшие на месте необходимые корректировки чертежей или выдачу новых технических решений, активный авторский надзор за исполнением решений, мои частые приезды и участие в решении возникающих вопросов содействовали взаимному уважению и нашему сближению как не только

сослуживцев, а и как товарищей. Мы (филиал) увеличивали объемы работ по проектированию объектов ГМЗ-2. Кроме работ по главному корпусу, стали выдавать чертежи по отделениям сорбции и регенерации, цеху сгущения и реагентов. Филиалу поручили проектирование нового варианта центральной заводской проходной с караульным помещением для дежурной и подменной смен охраны, выполняемой войсковым подразделением ВВ (внутренних войск). Такой проект был выдан и осуществлен. Наши специалисты проектных отделов совершенствовали знания в области применения средств ТСО (технические средства охраны) и начали проектировать реконструкцию существующих средств охраны периметра и новых участков периметра все расширяющейся территории завода. В Советской Стране специализированные КБ разрабатывали, а заводы выпускали все более действенные технические средства охраны и противодействия иностранным разведкам, которые внедрялись на секретных производствах и объектах, такие работы стали необходимыми и обязательными. Филиал начал проектировать отдельные объекты строительства прикарьерной площадки, технологической автобазы карьера Мурунтау и др. Короче говоря, объемы росли и на этом заказе, 127 «З», причем, качество проектов возрастало и нареканий становилось минимум. Запомнились и с большим удовольствием вспоминаю деловые, официальные и неофициальные встречи со многими специалистами, из которых, кроме уже отмеченных, хочется выделить В. Ф. Хлопенко и А. А. Пашкова, В. И. Письменного и В. М. Подшивайлова, В. В. Субботина и А. Ф. Вазагова, В. В. Ефимова и В. Н. Степуру.

Как уже описывал, проектирование во всех стадиях и всех производственных, жилищно-бытовых объектов и коммуникаций на заказе 127 «С» – предприятия Сабырсай (ЮРУ) – стало делом только филиала, а на заказе 127 «Р» – предприятие Учкудука (СРУ) – филиал расширял свою деятельность в проектировании увеличивающихся участков СПВ, продолжая выдачу проектов подземных горных работ рудников I-й очереди, и все городское строительство, включая разработку нового «ТЭО Генплана города Учкудук».

После смены первого руководителя, в управлении комбината продолжилась смена высшего эшелона руководства и главных специалистов. Происходило это по разным причинам, но главным образом, на мой взгляд, потому, что поменялись глобальные задачи многотысячного коллектива. Необходимый дальнейший рост производства, расширение сфер деятельности, мог происходить в первую очередь за счет углубления и улучшения технико-экономических показателей на основе использования новой техники и технологий,

современных средств и условий в организации управления производствами, а не только за счет дальнейшего увеличения капиталовложений и строительства новых производств. Потребовался более глубокий инженерный подход для решения новых задач. Новыми руководителями становились главным образом лучшие из возможных инженерных кадров, прошедших школу большинства иерархических ступенек в Учкудуке, Мурунтау, но привлекались и отдельные специалисты со стороны.

Помните, уже говорил, что главным инженером Комбината в 1973 стал опытный горный инженер, перешедший в комбинат с должности начальника горного отдела Первого главного управления Министерства Иван Иванович Белов. Мне показалось, что, несмотря на свою опытность и эрудицию, Иван Иванович не смог по-настоящему вписаться в сложные дела и обстановку многопрофильного, громадного хозяйства, хотя старался, и поэтому в 1975 г. было принято директором очень правильное решение о назначении заместителем главного инженера по горным работам Леонида Михайловича Демича и заместителем главного инженера по технологии (он же и начальник технологического отдела) Тотраза Дрисовича Гурдзибеева. Демич, первопроходец Учкудука, начавший там с ноля подземные горные работы, первый главный инженер первого (шахтные поля 1 и 2) рудника, ставший затем заместителем главного инженера и главным инженером Учкудукского предприятия. Гурдзибеев, прошел многие должности в системе Минсредмаша, а с 1965 года должности начальника ПТО, главного инженера ГМЗ-1 и директора ГМЗ-2. Как складывались мои взаимоотношения с И. И. Беловым я описал ранее, а с его замами – просто очень тесные, взаимоуважительные, с полным пониманием задач, путей их достижения и товарищеской поддержкой. Житель Москвы И. Белов уходит в 1978 году, почти достигнув 60-летнего возраста, на работу начальником одного из отделов в Московский институт ВНИПИПТ (Всесоюзный научно-исследовательский проектный институт промышленной технологии, бывший ПромНИИпроект), где мы неоднократно встречались и обменивались информацией о делах и житье-бытие. Иван Иванович ушел по собственному желанию, отдав 5 лет напряженного труда, опыта и знаний для продвижения технического прогресса на горных работах карьера Мурунтау, увеличения объемов добычи урановых руд методом СПВ. Есть же такое поверье, хорошо отраженное в анекдоте:

«Политбюро ЦК КПСС собралось на внеочередное заседание для решения важного вопроса – кого первым послать в космос!?

После рассмотрения ряда требований к кандидату, кто-то из членов Бюро заявляет, что это должен быть обязательно москвич. На вопрос – почему? – отвечает:

– Обязательно вернется!»

В моей практике много таких примеров (В. Соколов, Л. Лунев, и др.), но я их не осуждаю, такова жизнь!

Главным инженером комбината по праву и заслуженно становится Л. М. Демич, замечательно «продиржировавший» создавшимся, поддерживаемым и обновляемым инженерным корпусом более 14 лет из 34 лет упорного, тяжелого труда горного инженера, отданных становлению и постоянному развитию очень нужных стране в те времена дел. Этот ниже среднего роста, с очень умным выражением глаз человек, с первых же минут делового разговора показывал полное владение состоянием дел в сложном хозяйстве комбината, компетентность в обсуждаемом вопросе и умело принимал необходимое решение. В то же время обладал чувством юмора, и очень поддерживало это чувство часто произносимое им выражение-паразит «груце фикс!», очевидно подхваченное им во время работы после окончания института на одном из урановых предприятия Чехии (что это значит, я так до сих пор не знаю). Так сложилось, что мы с Леонидом Михайловичем понимали друг друга с полуслова, и очень редко наши мнения по какому-либо вопросу расходились. Ведь в работе нашей бывали не только успехи, а и огорчительные моменты.

Большинству специалистов и руководителей и, в первую очередь, тем, что непосредственно участвовали в освоении и развитии подземных горных работ рудников I-й очереди в Учкудуке, были понятны огромные трудности в осуществлении строительства предусмотренных «Техническим проектом» подземных рудников II-й очереди, где рудные поля находились на глубине 300–500 метров, с увеличивающимся напором подземных вод в глинисто-песчаных породах. Об этом уже свидетельствовали проведенные работы на руднике № 12. Поэтому на основе значительных успехов работ по добыче урана методом СПВ удалось провести опыты и вовлечь в промышленную отработку этим способом ряда залежей, относящихся в шахтному полю 13. Но, несмотря на успешное освоение бурения глубоких скважин, многих технических новшеств в конструкциях и материалах обсадки, создания глубинных насосов для подъема растворов, значительная часть запасов этого шахтного поля, находящихся в весьма глинистых разностях вмещающих пород, оказалась нерентабельной для извлечения. Возникла необходимость списать с

баланса такие запасы. Процедура списания в потери утвержденных в ГКЗ запасов в СССР была очень и очень трудной и не поощряемой. Расчет и обоснование части запасов шахтного поля 13 для списания были произведены геологической службой комбината, такой же расчет был выполнен и геологическими силами горного отдела филиала. После многомесячных прохождений разных обсуждений и экспертиз на разных уровнях, была Министерством назначена комиссия, которая должна была на месте разобраться и дать окончательное заключение. В составе комиссии были представители всех иерархических уровней Министерства, головного института, ВНИИХТа и от филиала в моем лице. Работа комиссии проходила несколько дней, обсуждения велись тяжело, мнения членов комиссии очень разнились, консенсуса не намечалось. Даже уважаемый ГИП по горным работам головного института Л. Х. Мальский больше склонялся к отрицанию списания запасов. Однозначно, с уверенными доводами и упорно выступали за списание расчетных запасов от имени комбината Л. Демич и от имени филиала я. Мы с Демичем вели беседы со многими членами комиссии и вне времени официальной работы комиссии, в которых смогли убедить отдельных в правильности наших выкладок, где имелся немаловажный довод значительного прироста запасов в целом по Учкудукскому месторождению за счет применения СПВ. Только наша с Демичем совместная, дружная позиция смогла переломить ход событий и при окончательном голосовании большинством было принято удовлетворительное решение. Через несколько месяцев запасы были списаны.

Леонид Михайлович скончался в 1999 году в г. Димитровграде Ульяновской области, будучи на пенсии. «Пусть сохранится светлая память о нем в сердцах наших, его близких и друзей!».

Начальник горного отдела П. В. Смирнов становится начальником вновь созданного технического отдела, а горным отделом руководят (не помню в какой последовательности) Бородин, Л. Г. Дмитриев, В. А. Морозов.

Через некоторое время начальником технологического отдела комбината был назначен Г. М. Дмитриев, прошедший хорошую «школу» с 1969 года на ГМЗ-2 в разных должностях, в том числе начальника цехов сорбции и регенерации, готовой продукции, и на должности зам. главного инженера ЦРУ. В отделе трудились опытные руководители групп Л. А. Чмырев, А. В. Симков, тоже проработавшие на разных инженерных должностях на гидрометаллургических заводах комбината. В группы переводились более молодые

кадры специалистов, подготавливаемые к работе на производственных подразделениях. С руководителем и специалистами отдела сложилась у меня деловая и тесная взаимоподдержка. По инициативе Г. Дмитриева, поддержанной Гурдзибеевым и А. Петровым, в короткий срок был нами (филиалом) запроектирован, а затем сооружен в главном корпусе ГМЗ-2 участок попутного извлечения вольфрама, содержащегося в малых концентрациях в исходной золотой руде. С Геннадием Михайловичем я был участником согласования технических условий и характера договора поставки концентрата пятиокиси вольфрама на Чирчикский комбинат жаропрочных материалов. Такие взаимовыгодные поставки осуществлялись почти 10 лет.

Очень важным звеном во взаимодействии проектной организации с заказчиком являлся Отдел капитального строительства, через который обязательно проходили вопросы заключения договоров, экспертиза качества проектов, условия и подписание документов оплаты выполненных проектно-изыскательских работ. После ухода первого начальника ОКСа НГМК Е. М. Маламуда в 1975 году, его сменил П. Г. Улькин, с которым пришлось очень напряженно работать над реконструкцией II и III очередей ГМЗ-2. В отделе трудятся квалифицированные группы сметно-договорная, генплана, кураторовстроек и технического надзора. Улькина сменил ненадолго Г. С. Тылькевич, у него были заместителями М. Ф. Холковский и В. В. Источников (кстати Тылькевич и Источников, перешедшие на работу в комбинат из нашего филиала), а в 1982 году начальником ОКСа стал Б. И. Шварцман, переведенный сюда с должности главного механика комбината, где он проработал более 20 лет, заместителями начальника работают В. Н. Кравец, а с 1982 года и А. В. Рашупкин.

Главным механиком (он же нач. отдела) стал А. И. Кацай, прошедший все ступени от бурового мастера до главного механика рудника на Майли-Сайском предприятии и с 1965 года – заместителя, потом главного механика и зам. директора СевРУ (Учкудук), его заместителем работал Л. Д. Ефанов.

Главным геологом комбината трудился М. И. Минькин, его заместителем Н. В. Александров, который стал заместителем директора комбината по кадрам, начальником планового отдела комбината успешно работал О. А. Янушпольский. Во всех отделах на должностях руководителей групп и ст. инженеров работали стажированные специалисты, прошедшие через работу на производствах Учкудука, Зарафшана. Благодаря частым приездам и моей коммуникабельности, меня знали и очень приветливо принимали

и во всех вспомогательных службах и отделах управления комбината (АХО, материально-технического снабжения, оборудования, режимном и машинописи и др.), мои просьбы выполнялись вне очереди и наилучшим образом. А перечислял я так много фамилий (хотя можно было бы продолжить длинный список) потому, что приятно вспомнить годы совместной и плодотворной с ними работы и подчеркнуть, что подавляющее число перечисленных (и не произнесенных) были мне знакомы по периоду моей работы непосредственно в подразделениях НГМК, знавшие меня чаще как старшего по должности и возрасту, это очень благоприятствовало нашему сотрудничеству, помогало быстрее принятию и продвижению решений, выдаче проектной документации и осуществлению ее реализации.

Росли объемы всех видов работ в филиале № 1, а внутри филиала резко вырос удельный вес проектно-изыскательских и научно-исследовательских работ по НГМК и моя значимость и авторитет.

Продолжались ежегодные осенние приезды министра Е. П. Славского, с ним его замов, других высокопоставленных руководителей главков, проектных и исследовательских институтов. Я вместе с директором филиала был непременным участником всех проводимых при этом мероприятий.

Напомню, что как в управление комбината, так и на все его производственные объекты можно было попасть лишь по специальным пропускам. Каждый трудящийся имел такой пропуск с определенными известными лишь персоналу режимных отделов и сотрудникам охраны знаками-символами, указывающими в какие цеха, помещения, территории и в какое время суток может войти его обладатель. Мне, главному инженеру проектов по НГМК, был выдан специальный пропуск, дающий право посещения всех подведомственных комбинату производств и управлений и в любое время суток, такой пропуск называли «вездеход» и имел его весьма ограниченный контингент руководителей.

Расширившийся характер и увеличивавшийся объем проектных работ в филиале по НГМК потребовал более частых моих поездок в Москву, где по-прежнему было необходимо согласовывать в головном институте основные технические решения в проектах, защищать разработанные проекты в экспертной группе Девятого главного управления, предварительно получив добро у соответствующих специалистов Первого главного управления Минсредмаша. Без заключения экспертизы невозможно было получить документ об утверждении проекта за подписью руководства Министерства.

Как проходили согласования в головном институте я уже описал, добавлю лишь, что каждое такое согласование занимало не менее рабочей недели и, чтобы использовать полностью ее, необходимо было вылетать из Ташкента в воскресный день и из Москвы не ранее следующего воскресенья, а субботу посвятить вечно необходимым покупкам. В отдельных случаях приходилось продлевать с разрешения руководства института пребывание в Москве еще на 2–3 дня следующей недели, чтобы завершить решение всех вопросов. Каждая такая поездка в Москву вызывала во мне приятное чувство – это возможность продвинуть к осуществлению разработанные проекты или дооформить и получить задание на новые работы, а также встретиться с друзьями и товарищами, общение с которыми всегда обогащало и радовало.

Головной проектный институт, думаю не повредит если напомним – Предприятие п/я 1119 – ГСПИ-14 – ПромНИИпроект – ВНИПИПТ – все его наименования, которыми он назывался до и к описываемому времени, располагался в поселке «Москворечье», что на Каширском шоссе, в 2–3 км от станции метро «Каширская», которая в недавнем прошлом была конечной на линии «Сокол-Каширская», и совсем недавно продлена до станций «Орехово-Борисово», а затем до станции «Домодедовская». Огромная огороженная высоким забором территория, внутри которой основной многоэтажный, я бы сказал величественный комплекс зданий на фронтоне главного, выходящего на Каширское шоссе, фасада которого крупная объемная эмблема и под ней цифра «1952», год окончания строительства. Я сказал комплекс потому, что в нем четыре крыла, вместе представляющие замкнутый прямоугольник, а внутри него большой двор, частично озелененный и с различными пристройками, в которых размещаются оборудование систем вентиляции, электроснабжения и других технических нужд. В последующие годы вне комплекса основных зданий были построены еще несколько корпусов разного производственного и бытового назначения и, в частности, четырехэтажный корпус, в котором размещались столовые общественного питания (общего, диетического, кафе), торговые точки продуктами и промышленными товарами и этот корпус был соединен с главным пешеходной галереей на уровне третьего этажа. За основным комплексом, в глубине в противоположную от Каширского шоссе сторону, находились еще целый ряд разноэтажных зданий и сооружений, в которых размещались научно-исследовательские лаборатории, ремонтные мастерские, склады и прочие хозяйственные службы. Фасадная, вдоль тротуара на Каширском

шоссе, ограда территории выполнена высокой, оборудованной всеми необходимыми техническими средствами защиты и охраны средствами металлической литой изгородью, в которую вписывались два одноэтажных здания проходных и въездных ворот с автоматическими средствами открывания. Вдоль шоссе, ближе к метро «Каширская» к территории института примыкала тоже не маленькая площадь территории известного высшего учебного заведения МИФИ (Московский инженерно-физический институт), который наряду с подчинением Министерству высшего образования, являлся детищем нашего ведомства – Минсредмаша. В другую сторону по Каширке располагались разные производственные постройки, затем спортивный стадион, а дальше территория и Управленческое здание номерного завода нашего же ведомства, где директором был Андрющенко и являвшегося градообразующим поселка «Москворечье». Сам поселок, состоящий в основном из четырехэтажных кирпичных зданий, а в более новых районах уже и из 9–12-этажных зданий, располагался на противоположной (справа по ходу движения из Москвы) стороне Каширки. В первых этажах жилых зданий вдоль шоссе и отдельно стоящих зданиях внутриквартальных улиц было много предприятий торговли и бытового обслуживания, подчинявшихся ОРСу от ГлавУРСа.

После такого довольно затяжного географо-градостроительно-го экскурса, вернусь к существу. Описанные институтские здания и сооружения занимали два независимых друг от друга предприятия: основной «хозяин» – научно-исследовательский и экспериментальный институт, который именовался последовательно НИИ-10 – ВНИИХТ и «иждивенец» ВНИПИПТ (ранние наименования уже сообщил). Все громадные площади и помещения были заняты соответствующими трудящимися и довольно плотно. Правда, условия работы были удовлетворительными, если сравнить с теми, какие я видел, посещая некоторые проектные институты, которые выполняли для нас на субподрядных началах специализированные виды проектных работ, в частности, такой известный солидный «Фундаментпроект». Здесь в громадном по площади зале, которому было больше под стать быть театральным, а может еще лучше крытым футбольным полем, размещались почти вплотную друг к другу рабочие столы и чертежные приборы сотен специалистов. В зале стоит «тихий гомон», дышать трудно. Некоторые коллеги отгородились картонными самодельными перегородочками. В нашем же институте довольно просторно. Как я потом узнал был запроектирован и получил утверждение и даже начат строительством комплекс зда-

ний для ВНИПИПТа, но недостаточное финансирование стало причиной того, что строительство не завершилось до перестроечных времен и не состоялось в последствии.

В описываемый период институт был в апогее своего развития и в нем трудились (вместе с филиалами и полевыми изыскательскими подразделениями) около 5 тыс. трудящихся. Вход на территорию через проходную по специальным пропускам. Персонал охраны у турникетов в гражданской одежде, как правило при галстуках, под одеждой чувствуются развитые бицепсы. К какому ведомству относится персонал охраны не знаю, скорее всего к одному из ведомств КГБ.

Значительным по численности, сложным по многообразной тематике и структуре коллективом управляет уже с середины шестидесятых годов Олег Леонидович Кедровский. Этот довольно высокого роста, плотного телосложения, с большим тонкогубым ртом, светлыми, выражающими доброту и обрамленными темными мощными бровями глазами, инженер, прошедший двадцатилетнюю школу работ на производствах, очень умело вписался в новый характер и вид работ. Выдержано, без особого повышения голоса, но «твердой рукой» и целенаправленной энергией, умением работы с кадрами, разумным и очень необходимым лавированием и тонкой «политикой» поведения в верхних эшелонах руководства Министерства, обеспечивал выполнение институтом задач по проектированию, научному обоснованию создания и развития многих крупных комбинатов по добыче и переработке урановых руд, использованию атомных взрывов в мирных целях, экологической защите природы от последствий этих процессов. Загруженность директорской деятельностью не мешали ему заниматься исследовательской работой и защитить кандидатскую, а затем и докторскую диссертации, стать профессором и председателем специализированной ГЭК.

Практически почти в каждый мой приезд в Москву Олег Леонидович по его инициативе обязательно в начале или конце моего срока пребывания выслушивал меня по вопросу целей и задач моего приезда, интересовался положением дел в филиале и давал очень разумные и дельные советы.

У директора были заместители:

Главный инженер института Валерий Петрович Шулика, инженер, кандидат технических наук, ранее прошедший большую школу работ на разных и ответственных должностях на Норильском горно-металлургическом, «Апатит» и «Североникель» комбинатах. Довольно высокого роста, как бы худощавый, но с выделяющимся

брюшком, низкой прической и продолговатым лицом Валерий Петрович вызывал у меня (наверное, не только) какую-то симпатию. Особенно мне нравился его довольно сильный и низкий тембр голоса и манера проведения частых у него совещаний, где он очень внимательно выслушивал докладчика, участников и умело завершал обсуждение своим резюме, в котором определялось окончательное решение, но, зачастую, оставлялась возможность на инициативу подчиненных дорабатывать и изменять их. С Валерием Петровичем, как я уже описывал, я встречался в каждый приезд в Москву, обязательно при его, правда редких, приездах на комбинат, где я его сопровождал. С ним сложились деловые и доверительные отношения. Конечно, с учетом разницы в возрасте отношения не были «равными», но Валерий Петрович на «ты» со мной, а я на «вы» с ним приглашал меня и к себе домой, обращался ко мне за помощью в бытовых делах, например, организации ремонта и приобретения некоторых запчастей в снабженческих и ремонтных организациях НГМК, куда я имел доступ, к его «Волге-Газ-21», которую он старался содержать в идеальном состоянии.

Заместитель по науке Владимир Николаевич Мосинец, доктор технических наук, пришедший в институт уже зрелым ученым, пройдя за три года должности ст. научного сотрудника, начальника лаборатории и научного отдела, стал заместителем директора. У меня с Владимиром Николаевичем было мало контактов, наверное, потому, что он больше конкретно и успешно занимался руководством и участием в разработке проблем открытых горных работ, особенно карьера Мурунтау, где участие специалистов филиала было минимальным.

У главного инженера было много заместителей, число которых росло по мере увеличивающегося объема и расширяющегося характера работ, с каждым из них мне приходилось в большей, или меньшей степени общаться по вопросам обсуждения и согласования соответствующих их профилю проектных решений. С каждым из них были нормальные деловые отношения, чему способствовало, думаю, и моя коммуникабельность.

Старейшим и по стажу, и по возрасту был зам. главного инженера Василий Васильевич Орлов, лопоухий, с большой лысиной, улыбающийся человек, специалист-технолог. Но его роль как-то не очень выделялась, думаю потому, что технологом был сам главный инженер Шулика.

Солидный, очень серьезный на вид, круглолицый заместитель главного инженера по строительному проектированию Виктор Фе-

дорович Маслов, о котором отзывались как о крупном специалисте и непререкаемом авторитете инженера-строителя, каким он, наверное, и был, не вызывал у меня симпатии. С ним мне не приходилось особенно сталкиваться, потому что все вопросы согласовывались по его поручению с главными специалистами строительного (№ 5) отдела и его начальником Евгением Корнеевым, очень грамотным, опытным инженером-строителем и приятным человеком. Забегая вперед, расскажу, что с большим удовольствием вспоминаю общение с ним (Корнеевым) во время работы в комиссиях от нашего Министерства по обследованию на месте результатов Газлийских землетрясений и выработке мер по пересмотру сейсморайонирования, выбору строительных конструкций и их элементов в дальнейшем проектировании объектов НГМК, размещающихся в этой зоне.

Заместитель главного инженера по горным работам Леонид Григорьевич Подоляко, сменивший ушедшего на пенсию В. Г. Вишнякова, С последним довольно часто встречался на лестничной клетке или у подъезда, где была гостиница и этажом выше жил Василий Григорьевич, каждый раз интересовавшийся делами в филиале и моими личными. Было очень жалко видеть и смотреть на похудевшего, ставшего как-то меньшим, с тоской в глазах, некогда энергичного волевого руководителя, тоскующего по деятельности человека. Весь его облик свидетельствовал и о очевидном недостатке средств к существованию, особенно в годы перестроечные. С молодым (по сравнению с предшественником) Л. Подоляко я был знаком по его работе главным специалистом, начальником горного отдела (№ 2) и мне было очень легко находить общий язык и решать возникающие вопросы.

Заместитель главного инженера по технологии Юрий Николаевич Щеглов, ставший таковым в 1980 г., сменив В. В. Орлова, как помните, после работы в НГМК, в филиале ВНИПИПТа в Желтых Водах, по-прежнему серьезный, мало улыбающийся, но всегда доброжелательно относящийся ко мне и делам комбинатским, скрупулезно входил в докладываемые ему вопросы, быстро соображал, находил ошибки или недостаточно обоснованные решения и подсказывал пути их преодоления. Мы часто оставались один на один у него в кабинете и делились информацией на разные темы.

Заместитель главного инженера по организации проектирования Владимир Леонидович Шмонин, на сколько помню, бывший начальник технического отдела, среднего роста, густоволосый, всегда облаченный в «заграничные» одежды, указывающие на достаток выше среднего, в больших очках, делающих их владельца похожим

на профессорско-преподавательский статус, не вызывал у меня симпатий. Собственно, дел общих у нас не было, но встречался я с ним несколько раз, в основном вне рабочего времени, на «мальчишниках», организуемых во время моего пребывания в Москве.

Заместитель главного инженера по предпроектным работам Дмитрий Егорович Бугримов, инженер-конструктор, бывший секретарь парткома института, среднего роста, плотный, несколько рано поседевший, эмоционально и жестикулируя выражавший свои рассуждения и мысли, пересыпая их прибаутками, за которыми скрывался смысленный и очень добрый характер, человек. С ним у нас сложились очень дружественные и близкие отношения, о которых расскажу особо.

Из прежних моих книг читатель знает, что связь и посещения с Московским институтом ВНИПИПТ у меня начались уже давно, еще в середине пятидесятых годов, когда я работал в Янгибадском рудоправлении ЛГХК. Тогда, будучи активным участником проведения испытаний и внедрения систем разработки с обрушением выработанного пространства на подземных горных работах, я познакомился со ст. научным сотрудником института Дмитрием Федоровичем Ревским. Этот старший меня по возрасту на восемь лет, участник Второй мировой войны, горный инженер, по многу месяцев безвыездно проводящий свои работы в глубинке со рвением, умело убеждая скептиков в успехе дела, прекрасный рассказчик и собеседник, очень мне понравился. Он стал одним из первых мне товарищем из институтской среды. В одной из первых командировок в Москву, в институт в те годы, он познакомил меня со своей семьей, супругой и больной матерью. Именно у них мне довелось, не помню по какой причине, впервые в Москворечье переночевать, хотя квартирные условия мало к этому располагали, но та доброжелательность и простота, с которой мне сделали предложение остаться, не вызвали сомнений в их искренности. Наша дружба продолжилась и в дальнейшем, когда Дмитрий стал начальником лаборатории, начальником научного отдела и очень активно работал над обоснованием проектирования и внедрением в практику систем разработки и новой техники добычи на рудниках Учкудука и Сабырсая. Д. Ревский, сотрудники его лаборатории и отдела Валерий Смагин, А. Кузнецов и др. вместе с конструкторами и проектировщиками, при энергичной поддержке ГИПа по горным вопросам Л. Мальского создали первые образцы и работу по его дальнейшему усовершенствованию добычного комплекса КМ-70. К сожалению, в постперестроечные годы наша товарищеская связь с Дмитрием Федоровичем как-то снизилась.

Понятно, что ко времени описываемых лет я был знаком с очень многими специалистами проектных, научных отделов института, с которыми много контактировал как главный инженер Учкудукского рудоуправления, как заместитель начальника горного отдела НГМК, как директор Сабырсайского рудоуправления. Может быть нет необходимости, но напомним о старших товарищах Э. Т. Оганезове, который ушел на пенсию по болезни в 1988 г., Л. Х. Мальском, ушедшем на пенсию в 1979 г., а заместителем ГИПа по горным работам стал Григорий Иванович Батурин, сменивший затем Эдуарда Тиграновича, став ГИПом по НГМК. Заместителем ГИПа по технологии стал Анатолий Александрович Мираков, сменивший В. О. Серко, который был переведен на такую же должность на другой заказ. И с Г. Батуриным, и с А. Мираковым, грамотным, выдержанным специалистом и прекрасным товарищем, были самые благожелательные отношения, а с последним наша дружба продолжилась и после перехода его на работу заместителем начальника (Г. И. Шведова) технологического отдела Первого главного управления Министерства. Мы встречались и на комбинате, и в Москве по делам и в неурочное время, и в доме Мираковых, о чем у меня остались самые приятные воспоминания.

На базе многочисленных контактов по созданию и внедрению очень важных для уникальных по горно-техническим условиям месторождений Учкудукского типа средств механизации и безопасной проходки капитальных и горно-подготовительных выработок у меня, в те годы главного инженера Учкудукского рудоуправления, а затем и директора Сабырсайского рудоуправления, сложились весьма деловые и взаимно товарищеские отношения с уникальным, на мой взгляд, умнейшим человеком, трудоголиком, преданным до фанатизма своим идеям и их осуществлению, Геннадием Трофимовичем Шираем и одним, не менее преданным этим идеям сотрудником научной лаборатории Юрием Викторовичем Литинским. Исследователи и конструкторы этой лаборатории под руководством Ширая разработали, добились изготовления и принимали прямое участие во внедрении уникальных конструкций проходческих щитов ПЩ-3.6 и МПЩ-3.7, которые позволили отказаться от проходки горизонтальных и наклонных капитальных горных выработок на рудниках Учкудука щитами ПЩ-3.2, диаметр которых совершенно не соответствовал требованиям действующих правил безопасности. Подробности описаны во второй моей книге. Коллективом этой же лаборатории и отдела были созданы, неоднократно реконструированы, и с их помощью внедрены в практику вертикальные щиты для

проходки стволов через обводненные глинисто – песчаные породы с предварительным снятием напоров. Таким способом были пройдены соответствующие участки стволов рудника № 12 в Учкудуке, ствола № 2 пл. рудника № 2 в Сабырсае и нескольких глубоких (около 500 метров) стволов двух рудников тоже уникального уранового месторождения Сугралы. К сожалению, здоровье Геннадия Ширая было подорвано неизлечимой формой рака и, несмотря на лечение его во вновь построенном и созданном в районе «Каширки» противораковом Центре («Раковый корпус»), где его пытались лечить, и где мы его при каждой возможности посещали, он ушел из жизни. Юрий Литинский стал в дальнейшем начальником лаборатории, кандидатом технических наук, участником работ по сооружению вертикальных стволов на Сугралинском предприятии методом бурения установками РТБ. Научились и прошли этим механизированным безлюдным способом ряд вентиляционных скважин диаметром 1,2 метра, а главным достижением стало сооружение нескольких стволов диаметром 3,6 м со сталебетонной крепью, глубиной 450–520 метров, пригодных для оборудования клетьевым подъемом. За эту разработку и осуществление группа ее создателей, в том числе Ю. В. Литинский, директор Сугралинского рудоуправления Ю. М. Рыскинд, начальник горного отдела НГМК В. А. Морозов, были отмечены Премией Совмина СССР за 1984 год.

С Юрием Литинским, коренастым, с крупной головой, покрытой низкими рыжими волосами при довольно больших залысинах, широким лицом и мало заметными бровями, но явно умным выражением глаз, кстати, очень неплохим поэтом, наша дружба продолжалась до самого моего отъезда в Израиль. Через него состоялось мое сближение с Дмитрием Бугримовым, с которым Юрий дружил. В каждом мальчишнике, устраиваемом мною в гостинице, обязательными участниками были эти мои друзья. Юрий познакомил меня со своей семьей, очень спокойной, выдержанной, симпатичной Лорой и сыном. Я довольно часто бывал у них в гостях. С Юрой мы встречались и на объектах НГМК, когда совпадали по времени наши командировки, а иногда он летал через Ташкент и мы обязательно встречались, обменивались информацией и деловой, и семейной. Однажды, при очередном посещении его квартиры, Юрий рассказал мне и продемонстрировал интересные бумаги. Известно, что в те годы, да и во все годы Советской действительности, был большой дефицит в снабжении населения товарами народного потребления, в том числе все увеличивающимся спросом на легковые автомобили, запасными частями для них. В районе Южного порта, в

большом специально выстроенном здании был магазин по продаже запасных частей и деталей для автомобилей «Москвич» и «Волга», в центральной части первого этажа которого на вращающемся зеркальном пьедестале экспонировались блестящие новизной и редко встречающейся на дорогах расцветкой самые последние модели этих марок. Мы часто с Юрой заезжали в этот комплекс. Несколько поодаль от магазина на свободной площади организовался стихийный рынок торговли подержанными автомобилями и запчастями с рук, где промышляли многочисленные «барыги». Несколько позже в этом районе был организован магазин по обезличенной продаже автомобилей, сдаваемых населением на комиссию. Семья Литинских решила сменить эксплуатируемый автомобиль на ГАЗ-24, но шансов на приобретение через руководство и профком института было очень мало. Поэтому супруга Юрия стала на очередь в комисионный магазин, где регулярно было необходимо перерегистрироваться. Медленно, но очередь подошла и с помощью известных «манипуляций» им достался лучший экземпляр «Волги» ГАЗ-24, черного цвета, прошедший несколько первых десятков тысяч километров, в прекрасном техническом состоянии. При первой же тщательной мойке автомобиля, в «бардачке» обнаружили некоторые бумаги, случайно оставшиеся от бывших владельцев. Оказалось, что автомобиль принадлежал семье известных всему миру фигуристам на льду, многократным чемпионам мира и Олимпийских игр Ирине Родниной и Александру Зайцеву, что следовало из двух накладных (каждой персоне), по которым они получили бесплатную экипировку перед поездкой на Олимпийские игры. Самое удивительное для нас, обывателей, стало то, что членам олимпийской делегации выдавались от дубленок, костюмов разных назначений до шапочек, перчаток и обуви, от нескольких пар нижнего белья до носок и бюстгалтеров (для нее), и все это в основном импортного производства и наивысшего качества, судя по ценам, указанным по каждому предмету. Общая сумма стоимости экипировки одного олимпийца зашкаливала за разумную по нашим понятиям. И в этом чувствовалась показуха и бравирование, присущие Советскому высшему руководству, на фоне все возрастающего ухудшения снабжения населения.

Не менее близкими стали отношения и с Дмитрием Бугримовым, теплоту и бескорыстие которого так и выражали его глаза и манера общения, готовность помочь при необходимости всеми располагающими им средствами. Мы с ним были совершенно независимы по работе друг от друга, хотя он был заместителем главного инженера

института, потому что его вид деятельности не имел прямого отношения к моим проектным делам. Во время нашего знакомства Митя переживал бракоразводный процесс с первой женой, и мы сопереживали ему. Но через какое-то время, он сошелся в очень симпатичной, если не сказать красивой, небольшого роста, с кругленькой фигуркой и добрейшей души женщиной по имени Нина. Их (вернее, принадлежащая Нине) очень уютная небольшая квартирка на третьем этаже престижного кооперативного дома, что располагается прямо за углом большого по этажности и длине строения на Ленинградском проспекте, в первом этаже которого два вход-выхода в метро «Аэропорт», стала местом гармоничного обитания двух добрых влюбленных человека. Нина работала страховым агентом, но была прекрасным модельером и обшивала определенный круг женщин, жен или самостоятельно достигших известности в разных областях деятельности, часть из которых тоже жили в этом же доме. Замечательная хозяйка, умеющая быстро приготавливать вкусные яства, гостеприимная в любое время суток, умело поддерживающая компанию, веселая и поющая, Нина стала нашим кумиром. Очень часто я бывал гостем в этом доме самостоятельно, вместе с Литинским, другими друзьями и товарищами, в частности с Александром Лукьяновым, руководившим в это время научно-исследовательской лабораторией открытых горных работ и ставшего в последствии доктором технических наук, профессором, членом Академии горных наук Российской Федерации, и другими. Нина познакомилась заочно с Юлией (моей женой), и они обменивались через меня подарками.

Стали тесными отношения и с Георгием Батуриным, занявшим должность заместителя ГИПа после Л. Мальского, и со Леонидом Скрипкой, ставшим заместителем ГИПа по технологии после ухода А. Миракова на работу в Первое главное управление, Николай Васильевичем Крючковым, прошедшего все должности от инженера до начальника горного отдела института.

Таким образом, каждая моя поездка в Москву была насыщена деловыми вопросами, решаемыми в рабочее время, и многими встречами с друзьями и товарищами, перечисленными и не отмеченными здесь, а также моими друзьями юности, о которых писал ранее, в нерабочее время.

Мои частые приезды, посещения рабочих мест в проектных отделах, приемных руководителей, где приходилось обсуждать производственные дела и неизбежно возникающие бытовые вопросы и неурядицы, сделали меня «приятным собеседником» многих рядо-

вых сотрудников и сотрудниц, очень развитого «института секретарей» (у первых лиц института, в каждом отделе, у каждой группы ГИПов) и нас (меня и приезжавших со мной специалистов) очень радушно принимали, угощали чаем и «чем Бог послал», естественно и мы не «падали лицом в грязь». Однажды сотрудники отдела № 3 отдали нам два билета на концерт уже популярнейшей «звезды» эстрады Аллы Пугачевой, который должен был состояться во Дворце культуры «Москворечье», прекрасной архитектуры здание которого было возведено почти напротив территории Института. Билеты на концерт распределялись профкомом Института по подразделениям и отделам как остродефицитный товар. Несмотря на это большинство сотрудников отдела согласилось не разыгрывать их кому достанется, а отдать Леониду Борисовичу и Александру Иосифовичу Борисюку, гостям. Концерт действительно был очень интересным, насыщенным не только пением, а и частыми обращениями Аллы Борисовны к зрителям с рассказами о своей жизни и карьере, она отзывалась на многочисленные «бис». Помогал ей делать передышки своим выступлением сопровождавший ее поэт и исполнитель Илья Резник, а зал был битком наполнен зрителями, занимавшими места и на лестничных проходах. С этих пор я стал понимать, признавать талант Пугачевой, который до этого недооценивал и старался не смотреть по телевизору.

ГЛАВА 13

Продолжим о «застойных годах». А. А. Петров

В каждый мой приезд в Навои я встречался с Анатолием Анатолиевичем Петровым, если он был не в отъезде. Он всегда находил время принять меня, расспросить о делах производственных и семейных. Беседы всегда были доверительными. Если по ходу нашей встречи с его разрешения заходил в кабинет кто-то из руководителей отделов или его замов, Анатолий Анатолиевич обсуждал любой вопрос независимо от его степени секретности, часто, при ответах собеседнику на тот, или иной вопрос, спрашивал меня:

– Правильно, Леонид Борисович? – на которые я отвечал положительно, или уточнял свое мнение.

Во всем чувствовалось его отношение ко мне как к компетентному сотруднику и товарищу. Зачастую он приглашал меня после окончания рабочего дня, вернее окончания его рабочего времени, не совпадающего с официальным, к себе домой. Людмила Ильинична, супруга Петрова, тоже принимала меня очень просто, как очень близкого товарища еще со времен жизни и работы в Учкудуке. К этому времени семья жила уже во вновь построенном деревянном двухквартирном коттедже, ряд которых был сооружен по противоположной от существующих каменных коттеджей стороне улицы им. Шевченко. Во второй половине коттеджа жила семья Т. Д. Гурдзибеева. Квартира была просторная, Анатолий Анатолиевич оборудовал хорошо и со вкусом обставленный кабинет. Здесь красовались и сувениры, которые дарили ему или приобретенные им, особенно клинки, необычные ножи, которые очень ему нравились. Людмила Ильинична собирала разных размеров оригинальные фарфоровые чайники и уже довольно солидная коллекция была размещена на поверхности стоящих и подвесных кухонных шка-

фов. За простым и вкусно приготовленным ужином, как правило, шел разговор о семейных, бытовых и общенародных делах, не касаясь производственных. К полуночи меня отвозил сам Анатолий Анатолиевич на своем автомобиле, или он вызывал автомобиль от дежурного диспетчера управления комбината.

Если мой приезд совпадал с намерением Петрова посетить подведомственные предприятия, то он приглашал меня поехать с ним. Чаще это происходила с поездкой в Зарафшан, а иногда после него и в Учкудук. В таких случаях я участвовал во всех проводимых им совещаниях, обходах производственных подразделений, отчетах руководителей и т. п. Этот очень помогало мне узнавать узкие места, заботы и предлагаемые направления по их преодолению. По ходу этих совещаний Анатолий Анатольевич довольно часто обращался ко мне с просьбой высказать мнение и оценку событий, что я делал и не всегда ему в тон. Тем не менее участники таких совещаний понимали, что Анатолий Анатольевич считает меня серьезным специалистом и советчиком, что поднимало мой авторитет. В одной из таких поездок возник вопрос необходимости строительства очень серьезного объекта, не входящего в проект золотоизвлекательного комплекса «Мурунтау».

Одним из важных химических компонентов в процессе извлечения золота из руд является вещество с весьма ядовитыми свойствами – цианистый натр. Наверное, все мало-мальски сведущие люди, читавшие всякие шпионские и уголовные детективы, знают о страшном яде, цианистом калии, который приводит к мгновенной смерти при раскусывании ампулки. И хотя цианистый натр менее опасен, но работа с ним требует многих особых мер предохранения. В производственном процессе употребляется 20% раствор цианистого натрия. По проекту и на практике таким раствором золотоизвлекательный завод снабжался объединением «Навоiazот» Минхимпрома, строительство которого в свое время было выполнено строительными и монтажным организациями Минсредмаша. Но, по разным причинам, да и производство цианистого натра не было в главной номенклатуре производимых химвеществ для «Навоiazота», регулярность поставок (в ж.д. цистернах) стала нарушаться, иногда приостанавливалась на неопределенный срок. Естественно это нарушало ритм работы всего золотоизвлекательного комплекса, снижало выполнение планов выпуска конечной продукции – валютного золота 99.99, четыре девятки. На заводе уже был небольшой расходный склад кристаллического цианистого натрия, поставляемого промышленностью, но его емкость и условия хранения не

удовлетворяли потребностей при остановке поставок жидкого компонента. Анатолий Анатолиевич предлагает мне заняться организацией выбора места и проектирования базисного склада цианистого натрия, удовлетворяющего по емкости потребности завода без поставок из «Навоизот».

Нами совместно со специалистами технологического отдела комбината было составлено «Задание на проектирование», в котором была обоснована необходимость строительства склада и которое прошло все необходимые инстанции утверждения. Процесс же проектирования оказался весьма сложным. Требования к проектированию и эксплуатации производств ядовитых материалов предусмотрены в специальных «Правилах обращения со СДЯВ» (сильно действующими ядовитыми веществами). В филиале института не было опыта и аналога проектирования подобного производства, а при подробном изучении указанных правил каких-либо требований конкретно по цианистому натрию не оказалось. Среди сотрудников технологического отдела возникла тенденция передачи проектирования этого ответственного объекта специализированной проектной организации, поиском которой должен был заняться я, ГИП. Такой вариант привел бы к срыву намеченного срока выдачи проекта и не выполнению просьбы руководства комбината, что совсем меня не устраивало. Принял решение проектировать у нас. Пригласил к себе одного из сотрудников группы подсобных (склады, мехмастерские и пр.) объектов в составе отдела № 3 (технологического) инженера Алексея Николаева, кстати, сына главного инженера института, и, объяснив ему задачу и ответственность, просил взять на себя обязанность быть основным технологом проекта необычного склада, изучить проблему по имеющейся литературе и выездами на предприятия по производству цианистого натрия в любые точки СССР. Молодой, энергичный Николаев дал такое согласие. Оказалось, что в Советском Союзе кристаллический цианистый натр производят и поставляют на двух заводах – в г. Рустави и второй в одном из городов Европейского севера Страны (не помню названия). По приезду из Рустави, Николаев доложил собранные весьма скудные материалы и рассказал об увиденном на заводе безалаберном отношении и обращении с ядовитыми материалами, полном пренебрежении к элементарным даже требованиям «Правил безопасности...». Несколько больше, но по-прежнему недостаточно, знаний было получено с поездкой на второй завод. Проектирование шло под неусыпным моим контролем, специалисты смежных отделов, при каждом обсуждении выдаваемых им заданий на выпол-

нение соответствующей части проекта, задавали вопросы, которые ставили в тупик и мне приходилось их решать волевым порядком, беря на себя ответственность. Не вдаваясь в технические подробности, скажу, что благодаря упорному и инициативному творчеству основных исполнителей – инженера А. Николаева, ст. инженера С. Чернявского, нач. группы В. Крымова – постоянному нажиму, контролю с моей стороны и выполнению смежными отделами под этим нажимом принимаемых решений, был выполнен, прошел все стадии экспертиз и утвержден «Техно-рабочий проект строительства I очереди базисного склада цианистого натра». Благодаря же заинтересованности и личному контролю за исполнением со стороны Петрова, проект в короткий срок был осуществлен. На Бесопане, примерно на середине между площадками «Прикарьерной» и ГМЗ-2, построены два складских помещения емкостью по 500 т каждая для хранения цианистого натра в металлических, герметических барабанах в несколько этажей на разработанных проектом поддонах. К складу подведена ж.д. ветка, территория ограждена глухим забором с необходимыми техническими средствами охраны, прискладские разгрузочные с соответствующими пандусами площадки на уровне пола ж.д. вагонов, что обеспечивало полную механизацию разгрузочных работ автопогрузчиками. Складские помещения оборудованы мощными средствами принудительной вентиляции, спецсредствами пожаротушения, специальными устройствами сбора и удаления аварийных просыпей. Предусмотрены и все необходимые помещения для подсобных работ и персонала. После небольшого срока эксплуатации и получения весьма удовлетворительных результатов, запроектировали и построили II-ю очередь, емкостью еще на 1000 т. Базисный склад эксплуатировался без каких-либо ЧП до моего отъезда (1995 г.) и, насколько мне известно, до настоящего времени.

Переход на применение кристаллического (сухого) цианистого натрия поставил перед эксплуатационниками и проектировщиками новую задачу – механизировать процесс вскрытия барабанов и возможность прикосновения персонала с опасным ядовитым материалом. До сих пор вскрытие металлических барабанов производится вручную с помощью топора и кувалды. Эту опасную операцию производят в основном молодые люди из состава солдат военно-строительного подразделения, хотя использование военных строителей на эксплуатационных работах запрещается. Такие отступления, однако были практически всегда с молчаливого согласия командиров, заинтересованных в большем заработке солдат, а больше заработать

легче на работах в заводских цехах, чем на стройках. Оформив задание на проектирование и заключив специальный договор, организовал работу по созданию нестандартизированной установке по раскрытию барабанов и растворению кристаллического цианистого натрия. В отделе № 3 (технологическом) трудился очень инициативный, увлекающийся, имеющий весьма оригинальные конструктивно-объемные воображения (иногда фантастические), но упорно доводящий до логического конца свои разработки инженер-механик Семен (Соломон) Чернявский. Ему то и поручил разработать концепцию такой установки и соответствующее задание специалистам отдела № 16 (конструкторского). После многочисленных вариантов проработок специалисты-конструкторы под руководством начальника отдела В. Садчикова создали основной агрегат установки, который не вскрывал барабан, а несколькими вертикальными вращающимися «ножами-сверлами» проделывал отверстия в одном из днищ установленного на станок барабана и через вставленные внутри «сверл» трубки в барабан подавалась под давлением вода, растворяющая кристаллический цианистый натр. Раствор собирается в установленную ниже емкость. Такой станок был изготовлен на РМЗ комбината и после некоторых доработок нашими конструкторами получил одобрение. С. Чернявский разработал всю систему подачи барабана к станку растворения (ленточные и пластинчатые транспортеры с направляющими), подача опорожненного барабана на пресс, где он (барабан) превращался в «лепешку». Таким образом была создана установка по растариванию, растворению цианистого натрия и утилизации тары практически без прикосновения человека. После выполнения этого проекта в «железе» и монтажа в натуре, выявилось ряд сбоев, нестыковок, необходимо было что-то дорабатывать, менять. Так бывает всегда при новых оригинальных разработках. Но, персонал цеха и дирекция завода (директором стал В. С. Евдокимов, главным инженером В. Н. – Степура) не приложили необходимой настойчивости, пошли по линии создания «своих» вариантов решения проблемы, в результате растаривание барабанов продолжалось «старым способом». Поистине оправдалась поговорка: «Хочешь загубить дело – выдвини второй вариант».

Однажды, перед отправкой в поездку в Зарафшан с А. А. Петровым, мы заехали в гостиницу и забрали с собой незнакомого мне гражданина. Петров нас не представил. Всю дорогу шли разговоры на отвлеченные темы, Петров пересаживался за руль автомобиля, демонстрировал прекрасное умения водить автомобиль, он любил эту технику. Заехали на Бесапан, зашли в контору ЦРУ, где директор

В. Сигедин и главный инженер Н. Кучерский доложили о текущей обстановке, прошли на ГМЗ-2, посетили главный корпус, побывали и в цехе готовой продукции, где гостю продемонстрировали готовые слитки золота. Распрощались и отправились в дальнейший путь, в г. Зарафшан, но миновав его, проехали прямо на Сугралинское рудоуправление, в бытовой комбинат, где размещалось руководство. В кабинете директора было организовано непродолжительное совещание с участием руководителей и нескольких главных специалистов рудоуправления, на котором А. Петров представил нового директора Восточного рудоуправления – Юрия Моисеевича Рыскинда. Так я познакомился с этим москвичом, незаурядным инженером и организатором производства. Он был самым продолжительным по времени директором ВРУ из двенадцати предыдущих, при нем коллектив предприятия прошел самый высокий уровень развития, окончательно освоились техника добычи руд, проходки выработок, освоились способы и техника бурения вертикальных стволов. Он был одним из отмеченных премией Совмина СССР.

В одном из очередных приездов в Навои и встрече с Анатолием Анатолиевичем в его кабинете, он улыбаясь задает мне вопрос:

– Твой директор имеет звание «Заслуженного...»? – Отвечаю:

– Нет!

– Вот смотри в этом представлении есть твоя фамилия.

Показывает список представляемых работников НГМК к присвоению званий «Заслуженных (строителей, инженеров, работников) УзССР» и добавляет:

– Передай Суворову, что и он будет иметь такое звание в недалеком будущем.

По приезду восвояси, я передал просьбу А. Петрова Афанасию Суворову. Мне стало известно, что в институт поступило представление, которое должен был завизировать мой директор, что он и сделал. Так я стал первым в истории филиала № 1 ВНИПИПТа сотрудником, получившим почетное звание «Заслуженный инженер УзССР». В этом же, 1982 году, такое звание вторым получил директор Филиала Афанасий Павлович Суворов в связи с 60-летним его юбилеем.

В 1982 году была образована Навоийская область в составе Узбекистана. Председателем оргкомиссии, а затем и первым секретарем Навоийского обкома КП УзССР стал Василий Павлович Есин.

В конце лета этого года Анатолий Анатолиевич Петров созвонился со мной по телефону и попросил прибыть в Навои вместе с архитектором. Мы явились, Анатолий Анатольевич говорит, что

нас хочет видеть В. Есин и позвонил последнему. Есин пригласил нас сейчас же. Идем в Обком, нас сразу проводят в кабинет первого. Перед нами среднего роста, довольно полноватый, на мой взгляд, ничем не приметный мужчина, поднявшийся нам на встречу с широкой улыбкой. Я представился и назвал моего спутника, а это был архитектор, ГИП по объектам городского и поселкового строительства филиала Владимир Александрович Горбачев, заменивший ушедшего в ОКС комбината В. Источникова. Сообщу, что А. Петров со времени как я стал ГИПом, считал меня таковым и по проектам городского строительства, не признавая филиальскую структуру, и обращался ко мне по возникающим вопросам и этой области деятельности, а я не считал возможным отмежевываться от них и всегда доводил их решения в филиале до необходимого уровня. Расспросив нас о самочувствии и других общепринятых при первом знакомстве делах, Есин изложил нам, как-то доверительно, обстоятельства и причины, побудившие его обратиться к нам. А настоятельная просьба заключалась в очень серьезном деле, суть которого изложу довольно подробно. Примерно через 2–2,5 месяца Навоийскую область должен посетить первый секретарь ЦК КП Узбекистана Шараф Рашидович Рашидов. Чтобы его принять на нужном уровне, необходимо построить соответствующую резиденцию, подобную тем, что имеются во всех областных городах республики. При этом необходимо иметь и ж.д. подъезд к резиденции, потому что (цитата): «Шараф Рашидович любит передвигаться в спецпоезде». Он, Есин, просит нас выбрать место привязки этого важного объекта так, чтобы он был не на виду и в зеленой зоне, выполнить проект строительства в необычной архитектурной форме, с улучшенной отделкой просторных и удобных номеров, используя лучшие строительные и отделочные материалы, сантехническое оборудование и т. д.

– А в какие сроки это необходимо? – спрашиваю я.

– 1,5–2 месяца! – слышим в ответ.

– Так это невозможно!! – восклицает Горбачев.

– А с кем заключать договор на эту работу и как будет называться объект? – спрашиваю я.

– С А. А. Петровым. Название решите сами. Очень прошу Вас выполнить проект и после этого просите у меня все что хотите! – На этом и расстались с секретарем обкома.

Пришел к Анатолию Анатолиевичу, рассказал о поставленной нам задаче, почти невыполнимости ее в поставленный срок и прочих сложностях. Петров несколько помолчал и сказал мне:

– Надо, Леонид, работать. Требование придется выполнять. Иди, свяжись с В. В. Уласевичем (зам. по КС), Б. Шварцманом (нач. ОКСа) и А. Рашупкиным (зам. нач. ОКСа) и решайте все вопросы.

Обсудили с руководством ОКСа и решили назвать объект «Филиал № 2 гостиницы “Навой”», создали комиссию по выбору площадки строительства. Выехали на предполагаемое место строительства – это в юго-восточной зеленой защитной полосе на границе городской черты. Здесь проходит объездная автодорога, соединяющая автомагистраль от железнодорожной станции к зонам строительной индустрии и промышленной, к прирельсовой базе УРСа и в двухстах–трехстах метрах есть ж.д. ветка, к которой можно с соответствующим развитием примкнуть необходимым ответвлением.

Вернулись в Ташкент, и я доложил требование и пожелания партийного руководства области и комбината директору Афанасию Павловичу Суворову, который понимая всю серьезность и сложность выполнения, согласился с моими предложениями, а именно, срочно составить единый договор на изыскательские и проектные работы, создать рабочую бригаду на выполнение этих работ с выездом на место, не ожидая подписания договора с заказчиком. Я подготовил соответствующий приказ и взял весь ход работ под контроль. Пока шли инженерно-геологические изыскания, материалы которых уже в черновом виде выдавались проектировщикам, в архитектурно-строительном и смежных отделах проработали утверждаемую часть проекта, а отделом № 14 (генплан и транспорт) выдавались заказчику (комбинату) по частям рабочие чертежи подъездных к площадке строительства ж.д. ветки и автоподъезда. Заместитель директора НГМК по КС Владислав Валентинович Уласевич, руководство ОКСа организовали осуществление строительства по «горячим» рабочим чертежам, специально доставляемым из Ташкента или выполняемым на месте нашими исполнителями. Словом, работа по созданию объекта «особой важности» развернулась всеми участниками во всю возможную силу в три смены.

В созданном проекте вырисовалось очень архитектурно красивое здание из специального красного кирпича и сложной кладки, в котором размещались 12 номеров, из которых 2 трехкомнатных, небольшой зал заседаний с киноустановкой, пищеблок с обеденным залом. Железнодорожный тупик в конце имел платформу-рампу на уровне выхода из пассажирского спецвагона, к которой подходили все виды инженерного обеспечения и к которым могли подключаться соответствующие коммуникаций водопровода, канализации, телефонной связи спецвагона.

Самые большие трудности при проектировании возникли лишь при необходимости согласования и выдвинутых особых требованиях к помещениям пищеблока и их планировки со стороны органов КГБ. Эта миссия досталась мне и В. Горбачеву, отняла много усилий, времени и нервных клеток.

Понятно, что за два месяца создать проект и построить такой объект нереально, но все работы шли бодро и к осени 1983 года вся конструктивная часть здания, подводящие инженерные коммуникации, подъездные ж. д. и автомобильная дороги были выполнены. Смерть Ш. Р. Рашидова и прошедшие после нее события, на которых собираюсь остановиться особо несколько позже, «стройку века» остановили. Если сказать честно, то я с самого начала и до конца не верил, что иметь такую резиденцию хотел и настаивал Ш. Рашидов. Я до сих пор считаю его одним из самых достойных и скромных представителей той советской и коммунистической эпохи, это чувство у меня создалось еще тогда, когда я был участником нескольких встреч с ним. Выслуживающиеся же лица, выдумывавшие в порядке подхалимства такую стройку и вынужденные участники ее выполнения, в том числе и я, чувствовали довольно долго, мягко говоря, «большие неудобства» за такое участие. Стройку объекта законсервировали на долгие годы, а затем сменившиеся власти достроили его с соответствующими изменениями под общественные городские нужды.

А. Петров в частых командировках в Ташкент останавливался в гостинице, находящейся в ведомстве нашего филиала института. Четырехэтажное, шестнадцатиквартирное кирпичное здание было построено уже в мою бытность за оградой служебного здания, внутри двора, где размещалось и семейное общежитие нашего филиала – тоже четырехэтажное здание галерейного типа. Гостиница всегда была переполнена, в ней останавливались командированные сотрудники НГМК, головного института, сотрудники предприятий ЛГХК, других комбинатов и предприятий Минсредмаша и прибывающие в филиал для согласования различных вопросов специалисты иногородних подрядных проектных организаций. По просьбе Петрова Суворов выделил и фактически сдал в аренду НГМК один двухкомнатный номер, который силами комбината был улучшено отделан, оборудован мебелью и в котором могли останавливаться лишь Петров и руководители верхнего эшелона НГМК с разрешения Петрова. Практически в каждый приезд Петрова мы встречались, если он оставался с ночевой.

Однажды, ближе ко второй половине субботнего дня раздался телефонный звонок в моей квартире. Поднял трубку (не помню по

какой причине, но Юлии дома не было) и услышал голос Анатолия Анатолиевича:

– Что делаешь? Ты одет?

– Чем-то занимаюсь. Наряжен по-домашнему. – ответил.

– Одевайся! Сейчас подойдет к тебе автомобиль, поедem кое-куда.

– Как одеваться? Куда поедem? – задал вопросы.

– Как хочешь, но не в поле едем.

Оделся «поприличней». Из окна увидел подошедший к подъезду автомобиль «Волга». Вышел, сел, подъехали к гостинице и к нам вышел Петров. Через улицы Педагогическая – проспект Ленина проехали мимо метро «Космонавтов» на улицу, название которой не помню, благоустроенную, но не очень нагруженную транспортным движением. Через две-три минуты с левой стороны по ходу движения увидели большой по длине, четырехэтажный дом, весь утопающий в зеленых насаждениях, а Анатолий Анатолиевич дал водителю автомобиля команду заезжать во двор этого дома. Сделали левый поворот и оказались в большом дворе с очень ухоженными газонами, засаженными цветущими розами и другими цветами, к каждому из многих подъездов широкие и высокие навесы, полностью покрытые виноградными лозами и свисающими с них большими зреющими гроздьями. Вышли из автомобиля, водителю было дано указание вернуться в гостиницу и ждать звонка. Пошли вдоль здания к последнему входу-подъезду и поднялись по широкой лестнице на второй этаж. Оказывается, что на каждой этажной площадке только по одной квартире. И только здесь Петров сказал мне, что идем мы в гости к президенту Академии Наук Узбекистана. Это был А. С. Садыков (думаю, что правильно вспомнил фамилию). Звонок в дверь и нам открыла симпатичная, по-европейски одетая, лет сорока женщина, которая пригласила зайти и сообщила, что (имярек) отсутствует, но скоро появится. Хозяйка дома провела нас в большую гостиную, думаю не менее 30 м², пол которой полностью был устлан персидским ковром с красивым орнаментом, стены картинами, в стеклянных «горках» дорогие сувениры, кресла. Чувствовалось, что квартира очень большая, просторная и богато обставленная, хотя мы по ней и не «путешествовали». Буквально через 20–30 минут появился с горячими извинениями за то, что не лично встретил, из-за непредвиденных обстоятельств, хозяин – среднего роста, полнеющий, в строгом английском костюме, примерно 50-летний человек с обликом близким к таджикскому. Нас пригласили пройти в столовую, тоже очень просторную, где на одном из

концов большого обеденного стола было поставлено три столовых прибора, составленных из красивой и явно дорогой посуды, нескольких размеров и форм бокалов, несколько видов закусок. Нам, гостям, был предложен выбор из нескольких вариантов крепких напитков и рекомендация остановиться на недавно выпущенной московской водке особого изготовления, с чем мы согласились. Хозяин из буфета принес необычной (ранее мной не виданной) формы полуторалитровую бутылку, выполненную с удобной для удержания ручкой, закручивающейся высокой металлической пробкой с внутренним шариком (таких детали я узрел, понятно, позже в процессе приема напитка). Водка действительно оказалась высочайшего качества, без малейшего привкуса сивухи.

Не буду описывать угощения, скажу только, что они были обильными и вкусными, европейскими и национальными, и такими, что почти опорожненная 1,5 литровая бутылка не привела к каким-либо заметным признакам опьянения. Хочу только подчеркнуть, что на неоднократные вопросы Анатолия Анатолиевича почему не садится за стол хозяйка, гостеприимный хозяин говорил:

– Да ничего! Сейчас она принесет нам еще кое-что и сядет! – Но это не происходило.

Из уст академика мы узнали, что супруга кандидат наук, работает в одном из институтов, прекрасная хозяйка и мастерица готовить вкусную еду, в чем мы сполна убедились.

Академик занимал нас рассказами о его недавней поездке в Афганистан, где он занимался установлению связей с научными организациями, читал лекции в Кабульском университете, кажется получил там почетное звание. Показывал врученные ему там подарки и сувениры – оригинальные часы, миниатюрный электронный калькулятор и т. п. Читатель помнит, что в это время уже шла Афганская война. Собственно, в течение всего времени нашего общения, продолжавшегося более трех–четырёх часов, говорил академик, Анатолий Анатольевич вставлял лишь отдельные фразы, замечания, поддерживая рассказчика, а я, представленный академику как ближайший сотрудник Петрова, произнес, может быть несколько выражений по поводу интересных сувениров.

Расстались с академиком и его супругой с благодарностью за оказанный прием и интересно проведенное время!

А. Петров сам был довольно интересным собеседником и любил в застолье не спеша рассказать эпизод из своей жизни, жизни насыщенной, обогащенной активным участием во Второй мировой войне, работой в геологоразведочных организациях на Дальнем

Востоке, строительстве уникального горного предприятия по добыче алмазов в Якутии. Правда, он никогда первым не вспоминал о фронтовых временах, чаще в развитие фронтового рассказа другого участника он продолжал тему из своей практики. В то же время он очень эмоционально мог, и рассказывал эпизоды и примеры, касающиеся производственных дел. Хорошо помню его очень подробный, обстоятельный рассказ после возвращения из Испании, где в Мадриде проходил (не помню в каком это было году) международный горный симпозиум и он был членом немногочисленной Советской делегации на нем. Петров собрал своих заводов, руководителей производственных отделов управления комбината (я оказался в командировке и стал участником) в свой кабинет и сделал как бы отчет, думаю и в качестве репетиции к изложению письменного доклада для Министерства, включившего его в состав делегации. Из многих других, отмечу лишь два важных обстоятельства, которые особенно, с горечью в голосе изложил Анатолий Анатольевич. Делегация в Мадрид летела через Париж, и у них была возможность побывать на одном из карьеров горнодобывающей промышленности Франции. Оказалось, что производительность труда на человеко-смену в м^3 горной массы в примерно близких горнотехнических условиях у них в 2–3 раза выше, чем на наших карьерах, хотя мы считали, что она у нас довольно высокая среди аналогичных в масштабе СССР. На самом симпозиуме, где кроме официальных докладов, было много красочных стендов, представляющих историю развития, состояние и успехи отраслей горнодобывающих предприятий и фирм, горной науки разных стран мира, и у каждого стенда специалист, дающий пояснения, все члены Советской делегации оказались в глубокой изоляции, из-за незнания ни одного иностранного языка. Когда наша группа, или отдельные ее члены подходили к стенду и на вопрос на каком языке – английском, испанском, французском или немецком – хотели бы услышать пояснения, заявляли только русский, вызывало шок и не находило разрешения, таких специалистов не имелось. После весьма тоже эмоционального рассказа о красотах Парижа и особенно Мадрида, который больше понравился Петрову, Анатолий Анатольевич с подъемом в голосе заключил:

– Нам есть над чем поработать, чтобы «догнать и перегнать!» и, друзья, беритесь за изучение иностранных языков!

Подчеркну, что строительство II и III очередей ГМЗ-2, их реконструкция, доведение технологий многих переделов завода, позволивших довести и даже превзойти проектные показатели его работы по выпуску валютного золота, были проведены в период

руководства НГМК Анатолием Анатолиевичем Петровым. В этот же период прошли не менее важные и нелегко решаемые работы по развитию горных работ на уникальном по многим параметрам карьере Мурунтау. Необходимость увеличения и поддержания на требуемом уровне объемов вскрыши горных пород и добычи руд при увеличивающемся углублении карьера, могли решаться лишь при серьезном инженерном подходе, глубоких научных обоснованиях и разработках, подборе и поддержании инициатив руководителей нижних звеньев. В эти годы шло непрерывное переоснащение карьерного транспорта с 27-тонных автосамосвалов БелАЗ на 40-тонные и дальше на 75-тонные БелАЗы, организационные перестройки управления автотранспортом и его ремонтом, попытка внедрения автоматизированных систем управления и учета автопотоков на карьере и, наконец, создание ЦПТ (циклично-поточная доставка) конвейерным транспортом пустых пород из карьера к местам отвалообразования, I-я очередь сооружения которого была закончена и выданы первые десятки тысяч м³ пород в 1985 году.

В этот период при затухании подземных горных работ на Учкудукском месторождении (в 1979 г. полностью отработаны шахтные поля №№ 1 и 2, последним рудник № 7-15 в 1989 г.), полном развитии открытых горных работ и увеличивающихся объемах работ по добыче урана СПВ, произошло второе рождение города Учкудука, теперь уже районного центра областного подчинения, на основе освоения и строительства производств добычи и переработки золотых руд Кокпатаса и Даугызтау и производства серной кислоты. Нашим филиалом был разработан новый Генеральный план города на его развитие до населения в 50 тыс. человек, в том числе до 35 тыс. человек в 1990 г. Уже в 1979 году были начаты строительством 4-этажные жилые дома в 11-м микрорайоне, а несколько позже 7-этажные жилые дома оригинальной конструкции и архитектуре, включенные в проект по настоянию моему и архитектора В. Горбачева, несмотря на упорное сопротивление руководства Навоийского управления строительства, ведущего уже тогда строительные работы промышленных и городских объектов в Учкудуке и ссылавшиеся на большую трудоемкость их сооружения. Только по моей настоятельной просьбе и обращению к Петрову, его поддержки и твердой воле удалось сломать сопротивление строителей и, действительно, именно их возведение и создание вокруг них удачных композиций и благоустройства, резко оживили облик центра города. В недалеком будущем все публикации в печатных органах всех уровней о городе сопровождались фотографиями этого уголка микрорайона № 11.

На Сабырсайском предприятии (ЮРУ) полным ходом шло освоение новых площадей рудных полей с разработкой их методом СПВ, созданию, совершенствованию технологии, техники и оборудования при производстве этих работ. Уже в 1983 году была выдана «на-гора» последняя вагонетка горной массы из подземных горных работ и полностью добыча урана в объеме проектной производительности осуществлялась методом СПВ при значительном повышении всех технико-экономических показателей.

Ремонтно-механический завод оснащался современным высокоточным металлообрабатывающим оборудованием, позволяющем обрабатывать детали диаметров 5–6–8 метров, создан авторемонтный цех (АРЦ), освоивший ремонт и восстановление запасных частей для большегрузных карьерных автомобилей БелАЗов грузоподъемностью 40–75–110 т и их двигателей. На РМЗ были освоены методы нанесения износостойких порошков с целью восстановления и упрочнения деталей машин, повышению их долговечности, изготовлена вакуумная установка для нанесения износостойких покрытий, создан самостоятельный участок, а затем и цех по восстановлению и упрочнению широкой номенклатуры деталей горношахтного и технологического оборудования методами плазменного, газопламенного напыления и газопорошковой наплавки.

Росло строительство, благоустраивались, хорошели города и поселки, находящиеся на балансе НГМК.

Все эти дела легли на плечи и умело решались А. А. Петровым и его соратниками, главным инженером комбината Л. М. Демичем, руководителями Центрального рудоуправления директором В. Н. Сигединым и главным инженером Н. И. Кучерским (ставшим в 1983 г. директором), руководителями Северного рудоуправления директором Б. Н. Зиздо и главным инженером Б. Ю. Сикстелем, руководителями Южного рудоуправления директором В. П. Щепетковым и главным инженером В. С. Горуля, директором ГМЗ-1 В. А. Коваленко и главным инженером А. И. Новоселовым, директором ГМЗ-2 А. А. Пешковым и главным инженером Н. Т. Долгушиным, директором РМЗ А. П. Комиссаровым и главным инженером Д. Б. Джалиловым и многотысячным коллективом инженеров, техников, рабочих, конечно с участием многих научных, проектных организаций и при поддержке вышестоящих структур – Первого главного управления Минсредмаша и министра Е.П. Славского, продолжавшего руководить «империей» в «империи» Страны Советов.

Анатолий Анатолиевич укреплял производственные и функциональные отделы управления комбината, постоянно выдвигая на

работу в них специалистов, умудренных опытом работы на подведомственных предприятиях, стройках и поднимая в должности из числа работников отделов. В отдел главного механика из Учкудука был переведен активный и неутомимый механик Талгат Габдуллин. Заместителем, а затем главным механиком комбината стал Анатолий Кацай, прошедший школу зама, затем главного механика и зама директора по общим вопросам СРУ, очень решительный, несколько крикливый, с запасом юмора и анекдотов, светловолосый человек. На должность начальника горного отдела был выдвинут горный инженер, ранее сотрудник проектного отдела, показавший свою большую эрудицию, здоровую инициативу при решении сложных вопросов, ставший затем заместителем начальника горного отдела Вячеслав Александрович Морозов, а заместителем начальника горного отдела стал стажированный в Учкудуке горняк, рассудительный и невозмутимый Михаил Михайлович Кириченко. Заместителем начальника технологического отдела стал Лев Анашкин, проработавший ст. инженером, зам. начальника, начальником цеха готовой продукции ГМЗ-2, внесший значительный вклад в создание и усовершенствование технологии аффинажа золота, а потом назначенный заместителем начальника ЦНИЛа комбината. Начальником очень важного конструкторского отдела был назначен прошедший должности инженера, ст. инженера, руководителя группы, заместителя начальника этого отдела Валентин Васильевич Сизов, высокий, рано поседевший, представительный, с очень симпатичным улыбающимся лицом, выдающим его доброту, много вложивший смекалки и творчества в приспособление, создание, совершенствование ряда образцов горной техники, способной работать в специфических горно-технических условиях карьеров и рудников, ранее активный участник группы конструкторов проектного отдела комбината, создававшей чертежи нестандартного оборудования и корректировку чертежей оборудования прямо в строящемся и монтируемом корпусе сорбции и регенерации ГМЗ-2. На должность руководителя группы по планированию капиталовложений и капитального строительства планового отдела комбината был назначен, горный инженер, начавший в шестидесятых годах работать на руднике № 2 Учкудука, затем на работах в плановых отделах Северного рудоуправления, ГМЗ-2 и Центрального рудоуправления, несколько ниже среднего роста, всегда подтянутый, в строгой классической одежде, черноволосый (потом значительно поседевший), с голубыми глазами, оттененными темными, как будто подкрашенными глазницами, с явно еврейским обликом человек, Вилен Викторович

Айзенштадт, сумевший, благодаря громадной работоспособности и упорства, без отрыва от работы написать и защитить диссертацию и стать кандидатом технических наук. Начальником Центральной лаборатории КИПиА комбината стал бывший слесарь, инженер, ст. инженер, рук. группы КИПиА, упорно стремящейся к познаниям, инициативный, но и прислушивающийся к мнениям сослуживцев, излишне, на мой взгляд, вежливый Юрий Кочегаров.

Смело А. Петров выдвинул на должности своих заместителей относительно молодых, но уже опытных, энергичных специалистов, подкрепив свои тылы. Заместителем по общим вопросам стал бывший первый главный инженер, затем директор РМЗ, крупноголовый, рано полысевший, с немного странным говором Самуил Львовский. Место заместителя по кадрам занял геолог, прошедший работы по большинству ступенек от начальника отряда, партии в комбинатах №№ 6 и 5, в Учкудуке, затем на должности председателя группового комитета профсоюза и заместителя главного геолога НГМК, с густой шевелюрой «очкарик», с большим тонкогубым ртом, философским мышлением и оригинальным способом выражения своих рассуждений, Николай Васильевич Александров. Заместителем по КС стал перешедший из НУСа инженер-строитель, белобрысый, с тонкими чертами довольно красивого, украшенного дорогими очками лица, быстро «хватающего» мысли собеседника, энергично жестикулирующий и несколько крикливый В. В. Уласевич.

Из перечисленного читателям, участникам событий, и читателям, просто прочитавшим первые мои книги, ясно, что подавляющее большинство руководителей важных звеньев производства и управления в комбинате были специалисты, знавшие меня по работе непосредственно в комбинате, с которыми я много общался и был некоторым авторитетом. Меня принимали как «своего», как непосредственного участника всех происходящих событий, а я себя чувствовал как «рыба в воде», но обязанным полностью выкладываться и делать все, что в моих силах для удовлетворения потребностей производств в проектных решениях. С подавляющим большинством специалистов и руководителей всех рангов, сотрудниками вспомогательных служб я находил взаимопонимание, поддержку. Но не могу все-таки не сказать, что был один «феноменальный» специалист, руководитель группы КИПиА ГМЗ-1 по фамилии Баталов, вечно на вид серьезный, не улыбающийся, с болезненной желтизной лица человек, который перманентно был недоволен практически всеми техническими решениями проектов АСУ ТП ГМЗ-1, критикуя их, но в то же время не предлагая своих вариантов. Он говорил:

– Работать не будет! Это не пойдет! Это неграмотно! – и старался не подписывать согласовывающих протоколов или других документов. После же завершения работ и успешного их освоения становился еще угрюмее. Постепенно я понял, что этот специалист просто переоценивает свои возможности, претендует на более высокие должности, болезненно переносит рост других специалистов и то, что старшие руководители его недооценивают.

Многолетние круглосуточные нервные, да и физические нагрузки при неупорядоченном режиме жизни, из-за весьма частых поездок на подведомственные предприятия, в вышестоящие инстанции, отразились на состоянии здоровья бывшего гимнаста с крепким телосложением Анатолия Петрова. Не знаю всех диагностированных болезней, но достаточно коварная из них – диабет – давали о себе знать все настойчивее. Я неоднократно наблюдал как Анатолий Анатолиевич перед началом трапезы насыпает из пузырьков целую горсть разных таблеток и одним взмахом отправляет их в рот, запивает водой. Правда, иногда через некоторое время за этим же обедом принимает и несколько порций крепких напитков. Амбулаторные медицинские наблюдения и самочувствие А. Петрова приводили к необходимости укладывать его на стационарное лечение. Во время одного из таких «сеансов» в больнице № 6 Третьего главного управления Минздрава СССР, в Москве я проводывал Анатолия Анатолиевича вместе с Эдуардом Тиграновичем Оганезовым. Во время нашего посещения к нему пришел муж дочери (от первого брака) Всеволод (Сева) Кукушкин, интересный молодой человек и уже известный спортивный корреспондент и комментатор. Анатолий Анатолиевич познакомил нас с очень лестными для Севы комментариями. Наша беседа в одноместной больничной палате затянулась часов на 3–4 при довольно обильном возлиянии приятных пятизвездочных напитков и не менее вкусных закусок, имевшихся в достаточном количестве. Наверное, мы были «не единственными» посетителями у больного. Анатолий Анатолиевич был в хорошем настроении, много рассказывал интересных баек, потчевал нас, следя за тем, чтобы мы допивали, а сам воздерживался.

Был случай, когда его уложили в первый республиканский стационар Четвертого главного управления Минздрава УзССР в г. Ташкенте. И здесь я его дважды проводывал, чему он был, как мне казалось, очень рад.

Естественно, Анатолий Анатольевич для поддержания здоровья почти ежегодно отдыхал и лечился в санаториях и чаще всего в санатории «Южное взморье» в Адлере. Это был действительно один из

лучших санаториев, подведомственных профсоюзам Минсредмаша. Прямо на берегу Черного моря, прекрасный песчаный пляж, изолированная большая с садовой архитектурой территория, на которой несколько далеко отстоящих друг от друга многоэтажных корпусов, десяток двухэтажных коттеджей на одной из окраин, замечательный лечебный корпус, в котором размещены все виды процедур, плавательный бассейн и несколько саун с малыми бассейнами, отделение в горах с форельными прудами, корпусом для отдыха и пищеблоком – все это сложное хозяйство управлялось уже много лет главврачом Пантелеем Владимировичем Андрюх; (ударение на последнем слоге), человеком весьма энергичным, деловым, умелым хозяйственником, наверное опытным врачом, и при всем этом приятным и хлебосольным собеседником. Меня познакомил с Пантелеем Владимировичем Анатолий Анатолиевич во время отдыха в этом санатории, когда совпали по времени наши здесь пребывания. Анатолий Анатолиевич с Людмилой Ильиничной занимали одну из квартир (палат) в коттедже, а я с Юлией в первом корпусе. После нашей случайной встрече уже общались часто, посещая друг друга. При одном таком общении у Петровых был и Пантелей Владимирович. Петров представил меня как одного из ближайших помощников и друга. С этих пор завязалась дружба между нами с Пантелеем Владимировичем и его супругой Зинаидой Александровной. Вели изредка переписку, были в гостях у них на дачном участке в предместьях Адлера. Пантелей останавливался у нас дома, в Ташкенте во время его командировки в Навои, где он решал свои хозяйственные вопросы с Петровым. По просьбе Пантелея Владимировича и с согласия Анатолия Анатолиевича я организовал выезд в Адлер моего помощника архитектора В. Горбачева с группой специалистов-строителей, которые на месте выдали чертежи по созданию и улучшению архитектуры ряда фасадов и малых форм на территории санатория. Пантелей Владимирович создавал несколько раз улучшенные условия нашего пребывания в санатории, выделяя нам с Юлией (после моего предварительного телефонного звонка из Ташкента) номер-люкс в первом корпусе или в коттедже. Во время наших таких отдыхов мы обязательно встречались семьями на территории санатория или вне ее.

В мае месяце 1984 года я был участником научно-практической конференции по обобщению и широкому расширению опыта восстановления и упрочнения деталей машин методами покрытий и наплавки износостойкими порошками, накопленного на РМЗ НГМК, где благодаря использованию научных разработок многих институтов и предприятий СССР и внедрению собственных разработок

восстановлены, упрочнены и продлены в 2–5 раз сроки службы десятков тысяч тонн важного и крупногабаритного горно-шахтного, металлургического оборудования и металлоконструкций. Эта конференция была организована по постановлению Государственного Комитета СССР по науке и технике по согласованию с Госпланом и Академией СССР, посчитавших эту проблему межотраслевой и подлежащей дальнейшему развитию. Понятно, что организованная на столь высоком уровне конференция привлекла к участию в ней представителей многих отраслей машиностроения, металлургии, горнодобывающих ведомств, научных учреждений и число участников, при определенных ограничениях, было значительным. Достаточно перечислить лишь часть ее участников, чтобы понять ее значимость:

Министр среднего машиностроения Е. П. Славский;

Министр тяжелого машиностроения Афанасьев;

Председатель ГКНТ Г. И. Марчук;

Президент АН СССР А. П. Александров;

Президент АН Украины Б. Е. Патон;

Президент АН Узбекистана А. С. Садыков;

Начальник Первого главного управления Минсредмаша Н. Б. Карпов;

Директор Института проблем материаловедения АН Украины академик В. И. Трефилов;

Директор Харьковского физико-технического института В. Ф. Зеленский.

Конференцию открыл Е. П. Славский, а основной доклад сделал А. А. Петров. После многих выступлений, в которых отмечались не только весьма высокие достижения в обсуждаемом вопросе на РМЗ НГМК, а необходимость широкого распространения опыта на ремонтных предприятиях, и, особенно, на машиностроительных заводах страны с целью поставки потребителям упрочненных и долговечных машин и деталей. Участникам конференции была предоставлена возможность посетить на РМЗ специализированные участок и цех по восстановлению, упрочнению деталей, где они воочию могли увидеть разные способы – плазменного, газоплазменного, газопорошкового – напыления и созданные здесь различные станки, инструмент и приспособления для их осуществления. Я был в числе посетивших цех, видел, как внимательно и заинтересовано смотрели и слушали министры и академики дающего пояснения начальника лаборатории РМЗ Анатолия Борисовича Шварцмана. Именно он был инициатором изучения имевшихся теоретических

трудов, практики применения методов порошкового напыления в Институте электросварки им. Патона, на предприятиях НПО «Тулачермет», именно он развил этот опыт для условий производства напыления на детали машин и механизмов, эксплуатирующихся на производствах НГМК, он стал создателем ряда стационарных и переносных приспособлений и инструмента для осуществления напыления на РМЗ и на местах, например, при восстановлении шеек валов шахтных подъемных машин, венцовых шестерен роторных экскаваторов и др. Этот высокий, стройный, я бы сказал красивый, с проявившейся сединой, лет под 40 специалист очень эмоционально, со знанием дела и доходчиво демонстрировал работу на станках напыления, его рассказ часто дополнял и комментировал А. А. Петров, такие слушатели, как Н. Б. Карпов, Е. О. Патон, А. П. Александров и другие внимательно и заинтересованно внимали, а у Е. П. Славского даже увлажнились глаза. Конечно, практическое осуществление идей Анатолия Шварцмана было достигнуто при постоянной поддержке со стороны его непосредственных руководителей, а главным образом, благодаря пристальному вниманию к развитию ремонтно-механической базы комбината со стороны А. А. Петрова и постоянной помощи в техническом оснащении РМЗ со стороны Министра Е. П. Славского. При каждом ежегодном приезде в НГМК, Ефим Павлович посещал РМЗ, также внимательно выслушивал (я был участником практически всех этих обходов) весьма интересные обоснованные пояснения бывшего тогда главного механика комбината Бориса Исааковича Шварцмана, отзывался на просьбы последнего оснащать завод металлообрабатывающими и другими станками, вплоть до уникальных, не предусмотренных проектом завода, и очень оперативно выполнял обещания. Руководство комбината и завода принимали необходимые меры для быстрого ввода в работу этого оборудования и получения нужного эффекта.

Результатом проведенной конференции стало представление и получение Государственной премии СССР за 1984 год работы «Разработка и промышленное внедрение газотермических методов напыления порошковых материалов, повышение надежности и долговечности горно-шахтного и технологического оборудования». В числе удостоенных этого высокого звания лауреатов за указанную работу были А. А. Петров, Д. Б. Джелилов, А. П. Комиссаров, А. Б. Шварцман и др. от НГМК, Министр Е. П. Славский и Н. Б. Карпов от Средмаша, специалисты Института электросварки им. Патона и НПО «Тулачермет».

Основным составителем материала, необходимого для выдвижения на Госпремию, был, естественно, Анатолий Шварцман. Здесь, я думаю, надо немного рассказать об этой семье, ставшей представительным образцом эпопеи создания Зарафшан – Учкудук – Навоийского промышленного комплекса в Кызылкумской провинции. Имею полное основание говорить о ней, так как весь этот многолетний период, до него и после него мы были сослуживцами, товарищами и друзьями.

Более 21 года Борис Исаакович Шварцман, участник Второй мировой войны был главным механиком НГМК, творческим и активным участником освоения уникальной горной и технологической техники для уникальнейших же условий строительства и эксплуатации рудников и рудоперерабатывающих заводов, инициатором и руководителем создания и развития ремонтно-механической базы комбината, являлся своим примером воспитателем целой плеяды молодых специалистов-электромехаников. Его труд был достойно оценен руководством комбината и Министерства, он стал кавалером орденов, в том числе такого высокого, как орден Октябрьской революции, Лауреатом Госпремии СССР за освоение Учкудукского месторождения. Но мне хочется особо подчеркнуть вклад всей этой прекрасной семьи в дела комбинатские. Может быть я повторюсь, так как об этой семье писал уже в первых книгах, но лишним это не будет.

Борис Шварцман, худощавый, стройный, кучерявый, с явно еврейским обликом молодой человек женился еще во время войны на однополчанке, красивейшей, статной казачке Маше и первый ребенок у них появился еще до окончания войны. Это был Анатолий. Затем родились в 1950 сын Роман в поселке предприятия Адрасман, где Борис работал участковым механиком, затем в 1954 г. сын Сергей в поселке «Развилка» (позже Янгиабат), где Борис работал главным механиком рудника № 2 – получился танковый экипаж. Эта дружная семья решила, что хочется иметь и сестренку. Прекрасная Маша, несмотря на уже солидный возраст, решилась и родила в 1963 году в г. Навои дочь Алену. Так вот все дети этой семьи, закончив каждый по-своему учебные заведения, трудились в подразделениях основных производств НГМК. Анатолий, закончив Чкаловский политехникум по специальности металлообработки, с 1964 года – токарь, техник, инженер, руководитель конструкторского бюро РМЗ НГМК, заканчивает ТашПИИ в 1973 г., становится начальником лаборатории надежности РМЗ, откуда лишь в 1985 г. уезжает на работу в Михайловский ГОК. Роман Борисович заканчивает Навоийский

политехникум по специальности обогапителя и работает на разных должностях на ураноперерабатывающем ГМЗ-1 в Навои, затем на золотоперерабатывающем ГМЗ-2 в Зарафшане, заканчивает ТашПИ и затем становится главным инженером строящегося и сданного в эксплуатацию ГМЗ-3 в Учкудуке. Сергей Борисович, закончив Навоийский политехникум едет работать в Учкудук и там трудится на разных участках. Алена Борисовна заканчивает Навоийский политехникум и едет тоже в Учкудук, где трудится в службе КИПиА. К сожалению, трагедии не обошли эту замечательную семью – в 1979 г. г. скончалась от раковой болезни не потерявшая красоту, прекраснейшая хозяйка и мать Мария Константиновна Шварцман; в 1995 г. в машинной катастрофе в России погибает Роман. Ушедший на пенсию в 1989 г. Борис Исаакович Шварцман из Навои переезжает в полученную от комбината квартиру в г. Воронеже, но одолевшая его болезнь заставляет перебраться в Израиль, где к этому времени уже проживала семья дочери Алены, и здесь он скончался в 1998 г., в 76-летнем возрасте. Пусть память о них останется в сердцах наших!

В описываемые годы я был участником еще одного запомнившегося на всю жизнь совещания в г. Степногорске, тогда Целиноградской области Казахстана. Градообразующем этого города был Целинный горнохимический комбинат Минсредмаша. Не помню кто в это время был его директором. Здесь вырос замечательный поселок, затем город и ко времени проведения всеминистерского совещания представителей предприятий, производств Первого главного управления, смежных научно-исследовательских и проектных институтов в городе были сданы в эксплуатацию прекрасный Дворец культуры и новая многоэтажная гостиница. Совещание проводили Министр Е. П. Славский и начальник Первого главного управления Н. Б. Карпов. Участвовали заместители министра, директора комбинатов, институтов, начальники производственных отделов главка и с каждым директором относительно небольшие группы руководителей и специалистов подведомственных им предприятий. Отмечу, что от нашего Института (вернее Ташкентского филиала ПромНИИпроекта) были только директор А. Суворов и ваш покорный слуга. Иногородние участники совещания прилетали в Целиноград (ранее Акмолинск, а ныне новая столица Казахстана Акмола), где их встречали уполномоченные ЦГХК и на микроавтобусах типа «РАФ» отвозили в Степногорск. Эта поездка была интересна тем, что мы увидели большие просторы бывших целинных земель, освоение которых начали по кличу Н. С. Хрущева в 1960-х, и о ходе этого освоения ходило много былей, небы-

лиц и анекдотов. А мы уже очень заинтересовано останавливались, скажу с большим удовольствием и даже гордостью наблюдали за тем, как уверенно на довольно больших скоростях мощные тракторы «Кировцы» с прицепленными 20-лемешными плугами (уже не плуги, а резцы) вспахивали под урожай будущего пашню, или как длиннющие поливочные агрегаты, тоже передвигаемые прицепленными тракторами, через сотни сопел создают искусственный дождь, поливая растущие овощные культуры. Это уже не анекдот.

На проходящих два дня в доме культуры заседаниях звучали доклады директоров комбинатов, институтов о состояниях дел в подведомственных производствах, планах и задачах и мерах по их выполнению, ставились вопросы о необходимой поддержке со стороны вышестоящих инстанций. Обобщая в уме все услышанное, понимал какой неимоверный размах объемов достигла подотрасль добычи и переработки стратегических сырьевых ресурсов, какое громадное число занятых в этом трудовых ресурсов и каков объем материальных затрат и ресурсов для создания этих производств, социалистических городов и поселков для трудящихся этих производств, обеспечения их функционирования!!! В кулуарах узнал о том, что теперь на Семипалатинском полигоне, где продолжают испытания «изделий» на подземных и скважинных взрывах, вольнонаемные «экспедиции» уже работают на постоянной основе с проживанием трудящихся с семьями, для них построено жилье, а центр теперь называется не «Берег», а город «Курчатов».

Участникам совещания была предоставлена возможность посетить горные предприятия ЦГХК. Я был на одном из рудоуправлений, не помню его названия. Не менее важными были и культурные мероприятия, а еще более интересными неофициальные встречи и общение с товарищами и друзьями, с которыми судьба развела на разные географические районы, отстающие на сотни и тысячи километров друг от друга, и с которыми не встречались помногу лет. Я с удовольствием встречался с приехавшими сюда из Краснокаменска Б. Н. Хоментовским и С. С. Покровским, а мы все вместе посетили работающих и живущих здесь Всеволода и Люсю Тележинских. Кстати, я объяснился со Сталем Покровским по поводу отказа в свое время от перехода к нему на работу, и некоторая «напряженка» между нами была снята. Группу участников совещания от головного института ПромНИИпроект возглавлял директор О. Л. Кедровский. В один из вечеров он собрал представителей института и его филиалов после застолья в одном из гостиничных номеров, все вышли в городок прогуляться перед сном. Атмосфера

была довольно свободная, много шутили, анекдоты. Но все время Олег Леонидович, обращался к Афанасию Суворову, с каким-то нездоровым юмором, с некоторым унижением, а Афанасий Павлович делал вид, что не понимает этого оттенка, даже поддерживая эту тональность. В то же время на прогулке Олег Леонидович, поравнявшись со мной, положил свою руку мне на плечо, давая понять свое расположение и продолжая подзадоривать Афанасия. Не могу сказать, что было приятно от такой обстановки. Это подтвердило давно создавшееся у меня мнение о неблагоприятном отношении Кедровского к Суворову, как директору филиала, что первый понимал о непригодности стиля и возможностей второго управлять филиалом. После четырех дней работы совещания его участники разъехались по домам также через Целиноград.

После описанного в этой главе дел и событий, наверное, не совсем понятно, почему я обозвал ее (главу) «застойные времена». Никаких «застойных дел» в Минсредмаше, да и в других подобных и связанных с ними, оборонных ведомствах, не было. Наоборот, на основе выделяемых им громадных средств, увеличивались объемы научных разработок, строительство и расширение производств, имелись определенные достижения в области обороны, энергетики, промышленном производстве, дающие основание заявлять на политическом и государственном уровнях о реальном противостоянии Западу в рамках продолжающейся и набирающей темпы «холодной войны».

Но «застойными» они были, что на примерах очередных событий и обстоятельств из моих воспоминаний это подтвердится.

ГЛАВА 14

Так все-таки «застойные»? Смерть Ш. Рашидова. «Узбекское дело»

Мои частые поездки в Москву, как я уже писал, дававшие определенные положительные эмоции, имели и довольно негативные стороны, которые иногда перечеркивали удовольствие. Имея достаточную материальную базу, как я думаю, выше возможности средней советской семьи, благодаря работе в оборонном ведомстве и в местах с неблагоприятными географо-климатическими условиями, мы не могли приобретать даже самые необходимые потребительские товары, не только промышленные, но и пищевые. В столице Узбекистана, Ташкенте, уж не говоря о глубинке, мясо в магазинах купить было почти невозможно, только по выдаваемым каждому трудящемуся талонам и в определенном магазине прикрепления, причем, мясо реализовывалось только по узаконенным способам разрубашу так, что только с костями была каждая порция в 2 кг на месяц. Никаких твердых сыров в продаже не было. За молочными продуктами выстраивались очереди с раннего утра, до их привоза. Овощи и фрукты в государственной торговле практически отсутствовали, а если и появлялись, то это были уже подсушенные, подвяленные, или полусгнившие, но, правда по очень низким ценам. Наверное, имелось ввиду, что в Узбекистане много выращивается овощей и фруктов и трудящиеся могут приобретать их на рынках. Действительно, на рынках в Ташкенте было достаточно таких продуктов, но цены! цены в несколько раз, а то и десятки раз выше государственных. Это вообще феномен социалистического способа хозяйствования, когда практически цены всех видов товаров народного потребления, весьма искаженные по отношению к себестоимости их производства, государством реализуются по заниженным (или, наоборот,

весьма завышенным – спиртные напитки, папиросы и сигареты и др.) ценам, а на городских «колхозных», свободных рынках эти товары значительно дороже, вопреки логике. В дефиците было и большинство промышленных товаров народного потребления, особенно бытовой техники. Все меньше становилось товаров отечественного производства, больше промтоваров реализовывалось производства ГДР, Польши, Чехословакии и других стран социалистического лагеря, но они тоже были в дефиците. Даже художественная литература, словари, энциклопедии были остродефицитными предметами, распределяемыми партийными органами между коллективами, а здесь они распределялись конкретным претендентам по каким-то критериям. Мне иногда везло тем, что, будучи в командировках в полузакрытых теперь уже городах и поселках Нурабаде (ЮРУ), Зарафшане (ЦРУ), Учкудуке (СРУ), Навои, а также в Янгиабаде (рудоуправление ЛГХК), где снабжение потребительскими товарами населения осуществлялось ОРСами по повышенным нормам и по многим видам товаров централизовано через ГлавУРС из Москвы, мог приобрести нужные моей семье вещи. А в Москве положение дел с потребительскими товарами резко отличалось от большинства городов и районов СССР, естественно, в лучшую сторону. Провинциалы, бывавшие в Москве, обязательно искали, находили места продажи, достаивались в очередях и обязательно что-то привозили к себе домой. Все знали расхожую присказку:

– У нас в СССР снабжение централизованное! Всё привозится в Москву, а из нее сами вывозим!

Действительно, поезда, самолеты были загружены багажом и ручной кладью под завязку.

Из Ташкента я всегда кроме вместительного портфеля, в котором были личные вещи в минимальном количестве и необходимая документация, вез упакованные в большие картонные коробки (не менее двух) в зависимости от сезона экзотические виды овощей, фруктов, бахчевых, винограда, которыми с радостью угощал друзей и товарищей на «мальчишниках» и одаривал ими друзей при посещении их семей. Это было не обузой. Что же касается обратного рейса, то это вызывало стресс, портило настроение – ведь надо было узнавать где наиболее вероятно можно сегодня «достать» то, что заказала супруга, дети, а иногда и близкие Ташкентские друзья, мчаться туда и пробиться в очереди. Надо было обязательно поехать в центр (ул. Горького, Кировская, Ленинградский проспект и т. п.), где побывать в «Елисеевском», в большом кондитерском магазине напротив него, в магазинах «Сыры», «Диетические продукты» (у мамы диабет,

а необходимые продукты для диабетиков в Ташкенте б-о-о-ольшой дефицит), «Чай и кофе» и т.д. Интересно и то, что государственные цены на все виды продуктовых товаров устанавливались по крупным территориальным районам – как например: Северные и приравненные к ним; Дальний Восток; Высокогорные районы Средней Азии; Центральнo-черноземные области и т. д. – а вот Москва была особым районом. Поэтому были и поразившие меня неоднократно парадоксы. Я пару раз отправлял из Москвы посылки (не более 8 кг) с фисташками, которые покупал по 1 рублю и 40 копеек за килограмм, тогда как в Ташкенте их в Госторговле никогда не было, а на рынке они стоили по 10–12 рублей за килограмм. Разве не абсурд!? Растут фисташки и в Средней Азии, в местах близких к Ташкенту, их везут с Москву, а я, как и многие другие, везу, посылаю их в Ташкент, да еще по баснословно низкой цене! Вез из Москвы и мясо, за которым стоял в очереди чаще в «Елисеевском», выслушивая стоящих в ней и москвичей, ворчавших:

– Вот! Понаехали сюда! Жизни от вас нет! – а когда подходила очередь москвички, то она подолгу выбирала именно тот кусочек, что ей нравился, заставляя продавца перебирать и показывать ей его с каждой стороны. Нас, иногородних, это, в свою очередь, раздражало, ведь время идет! Покупал сразу разрешенное «в одни руки» количество килограмм (кажется не более 2-х), поэтому иногда приходилось становиться в очередь вторично.

Что же происходило в стране? При постоянных сообщениях по радио, телевидению, в газетах об успехах в экономическом развитии, улучшению жизни и быта трудящихся, объемы производства товаров потребления, их качество, не только не увеличивались, а и сокращались и ухудшались, оборудование производств легкой, пищевой, коммунальных средств и других «гражданских» отраслей промышленности устаревало, не модернизировалось и своевременно не ремонтировалось. В то же время постоянно награждались «за достигнутые успехи» руководители высших органов партии и правительства, особенно Генеральный Секретарь ЦК КПСС, все более впадающий в «маразм» и «детство» Леонид Ильич Брежнев, который уже не знал на какую часть мундира подвешивать награды. Мне, думаю и большинству советских людей, становилось очень стыдно, когда по телевидению показывали картинки подхалимского поведения его близкого окружения в моменты вручения еле стоящему на ногах Брежневу наград и оглашения формулировок их обосновывающих, особенно при награждении и вручении ему Ордена Победы. Ведь в кулуарах, на кухнях, в компаниях в застолье над этими

картинками смеялись, рассказывали анекдоты, обсуждались слухи о коррупции в верхних эшелонах власти, «любви» членов Брежневской семьи к драгоценностям и даже спекуляции ими его дочери и зятя. Главным образом мы узнавали об этом, будучи в Москве, при общении с друзьями. Но большинство из нас, особенно трудившихся в глубинке и в развивающихся областях оборонки, продолжали с энтузиазмом работать, дерзать, гордиться успехами в укреплении обороноспособности и мощи Родины.

Одновременно стали появляться сведения и в печати о разоблачении отдельных дельцов, групп, местных советских и партийных руководителей, замешанных в подпольной деятельности, коррупции, сколачивании многомиллионных средств, попыток подкупа руководителей союзного масштаба – рыбно-икорное дело системы «Океан», Сочинские партийные и советские деятели, дирекция магазина «Елисеевский» в Москве и другие.

В один из осенних дней 1983 года стало известно о внезапной кончине Шарафа Рашидовича Рашидова, первого секретаря КП Узбекистана, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, Депутат Верховного Совета СССР, дважды Героя Соцтруда. Умер он, будучи в поездке в глубинку, в Каракалпакскую АССР. Сразу же пошли слухи о непонятной причине его смерти, даже слухи о самоубийстве. Наверное, к этому были какие-то основания. Но Ш. Рашидова похоронили с должными почестями в самом центре Ташкента, на бульварной части проспекта Ленина. На могиле ежедневно появлялись свежие цветы.

К этому времени в стране произошли такие важные события, как кончина Л. И. Брежнева, борьба в Политбюро ЦК КПСС между приверженцами Брежнева и его противниками по выбору преемника умершего, победой последних и назначением на пост Генсека ЦК КПСС Юрия Владимировича Андропова, бывшего много лет Председателя КГБ, человека знавшего всю подноготную и многих дел творившихся в Стране, коррупции в среде верхушки правителей Республик и Союза, особенно в Министерстве Внутренних Дел, руководимых Щелоковым и его заместителями. Свою деятельность новый Генсек, вскоре и Председатель Президиума Верховного Совета СССР начал с укрепления дисциплины в руководящих органах и на местах, на производствах и учреждениях. Правда, методы были несколько странными – по улицам, в местах торговли, в кинотеатрах стали проверять документы и дознаваться у граждан почему в рабочее время они находятся здесь?! Пытался Андропов сократить и некоторые привилегии высших и республиканских

руководителей и аппарата. Для более действенных способов борьбы со сложившимися условиями руководства хозяйством, коррупцией, приводящих к снижению производства, припискам в сельском хозяйстве, в производстве товаров народного потребления были созданы специальные оперативно-следственные группы под руководством представителей Генпрокуратуры СССР и направлены на места. По каким-то соображениям первым таким «местом» стала Республика Узбекистан. Сюда прибыла с особыми полномочиями группа, возглавляемая сотрудниками Генпрокуратуры Т. М. Гдляном и Н. И. Ивановым. По всем областям и весям республики прокатилась волна арестов, допросов с пристрастием, изъятие многих миллионов денежных знаков, драгоценностей в золотых ювелирных изделиях, брильянтов, монет царской чеканки. «Разоблачены» практически все руководители областных партийных и советских органов и ЦК КП УзССР, многие руководители колхозов, совхозов и других производств, допускавших приписки, взятки, семейственность, преследования инакомыслящих и т. п. Эта эпопея была названа «хлопковое дело». Ход разоблачений, допросов, сопровождался широким показом документальных картинок по телевидению, где демонстрировали пачки купюр, горы драгоценностей, способов их изъятия. Гдлян и Иванов прославились на всю Советскую страну. Тело Ш. Рашидова было перенесено куда-то, куда я не знал. Место прежнего захоронения заасфальтировали, как будто и не было здесь подобного. Первым секретарем ЦК КПУз стал И. Б. Усманходжаев.

А что происходило на самом деле и что знали мы, граждане, проживающие в Узбекистане!?

Ежегодные поездки школьников и студентов, трудящихся учреждений городов на уборку урожая хлопка в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы особенно с тех участков полей, где уже первым сборам прошлись колхозники и рабочие совхозов, в основном женщины, стало традицией и никто не роптал, идет война не на жизнь, а на смерть, Родине нужна победа, а армии обмундирование, взрывчатка и т. п. Для нас, студентов хлопковая пора была даже каким-то веселым временем. После целого дня работы на поле, соревнования – кто больше собрал, а, иногда, и кто смог «надуть» приемщика – были еще желания, несмотря на весьма убогие условия занимаемых помещений, пообщаться между собой, иногда и потанцевать, а то и устроить вечеринку с выпивкой. Конечно, отсутствие занятий 1,5–2 месяца снижало эффективность учебного процесса, вызывало необходимость интенсификации его в последующие месяцы, но об этом мы думали меньше всего. Но во все

последующие годы, когда казалось, что страна уже оправилась от разрухи, уже на подъеме, созданы и работают хлопкоуборочные машины, практика привлечения на ручную уборку хлопка указанных категорий граждан стала обязательной, более того, каждый факультет, учреждение, фабрика, завод получили на постоянной основе статус шефа определенного колхоза, совхоза, их бригады и т. п. Руководство этих организации стали ответственными за создание более благоприятных бытовых условий пребывания своих студентов, трудящихся, приобретали инвентарь и постельные принадлежности, утепляли выделенные для проживания помещения, предоставляли (при наличии таковых) транспортные средства для доставки и вывоза трудящихся. Партийные и советские органы всех уровней со всей серьезностью, жестко следили за выделением установленных ими количественных показателей по числу вывозимых трудящихся, выходов ими на поле, собранных и сданных объемов хлопка-сырца. Сбор хлопка продолжался до «последней коробочки», невзирая на погодные условия, нераскрывшиеся коробочки, грязь. Нужны были тонны, выполнение планов и взятых дополнительных обязательств, а они, эти планы и обязательства, из года в год росли и росли, Родина требовала! Земельные угодья под хлопок увеличивали и за счет сокращения площадей под другие необходимые сельхозкультуры, сокращались удовлетворение ими потребности населения.

Понятно, что ежегодные повышения планов по сдаче Государству хлопка исходили из Союзного правительства и их выполнение давало Республике какие-то дополнительные средства для увеличения площадей, мелиорации и ирригации, а часть этих средств уходило и на другие нужды, в том числе и коррупцию, подкупа высокопоставленных чиновников центра. Чтобы получать дополнительные средства было необходимо выполнять, а то и перевыполнять спускаемые планы и доклады об этом торжественно делались, вот уже Узбекистан собирает 3,0–3,5 миллиона, ставит задачу достигнуть 4,0 миллиона тонн, хотя на самом деле во многих случаях делались приписки к фактически собранным тоннам.

Рядовые труженики, да и руководители низовых и средних звеньев видели, понимали и чувствовали ненормальность в ведении хозяйства, ходили разговоры, слухи, приводились факты взяточничества, необъяснимых по роскоши образов жизни многих семей из представителей высшего руководства, строительства собственных роскошных домов и т. п. Приписки были не только в хлопководстве, а и в других областях, особенно сельскохозяйственной деятельности. Примером может служить такой рассказ:

«Один колхоз сдал райпотребсоюзу в счет выполнения плана сдачи сельхозпродукции 30 кг сливочного масла, о чем получил соответствующий документ. Райпотребсоюз зачислил эту продукцию и, в соответствии с правилами, отправил ее на реализацию в розничную торговлю сельпо. К заведующему магазина обращается ответственный представитель другого колхоза и за определенную (выше розничной) цену покупает эти же 30 кг сливочного масла, сдает их райпотребсоюзу в счет своего плана. Так эти 30 кг сливочного масла становятся предметом сдачи в счет выполнения планов производства этого продукта еще от нескольких колхозов. За это время само сливочное масло пришло в полную непригодность для употребления и было уничтожено!» – хотите верить, хотите – нет!

Подтвердить возможность подобного могу я сам, так как приобрел однажды (не помню писал ли об этом в первых книгах) нейлоновую мужскую сорочку в сельском магазине за 22 рубля (цена довольно приличная по тем временам) и плюс к ним еще приобретенные на рынке 20 куриных яиц. Без сдачи яиц товар не продавался. Уверен, что эти яйца были засчитаны в план сдачи этой продукции государству.

Вместе с тем, сам ход, методы производства обысков и арестов, проводимых группой Гдляна и Иванова, проводились с большим числом грубейших нарушений предусмотренных правил и законов, попранием прав человека и гражданина. Не исключено, что при изъятии действительно большого числа драгоценностей, учет их был таким, что «экспроприаторы» могли, а кое-кто из них использовал эту возможность, чтобы обогатиться.

Не знаю к несчастью ли, или к счастью, что Генсек Ю. В. Андропов «процарствовал» чуть менее 1,5 лет, скончался от болезней, а очередным Генсеком стал приверженец и бывший начальник канцелярии Брежнева Константин Устинович Черненко, 73-х летний больной человек, который почти весь период своего руководства партией и страной провел в Центральной клинической больнице. К. Черненко попытался провести некоторые косметические реформы, ввел «День знаний», отмечавшийся 1 сентября, а с другой стороны продолжил противостояние с США, бойкотировал Олимпийские игры в Лос-Анджелесе 1984 года. При нем продолжились репрессии, был расстрелян директор «Елисеевского» Соколов, при нем покончил собой бывший Министр МВД Н. Щелоков, предан суду Ю. Чурбанов. В марте 1985 г. К. Черненко скончался и его похороны были последними у Кремлевской стены.

Так застойные, или нет!? Судите сами. Для кого – да! Для кого – нет!

Через несколько лет прославившийся на «хлопковом деле» Т. Гдлян выразился:

– Москва несправедливо выделила Узбекскую республику среди остальных республик, несмотря на тот факт, что похожий размах коррупции присутствовал по всему Союзу.

«Хлопковое дело» затронуло и руководство Навоийской области, Первый секретарь обкома КП Узбекистана В. П. Есин ушел на пенсию и вскоре скончался. Первым секретарем Навоийского Обкома «был избран» Анатолий Степанович Ефимов, бывший секретарь Кировского районного комитета КПСС города Ленинграда.

Генеральным секретарем ЦК КПСС стал представитель более молодого поколения из состава Политбюро Михаил Сергеевич Горбачев. Назревала пора существенных изменений в управлении хозяйством великой страны, в жизни ее многомиллионного населения.

ГЛАВА 15

Мы стали Лауреатами Государственной премии СССР.

Ушел А. А. Петров.

Смена руководства в Минсредмаше. Е. П. Славский

О том, что идет оформление документов для представления на Государственную премию СССР работы по эффективному восстановлению важных деталей с нанесением твердосплавных порошковых материалов, в составе претендентов которой фигурируют основные создатели ее из РМЗ, директор комбината А. А. Петров и главный инженер Л. М. Демич, мне стало известно. Мне пришла в голову мысль, а почему же такое, с моей точки зрения большое дело, как перевод целого уранодобывающего предприятия на добычу с подземных горных работ на метод СПВ и достигнутые в короткие сроки при этом весьма убедительные технико-экономические показатели, не должно также претендовать на такую высокую награду? Я со своей мыслью и предложением начать ее продвижение поделился с директором ЮРУ (Сабырсайское предприятие) В. П. Щепетковым, куда выехал через пару недель по окончании описанной мною конференции в Навои. Виктор Петрович загорелся этой идеей, хотя высказал несколько скептических мыслей. Я убедил его попросить аудиенцию у А. Петрова, чтобы доложить последнему о наших предложениях и поддержке их. Такая тройственная встреча состоялась, я изложил основные положения, обосновывающие возможность достижения цели, и Петров поддержал идею. Я попросил Анатолия Анатолиевича выйти на министра, чтобы заручиться его поддержкой на дальнейшее продвижение представления. Более того, я набрался смелости и высказал просьбу, что если вопрос о выдвижении нашей работы решится положительно, то отдать кандидатуру Л. Демича в нашу компанию из списка на

премию за успехи в порошковом напылении. Прошло совсем немного времени, и Анатолий Анатолиевич сообщил нам о поддержке министерством акта выдвижения на Госпремию работ по переводу месторождения «Сабырсай» на СПВ.

Мы, ваш покорный слуга, Виктор Щепетков и главный инженер ЮРУ Владимир Семенович Горуля в конторе рудоуправления обсудили весьма важный для успеха всей задумки вопрос о названии работы. Возникали сомнения на успех, если представлять работу как создание и усовершенствование способа СПВ (скважинного подземного выщелачивания), так как в предыдущие годы уже были получены Госпремии кажется двумя коллективами, один по Министерству геологии СССР, второй по линии Минсредмаша, да способ этот фигурировал и в полученной Госпремии за освоение месторождения «Учкудук» за 1977 год. Я предложил назвать работу как реконструкция предприятия, перевод добычи со сложных подземных горных работ на более прогрессивный способ СПВ за счет усовершенствования многих технологических переделов и внедрения технических новинок и техники в конкретных горнотехнических условиях. Несколько позже в ходе написания пояснительной записки я сформулировал название работы – «Высокоэффективная, ускоренная реконструкция предприятия на базе прогрессивных технологий и технических решений, обеспечившая при минимальных капитальных вложениях высокие темпы роста объемов добычи урана и вовлечение в эксплуатацию некондиционных руд на месторождениях Сабырсай и Кетменчи». Это название получило поддержку во всех инстанциях и прошло утверждение.

Мы составили план и структуру пояснительной записки, вернее тома, в котором должны быть изложены история освоения, создания технических и организационных средств и внедрения способа СПВ применительно к конкретным условиям рудных полей месторождения Сабырсай и получения в результате этого весьма высоких технико-экономических показателей по снижению себестоимости добычи, сокращению капитальных затрат, увеличению вовлекаемых в разработку запасов, значительного улучшения безопасных условий работы персонала и экологии окружающей среды. Я взял на себя обязательство изложить и обосновать все технико-экономические вопросы, а руководители предприятия должны были организовать изложение всех технических и организационных новинок и средств, разработанных и внедренных на предприятии. Обговорили сроки разработки разделов, способы связи и обмена информацией. Одновременно обдумали и согласовали первичный персональный

список выдвигаемых кандидатур. Понятно, что очень непросто было определить списочный состав соискателей. Масштаб работы, выдвигаемой на премию весьма значителен, в этом процессе участвовало много специалистов и не только непосредственно предприятия и комбината. На первом этапе решили выдвинуть от ЮРУ В. П. Щепеткова, В. С. Горулю, К. С. Мальцева, А. Б. Синявского, Е. Г. Тарубарова. От филиала № 1 ПромНИИпроекта – Л. Б. Бешер-Белинского, А. П. Суворова. От комбината – Л. М. Демича. Через некоторое время В. Щепетков был вынужден присоединить в список кандидатуру тогдашнего секретаря парткома предприятия Г. Г. Белоозерских, выразившего требование быть в числе претендентов, и директор не смог противостоять этому, хотя Белоозерских не принимал практически какого-либо активного участия в этих работах. Я был против кандидатуры Белоозерских.

После проведенных обсуждений плана работы и первичного списка соискателей, вернувшись в Ташкент, я доложил директору А. Суворову об описанных событиях, включение его в список выдвигаемых кандидатур и предложил ему свой план выполнения взятых обязательств по созданию тома представления к премии. Я попросил разрешения примерно на месяц ослабить мое участие в руководстве работами проектирования, занять так называемый «греческий зал» – просторный кабинет, где проводились еженедельные совещания при главном инженере, расширенные заседания парткома, месткома предприятия, и использовать это для составления серьезной работы. Естественно, получил полное согласие на это, более того, Афанасий Павлович при каждом случае необходимости выезда в ЮРУ для согласования возникающих вопросов по расчету технико-экономических показателей с излагаемыми специалистами ЮРУ техническими решениями, для проведения требуемых положением заседаний научно-технических советов, на которых должны быть обсуждены и утверждены рекомендации по выдвижению самой работы и характеристики вкладов выдвигаемых кандидатур на Госпремию, выделял мне микроавтобус и вооруженное сопровождение, в связи с необходимостью иметь при себе совершенно секретные материалы. Понятно, что вся работа была закрытой, так как в ней участвовали данные запасов месторождения, содержания металла в руде, себестоимость продукции и т. п., относящиеся к списку секретных показателей.

Все исполнители, привлеченные к созданию пояснительной записки со стороны ЮРУ, понятно, что это были главным образом те, что в списке соискателей (кроме Белоозерских) справились в

поставленные сроки и материалы были переданы мне. В институте я отредактировал эти и выполненные мною материалы расчетов и выводов по технико-экономическому обоснованию результатов десятилетнего труда коллективов. Должен сказать, что большую помощь мне при написании материалов оказал начальник горного отдела Револьд Львович Левитин – «Не померкнет память о нем в наших сердцах!» Материалы были напечатаны, переплетены и оформлены в соответствии с требованиями положений по представлению на Ленинские и Государственные премии. Материалы в нужном количестве экземпляров были отправлены в комбинат на имя А. А. Петрова.

Весь дальнейший путь прохождения материалов мне доподлинно не известен, но так как я пытался узнавать всеми возможными средствами и через немногословного Анатолия Анатолиевича, и через моих товарищей, сотрудников головного института, Первого главного управления, которые, в свою очередь, связывались с учеными секретарями научно-технических советов своих учреждений, мне становилось известным происходящие лишь дополнения к списку выдвигаемых кандидатур. Еще до ухода материалов из комбината в Москву, Анатолий Анатолиевич сказал мне о включении в список соискателей бывшего директора ГМЗ-1, а ныне секретаря Навоийского обкома КП Узбекистана по промышленности, безусловно заслуживающего этого Владимира Ананьевича Коваленко. Затем по мере дальнейшего прохождения материалов в число выдвигаемых кандидатур добавлялись главный инженер Первого главного управления Минсредмаша Иван Васильевич Дорофеичев (кстати, его кандидатуру мы намечали еще при первом обсуждении о возможном выдвижении работы у А. Петрова), сотрудники головного института ПромНИИпроект, начальник отдела № 25 Михаил Козьмич Пименов и главный инженер этого отдела В. Николаев, старшие научные сотрудники ВНИИХТ (г. Москва) Рахим Сабирович Садыков и Николай Федорович Шереметьев. Таким образом число соискателей (не более 12 человек) превысило квоту и от предприятия ЮРУ были исключены К. Мальцев, А. Синявский и Г. Белоозерских.

Все кандидатуры были обсуждены в коллективах на соответствующих заседаниях научно-технических советов, где и утверждены были характеристики по вкладу каждого, материалы прошли сложную процедуру рассмотрения в многочисленных инстанциях Минсредмаша, оборонного отдела ЦК КПСС, комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области науки и техники при Совете Министров СССР, утверждены в ноябре месяце 1985 года

в ЦК КПСС и Совете Министров СССР, о чем каждый из нас был уведомлен специальным посланием комитета по Ленинским и Государственным премиям.

Все центральные газеты опубликовали постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о присуждении соответствующих премий за 1985 год, но это были только те, что относятся к открытым работам. О работах закрытого (секретного) характера в газетах и других средствах массовой информации не сообщается.

В двадцатых числах января 1986 года получаем извещение о явке в министерство 28 января. Вылетаем с Суворовым. В министерстве нас, лауреатов собирают в холле у кабинета министра. Здесь присутствуют лауреаты не помню точно трех, или четырех закрытых работ по темам Минсредмаша. Нам ученый секретарь сообщает, что вручение дипломов и знаков лауреатов состоится завтра, 29 января в Кремле, куда мы должны прибыть к 10 часам организованно на автобусах от Министерства. Он вручил каждому персональный пригласительный билет, в котором сообщалось, что вручение состоится в Свердловском зале Кремля и пройти следует через Спасские ворота. Ученый секретарь тут же высказал просьбу, которая звучала примерно так:

– Уважаемые товарищи! Понятны ваши чувства гордости и радости по поводу получения высоких наград, но есть просьба, которую я довожу до вас от имени Ефима Павловича, не организовывать по этому поводу групповых мероприятий в ресторанах, как это широко делалось в прежние годы. Учтите вышедшие постановления и решения партии и правительства по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Всякое зафиксированное нарушение общественного порядка в таком мероприятии может получить очень нежелательный резонанс и крупные последствия как для самих участников, так и для престижа министерства.

На этом и разошлись, а наша группа собралась в кабинете Ивана Дорофеичева. Здесь после довольно затянувшегося обсуждения все-таки приняли решение собраться и пригласить ограниченный контингент, на что каждый лауреат выделяет определенную сумму, а организацию места и времени проведения торжества взяли на себя самые решительные инициаторы этого мероприятия Л. Бешер-Белинский и В. Горуля. Определили, кто из виновников торжества и кого из руководителей приглашает. Не буду пока оглашать фамилии.

Ровно в 9.30 следующего дня на двух автобусах всех участников подвезли к Спасским воротам Кремля. В сопровождении офицера охраны дошли до здания, где по одному, показывая пригласитель-

ный билет и паспорт, поднялись по ступенькам во внутрь и в Свердловский зал. Не очень большой и довольно простой по убранству, как бы овальный, зал был уставлен креслами, обращенными к невысокому возвышения со столом президиума и трибуной для выступающего. В зале собралось довольно большое число участников. Думаю, что более 100–120 человек. Наша группа из 11 человек (по каким-то причинам не приехал В. А. Коваленко) разместилась примерно в середине установленных кресел. Ровно в 11.00 к столу президиума вышли три–четыре человека, среди которых не оказалось председателя комитета по Ленинским и Госпремиям, имею ввиду А. П. Александрова, которого я знал. Один из пришедших, довольно высокого роста, худощавый обратился к присутствующим с небольшим приветственным словом и объяснил порядок вручения дипломов и почетных знаков Лауреата. Это был ученый секретарь комитета по Ленинским и Государственным премиям в области науки и техники В. Четвериков.

Один из ассистентов Четверикова стал оглашать наименование работы (правда в очень сокращенном виде), из которой не совсем четко можно было понять суть и характер ее и принадлежности к ведомству. Затем вызывалась фамилия руководителя работы (если был таковой) и остальных участников по алфавиту. Каждому В. Четвериков вручал подаваемые ему вторым ассистентом документ и знак, упакованные в красивые коробки. Примерно третьей по порядку оказалась наша работа, которую объявили как «За высокоэффективную реконструкцию предприятия» и первым вызвали меня (руководителя работы не было) по алфавиту. Момент, конечно, волнительный, эмоции подступают к горлу. Взял себя в руки, поблагодарил вручающего!

После окончания вручения наград было объявлено, что фотографировать в зале запрещается, но в порядке исключения можно по очереди каждой группе награжденных собраться на возвышенности президиума, где их сфотографируют. Это мы проделали и не помню как, но каждому из нас один экземпляр фотографии был вручен.

Вручение Государственных премий за 1985 год и открытым (не секретным) работам состоялось на следующий день в этом же Свердловском зале.

Выйдя из Кремля, я и Владимир Горуля отправились в ресторан гостиницы «Москва», где у администратора попросили места для проведения ужина на 35–40 участников на завтра, 30 января. Нам заявили, что на такое мероприятие следует делать заявку заранее, хотя бы за 10–15 дней, а на «завтра» мест категорически нет.

Но, наш огорченный вид растрогал администратора и он порекомендовал нам обратиться в другой ресторан, находящийся с противоположного торца этого же комплекса зданий (со стороны площади, где бюст Маркса) и назвал женское имя дежурного администратора этого ресторана, кажется называемого «Столичный». Мы помчались туда, нашли и обратились к этой симпатичной особе, которая сообщила нам, что уже знает о нашем желании, сообщенном ей по телефону, но отдельного банкетного зала нет, а удобное и расположенное несколько в стороне от большого зала и шумного оркестра местечко на 30–40 человек может организовать и показало его нам. Мы согласились, выбрали меню и напитки для стола, оплатили задаток.

Банкет состоялся, большинство приглашенных участвовали в нашем торжестве. К сожалению, не пришли из приглашенных Н. Б. Карпов, О. Л. Кедровский, Д. И. Скороваров, думаю решивших не дразнить судьбу в связи с борьбой с пьянством. Анатолий Анатольевич Петров пришел с супругой Людмилой Ильинишной и сыном Андреем. Весь вечер были тосты, шутки, разговоры, танцы. Все прошло отлично, без последствий.

Так возникшая в моих мозгах идея осуществилась наяву. Конечно, стало это возможным лишь благодаря активнейшей поддержке и практических усилий со стороны Анатолия Анатольевича Петрова, инженера-горняка, прошедшего на деле и прочувствовавшего все трудности и прелести освоения уникальных по горнотехническим и климатическим условиям месторождений Кызылкумской провинции, 26 лет прожившего со своей семьей в этой провинции и посчитавший необходимостью достойно отметить еще одну группу участников этих событий, трудившихся с ним.

Хочу продолжить, хотя и с некоторым опережением хронологии, о А. А. Петрове. Ко времени вручения Государственной премии Анатолий Анатольевич уже ушел на пенсию из-за состояния здоровья. Его семье была выделена трехкомнатная квартира в Москве, где я уже побывал пару раз. Директором НГМК стал Николай Иванович Кучерский, о котором разговор и воспоминания впереди. Не знаю по каким соображениям, но думаю, что с целью использования более благоприятного климата, семья Анатолия Анатольевича переехала в родной город Людмилы Ильиничны Феодосию, в Крым. С Анатолием Анатольевичем я встречался после этого всего два–три раза. В 1993 году во время празднования 35-летнего юбилея НГМК в г. Навои, описание которого собираюсь написать в соответствующем месте, если даст Бог, и в последний раз в начале 1995 года, ког-

да Анатолий Анатольевич в сопровождении Людмилы Ильиничны проезжал через Ташкент (самолетом) туда и обратно в Навои, где проходил курс лечения в МСО-27. Болезнь прогрессировала, Толь Толич терял силы, но улыбался, шутил и поддерживал компанию, застолье, даже выпивая небольшую порцию спиртного. Происходило это в номере гостиницы филиала. Мы распрощались, обнявшись, я еле воздержался от слез и всхлипываний, понимая, что видимся в последний раз. Анатолий Анатольевич Петров скончался в 1995 году в городе Феодосии, где был почетным гражданином, и похоронен там. НИКОГДА не померкнет память о нем в моем сердце!

Вот и наступил 1986 год, год знаменитый, как я назвал «веховой». Таким он стал для всей Страны – Чернобыльская трагедия, XXVII Съезд КПСС, для Минсредмаша – та же трагедия и смена руководства; да и для меня и моей семьи – отметил 60-летие.

Новый генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев сразу повел очень активную деятельность по наведению порядка и переустройству хозяйствования, начав с антиалкогольной кампании, которая привела к резкому повышению цен на алкогольные напитки, вырубке виноградников, даже элитных сортов, резкому увеличению самогонварения и исчезновению сахара из магазинов. С начала 1986 года началась борьба с нетрудовыми доходами, превратившаяся в преследование лиц, дающих приватные уроки, продающих цветы с личных хозяйств, перевозчиков пассажиров на личном транспорте, пекущих и торгующих хлебными изделиями, в частности, лепешками в городах Средней Азии. Правда эта кампания вскоре была свернута. Был выдвинут лозунг «Ускорения», с целью поднятия уровня промышленного производства и повышения благосостояния населения в короткие сроки, что привело к быстрому выбытию промышленных мощностей и началу кооперативного движения. Шла подготовка к так называемой «перестройке». Про остальные лозунги, дела и действия Горбачевской перестройки, наверное, расскажу позже, описывая соответствующие времена.

В апреле 1986 года грянул гром Чернобыльской катастрофы на атомной электростанции, сообщение о которой власти задержали на несколько дней непонятно для чего и почему. На «тушение», ликвидацию последствий и изоляцию остатков 4-го блока станции были направлены усилия главным образом специалистов и трудящихся предприятий, научных организаций Минсредмаша и солдат армии. Возможные последствия аварии долго замалчивались, затянулось выселение трудящихся и населения из Причернобыльской зоны. Среди первых ликвидаторов были заместитель министра

Минсредмаша по капитальному строительству Александр Николаевич Усанов, который за активное руководство ликвидацией аварии был удостоен звания Героя Социалистического труда и которой вскоре скончался от полученных доз радиационного облучения. Кто-то знает, кто-то и нет, что строительство, оснащение и эксплуатация атомных электростанций в СССР велось под эгидой Минсредмаша, а не Министерства энергетики, которое было фактически прикрытием, из-за секретности всех работ, проводимых Минсредмашем.

Создавшиеся обстоятельства – крупная авария, получившая международный резонанс, демократизация руководства, первые симптомы перестройки, да и очень солидный возраст Ефима Павловича Славского – привели к смене руководства Минсредмашем и назначением на эту должность Л. Д. Рябева, если не ошибаюсь, ранее занимавшего высокий пост заведующего оборонным отделом ЦК КПСС. Смена отдельных ответственных руководителей в министерстве началась и ранее. Так начальником Первого главного производственного управления вместо много лет проработавшего в этой должности Николая Борисовича Карпова, соратника и ближайшего товарища Ефим Павловича (это со слов последнего), стал Вячеслав Владимирович Кротков, переведенный на эту должность с Пятигорского предприятия, где он был директором. С моей точки зрения это была не самая лучшая кандидатура, думаю, что среди имевшихся в системе Главка кадров были более достойные на эту важную должность. Заместителем начальника Первого главного управления по капитальному строительству стал полковник, инженер-строитель Борис Георгиевич Гаврюсев, очень энергичный, выдержанный, высокой культуры человек, с которым было очень приятно работать и общаться в последующие, нелегкие годы с точки зрения условий финансирования объектов строительства и поддержания уровня производственного потенциала.

Так в ноябре месяце 1986 года ушел на пенсию один из старейших по возрасту (88 лет) и стажу министр, легендарный человек, комиссар кавбригады в 1-й Конной Армии, директор Днепропетровского, а затем Уральского алюминиевых заводов, во время Отечественной войны дававших стране и фронту очень важный и нужный металл, заместитель Наркома (министра) цветной металлургии СССР (нарком П. Ф. Ломако), заместитель начальника Первого главного управления при Совете Министров СССР (нач. управления Б. Л. Ванников), участник строительства первого плутониевого комбината (Кыштым), участник и один из руководителей первого атомного взрыва на Семипалатинском полигоне, начальник Главного

управления, 1-й зам. министра среднего машиностроения, участник и руководитель первого термоядерного взрыва водородной бомбы, без малого 30 лет министр среднего машиностроения СССР, с которым связаны строительство первой атомной электростанции в Обнинске, атомного ледокола «Ленин», создание ядерного щита СССР, постановка на вооружение ВМФ первых атомных подводных лодок, организация освоения многих урановых и других стратегически важных месторождений полезных ископаемых и строительства на них предприятий и городов, трижды Герой Социалистического труда Ефим Павлович Славский.

Недавно удалось прочитать понравившиеся мне высказывания в 1982 году о Е. Славском одного из активнейших создателей атомных изделий в СССР академика и тоже трижды Героя Соцтруда Андрея Дмитриевича Сахарова:

«Славский – по образованию инженер, кажется металлург. Человек несомненно больших способностей и работоспособности, решительный и смелый, достаточно вдумчивый, умный и стремящийся составить себе четкое мнение по любому предмету, в то же время упрямый, часто нетерпимый к чужому мнению; человек, который может быть и мягким, вежливым и весьма грубым.

По политическим и нравственным установкам прагматик, искренне одобряющий хрущевскую десталинизацию и брежневскую “стабилизацию”, ...с презрением к нытикам, резонерам и сомневающимся, искренне увлеченный тем делом, во главе которого он поставлен, ...глубоко любящий технику, машины, строительство...».

Мне кажется, что высказанные в предыдущих и уже в этой книге, конечно более примитивным языком, мои оценки встреч с Ефим Павловичем, полностью соответствуют мнению академика.

Ефим Павлович Славский скончался в ноябре 1991 года, на 94 году жизни. Мне довелось быть на его похоронах в Москве, где я оказался в командировке.

Я горд знакомством с этим поистине великим организатором, грамотным инженером-металлургом, простым, но и своеобразным человеком, с которым неоднократно общался в разных, официальных и неофициальных обстановках, из рук которого принимал орден Трудового Красного Знамени. Память о нем сохранится в моем сердце!

ГЛАВА 16

*Теперь о делах житейских,
семейных, радостях и огорчениях.
Однокашники и друзья.
Мы приобрели «ГАЗ-24»*

Много событий, связанных с моей семьей и достойных внимания, описание которых поможет понять обстановку и жизнь простых людей в стране, ее центре и окраинах, хочу изложить в этой главе.

Начну с того, что в мае 1978 года мы, выпускники горного факультета САИИ, отметили 30-летний юбилей его окончания. Многие, разъехавшиеся после окончания института по распределению в разные регионы большой страны, вернулись в родной город Ташкент, а некоторые, к сожалению, ушли в мир иной. Первым из (думаю не ошибаюсь в цифре) 42 выпускников факультета 1948 года ушел из жизни геолог Юрий Антипов, погибший в машинной аварии при возвращении из полевой экспедиции на базу в первый же год работы. Это был очень красивый, светловолосый, с густыми черными бровями молодой человек, отпрыск русского папы (которого я не знал) и мамы-армянки, тоже красивой женщины. Юра был очень активным участником художественной самодеятельности в годы учебы, обладал очень сочным, с приятным тембром бас-голосом и прекрасным слухом, исполнял многие классические арии и, конечно, шуточные студенческие песни и напевы. Наши с ним семьи в годы учебы были схожи по составу (только мама и единственный сын), низкому достатку, жили недалеко в одном центральном районе города и часто бывали друг у друга, иногда взаимно выручали денежными займами. Наша инициативная группа из выпускников, организаторов каждых 5-летних сборов, Ада и Павел Шиловы,

Виолетта и Лев Коганы, всегда знавшие кто и где живет и работает, заранее связались с выпускниками, некоторыми преподавателями и определяли возможный состав собрания. На сей раз наш однокашник и мой товарищ времен учебы (читай первую книгу) Нариман Ходжибаев, инженер-гидрогеолог, поначалу успешно работавший в глубинке на освоении земель Голодной Степи, а затем на этой базе защитивший кандидатскую диссертацию, также успешно продолжал работать в одном академическом институте и стал директором, может быть не точно, но кажется «Научно-производственного гидрологического объединения». Он предложил провести встречу не в одном из ресторанов, а на территории замечательного подсобного хозяйства объединения, находящегося под Ташкентом. Предложение было принято, и я тоже стал одним из организаторов встречи, определения ее программы, оформления помещения и т. п. Традиционно собрались у здания, бывшего горным факультетом во времена нашей учебы на ул., Гоголя 68, а затем на автобусе приехали в сад подсобного хозяйства. Сложилось так, что ведущим (тамадой) наших юбилейных, да и многих других, семейных (по случаю дней рождения, дат совместной жизни) сборов, выбирали меня и я выполнял эти обязанности, говорят, неплохо. Наша юбилейная встреча прошла очень интересно, весело, встретились с однокашниками, прибывшими из разных городов страны и теми, с которыми не встречались даже в Ташкенте в обычной, будничной суете работ и забот – несколько экстравагантной Милей Бошнякович, Александром Сескутовым и Зоей Шмариной, ставших супругами, Виктором Подлипалиным, Геннадием Завалишиным, вечно улыбающимся Матласевичем и его бывшей уже супругой, однокашницей Ириной, Басей Рафалович, всегда хитроватым, но добрым и всегда готовым помочь и угодить Равилем Хабибулиным, примкнувшим к нам светловолосым и симпатичным армянином Арамисом Петросяном, несколькими инженерами геологами более позднего выпуска из узбекской национальной группы. Понятно, что были и те, с которыми встречались постоянно и часто – Виктор Надеждин, Альберт Аганов с супругой Нелей, Семен Мудрый, Виолетта и Лев Коганы, Вера Богодухова, ну и, естественно Нариман Ходжибаев с супругой, красивой узбекской национальнoсти женщиной, с которой ранее я знаком не был. Отмечу, что Юлия в наших традиционных встречах однокашников не участвовала, как и супруги и мужья многих других, ссылаясь на то, что я не смогу ей уделять необходимое внимание в таком собрании и стараясь не мешать мне теснее общаться с однокашниками. Сохранилось у меня несколько фотографий этой встречи и надеюсь они будут в этом томе.

В том же, 1978 году скончалась в центральной больнице им. Жуковского от поздно выявленного ракового заболевания Юлина мама, Рахиль Исаевна. В последние дни при ней круглосуточно была Юлия. Родители Юли жили в 12-м квартале Чиланзара, в двухкомнатной квартире, если читатель помнит из книги второй, которую обменяли на Ярославскую в 1972 году. Мы и внуки (наши дети) часто посещали их, бывали они и у нас. К этому времени районы Чиланзарских кварталов уже были хорошо благоустроены, с plentifulными транспортными и связи коммуникациями. Однако, жизнь Макса Борисовича в одиночестве, вдалеке от нас стала проблемой. Нам представилась возможность после долгих поисков произвести обмен двухкомнатной квартиры на Чиланзаре на однокомнатную в нашем доме, соседнем подъезде, где жила одинокая женщина, получившая эту квартиру в ведомственном доме за счет 10% квоты, выделяемой городским властям. Обмен состоялся и теперь Макс Борисович, практически был с нами, хотя он умел и зачастую готовил себе пищу самостоятельно. Макс Борисович Шатуновский прожил еще 4 года, тяжело переживал потерю супруги, его и так не очень легкий, довольно замкнутый характер становился угрюмей. Однажды утром, зайдя к нему в квартиру, я обнаружил его лежащим без сознания на полу. Скорой помощью он был доставлен в больницу на Беш-Агаче, где пробыл около двух недель. Около него поочередно дежурили я и наши сыновья, он приходил в себя и опять терял сознание. Макс Борисович скончался 20 марта 1982 года на моих руках в день 55-летия со дня рождения Юлии.

Несмотря на довольно напряженный ритм жизни, связанный с частыми моими отъездами в командировки, мы часто общались с друзьями по случаям семейных дат, ходили на сеансы кино в кино-театры и не очень часто в театры, главным образом драматический имени Горького. Кроме друзей-однокашников и сослуживцев, наши общения были частыми с нашими друзьями прежних лет, с которыми с возвращением в Ташкент возобновились еще более укрепились наши дружественные связи. Начну с семьи Виктора и Тамары Кириленко, о которых что-то описано в первой книге, вскользь упомянуто в главе 7 этой книги. Теперь подробнее. Виктор, ответственный сотрудник республиканской газеты «Правда Востока» и Тамара, балетмейстер, преподаватель в балетном училище, что размещалось на улице Педагогической, в новом, специально выстроенном для него здании, жили на 8-м этаже девятиэтажного большого по числу подъездов дома на одной из центральных, магистральных улиц Ташкента. Сейчас этот район назывался Ц-4, где бывшая ули-

ца им. Навои слилась с реконструированной улицей Первомайской, и эта магистраль протянулась от старого города на юге и на север за улицу Пушкинскую. По этой, разделенной на середине трамвайными рельсами широкой колеи, магистрали бегали трамваи многих маршрутов, мчались в оба направления многочисленные автомобили, вдоль широких тротуаров росли уже высокие с большими кронами деревья, дающие желаемую тень в жаркие летние дни. В семье росли, также как у нас, два сына, старший Олег и младший (лет на 7–8) Игорь. Тамара (девичья фамилия Литвинова с ударением на «о») была старше Юли на два–три класса в известной в Ташкенте средней школе № 50, но они подружились на почве знакомства Томиной мамы, работавшей секретарем директора, с родной Юлиной тетей, Агнессой Борисовной Шатуновской, преподавателем русского языка и литературы в старших классах, Заслуженной учительницей СССР, награжденной Орденом Ленина. Эта дружба сохранилась, были редкие встречи по приезду в Ташкент во времена нашей жизни на рудниках, продолжилась и еще более укрепилась в описываемые зрелые годы, тем более, что супругом Тамары стал мой товарищ военных лет Виктор Кириленко. Мы очень часто перезванивались, часто встречались в наших домах по поводам и без повода, просто повидаться и пообщаться. Тамара была очень доброй, разговорчивой, приветливой, хозяйственной и хлебосольной, любящей хорошо поесть и очень вкусно приготовить угощения, а с Виктором можно было при общении хорошо и подробно обсудить всякие дела общественного и политического плана, многие байки и неофициальные сведения о положении дел, в хозяйствовании, промахах в верхних эшелонах руководства республики, о чем он мог знать, работая в редакции главной республиканской газеты. Интересно, что Кириленки дружили и с семьей Романа Рышина, моего и Виктора товарища с военных лет, который к этому времени стал известным в Ташкенте адвокатом, а его супруга Алла, тоже юрист и адвокат, на общественных началах и по призыванию писала и печаталась в СМИ со статьями-рецензиями на проходящие в театрах Ташкента премьеры и гастроли приезжих трупп. Тамара и Алла совместно писали большой труд (не помню издали ли) об истории и характере восточного народного и классического танцев, их лучших исполнителях, в том числе о Тамаре Ханум. В этой работе принимала участие и родная сестра Тамары Ханум (не помню имени). На семейных праздниках у Виктора и Тамары, как правило собирались большие компании, под обильные угощения шли интересные разговоры, песни, шутки.

Тамара Кириленко и Алла Рышина договорились с Тамарой Ханум и устроили у нее, жившей с сестрой в большой квартире одного из новых домов по улице Пушкинской, в районе Дархан-арыка, прием нам, всей нашей семье с сыновьями и с приехавшими из Москвы на мой 50-летний юбилей Давидом и Адой Аксельбантами. В этой квартире был создан и музей, в котором экспонировались многочисленные костюмы и наряды, в которых Тамара Ханум (настоящую фамилию которой не помню, но она чисто армянская, так как Тамара по происхождению армянка) за долгую творческую жизнь успешно выполняла песни и танцы народов мира. Большинство костюмов сшиты лично Тамарой Ханум и ее сестрой, но есть и те, что ей дарили короли, султаны, императоры, премьер-министры многих стран мира, где она гастролировала. Все это она лично показывала нам, сопровождая комментариями. В музее были выставлены и многие афиши, отзывы специалистов на выступления Ханум, портреты ее мужа, известного артиста и первого ее художественного руководителя, картины и автопортрет ее внучки, первым мужем которой был сын Аркадия Райкина, Константин. Райкин. После осмотра экспонатов нам было предложено обильное застолье в восточном варианте с традиционным пловом и соответствующими закусками. Пир продолжался несколько часов, в процессе которого Тамара Ханум, несмотря на солидный уже возраст, очень красочно и с юмором рассказывала интересные эпизоды из своей жизни, сопровождая рассказ исполнением небольших кусочков из песен и выпивая по рюмочке за каждый тост. Непринужденность атмосферы встречи осмелила меня даже на тост, в котором рассказал, как я был на концерте Ханум в годы ВОВ в зале кинотеатра «Хива», что располагался на углу улиц Карла Маркса и Ленина, слышал исполнение ею песни на языке «идиш» «Махтейнеста майне» и решился исполнить несколько куплетов из нее, которые знал.

Годы шли, дети Кириленков закончили в соответствующие годы юридическое образование, старший Олег стал адвокатом в Ташкенте, младший Игорь ушел в армию, где служил в органах военной прокуратуры в России. Ушедший на пенсию Виктор Кириленко впал в период перестройки в глубокую депрессию и после продолжительной болезни скончался. Мы продолжали встречаться с Тамарой, очень переживавшей потерю мужа, морально поддерживали ее во все ухудшающиеся времена инфляции, дефицита и прочих «преlestей» жизни. Случилось так, что Тамара заболела воспалением легких, проходила лечение, но боли ее не покидали и оказалось, что просто прозевали развивающийся рак легких, от которого она

скончалась уже после нашего отъезда в Израиль. Продолжавшаяся еще некоторый период связь с Олегом Кириленко, отцом двух дочек прервалась по непонятным причинам после переезда этой семьи из Ташкента в Москву.

Семья Рышиных жила в Ташкенте в собственном большом доме с приусадебным небольшим участком на одной из окраин Ташкента, называемой «Болгарские огороды». Эта вполне благополучная семья, вырастившая единственного сына Севу (полное имя так и не знаю), тоже пошедшего по линии родителей и ставшего юристом, вела очень светский образ жизни. На собираемых в их доме встречи, вечеринки по семейным поводам всегда, кроме ближайших родственников и друзей, приглашались кто-то из знаменитостей в области театрального искусства, литературы, сервировка стола отличалась изысканностью, разговоры и обсуждения шли на не близкие мне (да и Юлии) темы. Это нас напрягало и такие встречи оставляли некоторый не совсем приятный осадок. Нам больше нравилось бывать у них не в званые вечера, а просто пообщаться двумя семьями. Таких встреч становились все больше в периоды уже перестройки, когда начался отток русскоязычного населения как в Россию, так и за кордон. Сева Рышин, не отличавшийся красотой, женился на красивой девушке, в его семье родилась дочь, но брак по каким-то причинам распался. Вся семья Рышиных очень переживала о случившемся, любили дочь и внучку, которая вскоре со своей мамой переехала в Москву. Я ее неоднократно видал, так как Рышины почти в каждую мою командировку в Москву передавали бывшей жене для внучки подарки или необходимые вещи. По мере нарастания напряжения в обществе, увеличения отъезда, в первую очередь лиц еврейской национальности, в Израиль, Америку, отъезда наших детей, в семье Рышиных тоже нарастала неприятная дискуссия – что делать? Сева женился во второй раз, родилась дочь. Молодая семья переехала жить к Рышиным. Обсуждались вопросы отъезда из страны. Роман при наших участившихся встречах заявлял, что хочет уезжать только в Израиль и желательно вместе с нами, когда это назреет, а Сева категорически отказывался от переезда в Израиль, считая, что без знания языка не сможет работать по профессии, а ничего другого он не знает и не может, что было резонно. Продолжавшаяся нервозность привела, в конце-концов, к обширному инсульту у Романа. Дома, после возвращения из больницы Роман мог передвигаться только в инвалидном кресле. Таким мы его увидели в последний раз при посещении этих друзей перед нашим отъездом на постоянное жительство в Израиль. Связь прервалась.

Лишь через несколько лет мы узнали, что Рышины каким-то образом эмигрировали в США, где Роман скончался, Алла тяжело заболела болезнью Альцгеймера. Так мы потеряли еще одних друзей.

По приезду в Ташкент стали довольно частыми встречи с семьей моего однокашника, близкого товарища студенческих лет Якова Ткач. О нем есть немного в первой моей книге. Пришел он на горный факультет на второй курс с заочного обучения, и я был первым, с кем он встретился на факультете, так как я уже работал секретарем декана. С тех пор мы и подружились. Надо сказать, что характер Якова отличался некоторой замкнутостью. Он мало участвовал в массовых мероприятиях, вечерах на факультете, но мы с ним часто посещали киносеансы, другие культурные мероприятия, гуляли в отдельные вечера в парке ОДО (окружной дом отдыха военного ведомства), очень модного тогда места встречи молодежи. После окончания института Яков женился на Лиле Киинове, окончившей энергофак нашего института на год раньше нас. Эта была довольно высокая, под стать Якову, который тоже был выше ростом меня, красивая девушка с высокой волнистой копной светлых волос, голубыми глазами, с некоторым забавным говором и произношением. Яков был распределен в систему Минцветмета, с начала потрудился в тресте «Средазцветметразведка» в должностях инженера и старшего инженера по горным работам технического отдела, после чего отправился вместе с семьей, женой и родившейся дочерью в Киргизию, где несколько лет работал на руднике «Кан» начальником производственно-технического отдела. Несладкая жизнь в небольшом поселке при руднике в далекой Киргизской глубинке, не удовлетворявшая в первую очередь молодую жену, заставила семью вернуться в Ташкент, где продолжали жить родители Якова и Лили. Здесь, в 1956 году Яков Ефимович устроился в филиал Всесоюзного института «Гипроцветмет» (г. Москва) на должность заместителя главного инженера проекта по руднику Алтын-Топкан, стал главным инженером проекта, а затем через несколько лет заместителем директора филиала «Гипроцветмет» по проектированию. Со временем филиал отделился от Московского института, стал самостоятельным «Средазгипроцветметом» в составе соответствующего главка Минцветмета СССР. Лиля Борисовна устроилась на проектную работу в институт «Средазгипропищепром», где успешно трудилась. Семья жила совместно с Яшиными родителями, в их собственном, не очень большом доме по улице Саперная, в районе Госпитального рынка. Я хорошо помнил Яшиных родителей, с которыми не видался много лет, его черноглазую, с густыми блестящими черны-

ми волосами на гордо носимой голове, очень красивую маму, Анну Яковлевну, несколько раздавшегося по упитанности, мало говорящего хрипловатым голосом (кажется, это оказалось заболеванием), делового папу, Ефима Израилевича. Но, по нашему возвращению в Ташкент и первому посещению их дома в 1972 году, встретил уже изменившихся, поседевших, но не потерявших красоту людей. С Лилиными родителями я знаком не был, но знал, что ее отец был на довольно высоком посту, заместителем министра пищевой промышленности Узбекистана и что у нее есть младший брат.

Уже в 1973 году мы были приглашены и приняли участие в торжестве по случаю свадьбы единственной дочери Якова и Лили Ирэнны, студентки Ташкентской консерватории и Валерия Михайловского, молодого специалиста, окончившего в этом году энергофак ТашПИ. Свадьба прошла в модном и очень посещаемом в те времена кафе «Дружба», что на улице Пушкинской, при большом числе гостей. Жилая площадь дома Яшиных родителей, особенно после рождения у молодой семьи дочки Анны, не позволяла необходимых удобств совместной жизни. Институт выделил семье Якова с Лилией двухкомнатную квартиру на 8-м этаже многоэтажного нового дома в квартале Ц-6, расположенного довольно близко от кинотеатра «Казахстан», что на улице Энгельса, по которой пролегал много трамвайных и автобусных маршрутов, а значит было доступно добираться до них не только на личном автомобиле, но и городским транспортом, что было важным, если посещение было связано с каким-либо торжеством и необходимостью принимать спиртное. Наши встречи были не очень частыми. По достижению пенсионного возраста, Яков перешел работать в научную часть «Средазги-процветмета», он был кандидатом технических наук, защитив диссертацию еще в 1973 году. Помню, что начал Яков страдать болью в ногах, провожая нас к трамвайной остановке от его дома после нашего общения, приходилось останавливаться, из-за сильных болей. Опережая хронологию сообщу, что в последние годы перестройки и особенно после развала СССР, значимость института «Средазги-процветмет», из-за значительного уменьшения объектов проектирования и соответственно объемов всех видов работ и численности работающих в нем, резко упала. Более подробно об этом периоде будет впереди, а вот это обстоятельство привело к снижению фонда оплаты труда, задержке выплат заработной платы и прочим «прелестям». Яков ушел с работы. Начались «мероприятия» по ликвидации основных движимых и недвижимых материальных ценностей, что было делать очень нелегко и небезопасно, и организовывать выезд

на постоянное местожительство в Израиль всей семьи, а это Яков и Лиля, Ирэна и Валерий и их дети Анна и Борис. Уехали они на несколько месяцев раньше нас, весной 1995 года. О наших встречах, общениях в Израиле – в соответствующее время и в нужном месте.

Итак, наш младший сын, Виктор женился весной 1980 года, на Маргарите и молодые стали жить с ее родителями в центре Ташкента, в районе, восстановленном после землетрясения строителями Украины, в том же, где жила и моя мама. Но вскоре им сняли квартиру, где они прожили пару лет. После рождения осенью 1981 года первого ребенка, дочки Элины, молодой семье оказывали всемерную помощь бабушки, в первую очередь неработающая Юлия, т. е. они проводили много времени у нас. Виктор был прописан у своей бабушки, моей мамы, что удалось нам сделать с большим трудом, а связано это было с тем, что мама очень сильно болела, ей трудно стало подниматься на четвертый этаж дома (без лифта), ходить в магазин за продуктами и т. п. На семейном совете мы решили, что Виктор, молодой и холостой еще тогда человек, должен свое свободное время и часто ночи проводить у бабушки и помогать ей. Так это и было. Но осуществить официальное оформление прописки (надеюсь, что основные читатели знают этот термин и существо его значения в Советское время) стало возможным только через судебное решение. Понятно, что это имело значение и для сохранения маминой квартиры в случае (понятно каком, нежелательном, но неизбежном). Как я уже писал, мама скончалась в 1984 году. После энергичных поисков нашли вариант обмена теперь Витиной однокомнатной квартиры на трехкомнатную, на 6-м этаже в 9-этажном, панельном доме по улице Богдана Хмельницкого, недалеко от Ташкентского аэропорта. А в Витиной семье уже родилась в январе 1984 года вторая дочь Лия. Официальный обмен на условиях неофициальной солидной доплаты (естественно нашими родительскими средствами) состоялся и после выполненного руками молодых ремонта и приобретения мебели состоялось новоселье. Молодая семья зажила нормальной самостоятельной жизнью. Виктор своими умелыми руками постепенно очень красиво оформил интерьер квартиры, особенно балкона. Друзья, однокашники семьи, часто собирались у них на вечеринки. К этому времени Витя стал владельцем автомобиля «Жигули-2103», подаренного нами ему по причине, изложенной ниже.

Семья Бориса и Ольги продолжала самостоятельно жить на Обувной улице, в объединенной с Ольгиными родителями квартире. К ним перешел в качестве подарка автомобиль «Москвич-408», для

которого во дворе был установлен сборный металлический гараж. И в этой молодой семье в 1983 году родился сын, Юрий, ставший нам единственным внуком-мальчиком, продолжателем очень редкой, пожалуй, единственной в мире фамилии Бешер-Белинский.

Хотя я уже немного описал ранее некоторые характеристики Ольгиных родителей – Константина Владимировича Соколовского и Евгении Давыдовны Трейвиш, но хочу вернуться и более подробно рассказать о них и наших, ставших очень тесными товарищеских, дружественных и родственных отношениях.

Костя Соколовский, крупный и высокий, с мясистым носом, хитроватым взглядом и широкой улыбкой, густой шевелюрой русых волос человек, начал учиться на энергофаке САИИ до ВОВ и ушел на фронт добровольно со второго курса. Вместе с ним на курсе учились Виктор Имас, Владимир Лизовский, Роман Виленчик, Александр Дробов. Имас, Виленчик тоже добровольно ушли в Армию и на разные фронты, Лизовский имел очень плохое зрение, несмотря на перенесенные операции, и в Армию не попал, а Дробов остался на учебе в институте. Я назвал только эти фамилии потому, что именно с ними познакомился через Соколовских после нашего возвращения в Ташкент. Через него же познакомился с еще одним фронтовиком, несколько старшим по возрасту Борисом Мойсеевичем Гуровичем, который в первые послевоенные годы, как и каждый из перечисленных, тоже закончил САИИ. Эти фронтовики и однокашники по первым курсам института подружились, пронесли эту дружбу многие годы. Гурович, Соколовский, Лизовский, и Имас после окончания института остались работать в нем, на разных должностях, преподавать и заниматься научной деятельностью. Больше всех преуспел Борис Гурович, который сумел защитить и кандидатскую, и докторскую диссертации, стать профессором, заведующим кафедрой. Константин Соколовский преподавал, защитил кандидатскую диссертацию, получил звание доцента, занимался научной деятельностью. В. Имас после нескольких лет работы в институте перешел на работу на один из заводов электротехнической промышленности, В. Лизовский продолжал преподавать в институте, Роман Виленчик трудился в ведомстве Госплана республики, а А. Дробов успешно продвигался по иерархической лестнице в системе министерства энергетики Узбекистана, где к описываемым годам уже занимал должность заместителя министра.

Костя Соколовский и Евгения Трейвиш познакомились во время учебы на энергофаке САИИ и стали супругами. До замужества Евгения Трейвиш жила вместе со своей старшей сестрой Елизаветой

той, преподававшей в САИИ. Семья Трейвишей – больной после инсульта отец, мать и две дочери – была эвакуирована из Киева, с Политехническим институтом, где преподавала аспирантка Елизавета Трейвиш. Семье была выделена комнатка в студенческом общежитие, где не отличавшиеся здоровьем родители по очереди скончались. В 1947 году в Ташкент приехал из Киева, пробывший на фронтах ВОВ и демобилизовавшийся из Армии жених Елизаветы Самуил Моисеевич Шайкис, инженер-энергетик. Теперь вместе жили семья Шайкис и Евгения. Евгения вышла замуж за К. Соколовского в 1948 году. Кандидат технических наук Елизавета Трейвиш продолжала работать в САИИ, а в 1963 прошла по конкурсу для работы в одном из институтов Ленинграда и с супругом переехала туда на постоянное место жительства. С ними мы общались при каждом приезде в Ленинград, куда обязательно стремились попасть почти в каждый трудовой отпуск, ведь здесь жили три родных Юлиных дядей с семьями и мой дядя Илья. Евгения Трейвиш (по мужу Соколовская – фамилию не взяла) трудилась в проектно институте «Теплопроект», а после его разделения в «Электросетьпроекте»

Как, где и когда нашли своих суженных остальные друзья-товарищи я не знаю, кроме того, что А. Дробов стал супругом студентки и выпускницы энергофака, однокашницы Евгении Трейвиш Галины Пенсон, дочери известного художника-фотографа и журналиста, печатавшегося в центральных журналах и газетах республиканского и союзного масштабов. Ко времени наших встреч у Соколовских, в их квартире в двухэтажном кирпично-глинобитном коттедже, в тихом зеленом дворике, являвшемся типичным представителем таких дворовых стыка границ Европейского и Старого Ташкента, все друзья имели семьи, детей и внуков. Супруга Бориса Моисеевича, солидная, малоговорящая, ничем не выделяющаяся, небольшого роста женщина по имени Ляля (полное имя не знаю), редко в застолье подавала свой голос. Р. Виленчик был женат на Зинаиде Соломоновне Слепакове, черноволосой и чернобровой женщине-легенде. О ней хочется несколько подробней. Окончив Ташкентский медицинский институт в 1942 году и выйдя замуж за студента энергофака Романа Виленчика, Зинаида была мобилизована и попала на фронт военврачом III ранга в 39 армию под г. Смоленском. Через пару месяцев армия была окружена немцами и З. С. Слепакова стала военнопленной. Скрывая свое еврейское происхождение, военврач Зинаида Семеновна (не Соломоновна) Слепакова (характерно русская фамилия) выдает себя за дочь русского папы и армянской мамы, что оправдывает ее нерусское обличье. Пройдя все извест-

ные «прелести» лагерей военнопленных на территориях Польши, Германии под постоянным гнетом возможного разоблачения ее еврейства, она была освобождена союзными войсками США на территории Тюрингии и передана Советским властям. И здесь после более, чем двухмесячной проверки в лагере уже на Российской территории, в очень болезненном состоянии была освобождена и вернулась в Ташкент, где до этого числилась как «без вести пропавшая». Ко времени нашего знакомства Зинаида работала врачом-рентгенологом поликлиники № 17, находящейся на улице Богдана Хмельницкого и обслуживающей район нашего места обитания. Зинаида Соломоновна, мать уже взрослых двух сыновей, не потерявшая стройность и красоту, была активным участником застолий, делилась воспоминаниями, произносила тосты. А наши застолия у Соколовских проходили обязательно в каждую годовщину Дня Победы, праздника «со слезами на глазах» и по случаю семейных дат Соколовских-Трейвишей. Супруга Виктора Имаса (вторая) Лиля была значительно моложе его, миниатюрная большеглазая, с тонкими чертами лица, вызывала симпатию. У них была маленькая дочь, очень красивая, естественно растущая за время нашего общения, энергичная девочка, которую они часто приводили на наши собрания, и которая стойко выдерживала часы нашего общения, не мешая взрослым. Супруга В. Лизовского, высокая (сам Лизовский тоже был высокого и сухощавого склада), светловолосая, довольно серьезного вида «матрона», архитектор по образованию и роду работ была обязательным, менее активным, чем Зинаида, участником застолий. Как правило, в наших общениях принимали участие и наши дети, Боря с Ольгой, младший сын Виленчиков Валерий, инженер, иногда и наш Виктор с Ритой (Маргарита).

По мере числа тостов, довольно умеренно выпитого спиртного, пения модных тогда и общеизвестных песен разгоралась и обязательная дискуссия на темы внутренней и внешней политики, преимуществ и недостатков в хозяйствовании в стране. Мнения, естественно, были разными, громкость произношения доказательств возрастала, и вызывала энергичные протесты женской половины участников. Высокая тональность разговоров снижалась при переходе к десерту, после которого выходили во дворик, где благоухала майско-весенняя, мягко-теплая погода и распустившиеся зеленью декоративные насаждения, цветы и виноградная лоза. Иногда кто-то из участников делал несколько фотоснимков. Расходились, как правило, все вместе. Удивляло, что несмотря на знание всей истории развития советской власти, прошедших репрессий, которые в

той или иной степени затронули семьи почти каждого, очень скромные материальные возможности семей этих уважаемых, занимающих положения выше среднего уровня людей, снижающийся уровень жизни оставили в их умах приверженность к «сталинизму», социалистическому образу хозяйствования, коммунистическому засилию. Правда, я и сам был почти всю жизнь таким, такой была и моя мама, но к описываемым годам во мне уже складывалась под давлением узнаваемых мною обстоятельств (часть уже изложенных по ходу повествования в книгах) некоторое критическое отношение ко многим сторонам нашей (не семейной, а всего общества) жизни, но не видел возможных средств изменения их.

О времени и причинах кончины Константина Соколовского и Евгении Трейвиш я уже рассказал, о судьбе их друзей и наших товарищей – в свое время и месте.

Так почему мы подарили Виктору наш «Жигули-2103», а «Москвич-408» перешел во владение Бориса? Потому, что мы с Юлей стали владельцами престижной «Волги», ГАЗ-24!

Произошло это после определенных усилий, прилагаемых мною. В начале семидесятых годов на Горьковском автозаводе начался выпуск автомобилей «ГАЗ-24», более мощных, вместительней и лучшего дизайна, чем «ГАЗ-21». В первые годы выпуска этими автомобилями, понятно, были оснащены партийные и государственные органы власти всех уровней, где особенно котиrowались «Волги» черного цвета. В продажу населению «ГАЗ-24» начали поступать значительно позже и при остром дефиците их могли приобрести в личное пользование лишь немногие лица: «власть предержащие», имеющие особые заслуги (космонавты, мировые чемпионы спорта, выдающиеся деятели искусств и др.) и отдельная категория лиц, имеющая и умеющая давать взятки. Чтобы подтвердить последнее мое утверждение расскажу интересный эпизод.

В одну из очередных командировок в Москву и общения с Аксельбантами, проводя у них субботний и воскресный дни до отлета домой, Дэвик предложил мне съездить с ним к одному из клиентов, с которым назначена встреча у последнего в его квартире. Не помню в каком районе, но где-то в центре мы поднялись в лифте довольно престижного дома на нужный этаж и на звонок нам после долгой манипуляции многочисленными замками открыла дверь женщина в домашнем красивом халатике с бигудями на голове и, принося извинения, пригласила пройти в гостиную, удалившись в другую комнату. Дело было уже к полудню. До выхода главы семьи ушло минут 10–15 и я имел возможность внимательно оглядеть удивившую

меня роскошь убранства, мебели, выставленных на модном буфете (так мы называли то, что сейчас обзываем «сервант») и в «горках» дорогих безделушек и посуды. Особенно понравились мне очень красивого дизайна, большие, со множеством литых фигур часы, стоящие на верхней деке серванта на уровне груди человеческого роста. В центре большого полированного, из дорогих сортов дерева столе стояла громадная хрустальная ваза, наполненная разными, экзотическими фруктами – бананы, мандарины, апельсины – и нашими красивыми, как будто покрытыми воском яблоками и грушами. В комнату вошел довольно высокого роста, представительный мужчина лет сорока, в домашней, но дорогой пижаме и с полотенцем в руках. Извинился за наше ожидание, обменялись обычными приветствиями, предложил угоститься фруктами. Дэвик представил меня как ближайшего друга из Узбекистана. Я не прислушивался к дальнейшему их разговору, который они вели, несколько удалившись к зашторенному очень высокому окну, меня это не интересовало. Их разговор длился совсем недолго и мы, распрощавшись, вернулись в стоящий во дворе дома автомобиль. После некоторого молчания, последовал мой вопрос:

– Дэв, я тоже хочу иметь такие часы, как у этого «чувака»!

– А ты знаешь сколько они стоят?!

– Нет, конечно.

– Так у тебя нет таких денег!

– А кто он такой?

– Помощник министра (назвал какое, но не помню).

– Ну и что? Я думаю, что зарплата у него не выше, или ненамного выше моей сейчас.

– Может быть. Но ты же не можешь подписать у министра распоряжения на приобретение «Волги», или другие важные услуги или льготы, получив за это немалую взятку валютой, или натурой.

– А что – это практикуется?

– Не сомневайся и успокойся!

На этом тема была закрыта, но я знал, что Давид Маркович Аксельбант зря никогда не распространяется и, если сказал, то это реальная правда.

Продолжу начатую тему о приобретении «ГАЗ-24». Я был очень большим любителем автомобиля, поездки за рулем, даже время проведения «под автомобилем» для проведения требуемого инструкциями техобслуживания были мне удовольствием, за рулем я никогда не уставал и мог проехать большие расстояния и много часов подряд. Почти уже 30 лет у нас был собственный автомо-

биль. Были у нас материальные возможности, мне хотелось иметь «Волгу» ГАЗ-24, а Юлия всегда поддерживала меня в таких моих желаниях. Она тоже стала любительницей дальних поездок, хотя когда-то в молодости ее укачивало в автомобиле и поездки приносили небольшое удовольствие. Со временем и по мере многочисленных поездок, она преодолела это свойство и прекрасно чувствовала себя в путешествиях, некоторые из которых я описал в предыдущих и в этой книгах. Читатель уже знает, что снабжение остродефицитными промышленными товарами бытового назначения, как холодильники, стиральные машины, мебельные гарнитуры, ковры, мотоциклы и автомобили и др., по линии Минсредмаша и его ГлавУРСа трудящихся нашего Ташкентского филиала института проводилось через УРС ЛГХК и его базы, находящиеся в г. Чкаловске, Ленинабадской области Таджикистана. Из числа выделенных на очередной календарный год дефицитных товаров руководство УРСа по каким-то критериям составляло разнарядку каждого вида товаров, причитающихся каждому из входящих в состав комбината и его спутников подразделению, эту разнарядку утверждал директор комбината, в данном случае Владимир Яковлевич Опланчук. Так как число выделяемых комбинату автомобилей «ГАЗ-24» было небольшим, то филиалу института их не выделяли, во всяком случае, за время моей работы здесь и до 1980 года было так. Примерно в 1977 или 78 году я попросил аудиенцию у В. Опланчука, получил согласие и при личной беседе, прошедшей во весьма дружественной обстановке с расспросом о здоровье, семейных делах, супруге, детях, которых Владимир Яковлевич знал еще со времен работы в Янгиабадском рудоправлении, принял мое заявление с просьбой выделить мне для приобретения «ГАЗ-24», заверил меня, что удовлетворит мою просьбу, хотя сделать это будет очень нелегко по причине очень большого числа претендентов. Я терпеливо ждал, но вот уже наступил 1980 год, а моя просьба осталась неудовлетворенной.

В одной из командировок в Москву в головной институт узнал от своих друзей, что как раз сейчас происходит распределение выделенных институту автомобилей, в том числе есть и два-три «ГАЗ-24». По уже сложившейся традиции по приезду в Москву бывать у директора института О. Л. Кедровского, в этот раз после моего доклада о целях моего приезда и круга решаемых вопросов, рассказал о моем желании иметь «Газ-24» и невозможностью его приобретения, из-за не выделения их филиалу, я попросил в порядке исключения выделить мне такой автомобиль. Олег Леонидович

не сразу, а после некоторого раздумья поднял трубку телефона и говорит:

– Леонид, а что это мы обижаем такой большой коллектив как наш Ташкентский филиал? Вот у меня сидит уважаемый Леонид Бешер-Белинский и слезно просит выделить ему «ГАЗ-24», о котором мечтает уже несколько лет. Думаю, что он заслужил такое. Подумай и реши этот вопрос в своем профкоме, а мой голос «за» учтите в пользу Леонида Борисовича. – С кем он говорил я сразу не сообразил, а мне говорит:

– Я свою миссию выполнил. А теперь свяжись с Аверкиным, это председатель комитета профсоюза института.

Когда я рассказал об этом разговоре моим друзьям Дмитрию Бугримову и Юрию Литинскому, они тут же меня обнадежили тем, что Леонид Аверкин не может не поддержать решение директора, сумеет провести необходимое решение в местном комитете профсоюза. Кроме всего прочего, Бугримов, как оказалось, был близким товарищем Аверкина и обещал мне содействие и информацию о ходе решения моего вопроса. Уже на следующий день мне стало известно, что решение заседания комитета профсоюза состоялось и председатель Л. Аверкин сумел после многих дебатов убедить большинство его членов выделить автомобиль «Газ-24» главному инженеру проектов по НГМК филиала № 1 Л. Б. Бешер-Белинскому. Это было в начале 1980 года. Теперь следовало дожидаться поступления в Москвореченский ОРС конкретной разнарядки с указанием квартала получения автомобиля. С этим я уехал домой, окрыленный, но еще сомневающийся в окончательном успехе.

В июле мне сообщили о необходимости оплаты покупки автомобиля в ОРСе наличными деньгами и его получении непосредственно на заводе-изготовителе в городе Горьком. В этом городе мы никогда не бывали и знакомых не имели. Оказалось, что у нашей сватьи Евгении Давыдовны есть в Горьком знакомая, бывшая киевлянка (имя не помню), с которой Евгения связалась по телефону и получила согласие приютить нас с Юлией на пару дней. Получив в сберегательной кассе сертификаты, мы с Юлей вылетели в Москву, остановились у Аксельбантов. В сберкассе Москворечья обменяли сертификаты на наличные деньги, оплатили стоимость автомобиля в кассе ОРСа, получили квитанцию, наряд-заказ с красной полосой по диагонали на получение автомобиля «Волга» ГАЗ-24 на заводе и доверенность от ОРСа на совершение этой операции. С этим выехали в Горький поездом. Город Горький довольно большой, и такси нас доставило по указанному нами адресу. Нашего возраста хозяйка

квартиры приняла нас дружелюбно. На следующий день рано утром мы отправились на такси на автомобильный завод, занимающий всеми своими производствами, службами и жилыми кварталами целый большой район. Таксист подвез нас прямо к четырехэтажному зданию отдела сбыта автомобильного завода, перед главным фасадом которого большая заасфальтированная площадь, а на ней десятки грузовых «Газиков» на каких-то металлических конструкциях задрали «носы» или «задки», а под ними что-то делают мастера. Войдя в большой зал первого этажа здания, мы увидели сотни людей, в основном мужчин, толпящихся в очередях к двум десяткам окошек-касс, в непосредственной близости у которых очередь превращалась в орущую толпу. Кое-как расспросивши о здесь происходящем, поняли, что это представители многих предприятий, производств, колхозов и совхозов, со всех концов Центральной России, Урала, Западной Сибири, Украины, Молдавии, Прибалтики, имеющие разнарядку на получение грузовых автомобилей и граждане на получение легковых автомобилей, должны получить их методом самовывоза. Через эти окошки идет оформление, в результате которого можно получить занаряженный транспорт из соответствующего склада. Нам сказали, что на это уходит от 3 до 5 дней. В одном из уголков зала за небольшим столиком сидела женщина с кипой каких-то бумаг-бланков, оказавшейся агентом страховой организации, предлагающей здесь же застраховать полученные автомобили прежде, чем отправиться на них в дальний путь. Она, посмотрев мои документы, сказала:

– О! Да у вас с красной полосой! Так вам надо не здесь стоять, а подняться на третий этаж и пройти в кабинет к полковнику, который оформляет таких, как вы.

Юлия осталась возле агента, а я отправился на третий этаж, куда можно было пройти только через стоящего у лестницы охранника, требующего документы. Он же и объяснил местонахождение нужного мне полковника. В небольшом кабинетике, в который я вошел после разрешения на мой стук, за письменным столом сидел довольно пожилой, крупный человек в мундире полковника с отличиями отставника. После просмотра документов, вопроса из какого я ведомства он очень медленно, чинно разложил нужные бумаги и, рассказывая о моих дальнейших действиях, спросил какого цвета я хочу автомобиль, заполнил ряд бланков, дал мне расписаться в их получении и, пожелав успехов, показал куда я должен пройти на склад № 2, показав этот склад, территория которого была видна из окна его кабинета. Юлия за время моего отсутствия поближе позна-

комилась со страховым агентом, которая уговорила ее застраховать наш автомобиль после его получения. Юлия осталась при агенте, а я отправился на территорию склада, куда мне был выписан пропуск среди полученных документов. Склад № 2 оказался большой территорией с частью крытых помещений и открытых площадок, в которых и на которых стояли сотни автомобилей «ГАЗ-24» разных цветов. В небольшой конторке никого не оказалось, и я пошел вдоль подъездного ж. д. пути, на котором стояло несколько платформ и шла погрузка на них автомобилей. Здесь оказался нужный мне заведующий складом, который на мое обращение очень нелюбезно, не глядя на меня, отрезал:

– Не видишь! Я занят, погоди! – И последовала целая тирада матерщины в адрес рабочих, ведущих погрузку. Понял, что завскладом изрядно пьян. Продав минут 15–20, я вторично обратился к заведующему и уже в тоне близком к его выражениям потребовал более внимательного отношения ко мне, что оказывается подействовало. Он, посмотрев мои документы, тут же обратился к одному довольно пожилому рабочему, не участвовавшему в погрузочных работах, у которого через плечо висела сумка с какими-то инструментами:

– Петрович! Покажи где выбрать автомобиль! Я потом приду и оформлю.

Петрович ведет меня к одной из площадок, где стоит более сотни автомобилей, в замках левой передней двери которых торчат ключи. Машины разных цветов, но все кузова выглядят какими-то серыми от въевшейся пыли и дыма, потеков атмосферных осадков.

– Выберешь твой цвет, можешь завести двигатель, но ненадолго, бензина в баке мало. Потом приедешь в конторку с ключами, – говорит Петрович и уходит. Глаза разбегаются, начинаю ходить по рядам и высматривать автомобили белого и светло-серого цвета. Почти у каждого рассматриваемого автомобиля обнаруживаю: то спущен воздух из баллона, то есть течь тормозной жидкости, то не работают стеклоподъемники дверей, то на кузове красивого белого цвета большое пятно ржавчины не поддающееся снятию даже при больших моих усилиях. Вижу несколько поодаль крытый навесом на колоннах – склад, тоже заполненный рядами автомобилей. Отправляюсь туда и нахожу понравившийся мне экземпляр светло-серого с несколько голубым оттенком цветом, в котором не обнаружил никаких недостатков. Завел, прослушал работу двигателя и решил на этом остановиться. Уже никого не спрашивая, пришлось завести пару других автомобилей, чтобы выехать из склада. Оставил на выходе автомобиль и пришел в конторку, где уже находился заве-

дующий в еще более пьяном состоянии. По навешенной на ключи картонке с какими-то надписями, завскладом были извлечены документы, он их вручил Петровичу, и мы с последним отправились к автомобилю, сверили документы с номерами кузова и двигателя в натуре, и я подъехал к конторке. Прежде чем выдать мне пропуск на выезд завскладом, похвалив мой выбор, дружелюбным уже тоном:

– Ну, командир, а магарыч! – Первым побуждением моим было выдать ему несколько «добрых слов» в его прежнем тоне, но передумал и все-таки на радостях дал ему четвертную.

На прощание завскладом дает мне еще одну бумажку и говорит:

– С этим надо после выезда с территории пройти на другой склад и получить там сумку с придаваемым к автомобилю инструментом. Но он уже закрыт, рабочий день закончился. Так что завтра с утра.

Подъезжаю на площадь перед отделом сбыта, уже свободных мест для стоянки почти нет. Юлия ждет меня вместе со страховым агентом, которая уже уговорила Юлю застраховать наш автомобиль. Мы обменялись информацией и решили остаться на ночевку в автомобиле, утром получить инструмент, вернуться к месту нашего временного проживания, где отдохнуть и лишь на следующий день с раннего утра отправиться в путь на Москву. После оформления страховки, агент любезно предложила нам принести из дому, а живет она поблизости, подушку и одеяло, так как ночи очень прохладные. Эта добрая женщина действительно выполнила свое обещание, и мы были ей очень благодарны. Юлия легла отдыхать, а я познакомился с водителями рядом стоящих с обеих сторон грузовых автомобилей, занимавшихся профилактическим осмотром полученных автомобилей, а на самом деле докручиванием всех гаек, подтягиванием манжетов, крепящих трубопроводы, смазкой трущихся узлов, то есть выполняли то, чего не доделали работники конвейера автозавода. Водители оказались из одного небольшого городка Полтавской области, «щирые хохлы», предложившие мне возможность пользования их инструментом, чтобы заняться тем же на своем автомобиле. Оказалось, что даже очень важные узлы, как крепления рессор к кузову и к полуосям практически были не только не затянуты, а гайки почти только наживлены. Удивительно как я доехал от склада до площади без аварии. Несколько часов, почти до полуночи я «крутил гайки» и это, думаю, дало возможность почти без приключений добраться до Москвы. После не очень удобного сна в автомобиле, ожидания открытия нужного нам склада и потери времени на получение инструмента, так как не оказалось в наличие домкратов для «ГАЗ-24» и пришлось ожидать доставку

их с центральной базы, не очень рано следующего дня заправили «под завязку» бак бензином на находящейся вблизи бензозаправке. Устроили праздничный обед с вином, отказались от предложенной хозяйкой квартиры прогулки по городу в пользу отдыха с тем, чтобы выехать в Москву рано утром.

Шоссе «Горький–Москва» в основном однополосное в каждом направлении, довольно напряженное по загруженности мы одолели почти безостановочно, не нарушая допустимых дорожными знаками скоростей движения. Нашей целью было добраться как можно быстрее в Москву, поездка была не туристической, поэтому не интересовались достопримечательностями городов Дзержинск, Владимир, Орехово-Зуево и через 7–8 часов были уже на кольцевой дороге и еще через час в Загорянке на даче у Аксельбантов. Единственным происшествием этой поездки было то, что примерно в 50 километрах, не доезжая к Москве неожиданно полностью отвалился от рулевой колонки, оставшись в моей руке после попытки его включения, узел указателя поворотов. Пришлось показывать маневр высунутой из кузова рукой, как это делалось ранее в годы отсутствия у советских автомобилей таких приспособлений.

Вся семья Аксельбантов одобрили наш выбор цвета автомобиля. В связи с необходимостью моего с Юлией отъезда в Ташкент для оформления моего трудового отпуска и возвращения для дальнейшего перегона автомобиля своим ходом, мы обсудили с ними варианты места стоянки нашей «Волги» в Москве. Давик обратился к ряду своих друзей и был принят вариант оставить автомобиль в свободном гараже Кира Пинтеля в городской черте, что казалось наиболее безопасным. Мы вылетели в Ташкент.

Так мы стали владельцами «Волги» ГАЗ-24, а наши сыновья владельцами наших бывших автомобилей – «Москвич-408» и «Жигули» ВАЗ-2103.

ГЛАВА 17

*Большое турне: Москва – Харьков – Ростов-на-Дону –
Владикавказ – Кобулет – Тбилиси – Баку –
Красноводск – Ашхабад – Ташкент.
Год 1980, а что в стране?*

В Ташкенте оформил трудовой отпуск, тоже сделал и наш старший сын Борис. А младший Виктор в это время с молодой женой Маргаритой на автомобиле «ВАЗ-2103» и вместе с друзьями Гарриком и Валерием Виленчиками и их мамой, Зинаидой Соломоновной на их машине «Жигули» отправились своим ходом на Кавказ через Красноводск–Баку с целью путешествия и отдыха в известном курортном местечке Кобулет, на берегу Черного моря.

Втроем (с Борисом) прилетели в Москву. Остановились, естественно у Аксельбантов. Дэвик организовал мне возможность провести профилактический осмотр и облуживание «Волги» на находящейся поблизости от их дома большой автобазе грузовых машин типа «ГАЗ» разных модификаций, предназначенных для перевозок всех видов пищевых продуктов с баз в магазины их реализации. Обслуживание сделал лучший автослесарь автобазы, кавалер ордена «Знак Почета», действительно добросовестный и обходительный, среднего возраста человек, которого я щедро отблагодарил.

В эти дни мы получили телеграмму от Виктора, в которой сообщалось о благополучном их прибытии в Кобулет и адрес их жилья: ул. Ленина, дом № 836. Мы очень сомневались в правильности такого значительного номера дома в маленьком городке, считая, что это ошибка в написании телеграммы.

На семейном совете мы решили поехать в Ташкент через Кавказ с заездом в Кобулет, чтобы уже вместе с Виктором и друзьями добираться в Ташкент. Изменить заявленный мною в ГАИ по приезду

из Горького маршрут перегона автомобиля из Москвы через Челябинск – Курган – Кокчетав – Караганда – Джамбул – Ташкент на другой не удалось по причине того, что прием в районном ГАИ производился не каждый день. К поездке готовились тщательно, приобрели очень дефицитный 2-литровый термос с небьющейся металлической колбой, выпуск которых наладила промышленность в честь Олимпийских игр 1980 года, проводимых в Москве, запаслись провизией и двадцатилитровой канистрой с бензином.

Рано утром одного из августовских еще солнечных дней, распрощавшись с Аксельбантами, выехали на кольцевую дорогу (МКД) к шоссе «Москва–Симферополь», по которому в соответствии с намеченным нами по «Атласу шоссейных дорог СССР» маршруту, мы должны были ехать до г. Харьков. На соответствующей развязке вышли на это шоссе. Почувствовал, что двигатель автомобиля перегревается, приемистость тормозится. Остановились на обочине, примерно на первом километре от развязки. Обнаружил при осмотре, что барабаны задних колес автомобиля очень нагреты, значит неисправность в тормозной системе. Отмечу, что в автомобиле «ГАЗ-24», в отличие от имевшихся у меня прежних автомобилей, тормозная система устроена отдельно для передних колес и задних колес. Попытался отпустить заклинившие тормозные колодки задних колес (поднял одну стороны на домкрат) спуская часть тормозной жидкости из рабочего цилиндра. Начал движение – результат тот же, тормозные колодки задних колес заклинивает. Все наши с Борей знания и действия к нужному результату не привели. Время шло, попытался остановить проходящие «ГАЗ-24», некоторые любезно давали совет, но конкретно с такой ситуацией не встречались и предлагаемые решения не приводили к положительным результатам. Кто-то подсказал, что не очень далеко на кольцевой дороге есть станция техобслуживания автомобилей. Делать нечего – пошел пешком в указанное место. Действительно, есть станция, но по обслуживанию автомобилей «Жигули». Администратор согласился посмотреть «Волгу», но ее надо доставить сюда, на выезд обслуживания нет. Была возможность отсюда вызвать трайлер для доставки моего автомобиля на одну из Московских станций техобслуживания, но я не решился на такую операцию. Администратор мне подсказал, что один из сотрудников станции, слесарь-сварщик Андрей, являлся владельцем «ГАЗ-24» и знал все возможные рецепты ликвидации неисправностей. Пошел к нему в цех, он был занят на проводимых им сварочных работах для ожидающего здесь заказчика. Все же рассказал ему проблему и уговорил пройти со мной

к месту стоянки моего авто. Ждал более двух часов до окончания сварочных работ, Андрей взял лишь слесарный молоток по моей просьбе – в составе придаваемого к машине инструмента не оказалось простого молотка, что я обнаружил только сейчас. Андрей, ничего не говоря, сразу же присел у передней, шоферской стороне и поданным мною гаечным ключом увеличил несколько зазор между тормозной педалью и толкателем главного тормозного цилиндра. Неисправность была устранена в несколько секунд. Попробовали в движении – все в норме. Искренне поблагодарил Андрея, оплатил услугу «по-царски», а он оставил мне «повидавший виды» слесарный молоток, который прослужил нам до самого отъезда из СНГ.

Бодро двинулись по неплохому шоссе, которое описывать не буду, эта часть маршрута подробно изложена в моей второй книге во время нашего путешествия на «Москвиче-408» из Навои в Ярославль. Но нельзя не рассказать еще об одном эпизоде, связанном с качеством выпускаемых Советской промышленностью изделий, даже таких ответственных и дорогих, как автомобили. После остановки на кратковременный отдых в каком-то небольшом населенном пункте, не удалось запустить двигатель. После нескольких неудач начали с Борей искать причину, искра есть, бензин в карбюратор поступает. Оказывается, что в отстойнике карбюратора полно металлической стружки, жиклеры забиты. Промыли карбюратор, продули жиклеры, завели, работает, двинулись, а уже вечер, первый день прошел и лишь к ночи подъехали к Харькову. Удалось устроиться в гостиницу. Автомобиль прошел первую тысячу километров. Положено выполнить первое техобслуживание с заменой масел и другими предписанными операциями. Заехали на одну из станции автосервиса, кажется центральную в Харькове. Довольно долго ждали в очереди, наконец оплатили и мне разрешено было присутствовать при процессе обслуживания. Юлия и Борис маялись в ожидании в вестибюле станции.

А теперь новое разочарование – необходимо заправиться бензином, а в большинстве бензоколонок бензина нет. Долго блуждали по Харьковским улицам и, наконец, нашли действующую, на которой удалось заправить, но не полный бак, а лишь не более 20 литров бензина. Бензин в дефиците, как объяснили, из-за ведущегося массового сбора урожая сельхозпродукции, требующего обеспечивать горючим в первую очередь машинотракторные подразделения сельского хозяйства. С другой стороны, ходили слухи, что ограничивают заправку личных автомобилей и такси, чтобы уменьшить количество уклоняющихся от привлечения на сельхозработы городских

жителей и учащихся, не давать им возможность уезжать на отдых, в гости за пределы области, республики. У нас был неприкосновенный запас в 20-литровой канистре. Узнали, что такой искусственный дефицит бензина на Украине создавался ежегодно уже несколько лет.

Нервы напряжены, заезжали практически на каждую встречающуюся бензозаправку, где стояли десятки жаждущих, часть из которых уже была на нуле и не могла двинуться с места, собирались ждать до обещаемого привоза бензина. Мы ехали, стараясь держать наиболее рачительный по расходу бензина скоростной режим 60 км в час. К глубокой темноте добирались к городу Изюм. Устроились в гостиницу. Утром выехали, уровень указателя бензина приближался к минимуму, скоро зажжется сигнальная лампочка. Шли встречные машины, и я решил остановиться какую-либо из них, удалось, спросил:

– Прошу прощения! Есть ли впереди нашего направления бензин в какой-либо автозаправке и как до нее далеко? – В ответ:

– Скажу. Примерно через 10–12 км съезжайте направо (называет поселок) и еще около 10 км, там можно заправиться. – Выразил большую благодарность, и мы помчались к узанному месту.

Действительно, не очень большая очередь, шла заправка автомобилей через одну действующую колонку. Подошла наша очередь, прошу 50 литров. Заправщик не возражал, но назвал несколько завышенную цену. Делать нечего, я согласился. Бак полный, выехали на магистраль и, уже почти не останавливаясь, ехали, подпитываясь бутербродами на ходу.

Въехали в Ростов-на-Дону. Город несколько знаком по прежней поездке. Мест в гостиницах нет, поехали дальше, в Батайск. Здесь устроились на ночлег. В России с бензином легче. Дозаправили автомобиль и по «Атласу ...», на Владикавказ. Мы спешили, время шло к концу августа, а нам надо было преодолеть перевал по военно-грузинской дороге, по которой никогда не проезжали, а знали лишь слухи и анекдоты о поведении здесь местного населения, да и сотрудников ГАИ. Обсудили возможность свернуть с магистрального направления и заехать в Пятигорск, вернее в Лермонтов, где живет и работает одна из наших друзей по совместной работе на Майли-Сайском предприятии, выпускница Ленинградского горного института 1947 года Галина Смирнова, с которой у нас была постоянная переписка и о которой, наверное, напишу несколько позже. Но, решили не отвлекаться и продолжить движение к конечной цели. Иногда менялись с Борисом местами, и он вел автомобиль.

Поздно вечером добрались до города Владикавказ и здесь устроились в маленькую гостиницу. Юля и Борис ночевали в номере, а я спал в автомобиле, как-то не решался оставить без присмотра. Ночь довольно прохладная. Утром, после умывания, отправились на местный рынок, закупили провиант и выехали на Военно-Грузинскую горную дорогу.

Уже при въезде в неширокую долину с довольно крутыми склонами, поднимающимися к верхушкам еще невысоких гор, почувствовали особенный аромат в воздухе и прохладу. Асфальтированная дорога вилась вдоль быстротекущей речушки, названия которой мы так и не выяснили – не то верховье реки Терек, не то один из его притоков. Правый склон весь в зарослях кустообразных растений и травянистых отцветших завязей, отражающих своим разноцветьем яркие солнечные лучи, находящегося в зените, светила. Остановились и убедились, что на склоне действительно много кустов с поспевшими ягодами барбариса, ранее замеченные наметанным глазом Юлии. Не очень легко забираться на склон, но мы, Борис и я, настырны и собрали ягоды в полиэтиленовые мешочки, не могли остановиться, хотелось еще и еще.

Дорога заметно шла в гору, а день – к обеденному времени. Вдруг долина расширилась, и справа открылась панорама с видом на большое каменное сооружение с башнями, которое при более внимательном взгляде оказалось действительно полуразрушенной крепостью. К ней вел тоже асфальтированный дорожный отвод шириной в 3–4 метра, который заканчивался горизонтальной площадкой, на которой стояло 2–3 автомобиля, а у внутренней границы площадки в склон горы было врезано здание из деревянных конструкций с широкой крытой верандой, на которой были размещены столики и за ними восседали граждане, наверное, пассажиры и владельцы тех самых авто. Въехали на площадку и убедились, что здесь действительно придорожный ресторан, вернее на вывеске значилось, что это столовая райпотребсоюза. Но сначала направились к полуразвалинам, находящимся несколько левее и выше по склону, поднялись по довольно крутой тропинке. На одиноко установленной тумбочке была прикреплена табличка с названием и объяснением исторического памятника (не помню названия). Было похоже, что это место мало посещаемо, а местные власти в нем также незаинтересованы. Спустились и зашли на веранду и во внутрь столовой, где тоже расположено 5–6 столов, имелся стойка-буфет, за которым стояла средних лет женщина явно не грузинской, а одной из многочисленных «кавказских национальностей», а в зале обслуживала

вторая, молодая женщина той же национальности. В меню по несколько первых и вторых блюд, отражающих больше кавказскую кухню, салаты, фруктовые и минеральные напитки. Заказали салаты, суп-харчо, хинкали с тертым сыром и минводу «Боржоми». Это же удивительно, что в такую глушь завозят даже минеральную воду, которую не всегда можно получить в более цивилизованных местах. Молодая, симпатичная официантка с улыбкой на устах принесла большое блюдо, на котором были разложены нарезанные свежие помидоры, огурцы, листочки разных съедобных, мне неизвестных названий, растений и приправ, все это выглядело очень красиво, аппетитно и вызвало обильное слюновыделение. Мы с не меньшим удовольствием уплели харчо и хинкали, довольно остро и очень вкусно приготовленные. Пошел рассчитываться к стоящей за стойкой и был удивлен дешевизной трапезы трех взрослых насытившихся персон – около 30 рублей. Взял еще пару бутылок «Боржоми» и отправились в дальнейший путь.

Дорога переместилась на правый склон (левый берег речки) и в дальнейшем шла по нему, резко поднимаясь и с минимальными серпантинами. Правый край дороги, ее обочина была ограждена надолбами, а местами и сплошным каменным барьером, так как глубина ущелья становилась все большей и большей. Ручья (речки, сая – не знаю, как правильно назвать) уже не видно и не слышно.

Неожиданно впереди возникла несколько расширенная часть дороги с установленными шлагбаумом и деревянной будкой ГАИ. У нас с документами все в порядке, справа на переднем ветровом и на заднем стекле были установлены транзитные номерные знаки, только маршрут перегона не соответствовал фактически совершаемому и я, памятуя известные анекдоты и прибаутки, касающиеся поведения грузинских и других, кавказских гаишников и милиционеров, уже стал переживать о возможном неприятном разговоре и задержке в дальнейшем движении. Нас остановили. Вышел из автомобиля, предъявил документы одному из двух милиционеров. Внимательно изучая бумаги, гаишник спросил:

– Автомобиль совсем новый!?

– Да, получил прямо на заводе, – ответил.

– А куда направляетесь?

– К друзьям в Грузию. А потом отправимся домой, в Узбекистан.

– Будьте внимательны на дороге и счастливого пути! – услышал и принял, возвращаемые мне документы. Отлегло от сердца.

Мы продолжили путешествие. А я, все же, хочу рассказать пару анекдотов известных автомобилистам, но, думаю, будут интерес-

ными последующим поколениям, которым, надеюсь, попадется эта книга.

«Едет с семьей русский гражданин в путешествие и отдых на Кавказ по Военно-Грузинской дороге. Шлагбаум. Останавливается. Сотрудник местного ГАИ, от ведомственной формы которого веет благоухающей чистотой, обращается к водителю, главе семьи (с грузинским акцентом):

– Почему нарушаешь, дорогой!?

– Я не нарушаю. – Приглашает водителя в будку.

– Вот бумага, пиши объяснение... только на грузинском языке!

– Так не умею по-грузински! – Гаишник уходит. Полное недоумение в глазах «нарушителя». После нескольких минут раздумий он вкладывает между двух листов четвертную купюру. Вошедший сотрудник берет бумагу и говорит:

– А говоришь, что не умеешь! Уже половину написал!!!»

«Гражданин с семьей едет на Кавказ. Шлагбаум.

– Ваши документы!? – говорит гаишник, прикладывая руку к козырьку. Внимательно изучает поданные бумаги и спрашивает:

– Откуда едете?

– Из Волгограда! – отвечает.

– Откуда!? – раздается несколько повышенным тоном.

– Из Волгограда!

– Откуда, откуда!?! – еще более высоким тоном.

– Из Волгограда!!

– Сталинград! Сталинград!! Сталинград!!! – уже выражает криком гаишник, одновременно с каждым выкриком проделывая в предупредительном талоне проколы (дырки)».

Неописуемая красота возвышающихся пиков гор, разноцветье склонов, заросших разными сортами деревьев, кустарников. Местами склоны, по которым проходила дорога настолько крутые, что строители вынуждены были соорудить тоннели, по которым мы проезжали. Большая часть тоннелей была выполнена без креплений, нет искусственного освещения – впечатление было не из лучших!

Незабываемое же впечатление оставила панорама, увиденная нами на одном из участков пути, почти у перевала – в большом прогале между двумя хребтами, километров в 2–3 км от нас на противоположном правом склоне, на большой, почти горизонтальной площадке несколько десятков домов аула, зеленеющие поля. Три стороны площади заканчивались практически вертикальными обрывами и никаких подъездов к селу нет. Картина очень похожая на показанные в известном и очень популярном

кинофильме «Мимино» с прославившимся после него актером Кикабидзе.

Наконец мы на пике, перевале. Ура! Картина тоже незабываемая. Видна широкая панорама долины на грузинской стороне, сплошная зеленая, отдельные поселения, ленточки дорог. А впереди очень крутой склон, по которому просматриваются все изгибы и серпантины предстоящего спуска в долину и движущиеся по ним автомобили, превращающиеся по мере удаления к низу в игрушечные размеры!

Непродолжительный отдых на площадке и начали спуск. Полотно дороги довольно широкое, покрытие в хорошем состоянии, выполнены все инженерные сооружения. Впечатление, что увеличилось число движущихся автомобилей, после редко встречавшихся нам и почти не перегонявших нас автомобилей на северной стороне магистрали. Скорость держу умеренную, интересно, красиво. Выехали на широкую, теперь уже нижнюю площадку-площадь, много торговых точек, ларьков, кафе-ресторанчиков. Но мы задерживаться не собирались, выехали на магистраль и продолжили путь, рассматривая из автомобиля природные красоты опять поднимающегося плоскогорья, заросшего буйной зеленью. Чуть менее 100 км и мы заехали в г. Гори, где устроились на ночлег в местной гостинице. Музей Сталина уже закрыт, день на исходе. В просторном вестибюльчике гостинички много плакатов и фотографий, связанных со сталинской темой. Утром позавтракали в буфете гостиницы и отправились дальше. Беспокойдл отсутствие бензина в автозаправочных, как и на Украине.

Дорожный знак «Ткибули», напоминал сочетание слов еще из школьных программ – «Ткибули – Ткварчели», промышленные места Грузии, добыча угля и еще что-то. Но мы ехали дальше. Еще 150–160 км и мы почти у цели – Кобулет. На самом въезде видали автозаправочную и длинную очередь автомобилей к ней. Остановились, видно, что шла заправка бензином из одной колонки. Встали в хвост очереди. За руль сел Борис, а я пошел к бензоколонкам. Много народа, стоял сплошной голосовой гомон, а после отъезда очередного заправленного автомобиля раздавалась дробь ударов передвигаемых вплотную стоящих канистр – за время подхода к колонке очередного авто, заправлялась очередная канистра. В очереди канистр стояли автомобилисты, не пожелавшие стоять в очереди на автомобиле, считая, что заправить канистру будет быстрее. Публика главным образом из местного аджарского населения. Я стоял в стороне и наблюдал, настроение у толпы очень благодушное,

раздавались шутки на разных языках, часто в смешанных выражениях, иногда и по-русски, а завершалось взрывом хохота. Вдалеке появилась колоритная фигура крупного человека в «генеральской» форме с канистрой в руке. Подошел к канистровой очереди, поставил свою, широко улыбаясь и отвечая на многочисленные приветствия, раздающиеся в его адрес. Оказалось, что это милиционер в звании старшины, но новенький мундир на нем и погоны были расшиты каким-то не уставным манером, все блестит и пышет достатком. Вдруг, внимание перенеслось на подходящего к этой же очереди военного, оказавшегося капитаном авиации, тоже поставившего свою канистру. Из будки выбежала плотного телосложения, коренастая, светловолосая заправщица и громко, перекикая толпу, с сильным акцентом на русском языке заявила:

– Я заправлю гостя без очереди! – и пригласила капитана к заправочному шлангу. Капитан очень смутился, но толпа, сначала притихшая, одобрительно закивала головами, и канистра капитана была заправлена.

Подошла и наша очередь часа через два, заправили полный бак. День на закате. Въехали на главную и, пожалуй, единственную улицу Кобулет, имени Ленина. По обе стороны – двух и трехэтажные каменные особняки, кровля и фасады которых часто отделаны кровельным железом. Оказалось, что действительно есть 836 номер дома и здесь снимали жилье наши дети и друзья. На следующий день я по спидометру автомобиля замерил длину улицы, она (длина) равнялась 8,3 км.

Нас встречали объятиями. Познакомили с хозяйкой дома. Это была молодая аджарка, имеющая дочку лет шести, «выгнавшая» мужа по причине чрезмерного принятия им алкоголя, работающая кастеляншей в одном из санаториев. Владелица довольно просторного по площадям на каждом из двух этажей нового дома почти на окраине улицы сдает приезжающим дикарем курортникам хорошо меблированные комнаты второго этажа. Но это вторая часть доходов, а первой и, очевидно, довольно приличной статьей дохода является большой приусадебный участок земли, располагающийся за задним фасадом дома, на котором растут и дают урожай десятки деревьев цитрусовых сортов, главным образом мандаринов. Хозяйская семья располагалась на первом этаже, где, кроме жилых комнат, была оборудована просторная кухня со всеми необходимыми атрибутами. На уровне второго этажа по трем (главному и боковым) фасадам проходила просторная крытая веранда, на которой были установлены столики, стулья и шезлонги. Несколько в глубине участка, со сторо-

ны левого фасада был построен просторный гараж, в который поместились параллельно два «Жигули». Мой автомобиль поставили во дворе перед воротами гаража. Так как курортный сезон практически закончился (конец августа) с нас, приехавших сейчас за каждые сутки хозяйка брала по 3 рубля, а не по 5, как оплачивали ранее приехавшие наши дети и друзья.

В первый же вечер нашего приезда был устроен праздничный ужин, в котором приняли участие и хозяйка дома и пришедший ее отец, коренастый, пышущий здоровьем аджарец, говорящий по-русски с очень сильным и оригинальным акцентом. Он сказал нам, что работает водителем грузового автомобиля заготовительной конторы, на котором перевозится сельхозпродукция с заготовительных баз района в места их реализации, что у него на этой же улице, ближе к центру собственный дом, значительно больший по размеру, чем у дочери, большим и более ухоженным земельным участком и садом, что его недвижимость оценивается в 350–400 тыс. рублей, тогда как дом дочери стоит 160–170 тыс. рублей. Он пригласил нас посетить его дом. Меня ранее, и в этот раз, и потом удивляли и ошеломляли цифры, которыми озвучивали граждане Грузии стоимость своих домов, текущие расходы, масштабы застолий (понятно и их стоимости) и легкостью произношения этих цифр. Ведь иметь дом стоимостью почти в полмиллиона рублей, зарабатывать 100 рублей в день (признание одного парикмахера) – это же никаким образом не укладывалось в умы рядового советского человека. Ведь получалось, что Грузия жила по каким-то своим меркам, своим законам, не укладывающимся в рамки советских, общесоюзных!? Это что? Это повелось со сталинских времен? Он, Сталин давал своим соотечественникам особые привилегии?

На выезде из Кобулет в сторону г. Батуми был КПП ГАИ (как и на въезде). Оказалось, что местные власти под предлогом борьбы с загрязнением атмосферы и шумами в курортной зоне, запрещали прибывающим на своих автомобилях передвигаться на них по городку. Для того, чтобы проехать в Батуми для экскурсии тоже необходимо было разрешение. Наши курортники уже побывали в Батуми, поэтому получили разрешение и на Витином автомобиле отправились в Батуми мы с Юлией, Борис и Виктор. Дорога проходила по горной местности с частыми крутыми серпантинами, на склонах гор буйная растительность. Преодолели перевал и начался спуск к городу и морю. По рекомендации Виктора, решили припарковаться на одной из стоянок вблизи набережной, прогуляться по ней и посетить единственный в СССР дельфинарий. На набережной

много торговых точек, панорама бухты со многими причалами и кораблями. Гуляющих относительно немного, но слышны разные языки, несмотря на конец курортного сезона еще туристы не перевелись. Погода пока нам благоприятствовала, светило солнце. Был воскресный день и желающих посетить дельфинарий оказалось много, особенно родителей с детьми. Расселись на трибунах, видимость прекрасная, впечатление от показываемых аттракционов, «улыбающихся и добродушных» животных, искусства дрессировщиков и тренеров вызвало глубокое удовлетворение и умиление. Довольные увиденным, вышли и в ближайшем ресторанчике угостились шашлыками по-кавказски, хотя считали, что шашлык по-узбекски значительно вкуснее. На обратном пути опять полюбовались красотами природы.

Погода начинала портиться, да и надо спешить в обратный, длинный путь домой. Пробежали трое суток и завтра поутру наметили отъезд. Накануне устроили торжественный ужин и обсудили маршрут движения, возможные места остановок для ночевки, в том числе обязательно в Тбилиси. При этом Виктор предложил, а все участники их компании – Зинаида Соломоновна, ее сыновья Гарик и Валерий, наша молодая невестка Рита – поддержали его, ни в коем случае не заезжать в Зестафони, находящегося на пути. За этим последовал довольно интересный рассказ, суть которого следующая.

Напомню, что перечисленная выше компания на двух «Жигули» совершавшая туристический автопоход «Ташкент – Кобулет», останавливалась в Тбилиси по намеченному заранее адресу, где жили две сестры-грузинки. А их адрес и письмо дала родственница Зинаиды Соломоновны, работавшая преподавателем английского языка в Ташкентском институте иностранных языков. У последней училась одна из сестер-грузинок и у них сложились доверительные отношения и переписка после окончания курса. По приезду группа путешественников была очень радушно встречена сестренками и они обязали гостей, держащих путь в Кобулет, заехать в гости к их отцу, живущему в Зестафоне, городе лежащему на пути. Кажется, одна из сестер даже позвонила отцу о приезде гостей. Путешественники выполнили наказ и заехали по указанному им адресу. Здесь оказался очень большой особняк с соответствующим земельным участком и радужный хозяин, который после знакомства, расселения приехавших в предназначенные им комнаты, небольшого отдыха и туалета, пригласил гостей в большой зал, где уже находились многочисленные соседи. Стол ломился от яств и застолье с традиционным грузинским тамадой и нескончаемыми тостами и здрави-

цами в адрес и гостей, и друзей-соседей и хозяев затянулось далеко за полночь. Несмотря на попытки воздержаться от опорожнения бокала до дна, наш Виктор, наиболее активный из гостей, играющий на гитаре и поющий, полностью «отключился» и был буквально вынесен из-за стола на руках в постель. Оказалось, что у грузин есть обычай заканчивать застолье лишь после того, как гость захочет спать и найдет повод для этого, хозяин такой инициативы проявить не может. А приехавшие считали, что нельзя обидеть гостеприимных хозяев, покинуть застолье без предложений последних. Половину следующего дня гости провели за лечением головной боли, выехали дальше лишь после обеда и настоятельных приглашений обязательно посетить хозяев на обратном пути.

Выехали из Кобулету рано утром, без завтрака. Часам к 9-ти остановились на площадке у придорожного ресторана. Вошли, большой зал столиков на 30–40, за стойкой полный, колоритный грузин, в зале ни одного посетителя. Разнообразные напитки и алкогольные и столовые. Буфетчик показал меню, выбор большой, просит сесть за столики. Нас 8 человек. Объединили два столика. Заказ выполнил молодой грузин, не говорящий на русском языке. Не помню что, но позавтракали очень плотно и каждый на свой вкус. Принесли счет на грузинском языке, но конечная цифра понятна и вполне реальная. Я старший в компании и рассчитался с официантом. Получил полагающуюся сдачу. Поблагодарили за вкусный завтрак и весьма вежливое обслуживание.

Практически не останавливаясь приехали в г. Гори. На ночь устроились в уже известной нам гостинице. Музей Сталина по каким-то причинам закрыт. Огорчены, но не очень. Немного погуляли по городу. Ночевка, завтрак в гостиничном буфете, открывающийся лишь в 9 утра, и в путь, до Тбилиси немногим более 100 км. На въезде в Тбилиси на заправке бензина нет, но имелась мойка на два рабочих места, где была произведена вручную из шланга обмыв наших автомобилей. На это ушло порядочно времени. Наш кортеж, ведомый Виктором, приблизился к центру Тбилиси и завернул на одну из улиц к высокому, 14-этажному жилому дому, возвышающемуся над остальными домами высотой не более 5–6, где и жили уже известные нам грузинские сестрички. Заехали за внутренний фасад дома, где просторная асфальтированная площадь для автомобилей жильцов и гостей. Кто-то из нас поднялся на 14-й (последний) этаж. Остальные разминались в ожидании. Вскоре из подъезда буквально выбежала младшая, бывшая студентка и пригласила всех подняться в квартиру. Немедленно было организовано чаепитие с бутерброда-

ми, какими-то сладкими пирогами. Время около 13 часов. Девочки, несколько смущенные неожиданным нашествием восьми душ (про нас, имею ввиду приехавших на «Волге»), они и не знали, познакомились. Одна из сестер уже на телефоне, вела разговор на грузинском языке. Нам сообщили, что живущий в Тбилиси их старший брат (имярек) сейчас в командировке в Москве и должен приехать лишь через несколько дней, причем, на купленном им автомобиле иностранного производства. Но в ближайшие два часа сюда должен приехать его друзья, и все мы поедем обедать. Пока беседовали, обменивались впечатлениями о проведенных днях отдыха, приеме у отца в Зестафоне, о сожалении и неприятии мотивов отказа от заезда к отцу на обратном пути и других событиях, обсудили и примерную программу посещения некоторых примечательностей Тбилиси на следующий день и порядок размещения приехавших на две предстоящие ночи. Квартира-то однокомнатная – в ней могли разместиться две приехавшие женщины-мамы, а остальные должны были отправиться спать в машинах.

Часам к трем дня на автомобиле «Жигули» прибыли два очень спортивного вида парня 30–32 лет, довольно красивая женщина, возрастом под 30 с дочерью, очень красивой, упитанной с копной густых рыжих волос девочкой лет 8–10. Мужчины-грузины разговаривали по-русски с большим напряжением и сильнейшим акцентом, дама (оказавшаяся осетинкой) русским владеет сполна. Нам было предложено разместиться в машинах и отправиться на обед в предместья Тбилиси. Юлия, сославшись на усталость и головную боль (а она действительно страдала частыми головными болями – мигрень), отказалась от поездки и осталась в квартире. Все остальные – на трех «Жигулях», «Волгу» оставили на стоянке. Впереди за рулем один из грузинских парней, за ним поспешали Валерий и Виктор. На магистральной улице довольно напряженное движение, а наш «ведущий» держал недопустимую по городу скорость и не принятые маневры, вынуждая проделывать подобное наших ребят. Гонка продолжалась не долго, мы уже в Мцхете – древней столице государства при царице Тамар. Очень зеленый городок со многими красивой архитектуры особняками, парковыми островками. Подъехали к величественному со шпилями, красочными витражами, сооружению – грузинской церкви, где в это время шел обряд венчания молодой пары. Очень красиво и торжественно!

По машинам и в одной из парковых зон остановились у двухэтажного, отдельно стоящего, без ограждений особняка, вокруг видимых фасадов, на уровне около метра от отметки земли кото-

рого выполнены веранды. Один из грузинских парней, очевидно старший из двух, тот, что вел «Жигули», вошел в здание и, выйдя из него, предложил всем подняться на веранду, передохнуть здесь несколько минут, пока нам приготовят столы. Значит это ресторан, хотя никаких вывесок или других информационных средств об этом я не увидел. Буквально через 15–20 минут нас пригласили в зал, где уже был накрыт стол ровно на число нашей компании. Больше в этом, относительно небольшом зале нет ни других столов, ни посетителей. В один из торцов сел наш ведущий, который и есть уже тамада, справа от него первой по длинной стороне стола он усадил осетинку, которая выполняла в течение всего застолья роль помощницы тамады, подсказывая ему многие русские слова, которые он не знал, произнося очередной тост. За ней усадили меня и далее Борис, Виктор и кто-то из хозяев. На противоположной длинной стороне стола разместили Зинаиду Соломоновну, Гарика и Валеру и далее оставшиеся из принимающей стороны. Учли все принятые атрибуты – возраст, родство, гость, хозяева.

Стол ломился разнообразием и числом мясных, рыбных, овощных закусок, умело украшенных зеленью и приправами, расставленных в красивой посуде, вазами наполненных многими видами фруктов, и все это вызывало здоровый аппетит и предвкушение приятных ощущений. Каждого из присутствующих спросили, что он будет пить. Я заказал сухое красное вино. Обслуживал стол молодой грузинский парень с салфеткой через предплечье, который неотступно и внимательно следил за поведением каждого участника застолья и немедленно приходил на помощь, помогая взять необходимое блюдо, ставил другую бутылку соответствующего напитка при опустошении предыдущей. Тамада начал застолье красиво изрекаемым тостом в честь гостей, особенно отметив самую старшую из нас – участника ВОВ Зинаиду Соломоновну. Затем, после очередного тоста тамады, кто-то произносил в тему «алаверды» (дополнение) и все дружно выпивали свою порцию. Я следил, чтобы Виктор не выпивал за каждым тостом, ему, как и Валере, вести автомобиль. Я с тревогой наблюдал как тамада, он же водитель своего «Жигули» выпивал свой бокал вина до дна. Застолье продолжалось более пяти часов. Я допивал свою третью бутылку вина. Спросил соседку-осетинку:

– А как поведет автомобиль наш тамада после такого возлияния?

– О! Да у нас можно! Ребята же приехали уже немного подвыпивши, со свадьбы. Не переживайте!

Действительно, ведущий благополучно, на довольно приличной для движения в городе скорости провел весь кортеж до дома сестричек. Распрощались с друзьями брата, которые обещали на следующий день показать нам некоторые примечательные места в Тбилиси. Женщины поднялись наверх, а мы остались в машинах, где и провели в глубоком сне ночь, уставши от проделанной дороги в Тбилиси и после многочасового, обильного застолья.

Проснувшись поутру, мы, водители автомобилей, решили заняться вопросом поиска возможностей заправки бензином. Накануне узнали, что поблизости от места нашей стоянки есть автозаправочная и, взяв по канистре, пошли к ней. К большой радости увидели, что идет выдача бензина и в автомобилях, и в канистры, как это было в Кобулеті. Стали в очередь, заправили канистры, дотащили к машинам, машины завели и доехали к заправке, где залили баки под завязку. К этому времени в квартире был приготовлен завтрак, мы с удовольствием поели под приятные разговоры и обсуждение распорядка предстоящего воскресного дня. Приехал вчерашний ведущий и тамада, расселись в двух автомобилях и нас провезли и показали, в первую очередь, «Пантеон», расположенный в очень красивой парковой зоне на возвышающейся над городом горе, где много гуляющих горожан и туристов. В «Пантеоне» похоронены заслуженные граждане республики и города, над могилами возвышались прекрасно выполненные из мрамора, гранита надгробия-скульптуры. Особенно выделялось надгробие места захоронения матери Сталина. Здесь нам поведали, что сам Иосиф на церемонию похорон родной мамы не приехал. Спустились вниз, проехали по центральной улице-магистральной, побывали у комплекса зданий ЦК КП Грузии. Затем нас подвезли к району домов, располагающихся буквально над пропастью – почти вертикально опускающемуся берегу Куры, воды которой бурлят в 30–40 метрах ниже. В одном из таких домов проживала наша вчерашняя знакомка, красивая осетинка, настойчиво приглашавшая нас войти в дом. Визит не затягивали, попрощались и поспешили отдохнуть, чтобы на завтра ранним утром отправиться в дальнейший путь.

Меня назойливо донимала мысль – мог бы я организовать в Ташкенте прием неожиданно нагрянувших гостей на таком уровне, как устроили грузинские практически чужие нам товарищи здесь, в Грузии, если представить себе, что я даже не ограничен в средствах. Как я ни старался себе это представить получалось – ни коим образом! Ни в одном ресторане в Ташкенте не оказалось бы такого набора продуктов, не смогли бы в такое короткое время все это при-

готовить, не смогли бы так красиво и профессионально оформить стол и характер обслуживания. Еще раз подтвердилось – в Грузии живут по своим законам, отличающимся от Советских. По возвращению в квартиру девочек взял свежую газету, орган Тбилисского горкома КПГ и городского Совета (не помню названия газеты) и на внутреннем развороте прочитал несколько откликов представителей различных слоев населения на прошедшие несколько ранее события по осуждению бывшего председателя исполкома одного из районов города Тбилиси (имярек) и приведение в исполнение смертного приговора ему. Рабочий, служащий, ученый-академик восклицали: «Как мог коммунист, ответственный работник брать взятки за каждое законное и незаконное действие, особенно за выделение вне очереди квартир и других благ. Приговор справедлив, надо искоренять врагов нашего общества» и т. д. и т. п. А я подумал, что по-другому государственные служащие, на государственную зарплату в условиях, когда «трудящиеся» Грузии рассуждали категориями стоимости домов в 200–300 тыс. рублей, парикмахер считал, что если заработать за день менее 100 рублей – день потерян, вести себя просто не могли. Как мог predisполкома прийти в гости к другу или товарищу, не одарив его по достоинству по местным меркам, как он мог принять у себя своих друзей без принятых в этом обществе обилии и шика!?

Мысли-мыслями, а дело-делом и мы, заготовив в дорогу некоторые продукты и питье, рано улеглись спать и в 5 утра следующего дня, попрощавшись с гостеприимными сестричками, отправились в дорогу по намеченному кратчайшему пути на Баку. Предстояло преодолеть немногим более 600 км, которые наметили пройти за светлый день. Уже через 70–80 км подъехали к КПП на границе между Грузией и Азербайджаном. Грузинские гаишники поверили документы, те же вопросы и цоканье губами на сообщение, что «Волга» новая и приобретена на законных основаниях прямо на заводе, пожелания доброго пути. Несколько по-другому прошла проверка на первом же КПП Азербайджана. После внимательного изучения предъявленных бумаг, несколько заискивающее обращение и заглядывание в салон «Волги»:

– А что везете? – На заднем сидении и на заднем «подоконнике» лежат какие-то пластмассовые упаковки с косметикой, главным образом для обработки кузова авто. Нравятся проверяющим. Предложил одну в подарок. Гаишник поблагодарил и «взял под козырек».

Дорога в хорошем состоянии, проходила по возвышенной долине, параллельно протекающей не очень далеко известной реки

Куры. Пробежали десятки километров, а по обе стороны – бескрайние виноградники, на которых на всю просматриваемую даль видны большие налитые соком гроздья винограда. Шла интенсивная уборка урожая, трудились сотни людей и на ручном и на машинном сборе. Рассудили, что очевидно здесь, как и в нашем родном Узбекистане, на эти работы мобилизуют учеников, студентов и трудящихся промышленности. О таких масштабах виноградарства в Азербайджане я представления не имел, ведь Азербайджанские вина не очень котиrowались (по моим меркам), мы знали вина и коньяки Грузии, Армении, Крыма.

Старались нигде не задерживаться, остановки только для недолгих разминок и при довольно частых проверках службой ГАИ. Но подошло время обеда. Присмотрели в одном из проезжаемых селений довольно большое здание кафе-ресторана, за которым имелаcь и парковая зона с расставленными столиками. Оставляем автомобили на имеющейся стоянке перед главным фасадом, прошли в садовую часть и объединили два столика. Подошедший официант, молодой азербайджанец на приличном русском языке с явным акцентом объявил возможный, не очень широкий, выбор блюд и отправился на выполнение заказа. Вся наша компания практически единодушно выбрала одинаковые блюда первого, второго и зеленый чай. Ожидание было довольно долгим, но сидеть в тени и прохладе больших деревьев, а день был довольно солнечным и жарким, приятно и не тягостно. Мы дружно и при активном обсуждении обстоятельств и событий пройденной части дня насытились довольно вкусно приготовленными яствами и попиwали чай в национальных азербайджанских стаканчиках. Попросили подошедшего официанта рассчитать нас, и он бодро без запинки назвал сумму в 48 рублей. Я, как старший в пути, начинал вынимать кошелек для оплаты, но дружно выступившие женщины, Зинаида Соломонова и Юлия заявили:

– Не может быть! Мы же не пили спиртных напитков, таких цен нет!

Я тоже подумал и потребовал счет. Молодой человек без всяких эмоций, как бы безразлично произнес:

– Ну, 36 рублей. – Опять восклицание одной из женщин:

– Нет! Не может быть!

– Ладно, 32 рубля. – Я отдал последнюю сумму.

Отдохнув, отправились в дальнейший путь. Не буду описывать проезжаемые населенные пункты и города, подчеркну лишь отдельные события, запомнившиеся и характеризующие детали обстанов-

ки и характеристики жизни и быта в центральном Азербайджане, где я до этого никогда не бывал. Если читатель помнит, то мы с Юлией в 1967 году на автомобиле «Москвич-408» проехали от Баку до границы с Россией по восточной части Азербайджана, вдоль западного берега Каспийского моря.

Мчались на восток-юго-восток с одной целью, скорее попасть в Баку, откуда, как нам известно из прежней практики и рассказов очевидцев, в это время года – конец августа, начало сентября – очень нелегко выбраться на пароме в Красноводск, из-за большого потока возвращающихся туристов, спешащих к началу учебного года, да и погода на Каспии в дальнейшем обещает быть с частыми штормами. Ничего примечательного не заметили и еще в довольно светлое время прибыли в Баку, добрались без особых приключений в морской пассажирский порт. У касс столпотворение. Нам было необходимо приобрести восемь мест в каюты и три для перевозки автомобилей. Этим занялись молодые парни из нашей компании. В кассовом зале висело написанное вручную объявление, предупреждающее о том, что автомобили на паром не допускаются в грязном состоянии. Вышел на привокзальную площадь, где стояли наши авто и на скамейках отдыхали наши женщины. Осмотрелся округу и увидел, что за боковым фасадом вокзального здания сидел человек, держащий в руках конец шланга и тряпку. Шланг был подключен к водопроводной колонке. Подошел:

– Добрый день, можно вымыть автомобиль?

– Да. Один рубль. – Не понимаю почему так дешево.

Пошел к своему достаточно запыленному автомобилю, подогнал его к месту мойки. Дал рубль сидящему (азербайджанец в кепке-«аэродроме»), он подал мне конец шланга и вручил еще мокрую от предыдущей мойки тряпку. Понял, что мыть-то надо автомобиль собственными руками! Я надел на себя рабочую одежду, хранящуюся в багажнике, и тщательно вымыл автомобиль. Через пару часов из вокзального здания появились ребята с приобретенными билетами на паром. Погрузка на паром производилась с грузового причала, находящегося в 3–4 км от пассажирского морского порта, куда мы уже в темноте и отправились, решив не мыть другие автомобили.

Подъехали к району нужного нам причала и оказываемся в хвосте длиннющей очереди автомобилей, ждущих погрузки на паром «Баку–Красноводск». Подъезд шириной в одну колею, в хвост очереди стала моя Волга, за мной Виктор, за ним машина семьи Виленчиков. Почти немедленно подъехали еще жаждущие и за нами очередь увеличилась, теперь уже выехать из очереди невозможно ни в

сторону, ни вперед, ни в обратном направлении. Вышли из машин и увидели интересную картину лагеря десятков людей, расположившихся у горящих походных примусов, керосинок, даже небольших костров по левую сторону вереницы автомобилей на расстоянии 3–4 метров у растущей изгороди кустарников. На всех видах горелок варились, жарились разные продукты, кипятились чайники, у очагов рассаживались ужинающие, много детей, стоял гомон. Похоже, застряли на долго. Наша компания присоединилась к армии страждущих, организовали ужин и легли, как можно, на сон в автомобилях. Паромы подошли лишь через 8–12 часов. По мере погрузки, автомобили продвигались к причалу. Обстановка неприглядная, умывание из кружки водой из собственных запасов, подножный корм, удобств никаких, тяжелее женщинам.

Лишь к вечеру следующего дня наша очередь приблизилась к вероятной погрузке на очередной паром. Действительно, после загрузки очередных машин в жерло нижней палубы, куда входили и железнодорожные вагоны, был установлен очень крутой пандус, по которому на верхнюю палубу стали заезжать очередные автомобили. Пандус был не только крутым, а и представлял собою форму латинской буквы «S» без части верхнего крючка и довольно узкий по ширине. Некоторые водители, глядя как трудно это получается у впереди стоящих, отказывались самостоятельно въезжать на палубу и соглашались передать эту операцию предлагающим такую услугу за мзду здесь же появившимся местным дельцам. Подошла и моя очередь. Я тоже волнуюсь, но взял разгон и влетел на верхнюю палубу благополучно под раздавшиеся даже аплодисменты. За мной въехал Виктор на «Жигули». Вдруг, следующему, а это автомобиль Виленчиков, въезд не разрешили и передвижной пандус, несмотря на решительные действия и просьбы Зинаиды Соломоновны, отъехал от борта парома – норма загрузки была исчерпана. Так наши попутчики остались на пристани Баку, а мы на теплоходе отправились к Красноводску. Забыл отметить, что по всей территории Азербайджана не было никаких проблем с заправкой автомобилей бензином, в этой республике такого дефицита не знали. Мы по ходу движения пару раз заправлялись, боясь изменения обстановки. Но без неприятностей у меня не обошлось. При каждой остановке на заправку обязательно появлялся кто-то, который глядя на новый автомобиль «Волга-24», цокал языком, чмокал губами и предлагал продать ему эту красавицу. Давались две-три государственные цены, отвергались все мои доводы по отказу продажи, назойливость покупателей не знала предела.

Переход с западного берега Каспия на восточный на пароме прошел без каких-либо приключений, погода была благоприятной, ночь все, кроме меня, провели в четырехместной каюте. Я же, несмотря на несколько категорических предупреждений о запрете находиться в автомобиле, все-таки провел в нем всю ночь. Утром вернулся в каюту, позавтракал. Рейс шел к концу. Подошел к своему автомобилю, здесь уже крутился человек азербайджанского обличья и обратился ко мне, уже зная, что я хозяин, на «ты», фамильярно:

– Продай автомобиль. Сразу даю 40 тыс. рублей, отдавай документы и расстаемся. Никуда ходить не надо, ни к нотариусу, ни в комиссионку!

– Я автомобиль не продаю.

– Ты же уже старый, зачем тебе такой автомобиль!? – Как я выдержал порыв дать по морде!

– ... (это мои не поддающиеся печати выражения). Я, засранец, переживу тебя! Иди отсюда к ...! – Несмотря на вспыхнувшие искорки в глазах «собеседника», он ретировался и больше я его не видал, хотя какое-то время уже на Красноводском берегу, где мы находились довольно долго, ожидая прихода очередного парома с нашими друзьями, меня преследовали мысли о возможной попытке еще раз убедить меня продать автомобиль.

Почти к концу дня пришел очередной паром, благополучно прибыла семья Виленчиков. После многих вздохов и обмена информацией решили на ночь остаться в Красноводске, что и сделали, проведя ее в машинах. Рано утром отправились в путь на Ашхабад. По справочнику шоссейных дорог следовало пройти свыше 500 км по дороге уже известной нашим путешественникам и не представляющей какого-либо исторического и другого интереса. Автомобильная дорога проходила практически по тем же населенным пунктам и городам Туркмении, через которые проходила и единственная железная дорога, построенная Царской Россией в конце XIX века, о чем я уже писал во второй книге. Единственной достопримечательностью являлось, появляющееся примерно на половине пути к Ашхабаду, окончание Большого Каракумского канала, строительство которого в свое время был разрекламирован советской властью как великая народная стройка, предназначенная коренным образом изменить характер и образ жизни туркменского народа. Мы же в течение всего пути, когда автомобильная дорога проходила почти в непосредственной близости от канала, а это более 550 км, почти до города Мары, убедились в том, что уже к этому времени канал не оправдал своего назначения, во многих местах зарос камышом и

другими видами растений, местами заболотился. Способствовало этому несовершенная его конструкция, вернее никакая конструкция, а просто земляная выемка с пологими откосами, очень редко облицованные бетонными плитами. Поэтому дно быстро заиливалось выпадающими в осадок из Амударьинских вод лессовыми частицами и зарастало растениями, быстро развивающимися в этих условиях. Поддержание необходимых эксплуатационных условий требовало значительных трудовых и материальных затрат, которые из года в год не выделялись.

Прибыли в Ашхабад еще в светлое время, достаточное для осмотра центра, что мы и совершили без каких-либо затруднений, так как планировка городских улиц и площадей весьма простая, автомобильное движение не интенсивное. После осмотра центра также без трудностей устроились на ночлег в одной из городских гостиниц.

Теперь следовало по нашему плану преодолеть весь путь до города Чарджоу, что на левом берегу Амударьи, это немногим более 600 км. И в Туркмении никаких забот о бензине не было, на каждой заправке был бензин и выдавали его без ограничений. Так как Виктор с Маргаритой, Виленчики проделали на автомобилях пробег по этим трассам и уже знали места, представляющие интерес, то была намечена лишь одна продолжительная остановка в каком-то городке (названия не помню), где имелась пещера, на глубине которой было довольно большое озеро чистой холодной воды, и эту достопримечательность должны были посетить мы – я, Юлия и Борис. Такую остановку сделали, мы все спустились по довольно крутой деревянной лестнице с несколькими площадками для отдыха до самого озера. Пещера внушительных размеров по объему, глубине являлась объектом туризма и вход в нее был платный, хотя каких-либо комментариев, брошюр с описанием характеристики, истории открытия мы не обнаружили. Отдохнули у озера и не спеша поднялись на поверхность.

Остановка и обед в городе Мары. А вот дальше нас поразила построенная в последние годы автомобильная дорога между городами Мары и Чарджоу, проложенная через пески Каракумов, бетонная трасса со всеми необходимыми инженерными сооружениями, которая вытянулась по прямой, постоянно уходящей вдаль на всю видимость. Именно этого участка дороги не было многие годы и в тот, 1967 год, из-за чего мы с Юлией наше путешествие на автомобиле из Навои в Ярославль вынуждены были начать на железнодорожной платформе до Красноводска. Наши мытарства описаны во второй книге. Именно на этом участке дороги мы выполнили рекорд

скорости за все время путешествия от Москвы, мы прошли за один час движения 102 км, для чего развивали скорость 120–125 км/час, притормаживая лишь при появлении на обочинах пасущихся верблюдов, опасаясь выхода их на трассу, и при приближении очень редких встречных машин. К закату дня добрались до Чарджоу и не останавливаясь проследовали к берегу Амударьи, к месту, где причаливали весьма примитивные «паромы-плоты», осуществляющие перевозку транспортных средств и людей с одного берега реки на другой. За несколько минут до нашего прибытия очередной и последний рейс в этот день был выполнен. Среди скудных зарослей тамариска и других чахлах кустиков на песчаной почве уже теплились несколько костров, у которых хлопотали ожидающие переправы люди не вдалеке от стоящих автомобилей. Мы узнали за кем из них стоять в очереди и тоже приступили к организации ужина и устройства на ночлег. Первый утренний рейс, как сказали бывалые путешественники, будет не очень рано. Как оказалось, оборудованного постоянного места причала плота нет, в каждом рейсе «капитан» выбирает место причала по каким-то соображениям, с учетом состояния берега, часто меняющего очертания быстрым течением реки, и так, чтобы можно было ближе прижать борт, с которого выставить на берег минимальной длины трап для заезда автомобилей. На плот становилось несколько автомашин, грузовых и легковых и количество зависело от их грузоподъемности и загруженности. После прохода на плот грузовика, сильно увлажненный песчаный слой превращался в глубокую колею, по которой уже клиренс легковых автомобилей не позволял заехать на плот без повреждения подвески выхлопной трубы, или иных. Очень огорчала и расстраивала мысль о том, что за все время существования Советской власти не нашлось времени и средств соорудить через известную великую реку Амударью автомобильный мост, который безусловно способствовал бы развитию братских взаимоотношений между двумя, Узбекской и Туркменской республиками, промышленному и сельскохозяйственному развитию прилегающих районов, улучшению жизни и быта местного населения. Буквально в 200–300 метрах выше по течению над быстрыми, желтыми от переносимого ила водами реки возвышались ажурные конструкции железнодорожного моста, построенного еще в царские времена России, несущие конструкции которого прекрасно справлялись с буйным нравом Амударьи.

Наша очередь пришла на второй, или третий рейс. Операция по заезду на плот не прошла без происшествия – почти сорвали крепление выхлопной трубы на Витиных «Жигулях». Пришлось уже

на Узбекском берегу повозиться с временным закреплением выхлопа. И уже на родной Узбекской земле встретились с очередным «бензиновым голодом», на заправках бензина не было. Добрались до Бухары. Достопримечательности этого исторического и культурного центра нами всеми были неоднократно посещены и известны ранее, поэтому единственной заботой было заправить баки бензином. Оказалось, что в Бухаре жил и работал в органах прокуратуры один из дальних родственников Виленчиков, который и помог нам заправить в каждый автомобиль по 20 литров бензина на одной из заправок.

Дальнейший путь пролегал по давно нам известным местам, через города Навои, Каттакурган, Самарканд, Джизак и описывать что-либо не имеет смысла. Прибыли в Ташкент и приступили к обычным обязанностям работы и домашних забот.

Так мы проделали наше первое путешествие на «ГАЗ-24», автомобиле, который был только у меня из всех сотрудников Ташкентского института за все время его существования до нашего отъезда в Израиль.

ГЛАВА 18

Тяжелые годы «перестройки».

Как удержаться на прежнем уровне. Н. И. Кучерский

Вернемся в «веховой» год, 1986. После радостных событий вручения высокой награды «Государственной премии СССР» наступил мой 60-летний юбилей. На сей раз торжественное собрание по этому случаю руководство филиала собрало в актовом зале часа за два до окончания рабочего дня. Догадываюсь, что о моем юбилее было заранее сообщено руководителям НГМК и ЛГХК, где проходила моя трудовая деятельность, и к торжеству прибыли довольно солидные делегации от этих предприятий. Большой зал был переполнен. От имени руководства и общественных организаций Филиала мне адрес зачитал и вручил А. П. Суворов, затем представитель НГМК вместе с адресом вручил очень красиво исполненный в шкатулке из дорогих сортов дерева сувенир, внутри которого на красного цвета бархате вмонтированы миниатюрные копии слитков золота и серебра со всеми маркировками и пробирка с порошком пятиокиси вольфрама – продукцией, выпускаемой ГМЗ-2 и комбинатом. Сувенир был с любовью выполнен работниками РМЗ. Одновременно было вручено решение руководства НГМК и объединенного комитета профсоюза о присвоении мне звания «Ветерана НГМК». Приветственные адреса от имени руководства и коллективов ЛГХК, рудоуправлений Янгиабада и Сабырсая, головного института ВНИИПромтехнологии зачитали и вручили их представители. Затем последовали приветствия и адреса от коллективов отделов филиала, в которых в прозе и стихах было высказано много добрых слов и пожеланий.

По-семейному, в кругу уже детей, сватов, друзей и товарищей в ближайший выходной день мой юбилей был отпразднован в одном

из банкетных залов ресторана «Зарафшан», в очень приятном общении с участием и прибывших из Москвы Адочки и Давида Аксельбантов. Не буду подробно описывать эту встречу, так как похожа на предыдущий, 50-ти летний, но уже после потерь наших, моей мамы и Юлиных, родителей. Правда, оживило само празднование то, что я стал Лауреатом Государственной премии СССР, на моей груди красовался золотой символ об этом. К сожалению, в те времена мы еще не располагали такими чудесными средствами, как дигитальные фотоаппараты и камеры, никто из участников не занимался фотоделом, фотографа-профи я не приглашал и поэтому фотосвидетельств не осталось.

Жизнь же в стране, как я уже чуть-чуть коснулся ранее, шла очень бурно в сторону ускоренного перестроения системы управления хозяйственной деятельностью, демократизации общественной жизни, уменьшению противостояния между руководимым Советским Союзом Социалистическим сообществом и Американским и Западноевропейским капиталистическим сообществом, т. е. ликвидации «холодной войны».

Не ставлю задачу вдаваться в политические подробности тогдашнего периода борьбы за власть в верхних эшелонах партии и правительства. Но прежде, чем описать и для того, чтобы были понятны читателю все перипетии производственной деятельности и общественной жизни крупного, важного комбината, его многотысячного коллектива, неразрывно связанного с ним института, в котором я трудился и являлся важным звеном в цепи связи этих коллективов, необходимо, пусть не очень подробно и необязательно в хронологическом порядке, рассказать о многих важнейших событиях, произошедших в весьма короткий по историческим меркам период 85–91 гг. прошлого столетия, период руководства коммунистической партией и страной М. С. Горбачевым.

С самого начала своей деятельности генеральным секретарем ЦК КПСС Горбачев повел борьбу с алкоголизмом, но как!? Ограничили время реализации алкогольных напитков – не ранее 11 или 12 часов дня и до 19 часов – ввели норму продажи этих напитков в «одни руки», сократили объемы производства крепких напитков и вин. Стали вырубать виноградники, дело дошло и до элитных сортов традиционных Крымских виноградов, пошел слух, что на этой почве покончил собой известный агроном-селекционер, создатель всемирно известных сортов лозы (фамилию не помню). В магазинах исчез сахар, понятно, резко увеличилось самогонование. Теперь и водка, и сахар стали предметами перепродаж, предметом нажи-

вы некоторых работников торговли. Очереди за водкой организовывались с раннего утра главным образом алкоголиками, бомжами, безработными, у которых можно было перекупить место за небольшую мзду. Во время реализации спиртных возникали ссоры и драки, водку стали реализовывать не в залах магазинов, а через окошко в боковых фасадах зданий торговли, зачастую стали дежурить здесь представители милиции. Теперь во время моих командировок в Москву организация наших встреч с друзьями и товарищами в определенной мере омрачалась необходимостью нестандартных способов приобретения спиртных напитков. Мне довелось видеть картинки некоторых «прелестей», происходящих в очередях. А пропаганда во всех средствах информации превозносила безалкогольные свадьбы и встречи Нового Года. Через пару–тройку лет безалкогольная кампания сама собой затухла, но нанесла серьезный удар по экономике Страны.

В 1986 году возник лозунг и пропаганда «ускорения», под эгидой которого имелось ввиду и обещалось поднять в короткие сроки промышленное производство, в том числе потребительских товаров, улучшить благосостояние трудящихся. В результате резко стали выбывать производственные мощности, все большим становился дефицит и росли цены на промышленные товары. Росла продукция «подпольных цехов», увеличивалась роль «толкачей-посредников» по удовлетворению производств сырьем, комплектующими изделиями, росла спекуляция. Появились первые кооперативы, призванные удовлетворять потребности населения, но многие из них вели «фиктивную» деятельность. Я впервые встретился с кооперативной деятельностью, посетив первый в Москве платный туалет, что находился за зданием гостиницы «Метрополь» при движении вверх в сторону метро «Дзержинская», перед небольшим сквериком. Цена, кажется была 10 копеек, но состояние туалета улучшилось в много раз. Кооперативы росли, как грибы, стали производить отдельные хозяйственные товары, мастерские бытового обслуживания, производство несложных пищевых изделий (пирожки, хлебные лепешки и т. п.). Довольно быстро кооперативное движение стало распространяться на многие виды деятельности, рестораны, кафе, торговые предприятия, банки, сферы интеллектуального труда, такие как помощь в создании и оформлении разного вида документации, выполнении отдельных проектов реконструкции и ремонтов жилья, более серьезных проектов. Создались условия перехода к более серьезным перестроечным мерам. Сняты многие ограничения по выезду граждан за границу. Кооператоры организывают завоз в СССР многих

видов дефицитных товаров, в том числе персональных компьютеров и другой техники. Возникает и быстро увеличивается размах одиночек и групп «челноков», завозящих из государств-соседей, главным образом из Польши, Турции, и реализующих на рынках промышленные товары первой необходимости.

Конкретные шаги по реализации «перестройки», выдвинутой общими положениями решений XXVII Съезда КПСС, по введению и поощрению перехода на рыночную экономику проводились робко и иногда с противодействиями и ограничениями. Возможности высоких, во много раз больших, чем в государственных, заработков в кооперативах, дошли до «абсурдных» случаев. Помню тот, прокатившийся по всем газетам и телепередачам страны факт, когда один уже известный кооператор (кажется по фамилии Тарасов), член КПСС оплатил наличными деньгами членские взносы из расчета месячного заработка в 1 миллион рублей. Это привело в шок верхние эшелоны власти, стали срочно приниматься решения по увеличению всех видов налогов на кооперативы, ликвидации и запрете кооперативов в определенных сферах деятельности. Дефицит товаров в государственной торговле, оседание денежной массы в кооперативах и продовольственных рынках приводил к скрытой инфляции. Практически вводится карточная система распределения продовольствия и товаров первой необходимости, закрепление населения за определенными магазинами, разделение населения на отдельные группы снабжения – участники ВОВ, инвалиды, пенсионеры и т. п.

Идет реформа формирования власти, вводится альтернативная основа выборов в Верховный Совет, в местные органы власти, первых руководителей в производственных коллективах. Вместо двухпалатного Верховного Совета и его депутатов, вводятся статус и выборы народных депутатов и Съезд народных депутатов.

Провозглашается формула «Гласность», вернее снятие цензуры со средств массовой информации.

Изменяются формы планирования и экономического стимулирования предприятий, увеличивается свобода хозяйствования, снижается централизованное управление производством.

Проводится демократизация во всех сферах общественной жизни, более того, отменяется однопартийность и реформируется роль КПСС, снимается ее статус «ведущей и организующей силы». Возникают общественные организации и партии с одной стороны социал-демократического и либерально-демократического направлений, с другой стороны просто националистического, религиозно-наци-

оналистического, направлений. В республиках появляются силы, ведущие к пропаганде выхода из состава СССР. Возникает ряд локальных национальных конфликтов, в которых властями принимались жестокие меры, в частности силовой разгон митинга молодежи в Алма-Ате, ввод войск в Азербайджан, разгон демонстрации в Грузии солдатами с применением саперных лопаток, разворачивание многолетнего конфликта в Нагорном Карабахе, подавление движений к сепаратизму прибалтийских Республик.

Ослабляется контроль за социалистическим лагерем, в результате которого происходит смена власти в большинстве соцгосударств, дело заканчивается падением «Берлинской стены» и объединением Германии (1990 г.).

Прекращается война в Афганистане, из него выводятся советские войска (1988–89 гг.).

В марте месяце 1990 г. М. С. Горбачев становится Президентом СССР, одновременно Председателем Совета Оборона СССР, Верховным Главнокомандующим Вооруженными силами СССР.

Бурная внешнеполитическая деятельность М. Горбачева приводит к уменьшению противостояния, сокращению стратегических наступательных вооружений у противоборствующих лагерей, прекращению «холодной войны».

Реорганизация форм хозяйствования и смена внешнеполитического курса происходят при борьбе мнений внутри ЦК КПСС и его Политбюро, несмотря на взятый курс удаления «старого», Брежневского и еще Хрущевского окружения (Гришина, Тихонова, Громыко) и привлечения в руководящие органы свежих сил из обкомовских деятелей (Лигачев, Ельцин, Рыжков) с периферии.

Б. Н. Ельцин в 1985 году становится секретарем ЦК КПСС по строительству и в этом же году первым секретарем Московского горкома КПСС. Он сменил почти весь состав работников горкома, первых секретарей большинства районов Москвы. Провел ряд популистских шагов — поездки в городском транспорте, проверку работы магазинов, продовольственных баз и складов, проводить продовольственные ярмарки, дал свободу слова в городской печати, выступил с резкой критикой руководства КПСС на Пленуме ЦК КПСС в 1987 году, где заявил и об уходе с должности секретаря горкома. Своими действиями Ельцин стал очень популярен среди москвичей, да и в стране. Приезжая в командировки в Москву, я становился свидетелем и участником постоянно возникающих дискуссий в среде работников головного института и в рабочее время, и на досуге, где большинство поддерживали его действия. У меня

было противоположное мнение. На первых же альтернативных выборах Ельцин становится Народным депутатом СССР в 1989 г. В 1990 году он избирается Народным депутатом РСФСР и Председателем Верховного Совета РСФСР. В этом же году заявляет о выходе из КПСС.

В середине 1991 года Б. Н. Ельцин побеждает в выборах своего противника Н. Рыжкова и становится Президентом РСФСР. Первым же его действием становится прекращение функционирования и ликвидация партийных организаций на предприятиях и в учреждениях.

В августе 1991 года Ельцин поддерживает М. Горбачева в борьбе с попыткой переворота власти группой функционеров, названной ГКЧП. Переворот не состоялся. Ельцин пытается договориться с Горбачевым о заключении нового Союзного договора, но переговоры зашли в тупик.

В октябре 1991 на Съезде Народных депутатов Ельцин объявляет о радикальных реформах и свободе торговли, а в ноябре прекращает действие КПСС.

В декабре 1991 года Ельцин с Президентом Украины Леонидом Кравчуком и Главой Белорусского парламента Станиславом Шушкевичем, вопреки желанию большинства населения СССР, выском проведенным референдумом, ведут переговоры и объявляют о создании Содружества независимых государств (СНГ), к которому подписанием Алма-Атинской декларации присоединились большинство союзных республик.

М. С. Горбачев оставляет пост первого (и последнего) Президента СССР, и полнота власти переходит Президенту РСФСР Б. Н. Ельцину. Советский Союз распался, Россия взяла на себя все обязательства СССР.

Вот в этот бурный, не всегда ясный по последствиям период смены систем хозяйствования и общественного уклада в СССР, управление весьма сложным производством, многотысячным коллективом и всей инфраструктурой, обеспечивающей устойчивую работу и выполнение серьезных задач НГМК, легло на плечи 48-летнего горного инженера, прошедшего за 24 года весьма не легкую школу работы от горного мастера до директора крупного рудоуправления, осваивая уникальные по многим параметрам урановые и золотосодержащие месторождения, школу жизни в экстремальных климатических условиях возникающих и строящихся городов Учкудук и Зарафшан, Николая Ивановича Кучерского. Не знаю какими критериями пользовались бывший директор ком-

бината Анатолий Анатольевич Петров, рекомендуя эту кандидатуру, и министр среднего машиностроения СССР Ефим Павлович Славский, назначая на должность третьего директора НГМК Кучерского, но, думаю, что их богатый жизненный опыт, замечательная прозорливость и интуиция предугадали именно того, кто в силу своей инженерной эрудиции, своего характера, отличающегося упорством, внешним спокойствием, простотой и добротой, смог вписаться в требования времени, изменяющихся условий и не только сохранить, а и развить мощности действующих производств, сохранить опытные кадры специалистов и создать условия пополнения их молодыми рабочими и инженерными кадрами, в том числе из лиц коренных национальностей, значительно улучшить условия и культуру труда, экологическую обстановку вокруг районов производств, мест жизни трудящихся и населения. НГМК стал одним из базовых предприятий по развития горнорудной и металлургической промышленности созданного молодого государства – Республики Узбекистан.

Каково было состояние дел на основных производствах комбината на момент перестроечных времен, как происходила перестройка хозяйствованием, как выжил этот коллектив и какова была роль его первого руководителя? Об этом мой дальнейший рассказ.

Начну с Учкудука. Подземные горные работы и добыча руд из них на рудниках I-й очереди строительства, где были достигнута весьма удовлетворительные технико-экономические показатели за счет успешного внедрения очистных комплексов ОМКТ, КМ-70, комбайнов «Урал-2М», бурошнековых установок, высокой механизации всех видов работ, затухала. К 1979 году были полностью отработаны запасы рудника №2 (шахтные поля 1 и 2), несколько позже рудника № 6, а объединенный рудник № 7-15 закончил свое существование 1989 году. На этом закончились подземные горные работы, так как запасы, подлежащие отработке подземным способом рудниками II-й очереди, были переданы на отработку частично хорошо освоенными работами СПВ, частично на отработку открытыми горными работами карьера №13.

На открытых горных работах, сосредоточенных в основном на карьере № 13, расширенном по контурам и глубине за счет вовлечения запасов ранее предназначавшихся для карьеров 9, 10, 12 и шахтных полей 12, 13, еще успешно работали исчерпавшие свои ресурсы роторные комплексы КГТО-1000 и экскаваторные бригады ЭКГ-8И с самосвалами «БелАЗ-540». Но и здесь запасы руд и металла шли к окончанию. Забегая вперед, можно сообщить, что и

открытые горные работы по добыче урана были завершены в середине 1994 года.

Расширялись работы по извлечению металла прогрессивным методом скважинного подземного выщелачивания, при котором имелись значительные успехи по его совершенствованию, достигались весьма удовлетворительные и снижающиеся показатели по расходу материальных ресурсов и себестоимости извлечения. Но, работы СПВ не могли удовлетворить потребности рабочих мест для высвобождающихся трудящихся из сокращающихся горных разработок. Для продления существования возникшего в центре Кызылкумов ставшего легендарным (знаете песню «Учкудук – три колодца!», созданную, кажется в 1981 году, поэтом Юрием Энтиным и руководителем вокально-музыкальным ансамблем «ЯЛЛА» Фарухом Закировым и исполняемую ими) города Учкудука со всей развитой инфраструктурой, его населения, предусматривалось освоение месторождения золота «Кокпатас» (месторождение «Даугызтау» тяготело к городу Зарафшан) и строительство золотоизвлекательного завода ГМЗ-3 в районе города. Решение о строительстве завода было принято еще в 1974 году по выполненному институтом ПромНИИпроект технико-экономическому обоснованию. Но дальнейшие проработки и решения, из-за сложности технологических схем извлечения золота из сернисто-мышьяковистых упорных руд этих месторождений, затягивались, финансирование и строительство завода откладывалось. Я ранее описывал, как при неоднократных приездах министра Е. П. Славского забивался «кол» на месте будущего строительства завода, а дальше дело не шло.

Технические решения и обоснования пересматривались в 1978 году, в 1981 году и, наконец, в 1986 году институтом ВНИПИПТ (так он стал называться) был заново разработан проект строительства завода по переработке руд Кокпатаса и Даугызтау. Правда, пионерной стройкой завода стало сооружение сернокислотного производства на привозном сырье – СК-43 (об этом я уже вспоминал). Проект СК-43 был выполнен институтом Гипрохим (г. Москва), оборудование из Польши. Несмотря на неудовлетворительное финансирование и этой стройки, решительными действиями директора комбината А. Петрова, упорному труду и энтузиазму назначенных им руководителей – директором стройки В. В. Новиковым, главным инженером В. А. Ромашовым, новым заместителем Северного рудоуправления по КС Н. А. Ганза и многими другими участниками – строительно-монтажные работы, обучение и уком-

плектование кадрами СКП были завершены и пуск цеха состоялся в октябре 1985 года. Я был участником этого торжества. Так возникло первое структурное подразделение золотоизвлекательного завода ГМЗ-3 – первая очередь сернокислотного производства производительностью 500 тыс. тонн в год. Проектная производительность была достигнута и даже превышена уже в 1986 году, а серной кислотой стали обеспечиваться потребности добычи урана методом СПВ предприятий НГМК и других в системе Минсредмаша. Министерством принимается решение о строительстве II-й очереди сернокислотного производства из газов обжига сульфидного концентрата, но его пуск произошел лишь в 1989 году и тоже на привозном сырье по причине все еще не решенных вопросов технологии и финансирования строительства основного производства завода. В это время директором Северного рудоуправления трудится (до 1988 г.) Б. Н. Зиздо, а главным инженером Борис Юрьевич Сикстель, занимавший эту должность с 1979 и по 1994 г. (скончался в 2006 г. в г. Воронеже – «Пусть память о нем сохранится в наших сердцах!»). С 1988 г. директором СевРУ (Учкудука) назначается (вернее избирается) Евгений Александрович Толстов, который переводится Кучерским с Восточного рудоуправления, где он трудился с 1997 года, став выбранным директором. Это уже инженер, специалист следующего поколения (рожден в 1944 г.). Я был знаком и с удовольствием вспоминаю доброжелательное общение с его отцом Александром Толстовым, с которым взаимодействовал в период его работы в транспортном отделе комбината, а я в Учкудуке. Знал я приветливую и очень добрую мать Евгения (к великому сожалению, забыл имя и отчество), с которой обязательно обменивался житейскими новостями в каждый приезд в Навои из Учкудука, Сабырсая и живя в гостинице «Навои», где она работала.

На Сугралинском урановом месторождении. Читатель помнит, что я был у истоков освоения и строительства первых вскрывающих стволов обоих подземных рудников, работая заместителем начальника горного отдела НГМК, даже получал взыскание за какую-то «провинность». Проектирование горных работ и поверхностных сооружений более сложного по горнотехническим условиям, чем месторождение Учкудук, из-за глубокого залегания рудных тел, обводненных высокотемпературными водами и целому ряду других параметров, велось отделами Московского головного института. Ташкентским филиалом проводились инженерные изыскания. В результате громадных усилий многих руководителей, инженеров и техников, бригадиров и рабочих Восточного рудоуправления

и управления комбината, творчества многих сотрудников научных и проектных лабораторий отделов ПромНИИпроекта, и на этом весьма своеобразном месторождении были решены проблемы осушения, способов проходки и бурения вертикальных стволов, механизации проходческих и очистных работ, создания допустимых атмосферных условий и многих других, достигнуты приемлемые экономические по себестоимости показатели добычи урановых руд из подземных работ, правда, более высоких, чем на Учкудуке и Сабырсае. В первой половине восьмидесятых годов были завершены строительство всех поверхностных сооружений силами подразделений «Шахтостроя», возглавляемого в это время Зиновием Радером. В это время наш филиал подключился к проектированию отдельных поверхностных сооружений. Апогеем развития горных работ и добычи были годы 1981–88.

Начиная с середины семидесятых годов начались опытные работы по извлечению урана на обособленной залежи №3 месторождения методом СПВ, на основе накопленного опыта проектирования и отработки этим методом рудных участков в Учкудуке и Сабырсае. Проектирование опытных блоков и с 1982 года опытно-промышленного участка на этой залежи велось Ташкентским филиалом.

В результате изменившихся внешнеполитических условий, окончания «холодной войны», падения спроса на уран, объявленной конверсии оборонных отраслей, в том числе Минсредмаша, и сокращения финансирования, развитие подземных горных работ на месторождении прекратилось и проводилась отработка раннее вскрытых и подготовленных к выемке руд. Опытно-промышленный участок СПВ на залежи 3 был закрыт в 1989 году.

На предприятии Южного рудоуправления. Здесь успешно продолжают работы по извлечению урана на месторождениях Сабырсай и Кетменчи, вовлекались новые площади. Этому предприятию поручается осваивать самые отдаленные юго-западные рудные тела месторождения Букунай, представленные карбонатными и глубокозалегающими рудами. Здесь создаются опытные участки и начинается промышленная добыча. Совместно с проектировщиками стали проводится опыты по рекультивации земель на отработанных участках СПВ. Благодаря «хозяйственной жилке» директора В. Щепеткова, многие, освободившиеся в связи с окончанием подземных горных работ, поверхностные сооружения, были приспособлены и использовались для развития подсобного сельского хозяйства – свиноферма, разведения нутрий, выращивания грибов. Освоены несколько десятков гектаров земель для производства кормов, вы-

ращивания бахчевых. Производимые продукты стали реализовываться населению через торговые точки ОРСа.

В 1987 году В. П. Щепетков переходит на работу директором научно-исследовательского экспериментального производства в составе института ВНИПИПТ, располагающегося в Подмосковном городке Селятино, а директором ЮРУ становится Н. П. Воробьев. В связи с уменьшением потребностей в уране и требованиями конверсии принимаются усилия по освоению имеющихся в близлежащих районах ресурсов для производства стройматериалов. Еще в бытность мою директором в Сабырсае было известно об имеющихся выходов известняковых пород и мраморов в невысоких Каратепинских горах вблизи поселка Джам. Уже тогда и после отсюда при потребности вывозились в небольших количествах щебенка этих материалов.

Проведенные здесь геологоразведочные работы «Геолнерудом» не давали необходимых представлений о качественных характеристиках и перспективе освоения месторождения мрамора. Руководством предприятия принимаются меры по получению разрешения на производство доразведки, опытных работ по добыче образцов и выявлению возможностей получения пригодных для промышленного применения изделий. Организуется буровой участок и первые опытные работы. Благоприятные результаты позволяют развивать горные работы по подготовке и добыче мраморных блоков пока еще нестандартных размеров и форм, а на промплощадке в г. Нурабаде (так стал называться поселок Советабад) было организована первая мастерская по распиловке небольших мраморных блоков на плитки. Выявляются и другие участки месторождений мрамора.

Предприимчивый Николай Петрович Воробьев активно развивает подсобное хозяйство. Производимая продукция позволяет уже производить изделия из выращиваемого объема мяса, строятся колбасный цех, свои торговые точки, где реализуются колбасы, сало, овощи, бахчевые культуры, продукция лимонария.

Так, поддерживая объемы добычи урана методом СПВ, организованных на предприятии работ по ремонту погружных насосов, средств КИПиА, руководство предприятия обеспечивало рабочие места, обучение через многочисленные курсы новым профессиям высвобождающихся трудящихся и подрастающее поколение, улучшение снабжения. Руководители рудоуправления, особенно главный инженер В. С. Горуля, руководители цехов и участков продолжали активно совершенствовать методы, технику и организацию

работ подземного выщелачивания, стали серьезно уделять внимание улучшению экологической обстановке на этих работах.

Весьма серьезное положение создалось на самом главном в рамках НГМК предприятия – золотоизвлекательном комплексе Мурунтау, особенно на горных работах в карьере. Именно к этому периоду, годам перестройки общественных устоев и конверсии во многих областях промышленности, горные работы на карьере «Мурунтау» по своему развитию и глубине отработки подошли к рубежам, когда применяемая отечественная техника по вывозке горной массы, а это самосвалы «БелАЗ-549» грузоподъемностью 75 т, затем 110-тонные «БелАЗ-7519», уже не соответствовала высоте подъема и дальности перевозок в местных климатических условиях при летних температурах более $+40^{\circ}\text{C}$. Выход из имевшихся в наличии автосамосвалов на работу резко уменьшался, а необходимость обеспечения золотоизвлекательного завода ГМЗ-2 рудой для выполнения повышающихся государством планов по выпуску золота (это не уран, на который спрос упал) заставлял концентрировать транспорт на рудных забоях в ущерб вывозки пустых пород из вскрыши. Сокращение вскрышных работ грозило в недалеком будущем сокращением добычи руд и, соответственно, уменьшением выпуска окончательной продукции.

В это же время продолжают работы по увеличению мощностей переработки золотых руд на ГМЗ-2. После пуска в 1986 году мельницы ММС-90×30 блока большой единичной мощности № 22 с шаровой загрузкой 125 т, увеличение перерабатывающих мощностей производилось за счет замены шаровых мельниц второй стадии измельчения МШЦ 32×45 объемом 32 м^3 на МШЦ 36×50 объемом по 45 м^3 , а затем. был закончен монтаж и пущена в работу шаровая мельница МШЦ 55×65 (объем 140 м^3), блок № 22 достиг суммарный объем в 300 м^3 и производительность составила 270 т/час. На блоках № 4 и № 7 устанавливаются шаровые мельницы МШЦ 45×60 по 80 м^3 каждая. Таким образом был получен за период с 1988 по 1991 годы значительный прирост объемов переработки руд на ГМЗ-2.

В 1983 году по просьбе правительства Узбекистана директора ЦРУ В. Н. Сигедина переводят руководить тоже большим и важным для республики производством – Алмалыкским горно-металлургическим комбинатом (АГМК), а директором ЦРУ становится главный инженер Н. И. Кучерский, работающий в этой должности здесь с 1971 года, прошедший все этапы и перипетии развития всех технологических переделов горных работ, внесший большой вклад в идею и практическое осуществление ЦПТ вскрышных пород, ос-

воивший много новых для него, горного инженера-шахтостроителя, деталей технологических переделов извлечения золота из руд. Благодаря проявляемой им трудоспособности, умению ненавязчиво и с тактом общаться с подчиненными, проявлять с одной стороны настойчивость, а с другой – заботу о подчиненных, завоевал непрекращаемый авторитет в среде ИТР и рабочих коллективах. В силу этого руководители подразделений, цехов ЦРУ считали невозможным подводить своего руководителя, выполняя ставившиеся Кучерским планы и задачи. Именно поэтому Николай Иванович был выдвинут и назначен директором НГМК. Директором ЦРУ на два года становится А. И. Надуев, и уже в 1987 году его сменяет Геннадий Алексеевич Прохоренко, инженер-энергетик, проделавший за 17 лет головокружительную карьеру от электромонтера до главного инженера рудоуправления, на долю которого и выпало быть директором ЦРУ в описываемые годы. Главным инженером ЦРУ с 1987 года становится Виктор Николаевич Сытенков.

На ГМЗ-1 высвободились площади и мощности в связи с уменьшением доли переработки руд и увеличением доли переработки концентратов ПВ. Перед руководством и коллективом возникли вопросы необходимости проведения реконструкции для производства необходимых народному хозяйству товаров. Были выбраны два основных направлений – выпуск стекла на базе переработки кварцевых песков из небольшого Джеройского месторождения, находящегося в 20 км от карьера «Мурунтау, и переработка некондиционных золотых руд, попутно добываемых на карьере «Мурунтау». Директором ГМЗ-1 с 1986 года стал В. С. Евдокимов, переведенный сюда после двухлетнего директорствования на ГМЗ-2, где он не смог преодолеть сопротивление большинства ИТР завода, не принявших характера и стиля Евдокимовского управления.

Не буду вдаваться в подробности состояния и задач по выживанию в связи с конверсией, переходу на самостоятельные формы хозяйствования на многих других важных подразделениях НГМК, в частности на РМЗ, который в 1991 году уже стал заслуженно называться НМЗ (Навоийский машиностроительный завод) и его директором стал В. П. Дейнеко.

В силу проводимых партией и правительством мер по переходу на рыночную экономику, конверсию оборонных отраслей промышленности и сокращению финансирования капитального строительства, объемы выемки горной массы на карьере «М» уменьшаются, падает мировой спрос на уран и сокращается объем его добычи на комбинате, Навоийское управление строительством (НУС) расформирует

Учкудукский строительно-монтажный трест, сокращаются поставки металла и металлоконструкций, начался отток высококвалифицированных кадров и населения.

Главным делом руководства НГМК, его первого руководителя Н. И. Кучерского, стало принять все возможные и невозможные меры по существованию и развитию производств в Учкудуке, Зарафшане, Нурабаде, Навои для обеспечения занятости трудящихся и условий их жизни в этих городах, сохранению кадров многотысячного многонационального коллектива комбината и связанных с ним обслуживающих учреждений и служб.

Н. И. Кучерский совершает многочисленные поездки в Москву, докладывает новому Министру положение дел, просит необходимую помощь по выделению средств на обновление и поддержание техники и оборудования, на развитие горных работ на карьерах Кокпатаса, продолжение и усиление темпов строительства объектов ГМЗ-3, но ни Рябев, ни вскоре заменивший его министр В. Ф. Коновалов не могут и не оказывают содействия в этих вопросах, не выделяют необходимых материальных ресурсов. Даже предпринятое депутатом Верховного Совета СССР Николаем Ивановичем Кучерским обращение непосредственно к Председателю Правительства Н. И. Рыжкову не привело к положительным результатам.

Несмотря на многодневные и частые отлучки первого руководителя, пытающегося выбивать ресурсы в центральных органах, руководящий состав управления комбината, руководители рудоуправлений и заводов всеми возможными средствами и усилиями поддерживают достигнутый уровень производств, а вместе с ним принимают необходимые решения по строительству первоочередных объектов карьеров Кокпатаса в районе Учкудука, ускорению работ по расширению возможностей ЦПТ, пуска в работу ДПП-3, созданию артели «Поток», взявшей на обслуживание объекты ЦПТ на карьере «Мурунтау», доразведке запасов, развороту работ и освоению технологий добычи мрамора в районах Учкудука и Нурабада, получению из него востребованных изделий, освоению и выпуску токарных станков и бытовой техники на НМЗ, обеспечению и поддержанию приемлемого уровня снабжения потребительскими товарами и медицинским обслуживанием трудящихся и населения городов Учкудук, Зарафшан, Нурабад, Навои. К перечисленным выше руководителям рудоуправлений добавлю фамилии тех, не побоюсь этого слова, соратников Николая Ивановича Кучерского. Это: главный инженер НГМК Л. М. Демич и его заместители – по горным работам О. Н. Мальгин и по технологии Т. Д. Гурдзибеев;

главный геолог НГМК А. П. Мазуркевич, главный механик А. И. Кацай, главный энергетик А. И. Рубан;

начальник планового отдела, а с 1989 года зам директора О. А. Янушпольский;

заместители директора НГМК по КС Л. Ф. Маковеев и В. В. Уласевич;

заместитель директора НГМК по общим вопросам С. З. Львовский;

заместитель директора НГМК по кадрам Г. И. Кострица;

начальник Зарафшанского управления строительства Н. С. Дьяков

начальник технологического отдела, главный технолог Г. М. Дмитриев, начальник ОТК А. Ф. Федченко;

начальник ОКСа А. В. Ращупкин, зам. нач. ОКСа В. Н. Кравец;

начальник проектного отдела М. М. Кириченко, начальник конструкторского отдела В. В. Сизов;

начальник ЦНИЛа В. Е. Латышев, начальник ЦЛ КИПиА Ю. В. Кочегаров;

начальник ЦМТБ НГМК Н. К. Галимов;

начальник МСО №27 В. В. Дьяченко;

Председатель Группового комитета профсоюза № 140 Ю. В. Паламарчук.

Николай Кучерский принимает решение начать строительство и освоение добычи золотоносных руд Кокпатаса собственными силами. Отдается приказ руководству Северного рудоуправления о разработке плана и мероприятий по строительству временных поверхностных сооружений на промплощадке, линий электропередач, подстанции 6 и 35 кВ, временных дорог к ней, определению необходимых материальных ресурсов по осуществлению этих работ. Все службы рудоуправления и коллектив еще действующего уранового Восточного карьера включаются в осуществление строительных и монтажных работ, разрабатываются оригинальные схемы перегона в Кокпатас первых экскаваторов ЗКГ-8И и ЭКГ-4, с карьера Мурунтау передается первый буровой станок СБШ-250М, на этом же карьере прошли обучение и стажировку буловики из Учкудука, к строительным работам хозспособом привлекаются СМУ от Зарафшанского строительного управления. Ход работ и управление ими ведется под постоянным контролем созданного штаба, руководимого директором СевРУ Е. А. Толстовым. Благодаря таким мерам горные работы на карьере «Южный-І» начались уже в начале 1991 года.

Замедлившиеся темпы строительства промышленных объектов и жилья, возникшие некоторые симптомы националистических

проявлений, ухудшающиеся условия централизованного снабжения населения привели к растущему оттоку специалистов. Это стало одной из главных забот Николая Кучерского. Он направляет свое внимание и находит способы «бартерного» обмена с предприятиями республик и государств все еще социалистического лагеря, чем снимает определенную напряженность в снабжении трудящихся дефицитными товарами. Он добивается осуществления задуманной им очень важной идеи по организованному переселению семей сотрудников, проработавших много лет на предприятиях комбината в нелегких климатических условиях и вышедших на пенсию, в города России с условием, что квартиры предоставляются им взамен сдаваемых ими комбинату квартир, в которых они живут, даже если они уже приватизированы, а освобождаемые квартиры будут предоставляются новым работникам, специалистам, молодым семьям. Полномочные представители комбината выезжали в намеченные районы России и договаривались с руководителями местных властей о выделении земельных участков для строительства жилых домов за счет средств комбината, часть квартир в которых передается местным властям. Уже к концу описываемых лет отправился первый эшелон переселяемых семей (не помню в какой город), где они компактно поселились в новом жилом доме. На НМЗ осваивается выпуск товаров народного потребления и вскоре производятся мини стиральная машинка, полюбившаяся потребителям. Здесь же организуется участок по восстановлению (наплавке) распределительных валов личных автомобилей «Жигули» за доступные цены.

Принимаемые усилия и меры давали положительные результаты, но пока не решен один из главных вопросов – это строительство золотоизвлекательного завода ГМЗ-3, где так и не принято окончательных технологических решений, не выполняются распоряжения Совета Министров СССР от 1987 года, предусматривающего значительное увеличение выпуска золота, и соответствующий приказ Министерства от 1989 года. В 1990 году принимается решение и разрабатывается проект строительства I очереди ГМЗ-3 по переработке окисленных руд месторождений Кокпатас и Даугызтау, а затем полное развитие на базе сульфидных руд этих месторождений. Переработка окисленных руд предусматривается по хорошо освоенной гравитационно-сорбционной технологии с окончанием строительства I очереди завода в 1993 году. Строительство завода продолжилось, объемы строительно-монтажных работ, проводимых Навоийской генподрядной организацией (НУС) и Зарафшанским стройуправлением (ЗУС), несколько возросли, но их неукомплек-

тованность кадрами, значительные перебои в снабжении материалами, оборудованием не обеспечивали выполнению намеченных сроков окончания строительства I очереди.

В стране идет сложный переходный период. Наряду с описанными мной ранее перестроечными мерами осуществляются сокращения областных структур и, в том числе, ликвидируется Навойская область, соответственно и областная организация КП УзССР. Первый секретарь обкома КП УзССР А. С. Ефимов становится (правда не на долго) председателем Народного контроля Республики Узбекистан, затем возвращается в Ленинград. Секретарь по промышленности Обкома В. А. Коваленко возвращается на работу в комбинат и становится заместителем начальника ОКСа НГМК.

В декабре 1991 года Президентом Узбекистана избирается первый секретарь ЦК КП УзССР И. А. Каримов.

С имеющимися проблемами Н. И. Кучерский выходит на Президента ставшей самостоятельной Республики Узбекистан.

ГЛАВА 19

Филиал НИИПромтехнологии в годы перестройки. Приватизация. Отъезд детей

Итак, вернемся в 1986–87 годы. Как уже вспоминал, одним из первых мероприятий по демократизации общественной жизни в стране стали выборы первых руководителей производственных коллективов на альтернативной основе. В филиале № 1 института ВНИПИПТ (как теперь он стал называться) к описываемому периоду в полную силу трудятся все проектные и изыскательские отделы, изыскательская экспедиция № 18 в г. Навои, изыскательские партии на объектах КГРК, лаборатории НИО, вспомогательные и обслуживающие подразделения – материально-техническая база, автобаза, ЖКО, детский сад во вновь выстроенном комплексе (прямо перед окнами жилого дома по ул. Зольной), функциональные отделы. Усилиями директора А. Суворова, умевшего «выбивать» средства, идет, хотя и медленно, строительство второй пристройки к производственному зданию для размещения отдельных лабораторий НИО и отдела оформлений и довольно большого жилого дома по ул. Бетховена, с квартирами улучшенной планировки.

Три группы ГИПов ведут техническое и организационное руководство проектированием объектов по трем традиционным Среднеазиатским комбинатам. По старейшему из них, ЛГХК, где сырьевая база резко сокращалась и почти были полностью прекращены подземные горные работы, шло проектирование по отработке способом СПВ запасов урана месторождений Букинайской провинции (рудоуправление № 5), небольших месторождений в Кызыл-Ординской области Казахстана, где работы велись силами Красногорского рудоуправления (директор А. К. Кан), консервации горных работ на объектах Янгиабадского рудоуправления (директор Г. Х. Седа-

ков), ГИПом по этому комбинату был Г. М. Зиновьев. По комбинату КГРК, сырьевая база которого и рудники им управляемые находились на территории южного Казахстана, велось под руководством ГИПа В. Н. Алексеева проектирование рудников ПВ на этих урановых месторождениях и городков при них (Таукент и др.). Самый большой объем работ по проектированию, изысканиям, научным исследованиям велся по НГМК, где ГИПом, понятно, был ваш покорный слуга. Особых изменений в стиле управления филиалом, руководителей отделов, служб по сравнению с ранее описанными мною в главе 10, не произошло. Отмечу лишь, что своим заместителем по общим вопросам Суворов назначил очень преданного ему начальника планово-производственного отдела Э. А. Михайлянца. Начальником планово-производственного отдела стал один из старейших работников инженерно-топографических изысканий Александр Павлович Маликов, который после нескольких лет полевых работ на площадке будущего города и предприятия Учкудук перешел на работу в планово-производственный отдел филиала и работал последние годы начальником диспетчерско-договорной группы этого отдела. Это был очень дотошный до упрямства, освоивший на практике азы и правила построения планово-экономических расчетов и показателей, инициативный и стремящийся к доведению до необходимого и реального результата принимаемые решения, человек, который, несмотря на несколько чудаковатый и непривлекательный характер, сумел проводить очень гибкую политику в планировании главных экономических параметров, в том числе заработной платы. Именно эти его качества в числе других важных мер, принимаемых руководством филиала, помогли выживать и выжить коллективу в непрерывно изменяющихся условиях хозяйствования в периоды «перестройки» и первые годы самостоятельности Узбекистана.

Не помню точно, но мне кажется, что весной 1987 года к нам, в филиал, прилетел из Москвы директор головного института О. Л. Кедровский. На следующий день на заседании парткома, членом и заместителем секретаря которого я был, стало известно, что предстоит организовать и провести собрание коллектива по выбору директора филиала на альтернативной основе, а действующий директор, А. П. Суворов уходит на пенсию. На заседании парткома были утверждены основные мероприятия, которые необходимо провести в порядке подготовки к процедуре выборов – разработка и утверждение «Положения о выборах...», объявление о выборах и сбор заявлений от желающих выдвинуть свою кандидатуру, проведение собраний в коллективах по выбору делегатов на

общефилиальскую конференцию (конференц-зал вмещает не более 200 человек), порядок проведения конференции по выборам директора. После заседания парткома Кедровский пригласил меня в один из свободных кабинетов и в доверительной форме попросил рассказать об обстановке в коллективе, возможных кандидатах на директорскую должность, кому из них отдал бы предпочтение. Затем он выразил свое желание, чтобы я активнейшим образом включился в организацию предстоящей выборной кампании вместе с прилетевшим с ним из Москвы заместителем главного инженера института Дмитрием Бугримовым (моим товарищем и другом), бывшем в свое время секретарем парткома головного института, имевшему опыт партийной и общественной работы с людьми, которому Кедровский очень доверял. Все необходимые мероприятия были в намеченные сроки (одна неделя) выполнены. В «Положении о выборах...» предусматривалось, среди многих прочих мер, что претендент должен быть с высшим образованием, стаж работы в филиале не менее 10 лет, возрастом не более 60 лет, голосование открытое, проходит претендент, набравший большинство голосов, но более 50% от числа голосовавших и т. п. Среди подавших заявления баллотироваться на директорскую должность были:

зам. главного инженера по организации проектирования Игорь Яковлевич Некрасов;

начальник сметно-экономического отдела Юрий Яковлевич Пытель;

главный инженер проектов по КГРК Валерий Николаевич Алексеев.

В состав президиума открывшейся выборной конференции был выбран и я, и мне же было поручено вести ее работу. После вступительного слова О. Л. Кедровского, оглашения «Положения о выборах...», единогласного утверждения последних, выступили претенденты с изложением их программ дальнейшей производственной деятельности и социального развития филиала и его коллектива, предлагаемых ими мер по обеспечению намеченных планов. Затем приступили к обсуждению кандидатур и предложенных ими планов. Выступавших было много и обсуждение бурным. Вести конференцию и сдерживать эмоции было довольно нелегко, но имеющийся опыт и жесткая позиция вместе с моим авторитетом в коллективе позволили в нужном русле довести собрание к заключительному этапу – открытому голосованию по кандидатурам. По настроению участников конференции уже было ясно, что главными претендентами станут первые две кандидатуры, что В. Алексеев не пройдет.

Последний, несмотря на достаточно высокий уровень специалиста-технолога, молодость и инициативность, не очень котиrowался в среде трудящихся филиала, из-за явного проявления самовосхваления, высокомерия и грубости. В результате голосования соревнование выиграл Юрий Яковлевич Пытель, программа действий которого была более грамотно обоснованной, убедительной, чувствовался его опыт работы ранее в проектных организациях до филиала и особенно накопившийся опыт в сметно-экономическом отделе филиала. Так директором Ташкентского филиала от головного института в Москве, недавно названном ВНИПИПТ, стал Юрий Яковлевич Пытель. Закончилась многолетняя работа первого директора филиала А. П. Суворова, которого проводили на «заслуженный отдых», как это тогда называли.

Вновь назначенный директор Ю. Я. Пытель, проработавший в нашем филиале уже 10 лет в должности начальника важного сметно-экономического отдела, принимавшего активное участие в общественных делах коллектива, неоднократно избиравшийся в состав парткома, прекрасно знал все стороны производственной жизни и взаимоотношений в коллективе, его оценки положительных и отрицательных сторон, сложившихся здесь, очень часто совпадали с моими. Чрезмерно худощавый, с несколько желчно-сероватым цветом лица, присущим людям с заболеванием желудочно-кишечного тракта, редко улыбающийся, но не злобный, 50-летний, всегда при галстуке, с правильными чертами лица, новый директор приступил к исполнению своих обязанностей в сложное время перестройки, нарастающей инфляции, тенденции отъезда специалистов в Российские области. Одной из ставших перед ним первоочередных задач было выйти на внешние связи с руководством предприятий-заказчиков, изучить сложившиеся формы взаимоотношений с ними, найти приемлемые пути личных взаимоотношения с первыми руководителями комбинатов и их предприятий. Он понимал, что основным и главным поставщиком заказов на производство всех видов работ института это НГМК. Поэтому, первый его выезд во внешний мир был именно к Н. Кучерскому вместе со мной, и я познакомил его с руководством комбината, основных отделов управления комбината в новом качестве. Сразу скажу, что с Ю. Я. Пытелем сложились и остались до конца моей работы в институте совершенно ровные, взаимоуважительные отношения на производстве и товарищеские, добрососедские (наши семьи жили в разных подъездах одного дома). Юрий Яковлевич, как и прежний директор, не вмешивался в мои

дела по руководству процессом принятия технических решений и организации проектирования, что меня полностью устраивало. Я же регулярно докладывал ему после каждой поездки на предприятия НГМК о состоянии дел, главным образом в вопросах оформления и выполнения договоров, финансовых выплатах, или их задержках, что становилось все более частым явлением, принятых мною усилиях по разрешению разногласий. Практически в дальнейшем Пытель на НГМК не выезжал без моего сопровождения.

В предыдущей главе я достаточно подробно описал производственную и социальную обстановку на основных предприятиях и площадках НГМК и теперь хочу без перечисления технических подробностей рассказать о выполненных нами в этот период работах для содействия руководству НГМК в осуществлении принимаемых ими мер.

По мере ухудшения экономической обстановки в СССР и, соответственно в Узбекистане, становилось дороже и труднее финансировать командировочные расходы, приезды специалистов из Москвы для осуществления авторского надзора, корректировки рабочих чертежей и выдачи новых технических решений на месте, резко сокращались. Мои предложения Кучерскому и Демичу о включение нас, филиала, в работы на этих объектах только поощрялись.

На объектах Учкудука, СевРУ

Продолжая проектирование новых участков для добычи урана методом СПВ по мере проводимых геологами рудоуправления доразведок рудных полей, мы включились в проектирование II очереди сернокислотного производства на ГМЗ-3 из отходящих газов обжига. Для выполнения технологических частей такого проекта пришлось пригласить в порядке субподряда Московский институт «Гипропласт», которой стал еще одним объектом моих выездов в командировку в Москву. Здесь моими коллегами стали назначенная на этот объект ГИПом Э. П. Самарова и начальник отдела Л. А. Солдатенкова. Так как проект и строительство I очереди сернокислотного производства выполнялся Московским институтом «Гипрохим», технологической части II очереди – «Гипропластом», а строительные и инженерного обеспечения части в нашем институте, увязка их была довольно сложной и запутанной, а входила это в мои обязанности. Пришлось организовать ускоренное выполнение укрупненных проработок в стадиях ТЭО и упрощенный ТП.

Горный и смежные отделы начали проектировать и выдавать рабочие чертежи постоянных объектов поверхностных сооружений и горных работ на карьере «Южный-1» Кокпатаса.

Несмотря на вялый ход строительства в начальный период, несколько увеличившиеся темпы строительства на объектах ГМЗ-3 в 1990 году, необходимость большой корректировки рабочих чертежей, в связи с изменением технических решений по переработки руд Кокпатаса и Даугызтау, потребовало включения наших специалистов, и мы немедленно организовали здесь работу.

Продолжалось проектирование, правда в значительно меньших объемах, жилья и объектов быта.

На площадках ЦРУ

Продолжали проектирование всех мероприятий по увеличению мощностей цеха измельчения (замена мельниц), дополнительных 50-метровых сгустителей, реконструкции компрессорной, разных мер по реконструкции и расширению объектов сорбции и регенерации, улучшению вентиляции в пределах цеха готовой продукции.

На комплексе ЦПТ, первая очередь которого уже действовала и принимались значительные меры и усилия для строительства следующих ДПП и второй нитки наклонного конвейера, мы запроектировали механические мастерские.

Несмотря на то, что объекты городского строительства г. Зарафшана проектировали в Новосибирском филиале Ленинградского института комплексного проектирования (ГСПИ-11), благодаря моему участию в Министерских комиссиях по определению последствий Газлинских землетрясений, наш филиал включился в разработку мероприятий по разрушению подлежащего сносу одного из трех 9-этажных жилых домов, а затем и всех трех, и подбору вариантов типов и конструкции домов для их замены.

Филиалом были разработаны во всех стадиях проектирования, начиная с ТЭО, проекты разработки кварцевых песков Джеройского месторождения, что расположено в пустынной части в 20–25 км от карьера Мурунтау, проекты внешней автодороги к карьере и пункта перегрузки добытых и обогащенных песков в ж.д. вагоны, для дальнейшей доставки их на ГМЗ-1, где в последствии создано производство жидкого стекла и электродов.

На ГМЗ-1 и площадке ЦЛ КИПиА

Реконструкция всех переделов, связанная с резким сокращением переработки руд, перехода на извлечение урана из концентратов

после переработки растворов ПВ на УППР, подготовка к переработки некондиционных золотых руд, реконструкция освободившихся площадей и создания цеха по выпуску потребительских товаров (металлических гаражей, дверей, элементов для дачных домиков и т. п.). Строительство нового корпуса и реконструкция существующих зданий ЦЛ КИПиА для производства и реализации аппаратов и щитов автоматизации производственных процессов, складского хозяйства и благоустройства.

Создание карты хвостохранилища с противофильтрационным экраном, заградительного ряда откачных скважин, оборудованных насосами для предотвращения загрязнения подземных вод и понятия их уровня на сельхозугодиях, расположенных ниже по местности от хвостохранилища.

На предприятиях ЮРУ, г. Нурабад

Продолжалось проектирование по дальнейшему вводу в работу новых рудных порлей и участков СПВ урана на месторождениях Сабырсай и Кетменчи. Особое внимание получили исследования и разработка проектов по предотвращению загрязнений недр и поверхности. По результатам исследовательских работ, проведенных горной лабораторией НИО под руководством М. Когая, впервые запроектированы мероприятия по рекультивации земель на законченных отработкой площадях, первые осуществления которых показали их эффективность. Дальнейшие усовершенствования и освоение этих способов дало возможность уже с 1998–99 годов возвращать местным органам значительные площади. В районе бывшего рудника № 1 Сабырсая запроектировали хранилище радиоактивно загрязненных материалов и отходов, используя выемку бывшего карьера, а на месторождении Кетменчи – два специальных подземных хранилища для зараженных отходов.

Выдан нами проект и осуществлена в натуре реконструкция административно-бытового комбината рудника №1 под Нурабадское отделение производства трикотажных изделий «Агама». Мы продолжали проектирование отдельных объектов бытового обслуживания, реконструкции кафе-ресторана, рынка Нурабада.

Очень большой объем работ по инженерно-геологическому, гидрологическому обследованию и проектированию для увеличения мощности, упорядочению водоснабжения оздоровительного комплекса «Бахмал» (детский оздоровительный, ранее пионерский, лагерь) – пансионат «Горный воздух» был выполнен в сжатые сроки и практическое исполнение проекта позволило резко улучшить са-

нитарное состояние объекта и возвести по нашим же проектам дополнительные сооружения для досуга и спорта отдыхающим детям.

Короче говоря, наш филиал, моя группа ГИПов, стали практически главным исполнителем проектов во всех стадиях проектирования для НГМК. А НГМК стал главным заказчиком, дающим основной объем работ для филиала. Это понимали и руководители института, и большинство работников и исполнителей института, естественно росли моя значимость и рейтинг.

Продолжающийся рост дефицита потребительских товаров в государственной торговле, переход на «рыночную экономику» почему-то в основном был принят и начал бодро исполняться, в первую очередь, как приватизация магазинчиков и магазинов, в появлении дополнительных навесов, будочек и ларьков на Ташкентских рынках. Цены на них лезли вверх ускоренными темпами, значительно опережая рост зарплаты в государственной сфере. Дельцы начали украшательство базаров, строить арки из фигурного разноцветного кирпича красивой кладки на входах и въездах, благоустраивать рыночные площади Алайского, Бешагачского рынков и малых традиционных рыночков. Народ заговорил, что руководство республики действительно расценило термин «Рыночная экономика», как торговля на рынках. Вместе с тем, как грибы стали появляться кооперативы, малые предприятия по выпуску некоторых, не требующих больших производственных площадей потребительских товаров, по оказанию разного рода услуг населению, цены на которые были выше государственных и росли быстро в ногу с инфляцией. На некоторых предприятиях, заводах, фабриках, учреждениях стали задерживать выплату теряющей свое наполнение заработной платы, в сберегательных кассах стали ограничивать одновременно выдаваемую сумму, невзирая на имеющийся вклад. Пошли слухи об увеличивающихся националистических проявлениях со стороны отдельных узбекских групп. Росла криминогенная обстановка.

С другой стороны, менялись некоторые правила и каноны ведения хозрасчета, планово-экономической отчетности. На фоне сокращения государственного финансирования, соответственно уменьшались капвложения в строительство, а значит сокращались объемы проектирования. Сокращались штаты в большинстве проектных институтов в Ташкенте. Несмотря на удерживающийся и даже растущий объем работ по моему ГИПству, общий объем работ в институте сокращался. Необходимо было сокращать и штатные кадры, особенно во вспомогательных и обслуживающих подразделениях. Просто увольнять, естественно, трудно, часто несправед-

ливо, принимается решение не принимать на работу взамен уходящих на пенсию и проводится работа по уходу таковых, достигших пенсионного возраста. Даже на должность ушедшего на пенсию главного инженера В. Д. Николаева в 1988 г. никого не выдвигают и не приглашают. Так, до самого моего отъезда в руководстве был директор, зам. по общим вопросам и зам. главного инженера по организации проектирования. Кабинет главного инженера пустовал и иногда использовался нашей профсоюзной группой, в которую входили директор, зам. главного инженера, секретари дирекции, ГИПы и их заместители, для проведения товарищеских встреч по поводу дней рождения, праздников. Допустил некоторую неточность – еще в бытность Суворова и Николаева был принят в институт на должность заместителя главного инженера по строительному проектированию Ю. С. Куршев. Я не знаю почему и зачем, но прежнее руководство довольно часто пыталось ввести в управление должность и специалиста-строителя, а то и специалиста-архитектора. Такой эксперимент был однажды выполнен и на должность главного архитектора был приглашен опытный специалист-архитектор, даже почти мой однофамилец – Юрий Белинский. Но не смог он вписаться в хорошо отработанную действующую схему прохождения и согласования принимаемых архитектурных решений, не нашел своего места действия и буквально через месяц – другой отказался от работы здесь. Ю. Куршев проработал в институте несколько лет, но, по моему мнению, не оказал заметного влияния на улучшение качества принимаемых строительных решений, более того, время на проведение согласования им чертежей строительных частей проекта, а делал он это очень дотошно и медленно, стало причиной задержки сроков окончания проектов, или этапов проектирования, и вызывало возмущение исполнителей и нас, главных инженеров проектов. Правда, Куршев очень неплохо провел в течение нескольких месяцев руководство группой авторского надзора, созданной от института для оперативного производства корректировки рабочих чертежей и принятия необходимых на месте технических решений на строительстве ГМЗ-3 в период после 1992 года. Об этом несколько позже, а продолжу прерванную мысль.

Ю. Пытель с начальником планового отдела принимают решение перехода на оплату труда в зависимости от выполненного объема работ в рублях каждым исполнителем, группой, отделом, структурной частью филиала и филиала в целом. После тщательно проведенной подготовкой к этой системе, определения удельного веса каждой части проекта, а значит и отдела-исполнителя, группы этой части,

доли, падающей на вспомогательные отделы в рубле выданной заказчику и оплаченной им продукции, утверждения соответствующего положения об условиях оплаты труда, система была введена. Результат оказался не просто положительным, а стал сильнейшим стимулом к желанию большинства инженеров и техников выполнять как можно больше работ, не гнушаться оставаться на работе после, или являться на работу до начала официального распорядка дня. Если раньше исполнители старались растянуть графическую часть проекта на как можно большее число стандартных листов, то теперь аналогичные решения изображались в меньшем числе чертежей, экономились и материалы. При этом, качество принимаемых решений не страдало потому, что наряду с бдительностью нас, ГИПов, имело значение своевременное получение положительного заключения и своевременная оплата за выполненный проект, этап проектирования заказчиком.

В описываемый период в моей группе было три человека, т. е. у меня было два заместителя: технолог Леонид Михайлов и строитель Алексей Рогулин. Первый – молодой человек, проработавший в технологическом отделе несколько лет, довольно коммуникабельный, интересующийся новинками в технологических процессах и их аппаратурном оформлении. Я сам выбрал его для назначения моим замом из числа возможных претендентов. Очень желал быть моим заместителем по технологии А. И. Борисюк, и я бы тоже не возражал, но считал важнее ему быть начальником технологического отдела, очень важного и для работ по НГМК. Рвался и один из главных специалистов отдела № 3 (технологического) В. Тен, грамотный инженер, но с очень «сволочным» характером и самомнением, не умеющий находить нормальных взаимоотношений как с большинством сослуживцев, так и со специалистами на предприятиях. Вторым заместителем по-прежнему работал А. Рогулин. Группы ГИПов формально по административному делению были объединены в бюро, как бы подчиняющееся заместителю главного инженера по организации проектирования. Теперь была определена доля заработной платы ГИПа (в том числе его замов) в каждом рубле сданной продукции. При запуске каждого проекта, этапа проектирования и разработке «Основных положений...» мною определялась доля оплаты каждого моего зама и моя в этом проекте в зависимости от характера работ, и это фиксировалось в протоколе. Таким образом все участники были заинтересованы в наборе возможно большего объема работ, минимальном числе участников по их выполнению, их скорейшего прохождения в институте, успешной сдаче заказчикам

и получения от последнего высокой оценки и своевременной оплаты институту за выполненную работу. Эти показатели имели весомое значение и в продолжающемся соревновании между отделами, группами ГИПов. Понятно, что на получение лучших результатов по перечисленным показателям во многом зависели от умения, усилий и способностей ГИПа и его замов. Не могу не отметить, что наибольший объем выполняемых работ был по моему заказу, прохождение их по всей, обозначенной мною цепочке я и мои замы обеспечивали, заработок наш начал порядочно расти, хотя и не обеспечивал покрытия растущей инфляции. В конце 80-х годов вышел на пенсию мой зам по строительным вопросам А. Рогулин, характер которого становился все нетерпимей, и я выбрал себе с согласия руководства института сотрудника из отдела № 10 Виктора Исакова, инженера, специалиста по инженерным коммуникациям, активного молодого человека, не женатого, с красивой шевелюрой черных волос и усами, который очень старался вписаться в характер работ и успешно с этим стал справляться при моем внимательном слежении за этим процессом.

Продолжающиеся сокращения работ, рост инфляции, усложняющаяся криминогенная обстановка, отток трудящихся, разрешение выезда граждан за пределы СССР (в частности, евреев в Израиль), растущий дефицит комплектующих материалов и рост их стоимости, требовали особых усилий по сохранению способности коллектива проводить все виды проектно-изыскательских и научных работ на необходимом уровне. Директор Ю. Пытель занялся решением вопросов перевода вспомогательных, находящихся на балансе подразделений института, таких как автобаза, изыскательские экспедиции на полный хозяйственный расчет, предоставления им прав на выполнение услуг внешним предприятиям и организациям. Он заменил малоактивного и мало сведущего зама по общим вопросам Э. Михайлянца, назначив на эту должность работавшего главным инженером комплексных инженерных изысканий Т. М. Темирова, ранее прошедшего довольно хорошую школу инженерно-изыскательских полевых работ на площадках НГМК, проявившего высокие организаторские способности и эрудицию, узбека по национальности, что тоже было в конкретных условиях немаловажным. Для возможности продолжения строительства второй пристройки к производственному корпусу и 24-х квартирного жилого дома, на которые резко не хватает собственных средств, Пытель соглашается на предложение руководства НГМК о совместном вложении средств в это строительство и передаче затем комбинату «пристройки» для

размещения здесь одного из отделений организуемого кооперативно-государственного предприятия по производству трикотажных изделий «Агама» и 50% квартир жилого дома для выделения их ветеранам комбината.

Управление процессом проектирования без вмешательства в технические решения, а это было возможно потому, что работавшие к этому времени главные инженеры проектов В. Алексеев, Г. Зиновьев и ваш покорный слуга, подавляющее число начальников отделов и главных специалистов в них, да и большинство исполнителей инженеров и техников имели достаточно большой опыт и высокий уровень, проводил Игорь Яковлевич Некрасов. О нем я уже упоминал в прежних главах, но здесь хочу несколько подробнее. Этот инженер-гидротехник трудится в филиале с 1959 года, прошел ряд должностей в отделе № 18 (гидротехнический) и в 1970 году стал заместителем главного инженера по организации проектирования. Этот крупный, высокий ростом, несколько сутуловатый человек, с довольно выдержанным, очень редко вспыльчивым характером умел тактично и довольно настойчиво добиваться принимаемых им решений в часто случавшихся сбоях и грозящих срывах графиков проводимых работ, очень гибко лавировал и находил консенсус в возникающих противоборствах заинтересованных групп. За долготлетний период работы в институте, где он чувствовал себя «как рыба в воде», очень мало выходил во внешний мир и это отразилось в его весьма излишней скромности, переходящей иногда в растерянность при общении с представителями руководства предприятий и организаций. С Некрасовым наши взаимоотношения прошли от настороженно сухих в первый период моей работы в институте и до дружественных в последнее десятилетие. Супруги Игорь и Лилия, опытный врач, на десяток лет моложе нас, но это не мешало нам стать друзьями. Наша дружба продолжается до сих пор редкой перепиской и телефонными разговорами.

В порядке конверсии и требований об организации производства потребительских изделий и товаров, а также обеспечения занятости населения Нурабада, где уже осваивались добыча мраморных блоков, их переработка в мраморные плитки, возникла необходимость организации строительства более емкого производства на имеющейся свободной территории в районе площадки прирельсовой базы подсобно-вспомогательных производств. Руководством НГМК задача по изыску наиболее подходящего для таких требований характера производства была поставлена недавно назначенному заместителю начальника ОКСа комбината Владимиру

Ананьевичу Коваленко. Понятно, что решение такого вопроса, оценка технико-экономической целесообразности принимаемого варианта и других характеристик не могло быть осуществлено без участия генпроектной организации, каковой был наш филиал, и я самым активным образом включился в эту проблему. Совместная с В. Коваленко работа по решению весьма серьезной проблемы (а затем и других), ход которой опишу коротко, оказала очень благоприятные последствия на наши взаимоотношения. В процессе постоянных контактов, многочисленных совместных поездках, мы узнавали друг о друге, кроме уже известных ранее нам обычных формальных биографических данных и должностных заслуг, человеческие качества дружбы, взаимопомощи и взаимопонимания, бескорыстия. Мы стали друзьями, я бывал в доме семьи Коваленко, познакомился с его очень преданной супругой Лидией Антоновной, их дочерьми, наша дружба продолжается и после отъезда семьи Коваленко, в связи с его переходом на работу ведущим инженером в представительство НГМК в Москве, на жительство в Димитровград, Ульяновской области, а затем в г. Тулу. Мне хочется теперь подробнее рассказать об этом человеке, его с одной стороны уникальной судьбе, а с другой – типичной для тех, кто своим упорным трудом, стремлением к знаниям и самоутверждению, энтузиазмом и патриотизмом добивались поставленных перед собой целей и определенных высот.

Владимир Ананьевич 19-летним юношей в 1957 году стал работать на одном из первых секретных ураноперерабатывающих в СССР заводов, комбината № 6, помните, «хозяйства Чиркова» (затем ЛГХК) в качестве аппаратчика передела выщелачивания, становится старшим аппаратчиком, а затем и мастером. После нескольких лет переезжает на вновь строящийся в составе нового же комбината в г. Навои и работает на заводе такого же профиля в качестве старшего аппаратчика, мастера смены. Одновременно с работой поступает и заканчивает (заочно) политехнический институт, получает звание инженера-технолога неорганических веществ и за инициативный труд и проявляемые организаторские способности проходит должности начальника смены, старшего инженера-технолога, начальника отделения, начальника цеха измельчения и становится в 1972 году директором ГМЗ-1. Под его руководством успешно продолжается совершенствование многих технологических процессов, осваивается технология переработки руд Сугралинского месторождения, коллектив добивается значительных достижений и успехов в социалистическом соревновании в рамках главка и министерства (читатель, прости меня за некоторый канцелярский стиль

выражений), ряд работников, в том числе и директор, удостоиваются правительственных наград. По инициативе Владимира на очень уже благоустроенной территории завода строится небольшое здание и оборудуется «Музей трудовой славы». В строительстве, оборудовании и оформлении музея принимают добровольное участие большинство заводских энтузиастов и умельцев, изготавливаются макеты оборудования, стенды, плакаты. Я был участником первого посещения созданного музея завода в числе группы сопровождавшей министра, и видел огромное удовлетворение его, Е. Славского, увиденным. В течение десятилетнего пребывания Владимира Аняньевича директором завода, я многократно общался с ним, обсуждая в рабочей обстановке и на проводимых им совещаниях тех или иных решений проектов, или возникающих вопросов, требующих проектных проработок. Всегда это проходило по-деловому, открыто и легко, без излишнего пафоса, в отличие от некоторых других руководителей этого ранга. После 25-летнего труда на рабочих, инженерных и руководящих должностях в специфических условиях ураноперерабатывающих заводов, приобретения опыта управления людьми и коллективом, В. Коваленко в 1982 году совершенно заслуженно был выдвинут директором НГМК Петровым в состав образованного Навоийского обкома КП УзССР на должность секретаря по промышленности. Я с большим удовольствием встретил предложение А. А. Петрова включить кандидатуру Владимира Коваленко в состав претендентов на Государственную Премию за перевод с подземной добычи на СПВ рудников Сабырсая, и был составителем и исполнителем справки о вкладе Коваленко в эту работу. Читателю известно, что мы стали в этом труде «однокашниками». В 1988 году, в период бодро шедшей перестройки, политических интриг и тенденции к сокращению структур административного деления, Навоийская область и, соответственно, областной комитет КП УзССР были упразднены, а В. А. Коваленко стал, как уже упоминал, заместителем начальника ОКСа. В ходе решения поставленной задачи, мы (Коваленко и я) провели много поездок для выяснения позиций руководителей разных рангов по вопросам наиболее приемлемого характера продукции намечаемого производства, возможного объема капиталовложений и т. п. Рассматривая эти вопросы с руководителями, ведущими капитальным строительством в Первом главном управлении министерства, Б. Г. Гаврюсовым, В. А. Поляковым, Ю. С. Бороздиным, последний предложил изучить возможность строительства завода по выпуску очень дефицитных лифтов для жилых домов, серьезная нехватка которых является фактором,

тормозящим ввод в эксплуатацию вечно дефицитного в СССР жилья. Эта идея была одобрена всеми заинтересованными руководителями. Мы вместе со специалистами-электромеханиками ЮРУ и института посетили Самаркандский лифтостроительный завод, внимательно изучили сложность производства, характер необходимых комплектующих изделий, технико-экономических показателей работы завода и убедились, что подобное производство вполне возможно освоить в условиях Нурабада. Выпускаемый же Самаркандским заводом лифт был устаревшим и по характеристикам не соответствовал потребностям жилищного строительства в наших городах. Мы, В. Коваленко, я и начальник отдела № 16 (конструкторского) нашего института Валерий Садчиков, после предварительного согласования о нашем приезде, вылетели в г. Могилев, Белоруссия, где работал известный на весь Союз лифтостроительный завод. Нас очень хорошо приняли в дирекции завода, устроили в хорошую заводскую гостиницу, закрепили за нами заместителя директора по производству и начальника основного цеха (фамилии, к сожалению, не помню), которые подробно, с показом на местах, объяснили нам самые главные производственные процессы, моменты, на которые особо необходимо акцентировать внимание, трудоемкость изготовления всех выпускаемых заводом марок лифтов и много других вопросов. Они снабдили нас необходимой для первых проектных проработок документацией, обещали оказывать всемерную помощь впредь, если таковая возникнет. Наше двухсуточное пребывание на МЛЗ было очень плодотворным, оставило очень приятное впечатление о прекрасных, доброжелательных людях, с которыми нам довелось здесь общаться. Этому очень содействовало и тот человеческий характер, умение и такт руководителя нашей группы В. А. Коваленко.

В институте организовал разработку предварительных технико-экономических решений и одновременно производство инженерных изысканий на будущей строительной площадке. Не ожидая окончательного утверждения ТЭО, нами были разработаны и выданы рабочие чертежи на подъездные ж.д. пути к площадке будущего завода, ограждения периметра и некоторые другие, которые были выполнены строителями в натуре. Забегая вперед, сообщу, что развивающиеся неблагоприятные политические события, ухудшающееся экономическое положение и усложняющиеся производственные связи разных экономических районов СССР, не позволили продолжить строительство задуманного лифтостроительного производства в Нурабаде.

Продолжились наши с Владимиром Ананьевичем работа и дружественные отношения и дальше, вплоть до нашего отъезда из Узбекистана, и не могу не высказать самое искреннее удовлетворение от каждой с ним встречи, состоявшихся при моих приездах на юбилейные торжества НГМК, продолжающейся с этой семьей переписке и сопереживания по поводу мужественного преодоления ими тяжелого заболевания Владимира, да и их сочувствия по поводу и моих, похожих недугов, являющихся, как я соображаю, результатом многолетнего труда в известных условиях урановых рудников и перерабатывающих урановое сырье заводов, некоторым нашим «пренебрежениям» к этим условиям. (Эти строки пишутся в средних числах февраля 2007 года).

Несколько выше я упомянул о сотрудниках ПГУ Минсредмаша. Дополню коротко и о произошедших некоторых кадровых переменах в этом ведомстве и моем мнении о части из них. Как уже упоминал, главным руководил В. Кротков, мое к нему отношение я уже высказал, причем оно не изменилось до самого окончания моей работы в системе. Главным инженером продолжал трудиться Иван Дорофеичев («Пусть память о нем будет всегда в наших сердцах»), горняк по профессии, складу характера и фигуры, простой и доступный, всегда готовый выслушать и прямо высказать свое мнение, с которым я всегда находил взаимопонимание еще со времен его работы куратором НГМК в горном отделе ПГУ и при неоднократных обсуждениях возникающих проблем во время моей работы в институте. Начальником горного отдела главка стал горный инженер Владимир Филонец, несколько невзрачный на вид, с бесцветными глазами и выражением лица, у которого трудно было добиться его окончательного мнения по обсуждаемому вопросу и, естественно, это и определяло соответствующее к нему отношение. Самые лучшие чувства и воспоминания о днях и часах общения, в процессе которых обсуждались и принимались серьезные решения по многим объектам ГМЗ-2 и ГМЗ-1, остались от ставшего начальником технологического отдела Г. Шведова, эрудированного специалиста, серьезного и требовательного руководителя. Замечательным помощником Шведову стал и Анатолий Мираков, перешедший в ПГУ с должности заместителя ГИПа по НГМК в головном институте, специалист-технолог, прошедший хорошую практику работы на производствах и проектных работах, замечательный человек и товарищ, С горечью узнал сегодня (25.02.07.), что Анатолий Александрович Мираков скончался в 2004 году. – Память о нем сохранится в моем сердце!

Под началом заместителя начальника Главка по КС Б. Гаврюсева продолжали успешно трудиться, я бы назвал ветераны, начальник ОКСа В. А. Поляков и его заместитель Ю. С. Бороздин, ведающие сложными вопросами формирования планов и титулов, финансирования, учета строительства новых предприятий, расширения, реконструкции и поддержания мощностей действующих предприятий. С этими очень дополняющими друг друга руководителями и специалистами мне пришлось познакомиться еще в начале и середине шестидесятых годов, во время работы непосредственно на объектах НГМК. Тогда мне было очень нелегко понять их требования и стиль поведения, который вызывал во мне внутренний протест. Со временем я понял справедливость их действий, основывающийся на прекрасном знании законов и правил, регулирующих и увязывающих все процессы от проектирования до принятия в эксплуатацию объектов строительства, на огромном их опыте в этом деле. Во время же моей работы главным инженером проектов по НГМК, когда мне пришлось соприкасаться с ними довольно много и часто, я нашел в них требовательных, но хороших товарищей, они во многом помогали мне, наставляли на путь истинный при защите проектов в экспертном подразделении Девятого главного управления, заходил я в их кабинеты как равный участник процесса созидания и выходил удовлетворенный от общения с ними.

В рамках процесса конверсии оборонных отраслей СССР, благодаря окончанию «холодной войны», возникших условий для заинтересованных зарубежных инвесторов и соответствующего разрешения министерства, руководство НГМК, в лице его директора Н. Кучерского, нашло возможным начать первые переговоры с одной из известных американских фирм «Ньюмент Майнинг Корпорейшен» о сотрудничестве в создании совместного предприятия по извлечению золота из некондиционных руд, добытых и заскладированных на карьере Мурунтау. Переговоры шли довольно долго, американская сторона тщательно изучала достоверность представленных характеристик заскладированного сырья, просчитывала величину необходимых капвложений и их экономическую целесообразность, определяла возможность привлечения партнеров и кредиторов в США. Стороны пришли к практическому заключению договора лишь в 1992 году, когда уже произошел развал СССР, и в договорной процесс включилось правительство Республики Узбекистан. Подробнее о создании совместного предприятия «Заравшан-Ньюмент» расскажу в следующей главе.

Естественно, конверсия коснулась и других комбинатов нашей Среднеазиатской зоны, в проектировании которых принимал активное участие наш филиал головного института, теперь уже называемого ВНИПИИТ – «Всесоюзный научно-исследовательский проектно-изыскательский институт промышленной технологии». Руководство КГРК вышло на переговоры с одной из тоже известных японских фирм, кажется «Самсунг», о создании совместного производства по сборке престижных телевизоров. В процесс проектных проработок, а затем проектирования реконструкции зданий и сооружений под это производство, включился филиал и ГИП по этому комбинату В. Алексеев был первым сотрудником филиала, побывавшим в заграничной командировке (в Японию) в составе переговорной делегации от комбината. Это тоже было знаковым событием в жизни коллектива филиала. Проект и строительство производства сборки телевизоров на площадке в г. Кара-Балта были осуществлены довольно быстро и телевизоры пошли на сбыт населению.

Очень важным процесс конверсии был для дальнейшего существования трудящихся и населения городов Янгиабат и Красногорск, находящихся на территории Узбекистана, и относящиеся к ЛГХК. Сырьевые запасы Янгиабатского рудоуправления практически исчерпались. Из полностью построенных со всеми коммунальными, социальными и культурными объектами на горном участке (бывшая «Развилка») и очень развившемся по площади, прекрасно обустроенному объектами жилья, торговли, монументальными зданиями дворца культуры, городского комитета КП УзССР и горсовета, прилегающими дачными участками на территории Дукента, стали уезжать квалифицированные специалисты, молодежь. Директор рудоуправления, депутат Верховного Совета Узбекистана Г. Х. Сидиков, первый секретарь Горкома КП УзССР, депутат Ташкентского областного Совета депутатов трудящихся К. М. Тимофеев (все еще существующие организации) энергично, но безуспешно пытались добиваться решения возникших проблем и лишь в результате подоспевших перестройки и конверсии удалось получить финансирование, проектирование и начало строительства приборостроительного производства в районе Дукента. Проектирование было поручено нашему филиалу, а в рудоуправлении создана дирекция строящегося предприятия. Проектирование велось под руководством ГИПа Г. М. Зиновьева с привлечением в качестве технолога субподрядной организации, а руководителем дирекции строящегося предприятия был назначен В. В. Источников, перешедший сюда на работу из НГМК,

бывший ГИП по городскому проектированию нашего филиала. Но, в связи с продолжающимся ухудшением советской экономики, централизованное финансирование строительства приборостроительного производства в Дукенте шло медленно, неоднократно пересматривались номенклатуры изделий, подлежащих выпуску этим производством, и дело закончилось тем, что после развала СССР стройка была законсервирована. О дальнейшей печальной судьбе прекрасного городка Янгибад расскажу, если удастся, позже в следующих главах.

Несмотря на значительные трудности ведения и управления хозяйством, в условиях происходящей децентрализации, быстро меняющихся законодательной базе, расширяющихся прав предприятий и их структурных частей, руководство НГМК проводило и организовывало значительную работу по закреплению кадров специалистов, поддержанию уровня и повышению заработной платы, снабжению городов товарами потребления и, что немаловажно, моральному укреплению чувств коллективизма и патриотизма. В эти годы на самом высоком уровне отмечались:

30-летие НГМК – в 1988 году;

25-летие ЮРУ (Сабырсайского предприятия) – в 1989 году;

25-летия ГМЗ-1 (ураноперерабатывающего завода в г. Навои) – 1989 году;

20-летия ГМЗ-2 (уникального золотоизвлекательного комплекса в г. Зарафшане) – в 1989 году.

Празднования проходили в весьма торжественной обстановке, при тщательной подготовке разнообразных программ, составленных энтузиастами при поддержке руководителей этих структурных подразделений, с участием многих гостей. К юбилейным датам руководство комбината вовремя выходило на республиканский и союзный уровень с представлением, получало положительный результат и на торжественных собраниях отличившимся трудящимся, ветеранам вручались награды. Продолжилась начатая еще З. П. Зарапетяном к 10-летию юбилею НГМК (1968 г.) традиция изготовления и вручения многочисленным трудящимся юбилейных значков. Ваш покорный слуга был неперменным участником всех юбилейных торжеств, на которые персонально приглашался. На такие торжества от филиала приглашался, естественно, и наш директор. У меня до сих пор сохранились, посчитал необходимым и возможным привезти в Израиль, много юбилейных значков НГМК, его структурных частей, которые периодически с некоторой ностальгической грустью рассматриваю.

Основные положения состояния дел в нашем институте в годы перестройки и перед окончательным развалом СССР изложил. Теперь немного о положении дел в обыденной жизни в Ташкенте и делах семейных в этот период.

Несмотря на инфляцию, ухудшающиеся условия государственного снабжения товарами потребления, жизнь продолжалась. Мы встречались с друзьями, однокашниками, хотя редели наши ряды, посещали кинотеатры. В 1988 году традиционно отметили 40-летие окончания горного факультета, которое прошло уже не так торжественно и весело – ушли из жизни многие из нас, а некоторые иногородние, не смогли приехать по материальным обстоятельствам. Вместе с тем, хочу поделиться запомнившимися приятными воспоминаниями об общении с Адольфом Александровичем Пешковым и его супругой Людмилой. А. Пешков, бывший директор ГМЗ-2, был по просьбе Республиканского руководства в 1984 году переведен на должность Генерального директора объединения «Узбекзолото», находящегося в Ташкенте. Он сменил на этой должности Аброла Кахарова, тоже в свое время приглашенного на эту должность из НГМК. Я уже отмечал, что предприятия Минсредмаша зачастую были источниками кадров для территориальных республиканских органов для укрепления руководства подчиненным им предприятиям или важными органам республиканского управления. Так, в 1983 году директор Центрального рудоуправления НГМК В. Н. Сигедин был переведен на должность директора крупнейшего в Узбекистане и одного из крупных в масштабе СССР горно-металлургического производства цветной металлургии – Алмалыкского горно-металлургического комбината (АГМК) в г. Алмалыке. Об этом и Сигедине, разговор впереди. В период правления объединением «Узбекзолото» Абролом Кахаровым перед ним встала одна из серьезнейших задач по значительному развитию работ на месторождении золота Марджанбулак, где предусматривалось провести в короткие сроки строительство новых, реконструкцию существующих сооружений на объем в 25 млн рублей. Понимая, что с организацией такой стройки ему не справиться, Кахаров счел необходимым обратиться ко мне с предложением стать его заместителем по капитальному строительству. При встрече он изложил целый ряд заманчивых престижных условий. Предложенные условия меня соблазнили, и я дал согласие, но, при ознакомлении со структурой объединения и штатным расписанием управления, обнаружил, что должность заместителя гендиректора по КС совмещается и с обязанностями начальника ОКСа. Я поставил Абролу условие, что соглашусь на переход

лишь при разделении этих должностей. Кахаров не смог добиться у вышестоящего органа поставленного мной условия, а я остался на своем требовании и сделка не состоялась. Больше никогда не встречался с Абролом Кахаровым и не слышал о его судьбе, хотя были мы знакомы еще со времени его работы в промышленном отделе ЦК КП УзССР в шестидесятые годы, а затем часто и довольно потоварищески встречались в годы его работы директором Восточного рудоуправления и секретарем Зарафшанского горкома КП УзССР. Похоже, что Кахаров по каким-то причинам с высокой должностью не справился, его заменили на А. А. Пешкова, к которому и вернулся в своем рассказе. К описанным мной в главе 12 портрету и краткой характеристике А. Пешкова добавлю, что это один из тех, о которых я говорил, когда писал о В. А. Коваленко, это самородок, талант которого раскрывается в ходе упорного труда, желания самоутверждения, высокой самооценки, но без зазнайства и кичливости. Уже имея опыт работ на КГРК, Адольф Пешков приезжает в строящийся в пустыне Кызылкумов город Зарафшан, где идет освоение недавно запущенной первой очереди уникального завода по переработке не богатых по содержанию золотых руд уникального же месторождения Мурунтау. Начинает работать в главном цехе этого завода, цехе измельчения, и в силу своих способностей, организованности и лидерских наклонностей скоро становится начальником этого цеха. В это время идут поиски решений по ликвидации допущенных упущений и ошибок для достижения проектной производительности цеха, а значит завода, начинается, в короткие сроки заканчивается строительство и в короткие же, менее года, сроки выводится на проектную производительность вторая очередь цеха. Фактически без перерыва разворачивается строительство третьей очереди, ввод которой был совершен к 30-летию Победы над фашизмом (1975 г.). Строительство очередей расширения и эксплуатация действующего оборудования практически совмещаются. Несмотря на то, освоение проектных показателей и выполнение производственных планов обеспечивается начальником цеха и возглавляемым им инженерно-техническим и рабочим коллективом. С этого же года А. А. Пешков становится директором ГМЗ-2. Под его руководством непрерывно идет и продолжается реконструкция II и III очередей завода, наращивание мощностей и объемы выпуска валютного золота. А так как проектирование реконструкции указанных очередей и выполнение проектов других объектов велось в Ташкентском филиале института и этими работами руководил я, ГИП, то понятно, что наши интересы совпадали и это стало основой наших и деловых, и просто

товарищеских отношений, о чем я уже написал в соответствующем месте. Думаю, что сложившиеся тогда наши взаимосимпатии были стимулом к желанию Пешкова встречаться и в Ташкенте, когда он стал Гендиректором объединения «Узбекзолото». Мы с большим удовольствием провели семьями несколько праздничных дней на одной из зон отдыха, подведомственной объединению, в районе известного в Узбекистане курортного местечка Бричмула. А. Пешков успешно проработал Гендиректором объединения «Узбекзолото» до 1990 года, вышел на пенсию и уехал из Узбекистана. Но судьба распорядилась так, что мы еще встречались, о чем расскажу, опережая хронологию, без подробностей. Уже в годы самостоятельного Узбекского государства директор НГМК Н. Кучерский пригласил Пешкова для работы заместителем главного инженера комбината по новым технологиям. Адольф Александрович дал согласие и проработал на этой должности с 1993 по 1996 г., а затем вернулся на место своего постоянного проживания в г. Сочи.

Несмотря на усложняющиеся житейские условия, обычный уклад и ритм семейной жизни продолжался, Ежедневные заботы, телефонные разговоры с детьми, помощь в проводах и встрече внуков одних в школу и из нее, другую в детский сад и из него, встречи с друзьями-однокашниками и сослуживцами в домашних условиях по поводам и просто. В этот период наши сыновья, старший Борис и младший Виктор трудились в структурном подразделении «Техэнерго», называемого «Производственная служба вычислительной техники», в одном из ее секторов. В этой же службе работали инженер Вадим Валовой, несколько старший по возрасту, чем Борис, и соответственно выше по занимаемой должности, инженер Илья Богуславский, младший по возрасту, чем Виктор, и соответственно, ниже по должности. Работа в службе была для ребят интересной, коллектив, как правило, справлялся с производственной программой, сыновья часто отмечались принятыми в те времена поощрениями – благодарности, почетные грамоты, премии на уровне 10–20 рублей. За время работы в «Техэнерго» Боря и Витя очень сдружились с Вадимом и Ильей, они стали встречаться семьями, были одной компанией. Заработная плата же, «оклады», как это называлось, исчисляемые в размерах 120–180 рублей в месяц, мало устраивала глав уже семей с детьми, должностной рост весьма ограничен. Получаемая зарплата становилась все более малозначительной в условиях происходящего инфляционного процесса. Это вынуждало имевших уже довольно приличный опыт в работах по программному обеспечению разных производственных процессов и органи-

зации таких работ искать варианта перехода на работу в другие ведомства на более высокие условия оплаты.

Вадим Валовой, ранее ушедший из «Техэнерго» в НПО «Технолог», затем стал работать в Вычислительном центре Государственного банка УзССР, располагавшегося в недавно отстроенном в современных строительных материалах и архитектурных формах комплексе зданий в центре Ташкента, рядом с Государственным Академическим театром оперы и балета УзССР. Здесь со временем он стал директором этого центра и пригласил на работу Борю, Виктора и Илью. Здесь наши специалисты развернули активную деятельность по радикальному улучшению работы самого вычислительного центра и разработке программ для обеспечения и усовершенствования проведения собственно банковских процессов и процедур. Ребята не считались собственным временем, перерабатывали, наводили дисциплину, часто их вызывали в ночное время на ликвидацию сбоев в работе техники и программ. Но, такая инициатива и стремление довести производство до совершенства, требовательность к персоналу не удовлетворяли определенных должностных лиц вычислительного центра, некоторых вышестоящих интересантов, начались дразги, подсиживание, интриги. Закончилось уходом всей группы из банка в Вычислительный центр министерства строительства, где им уже с учетом шедшей перестройки предложили работать на правах хозрасчетной бригады. Руководителем бригады был Вадим Валовой. В соответствии с договором этой группе выделили рабочие места в одном из отделов, среди прочих условий, определили конкретный процент на оплату труда с рубля реализованной программной продукции. Кроме заказов собственно вычислительного центра хозрасчетной бригаде разрешалось самостоятельно находить заказчиков и выполнять их заказы на договорных началах. Оплата выполненных объемов сторонними заказчиками производилась Вычислительному центру, с выплатой Вычислительным центром установленной части на зарплату бригаде. Внутри бригады заработок распределялся ее членам руководителем в зависимости от конкретного участия каждого в конкретном проекте.

Слаженная работа опытных и грамотных специалистов, друзей, индивидуальная заинтересованность и взаимоподдержка, работа с утра и до позднего вечера давали хороший эффект, заказы выполнялись в договорные сроки и на высоком уровне, а заработная плата вышла на уровень 500–600 руб. в месяц на участника, это выше обычной у специалистов центра в два и более раза. Ребят это устраи-

ивало. Но, посыпались жалобы руководству центра от трудившихся рядом специалистов, хотя некоторым из них предлагалось перейти работать в бригаду, но они отказывались работать в таком режиме и ритме, каким требовался и был в бригаде.

Подошла осень и трудящихся Вычислительного центра стали направлять на уборку урожая хлопка, как это было заведено и продолжалось в Узбекистане с давних Советских пор. Руководство центра приказало и членам бригады выехать в подшефный колхоз, не решив одного — а кто и как выплатит зарплату членам хозрасчетной бригады? Члены бригады от выезда отказались и ушли из Вычислительного центра.

К этому времени уже полным ходом функционировали кооперативные организации во многих областях деятельности. Характерно, что многие кооперативы были организованы бывшими партийными, комсомольскими работниками, а часто и при государственных предприятиях и учреждениях, где им сдавались в аренду помещения, оборудование, а часто руководителем кооператива становился кто-то из руководства этого же госпредприятия, учреждения.

Наши ребята уже имели достаточно высокий авторитет в среде Ташкентских программистов, были известны в этой области деятельности. Объединив усилия еще с рядом специалистов, имеющими опыт ведения хозяйства, они организовали, официально оформили и зарегистрировали кооператив по созданию и реализации программной продукции. Приобрели персональные компьютеры, другую технику, арендовали помещение и развернули необходимую деятельность. Появились заказчики, объемы работ, реализация и соответствующие заработки, опять же при многочасовом и неограниченном рабочем дне.

Реформы, проходящие неустойчиво и противоречиво, отсутствии правовой базы изменения форм хозяйствования, развивающиеся инфляция, воровство, мошенничество, рэкет, уголовщина приводили к изданию разных «Указов», «Распоряжений», «Решений» на правительственном и ведомственных уровнях, в безуспешной попытке «наводить порядок». Вышло «Решение...» запретить кооперативную форму работ в некоторых сферах деятельности в Узбекистане, в том числе в программных разработках. Это стало причиной отъезда летом 1990 года из страны наших сыновей с семьями и их друзей-сослуживцев. Как это происходило, описано во второй книге, где приведены и те меры предосторожности, связанные с очень тревожной криминогенной обстановкой. В свете последних обстоятельств расскажу, думаю, интересную историю.

Наша «Волга-ГАЗ-24» всегда отстаивалась в нашем же кирпичном гараже, металлические ворота которого просматривались прямо из окон моего кабинета, а тыльная сторона и крыша были видны из окон нашей квартиры по ул. Зольной. Ворота запирались на большой навесной замок и на внутренний с пружинным отжимом, открываемым штыревым ключом со специальной нарезкой. Никаких тревог и признаков воровства машин из нашего комплекса гаражей не было, хотя число автоугонов и краж автомобилей из гаражей и мест стоянок в Ташкенте росло высокими темпами и, как правило, никогда органы милиции не находили ни украденных машин, ни угонщиков. 20 марта, в день рождения Юлии, в 1990 году, после ужина по этому случаю, в котором принимали участие наши дети, друзья, я отвез кого-то из участников к нему домой, а было это уже около часа ночи, я вернулся и поставил автомобиль в гараж. Утром, до начала рабочего дня к нам постучал сосед и сказал, что ворота моего гаража раскрыты и автомобиля в гараже нет. Бегу, смотрю! Да, автомобиля нет, замок валяется на почве. Звоню в районный отдел милиции и заявляю о произошедшем. Делать нечего – иду на работу. Настроение «мерзопакостное», понятно, что потеря невозвратимая и уже приобрести автомобиль любой марки возможности не будет. В первой половине дня 23 марта ко мне на работу поступил телефонный звонок от дежурного отдела милиции (женский голос) и скороговоркой выдает:

– Бешер-Белинский!? Вашу машину, кажется, нашли. Срочно поезжайте на (имярек) улицу и во дворе дома номер (называет) стоит автомобиль, туда уже выехал наш сотрудник.

Я позвонил сыну, Виктору, на работу, он примчался на машине, и мы приехали во двор по указанному адресу. Это было в пяти минутах пути от места моей работы и нашего проживания. В глубине большого двора у отдельно стоящего сооружения понижительной подстанции стоит моя «Волга» (сразу вижу по госномеру). Подходим с осторожностью, пытаюсь открыть переднюю дверь со стороны водителя, открывается. Подъезжает офицер милиции на «Газике». Обходим вокруг машины, не видно никаких повреждений. Внутри выдернуты провода из замка зажигания. Поднимаю капот, осматриваем, визуально все на местах, никаких повреждений не просматривается. Пытаюсь запустить двигатель путем соединения соответствующих проводов, но стартер прокручиваясь не входит в зацепление с шестерней вращения коленчатого вала. Инструмент в багажнике на месте. Прокручиваю двигатель заводной ручкой, и двигатель заработал. Еще раз осматриваем внутренности и обна-

руживаю отсутствие на спинках передних сидений съемных подголовников, недавно приобретенных мною на рынке, а в «бардачке» нет подаренного мне много лет назад тестем, Максом Борисовичем, ножа с кожаным футляром, бывшим когда-то табельным вооружением в Советской армии и не сданным им при демобилизации в шестидесятых годах. Все остальное в машине сохранено. Милицкий офицер попросил меня подписать расписку об отсутствии у меня претензий к милиции. Я сел за руль и благополучно доехал в свой гараж. После тщательного анализа такого везения мы, я и мои сыновья, Борис и Виктор, пришли к единогласному мнению причин того, что угонщики «Волги» оставили автомобиль, не воспользовавшись им. Дело было в том, что для включения дальнего света фар и переключения их на ближний свет, в автомобиле был секрет – второй, не штатный ножной переключатель, находящийся под половым ковриком. Его вынужден был поставить Виктор, который производя замену вышедшего из строя главного переключателя световых приборов на новый, купленный мною, никак не мог с этим справиться. Оказалось, что на новом переключателе имеется шесть точек подключения проводов, а на старом только пять (время шло и завод совершенствовал приборы). Потеряв много времени на этой операции, Виктор, как-то разобравшись в схеме, купил еще один ножной переключатель и установил его под ковриком. Мне не составляло труда включить его левой ногой при наступлении темного времени суток и затем еще раз при стоянке. Угонщики не смогли передвигаться по городу ночью, а особенно выехать за пределы города, без включенных фар, так как это бы вызвало подозрение патрулирующих по городу милицмейских нарядов и дежурных ГАИ на КПП, имеющих на всех магистралях выезда и въезда в город. Кроме того, они, угонщики, в очередной раз заводя автомобиль соединением выдернутых из замка зажигания проводов, своевременно не отключили стартер и вывели его из строя. Это и заставило их бросить угнанный автомобиль.

Такой «благополучный», совершенно необычный исход при уго- не автомобиля никак не укладывался в умах сотрудников милиции. Меня дважды приглашал к себе на беседы заместитель Фрунзен- ского районного отдела милиции по оперативной работе, в ходе ко- торых пытался получить от меня информацию об угонщиках, имея ввиду, что они со мной связывались и получили от меня выкуп. Несмотря на мои совершенно искренние рассказы об описанных мною выше обстоятельствах, я чувствовал, что он (подполковник) мне не верит.

Машину я привел в порядок. Пригасил умельцев, и они выполнили тревожную сигнализацию в гараже, сигнал от нее был выведен и в нашу квартиру. Больше никаких подобных происшествий с авто не было до самого нашего отъезда из страны.

Так проходили годы «перестройки» в жизни коллектива филиала ВНИПИПромтехнологии, в жизни моей и моей семьи. Подошло время распада СССР, образования самостоятельного Узбекистана, как и других государств на постсоветском пространстве, и необходимость проведения особых мер по выживанию, теперь уже опять в новых условиях, всем производствам, организациям, городам и поселкам, их трудящимся и населению, подведомственным бывшей «империи», называвшейся Министерство Среднего машиностроения.

ГЛАВА 20

НГМК и концерн «Кызылкумредметзолото». Н. И. Кучерский. ГМЗ-3 запущен

Итак, директор НГМК Н. Кучерский обратился к избранному Президенту Республики Узбекистан Исламу Абдуганиевичу Каримову. Получив исчерпывающую информацию о положении дел, необходимых направлений и мер по выходу из создавшихся условий, Президент лично посетил площадки строящегося ГМЗ-3, карьер «Мурунтау». Как специалист-экономист Ислам Каримов понял справедливость и остроту поставленных вопросов, а как государственный деятель принял единственно правильное решение – разрешить и обеспечить государственное финансирование для технического перевооружения горных работ карьера и разворота работ по строительству золотоизвлекательного комплекса ГМЗ-3. Президент и по его поручению правительство республики согласились и издали ряд документов, в которых определялись задачи и формы мер по практическому осуществлению их. Комбинат стал самостоятельным государственным предприятием с правом выхода на хозяйственные связи с производствами, фирмами ближнего и дальнего зарубежья, правом привлечения зарубежных инвесторов. Понимая, что необходимо сохранить созданный потенциал производств и учреждений бывшего министерства среднего машиностроения, И. Каримов поддерживает их объединение под эгидой НГМК в самостоятельную организацию – концерн, названный «Кызылкумредметзолото». Как это происходило изложил в «Преамбуле» в книге второй. Мне придется в этой книге повторить, но значительно шире, некоторые события, обстоятельства, выводы, изложенные в этой «Преамбуле» в сжатой форме.

Ставший председателем концерна и получивший ранг Министра Н. И. Кучерский, поддержанный изданным Кабинетом Министров Узбекистана постановлением «О мерах по обеспечению ускоренного социально-экономического развития Зарафшан-Учкудукского региона в 1992–95 годах и стабилизации работы предприятий НГМК», в самой энергичной форме организовал работу по практическому осуществлению первоочередных задач на главных направлениях. Вместе с тем, комбинатом были разработаны и утверждены мероприятия по повышению эффективности работы в социальной сфере, развитию сырьевой базы, улучшению экологической обстановки в регионе, улучшению водоснабжения, газоснабжения, электроснабжения, связи и разработана долговременная программа сохранения и дальнейшего значительного роста уровня выпуска золота.

Какова же была обстановка в этот период, какие трудности необходимо было преодолевать, выполняя указанные меры?

Став самостоятельной, Республика Узбекистан сразу же прекратила вывоз валютного золота и срочно создала Гохран в г. Ташкенте, учредила и выпустила, как и все государства СНГ, в оборот государственные денежные знаки («сум»), запретила взаиморасчеты внутри государства денежными знаками других стран, в том числе долларами. На всех магистральных автодорогах, железных дорогах, авиаорганизациях были введены таможенные службы и КПП, изданы правила и оглашены перечни товаров, изделий, запрещенных к вывозу и ввозу, которые подвергались частым корректировкам по каким-то, не всегда ясным соображениям. Уровень соотношений между валютами стран СНГ тоже был нестабилен, а растущая почти ежедневно инфляция опережала всякие попытки их стабилизировать. Указанные и многие другие причины привели к резкому разрыву установившихся многолетней практикой производственных и экономических связей с поставщиками и потребителями, находящимися теперь уже в самостоятельных государствах. Последнее было очень важным для производств НГМК, где применялись технологическое оборудование и запчасти к нему, вспомогательные материалы и реагенты, многие виды стройматериалов и многое другое, поставляемые исключительно из-за пределов Узбекистана.

В республике были заморожены и стала неизвестной судьба сбережений населения в государственных сберегательных кассах, организованы пункты обмена сумов на доллары, но с большими ограничениями как по количеству выдаваемых в одни руки (не более 100 долл.), так и по времени работы этих пунктов и весьма ограни-

ченным в них ресурсам валюты. Здесь возникали огромные очереди с переключками по ночам.

Стали возникать националистические и исламские общественные организации, факты и раздувающие их слухи о проявлениях насилия на националистической почве, усугублялась криминогенная обстановка, воровство, мошенничество, бандитизм, рэкет. Все это вместе вызвало стремление большого числа граждан не местных национальностей на выезд из Узбекистана, в Российском посольстве возникли очереди на подачу прошений о Российском гражданстве, продолжился отток выезжавших на постоянное место жительства в Израиль и Германию, ставшую принимать беженцев немецкой и еврейской национальностей.

Несмотря на принимаемые президентом и правительством меры по уменьшению указанных отрицательных обстоятельств в экономической сфере, энергичным мерам по противодействию националистическим, особенно исламско-фундаменталистским проявлениям, промышленное производство в республике резко сокращалось, останавливались, или сокращали выпуск традиционных товаров некоторые предприятия, даже такие, как Ташкентский авиационный завод, Таштекстильмаш, Ташсельмаш и др. Увеличивалась безработица, стали задерживать выдачу зарплаты трудящимся на один–два и более месяцев.

Именно в этой, весьма сложной и неблагоприятной обстановке проявился незаурядный талант и человеческие способности Николая Ивановича Кучерского.

В первую очередь усилия всех служб комбината направляются на организацию поставок оборудования и материалов на строительство ГМЗ-3. Директор не оставляет усилий по восстановлению и налаживанию связей с предприятиями России и Украины, благодаря представленной самостоятельности выходит на связи с заинтересованными фирмами дальнего зарубежья по поставке горного оборудования для «Мурунтау», продаже окиси-закиси урана для получения валюты, привлечения инвестиций для дальнейшего развития добычи золота урана и других производств.

В связи с образованием республики Узбекистан, наш филиал отделяется от ВНИПИПТ и становится самостоятельным институтом, названным «СредазНИПИПТ». Затрудненность взаиморасчетов с Россией и другими странами СНГ снизили возможности, а вскоре прекратили выезды специалистов из Москвы, и мы становимся генеральным проектировщиком объектов НГМК и всех связанных с ним предприятий. Объем работ по созданию и корректировке

рабочих чертежей, в силу измененных технологических решений, по первой очереди ГМЗ-3 огромен. К этому моменту на строительной площадке были выполнены работы по проходке шахты ККД, смонтированы каркасы части главного корпуса, корпусов сорбции и готовой продукции, стволы под опорную часть 100 метровых сгустителей. В ходе увеличившихся темпов строительства, благодаря привлечению сил строительно-монтажных организаций НУСа и ЗУСа, потребовалось задействовать максимально возможное число проектировщиков всех отделов для обеспечения их проектными материалами. Этим и занялся я, ГИП. Наибольший объем работ падал на отделы №№ 3 (технологический), 5 (промышленного строительства) и 6 (энергетический). Со специалистами этих отделов я выезжал на стройку, привозили еще «горячие» чертежи, устраивались на неделю – другую в гостиницах и на месте выдавали техрешения для исправления возникающих неувязок, ошибок в предыдущих чертежах, улучшения ранее принятых решений, предлагаемых персоналом завода или строителей. В одном из помещений административно-бытового корпуса были установлены рабочие места для проектировщиков. Вновь приезжающие специалисты из института меняли работающих здесь прямо у рабочих станков. Сложилась деловая связь с директором завода В. А. Ромашовым и главным инженером Р. Б. Шварцманом, не покидающими стройку и одновременно работающее производство серной кислоты с самого раннего утра и до поздней ночи.

Однако, из-за несвоевременного поступления оборудования, металлоконструкций, недоукомплектованности строительных организации кадрами, темпы строительства не соответствовали утвержденным срокам сдачи первой очереди завода в эксплуатацию. В результате действий сотрудников управления комбината и завода, выезжавших на заводы-поставщики в Украине, России, Белоруссии, стало поступать оборудование, комплектующие изделия, стройматериалы. Для ликвидации отставания в строительстве был создан штаб под руководством Н. Кучерского, который собирался еженедельно в помещении управления Учкудукским стройтрестом, организованном Навоийским управлением строительства. На заседаниях штаба, в которых участвовали все руководители СМУ организаций УСМТ и ЗУС, ОКСа комбината, ГМЗ-3, представителя нашего проектного института (часто и моего), Кучерским в решительных формах принимались нужные решения и расшивались узкие места. Особенно большие сдвиги в темпах строительства произошли после проведенного на площадке оперативного совещания

с участием заместителя премьер-министра республики Хакулова, на котором были заслушаны доклады директора НГМК Н. И. Кучерского, начальника НУС Г. Б. Саватюгина, начальника ЗУС Н. С. Дьякова. Совещание обязало руководителей стройки выполнить необходимые объемы работ и сдать оборудование под пусконаладочные работы к 1 сентября 1994 года. Правительство республики подкрепило свои решения вовлечением в стройку дополнительных строительно-монтажных организации республики.

Чтобы обеспечить растущие объемы строймонтажных работ, в институте организовали специальное проектное подразделение по авторскому надзору за строительством ГМЗ-3, дислоцирующееся в Учкудуке, с льготной оплатой труда, учитывающей пустынно-безводные условия проживания за время нахождения на площадке. Постоянным руководителем этого подразделения был назначен А. И. Борисюк. Я выехал вместе с первой группой проектировщиков для организации обустройства, создания минимально необходимых условий жизни, питания, доставки к месту работ и обратно, создания дополнительных рабочих мест на заводе для проектировщиков в условиях острого дефицита жилья и возможностей действующих объектов торгово-бытового обслуживания, создавшихся в результате участия в стройке дополнительно более тысячи строителей. Мне это удастся благодаря личным благоприятным отношениям с директором СевРУ О. А. Михиным и другими руководителями. В Ташкенте по моему настоянию был составлен согласованный с начальниками проектных отделов помесечный график смены проектировщиков по специальностям, входящим в спецподразделение, обеспечивающий преемственность и минимальную потерю времени на передачу дел по выдаче чертежей на месте. Я выезжал практически каждые две недели на стройку, где согласовывал разрабатываемые на месте техрешения и чертежи и определял возможные к опережающему выполнению в институте вопросы, для уменьшения объема выполняемых работ на стройке. Несмотря возникающие неурядицы бытового плана, недовольство отдельных участников группы условиями жизни в Учкудуке, иногда посылаемыми «под нажимом» не желающими туда ехать, работа группы шла очень слаженно. Благодаря энтузиазма А. Борисюка, его добросовестности и коммуникативности, проектировщики, не считаясь со временем, заразившись общей атмосферой ответственности, справлялись со своими задачами, их работа отмечалась положительно, не обходилось и без нареканий, или попыток отдельных руководителей строительных подразделений свои недоработки выдать за вину проектировщиков.

Через несколько месяцев А. Борисюк, знания и стиль работы которого понравился руководителям завода, не без настоятельных просьб и материальных поощрений последних, подал заявление и перешел на работу в заводской коллектив, а руководителем рабочей проектной группы был назначен зам. главного инженера института Ю. С. Куршев. Группа продолжала работать почти в том же темпе.

Ежемесячно на стройке проводились оперативные совещания с участием заместителя хакима («губернатор» по-узбекски) по капитальному строительству вновь созданной Навоийской области В. В. Уласевича, иногда и Хакулова. Когда совпадала моя поездка со временем поездки Н. Кучерского в Учкудук, он забирал меня в свою машину, и мы имели возможность общаться и обмениваться информацией.

Ю. С. Куршев выдержал нагрузку Учкудукского пребывания руководителем группы авторского надзора не очень долго, и ее руководителем был назначен специалист-строитель со средним образованием, но с очень большим стажем проектных работ в институте в должности начальника группы Е. Б. Гутман. Выдержанный, я бы сказал, интеллигентный, лично работоспособный он сумел дольше всех предыдущих руководителей довести работу учкудукской группы до окончания строительства и сдачи в эксплуатацию I очереди ГМЗ-3, которая состоялась в мае–июне 1995 года.

Хочу с большим удовольствием вспомнить те деловые и просто человеческие отношения, сложившиеся и царившие в те напряженный месяцы и годы, на фоне острейших, не редко возникающих противоречивых между участниками стройки обстоятельствах, у меня с директором заводы Виктором Алексеевичем Ромашовым, главным инженером завода Романом Борисовичем Шварцманом и директором СевРУ Олегом Алексеевичем Михиным.

Практически казалось, что Виктора Ромашова в любое время суток можно встретить на действующем круглосуточно серноокислотном производстве или на строящихся объектах основного завода. Вникающий во все детали, с осунувшимся, даже мрачноватым лицом, он не терял оптимизма, откликался на любую просьбу, пытаясь ее удовлетворить, выслушивал доклад и выдавал указание на выполнение необходимого решения, без нервозности и повышения голоса выговаривал виновного за обнаруженные недочеты или недоработки. Он всегда был немногословен и при отчете, и при даче указаний, но был уверен и настойчив в требованиях выполнения принятых решений. Это был еще один образец тех талантливых самородков, которые своим, в лучшем смысле слова упрямством

и трудолюбием, самоорганизованностью добиваются целей, поставленных перед собой. Виктор, молодой техник-технолог, начав трудиться аппаратчиком, становится мастером, затем заместителем начальника цеха на ГМЗ-1 и, несмотря на загруженность, учится и заканчивает ТашПИ, отличается организованностью и стремлением безусловного выполнения планов и задач, назначается главным инженером еще строящегося объекта по производству нового для НГМК продукта, серной кислоты, в составе будущего ГМЗ-3. С его участием идет стройка, обучение кадров, производится наладка процесса, вводится в эксплуатацию и успешно достигается проектная производительность производства серной кислоты, которой удовлетворяются потребности основного производства НГМК и других комбинатов Минсредмаша. Вскоре Виктор Ромашов назначается директором ГМЗ-3. К сожалению приятные воспоминания о днях общения с этим простым и хорошим человеком омрачаются его уходом из жизни в расцвете сил и дееспособном возрасте после тяжелой болезни. Не прошли бесследно напряженные трудовые будни в цехах и производствах по извлечению урана и прочей химии. Мне довелось дважды по несколько часов встречаться с Виктором Алексеевичем в Тель-Авиве, куда он со своей супругой приезжал в Израиль для прохождения курса лечения и попыток найти подходящего донора для пересадки костного мозга. И эти встречи, на которые мы приезжали вместе с Бениамином и Раисой Кивенко, проработавшими и жившими около сорока лет в Учкудуке, проходили на оптимистической ноте и чувствовалась вера Виктора в благополучный исход. Но, судьба распорядилась по-своему, донора с необходимыми характеристиками подобрать не удалось.

О Романе Шварцмане, которого я знал еще с мальчишеского возраста, затем повзрослевшем, набравшемся опыта техника и инженера на производствах НГМК, проявившем многие наследственные достоинства отца Бориса и мамы Марии, много говорить не стану. Я встретил вполне сложившегося серьезного специалиста и 40-летнего мужчину, с которым уважительно считался персонал строящегося серьезного предприятия и смежные участники стройки. К сожалению, этот молодой человек тоже ушел из жизни в результате автокатастрофы на одной из Российских дорог, будучи там в отпуске. Память об этих специалистах, тружениках, добрых друзьях и товарищах – Викторе Ромашове и Романе Шварцмане – сохранится в наших сердцах!

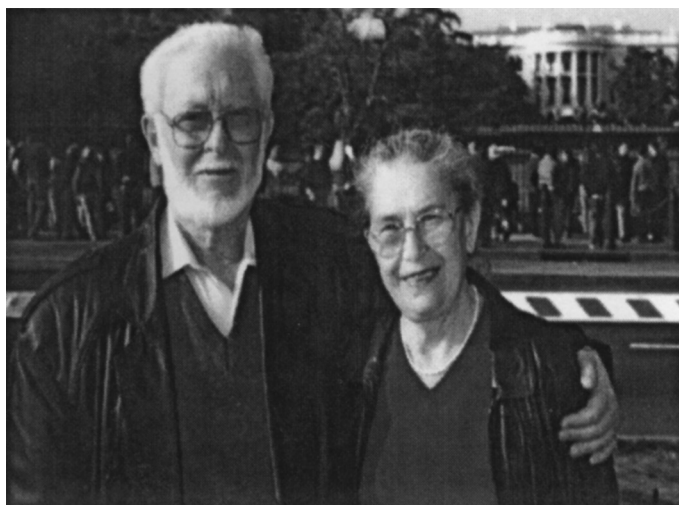
Особый разговор о замечательном специалисте, простом, скромном и доступном человеке, прошедшем после окончания Томского

политехнического института по всем ступенькам от мастера, технолога и начальника цеха ГП, затем начальника цеха № 2 и главного инженера ГМЗ-2, Олеге Алексеевиче Михине. Именно накопленный им опыт работы на ГМЗ-2, полная отдача этого опыта без оглядки на трудности позволили ему, назначенному в 1993 году директором СевРУ (Учкудук) в самый острый период организации усиления работ по строительству золотоперерабатывающего завода ГМЗ-3 и рудника Кокпатас, справиться с поставленными перед ним задачами. К сожалению, напряженный труд привел к сердечному инфаркту и временному бездействию в период лечения. Но совершенно незабываемы дни и делового, и непроизводственного общения с этим руководителем, с которым по-хорошему, без нервных срывов можно было и решались возникающие проблемы. Совершенно заслуженно О. Михин назначен в 1995 году главным технологом и заместителем главного инженера НГМК. У меня, почему-то всегда, когда возникают приятные воспоминания об Олеге Михине, тут же всплывает и образ Николая Ганза, как о двух братьях, чем-то они похожи, оба прекрасные специалисты, оба замечательные товарищи и друзья.

Не могу не высказать чувства большого огорчения и даже обиды на судьбу за то, что не довелось мне побывать на торжествах пуска в эксплуатацию и I очереди ГМЗ-3 в Учкудуке, и совместного золотоизвлекающего методом кучного выщелачивания предприятия «Заравшан-Ньюмент» на Бесапане, в проектировании которых принимал самое активное участие. Эти события прошли в месяцы мае–июне 1995 года, когда совершился мой уход с работы и выезд в Израиль. Но, в минуты ностальгических воспоминаний с удовольствием отмечаю свою причастность к этим событиям.

*Юлия Шатуновская и Леонид Бешер-Белинский.
Майли-Су. 1951 г.*

*Спустя 50 лет. США, Вашингтон.
У «Белого дома»*

Анна Витковская (Захарова), Сергей Витковский – наши друзья. Майли-Су. 1950 г.

*Леонид Бешер-Белинский, Владимир Горбачев,
Владимир Яковлев. В дни празднования 20-летия
предприятия «Сабырсай» (ЮРУ НГМК).
Советабад, 1984 г.*

Элина (Виктория) Бен-Шир на отдыхе в Майями. 2003 г.

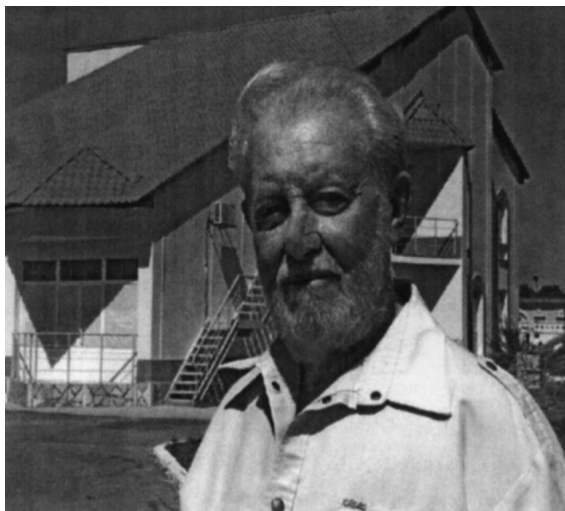

*Мой день рождения, 05.02.07.
В нашей квартире, Нетания.*

За прошедший 1998 год звание **«ЧЕЛОВЕК ГОДА»** было присвоено двум людям, хорошо известным еврейской общине России. Это ветеран еврейского движения Давид Аксельбант.

В ту пору, когда многие юристы не брали на себя смелость защищать еврейских активистов, отказников, которых власти, пользуясь любыми предлогами, отдавали под суд, адвокат Давид Маркович Аксельбант смело вставал на их защиту. Времена изменились, и он продолжает оказывать помощь евреям, теперь тем, у кого возникают различные проблемы в связи с репатриацией в Израиль. В 1993 году Давид Маркович выступил в роли защитника «Международной еврейской газеты» на процессе, который возбудила против нас «Память» Дмитрия Васильева, и с блеском выиграл процесс. В этом году он будет защищать «МЕГ» на суде с «Русской правдой», обвинявшейся на нас за то, что мы (с полными на то основаниями) называли эту газету юдофобской.

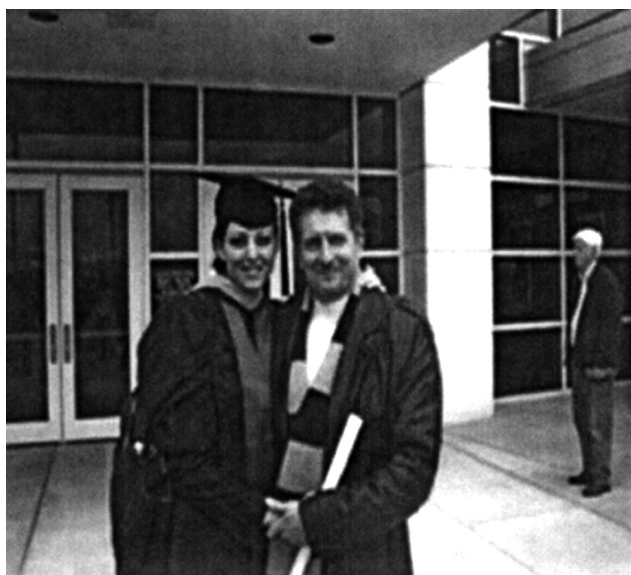
*В дни 70-летия Н. Кучерского.
Я на фоне жилого коттеджа. Навои. Июль 2007 г.*

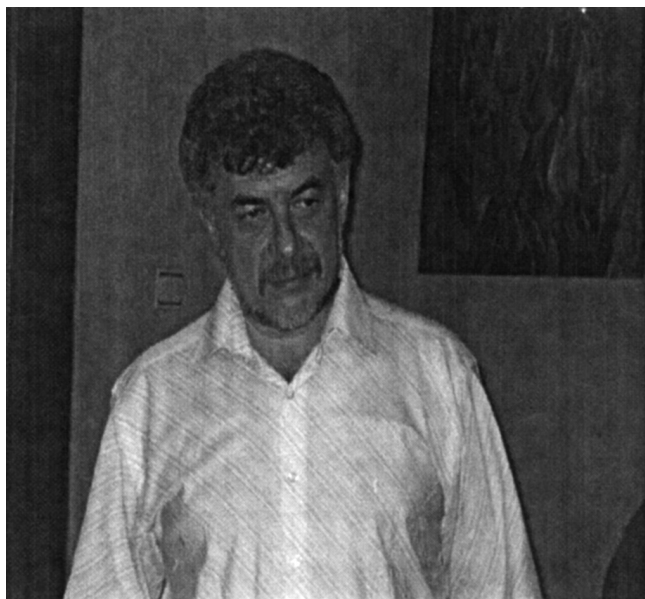
*9 мая 1995 г. Борис и Ляля Гурович, Леонид
и Юлия Бешер-Белинские, Лизовская, Таня Соколовская,
Константин Соколовский, В. Лизовский, Лиза и Аня Соколовские*

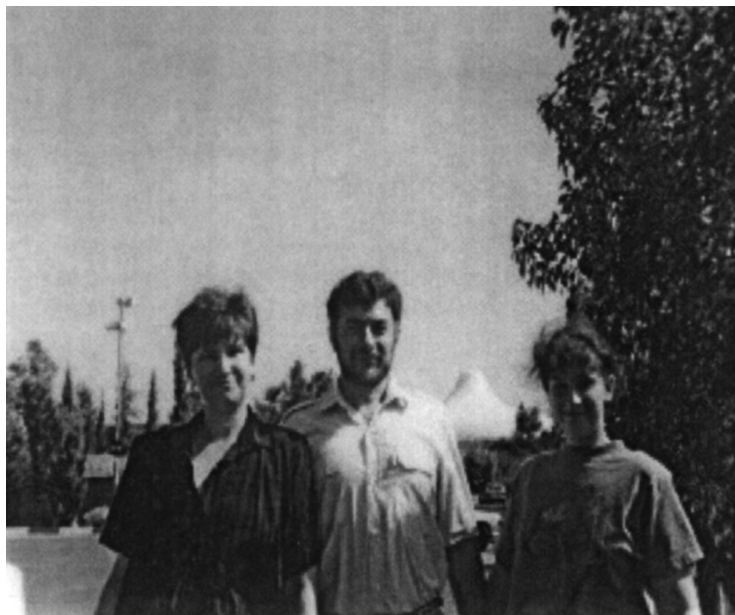
*Виктор, Элина, Лия, Маргарита Бен-Шир. Эмоции
по поводу Линого окончания Мерилендского университета.
США, 2006 г.*

*Лия и Виктор Бен-Шир в день вручения ей диплома
об окончании Мерилендского университета.
США, 2006 г.*

*Борис Бен-Шир – наш старший сын.
Израиль, 2006 г.*

*Ольга и Борис Бен-Шир с дочкой Ирой.
Середина 90-х годов. Нетания. Израиль*

Наши внуки Юрий и Ира Бен-Шир в день присвоения ей второй степени – магистр – по окончании Хайфского Техниона. Хайфа. Израиль. 2006 г.

Ира Бен-Шир – наша внучка. 2006 г. Нетания. Израиль

Ира Бен-Шир работает над докторской диссертацией в области физической химии в Хайфском Технионе. 2007 г.

Ира Бен-Шир – солдат Армии Обороны Израиля. 2000 г.

Виктор Бен-Шир – наш младший сын. США. 2005 г.

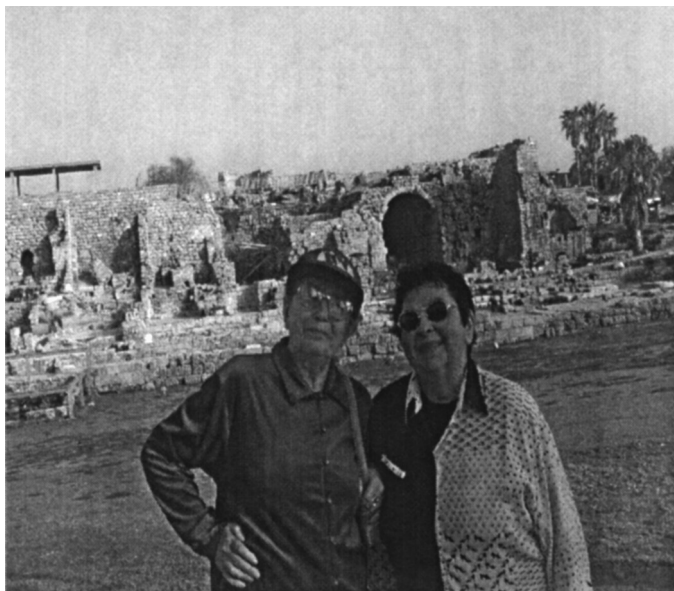
Элина (Виктория) Бен-Шир, Юлия и Леонид Бен-Шир. США. 2001 г.

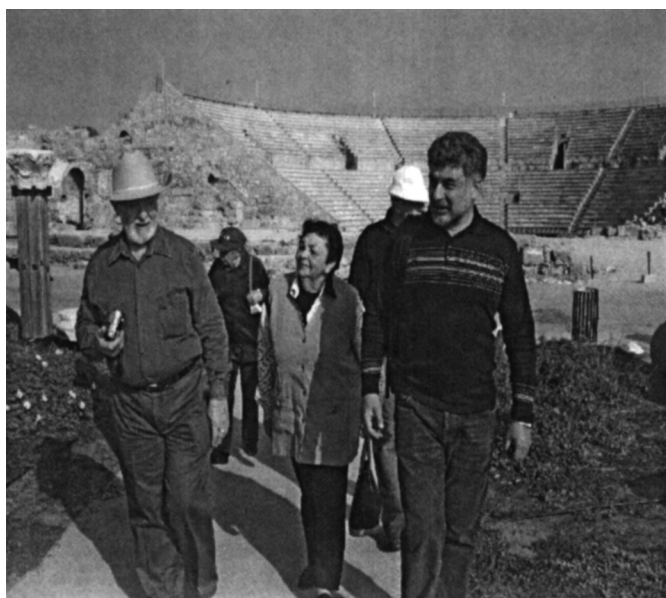
Виктор приготовил узбекский плов к праздничному столу по поводу 80-летия Юлии. В нашей квартире 20 марта 2007 г. Нетания, Израиль

*Отмечаем мой 81-й день рождения – друзья в застолье.
Февраль 2007 г. Нетания*

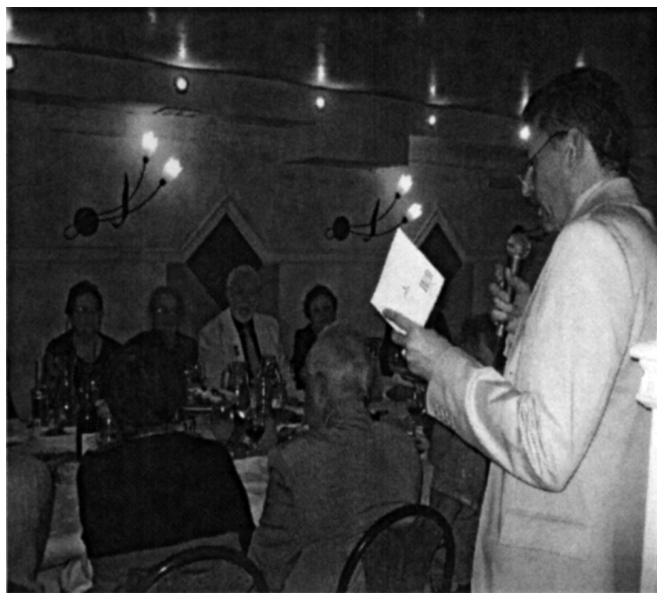
*Юлия Бен-Шир и Ада Сарне-Аксельбант.
Кейсария, Израиль. 2007 г.*

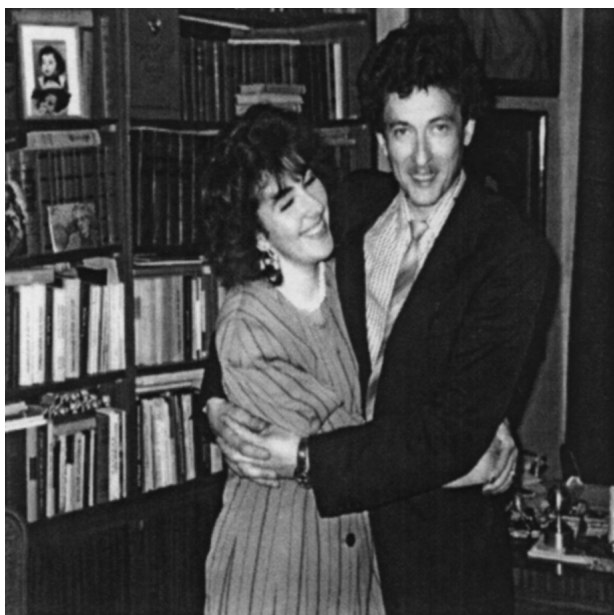
*Леонид, Юлия Бен-Шир, Ада Сарне, Саша Аксельбант,
Борис Бен-Шир. Март 2007 г. Кейсария, Израиль*

Ада Сарне поздравляет меня с 80-летним юбилеем. Февраль 2006 г. Нетания, Израиль

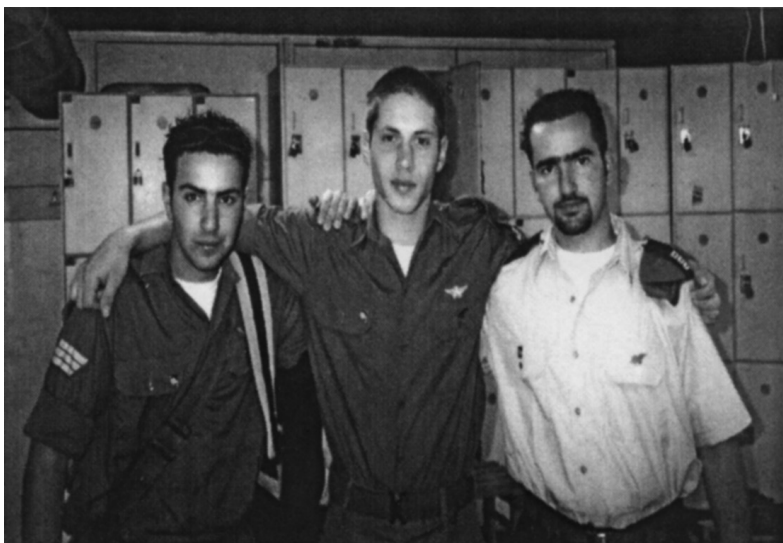
Виктор Бен-Шир зачитывает поздравление Юлии от внучки Лии по случаю 80-летнего юбилея. Март 2007 г. Нетания, Израиль

*Марина Аксельбант и Виктор Бешер-Белинский. 1978 г.
Москва, квартира Аксельбантов*

Юлия Максовна Бен-Шур. Берлин. 2006 г.

*Юрий Бен-Шир (в центре) с друзьями-сослуживцами
по Армии Обороны Израиля. Израиль, 2002 г.*

*Дора Иосифовна Белинская – моя мама.
Тридцатые годы прошлого столетия*

Рахиль Исаевна и Макс Борисович Шатуновские – родители Юлии. Ташкент. 1926 г.

Виктор Бешер-Белинский – ученик 10-го класса. Ярославль. 1972 г.

Григорий Белинский – самый старший брат моей мамы. Запорожье. 1970 г.

ГЛАВА 21

О поездке и пребывании в США в 1993 году

Подробнее расскажу о моей первой в жизни поездке в дальнее зарубежье, в США в составе группы специалистов от концерна «Кызылкумредметзолото» для согласования ряда вопросов в последней стадии проектирования и организации строительства совместного предприятия «Заравшан-Ньюмент» в генподрядной фирме «Бейтман».

Я уже отмечал, что Н. И. Кучерский, при поддержке руководства республики, очень энергично и умело проводил политику привлечения внешних инвестиций для развития работ по увеличению добычи, извлечению и выпуску готовой продукции основных металлов – золота, урана – на основе передовых современных технологий и оборудовании. В комбинате уже в советское время был накоплен большой опыт кучного выщелачивания урана, проведены довольно успешные опыты по кучному выщелачиванию золота из руд «Мурунтау». Но широкому применению технологии извлечения золота из «кучи» препятствовали отсутствие в СССР ряда материалов и техники, с помощью которых можно было обеспечить экологическую безопасность промышленных объемов работ. В США же такие материалы и техника уже получили довольно широкое распространение и применялись на производствах, в частности, фирмы «Ньюмент Майнинг корпорейшен», расположенных в штате Невада. В результате продолжавшихся довольно долго и дотошно переговоров, в ходе которых Американская сторона очень тщательно изучала действительное состояние отвалов бедных золотых руд карьера Мурунтау, достоверность содержания в них золота, указываемого нашей стороной, вела укрупненные расчеты необходимых капиталовложений и рентабельности их, убеждалась в надежности вкладов во

вновь созданное государство и другие подобные вопросы, сделка состоялась и был заключен контракт о строительстве совместного предприятия извлечения золота методом кучного выщелачивания из бедных руд заскладированных до «лучших времен» на борту карьера Мурунтау. В процессе ведения переговоров в США побывало несколько групп специалистов от концерна вместе с Н. Кучерским и без него.

И вот в самом конце процесса переговоров и окончательного подписания контракта Н. Кучерский направил в США группу специалистов для согласования ряда вопросов, связанных с окончательной «утраской» деталей договора между генподрядной организацией «Бейтман» и субподрядными строительно-монтажными организациями ЗУСом и «Югпроммонтаж» (ЮПМ), входящими в состав концерна «Кызылкумредметзолото», которым поручалось осуществлять строительно-монтажные работы под надзором на месте специалистов из США, согласованию графика строительства, обеспечивающего выполнение заданных проектом и договором сроков сдачи объекта, уточнению некоторых проектных увязок, связанных с разными строительными нормами в США и СНГ. В составе группы, руководимой ставшим с 1993 года заместителем директора комбината по КС А. В. Ращупкиным, были: главный инженер ЗУСа В. Я. Насибулин, начальник ЮПМ В. Е. Гудсон, нач. сметно-экономического отдела ЗУС В. Л. Дмитриев и главный инженер проектов по НГМК Л. Б. Бешер-Белинский. После оформления документов в соответствующих органах и МИДе республики, собеседования в посольстве США и получения визы на въезд, на что ушло немало времени и «щекотания нервов», приобретения авиабилетов (последнее было заботой уже не нашей) вылетаем международным рейсом Турецкой авиакомпании по маршруту «Ташкент–Истамбул–Нью-Йорк–Денвер». Читателю уже известно, что главные офисы кампании «Голден Ньюмент» и «Бейтман» дислоцируются именно в Денвере, штат Колорадо, город сложившийся в прошлом из небольших поселений золотоискателей во времена золотых лихорадок в США. В поездке нас сопровождает один из сотрудников фирмы «Бейтман» по имени Алекс (фамилию не помню, в дальнейшем буду называть сотрудников американских фирм, независимо от ранга по имени, иногда и условному, так как истинные не помню). Он инженер-механик, эмигрант из Одессы, уже несколько лет работающий в фирме и неоднократно побывавший в Зарафшане и Бесапане в процессе хода переговоров. Понятно, что все члены нашей делегации не владели никакими иностранными языками и в задачу нашего сопрово-

ждающего входили вопросы обеспечения нашего общения во время перелетов и мест пересадок с обслуживающим персоналом. Первое неудобство мы уже почувствовали при первой же пересадке в Стамбуле. Оказалось, что Алекс еще не гражданин США и не имеет соответствующего паспорта, поэтому он не может покидать пределов терминала аэропорта во все время ожидания очередного рейса «Истамбул–Нью-Йорк», а мы, граждане Узбекистана, имеем право и должны остановиться в пятизвездочной гостинице в городе, где оплачены каждому из нас одноместные номера. Получив от Алекса ЦУ, на двух такси отправляемся в гостиницу, где и провели вечер и ночь. Гулять по Стамбулу не решились, ограничились лишь небольшой прогулкой вокруг здания гостиницы, но почувствовали весьма напряженный ритм громадного портового города с, как нам показалось, мало управляемым большим потоком автомобилей, в котором преобладали легковые такси, отличающиеся особой расцветкой кузова и, как правило, одной и той же маркой малолитражного автомобиля турецкого производства. Многоэтажное здание гостиницы, обстановка в приемном вестибюле и холлах на этажах, приветливое обслуживание и доставка багажа в номера без владельца, просторные, прилично обставленные номера, широченные кровати, наличие в номере холодильников, бара произвели на меня (и других членов группы), до этого никогда не бывавшего в заграничных вояхах, благоприятное впечатление. После ужина в одном из гостиничных кафе-ресторане собрались в номере Анатолия Ращупкина, обменялись впечатлениями. На следующее утро после завтрака отправились к администратору, где произвели расчет и оказалось, что В. Насибулин все же воспользовался услугами бара в номере, считая, что это входит в суточную оплату, хотя большинство из нас так не считали и решили не пользоваться предлагаемыми в нем напитками и закусками. Наши предупреждения на Насибулина не подействовали и это стоило довольно приличную сумму в долларах, заплаченную Ращупкиным из выделенного командировочного на всю группу фонда, полученного главой группы. Прибыли в аэропорт, встретились в условленном месте с сопровождающим нас Алексом и благополучно отправились в дальнейший полет на просторном Боинге в Нью-Йорк, вернее в аэропорт городка Нью-Арк, где без всяких приключений, благодаря сопровождающему нас Алексу, прошли паспортные и таможенные процедуры и вылетели в Денвер.

В довольно большом терминале аэропорта в Денвере нас встретили представители от фирмы «Бейтман», недавно назначенный вице-президентом Майкл и представитель фирмы «Ньюмент Голд».

В составе встречающих был и переводчик. После обмена приветствиями отправились к ожидавшему нас довольно вместительному микроавтобусу марки «Форд», и нас доставили в гостиницу, где уже были заказано шесть одноместных номеров на третьем этаже – пять для членов делегации и один для размещения переводчика, который постоянно был при нас. Гостиница (если правильно помню) в переводе называется «Два дерева» (“Doubletree”), пятизвездочная, с полупансионом, т. е. с завтраком в кафе-ресторане на первом этаже по системе «шведский стол» и широчайшим выбором напитков и яств. Гостиничные номера были закреплены за нами во все время пребывания в США, несмотря на наши кратковременные выезды за пределы Денвера. Обслуживающие нас переводчики были из небольшой, но успешно работающей фирмы, организатором и владельцем которой был очень высокоинтеллектуальный и симпатичный молодой человек Константин, эмигрант из Ленинграда, сколотивший вокруг себя сплоченную группу специалистов-лингвистов, молодых людей, тоже эмигрантов из Ленинграда. Переводчики, находившиеся при нас круглосуточно, менялись по своему графику. На ответственных совещаниях (по-американски «митингах») в офисах и в поездках по Стране переводил и сопровождал нас лично Константин, прекрасно владевший и технической терминологией в обсуждаемых областях деятельности. Во все время нашего пребывания обслуживал нас водитель микроавтобуса Герри, средних лет высокого роста, светловолосый американец немецкого происхождения, доброго нрава, жизнерадостный и обходительный. Герри знал немецкий язык, и я оказался не плохим переводчиком и связным между группой и водителем в отсутствии официальных переводчиков (такие моменты бывали), за счет бытовых слов от изучения мною немецкого в школе и определенного запаса слов языка идиш из детства и общения с моей покойной бабушкой Ханой.

На следующий день утром в кафе к завтраку к нам присоединились вице-президент Майкл и водитель Герри, которые и доставили нас в офис фирмы «Бейтман», находящейся в другом районе Денвера. Я уже отмечал, что Денвер сложился из нескольких ранее возникших городков, имевших свои названия, и структура города как-то сохранила это деление, несмотря на разросшийся и индустриально, и территориально город, в котором имелся и свой «даун таун» («нижний город»), характерный для каждого большого и среднего американского города, деловой и торговый центр, состоящий в основном из высотных капитальных зданий стекла и бетона в отличие от одно- или малоэтажных зданий прочих районов.

На зеленой лужайке перед довольно большим по площади двухэтажном здании офиса была воздвигнута небольшая трибуна, украшенная красным полотнищем, по центру которого золотыми буквами было начертано “BATEMAN”. Нас приветствовали президент фирмы Гехард, худощавый, подтянутый, высокий и улыбающийся человек, вызывающий симпатию, несколько представителей фирмы в высоких рангах и уже нам знакомый инженер Алекс. Нас ввели в здание офиса, в вестибюле которого дежурила пожилая, приятной наружности и несколько старомодно одетая дама, пригласившая нас снять и повесить на вешалки верхнюю одежду (октябрь месяц, наружные температуры близки к нулевым). Ввели в малый конференц-зал, в центре которого большой полированный стол, окруженный креслами, на одной из стен большое полотнище флага Республики Узбекистан. Последнее обстоятельство вызвало особые чувства, на которые, очевидно, рассчитывали принимающие нас руководители. Забегая вперед, расскажу, что и в дальнейшем при наших посещениях производств и офисов разных фирм, куда нас приводили, в соответствующем месте красовался флаг Республики Узбекистан рядом с флагами США и символами соответствующих фирм, принимающих нашу делегацию. В США таким символам придается большое значение и выражается истинный, вошедший в сознание патриотизм. Нам представили основной состав лиц, которые будут участвовать в деловых переговорах, огласили основную программу пребывания нашей делегации в стране, предлагаемые принимающей стороной вопросы для обсуждения, выслушали и согласились с некоторыми предложениями и замечаниями к ним с нашей стороны. Затем нас провели по большинству помещений офиса с разъяснением функций размещаемых здесь сотрудников. Здесь я впервые увидел по настоящему организованную, обеспеченную необходимыми техническими средствами, комплексную систему автоматического проектирования, о которой в нашем институте (да и во всех проектных институтах Союза) уже много лет, еще со Советских времен существования СССР, мечтали, обсуждали, делали потуги, но так и не осуществили на практике до момента моего отъезда в Израиль, из-за отсутствия, или дефицита многих технических средств, постоянной нехватки финансирования, а, точнее говоря, из-за отсутствия «системного подхода» к этой проблеме, как модно было провозглашать в те времена.

Постараюсь не загружать читателя подробностями и техническими терминами деловой части переговоров, довольно напряженно проходивших в малом конференц-зале с 8 утра и до 17–18 часов

с перерывом на ланч, примерно в 12.30–13.30, который происходил в недалеко от офиса расположенном большом комплексе кафе «Спортивное» (в русском переводе). Здесь, в громадном крытом зале из легких строительных конструкций и стекла, на отдельно стоящих в разных уровнях площадках стояли большие обеденные столы, во многих местах по всему пространству подвешены большие видео-экраны, в которых непрерывно демонстрируются соревнования в разных видах спорта, документальные фильмы спортивной тематики и, куда бы ты не взглянул, то перед тобой мелькают кадры. Посетителей мгновенно обслуживают официанты, ассортимент предлагаемых блюд большой, порции обильные, но больше в виде сэндвичей, много приправ. Сэндвич таких размеров, что мне съесть его не представлялось возможным, и меня удивляло как принимавшие участие в застолье американские коллеги успешно поглощали их. Пешая прогулка по плиткам дорожек между ухоженными зелеными насаждениями молодого парка после плотного ланча и опять продолжение не всегда гладко идущих обсуждений. Так продолжалось не менее недели. В обсуждениях обязательно присутствовал и представитель фирмы-заказчика «Ньюмент Голд». В ходе переговоров были согласованы и приняты важные вопросы, включенные в окончательный договор между генподрядчиком «Бейтман», субподрядными организациями «ЗУС» и «ЮПМ». Это многие расценки видов строительных и монтажных работ, стоимостные показатели работы строительных механизмов, сроки и виды оплаты выполненных объемов работ, характер и объем поставляемых генподрядчиком строительной техники и емкостных конструкций и выделяемой строительной техники субподрядными организациями, характера и объемов емкостных конструкций, изготавливаемых и поставляемых субподрядной монтажной организацией. Мною были взаимоувязаны вопросы подхода и стыковки внешних автомобильной и железной дороги, линии внешнего энергоснабжения (электро, водоканализация), проектируемых нашим институтом, к строительной площадке и промышленному предприятию, где внутриплощадочные коммуникации проектировались специалистами «Бейтман». В ходе переговоров возник и довольно бурно обсуждался даже такой, казалось бы, простой вопрос, как обеспечить сохранность и предотвратить кражу специального, дорогостоящего инструмента, необходимого для каждого вида производства строительных и монтажных операций, которым будут обеспечиваться рабочие ЗУС и ЮПМ поставкой их генподрядной организацией. Укоренившаяся психология и либеральная советская практика дозволенности уноса

с производства (просто кражи) инструмента и некоторых материалов не устраивала американских партнеров, и нами совместно была разработаны положения и инструкция порядка выдачи, отчетности и материальной ответственности как административных подразделений, так и индивидуальных получателей инструмента. Замечу, что во время хода докладов, обсуждений, американцы спокойно отходили к имеющемуся специальному месту в зале, где располагался уголок-ниша с оборудованием для приготовления кофе, чая, имелся запас пакетиков сахара, его заменителей, булочек, конфет, наливали желаемое, садились на свое место и продолжали участие в дебатах. Присмотревшись к ним, и мы, не имевшие такой практики, приобщились к аналогичным действиям.

На заключительном этапе деловых переговоров был откорректирован и окончательно согласован график производства строительно-монтажных работ, увязанный с поставкой строительных материалов и оборудования, и предусматривающий общий срок строительства всех объектов совместного предприятия «Заравшан-Ньюмент» со дня начала и до его окончания – 14 месяцев.

После трудового дня нам подавался наш автобус, отправлялись в гостиницу, где после недолгого отдыха и анализа результатов деловых переговоров прогуливались по территории гостиницы и окрестностях, а к 20 часам, как правило, к нам в гостиницу появлялись представители принимающих фирм, и мы отправлялись в тот, или иной район города, в ресторан (каждый раз другой) национальной кухни – французской, мексиканской, русской, индейской и др. Каждый заказывал обед по своему вкусу. И здесь порции не под силу освоить советскому человеку, несмотря на очень приятные вкусовые качества и прием достойных напитков. В застолье произносятся тосты за успешность переговоров и осуществление проекта, в адрес присутствующих участников. Обстановка в ресторанах довольно приятная, нет оркестров и танцев, вполне можно общаться и вести беседу. Особое впечатление произвели на нас посещения специализированных увеселительных мест. В один из вечеров мы побывали в ресторане, в котором в дополнение к специфической индейской кухне стены и потолок зала увешаны разнообразными мужскими галстуками, которые ранее были отрезаны у посетителей. Происходило это так – группа из разодетых в экзотические костюмы прошлых лет ковбоев, под барабанный бой и гиканье приближаются к столу гостей и один (одна) из них большими ножницами отрезает надетый на госте галстук под завязанный узел и торжественно каждый «пострадавший» награждается стаканчиком специфического

крепкого напитка. Организаторы просят на бумажке написать имя и страну проживания «обрезанного» и это в дальнейшем пишется на галстук и вывешивается в зале. Процедура проходит очень весело и под аплодисменты окружающих гостей.

В один из выходных дней (суббота–воскресенье) нас в сопровождении президента Гехарда и вице-президента Майкла, их супруг и еще двух представителей принимающей стороны привезли в развлекательный комплекс в большом и высоком ангаре, основную площадь которого занимал несколько поднятый деревянный, овальной формы помост с невысоким заборчиком по всему внешнему периметру, а по периферии самого зала на разных отметках от пола размещались широкие площадки-балконы с разным количеством столиков и столов для посетителей, обслуживаемых официантами. На каждый такой балкон можно было подняться по довольно крутым лестничным маршам. Очевидно, один такой балкон был заранее заказан для нашей компании. В меню числились разнообразные крепкие и прохладительные напитки, мороженое, легкие закуски. Во многих местах и тоже на разных уровнях смонтированы репродукторы, из которых звучала приятная музыка с приемлемой громкостью. Разместились за столом, заказали питье и закуски по желанию каждого участника и пошел светский разговор, естественно с переводчиком, неизменно сопровождавшем нас). Через некоторое время из репродукторов было объявлено о начале танцев и зазвучала приятная мелодия с четким ритмом, характерном для испано-индейского характера. Нам помосте возникли и быстро увеличивалось число танцующих пар, одновременно выполняющих красивые движения национального бального танца. Мы с удовольствием наблюдали за этим весьма радующим глаз и слух зрелищем. С небольшими перерывами сменялись ритмы, мелодии и танцы продолжались каждый со своими па, но все в том же спокойно-красивом стиле, с грациозными выпадами и оттенком превосходства женской участницы. На подиуме появились и пары, выполнявшие танцы в стиле привычных для нас танго, фокстрота и современных танцев и это сподвигло меня и некоторых других из нашей делегации приглашать дам нашей компании на очередной танец. В какой-то момент нам (гостям) предложили пройти по залу и завели в одно из помещений, оказавшемся фотосалоном, где нас быстренько облачили в разные костюмы, вручили соответствующие им атрибуты ковбоев и других экзотических персонажей прошлых веков и зафиксировали несколькими снимками на фотоаппарате, внешне тоже выглядевшем прищельцем из тех же времен. Буквально через 15–20 минут

нам (каждому) вручили цветные фотографии, явно выполненные современными фототехническими средствами. Мы замечательно и интересно провели и этот чудный вечер.

Я рассказываю об интересных с моей точки зрения отдельных событиях во время пребывания в США не в хронологическом порядке, имея ввиду, что это не имеет значения, да и просто могу уже и не помнить их последовательности.

Однажды, в ходе переговоров в офисе «Бейтман», нам был представлен один из потомков основателя этой фирмы, которая была создана в начале двадцатого века, кажется в 1909 году. Это был уже немолодой, сухощавый, стройный, облаченный в строго официальный костюм человек, в настоящее время не состоящий в руководстве фирмы, но продолжающий гордиться продолжением существования и процветанием фирмы, созданной его предками.

В один из дней строго к 11 часам дня нас привезли на встречу с президентом известной во всем деловом мире, солидной фирмы «Ньюмент Голд», повторюсь, являющейся со стороны США договорной стороной по созданию совместного предприятия «Заравшан-Ньюмент» в Мурунтау. Офис этой фирмы находился на двух этажах (кажется 11–12 высотного здания-небоскреба в деловом центре Денвера (даун-тауна). Во входном, высотой в два-три этажа, прекрасно отделанном дорогими сортами гранита и мрамора, украшенного настенной инкрустацией и цветочной архитектурой вестибюле этого высотного комплекса подошли к одному из нескольких скоростных лифтов, в котором и попали на необходимый этаж прямо в помещения, занимаемые фирмой «Ньюмент». Пройдя по широкому коридору остановились в солидно обставленном кабинете одного из высокопоставленных руководителей фирмы, в сопровождении которого мы были введены в довольно большой зал заседаний, в центре которого устроен возвышающийся овальной формы, как бы, бассейн, окаймленный с внешней стороны барьером из дорогих сортов дерева и заполненный цветочной композицией, а вокруг него широкие полированные до зеркального блеска столы, оборудованные всем необходимым для участника деловых совещаний и с удобными креслами. Ровно в 11.00 в зал вошел и устроился на председательском месте довольно солидного возраста, седовласый, с ухоженным лицом и прической, в идеально сидящем на нем дорогом костюме и галстук человек. Присутствующие приподнялись с мест, приветствуя президента в ответ на его приветствие. После обмена несколькими словами с сопровождающими нас сотрудниками двух фирм принимающей стороны, президент

в 10-минутном выступлении коротко рассказал о характере своей фирмы и географии ее деятельности (США, Южная Африка, Южная Америка и др.), высказал свое удовлетворение ходом сделки по созданию совместного предприятия, надежду на ее успешное завершение, просил передать привет и наилучшие пожелания нашему шефу Николаю Ивановичу Кучерскому. Все это мы поняли из синхронно ведущегося перевода. Наш руководитель группы поблагодарил президента за оказанный прием и интересный рассказ. На этом наша встреча закончилась, нам показали выставленные в одном из залов макеты некоторых производств по добыче и переработке золотых руд, строящихся в разных регионах, показали ряд фирменных рекламных проспектов. По выходу из здания, сопровождающие нас предложили прокатиться на единственном в центре Денвера (даун-тауне) небольшом маршруте трамвая, обслуживающему пассажиров бесплатно. Мы согласились и действительно получили удовольствие от увиденного – небольших, полуоткрытых вагончиков с небольшим количеством мест для сидения и просторными площадями для проезда стоя. Пешком от остановки трамвая прошли на обед в русский ресторан. Уже в больших витринах ресторана зала красовались постеры многих плакатов, очень модных в разные времена советского периода в СССР с сопровождавшими их надписями. В довольно большом же зале между столиками сновали официанты, облаченные в разные костюмы дореволюционного периода (приказчики в картузах), послереволюционного периода тридцатых годов и более поздних лет. Даже в туалете, куда мы отправились помыть руки, висели плакаты и портреты разных бывших руководителей Партии и Правительства, особенно «Горби» (М. Горбачева, в разных видах – в «дружески шаржевом» и реалистическом исполнении). Обратил внимание на большой известный плакат «Болтун – пособник шпиону!» Нас довольно быстро обслужили и каждый заказал на свой вкус истинно русские (и не только – скорее советские национальные) блюда. Я, например, довольствовался украинским борщом и сибирскими пельменями, кстати, очень профессионально приготовленными. Официанты оказались довольно разговорчивыми на русском и, показалось нам, слишком назойливыми, стараясь как можно больше выудить у нас откуда и с какой целью мы в США и прочие обстоятельства, что нам показалось подозрительным – не они ли работают на ЦРУ?

После плотного графика ежедневных деловых переговоров и вечерних культурных мероприятий в течение больше недели, нас Майкл завез в большой магазин-склад, привел в отдел рабочей

одежды и предложил каждому по своему вкусу выбрать себе комплект, начиная с обуви, брюк, куртки, пальто-плаща, и кончая шапочки и кашне, пояснив, что мы отправляемся завтра в штат Невада на знакомство с действующими и строящимися предприятиями фирмы «Ньюмент Голд», посещение которых допускается только в спецодежде, а с учетом времени года необходимо быть ей и теплой. На экипировку ушло не менее полутора–двух часов, так как выбор был не просто большим, а бесконечным! В заключение нам предложили приобрести и по удобной сумке или чемоданчику для упаковки приобретенной спецодежды.

На следующий день утром мы на нашем микроавтобусе прибыли в один из небольших аэропортов вблизи Денвера в сопровождении двух американцев, одним из которых был уже знакомый нам русскоязычный, довольно высокого роста, круглолицый сотрудник фирмы «Бейтман» Феликс (имя условное), а второй – англоязычный, не менее высокий, но более спортивного склада, симпатичный, черноусый молодой человек, Генри (условно), представитель фирмы «Ньюмент Голд». Здесь нас уже ждал заправленный и готовый к полету двухмоторный самолет частной фирмы с двумя пилотами, тоже спортивного вида, одетых в одинаковые джемперы красного цвета и при галстуках, которые нас любезно пригласили занять места в салоне. Здесь всего восемь удобных мягких кресел, у каждого из которых небольшие столики с выемками для установки сервировочной посуды, ближе к пилотской кабине имеется устройство с минишкафом и холодильничком, где можно взять одноразовые стаканчики и тарелочки, налить кофе или напитки. Нас семеро, а на восьмом месте стоит специальный ящик-чемодан, в котором, как оказалось несколько позже в полете, запас крепких напитков и закусок в виде бутербродов с разными деликатесными начинками.

Взлетаем и по мере набора высоты под нами разворачивается панорама городков и поселков, лесов, полей и сельхозугодий на равнине, а затем и все более поднимающихся гор. Набрав высоту в десять тысяч метров, уже выше довольно плотных облаков, когда не видно земной поверхности и нет необходимости прилепливаться к иллюминаторам, по предложению сопровождающих ведем общий разговор под медленный прием напитков и закусок. Приятная отделка и очень хорошая герметичность кабины располагают к общению и спокойному обмену впечатлениями. Через два – два с половиной часа самолет стал снижаться, «протаранил» облачность, и мы опять старались видеть земную панораму, где среди безжизненных, разной высоты гор и межгорных долин серо-желтого цвета

иногда появлялись кажущиеся маленькими картинками промышленных площадок, вернее горных работ – карьеров с прилегающими к ним строениями производственных, административных зданий и временного жилья. Это уже была территория штата Невада. Вскоре открылась панорама большого городка с капитальными строениями, прямыми по линейке улицами – это город с населением в 20–25 тыс. человек по названию Элко, один из административных центров горнодобывающей промышленности в штате Невада. Пролетели мы на запад более тысячи километров.

Нас встретили представители фирмы «Ньюмент Голд», среди которых оказался и переводчик Константин, заранее отправленный сюда из Денвера. Устроились в гостинице, не уступающей по оформлению и комфортабельности тем, что находятся в крупных городах, хотя здесь далекая провинция. После непродолжительного отдыха, нас перевозят на обед в местный ресторан, где уже сервирован большой общий стол на всех приглашенных, и застолье с соответствующими тостами, приятными пожеланиями и уверениями в успешном проведении предстоящих работ и общения, продолжалось несколько часов до позднего вечера. Затем нам предложили пройтись пешком по городку, и мы были удивлены обилием светящихся красочных рекламных щитов и вывесок на зданиях, превращающих городок в сказочный, неузнаваемый вид по сравнению с дневным. Мы подошли к одноэтажному, но высокому и большому по фронту зданию, особенно отличающемуся цветной и красочной иллюминацией. Это было казино под названием «Красный лев». Нам предложили войти сюда, и мы были поражены необычной для нас обстановкой, большим числом посетителей разных возрастов, разнообразием видов и характеров игр и средств развлечений, предлагаемых посетителям, спокойной атмосферой, доброжелательностью и предупредительностью обслуживания. Каждый из нас попробовал безуспешно «сразиться» с «одноруким бандитом» – автоматом (при консультации местных сопровождающих). Конечно, нас, носителей советской психологии, поразило увиденное и мы поняли, что «казино» не такое уж губительное учреждение, как мы себе представляли, а вполне легитимное учреждение культуры и времяпровождения.

На следующий день, облаченные в спецодежду, мы в сопровождении представителей фирм из Денвера, сотрудников местного управления производствами корпорации «Ньюмент Голд», на довольно вместительном миниавтобусе отправились в путь на промышленные объекты. Прекрасное шоссе выходящее с востока на запад по низменной местности, просматриваемой на сколько глаз

глядит, виднеющаяся слева и параллельно идущая Трансневадская железная дорога, по которой периодически возникают движущиеся составы поездов, встречные и даже обгоняющие нас, едущих с немалой скоростью, громадные, сверкающие яркими красками и чистотой кузовов 40-тонные полуприцепы, бескрайняя, покрытая зрелым ковылем степь, довольно часто встречающиеся пасущиеся группы бычков – все это навевает какое-то благодушное настроение в противовес сложившимся ассоциациям при звучании слова «Невада», связанными с часто ранее упоминаемыми в средствах массовой информации производством атомных испытаний в этом американском штате. Местность иногда меняет очертания, степь сужается грядами холмов, и тогда авто- и железнодорожная магистрали приближаются, даже пересекаются переездами или в двух отметках. Редко встречаются небольшие поселки или промышленные площадки каких-то производств.

Километров через 70–80 останавливаемся в относительно большом населенном пункте с торговыми точками, автозаправкой, на специальной площади которой устроены места для отдыха дальнотойщиков. Мы подходим к группе фургонов-полуприцепов и, пользуясь доброжелательными разрешениями водителей, рассматриваем устройства кабин этих монстров. Просторные, хорошо оборудованные, со специальным спальным местом (по два водителя), кондиционерами и многими, неизвестными нам приборами и средствами кабины, сверкающие чистотой, сами кузова выглядят как будто только что вышедшими с заводского конвейера.

Отсюда отправляемся на север от автомагистрали тоже по хорошему шоссе и вскоре среди пустынной местности возвышаются компактно расположенные агрегаты, вертикально стоящие емкости, множество трубопроводов, все раскрашено разными красками – явно химическое производство. Заезжаем на просторную заасфальтированную площадку перед въездными воротами высокой ограды, окаймляющей производственную территорию. На площадку вышел с конторки человек и пригласил всю компанию войти на территорию предприятия, где нас встретил управляющий и один из сотрудников компании, называемой «Цаянко». Это полностью автоматизированный комплекс по производству жидкого цианистого натрия, обеспечивающего потребности всех золотоперерабатывающих предприятий штата. Нам любезно предложили осмотреть цеха. Но в первую очередь мы увидели развевающиеся на высоких флагштоках знамена – одном США и фирмы «Цаянко», а на другом Республики Узбекистан.

Вся сложная аппаратура и трубопроводы расположены на открытом воздухе, лишь несколько легких помещений, в которых размещаются небольшие ремонтные мастерские со складом запасной сложной аппаратуры и приборов автоматики и одноэтажное помещение административно-бытового назначения, где размещены оперативно-диспетчерский пункт с большой мнемосхемой производственного процесса, маршрутов средств перевозки готовой продукции к местам потребления, пульта управления и средств связи. К территории комплекса подведена железнодорожная ветка, по которой поступают исходные материалы и отправляются цистерны с готовой продукцией. Над ж.д. ответвлениями оборудованы соответствующие эстакады для разгрузки и погрузки цистерн и платформ. Осмотр производственного процесса с объяснением продолжался не долго, в силу компактности аппаратурного оформления, и уже в помещении диспетчерского управления мы выслушали краткий, но очень интересный рассказ управляющего об успешных делах фирмы, весьма положительных технико-экономических показателях деятельности, высоком качестве продукции и постоянном четком выполнении договорных обязательств по обеспечению продукцией заказчиков. Фирма вырабатывает продукцию, собственными средствами перевозит ее к обусловленным местам заказчиков, следит за постоянным наполнением этих мест (расходных складов). Безопасность перевозок весьма ядовитого вещества полностью лежит на фирме. Авто и ж.д. цистерны изготовлены из специальных металлов (двойная оболочка), каждый маршрут связан специальной связью с оператором-диспетчером фирмы и на мнемосхеме видны в реальном времени места нахождения каждого транспортного средства, в распоряжении диспетчера имеется аварийно-спасательная бригада. В каждой из четырех круглосуточных смен на производстве дежурит специалист, оператор-диспетчер с одним помощником и малочисленная бригада аппаратчиков-слесарей (кажется по три человека), обеспечивающие полный цикл работ по производству продукции, приему и отпуску исходных материалов и продукции, слежению за маршрутами и связи с ними, учету и оформлению документов. Всего, вместе с руководством фирмы, в ней трудится до 30 человек высококвалифицированных кадров, получающих достойную оплату труда, и особой гордостью сплоченного коллектива является работа без профсоюзной организации.

Минут через 30–40 дальнейшего пути меняется характер ландшафта, предгорья, переходящие в горы и долины меж ними разной ширины. Несколько в стороне от основной дороги, куда мы направ-

ляемся, шлагбаум с будкой КПП, за которым открывается площадка с многочисленными одноэтажными строениями. Это здания всех необходимых для функционирования горнодобывающего открытым способом предприятия – адмбытовой комбинат, складские помещения, объекты энергетики, несколько поодаль жилые помещения, все это исполнено в довольно легких строительных конструкциях. Между строениями растут кустарник и не очень высокие деревья, радующие глаз на фоне безжизненного серо-желтого цвета склонов гор. Знакомство с руководителями рудника, разрабатывающего золотое месторождение «Голд Кворри Майн», кампании «Ньюмент Голд», обмундировываемся защитными касками и на автомобиле отправляемся к месту горных работ. Со специально устроенной смотровой площадки на борту открывается панорама довольно уже глубокого (более 200 метров), с четкими границами отработанных и действующих уступов, работающих в них экскаваторов и движущихся автосамосвалов карьер. Отработанные уступы буквально блестят зачищенными и доведенными до проектных уклонов бортами, на уступах не видно оставленных некондиционных глыб. Оказавшийся недалеко от нас инженер-маркшейдер добавляет нам ряд сведений по параметрам и небольшой истории развития горных работ на этом карьере. На машине спускаемся на нижний действующий горизонт, наблюдаем за экскавацией и погрузкой самосвалов, четко и маневренно действующего самоходного автопогрузчика. В ответ на вопросы узнаем, что машинисты погрузчиков, экскаваторов, водители автосамосвалов – это горнорабочие высокой квалификации, владеющие всеми указанными профессиями и в ходе производственного процесса могут пересеживаться с одного вида механизма на другой, чтобы избежать от усталости монотонного действия. Обращаем внимание и на квалифицировано выполненные мероприятия по сбору и отводу водопритоков, правда не очень обильных, но с учетом возможного сезонного их увеличения.

После возвращения на прикарьерную площадку, сдачи касок, мытья рук, мы были приглашены в столовую и нас угостили простым горняцким обедом, в ходе которого первый руководитель рудника между тостами, объяснил нам, что рабочий персонал трудится здесь по вахтовому методу по 12 часов в день с двухнедельным циклом. Отдыхают в домиках-общежитиях. Постоянным же местом их и семей проживания является город Элко.

Возвратились в гостиницу в Элко уже вечером. На следующий день с утра нас также увезли по тому же маршруту, но несколько дальше по магистрали и по другому маршруту от него. На сей раз

нас привезли на одно из месторождений, где шли строительные работы по созданию предприятия по кучному выщелачиванию золота из забалансовых руд, аналогичное запроектированному в Зарафшане. И если во время вчерашнего посещения горных работ в карьере наибольший интерес проявлял я, имеющий практический опыт горный инженер, то те виды работ, которые нам продемонстрировали здесь, вызвали живейшую заинтересованность, активность и любопытство всей группы, задавалось много вопросов и внимательно выслушивались пояснения. Нам повезло в том плане, что ко времени нашего посещения на разных участках этой стройки велись практически всех видов и на разных стадиях состояния строительно-монтажные работы объектов перерабатывающей установки и создания рудной кучи от подготовки ложа, устройства гидронепроницаемого экрана, подушки пропитывания, монтажа коммуникаций и насыпки собственно кучи исходным сырьем из отвалов.

Начну с того, что прежде чем попасть непосредственно на строительные площадки нас одели в жилеты яркой окраски и белые каски, отражающие принадлежность к определенной фирме-участнице стройки, и провели словесный инструктаж по правилам безопасности и поведения на стройке. Каждая подрядная строймонтажная организация имеет такие же жилеты и каски, отличающиеся своей раскраской и цветом. Я не буду загружать подробностями и терминами. Обратили внимание на большое разнообразие различных самоходных и стационарных подъемников, погрузчиков, разных видов контейнеров для перевозки, подачи строительных материалов, конструкций к местам работ. Внимательно рассмотрели виды спецодежды и поясов, которыми снабжены рабочие и размещение на них многих видов инструмента и приспособлений, которые необходимы и применяются на многих производимых ими операциях в процессе работы. Мы были участниками составления инструкции по условиям выдачи и сохранения как раз этого или подобного инструмента. Бросилось в глаза и довольно хороший порядок на стройплощадках, отсутствие захламленности, минимальный запас материалов и конструкций располагался на определенных местах и не на почве, а соответствующих помостах, или подкладках.

Особое место, интерес для всех и наибольшее время занял внимательнейший осмотр материалов, аппаратов и приспособлений, способов укладки, производства сварки стыков, проверки их надежности на возведении герметического, водонепроницаемого экрана на большой площади. Это как раз те материалы, приспособления и процессы работ, которые не имелись в СССР и теперь уже в стра-

нах СНГ, и которые были тем барьером, который затормозил широкое и промышленное развитие кучного выщелачивание золота у нас. Если удастся, то помещу в книгу несколько фотографий этих работ. Осмотр всех указанных производств и работ занял весь светлый день и, весьма удовлетворенные, мы возвратились в Элко глубоко вечером, после ужина, бурного обмена мнениями провели последнюю здесь ночь в глубоком сне и утром следующего дня, после плотного завтрака и прощания с местными руководителями, отправились на аэродром, где нас все это время ожидал готовый к полету прекрасный «самолетик», на котором мы благополучно прибыли в Денвер. Нас с восторженными возгласами встретил Герри и на не менее прекрасном, сверкающем чистотой миниавтобусе доставил в гостиницу.

В Денвере продолжились обсуждения договорных вопросов, посетили фирму «Саймон Корпорэйшн», производящую многие виды оригинальных конструкций опалубок для производства бетонных работ, прослушали ряд докладов руководителей специализированных групп проектной части фирмы «Бейтман» и провели более подробное ознакомление с рабочими местами проектировщиков, их обустройством и оснащением. Еще раз удивило увиденное и услышанное, каждое рабочее место, отгороженное легкими, но звукопроницаемыми перегородками, оснащено ПК, на котором в реальном времени производятся расчеты и графическое изображение принимаемых решений, на законченном этапе решение передается на центральный компьютер, с которого каждый участник может получить его и вносить свои дополнения по его специализированной части проекта. В центральном зале, оборудованном всеми необходимыми техническими средствами, можно получить готовые чертежи, расчеты и пояснительные записки на любой стадии разработки и окончательные в составе проекта. Ничего подобного, могу с полной уверенностью заявить, в проектных институтах бывшего СССР и СНГ на тот период не было.

Может быть мой такой подробный рассказ о деловой поездке в США несколько подробен, не все мои оценки понравятся некоторым читающим, но я решил продолжить его, так как все нами увиденное, услышанное и осмысленное существенно изменило мое (и, как мне показалось, всех участников поездки) представление о капиталистическом образе устройства и жизни государственного общества.

Через пару дней мы в сопровождении Феликса и Генри вылетели в один из крупнейших городов США и морского порта на Мекси-

канском заливе – Хьюстон. Здесь разместились в фешенебельной гостинице в центре красивейшего мегаполиса с прекрасным «зимним садом», многочисленными холлами, кафе и ресторанами. В деловой части поездки мы посетили громадный морской порт. Нам показали, как идет формирование, комплектация больших морских контейнеров материалами и оборудованием для погрузки на морские суда и отправки их через Хельсинки (Финляндия), а затем уже сухопутным транспортом в Зарафшан для строительства совместного предприятия «Заравшан-Ньюмент». На наш вопрос, почему выбран именно такой маршрут, получаем разъяснение, что это самый надежный и экономичный из множества просчитанных вариантов, проведенных специальной группой специалистов. Вторым объектом посещения стал большой завод резинотехнических материалов, в общем объеме разнообразной продукции которого наибольший удельный вес составляют специальные пленки со многими характеристиками по химической стойкости, сопротивлению разрыву, толщине, размерам полотнищ, потребляемых многими заказчиками, в том числе тех, что применяются на создании ложа кучного выщелачивания и виденных нами на посещенном участке в Неваде. На заводе имеется научно-технический отдел и мастерские, где разрабатываются, создаются и совершенствуются специальные аппараты и приборы для сварки, проверки прочности и других манипуляций с выпускаемыми материалами, применяющимися на практике.

В порядке культурной программы мы посетили Американский центр управления космическими полетами НАСА, занимающего огромную территорию, на которой размещаются здания и сооружения научных, экспериментальных работ и испытаний, мощных средств космической связи, главный центр управления, музей истории и развития космонавтики. Посетители-туристы организуются в группы, усаживаются в довольно вместительные электромобили, на которых передвигаются по территории к разрешенным корпусам и местам посещения. Таким образом мы побывали в легендарном, действующем центре управления непосредственно полетами, проходя по галерее, отделенной от остального зала застекленной перегородкой, и наблюдали действия персонала, отражаемые на больших экранах. Также большое же впечатление оставил и музей, в котором в натуральную величину размещены кабины, отсеки космических кораблей со всей начинкой, куда можно войти и ощутить себя в роли космонавта («астронавта» в американской лексике).

Не могу не описать некоторый шок, вызванный у нас в первые же часы пребывания в гостинице, где, после устройства в номерах,

нас привели в кафе-бар и в порядке подготовки к обеду предложили выпить по бокалу пива, или других напитков, сыграть в бильярд, столы которого стояли здесь же. На стоящих полированных до зеркального блеска деревянных столах стояли ведерки, наполненные поджаренным в кожуре арахисом. Мы немедленно, не ожидая подачи наполненных кружек с пивом, стали с большим удовольствием угощаться вкуснейшими орешками и стали искать место для сбрасывания кожуры. Таких мест, урн не оказалось и, заметив нашу неловкость, нам сказали, что можно сбрасывать весь этот мусор на пол!? А пол, также, как и столы, блестел чистотой и глянец паркета. Несколько смущаясь и глядя на наших сопровождающих, мы стали так делать и быстро освоились с этим «безобразием».

Зеленый, ухоженный, с разнообразной архитектурой зданий, отражающей разные периоды создания, громадный по территории, по которой нас провезли на миниавтобусе, Хьюстон оставил незабываемое впечатление.

Мы опять в Денвере. О делах больше не буду. Нас, естественно, интересовали и вопросы жизни, быта американцев, простых и не очень, и нам такая возможность представилась. Мы побывали на большой ярмарке, территория которой устроена на окраине Денвера. Это огороженная и благоустроенная со специальными КПП для проезда во внутрь, где много зданий, в которых размещаются магазины, кафе, рестораны, места стоянок автомобилей, ряды длинных стоек с разложенными товарами индивидуальных торговцев разными товарами, в том числе бывшими в употреблении. Въезд на ярмарку платный, за каждого человека 2 доллара. Удивляет многообразие и красочность не только товаров, но и нескончаемого числа посетителей разных национальностей и цвета кожи, часто одетых в национальные костюмы или отдельные предметы национальных одежд. Много выходцев из стран юго-восточной Азии – китайцев, корейцев, тайцев, вьетнамцев, стран Южной Америки и др. Товары тоже производства разных стран, с большим разномом качества и, в зависимости от последнего, стоимости. Мы разбрелись кучками (с нами было несколько переводчиков) и долго осматривали, даже кое-что приобрели, торговые точки, попробовали некоторые экзотические кондитерские изделия, предлагаемые их разносчиками, и в условленное заранее время собрались на стоянке у нашего автобуса. Возвратились в гостиницу к вечеру.

В один из приближающихся к концу нашего пребывания вечеров мы были приглашены на прием, устроенный супругой вице-президента Майкла в их квартире. Они снимали квартиру в одном

малоэтажном доме престижного района. Кроме нас с переводчиком Константином были приглашены супружеские пары президента Герхарда и вице-президента по экономическим вопросам. Квартира соответствовала американским (отличающимся от наших) стандартам, в которых кухня, практически не применяемая для полноценного приготовления пищи, отделяется от салона-столовой лишь стойкой, через которую и передаются подогретые из полуфабрикатов блюда, добротный обставленный, но небольшой салон, переходящий в более суженную часть, где установлен обеденный стол со стульями. Стол сервирован на число приглашенных. До прихода всей компании идет светский разговор, несколько натянутый по причине необходимости перевода и некоторого смущения нас, «совков», необычностью обстановки и составом общающихся, особенно женщин. Тем не менее, после приема аперитива наше смущение исчезает и за столом идет ровный обмен мнениями по результатам некоторых вопросов переговоров, а больше на бытовые и общечеловеческие темы. Тосты за благополучное возвращение на Родину, за будущие встречи на Узбекской земле.

В один из уикендов с подачи одного из сотрудников фирмы «Ньюмент Голд» близко знакомого с управляющим большого ранчо, владельцем которого был один из крупных американских миллиардеров, нам была устроена поездка в это хозяйство. Расположено оно километров в 120 от Денвера, на низменном плато в предгорьях. Нашу группу сопровождал сотрудник фирмы Генри, представитель фирмы «Бейтман» – ответственный секретарь-женщина, два переводчика (молодой человек из Ленинграда, обучающийся в университете Денвера, и молодая женщина), Герри и его гражданская жена. Несколько более часа езды по прекрасному шоссе, без остановок через несколько ярко раскрашенных рекламными щитами и вывесками городков, и мы у цели. Останавливаемся у группы одноэтажных домов, выстроенных впритык друг к другу под разными углами, выходим из автомобиля и, в ожидании ушедшего во внутрь нашего сопровождающего, входим в одно из помещений, где неожиданно видим, как два молодых человека купают, поливая шампунем, вытирают и «причесывают» стоящего в специальном стойле упитанного, красивой осанки бычка, спокойно принимающего совершаемые над ним действия. Нас приглашают внутрь другого помещения, и после прохода ряда коридоров мы оказываемся в хорошо обставленном офисе, где нам предлагают кофе и прохладительные напитки, а хозяин кабинета с кем-то переговаривается по телефону. Минут через 15–20 мы приглашаемся на выход и усаживаемся в два специальной

конструкции автомобиля, крытые кузова которых имеют открытые боковины, дающие возможность сидящим в три ряда пассажирам свободно обозревать окрестность. За рулем первого (в который сел и я) сам управляющий большим хозяйством, солидный, под полсотни лет, облаченный в комбинезон седовласый человек, перед ртом которого торчал микрофон, усиливающий звук его речи через расположенные в кузове репродукторы. Точно также был оборудован и второй автомобиль, ведомый другим сотрудником. Поехали по хорошо укатанным грунтовыми, не широким дорогам, между большими по площади и бескрайними картами еще зеленеющих, но разной высоты на разных картах, стеблей кукурузы 50-, 75- и 90-дневного срока произрастания. Из объяснения стало ясно, что это, практически круглогодично выращивающиеся корма для содержания бычков, идущих на реализацию для производства мяса. Через некоторое время передвижения мы увидели сооружения, где содержались бычки и площади для их выгона и выпаса, а еще на некоторых зеленеющих другими растениями картах – пасущихся, беременных коров, разных расцветок кожи. Бычки же, виденные нами, были исключительно насыщенной рыжей масти. На мой вопрос как же достигается одномастность потомства, если коровы разномастные, получил ответ, что коровы не имеют отношения к породе бычков, а являются лишь средством вынашивания искусственно внедренных также искусственно полученных элитных эмбрионов. Через некоторое время среди ухоженных полей возникло довольно солидное здание, куда мы были приглашены и оказались в солидно обставленном научно-исследовательском центре с целым рядом лабораторий, где трудятся дипломированные всеми известными степенями ученые и специалисты, занимающиеся селекцией, выращиванием эмбрионов с заказанными свойствами (по полу, цвету окраски, количеству близнецов и др.) крупного рогатого скота, способами их выращивания, выведением и созданием новых сортов кормовых культур и рационов питания бычков и многими другими темами, способствующими экономической эффективности производства. Один из ученых стал очень подробно, детально излагать суть некоторых опытов, считая, что перед ним специалисты-коллеги, но мы остановили его, объяснив ограниченность нашего любопытства.

По маршруту обратного пути нашему вниманию бросилась очень интересная картина – прямо внутри карты с посевами кукурузы высится буровая установка, окруженная деревянным помостом, на котором размещены оборудование, колоны буровых штанг и обсадных труб, емкости для бурового раствора. Идет процесс бурения, а во-

круг нет никаких проливов, грязи и прочих неприятностей, обычно сопутствующих буровым работам в наших краях. А через какое-то расстояние мы увидали и действующую «качалку» по извлечению нефти, также не мешающая выращивать зеленую продукцию в непосредственной близости. Оказывается, можно сочетать такие, как бы несовместимые, производства и процессы даже когда они принадлежат разным хозяевам!

Нам показали ферму, где выращивают, воспитывают и обучают скаковых лошадей, реализуемых затем на ярмарках и аукционах за крупные суммы. Это были красавцы разных пород и окрасок, радующих глаз и дающих прилив радости. Поездка заняла весь день, и мы были очень благодарны устроителям за предоставленную нам громадное удовольствие.

Еще об одном, доставившем нам громадное удовольствие походе, заранее запланированном принимающей стороной – это посещение баскетбольного матча на стадионе «Мак-Николс Арена» между командой «Денвер Наггетс» и ее соперником (не помню названия) в рамках соревнований НБА. При входе в зал нам (в числе многих первых посетителей) каждому вручили по специально изготовленной фирменной с эмблемой команды «Денвер Наггетс» шапочке. Красочно оформленный, большой зал с ареной, полностью заполненные болельщиками трибуны, звучащая музыка и общий гул, летающие модели дирижаблей с какими-то плакатами-рекламами, снующие разносчики мороженого и напитков. Живая игра высоких, крепких, в основном с черным отливом блестящих тел «монстров», выделяющих виртуозные кульбиты с мячом, мгновенно появляющиеся на арене группы гимнастов, танцоров, занимающих публику во время секундных пауз в игре, произвели особенно на меня, никогда не видавшего до этого (да и после этого) баскетбола на стадионе, а только по телевизору, неизгладимое впечатление. Игра-спектакль продолжалась почти 3 часа и ничуть не потеряла интереса и шумного реагирования трибун на каждый острый момент, складывающийся у щитов с сетками, и удачные броски.

Буквально в предпоследний день до отлета из Денвера наша группа была приглашена на обед в дом уже известного читателю сотрудника фирмы «Бейтман», сопровождавшего нас из Ташкента в США, неоднократно общавшегося с нами в ходе деловых встреч, Алекса. Семья Алекса, состоящая из супруги и двух взрослых молодых дочерей, эмигрировавшая в США 5–6 лет назад из г. Одессы. Он, инженер-механик, эмигрировавший первым, очень тяжело трудился на разных подсобных работах (погрузка, развозка пиццы на

мотороллере и др.), осваивал язык и, наконец, был принят на работу в «Бейтман», после чего смог вызвать сюда, в США членов семьи. Супруга, врач-педиатр, уже более 10 лет занимавшая должность заведующего детским отделением поликлиники, почти три года проходила необходимые курсы языка и медицинских дисциплин, упорно занимаясь по 12–14 часов ежедневно, смогла подтвердить квалификацию и получить американский сертификат, который сразу дал ей возможность получить достойную работу и соответствующий заработок, 80 тыс. долларов в год, что было в два раза больше получаемого ее супругом. Старшая дочь уже трудилась агентом по продаже недвижимости после окончания учебного заведения, а младшая – продолжала учебу. Как только мама-врач стала на ноги, а произошло это совсем незадолго до нашего прибытия в Денвер, семья приобрела в собственность (при банковской ссуде) отдельно стоящий дом, обставила его на свой вкус и решили в порядке новоселья пригласить и нас. Герри доставил нас по указанному адресу в точно назначенное время. Огороженный невысоким штакетником (украинизм) крошечный с минимальным озеленением дворик, мощенная дорожка по которому ведет к парадному входу в дом, а рядом асфальтированный въезд в пристроенный к дому гараж на два автомобиля. Из гаража имеется также вход в дом. Именно отсюда начался наш осмотр жилища под восторженный рассказ счастливой хозяйки. На этом уровне просторный салон, с выделенным местом для обеденного стола, примыкающем к входу в кухню, просторная кухня, оборудованная подвесными шкафчиками, стандартным для США набором оборудования (четырёхконфорочная плита с двумя духовками, посудомоечная машина, большая мойка, шкаф для хранения и упаковки мусора, нижние шкафчики, большой холодильник), две спальни, просторная ванна с умывальником, душем, туалетом рядом с большой спальней и второй туалет. На полуподвальном уровне («бесмент»), куда ведет довольно крутая лестница размещаются оборудование кондиционера на весь дом, стиральная и сушильная машины, место для хозяйственного инвентаря. На этом же уровне большая комната, оборудованная как жилье для старшей дочери. Полы жилых комнат покрыты красивым ворсистым материалом разных расцветок. Площадь квартиры, оборудование и убранство произвели на нас, воспитанных и проживших в Советских стандартах, несколько ошеломляющее впечатление. Нам было предложено угощение в виде нескольких закусок из салатов, деликатесных сортов рыбы, а на горячее подогретая, доставленная в дом при нас пицца, оказавшаяся очень вкусной. Обед происходил

в рабочий день, после возвращения хозяев с мест работы. Трапезу не затягивали, так как нам утром следующего дня предстоял выезд в аэропорт и отлет в обратный путь по тому же маршруту Денвер–Нью-Арк–Истамбул–Ташкент. Пожелав хозяевам здоровья, счастливой жизни и дальнейших успехов, а они нам «мягкой посадки», мы распрощались.

Проводили нас в обратный путь представители обеих принимающих фирм во главе с Майклом, все, в том числе полюбившийся нам, очень хороший, веселый и приветливый водитель, постоянно нас обслуживающий на высоком уровне – Герри. Вместе с нами вылетел в командировку ранее нам незнакомый, немного владеющий русским языком сотрудник фирмы «Бейтман», который сопровождал нас и в качестве переводчика в местах пересадок, гостинице Стамбула.

Подробностей обстоятельств обратного перелета описывать не буду, поделюсь только громадным впечатлением, оставившим у нас посещение Стамбульского крытого рынка.

Так как время ожидания самолета из Стамбула на Ташкент после прилета из США в соответствии с расписанием было более суток, то, разместившись в той же гостинице, что и в прошлый раз, мы воспользовались услугой, предоставляемой администрацией, специальным автобусом, доставившим нас на известный, большой крытый, выполненный в восточном стиле рынок. В условленном месте автобус нас ждал. Подходя ко входу в рынок, мы увидели огромный, со многими, инкрустированными разноцветными, с преобладанием желто-сине-голубого оттенков плитками, арками, а над ними высятся ряды округлых куполов-тюбетеек, возведенных над каждой квадратной ячейкой строительных конструкций, из которых и складывается весь комплекс в длину и ширину. Прямо с подходной улицы входим под арку и оказываемся в освещенном бесконечным числом светящихся по обе стороны витрин исключительно ювелирных магазинов и магазинчиков, с несчитанным количеством выставленных в них золотых изделий. У двери каждого стоит хозяин, или зазывающий служащий, приглашающий зайти и только взглянуть на товар. Прямая улица с ювелирами протянулась метров на триста–четырееста. Через регулярное расстояние ювелирные ряды пересекаются под прямым углом с поперечными улицами, на которых размещаются магазины и мастерские других традиционных товаров и промыслов: ковров, одежды по видам и принадлежности, сбруи, кожаных изделий и прочее, прочее. Стоит сплошной гомон от криков зазывал, громких разговоров толп покупателей и зевак. Вас за рукав хватают многочисленные

торговцы с рук мелкорозничными товарами типа парфюмерии, часами, зажигалками, сигаретами, принуждают поставить ногу на ящик чистильщики обуви. Надо быть очень осторожным и не оказаться вовлеченным в дискуссию, оторваться от компании и заблудиться. Заходим посмотреть в некоторые специализированные магазинчики и удивляемся большому количеству встречаемых русскоязычных покупателей и тому, что многие из продавцов в той, или иной степени объясняются по-русски. Интересуемся и оказывается, что большинство таких покупателей – это «челноки» из многих стран СНГ, в том числе земляки из Узбекистана, делающих оптовые закупки для реализации их в местах обитания. Почти все члены нашей группы сделали покупки кожаных изделий (каждый на свой вкус) в одном из магазинов, где, как нам показалось, товар добротный и, поторговавшись получили хорошие скидки за одновременное приобретение нескольких изделий с оплатой наличными деньгами.

Мы благополучно вернулись в Ташкент. К сожалению, сразу почувствовали большую разницу в состоянии аэродромных сооружений, порядка оформления паспортного режима и таможенного досмотра в США и даже Турции не в пользу Узбекистана.

Так прошла и закончилась наша деловая и ознакомительная поездка в дальнее зарубежье, за которое, примерно через неделю состоялся отчет у руководства концерна, получивший положительную оценку.

Хочу закончить эту главу неофициальным отчетом. Уже вечером, в гостинице города Истамбул, после прогулки по городу и уже описанному посещению базара, плотного ужина в ресторане, мы собрались в номере Анатолия Ращупкина и за аперитивом обменялись соображениями, мнениями и выводами об увиденном и понятом с точки зрения общественного положения и жизни в демократическом капиталистическом обществе. Позволю себе выразить резюме, одобренное тогда всеми пятью участниками событий (не знаю, так ли они думают сейчас), следующим образом:

«Развитое демократическое общество с рыночным способом производства, при всех присущих ему и имеющихся недостатках, обеспечивает безбедное существование всем работающим, достойно, без излишеств содержит людей пенсионного возраста и инвалидов, безразлично относится к здоровым и пребывающим в трудоспособном возрасте лицам, не желающим работать, позволяя последним жить под мостами, на вентиляционных решетках и прочих облюбованных ими местах». Доказывать и разводить полемику с несогласными с этим выводом, не собираюсь.

ГЛАВА 22

Институт СредазНИПИПТ.

*Первые годы молодого государства – 1992–1995.
НГМК процветает. Пора воссоединяться с детьми.
Прощание с коллективом, отъезд. Итоги «взгляда»!*

Идет становление вновь образовавшихся в результате развала СССР государств, в том числе Республики Узбекистан. Способы перехода от социалистического устройства хозяйствования и однопартийной (коммунистической) идеологии на рыночную экономику и многопартийное демократическое общественное устройство, при отсутствии правовой базы и развернувшейся внутренней борьбы за власть, приняли чудовищные формы, тон которых задавала практика России. Известные, происходящие здесь события конституционного кризиса, вооруженного штурма «Белого дома», приведшего к немалым жертвам, гиперинфляции, приостановки производств и проводящаяся на этом фоне ваучерная приватизация, а скорее то, что в народе называлось «прихватизация», приводящие к обнищанию большинства и обогащению кучки наиболее расторопных и более близких к «кормушке», владеющих знанием обстановки людей. Не буду углубляться в Российские дела, участником которых не был, да и известных из многих источников, обрисую некоторые события происходящего в Узбекистане, в гуще которых был, наблюдал, переживал, которые дадут возможность понять читателю, особенно молодому и думающему, суть общественного состояния, работы, жизни в первые годы молодого государства.

Здесь также, как и в России, заканчивается приватизация жилья, как правило, незаконная приватизация производственных фондов, государственных и общественных зданий. Главными инициаторами «прихватизации» становятся многие бывшие и очень быстро идео-

логически перестроившиеся руководители партийных и комсомольских органов всех уровней, некоторые руководители производств и учреждений. В рамках развивающегося кооперативного способа организации производства, передачи кооператорам части производственных фондов, в аренду помещений и некоторых видов услуг населению, появляются «двойные бухгалтерии», укрывательство доходов от налогообложений, процветает коррупция, растет криминальная обстановка – воровство, угон автомобилей, грабежи, мошенничество. Развал производственно-хозяйственных связей, затруднительность платежей и взаиморасчетов между субъектами государств СНГ особенно отрицательно отражались на поддержании уровня промышленного производства и снабжения населения товарами потребления в окраинных республиках, особенно Средне-Азиатских и Закавказских, которые, чего греха хранить, являлись в Советское время в основном, сельскохозяйственными придатками Российским промышленно развитым областям, хотя и имели определенные, декларируемые официальной пропагандой, успехи в промышленном и культурном развитии.

Президент и правительство Республики Узбекистан принимали большие усилия, направленные на преодоление создавшихся отрицательных последствий перехода на рыночную экономику и государственное переустройство. В первую очередь государство поддерживало уровень и создавало условия для развития имеющихся в республике промышленных производств горно-металлургического, нефтегазового, машиностроительного профилей, некоторых видов сельскохозяйственного производства, производящих экспортную продукцию, приносящую государству возможность зарабатывать валюту, столь необходимую для дальнейшего существования и хозяйствования. В число таких производств, наряду с НГМК, поставщика урана и золота, входили такие, как Алмалыкский горно-металлургический комбинат, добывающий и перерабатывающий большой спектр очень важных металлов – медь, алюминий, попутно немалое количество золота и других редких металлов, Бекабадский металлургический завод, работающий на металлоломе и дающий очень важную для всех отраслей продукцию, крупные химические комбинаты в Навои и Чирчике, нефтегазодобывающие и перерабатывающие их продукцию производства в Ферганской и Бухарских областях и другие. Принимаются меры по изменению структуры производства сельхозпродукции, сокращаются площади под хлопок с принятием мер по резкому повышению конечного качества этого продукта для экспорта, увеличиваются угодья под зерновые

культуры, садоводство и овощеводство. Ведется энергичная работа на всех уровнях по привлечению иностранных инвестиций для развития ведущих отраслей производства, выпуска автомобилей собственного производства.

Президент И. А. Каримов занял непримиримую и даже жесткую позицию по предотвращению распространения и ликвидации поднявших голову радикально-националистических движений, партий, групп. Некоторые из них ушли в подполье. Отмечу, что по моим наблюдениям и понятиям во многих государственных учреждениях, научных и производственных предприятиях и даже в органах государственного управления были лица, несогласные с позицией главы государства в вопросах национальной политики. В высших эшелонах управления, правительстве республики продолжали занимать некоторые высокие должности опытные руководители и специалисты неместных национальностей. Так, одним из заместителей премьер-министра был Анатолий Николаевич Возненко, при нем курировала некоторые важные и связанные с секретным характером производства, в том числе концерн «Кызылкумредметзолото», АГМК и др., группа под руководством Х. А. Абиджанова и сотрудница Л. Е. Кондратевская, очень активно помогавшие подготовке и рассмотрению вопросов для обсуждения на высоком уровне, оперативно информирующие руководителей курируемых предприятий о ходе дел и принимаемых правительством решений. Это в нескольких словах мое отражение некоторых вопросов, происходящих на верхнем уровне республиканского руководства. Но практически принимаемые на этом высоком уровне решения и действия далеко не сразу осуществлялись, часто решения не получали необходимого материально-финансового подкрепления, а иногда просто не выполнялись и даже встречали активное сопротивление.

Что же происходило на нижнем уровне, как складывались работа, общественная жизнь, культурные мероприятия, просто жизнь и удовлетворение потребностей простыми людьми, работающими и пенсионерами? Думаю, что простые рассказы на примере работы и бытия коллективов, в среде которых я трудился, состояния моего ближайшего окружения, дадут об этом нужное представление.

Все вышеописанные «прелести» плюс галопирующая инфляция, распространение слухов и появляющиеся отдельные указания о переходе и переводе всей документации на узбекский язык, который должен стать единственным государственным, вселяют определенную неуверенность и сомнения целесообразности дальнейшего проживания здесь в среде многих специалистов и жителей. Заме-

чу, так уж сложилось во времена советские, что в коллективах производств и учреждений, принадлежащих бывшему Минсредмашу, трудился очень незначительный по численности контингент из лиц местных национальностей. Значительный отток русскоязычного населения коснулся и специалистов нашего, теперь самостоятельного института СредазНИПИПТ. Хотя вхождение в концерн «Кызылкумредметзолото» создавало определенную уверенность в выживании, но самостоятельное ведение хозяйства на уровне рентабельности в новых условиях, диктовали необходимость повышения выработки (производительность труда) трудящегося, интенсификации труда и сокращения штатов, перевода ряда подсобно-вспомогательных подразделений института на хозрасчет и оказание платных услуг населению и внешним учреждениям. Директор института и его экономические службы интенсивно занимались этим. Многим из работающих на подсобно-вспомогательных операциях и подразделениях и достигших пенсионного возраста, предлагалось воспользоваться «законным правом заслуженного отдыха», не делалось препятствий и желающим уехать из Узбекистана. В связи со ставшими почти невозможными взаиморасчетами, резко сократились и прекратились работы по проектированию объектов, находящихся на территориях Киргизии, Казахстана, Таджикистана. Ранее относившиеся к ЛГХК Янгибадское и Красногорское рудоуправления, как и рудоуправление № 5, разрабатывающее группу Букинайских месторождений (пос. Зафарабад), перешли в юрисдикцию концерна «Кызылкумредметзолото». Группы ГИПов по объектам КГРК и ЛГХК потеряли актуальность и были ликвидированы. ГИП по КРГК В. Алексеев и его заместитель Мутьев нашли работу и устроились где-то в Восточной Сибири, куда уехали их семьи. ГИП по ЛГХК Г. Зиновьев, к сожалению, перенес сложнейшую операцию и был переведен на инвалидность. Таким образом в институте стал только один ГИП, это ваш покорный слуга, и все объемы проектирования во всех стадиях стали объектами моей заботы. Бывший ГИПом по проектированию объектов городов и поселков архитектор В. И. Горбачев стал одним из моих заместителей. Теперь у меня их было три. Как я уже писал, ушедшего на пенсию А. Рогулина я заменил на молодого перспективного специалиста Виктора Исакова, а в скором времени мой заместитель по технологии Л. Михайлов тоже отбыл из Узбекистана, приняв приглашение на работу в тот же район, куда уехали Алексеев, Мутьев и еще несколько специалистов из проектных отделов. Желающих стать моим заместителем было много. Однако, после многих раздумий и обсуждений с директо-

ром Ю. Пытелем и И. Некрасовым я остановился на кандидатуре горного инженера, кандидата технических наук, много лет успешно работающего, и ставшего ее начальником, в горной лаборатории научной части института, серьезного и эрудированного сотрудника, Марса Когая. Я имел ввиду, что он есть именно тот, кто со временем, по освоению методов действий, мер ответственности и «секретов» успеха, сумеет заменить меня на этом поприще.

Главным делом теперь головного института по проектированию объектов концерна «Кызылкумредметзолото», его городов и поселков стало оперативное, с высоким качеством обеспечение текущей и перспективной документацией (кроме горных работ карьера «Мурунтау») строительство новых, расширение и реконструкцию действующих предприятий и объектов широкой номенклатуры по роду деятельности, и именно это стало моей главной целью. Хорошо понимая все трудности и ответственность, я с еще большим рвением и желанием старался эту цель осуществлять. Несмотря на все имеющиеся препоны взаиморасчетов и возрастающей стоимости поездок на всех видах транспорта, сложившиеся связи НГМК и ВНИПИПТА по успешному проектированию и решению многих сложных вопросов горных работ карьера Мурунтау остались за бывшим головным институтом, именуемом теперь – Всероссийским научно-исследовательским и проектно-изыскательским промышленной технологии. С этими вопросами имеющиеся в нашем институте в проектной и научной его частях специалисты справиться не смогли бы.

Моя значимость и роль в управлении делами института выросла. Я стал одним из членов узкого круга руководства институтом, пожалуй, третьим после директора Пытеля, заместителя главного инженера Некрасова (должность главного инженера института так и не занималась после ухода В. Николаева).

Изыскательская экспедиция № 18, оставаясь в составе института, получает самостоятельность, собственный баланс, обеспечивает в первую очередь все необходимые работы для нужд проектирования, находит заказчиков, и производит подрядные работы по бурению скважин водоснабжения, осушения и другим видам услуг, присущих ее деятельности, чем пополняет свой бюджет и экономическое положение. Экспедицией руководит молодой по возрасту, но уже опытный специалист Николай Степанович Медведь. Переведенная на полный хозрасчет автобаза, во главе которой работает тоже молодой, инициативный специалист со средним специальным образованием, узбек по национальности (фамилию не помню), обеспечивая потребности в перевозках института, «зарабатывает» на

услугах внешним организациям и населению, организует пункт технического обслуживания и ремонта частных легковых автомобилей. Закончилась строительство второй пристройки к производственному корпусу, где, как я уже отмечал, было смонтировано и запущено в работу современное, французского производства оборудование по выпуску трикотажных изделий из смеси синтетической и шерстяной пряжи, одного из филиалов созданной в составе концерна фирмы «Агама». Историю возникновения идеи, создания, всех нюансов развития и успешного завершения совместной с несколькими другими предприятиями фирмы по выпуску качественных, модных и очень нужных, особенно на фоне не уменьшающегося дефицита потребительских товаров, трикотажных изделий я описывать не буду, так как участником этих событий не был, а пересказывать услышанное не хочу. Скажу только, что выдвинутый на это дело из коллектива Центрального рудоуправления горный инженер-геофизик В. Агарков оказался талантливейшим организатором и отличным «бизнесменом» в самом лучшем смысле этого слова, учителем и учеником в деле изучения, осмысления и освоения буквально с азов технологии, способов, оборудования совершенно нового для него вида производств, с одновременным освоением характера ведения финансово-коммерческих и договорных взаимоотношений с учредителями разных ведомств и с иностранными фирмами в складывающихся рыночных условиях. Конечно, все его (Агаркова) действия поддерживались директором комбината, председателем концерна Н. Кучерским, прекрасно понимающим важность и нужность товаров народного потребления, производства которых требовали директивы последних лет существования Советского Союза и не менее необходимые в условиях существования молодого Узбекского государства. Агарков сумел сколотить вокруг себя единомышленников, развернуть, запустить производство изделий на нескольких филиалах, расположенных в городах подведомственных комбинату рудоуправлений и в Ташкенте еще до строительства и пуска прядильного завода в Зарафшане. Вот о создании такого филиала «Агамы» у нас в институте и расскажу подробнее.

Как только состоялась договоренность между руководством концерна и института о размещении в пристройке одного из филиалов «Агамы», в чем были заинтересованы обе стороны, в институте чуть ли не стихийно образовался конкурс желающих перейти на работу в это производство. Осуществление договора решало для руководства института две важных задачи – финансирование и обеспечение работ по окончанию строительства замороженного объекта, остающегося

в основных фондах института, возможность трудоустройства на работу некоторого числа работников (работниц), сокращение которых из штатов института предстояла. Немаловажным было и арендная плата за использование производственных площадей. В процессе проходящих переговоров о создании филиала «Агамы» в Ташкенте неоднократно приезжал Н. Кучерский, а с ним и директор фирмы В. Агарков, с которым я познакомился, так как всегда встречался с Кучерским при его приездах. Практически я оказался свидетелем большинства таких переговоров, хотя активно в них не участвовал. Однако в результате общения с Агарковым у нас сложились взаимоуважительные товарищеские отношения, и он зачастую советовался со мной при возникновении у него тех или иных сомнений. Возник вопрос о наиболее желательной из сотрудников института кандидатуре на должность руководителя Ташкентского отделения «Агамы». А в институте на эту должность уже претендовало несколько человек. В том числе все тот же В. Алексеев. Я имел свое мнение и высказал его Агаркову, это был специалист из гидротехнического (№ 18) отдела Владимир Иванович Нагайник. Мне он очень нравился своим инициативным и активным характером, умением доказывать правильность и эффективность предлагаемых им решений, упорством в воплощении их в практике. Именно он и был назначен начальником Ташкентского отделения «Агамы». Жизнь показала, что выбор оказался правильным. В. И. Нагайник умело вел кураторство в проводимых строительных работах по переконпоновке здания, монтаже оборудования, подбирал кадры работников и организовывал их обучение, сам учился новому делу, ввел и поддерживал строгую производственную дисциплину, выполнение технологических требований и регламента изготовления изделий, оказался незаурядным «дельцом» в хорошем смысле слова. Владимир знал, что я был инициатором его назначения и очень часто приглашал меня посетить «его владения» во время стройки и отделки помещений, размещения основного технологического оборудования, выпуске первых образцов трикотажных изделий и в дальнейшем, демонстрируя свои достижения, прислушиваясь к моим оценкам и, как бы, отчитываясь передо мной. Несколько позже, дирекция института дало согласие и большая часть первого этажа основного здания института было приспособлено под магазин в составе отделения «Агамы» для реализации продукции, получивший большую популярность у населения. В. И. Нагайник успешно работал директором Ташкентского отделения фирмы «Агама» до моего ухода из института и далее – я встречался с ним при приездах в Ташкент в 1998 и 2003 годах.

При общем сокращении объемов проектных, изыскательских и научных работ, связанных с резким уменьшением капвложений в строительство, нагрузка на меня и моих замов выросла, экономическое состояние института практически полностью стало зависеть от объема заказов на все виды работ от управления НГМК и его рудоуправлений, которым были значительно расширены некоторые права и ответственность на самостоятельное ведение экономической деятельности и заключение хозяйственных договоров со сторонними организациями в пределах республики. Постоянно растущая инфляция все больше затрудняла взаиморасчеты с заказчиками, практически ежеквартально, а то и чаще, плановому отделу института приходилось составлять расчеты-доказательства на величину индексации стоимости единицы объема выполняемых работ, которые согласовывать, защищать в службах ОКСа и экономическом отделе управления НГМК, а затем получать утверждение у руководства зачастую выпадало на мою долю. Перманентное отсутствие на банковских счетах заказчиков денежных средств для оплаты выполненных работ приводило все чаще к задержке выдачи зарплаты институтским трудящимся на месяц-полтора, правда, задержки выплат зарплат в большинстве других, не имеющих отношения к нашему ведомству предприятиях и учреждениях, уже измерялась в три-четыре месяца, хотя от этого нам легче не становилось.

Дирекция института для поддержания экономики сдала в аренду сторонним организациям часть площадей в здании общежития и даже под офис и жилье какой-то торговой немецкой фирме часть нового детского сада. Немцы очень быстро произвели капитальную, добротную перепланировку и переустройство выделенных им площадей и приусадебного земельного участка, превратив их в прекрасный, благоустроенный, с бассейном, круглосуточно охраняемый уголок, вызывающий зависть жильцов близлежащих домов.

Руководство концерном создало представительство в Ташкенте, местом размещения которого стало часть кабинетов, освободившихся от сокращенных групп ГИПов. Это не устраивало ставшего полномочным представителем концерна и получившего ранг заместителя председателя концерна С. Д. Галямова (не совсем уверен в правильности фамилии), да и Кучерского, поэтому было принято решение построить здание представительства на территории бывшего детского сада института, располагающегося во дворе принадлежащего институту жилого массива по улицам Б. Хмельницкого – Танкистов. Бывшие здания детского сада, которые прежнее руководство филиала института мыслила превратить в жилой дом,

но из-за отсутствия средств и наступивших событий этого не произошло, а здания пришли в полную негодность. По выполненному нами, точнее под руководством моего заместителя В. Горбачева, проекту стройка комплекса представительства, в составе которого были предусмотрены офисные помещения, гостиница с номерами «люкс», была начата силами строительного участка, командированного в Ташкент от СМУ «Центральное», дислоцирующегося в г. Навои.

О деловых связях, основных вопросах и направлениях проектирования и строительства объектов НГМК в эти годы, что являлось главной задачей института и основой его существования, напишу несколько позже.

Несмотря на сокращение численности в проектных отделах, но благодаря тому, что увольнялись, как правило, не самые лучшие, а те, что не выдерживали увеличивающейся нагрузки, стремление оставшихся делать больше и зарабатывать лучше, способствовало набору работ от возможных заказчиков, не входящих в состав концерна. Этому также способствовало то, что наш институт был в числе небольшого числа подобных предприятий в Ташкенте, что оставались «на плаву», в отличие от многих, не выдержавших резкого уменьшения объемов заказов на проектные работы, распавшихся на отдельные кооперативные группы, в свою очередь обанкротившихся. В числе практически прекративших свое существование оказался даже такой крупный, известный, бывший в советское время на хорошем счету институт «Средазцветмет». Не был удивлен, когда мне позвонил по телефону директор Алмалыкского горно-металлургического комбината (АГМК) Виталий Николаевич Сигедин. Он, читателю об этом известно, в 1983 году был по просьбе руководства УзССР выдвинут на эту должность из НГМК, где последние семь лет руководил Центральным рудоуправлением. АГМК был одним из крупных горно-металлургических производств в составе Минцветмета СССР и одним из крупнейших промышленных предприятий на территории УзССР, добывающее, перерабатывающее и реализующее очень ценные металлы: медь, алюминий, цинк и др., многие изделия из них: слитки, проволоку разных диаметров, троллей, эл. шины и др., весьма необходимые в электротехническом, машиностроительном, электронном и других стратегических производствах. На комбинате попутно из медных руд извлекалось весьма солидное количество черного золота, которое передавалось на аффинажные заводы СССР. Виталий Николаевич предложил с ним встретиться для решения возможностей взаимодействия в проекти-

ровании строительства и реконструкции ряда объектов. Я доложил о предложении своему директору Пытелю, и мы прибыли к назначенному времени в кабинет Сигедина, где нас уже ждали он сам и главный инженер АГМК Виктор Львович Аранович. Упреждая изложение более полной характеристики Сигедина, сразу замечу, что он постоянно отличался пунктуальностью, выдерживал временной график намеченных встреч и совещаний, характера вопросов обсуждения на них, требовал от участников четкости изложения мнений, не терпел опозданий и демагогии. Это всегда мне нравилось, так как и я придерживался такого стиля.

В процессе первой же встречи мы договорились о привлечении нашего института к проектированию обоснования перевода процесса трехстадиального измельчения руд в медно-обогастительном производстве на технологию самоизмельчения, успешно применяемому на ГМЗ-2 НГМК. После совершившейся договоренности, Виталий Николаевич лично сопровождал нас по объектам и цехам меднообогастительного, медеплавильного, прокатного производств складов готовой продукции, сернокислотному заводу (один из СКЗ польского выпуска), давал объяснения и просил меня вместе со специалистами института внимательней присмотреться к многочисленным технологическим переделам, находить узкие места, давать предложения по их развязки, особенно в вопросах ликвидации вспомогательных ручных операций, улучшения техники безопасности и условий труда в горячих цехах.

После двух трех моих с группами специалистов выездов, встреч и обсуждений на местах со специалистами меднообогастительного производства, по разработанному нами заданию на проектирование, утвержденному В. Сигединым, мы в короткие сроки разработали ТЭО (технико-экономическое обоснование), в котором были определены преимущества измельчения медных руд в мельницах самоизмельчения с шаровой загрузкой. На состоявшемся при Сигедине заседании научно-технического совета АГМК с моим докладом, после активного обсуждения, при котором было достаточно много критических высказываний со стороны некоторых главных специалистов комбината, ТЭО было утверждено и по заключенным договорам мы продолжили проектирование в стадии ТРП и поэтапной выдаче рабочих чертежей. Строительство корпуса было начато подрядной строительной организацией.

Не буду вдаваться в технические подробности, просто сообщу, что уже до самого моего ухода с института, деловые отношения между институтом и АГМК продолжались, строительство шло,

осуществлялся авторский надзор нашими специалистами, мы были привлечены к проектированию других объектов, в том числе к реконструкции и развитию горных работ на подведомственных комбинату золотых рудничках и обоснованию целесообразности освоения разведываемых геологической службой комбината золотоносных проявлений в Кураминском хребте. Содружество это было плодотворным и, надо признаться, в значительной части держалось на твердой позиции директора В. Н. Сигедине, поддерживающем его главным инженером В. Ароновичем, потому что этому пытались противодействовать некоторые, опытные, с большим стажем работы в АГМК главные специалисты, которые никак не могли согласиться со стилем управления, решительностью, требовательностью оперативней решать возникающие проблемы с учетом технического прогресса действующего руководства, резко отличающегося от предыдущего. Это были уже довольно солидного возраста специалисты, стремившиеся к размеренному, несколько бюрократическому мышлению и уже никуда не спешившие. К ним относились главный обогатитель (фамилию не помню), главный металлург Л. Г. Черный, не очень пожилой, но тугодумный и желчный начальник ОКСа (фамилию не помню, кореец по национальности) и др. Какой-то средней позиции придерживался начальник технического отдела В. М. Пилецкий, много лет тому назад перешедший на работу в АГМК с предприятия №№ 22 и 24 ЛГХК Минсредмаша и знакомого мне с тех лет. Мне же очень импонировал и, естественно, не мог не нравиться воспитанный многолетним трудом в нашей среде, Минсредмашевской, прошедший большую школу непосредственно на производственных работах от мастера до директора крупного рудоуправления с многотысячным коллективом, получивший не менее важный опыт работ на партийном поприще (секретарь Навоийского, затем Зарафшанского горкомов КПУз.), познавший здесь достаточно сложные перипетии, уже почти 10 лет успешно руководивший сложным производством АГМК В. Н. Сигедин. Всегда склонный к полноте, несколько посолидневший в объеме, рыжеволосый, с соломенными ресницами и светлыми, с явными смешинками глазами и полуулыбкой, он спокойно, уверенно вел каждое совещание, терпеливо выслушивал выступления и высказывания, но решительно пресекал демагогию. Он всегда, представляя меня собравшимся, подчеркивал свое весьма почтительно отношение ко мне, что не могло не вызывать определенной, причем разной, реакции присутствующих. Я же с не меньшим уважением обращался к нему и никогда не допускал элементов фамильярности. Дирекция и специалисты ин-

ститута с удовлетворением поддерживали сложившиеся деловые отношения с руководством и специалистами АГМК, дававшие приличное подспорье в экономическом состоянии и заработках, старались выдерживать высокий уровень технических решений и договорные сроки выдачи проектов и, тем самым, поддерживать и авторитет В. Сигедина, бывшего инициатором привлечения нашего института к взаимодействию. У меня сложились довольно приятные, товарищеские и запомнившиеся взаимоотношения с главным инженером АГМК В. Л. Ароновичем, главным геологом Владимиром Юсуповичем Деды. Не могу не отметить также взаимоуважительные, деловые отношения с директором МОФ Виктором Эриховичем Калининченко. Не знаю, как долго продолжались деловые связи АГМК и СредазНИПИПТ после моего отъезда. Меня же сильно огорчил факт того, что В. Н. Сигедин, откликнувшийся на мое приглашение, не приехал на собрание по поводу моего ухода на пенсию в мае 1995 г. Ведь во все 33 года знакомства наши судьбы переплетались, начиная с Учкудука, когда я был одним из руководителей над Сигединым, молодым тогда, но отличавшемся упорством, дисциплинированностью и полнотой ответственности за порученное сложное дело руководить развитием подземных горных работ на опытном руднике № 7. Мне тогда очень нравились его активность, бесхитростная прямота высказываний и создавшийся симбиоз с молодым же, не менее активным, прилежным, но более скромным главным инженером Юрием Чурбановым. Я был прямым свидетелем бурного роста Виталия по производственной и общественной линиям, а он прямым участником моих перемещений на НГМК. Мы вместе в той, или иной степени «пострадали» при несправедливом разборе персонального дела З. П. Зарапетяна. Мы взаимодействовали и в дальнейшие годы деятельности в рамках НГМК, сохраняя взаимоуважение и взаимопомощь, о чем я писал. Думаю, что В. Сигедин проигнорировал мои проводы потому, что проходили они (он это знал) под эгидой Н. И. Кучерского, что он (Сигедин) будет здесь «не первым». Я уже ранее отмечал и меня очень удивляли такие моменты, как отсутствие В. Сигедина на торжественных мероприятиях по поводу юбилейных дат 30 и 35-летия НГМК, 25-летия ГМЗ-2. Я мог это объяснить себе лишь создавшимся некоторым негласным («в душе») соревнованием между генеральным директором АГМК и директором НГМК, дававшее преимущество последнему, более успешно осуществлявшему производственную и внешнеэкономическую деятельность, занявшего более высокое положение в молодом Государстве, а ведь директором НГМК мог стать В. Н. Сигедин, если

бы не его перевод на АГМК. Но, может быть я и ошибаюсь — ведь в истории сослагательного наклонения не бывает! С позиций же текущего дня (а сегодня 30.04.07) говорю: «С удовольствием вспоминаю минуты, часы и годы, все события радостные и нет, встречи официальные и нет, связанные с В. Н. Сигединым».

Несмотря на все описанные выше меры, принимаемые руководством института для поддержания экономического уровня деятельности, не уменьшающегося объема работ, благодаря выхода на заказчиков других государственных ведомств, значительного увеличения выработки на каждого трудящегося, уровень заработной платы все больше отставал от роста инфляции. Сокращение государственного обеспечения и торговли продуктами питания и другими товарами, отпуск цен, расширяющийся объем частной торговли в основном за счет поставки «челноками», сокращение производства и становление частного предпринимательства, прочие «прелести» переходного периода и становления нового государства приводили к резкому понижению уровня жизни, обнищанию большинства населения, обогащению кучки предприимчивых и близких к «пирогу», все большей зависимости от решений чиновников и развитию коррупции. Растет уголовщина во всех его проявлениях, мошенничество, бандитизм, «крышевание» и рэкет.

Расскажу об одном очень печальном, но характерном для того времени событии, невольным и бессильным для изменения его результатов свидетелем которого я оказался. Единственный внук наших самых близких друзей, которого они (дедушка и бабушка) воспитывали с рождения и до этих пор в любви и нормальном достатке (18–19 лет) был вовлечен группой молодых людей (20–25 лет) в какую-то авантюру, в результате которой произошла ночная уличная разборка и драка с ножевым (или огнестрельным) ранением одного из участников, за которое следовало уголовное преследование. Нанесение тяжкого ранения было компанией приписано именно Саше. Соучастниками были как будто приняты меры по «отмазке» виновника путем крупной взятки, которую Саша должен был возместить. Скрывая произошедшее и стараясь каким-то образом достать средства, Саша просрочил сроки оплаты и долг, как говорят, был «поставлен на счетчик». В конце-концов ему стали угрожать жизнью его близких, и он был вынужден рассказать о случившемся и последствиях. Проработавшие всю трудовую жизнь в атомном ведомстве инженер и кандидат наук, продолжающий трудиться пенсионер-дедушка, инженер-бабушка, вышедшая на пенсию, работающая старшая сестра Сашиной мамы, безмерно любившие Сашу, решили

выплатить предъявляемые ему суммы. Дед, Владимир Кожевников, обратился ко мне с просьбой быть свидетелем переговоров с представителями «банды», назначенной на ближайший день. Мои робкие попытки склонить Владимира к подаче заявления в милицию не привели к этому. Он не хотел рисковать жизнью кого-либо из них, о чем был предупрежден, а я не имел права уговаривать его. Не мог я и отказать ему в просьбе и пришел к ним за пару часов до назначенного срока прихода «парламентеров». Явилось два молодчика, весь облик которых явно выдавал их принадлежность к уголовно-бандитской братии. Разговор они вели на блатном жаргоне в нахально грубой форме, не стесняясь присутствия пожилых, убеленных седinou, в том числе женщин. Разговор шел вокруг тех вещей, которые могут быть им отданы в покрытие предъявленных больших сумм, как понятно, не имевшихся у ответчиков. Им были предложены все имевшиеся у семьи золотые изделия, затем автомобиль «Победа», которую Владимир Кожевников приобрел еще в 1956 году, но мало! Наконец, отдается однокомнатная квартира, находящаяся в доме по ул. Зольной, в котором и мы живем, принадлежащая старшей дочери Кожевниковых, которую ей завещала покойная наша одна-кашница Лидия Репина в благодарность за постоянную поддержку и уход за ней, одинокой и страдающей в последние годы болезнью Альцгеймера. У бандитов оказались юридически подготовленные по форме и существу необходимые документы и к услугам юрист-нотариус и сделки получили полную «законность». Мне пришлось прикладывать неимоверные усилия, чтобы подавить желание немедленно прекратить происходящее и вызвать милицию, но данное мною накануне Кожевникову слово не вмешиваться и не подвергать членов их семьи нежелательным последствиям, удержало раздиравшие меня эмоции и чувства «бессилия» чем-либо помочь. Думаю, что описанные события были одной из главных причин преждевременного ухода их жизни Владимира Кожевникова через несколько лет, в течении которых кандидат наук продолжал активно и много работать для поддержания материальных возможностей семьи, несмотря на подорванное здоровье.

Несмотря на мой большой интерес в производственных делах, желаниях преодолевать трудности в новых условиях, общаться с интересными для меня людьми, специалистами и руководителями, быть активным участником процессов строительства, расширения реконструкции очень нужных стране и людям промышленных производств, семейная и личная жизнь становились все тяжелее как в материальном, так и моральном планах. Для накопления средств в

валюте, дающей возможность совершать хотя бы раз в год поездки к детям в Израиль, приходилось реализовывать через комиссионные магазины имевшиеся семейные ценности, даже некоторые предметы ценной одежды. Общение с друзьями и однокашниками продолжались, но во все уменьшающемся числе. Ушли из жизни Лев Коган, Виктор Надеждин, эмигрировали из страны семья Семена Мудрого, друзья Соколовских, семья Якова Ткач, скончалась Евгения Трейвиш (мать Бориной жены). Уже не состоялась очередная традиционная встреча по поводу 45 годовщины окончания горного факультета. Вечерние посещения друзей стали затруднительными, из-за небезопасного передвижения по неосвещенным, малолюдным улицам и увеличивающимся фактам ограблений. Поток отъезжающих как в страны СНГ (главным образом Россию), так и в эмиграцию, особенно евреев в Израиль, не уменьшался. Правила выезда из Узбекистана действующим правительством, вернее его ведомствами, быстро менялись в сторону увеличения препятствий этого акта.

В Ташкенте у нас оставались лишь ближайшие по родству семьи двоюродных племянника Владимира Белинского и его родной сестры Лары Белинской, по мужу Либстер. Последние после кончины в 1993 году их мамы, Евгении Белинской, эмигрировали в Израиль. Остался лишь Владимир Белинский со второй супругой, очень доброй, породнившейся с нами Ириной. Именно они оказывали нам неоценимую помощь в многочисленных и очень непростых вопросах постепенной подготовки и осуществления отъезда на постоянное место жительства и воссоединение с детьми и внуками в Израиль. Особенно это относится к тому, что мы были освобождены от необходимости осуществлять сложную и небезопасную процедуру продажи квартиры, автомашины «Волга» и гаража. Все это взял на себя Володя, купив их у нас. Я же стал активно реализовывать все возможное имущество через комиссионные магазины, понятно за очень низкие цены, имевшиеся в конкретной обстановке превышения предложений продаж от возможной покупательной способности обнищавшего населения.

А теперь вернемся к делам главным – это к тому, как продолжался процесс не просто выживания, а дальнейшего развития всех видов многогранного производства НГМК, его коллективов, совершенно под руководством раскрывшегося в полную силу инженерного, интеллектуального и организаторского таланта Н. И. Кучерского.

На карьере «Мурунтау» ускоренными темпами идет и завершается техническое перевооружение за счет приобретения и ввода в работу мощных, в том числе гидравлических, экскаваторов про-

изводства Японии, США, Германии, внедряются все в большем количестве автосамосвалы грузоподъемностью 136 тонн фирм Катерпиллер (США) и Камацу (Япония), грузоподъемностью 170 тонн фирмы Юклид (Швеция–Канада), в полную силу заработал комплекс циклично-поточной технологии (ЦПТ), выделившийся в самостоятельное подразделение с коллективной ответственностью (артель) под названием «Поток». Организация работ на основе личной заинтересованности резко улучшила производственную дисциплину, создала условия устойчивой работы сложного оборудования. Комплекс стал выдавать из карьера до 20 млн м³ пород. На карьере было восстановлено необходимое соотношение по добыче руды и объему вскрышных работ, обеспечивающее нормальное развитие и стабильное обеспечение продолжающегося увеличения перерабатываемых мощностей ГМЗ-2.

Для дальнейшего увеличения объемов переработки золотых руд на ГМЗ-2, обеспечивающих достигнутый уровень выпуска золота и дальнейшего его увеличения, в соответствии со взятыми обязательствами перед руководством Узбекистана, в комбинате ведется обсуждение возможных путей его осуществления, участником которых являюсь, и принимается решение о строительстве корпуса № 2 цеха измельчения. Институт и я, главный инженер проектов, осуществляем укрупненные проработки и дальнейшие стадии проектирования в ускоренном темпе. Техничко-экономическими обоснованиями рекомендуется установка пяти стандартных мельничных блоков в корпусе № 2, строительстве шести сгустителей диаметром 50 метров, двух сорбционных цепочек, расширение турбокомпрессорной станции и градирни оборотного водоснабжения, реконструкции ряда коммуникаций. После рассмотрения и утверждения ТЭО, мы приступили к выдаче первоочередных рабочих чертежей в рамках разрабатываемого ТРП. В работу включились все отделы института и уже в 1994 году началось строительство корпуса № 2.

Для ЦРУ мы разрабатывали чертежи и шло строительство внешних авто- и железной подъездных дорог, линий электропередач, водовода, канализации к площадке совместного производства «Заравшан-Ньюмент», некоторых объектов для площадки геологоразведочной шахты Мурунтау.

Особое значение имели работы по проектированию новых карт для хвостохранища ГМЗ-2, проведению наблюдений, исследований и производству работ по консервации законченных карт I очереди хвостохранилища и предотвращению их пыления, по предотвра-

щению распространения вредных компонентов действующего хвостохранилища II очереди и заражения ими подземных вод региона.

Как шло проектирование и строительство «с листа» ГМЗ-3 уже описал.

Значительный объем проектных работ в эти годы был проделан именно в вопросах улучшения охраны окружающей среды в районах хвостохранилища ГМЗ-1, площадей отработанных СПВ в Сабырсае, Кетменчи, Учкудуке. Такая необходимость в принципе назрела. Увеличивающиеся площади и объемы накопления вредных отходов на хвостохранилищах, особенно ГМЗ-1, расположенного в районе близкого расположения сельхозугодий и поселков, значительные и все возрастающие площади, зараженные вредными компонентами при отработке методом СПВ и являющиеся потенциальными резервами для сельхозиспользования, требовали более интенсивного внимания к решению назревших проблем. Несмотря на то, что этот вопрос всегда был в той, или иной степени во внимании руководства НГМК, но, чего греха таить, необходимых и достаточных средств в Советские времена не выделялось. Создалось явное отставание в этих, немаловажных, вопросах.

Уже отмечал, что, несмотря на однозначную и твердой рукой проводимую президентом Узбекистана И. Каримовым политику противодействия распространению национально-исламистских проявлений, сторонники последних все же имелись, занимали иногда достаточно высокие должности в разных государственных органах управления и исподволь вели свою деятельность. По моим наблюдениям в специализированных организациях, занимающихся контролем за соблюдением мер по охране природной среды промышленными предприятиями, подобные «деятели» нашли почему-то благодатную почву. Этим отличался особенно один из крупных чиновников такого ведомства, точно фамилию которого не помню, но назову его Садридином Нуруллаевым, который откровенно и настойчиво ставил под сомнения все отражаемые в существующей отчетности по охране окружающей среды данные, предоставляемые НГМК. Еще раз подчеркиваю, что излагаю лично свои наблюдения и мнение, которое никогда никому тогда не выдавал и не обсуждал, но думаю, что такие же суждения имел не только я, а и некоторые специалисты и сотрудники НГМК, сталкивающиеся с этими вопросами и представителями этих контрольных органов. Бесконечные наезды контролеров, проверки, гневные замечания на отчеты, организуемые «жалобы» от руководителей некоторых сельских хозяйств, населения поселков, близлежащих к району хвостохранилища ГМЗ-1,

негативно отражались на стабильности работ, нервировали руководителей разных уровней, создавали некоторый негативный оттенок на фоне явно имевшихся успехов в деятельности руководства и коллективов НГМК. С. Нуруллаев в открытую заявлял, что бывший Минсредмаш, ведомство союзного подчинения, не уделял внимания вопросам защиты от негативного воздействия атомных и других химических производств на узбекское население, а нынешнее руководство, да и весь коллектив, в большинстве представленный лицами не узбекской национальности, продолжает игнорировать эти требования. Особенный резонанс получили факты повышенного радиоактивного заражения поверхности и отдельных жилых помещений в одном поселке (названия не помню), находящемся в районе хвостохранилища ГМЗ-1, за пределами санитарно-защитной зоны. Неоднократно проведенные обследования силами специалистов соответствующих служб комбината с использованием современных аппаратов и методик действительно выявляли повышенное содержание радионуклидов на почве и в подсобных постройках отдельных подворьев указанного поселка, источниками которых стали уносимые местным населением с «отдыхающих» карт хвостохранилища захороненные здесь предметы из металлов, транспортерных лент и др. и используемые ими для своих хозяйственных нужд. Происходило это несмотря на существующее проволоочное ограждение территории хвостохранилища с многочисленными предупредительными плакатами на русском и узбекском языках о запретной зоне. После изъятия зараженных материалов и производства небольшой рекультивации повышенный фон исчезал. Однако проводимые службой охраны окружающей среды разъяснения и увещевания среди населения, факты проникновения на хвостохранилище и уноса отработанных материалов продолжались, а территориальные и центральные органы Госнадзора с подачи Нуруллаева продолжали оставаться на своих позициях. Дело завершилось тем, что к решению проблемы подключился лично директор НГМК, Председатель концерна «Кызылкумредметзолото», депутат законодательного органа государства, Меджлиса Н. И. Кучерский. Я был участником двух–трех поездок Кучерского с представителями местных органов в указанный поселок, в процессе которых он посещал жилища, беседовал с жильцами, выслушивал их пожелания, жалобы, в которых больше звучали мотивы неустроенности их быта за счет уже постаревших, непригодных глинобитных строений, удаленности от центров и других невзгод. После обсуждений создавшихся обстоятельств с руководством коллективного хозяйства, предста-

вителями местных органов самоуправления Н. Кучерский принял решение о строительстве нового поселка для переселения всех проживающих здесь семей. Он просил меня организовать быстрейшее проектирование благоустроенного поселка со всеми необходимыми средствами инженерного обеспечения. Вместе со специалистами ОКСа, другими службами НГМК, представителями районных органов нами были выбраны площадка строительства, осуществлены инженерные изыскания, выполнен проект и строителями начато его исполнение. Николай Иванович взял курс на ускорения выполнения проводящихся важных мероприятий, предусмотренных «Программой работ по ликвидации горнодобывающих и перерабатывающих объектов НГМК и рекультивации земель», в составлении которой совместно со специалистами комбината, специализированными республиканскими организациями принимали активное участие специалисты института и я, ГИП. По моей инициативе к этим работам было привлечено специализированное подразделение, руководимое Робертом Ильичем Гольдштейном, разработавшее современные методики и аппаратуру, имевшее определенные достижения и успехи в разработке направлений, мер и способов улучшения состояния окружающей среды, входящее в состав теперь называемого государственным геологическим предприятием «Кызылтапагеология» (ранее экспедиция «Краснохолмскгеология»). В этом подразделении работал уже ветеран экспедиции, геолог, мой однокашник и друг Альберт Акопович Аганов, один из первооткрывателей урановых месторождений «Сабырсай» и «Кетменчи». Я никогда не терял связей с руководством и специалистами «Краснохолмскгеологии», где уже после ухода бывших первых руководителей А. А. Петренко, Р. С. Гафта, Н. Н. Муромцева, следовавших за ними В. И. Калинин, Н. М. Колмогорова, А. Г. Гоготишвили, со многими из которых работал или тесно общался, пришли руководители третьего поколения Ф. В. Венитовский, А. Я. Глушаница, Б. И. Натальченко, К. Г. Бровин. Я уже ранее перечислил многие выполненные нами исследовательские и проектные работы в области охраны окружающей среды на всех рудоуправлениях комбината, которые стали активней исполняться, на осуществление которых стали выделяться больше средств. Это я отношу к одному из многочисленных совершенных дел, присущих характеру и стилю руководству теперь уже доктора наук Н. И. Кучерского, который смог сплотить вокруг себя единомышленников и соратников из числа и ветеранов, и специалистов нового поколения, о некоторых из которых я попытаюсь вспомнить и рассказать.

Начну с того, что в 1992 году ушел на пенсию Леонид Михайлович Демич, один из самых первых специалистов-горняков в Учкудуке, проработавший в НГМК 34 года, из которых 14 лет был главным инженером комбината, незаменимым и ближайшим соратником Кучерского. О нем и о сложившихся во все годы весьма деловых и товарищеских между нами отношениях я уже писал и его уход, связанный ухудшившимся состоянием здоровья, был и для меня неожиданным и нежелательным. Семья Демича переехала, как и многие семьи ветеранов НГМК, в Россию, город Димитровград, Ульяновской области, где, к великому сожалению, Л. М. Демич скончался в 1999 году – Пусть не померкнет в наших сердцах память о нем!

Кучерский назначил главным инженером комбината (уже об этом писал) Евгения Александровича Толстова, 48-летнего инженера, закончившего уже в зрелом возрасте Московский геологоразведочный институт (МГРИ) в 1973 году и здесь же аспирантуру, с 1977 года вернувшегося в Навои, и с тех пор прошедшего хорошую школу работ на разных уровнях руководства от группы подземного выщелачивания, заместителя главного инженера СевРУ, а затем с 1987 г. недолго директора ВостРУ, а последние 4 года директора СевРУ. Это уже был руководитель другого типа, кандидат наук, вобравший уже идеи перестроечного периода, демократических настроений, инициативный, правда с несколько шумным импульсивным характером, иногда переходящим в шутовскую тональность. Последнее не нравилось мне, и, как мне казалось, эта черта вызывала неприятие и многими его подчиненными специалистами. Тем не менее, Евгений Александрович, подкрепляемый поддержкой и авторитетом директора Кучерского, успешно представлял инженерные службы комбината, благотворно влиял и поддерживал линию на углубление современных знаний и квалификации инженерного корпуса, стремлению защиты кандидатских и докторских диссертации, что явно способствовало плодотворному содружеству с учеными и специалистами многих научно-исследовательских и академических институтов России Украины, Узбекистана и дальнего зарубежья в деле обоснования, развития и совершенствования горных работ на уникальном карьере «Мурунтау», поисков направлений и способов извлечения золота из труднообогатимых сульфидномышьяковистых руд месторождений Даугызтау, Кокпатас, Амантайтау и других проблем. Совершенно ошеломляющим было полученное мною сообщение, что 18.02.06 Е. А. Толстов вместе с ветераном комбината, начальником службы внешнего водоснабжения Зарафшан–Учкудукского

промрайона, в том числе уникального водовода «Аму-Дарья–Зарафшан», моим товарищем В. В. Поверенновым, заместителем главного механика комбината А. А. Ващенко и двумя пилотами вертолета погибли в авиакатастрофе. Тяжелая, безвременная потеря!

Продолжали очень умело, инициативно исполнять обязанности ветераны комбината заместитель главного инженера по технологии Тотраз Дрисович Гурдзибеев, мой ровесник, ушедший на пенсию в 1996 г., и заместитель главного инженера по горным работам Олег Николаевич Мальгин, проявивший незаурядные способности истинно штабного характера, ставший центром изучения прогрессивных научно-технических средств в горном производстве, экспертом и проводником внедрения возможных из них в практику горных подразделений НГМК, квалифицированно осуществлял продолжающуюся связь с научно-исследовательскими подразделениями ВНИПИПТ, продолжающими участие в разработке решений по дальнейшему развитию горных работ карьера «Мурунтау».

Геологическую службу продолжал с 1985 года возглавлять опытный геолог, вложивший большой вклад в расширение сырьевой базы НГМК, в разработку автоматизированных систем геолого-геофизического обеспечения горных производств, очень рассудительный и доброжелательный человек Александр Петрович Мазуркевич. Очень огорчительно писать, что этот молодой человек, уже доктор геолого-минералогических наук скоростижно скончался в 2001 году, в возрасте 61-го года. Вечная память ему!

Плановую службу НГМК возглавляла прошедшая с 1961 года большую школу работы и руководства плановыми отделами рудника, СевРУ горный инженер-экономист Тамара Николаевна Анфиногенова, очень скромная, но волевая, к тому же и весьма симпатичная женщина. Ее заместителем по планированию горного комплекса трудился также ветеран плановой службы, горный инженер, начавший трудовую деятельность мастером на первых подземных горных работах рудника № 2 Учкудука, а затем перешедшего в плановую службу СевРУ, с 1967 года ставший начальником планового отдела ЦРУ, затем руководителем группы планового отдела управления НГМК, защитивший диссертацию и ставший кандидатом наук Вилен Викторович Айзенштадт. Плановые службы работают под управлением заместителя директора комбината Олега Александровича Янушпольского, он же заместитель председателя и исполнительный директор концерна «Кызылкумредметзолото»

Заместителем директора НГМК по КС с 1993 года стал Анатолий Васильевич Ращупкин, инженер-строитель, с 1960 года рабо-

тавший в подразделениях ОКСа, начиная с Учкудука, затем в ЦРУ, начальником СМУ «Центральное», заместителем и начальником ОКСа НГМК. Ращупкин сменил перешедшего на работу заместителем хакима по Навоийской области по КС В. В. Уласевича, который занимал эту должность с 1990 года после возвращения из заграникомандировки на несколько лет в Ливию, где участвовал в строительстве атомного реактора для тамошнего диктаторского режима. Начальником ОКСа становится один из заместителей В. В. Гуркин, а заместителем начальника – старейший работник строительных подразделений и служб в НУС и комбинате Владимир Никитович Кравец.

О возросших требованиях в описываемый период к вопросам осуществления работ по охране окружающей среды и активнейшем участии в этом нашего института и моего лично я писал. Хочу особо подчеркнуть, что немалую роль в выполнении этих мер и пропаганде их значимости осуществлял Виктор Андреевич Груцинов, возглавлявший вновь созданный в управлении НГМК отдел «Охраны окружающей среды» с 1990 года (и до настоящего времени). Этот молодой инженер-геолог, начав в 1964 году трудовую деятельность участкового геолога на карьере, инженера тематической группы СевРУ, становится на 11 лет секретарем парткома Учкудукской организации КП Узбекистана, где приобретает немаловажный опыт работы и управления людьми. На основе приобретенного опыта 1978 г. становится заместителем главного геолога, а затем и заместителем главного инженера СевРУ. После возвращения из заграникомандировки в Германию, где успешно трудился шесть лет на разных геологических должностях, становится начальником отдела охраны окружающей среды управления комбината, добросовестно и заинтересовано изучает сам и упорно добивается финансирования и исполнения принимаемых на соответствующих уровнях решений в этой области. Виктор Андреевич отличался весьма выдержанным характером, высокой культурой поведения, коммуникабельностью, дисциплиной во всем, в том числе во внешнем, всегда подтянутом виде и одежде. С ним было очень приятно решать все деловые вопросы и просто общаться. Он видел во мне своего старшего товарища, единомышленника, во многом со мной советовался. Ведь начинал он в Учкудуке во время моей там работы главным инженером, затем мы встречались неоднократно во время моих частых посещений работ СПВ залежей на участках, ранее подлежащих отработке подземными горными работами в Учкудуке, а он уже был одним из руководителей работ по освоению и расширению прогрессивного способа добычи урана.

Заместителем директора комбината по общим вопросам продолжал уже много лет работать Самуил Зельманович Львовский, бывший главный инженер и директор РМЗ, активнейший участник создания ремонтно-механической базы НГМК, производства металлоконструкций и емкостной аппаратуры на РМЗ, их монтажа на стройках Мурунтау, Сабырсая и др., умело использующий приобретенный опыт для управления сложной службой материально-технического обеспечения многоотраслевого производства и в условиях перехода на рыночную экономику. С Самуилом Зельмановичем у нас были весьма товарищеские отношения, о чем неоднократно вспоминал по ходу описания событий.

Были созданы и новые службы в управлении комбината, на которых трудились в новом качестве старейшие сотрудники и молодые выдвиженцы: заместитель главного инженера комбината, а затем заместитель директора по производству товаров народного потребления и внешнеэкономическим связям Вали Кахарович Истамов, начальник отдела внешнеэкономических связей комбината Анатолий Федорович Вагис, горный инженер-шахтостроитель, однокашник Н. Кучерского, с 1961 года трудившийся в Учкудуке в ПТО рудника №2, затем в плановом отделе рудоуправления, инженером-экономистом карьера, начальником бюро планирования, а затем и начальником планового отдела ГМЗ-2 ЦРУ, отличавшийся трудолюбием, аккуратностью, доброжелательностью специалист, с очень приятным украинским акцентом русской речи и улыбкой, вызывающий симпатию, но болезненный человек. Мне очень понравился добрый нрав молодого специалиста Анатолия Вагиса еще в начале шестидесятых годов, и я всячески содействовал его устройству на плановую работу. Анатолий Федорович скончался в 2005 году в возрасте 67 лет, из которых почти 40 отдал делу становления, строительства и экономического процветания Зарафшан–Учкудукского промрайона. Нельзя не вспомнить его добрым словом!

Продолжавшего трудиться главным механиком комбината Анатолия Каца, о котором много писал, в 1994 году сменил специалист следующего поколения, прошедший после окончания института трудовую школу от слесаря, механика карьера, заместителя и главного механика рудника, главного механика ГМЗ-3 СевРУ Василий Суликоевич Кодоев, с которым неоднократно встречался во все времена его служебной карьеры на объектах проектирование которых велось нашим институтом.

Не могу не сказать и пару слов о заместителе директора комбината по гражданской обороне и мобрезервам Лейбе Абрамовиче Гер-

шензоне, полковнике, энергичном, эрудированном человеке, приятном собеседнике и специалисте, с которым мне необходимо было согласовывать многие протоколы и задания на проектирование, а наши деловые отношения перешли в дружественные до самого его отъезда на постоянное место жительства в Австралию, где, оказалось, живет его родная сестра. Он об этом поделился со мной за несколько месяцев до его отъезда, по ходу оформления документов на выезд, выразив возможные сложности получения разрешения на выезд. Меня тогда уже тоже интересовали всякие сведения о таких сложностях, так как обстоятельства, о которых сообщу несколько позже, вынуждали нас начать процедуру оформления документов на выезд из страны к месту жительства наших детей и внуков.

Я назвал лишь часть руководителей и главных специалистов из большего их числа, которые составляли ближайшее окружение директора комбината и Председателя концерна Н. И. Кучерского, которым он доверял, был уверен в их готовности отдавать свои знания и умения делу на выживание всех видов производств и их коллективов в условиях становления нового государства – Республики Узбекистан – одновременно с переходом на рыночные условия хозяйствования.

Сам же пятидесятипятiletний директор, полный энергии и желаний самоутвердиться, приобретший бесценный опыт управления большими коллективами, перенявший лучшие черты от предыдущих директоров НГМК и правильно оценивший их ошибки, развернул, на основе своего инженерного и научного интеллекта и человеколюбивых качеств, целенаправленную деятельность. Н. Кучерский практически большинство времени проводит в поездках в Россию, Украину, страны Европейского Совета, США, завязывает деловые связи в странах СНГ с предприятиями – производителями многих видов материалов и оборудования, используемых в производствах комбината, с деловыми людьми и фирмами в капстранах по проталкиванию выгодных форм реализации урановой продукции на международном рынке, привлечению инвесторов для проведения совместных исследований, получению технологий для освоения добычи и извлечения золота из трудновскрываемых сульфидно-мышьяковистых руд, организации бартерной торговли. Благодаря этой активной деятельности, использованию предоставленной комбинату экономической самостоятельности, Кучерскому и его дружной команде удалось сохранить хозяйственные связи со странами СНГ, получить признание в некоторых деловых кругах мира. Совместно с уранодобывающими предприятиями России, Украины, Казах-

стана НГМК становится одним из активных учредителей концерна «Атомредметзолото» со штаб-квартирой в Москве, на заседания правления которого выезжал неоднократно в составе делегаций и наш директор СредазНИПИПТа Ю. Пытель. Комбинат явился одним из инициаторов и учредителем Американо-Узбекской Торговой Палаты. Практически первым в Республике вышел на прямые международные связи, установив долговременные отношения с известными фирмами «Ньюмент Голд Корпорэйшн», «Лонро», «Катерпиллер», «Нукем», «Спектро», «Шелл» и др.

Главным же достижением руководства НГМК, его первого руководителя в эти годы, председателя концерна «Кызылкумредметзолото» Н. И. Кучерского было сохранение и дальнейшее укрепление кадров многонационального многотысячного коллектива путем проведения ряда целенаправленных мер, поддерживаемых руководством республики. Наряду с развитием существующей на комбинате системы обучения рабочих и специалистов были созданы отделения Навоийского промышленного техникума в Учкудуке, Зарафшане, Нурабаде. Руководство концерна получило право на привлечение высококвалифицированных специалистов из стран СНГ, добилось разрешения призыва на альтернативную службу лиц призывного возраста для работы на основных производствах Учкудукско-Зарафшанского региона и на отсрочку от призыва работающим. Был создан Навоийский государственный горный институт, который призван обеспечивать концерн специалистами горно-металлургического, химико-технологического, энергетического и машиностроительного профилей. Кроме того, комбинат заключил договоры о подготовке специалистов в высших учебных заведениях СНГ. Н. Кучерский вводит контрактную систему договора с первыми руководителями предприятий и высококвалифицированными специалистами, занимающими ключевые должности в управлениях комбината и основных предприятий.

Николай Иванович сумел в большой степени сохранить и даже развить уровень социальной защиты трудящихся и населения городов сферы комбината, оставив в структуре комбината все медицинские и торговые службы, их базы и учреждения, на балансе НГМК содержание городов. Большой положительный резонанс получили дальнейшее продолжение строительства жилья в разных с благоприятными климатическими условиями регионах России и организованное переселение для жизни в них семей ветеранов комбината, достигших пенсионного возраста, взамен сдаваемых ими комбинату приватизированных квартир, освобождаемых для вновь прини-

маемых кадров. Работники комбината, члены их семей, пенсионеры получают бесплатную медицинскую помощь, решены вопросы санаторно-курортного лечения в клиниках Узбекистана и странах СНГ, все больше заключается договоров на поставку медикаментов с заводов и фирм России, Латвии, Украины, США, Швейцарии, Франции, Германии и др. Все перечисленное и другие меры привели к практическому прекращению оттока кадров за пределы Узбекистана и постоянному сокращению текучести кадров.

В достижении перечисленных успехов была толика участия и коллектива нашего института, его руководства и моя, как главного инженера проектов. Теперь я, как правило, с группой необходимых специалистов выезжал в Навои и объекты комбината на микроавтобусе типа «РАФ» из институтской автобазы. Это было дешевле, чем приобретать билеты на 6–10 человек на авиа или на железнодорожный транспорт. Поездка до Навои, через Джизак, Самарканд по Большому Узбекскому тракту (БУТ) с несколькими недолгими остановками на прогулку в местах оживленной торговли традиционными товарами: вяленой, копченной и свежей рыбой у моста через Сыр-Дарью, яблоками, многими другими фруктами и медом в селениях в районе «Тамерлановых ворот» за Джизаком, особыми Самаркандскими лепешками на окраине города – продолжались 6–7 часов. Поездки совершались по мере необходимости и получались довольно часто, раз в две–три недели. Стало традицией останавливаться на обед в одной из многочисленных теперь придорожных частных заведений, где можно подкрепиться традиционными Узбекскими яствами: шурпа, плов, самса, шашлыки, люля-кебаб и др. Мы облюбовали одно из таких, отдельно стоящее одноэтажное здание в зеленой рощице с хаузом, расположенном в тихом, отдаленном от населенных пунктов месте, примерно на середине пути между Самаркандом и Навои. Хозяин заведения и прислуживающий у него персонал всегда приветливо нас встречали, вежливо обслуживали, продукты были свежайшими, вкусно приготовленными. Обычно наша компания быстро находила компромисс в отношении выбора и заказа блюд и сопровождающих напитков, в веселой обстановке поглощали заказанные яства, расплачивался за всех кто-то один. Затем, уже в пути каждый отдавал свою долю расходов. Из Навои на объекты (в Учкудук, Зарафшан, Зафарабад) отправлялись на этом же микроавтобусике, если поездка была целевой всей группе, или каждый отправлялся на свои задания на регулярно организованных два раза в неделю рейсах автобусов от здания управления комбината в указанные города. Подробно так изложил об этих по-

ездках потому, что они очень содействовали установлению сплоченности, дружбы между специалистами смежных отделов, укрепляли взаимоподдержку, да в пути имелась возможность более подробно обсудить, наметить пути решения конкретных задач, поставленных мною исполнителям для осуществления на местах работ.

Мне работалось легко, так как я мог решать практически все возникающие вопросы технического, организационного, финансового характера с подавляющим большинством специалистов и сотрудников всех рангов в управлении комбината, рудоуправлениях, заводах. Меня всегда, несмотря на занятость, без всяких проволочек принимал и сам Николай Иванович, и главный инженер Евгений Александрович, уж не говоря об их замах и главных специалистах, перечисленных выше и других. В каждой поездке я обязательно встречался с Николаем Ивановичем (если он был не в отъезде), часто уже после окончания официального рабочего времени (после 18 часов). Мы обменивались информацией и мнениями по многим производственным вопросам и просто по семейным и личным делам и обстоятельствам. Ко мне очень тепло, доверительно, по-дружески относились подавляющее большинство рядовых специалистов, служащих, начиная от секретаря первых руководителей Елизаветы Сергеевны Кочегаровой, до сотрудниц канцелярии, секретарей производственных отделов. Очень помогали мне в решении многих важных вопросов, в том числе финансовых такие ответственные сотрудники ОКСа, как Жанна Юдина, Нателла Уласевич, Наташа Чуприна и другие. Многие сотрудники просто считали меня сотрудником комбината, постоянно встречая меня в отделах, буфете, магазине в перерывах работы.

Сельское хозяйство Узбекистана было потребителем значительных количеств фосфорных удобрений, потребность которых удовлетворялась за счет ввоза фоссырья из союзной республики Казахстан во времена существования СССР. После развала Союза на импорт фоссырья тратились большие валютные средства, поэтому президент и правительство Узбекистана решили возобновить проектно-изыскательские и научные работы по переоценке ранее разведанных месторождений фосфоритов в Центральном-Кызылкумской провинции, рентабельность разработки которых из-за низкого содержания полезного компонента и при традиционных технологиях переработки была не только низкой, а убыточной. Более подходящим для начала таких работ был наиболее разведанный участок Ташкура Джерой-Сардаринского месторождения, расположенный поблизости (60–70 км) от деятельности производств Центрального

рудоуправления. Для ускорения процесса реализации программы поэтапного промышленного освоения и строительства предприятий по получению из бедных руд дешевых и качественных фосфоритных концентратов, пригодных для производства фосфорных удобрений разных сортов на заводах химической отрасли Узбекистана, правительство передало эту проблему из ассоциации «Узхимпром» Навоийскому горно-металлургическому комбинату. Таким образом наш институт стал генеральным проектировщиком и приступил к проектированию карьера и первых объектов обогащения фосфоритовых руд в составе Кызылкумского фосфоритного комбината (КФК). Генеральным подрядчиком стало Зарафшанское управление строительства (ЗУС).

Так в деятельности НГМК и, соответственно нашего института, появилась еще одна грань – фосфориты. Горные работы на участке Ташкура по нашим проектным проработкам и чертежам уже начались в 1995 году. Забегая вперед сообщу, что уже в 1997 году полным ходом шла добыча фосфоритовой руды на карьере Ташкура, в короткие сроки осуществлено строительство, отгружена первая продукция Кокандскому суперфосфатному заводу в апреле 1997 года и состоялся пуск первой очереди КФК с годовой производительностью 300 тыс. т обогащенной руды в мае 1998 г.

В процессе моих очень частых и продолжительных командировок на объекты проектирования и строительства в Мурунтау особенно в последние 10 лет, я ближе познакомился с Зиновием Абрамовичем Радером. Говорю ближе потому, что З. Радера, ниже среднего роста, с густой шевелюрой, малозаметным раскосым взглядом молодого человека, мастера в строительных «зонах» городских объектов Зарафшана, я заметил, еще сопровождая З. П. Зарапетяна, руководителя легендарного «штаба». Затем мы встречались на площадках строительства ГМЗ-2, поверхностных объектов рудников на месторождении «Сугралы», где Зиновий Абрамович уже возглавлял СМУ «Шахтострой», успешно ускорив и завершив обустройство этих рудников. В последние же годы он становится сотрудником ЦРУ, руководителем группы технадзора, а затем и начальником ОКСа. Опытный, поднаторевший во всех тонкостях производства строительных работ и операций, он, серьезный руководитель, но с большим и уместным в каждом случае, неиссякаемым юмором, умело руководил этими службами. Мне очень нравились деловая требовательность и, в то же время, товарищеская обстановка во взаимоотношениях между ним и его начальником, заместителем директора ЦРУ по КС А. Ф. Вазаговым с одной стороны, и между ним и

его подчиненными, в частности В. В. Крыловым, М. Т. Ждановым. Кстати, и последние были ветеранами стройки и жизни здесь, особенно энергичнейший, неустававший энтузиаст, топограф-геодезист Михаил Терентьевич Жданов.

Наши с З. А. Радером взаимоотношения стали не только деловыми, а и дружескими. Он познакомил меня с супругой, детьми. Во время моих приездов я приглашался к ним в дом.

Совершенно заслуженно Зиновий Абрамович был назначен заместителем директора ЦРУ по КС в 1995 году, обязанности которого он успешно исполнял до скоропостижной кончины в 2000 году, всего в 53 года.

Вся сознательная, активная жизнь Зиновия Абрамовича связана со строительством промышленных и жилых объектов уникальных золотоизвлекающего «Мурунтау» и уранового «Сугралы» комплексов в Кызылкумской провинции. Здесь он, молодой техник-строитель, трудясь в конкретных условиях и при ненормированном рабочем дне, учится и заканчивает Ташкентский политехнический институт, женится, родит со своей прекрасной женой – труженицей Людмилой Михайловной сына и дочь, здесь он и похоронен. Его жизнь есть еще один пример тех, преданных делу, целеустремленно стремящихся преодолевать трудом и умением все трудности, самоутверждаться людей и специалистов, рожденных в атмосфере коллективного энтузиазма, царившего во все годы создания и деятельности НГМК, о которых я неоднократно вспоминал. Пусть никогда не угаснет память о Зиновии Радере!

В числе мер по сохранению и укреплению кадров, систематически проводимых руководством НГМК, директором Н. Кучерским, его замом по кадрам Григорием Ивановичем Кастрицей, председателем профсоюзного комитета Юрием Васильевичем Паламарчуком, были широкомасштабные проведения юбилейных (каждые пять лет) дат со дня образования каждого основного предприятия и комбината. Подготовка к таким датам начиналась заранее, проводилась тщательно и проходили эти торжества очень организованно, красиво и оставляли надолго след и у участников, и у всего отмечаемого коллектива. В описываемые годы прошел и праздник 35-летнего юбилея со дня основания комбината. Я немного об этом упомянул в начале книги, но добавлю. Торжественное собрание в зале дворца культуры «Фархад» проходил при переполненном зале и еще по сценарию, принятому еще во времена руководства КПСС, т. е. на сцене президиум, трибуна для докладчика и выступающих, обязательный и довольно обстоятельный доклад об успехах коллек-

тивов НГМК, произнесенный Н. И. Кучерским, зачитанное кем-то из правительства «Приветствие» от президента Узбекистана. После этого, с очень эмоциональными высказываниями, встреченными бурными одобрительными аплодисментами участников, выступили Зарап Петросович и Анатолий Анатолиевич. Каждого из них одарили традиционными национальными халатами и другими атрибутами. Много приветствий от республиканских, областных, районных администраций и предприятий. Затем большой, красочный концерт коллективов и исполнителей художественной самодеятельности дворца культуры «Фархад» и других городов и предприятий. Главное же в этих мероприятиях – это общение уже в неофициальной обстановке, в личных встречах с теми, с кем больше хотелось, с кем можно было вспомнить определенные, запомнившиеся на всю жизнь события, товарищи и друзья.

В эти годы, в 1994 году были отмечены 30-летние юбилеи Сабьрсайского предприятия, завода ГМЗ-1, 25-летний юбилей ГМЗ-2. На все эти праздники я получал персональные приглашения, становился их участником, получал заряд положительных эмоций и задел энергии на дальнейший труд, на желание быть полезным и востребованным.

Благодаря налаженным руководством концерна «Кызылкум-редметзолото» и НГМК связям с Россией, привлечением к работе некоторых традиционных и новых научных, проектных, производственных предприятий, институтов и учреждений, несмотря на трудности приобретения и обмена соответствующей валюты, мне доводилось по-прежнему, но с меньшей частотой, бывать в командировках в Москве, Новосибирске. Выполняя производственные задачи, с удовольствием встречался с руководителями, товарищами и друзьями из ВНИПИПТа, бывшего Первого главного управления Минсредмаша и других. Институтом ВНИПИПТ теперь руководили В. В. Лопатин, Сергеев, однако, продолжали трудиться в других должностях, консультантами и О. Л. Кедровский, и В. П. Шулика, работал ГИПом Г. Батулин, Л. Скрипка, начальник горного отдела Н. Крючков, в науке продолжал дерзать Ю. Литинский и другие, хотя и здесь численность работающих резко сократилась, пребывал на пенсии Э. Т. Оганезов. Мне довелось в составе группы товарищей от ВНИПИПТ участвовать в процедуре похорон легендарного Е. П. Славского. Возможность бывать в Москве помогла мне воспользоваться приглашением на празднование 80-летия З. П. Зарапетяна. Как проходило это празднование описал в первых главах. А для меня это была последняя встреча с человеком, который стал

для меня, как и для многих других, вызывающим восхищение, а иногда горечь от взбучки, не устававшим в работе, не терпевшим бездельников и трусов, руководителем и примером для подражания. Он скончался в апреле 1998 года и уже не принял участия в состоявшемся осенью праздновании 40-летия НГМК. Это была последняя встреча и с тружеником и требовательным специалистом, товарищем и другом, добрейшим Человеком, незабвенным Эдуардом Тиграновичем Оганезовым.

Несмотря на большой мой интерес в продолжении активно трудиться в родной мне среде, в коллективах института, НГМК, концерна «Кызылкумредметзолото», практически возникших и развивающихся с моим (нашим) участием и на наших глазах, общаться с соратниками и друзьями, с которыми уже десятилетия решал интересные и трудные задачи, с которыми уже «съел пуд соли», решить проблему воссоединения с нашими детьми и внуками при уже солидном возрасте (шло к семидесяти) иначе, как уехать к месту их жизни, в Израиль, не представлялось возможным. Все необходимые оформления документов проведены, пришел час расставания. Как проходили проводы и отъезд описал ранее.

22 июня 1995 года закончился мой сорокасемилетний «взгляд изнутри» на одну из многочисленных подотраслей могущественной системы Атомной промышленности и «атомного щита» СССР, названную «Минсредмашем», и семидесятилетний «взгляд изнутри» на Социалистически-Коммунистическую сверхдержаву, называвшейся Союз Советских Социалистических Республик, где я родился, воспитывался в духе ее концепций, пережил почти все, как правило не легкие, этапы развития, учился, работал с полной отдачей сил, женился и родил детей, дружил и имел друзей, похоронил родителей – это была МОЯ РОДИНА!

В качестве послесловия

Из ранее описанных глав понятно, что у меня сохранились связи с друзьями и товарищами, сослуживцами, однокашниками, оставшимися в Навои, Сабырсае, Зарафшане, Учкудуке, Ташкенте, Москве и других Российских городах и регионах.

Уже в 1996 года я узнал и обрадовался такому событию, как высокая оценка президентом и правительством Узбекистана достижений НГМК в становлении промышленного развития молодого самостоятельного государства и присвоения звания «Узбекистон Кахрамони» (Герой Узбекистана) с вручением медали «Олтин Юлдуз» (Золотая Звезда) Николаю Ивановичу Кучерскому.

Во время пребывания дважды, в 1998 и 2003 годах на празднованиях, соответственно, 40- и 45-летних юбилейных дат со дня образования НГМК, посещения городов Навои, Учкудук, Зарафшан, Нурабад и производственных объектов, я воочию убедился не только в сохранении потенциала, а в значительном увеличении производственных мощностей на основе технического прогресса, увидел новые виды производств и их продукцию, значительно обновленный состав кадров трудящихся, рабочих и ИТР, где большую часть составляли уже молодые люди из местных национальностей. Это не могло не радовать!

Подробно описывать всю процедуру проведения этих праздников, последовательно проходящих в Навои, Учкудуке, Зарафшане, куда на прекрасных автобусах доставляли всех приглашенных ветеранов НГМК, представителей организаций и предприятий из многих городов и стран СНГ, иностранных фирм, посещение производств, объектов культуры и торговли, торжественные мероприятия на стадионах описывать не стану. Отмечу лишь – неизгладимы были и останутся в памяти прекрасные минуты и часы встреч со многими старыми сослуживцами, друзьями.

Правда, были и огорчительные моменты и факты. В 1998 году я решил побывать в городе Янгиабаде, где прошли немалые годы нашей жизни и труда на рудниках, где был в свое время создан прекрасный городок в горах со всеми видами инженерного обеспечения, где пошли в школу наши дети. Я из Ташкента связался по телефону с еще действующим директором практически уже не существующего, в связи с исчерпавшимися запасами руд и не состоявшейся конверсией, предприятия Георгием Харитоновичем Сидаковым. Он с удовольствием принял мое предложение встретиться со мною и назначил время и место – следующий день в бывшем моем кабинете в здания рудоуправления на «развилке». Так, в свое время называлось это место, где был заложен этот городок (см. мою первую книгу). Юрий Яковлевич Пытель, директор СредазНИПИПТ, из кабинета которого и состоялся мой разговор с Г. Сидаковым, принял мою просьбу проехать на встречу, и мы на директорской «Волге» утром следующего дня отправились в Янгиабад. Через два часа пути с небольшими остановками в Той-Тепе и Ахангаране мы у здания рудоуправления. На улице не видно людей, во дворе ни одной машины, тишина. Поднимаемся на второй этаж и нам навстречу идет Георгий Харитонович в сопровождении находящихся на пенсии Константина Михайловича Тимофеева, бывшего первого секретаря горкома КП Узбекистана, Петра Дементьевича Аникина, бывшего заместителя директора рудоуправления по общим вопросам, Козьярского (имя, отчество не помню) действующего главного бухгалтера. Бурный обмен приветствиями и заходим в директорский кабинет, где как-то «пахнет» запустением. Нам рассказывают, что промышленных дел практически нет, действуют лишь небольшой цех по производству прохладительных напитков на основе очень чистой воде горной речки и «Туристическая база отдыха», еще организованная в советские времена, существующая на коммерческой основе, услуги которой пока востребованы и путевки раскупаются. Сам городок, где нет рабочих мест, где остались проживать лишь небольшое число пенсионеров, не имеющих возможности куда-либо уехать, где часть квартир приобрели в качестве дач имущие городские жители Анграна и Ташкента, а остальные квартиры пустуют, находится на балансе областного хакимията (мэрии), на скудные средства которого еще поддерживается обеспечение отоплением, водоснабжением и другими необходимыми коммунальными услугами, но в планах наступающего очередного календарного, 1999 года этих средств уже не предусматривается. Таким образом, эта часть города Янгиабад (горная) обречена на полное исчезновение. Уже сейчас часть

пустующих квартир полностью разграблена, деревянные конструкции идут на отопление тех, где пенсионеры, не имеющие средств на оплату центрального отопления, установили «буржуйки» и ими отапливаются. Моему огорчению не было предела. Я вспомнил, как в свое время советско-партийная пропаганда распространяла информацию о гибели целых горняцких городков и скитаниях их бывших обитателей в Англии, в связи с закрытием угольных шахт, из-за их нерентабельности. Настроение даже не повысилось, несмотря на организованный нам принимающей стороной прием на территории «Туристической базы». Здесь, на открытой веранде (погода благоприятствовала) в национальном стиле был устроен «достархан» с обильным и вкусным угощением, в котором принял участие и директор туристической базы (к великому сожалению, фамилию не запомнил). За длившейся несколько часов дружеской беседой обменялись многими сведениями, воспоминаниями, дружескими пожеланиями. Расставание было грустным.

Через несколько дней после возвращения в Израиль мне стало известно, что на эту турбазу было совершено бандитское нападение радикально-националистических террористов из Таджикистана, которые зверски убили несколько человек, в том числе директора турбазы и милиционера! Такие вылазки из Таджикистана на приграничные кишлаки Узбекистана практиковались.

Во время проведения праздничных мероприятий по случаю 45-летия НГМК, Н. И. Кучерский вручил мне в числе других памятный подарок – изданный том «НГМК. История создания и развития». Я после возвращения домой с интересом и тщательно читал, перечитывал очень обширный материал, изложенный достаточно подробно, доступным техническим языком (это же не роман). Понятно, что на чтение с интересом, какой вызывали у меня события и их участники практически на 70–80 процентов мне известные, участником многих из которых я был в том или ином качестве, изложенные в 480 страничном, крупного формата труде, ушло достаточно много времени. Выполнен большой труд, объективно и последовательно отображающий все производственные, технические, научные проблемы строительства, освоения технологии добычи и переработки ценнейших для Страны металлов из уникальных месторождений с уникально тяжелыми горнотехническими и в уникальных же географо-климатических условиях. Отмечены главные стороны, факторы и грани человеческой деятельности, проявленных большинством руководителей, специалистов всех рангов и уровней, которые организовали, создали работоспособные коллективы, дух энтузиазма,

сумевшие преодолеть все трудности, решать и решить поставленные задачи. Над трудом работали непосредственно и опосредованно много специалистов, имеющих разную степень знания материала, разный уровень грамотности и разную степень совестливости, поэтому чувствуется и твердая рука основных ведущих авторов и руководителя коллектива, сумевших привести разностильные изложения в общую структуру единого труда.

На фоне вышесказанного вызывают неприятный осадок, не умоляя безусловную достойность всего труда, отдельные досадные, даже не знаю, как их назвать, но по моему мнению их надо отметить, недоработки, ошибки и явно откровенные, мягко говоря, неточности.

1. Очень слабо отражены события, трудности, меры по их преодолению опережающих все остальные виды горных работ, это строительство, освоение и сдача в эксплуатацию подземного рудника № 2 (шахтные поля 1 и 2) Учкудука, где персоналу ИТР приходилось не только решать технические и организационные вопросы, но и осуществлять их с использованием подневольного, а значит неквалифицированного и непроизводительного труда заключенных. Насколько мне известно, из всех мест Советского Союза только в Учкудуке в это время использовался труд заключенных на подземных горных работах. Освещению подземных горных работ во всем Учкудуке отведено 5,5 из 54 страниц, посвященных работам Северного рудоуправления. Также недостаточно и скудно описаны подземные горные работы на месторождении Сабырсай.

2. Допущено много не соответствующих действительности ошибок в датах событий, биографических сведениях, опечаток и даже искажений целых фамилий – см. страницу 282, где вместо «К. П. Павлычев», написано «П. П. Константин (1959 – 1978 гг.)».

3. Не понятно, почему и необоснованно отказались перечислять во многих случаях фамилии всех удостоенных Государственных премии СССР из числа лиц, не входящих в кадровый состав НГМК. А в четвертом абзаце этого раздела вписаны фамилии (Белоозерских, Мальцев, Синявский), не удостоенные такого звания, просто самозванцы.

Вернусь к тем эмоциям и некоторым ностальгическим чувствам, которые возбуждали идущие независимо от тебя волнения, иногда доходящие до слез. Да, это была ностальгия по молодости, временам неудержимой активности, стремлению делать больше и лучше на благо, не побоюсь высоких слов, любимой Родины, так нас воспитывали, учили, постоянно напоминали.

В уме проходили образы тех друзей, однокашников, товарищей, сослуживцев, руководителей разных рангов, которых больше других любил, уважал, в общении с которыми получал радости, знания, опеку, которым и сам старался дать поддержку, совет, пример и которые это оценивали. Все это и называется прошлая жизнь и, как говорят многие, «если бы пришлось начать сызнова, то повторил бы ее!»

Вот и теперь при написании этих строк, а сейчас идет уже май месяц 2007 года, хочу назвать имена тех, в течение сознательной жизни с которыми общался и которые оставили заметный след в ней, и тех, кто еще с нами, и тех, кого уже нет, но которых буду помнить, тех, кого недостаточно, или совсем не упоминал по ходу повествования во всех трех книгах, тех, которые не попали по понятным причинам в ограниченный раздел истории НГМК «Они создавали НГМК», но могли бы быть помещенными в него. Это:

Давид Аксельбант и Адель Сарнэ, Ася Просмушкина и Женя Давыдова, Вениамин Львович Дмитриев и Николай Васильевич Мищенко, Розалия Абрамовна Берзак и Александр Рувимович Богуславский, Александр Сергеевич Попов и Александр Васильевич Королев; Виктор, Люся Надеждины и Борис, Нинель Хоментовские; Альберт, Неля и Лев Агановы, Виолетта Коган; Павел, Ада Шилковы и Владимир, Антонина Кожевниковы; Семен, Анна Мудрые и Сева, Люся Тележинские; Борис, Эни Вальберги и Сергей, Анна Витковские; Петр Петрович Гаршин и Лев Христофорович Мальский; Борис Николаевич Чирков и Александр Александрович Попов, Николай Красиков и Андрей Кан, Михаил Соколов и Андрей, Марина Шитовы; Порфирий и Вера Савостины; Николай Хван и Сталь Покровский; Леонид, Наташа Луневы и Виталий, Елена Разумовские; Бениамин и Раиса Кивенко; Леонид, Наташа Бастриковы и Аркадий, Надежда Баклаженки; Абдулхак Усманов и Петр Спиридонов, Владимир Ишкулов и Сергей Тарасов, Владимир Раужев и Александр Остапенко, Владимир Скворцов и Виктор Воскобойников, Мария Бурлакова и Вилен Айзенштадт, Дина Якупова и Эсфирь (Ася) Топорская; Алексей Пашков и Лев Анашкин; Василий, Галина Махонины и Николай, Надежда Казанцевы; Рафаэль, Римма Шангареевы и Николай, Раиса Прудкогляды; Леонид Токарчук и Валентин Тодоренко, Анатолий Лапин и Алексей Люлька, Василий Пичужкин и Анатолий Хлыстов, Борис Саидов и Евгений Кадоркин; Абрам Либченко и Николай Тютченко; Александр и Галина Авраменко, Давид Триерс и Виталий Ридзель; Николай Норкин и Виктор Исаков, Иван Мамохин и Владимир Аухименя; Револьд Левитин и

Марк Гиммерверт; Георгий Батулин и Леонид Скрипка; Геннадий Ширай и Юрий Литинский; и многие, многие и многие десятки и сотни горняков, механиков, энергетиков строителей, технологов, металлургов и прочих специальностей, тружеников рудников, заводов, научных и проектных институтов, предприятий и учреждений медицины, торговли, коммунальных служб Чкаловска, Майли-Су, Учкудука, Нурабада, Зарафшана, Сугралы, Зафарабада, Навои, Янгиабада, Ташкента и Москвы.

Идет 2007 год, Приближается дата (1 сентября 2008 года) 50-ти летнего юбилея со дня образования НГМК, который, надеюсь, будет достойно отмечен коллективом. Теплится надежда, что бог даст дожить, сохранить благополучие моей семьи и возможность (если получу приглашение) принять участие в этом торжестве, встретиться с нынешним руководством, дожившими ветеранами и молодыми кадрами комбината, побывать в Узбекистане, где прошли лучшие годы нашей с Юлией жизни!

Закончить свой трехтомный труд, написание которого уже идет 6 лет, решил некоторыми рассуждениями и мыслями, которые не выдаю как единственно правильные, понимая, что они будут приняты неоднозначно. После двенадцатилетней жизни в Израиле, стране с рыночной экономикой и довольно большим «социалистическим» оттенком, а главное, в стране, где сосредоточен клубок религиозных, расовых, общественно-политических и территориальных противоречий, в большой степени влияющих на всю мировую политику и практику, взглядывая теперь изнутри другой системы, у меня сложились определенные понятия о происходящем в Мире.

Итак, вопрос первый: Сожалею ли я о случившемся развале бывшего СССР?

Нет, не сожалею. Я, Юлия и все мои друзья и знакомые в проводимом в соответствующее время по этому поводу референдуме голосовали за сохранение СССР. Такую точку зрения высказало подавляющее большинство участников голосования. Ну и что? Сработало демократическое право населения!? Конечно нет. Управлявшие Страной деятели не посчитались с этим мнением. Большинство населения было огорчено, тем более, что начавшийся хаос (хорошо, обошлось без гражданской войны), привел к буму инфляции и падению уровня жизни. Раздавались проклятия в адрес виновников распада СССР, одни их относили к Б. Ельцину и иже с ним, другие – к М. Горбачеву. На самом деле произошел закономерный объективный процесс, развалился «колосс на глиняных ногах». Практически мгновенно пала социалистическая система во всех восточно-

европейских государствах, где она была создана и поддерживалась только силой и под давлением СССР, стоит только напомнить о событиях в Венгрии, Чехословакии, Польше. Просто не мог режим «демократический» по форме, диктаторский и двуличный по существу, руководимый постоянно борющимися за власть лидерами, готовыми ради сохранения своего положения отдавать своих жен, родных на заклятие, объявлять их «врагами народа», расстреливать своих соратников, объявлять врагами, выселять и почти уничтожать целые народности своей страны (немцы Поволжья (крымские татары, чеченцы и ингуши, калмыки), выжить. Ведь «апогеем» подобной системы служит известный режим Пол Пота, уничтоживший более половины граждан своей страны. Задается вопрос:

А как же победа СССР над фашистской Германией?

Победу над Германией одержал не «Социалистический строй», а Народ страны, защищавший себя от фашистского врага, поставившего своей целью и осуществлявший на практике превращение в рабов и физическое уничтожение целых народов. Именно против этого народы СССР сплотились и выдержали все неимоверные тяготы войны и одержали Победу.

Так почему же «социалистически-коммунистическая» система, просуществовавшая более 70 лет, не выдержала исторического экзамена, почему она, имеющая тысячелетнюю притягательную силу, оказалась, как и предыдущие ее формы, утопической?

Человеку, как самому разумному представителю земного животного мира, присуще чувство и свойство состязательности, каждому нормальному индивидууму хочется и надо быть умнее, красивее, сильнее, для того, чтобы выжить, добыть, произвести, заработать, причем при минимальных затратах усилий, больше благ и лучше удовлетворять свои потребности, удовольствия. Точно такие же черты объективно присущи первой ячейке человеческого сообщества – семье, где также стремятся жить не хуже, а лучше окружающих. В таких объективно существующих условиях невозможно уравнивать распределения благ, выполнить лозунги «каждому по способности», тем более «каждому по потребности», или по-народному – «всем сестрам по серьгам». Потому, что индивидуум, семья не станут отдавать все свои возможности и способности – (а кто и как определяет эти способности?) – будет ожидать и стремиться получить больше от общего «пирога», а сообщество не может обеспечить необходимой производительности общественного труда и удовлетворения потребностей членов сообщества. Именно такие условия, усугубленные стремлением коммунистического руковод-

ством КПСС и СССР насильно распространять социалистический режим на другие государства, противостоять капиталистическому способу производства на основе свободного рынка и «буржуазно-демократическому» общественному устройству, направляя максимальные материальные затраты на вооружения, за счет их сокращения в производство средств народного потребления, и привели к развалу СССР. Социалистическая система хозяйствования не выдержала соревнования с капиталистической, несмотря на наличие в последней многих недостатков и противоречий, именно потому, что человеческий разум еще не готов к уравнительному распределению благ – это УТОПИЯ!

Думаю, что и некоторые распространяемые идеи «социализма с человеческим лицом» – та же утопия. А вот Китай!? Китай идет к той же капитализации и свободному рынку несколько другим, чем Россия и другие государства СНГ путем, где к сожалению процесс принял тяжелые для большинства населения и затянувшиеся формы. В некоторых восточно-европейских странах процесс перехода их «социализма» на рыночные формы хозяйственного развития и демократизации совершился значительно легче и быстрее. Таким образом известное выражение известного исторического лица: «...призрак бродит по Европе – призрак коммунизма» потерял свой смысл.

Но в земном мире возникли другие «призраки». Призрак «радикально-исламского терроризма», родивший институт «живых бомб» и провозглашающий идею установления фашиствующего исламистского режима на всей Земле, и призрак общемирового «антиглобализма», не менее опасного, чем «призрак коммунизма».

Задачей и стремлением крупных человеческих сообществ, племен, нации, государств также присуще стремление быть сильнее, иметь больше территориальных просторов, обеспечить повышение производительности труда, сокращение рабочего дня, увеличение времени отдыха и удовлетворения потребностей членов сообщества. защиты от внешних врагов. Уровень и способ производства, характер и вид потребностей каждого индивидуума, семьи, государства на земле очень разнятся в зависимости от географо-климатического расположения, уровня производственного и интеллектуального развития, национальной принадлежности, вероисповедания и религиозным конфессиям, общественно-политическому устройству, цвету кожи и другим. По этим признакам мировое сообщество разобщено.

Наиболее развитые западноевропейские государства, Япония, отказавшиеся от колониализма в прошлом веке, североамерикан-

ские государства обеспечивают довольно высокий уровень жизни, а их высокопроизводительные производственные компании, объединения и корпорации по понятным причинам и целям стремятся и выполняют расширение своей деятельности за счет строительства и перевода части своих мощностей на территории менее развитых, так называемых государств «третьего мира». Этим они достигают определенную долю сохранения или увеличения корпоративной прибыли за счет меньших расходов на оплату труда, так как ее общий уровень, как и уровень жизни, в этих государствах ниже. С другой стороны, организация таких производств сопровождается увеличением здесь рабочих мест, обучением рабочих и инженерных кадров, поднятием их технического и интеллектуального уровней, более высокой оплатой работающих по сравнению с округой. Понятно, что это оказывает значительное влияние на ускорение общего экономического развития указанных государств, поднятию уровня жизни населения в них.

Но это не устраивает все еще существующих идеологов и апологетов коммунистического устройства общества, притягательная сила которого привлекает, в первую очередь, самую неустроенную часть общества в любой стране, ту часть, что предпочитает затрачивать минимум, а то и совсем не утруждать себя, сил и усилий для достижения жизненных благ. Их организуют, дают подачки, и они выражают «протесты» очень известным, не оригинальным путем – громить поджигать автомобили, витрины учреждений, торговых и общественных зданий, под лозунгами «Долой богатых угнетателей!» Антиглобалистские тенденции, к сожалению, помогают завоевывать руководящие позиции в отдельных государствах, в том числе в Южной Америке, политикам прокоммунистического направления.

Указанные положения глубокой разобщенности народов, государств являются причиной идущих и возникающих локальных, региональных и возможных мировых конфликтов и войн, которые в условиях современного развития технических средств их возможного ведения, приводят к весьма нежелательным последствиям и могут привести к мировой катастрофе.

Только действительное на практике, а не словесная болтовня, объединение большинства развитых стран в противостоянии развивающимся «призракам», отказ правящих структур и политиков демократических государств от «сюсюкающего либерализма» по отношению к методам борьбы с «фашиствующим исламом» и «антиглобализмом» могут прекратить развитию последних.

Только развитие научного и технического прогресса, возможности которого поднимут все государства и народы нашей маленькой Земли до примерно одного уровня развития и благосостояния, смогут навсегда покончить с противостоянием, войнами и создадут условия для изменения человеческого мышления и всеобщего «коммунистического рая». Понятно, что на это уйдет еще многие сотни лет.

«Жаль только в пору эту прекрасную жить не придется ни мне, ни тебе!»

Приложение 1

О наших родственниках и некоторых деталях из прошлой жизни

Думал остановится на написанном. Но решил, что правильно будет все-таки описать подробнее о наших близких нам родственниках, имея ввиду, что мы, и Юля и я не имели родных братьев и сестер, и о некоторых деталях нашей жизни, связанной с почти полувековой работой на предприятиях Минсредмаша – атомного ведомства бывшего СССР.

Большинство предприятий, заводов, лабораторий, НИИ и других в Минсредмаше были производствами повышенной опасности для здоровья, связанных в первую очередь с радиоактивностью и другими физико-химическими, металлургическими процессами. Особая секретность производств, закрытость их территорий потребовало создание специальных служб по обеспечению жизненно важных сторон человеческой деятельности во многих ведомствах и службах СССР. Я уже описывал наличие спецмилиции, спецпрокуратуры, спецсудов и др. Возникла необходимость специального медицинского обслуживания. Многие жители в СССР слышали и что-то знали о специальных поликлиниках и больницах для высоких чинов и их членов семей партийных и советских органов, что они обслуживаются специальным медико-санитарным ведомством (Медсанупр). Мало кто знал, что в составе Министерства здравоохранения СССР созданы специальные главные управления по обслуживанию работающих и членов их семей многих весьма секретных ведомств. Для медицинского обслуживания производств и городов Минсредмаша было образовано 3-е главное управление Минздрава СССР. Все медико-санитарные отделы и медсанчасти производств входили в это управление.

Подчеркну, что медико-санитарные части и отделы нашего ведомства снабжались оборудованием, лекарствами, инвентарем лучше и по более высоким нормам по сравнению с обычными медицинскими учреждениями городов и поселков, действующих под эгидой местных властей. В 3-е главное Медуправление (очевидно, как и в 4-е и другие номерные) отбирались лучшие кадры стажированных врачей и молодых специалистов, работать здесь было престижно.

Пока мы были молоды и практически не обращались к медикам, мы этого преимущества не замечали. Правда, из описанных мною в первой и второй книгах неординарных случаях уже просматривались преимущества нашей медицины. Немаловажно и то, что лучшему медицинскому обслуживанию способствовало внимание, которое уделяли медсанотделам и медсанчастям начальники, директора предприятий, выражающееся не только в моральной, но и материальной поддержке и спросе ответственности. Так было и в Майли-Су, и на «Развилке» (в дальнейшем Янгиабаде), и в Учкудуке, и в Сабырсае (Советабаде), и в Навои.

За пять лет работы и жизни в поселке городского типа Майли-Су (ставшего затем городом Майли-сай) медико-санитарная часть из небольшого коллектива, ютящегося в приспособленных помещениях, выросла в слаженный ансамбль врачей, медсестер и вспомогательного персонала, размещающегося в построенных постоянных корпусах, оборудованных по последнему (для тех времен) слову техники. Не помню фамилии начальников медсанчасти, но фамилии некоторых врачей, особенно тех что приезжали молодыми специалистами и выросли в своей квалификации и способностях до главных специалистов помню и представляю их лица. Это Нинель Николаевна Варенцова, ставшая главным хирургом (в замужестве – Хоментовская), Валерия Попова, Евдокия и др. Пополнялись кадры и квалифицированными с солидным стажем врачами, например, такими как Тарловы Ефим и Раиса, прибывшие из Ленинграда. Ефим уже был кандидатом медицинских наук. В необходимых случаях прибывали в медсанчасть специалисты из Медсанотдела-16, размещавшегося в городке Чкаловске (Ленинабад). Много лет начальником медсанотдела в Чкаловске (Комбинат № 6) был прекрасный организатор по фамилии Могильников (несколько странная фамилия для врача, имя и отчество выветрились у меня). Мы, будучи молодыми и относительно здоровыми, услугами медиков здесь пользовались мало, больше просто дружили с молодыми врачами. Но нельзя забыть тех медицинских мер и усилий, которые проводили медики для спасения попавших

в описанную мною аварию на руднике № 1 в январе 1950 года. Не стало возможным спасти 4-х (коварный газ сероводород), удалось «откачать» лишь меня, но было сделано всё возможное и невозможное!

На Развилке (Янгиабаде) строившемся в очень стесненных условиях узкого ущелья, для объектов медсанчасти был выбран участок земли на одном из менее крутых склонов за границей собственно городка, но поблизости, и многочисленные основные и хозяйственные корпуса снабжались обособленными от города системами инженерного обеспечения. И здесь прекрасно сочетались кадры опытных врачей и молодых специалистов. Очень опытный хирург, участник ВОВ Вера Сомотуга стала начальником медсанчасти, опытные специалисты супруги Шубины быстро приобрели авторитет и признательность у населения, росли в мастерстве молодые специалисты Георгий Кирилин, ставший главным гинекологом и другие. Кстати, Георгий Куприянович Кирилин в будущем стал начальником медсанотдела в Чкаловске и много лет успешно его возглавлял. По роду работы я здесь очень часто общался с медиками, знал весь врачебный и большинство среднего медперсонала и могу, не сомневаясь, высоко оценить усилия коллектива медсанчасти по оказанию помощи населению и участию в вопросах улучшения санитарного состояния работ на рудниках, снижению числа профзаболеваний. Лично мне медики очень эффективно и интенсивно помогали в выздоровлении от сильнейших «приступов» радикулита, впервые проявившегося у меня в 1954 году. Неоднократные новокаиновые «блокады» особенно после возвращения в 1961 году с Семипалатинского атомного полигона.

Очень непросто и довольно долго обустроивалась медицинская служба в Учкудуке. В дни нашего прибытия в Учкудук, а это было в середине 1962 года, медицинские учреждения, как и все социальные и обслуживающие службы, размещались во временном деревянном городке в сборно-щитовом бараке и состояла из больницы на 20 коек и поликлиники (если это можно было так назвать). Медсанчасть (МСЧ-2) руководимая первым ее начальником хирургом И. С. Болотниковым подчинялась медико-санитарной части № 27 (МСЧ-27) г. Навои. Строительство постоянных сооружений для медицины Учкудука шло довольно долго, и они вводились лишь в 1966 г. В 1963 г. начальником МСЧ-2 стал Г. Г. Феоктистов. Несмотря на стесненные условия и недостаточную оснащенность медицины Учкудука очень активно проводили все виды медобслуживания населения и производств, умело оказывали первую помощь и даже

операции в приспособленной операционной в бараке. В сложных случаях больные доставлялись самолетом в МСЧ-27 в Навои.

Наша семья была вынуждена пользоваться медпомощью и здесь в Учкудуке. Кажется, в 1963 году обострение радикулита у меня было очень затяжным – после лечения в больнице, где кроме медикаментов во внутрь получил несколько «блокад» – боли и сколиоз продолжались более 8 месяцев и я, скособоченный, продолжал работать в обычном темпе и напряженности. Очень тяжелыми были моменты необходимости залезать и вылезать в бадью и из нее при посещении стволов, где еще не было клетьевого подъема. У нашего старшего сына Бориса часто возникали ангины, и медики считали необходимым удалить у него гланды. Он был отправлен в специальный подмосковный детский санаторий, где был подготовлен к операции, направлен в одну из больниц 3-го Главмедуправления в Москве и после операции продолжили реабилитацию в том же санатории. Всё это лечение продолжалось более двух месяцев. Борис вернулся окрепшим, загоревшим и веселым мальчиком. Благодаря медикам Учкудука было проведено обследование состояния здоровья Юли в 6-й больнице 3-го ГУ Минздрава СССР и выявлены нарушения функции щитовидной железы. Наш младший сын Виктор в том же 1965 году обследовался в 12-й больнице Третьего главного управления на предмет лечения его сколиоза позвоночника, который мы прозевали в его более раннем возрасте. Обе больницы находились в одном из окраинных районов Москвы («Щукинские», если не ошибаюсь) куда тогда еще не было линии метро и добираться надо было трамваем кажется № 23 от метро «Сокол». Обследовались они в одно и тоже время, и я в конце их пребывания прилетел в Москву в командировку, устроился жить в общежитии аспирантов-медиков, проходящих курс и практику в больничных комплексах названных мною больниц. В этом благоустроенном общежитии я пробыл более недели, посещал своих «больных» до их выписки, и мы уже вместе отбыли домой. Во время пребывания в общежитии я познакомился с Юрием Сенкевичем, который тоже снимал номер рядом с моим. Он был уже известной личностью после путешествия на «Кон-Тики» с Туром Хейердалом. Прочитал он несколько лекций в клубе общежития, и мы «по-соседски» пару раз устраивали холостяцкий ужин в номере.

МСЧ-27 в г. Навои в 1966 году была реорганизована в Медсанотдел №27 (МСО-27). Медсанотдел руководил медикосанитарными частями № 1 г. – Навои, № 2 – Учкудук, № 3 – г. Зарафшан, № 4 – п. Советабад. В составе МСО-27 действовали военный госпиталь, который обслуживал все подразделения военных строителей, дисло-

цированных в городах и поселках предприятий комбината. Медсанчастью № 27 с 1961 года руководил Роман Михайлович Борушков, он же стал руководителем Медсанотдела 27 в 1966 году и был им до 1977 года. Это был очень эрудированный врач, прекрасный организатор, оптимист со здоровым юмором и приятным улыбающимся лицом, обходительный и доступный человек. И здесь кадры специалистов пополнялись и квалифицированными, и росли молодые, набиравшиеся опытом и знаниями от старших, врачи и медсестры. Главные специалисты МСО часто бывающие на местах в МСЧастях с практической помощью пользовались большим авторитетом не только во врачебной среде, а и у населения. Всем были известны фамилии Е. И. Архангельской, П. Я Бараненко, Н. С. Зильберт, О. И. Шамова, О. С. Цека, В. И. Немцевича, В. В. Дьяченко, Л. В. Шавлевой и др. Кстати, в МСЧ-27 с большим успехом трудился молодой специалист, ставший основателем рентгенслужбы Э. Э. Карлы, один из сыновей моего наставника в начале моей трудовой деятельности в Майли-Су горного инженера (помните, спецпоселенца) Э. Карлы, погибшего в описанной аварии 1950-го года, в которой мне удалось выжить.

Как создавалась и росла МСЧ-4 в Советабаде, я рассказывал ранее. Строительство проектного медицинского комплекса здесь затянулось на долгие годы, он был сдан лишь в 1979 году. Поэтому больница по-прежнему находилась в бараках поселка ГРП, постепенно расширялась за счет освобождения площадей поликлиники, аптеки, перешедших в основной рабочий поселок в жилые дома, где под них приспособили несколько квартир.

Как уже стало понятным, в Москве и Подмосковье были построены, укомплектованы кадрами и новейшим оборудованием несколько медицинских специализированных центров, в которые направлялись на обследование и в необходимых случаях лечение трудящиеся и члены их семей со всех регионов где находились предприятия и учреждения Минсредмаша. Такие Предприятия к описываемому периоду уже имелись во многих районах необъятной страны и во всех республиках СССР. В необходимых случаях медицинские службы Третьего главного управления Минздрава имели возможность и пользовались ею обращаться к лучшим специалистам и медицинским центрам других ведомств для консультаций и лечения. Примером этому может быть и случай со мной в 1966 году, когда меня поместили в глазную клинику им. Гельмгольца.

В бывшем СССР была практика того, что некоторые ведомства и их профсоюзные комитеты, в первую очередь правительствен-

ные, создавали свои учреждения санаторно-курортного лечения в традиционных районах. На заре создания атомного ведомства, как помните, трудящиеся его пользовались зачастую санаториями, принадлежащими Академии Наук СССР. Так я оказался на лечении и реабилитации в санатории «Абрамцево» под Москвой в 1950 году. Еще раз я отдыхал и лечился в Академическом санатории в г. Кисловодске, называвшимся им. Горького. Это было в феврале 1952 года, и думаю, стоит несколько подробнее рассказать о связанных с этим событиях того периода. В 1951 году мы с Юлией сыграли свадьбу. В отпуске не были. Юлия забеременела и благополучно родила в конце января 1952 года нашего первенца Бориску. Рожала она в Ташкенте, куда я приехал, оформив трудовой отпуск. Мне вручили путевку в санаторий им. Горького в Кисловодске. После того как Юлия с малышом пришли из роддома домой (к родителям Юлии), я улетел. Это конечно стало возможным благодаря заботам о роженице и малыше со стороны в первую очередь Рахиль Исаевны и Макс Борисовича – «Да будет благословенна память о них!». Я конечно чувствовал некоторую неловкость по сложившимся обстоятельствам: Юлия рождает, а я в отпуск! Вроде не логично. Но при имевшихся режимах труда следовало и мне отдохнуть, особенно после перенесенных стрессов и не так уж давно прошедшей травмы при отравлении и перехода на работу на угольный рудник. Санаторий состоял из нескольких корпусов, расположенных не в самом центре города, но со своей ухоженной территорией. Традиционные ванны принимались в общегородском лечебном корпусе в центре, куда отдыхающие (больные) возились на автобусе. В довольно просторный двухместный номер буквально на следующий день был поселен армейский капитан по фамилии Шевченко. Это был ниже меня ростом, но почти же такой в ширину человек весом, как я потом узнал, в 130 кг, в военной форме, ремень которой был скомбинирован из двух стандартных. Мне казалось, что таких людей в Армии держать не пристало – они ее компрометируют. Но человеком он оказался компанейским, и мы не плохо провели весь «курс лечения». Задачей Шевченко было похудеть, специальная диета, дни голодания и т. п. Он действительно терял до 20–25 кг, но после нескольких дней его голодания, мы вечером шли в ресторан, и здесь он «отводил душу» – под приличную выпивку съедал много и все что нельзя было. Я уезжал из санатория на день ранее его, поэтому знал, что всё же он снизил свой вес на 15–20 кг, но думаю, что это не надолго.

Мое пребывание в санатории им. Горького совпало с лечением здесь главного инженера нашего предприятия Л. Х. Мальско-

го с супругой (кажется Анна Андреевна) и моего однокашника В. М. Штурбабина, работавшего в это время в Табошарах, с супругой. С четой Мальских я общался довольно тесно, вместе посещали киносеансы, вечера танцев, пару раз ресторан, совместные экскурсии. А семья Штурбабиных вела себя как-то неадекватно, сторонились. Мне еще со студенческих лет было известно о такой черте Василия, как жадность и на этой почве необщительность с товарищами. Среди студентов нашей группы Василий Макарович был самым «зажиточным», он после демобилизации из армии, кажется, в чине капитана вернулся «не пустым», закончив службу комендантом городка на Эльбе. При просьбе одолжить небольшую сумму до стипендии он очень неохотно ее выдавал и записывал в «конduit» с указанием срока возврата. Наверное, и супруга была ему под стать. Ни во время студенчества, ни в период нашей совместной работы в НГМК наши семьи ни разу не общались. В. Штурбабин ни разу не принимал участия и во встречах по случаю юбилейных дат окончания института.

Возвращался я из санатория в конце февраля (или начале марта), и в Москве купил детскую коляску для малыша. У нас в Узбекистане это был дефицит. Погода была зимняя, много снега, вьюжило. В аэропорту «Внуково» (тогда летали в Ташкент через этот аэропорт) после регистрации и сдачи багажа было небольшое время подкрепиться и сидя за столиком с пассажирами-попутчиками услышали радиосообщение с просьбой пассажиров рейса «Москва-Ташкент» пройти к стойке регистрации. Оказалось, что самолет загружен багажом почти до предела и решили взвесить всех пассажиров для определения возможностей полета. Прилетели благополучно. Коляской были довольны все члены семьи.

Уже работая на новом месте на «Развилке» (в будущем Янгиабат), мы в 1954 году получили путевки на санаторно-курортное лечение на курорте «Выборг-Приморский», который находится, как понятно по названию, вблизи города Выборг, но в приграничной зоне и въезд туда только по пропускам, оформляемым через МВД. Мы всё оформили и вылетели в Москву, из Москвы на дизель-поезде (впервые) в очень хорошо оборудованном двухместном купе за 8 часов ночного пути прибыли в Ленинград. После нескольких дней пребывания в Ленинграде (об этом будет рассказ впереди) поездом отправились в г. Выборг, который встретил нас полностью разрушенным зданием вокзала, с площади которого видны еще много развалин когда-то стоящих там солидных сооружений несоветской постройки. На вокзале встречал представитель курорта, с которым

на спецавтобусе отправились в сторону границы с Финляндией. После более 20 км пути остановились у санатория № 5 курорта, куда у нас и были путевки. Нас оформили и провели с нами инструктаж, главным вопросом в котором звучал мотив:

– «Здесь до границы 2–2,5 км. Будьте внимательны к предупредительным надписям, проход за которые запрещен! Нарушившие немедленно выписываются из санатория без возмещения расходов и о поступке сообщается по месту работы. Могут быть еще и неприятности по линии КГБ». – Расписались о прочитанном предупреждении.

Почти весь путь от Выборга и до санатория проходил по не широким дорогам местного значения окруженным вековыми лесами и вдруг открывающимися прогалами, в которых просматривались разных размеров по площади озера с плотинами, на некоторых из них сооружены и работали небольшие гидроэлектростанции. Административное двухэтажное каменное здание санатория, в котором располагались и лечебное отделение (хвойные ванны, физиопроцедуры и т. п.), и столовая, и зал для культурных мероприятий, и бильярдная, окружено также лесом и цветниками. Поодаль берег довольно большого озера, на котором устроена лодочная станция где можно за умеренную почасовую плату взять в аренду лодку и плавать по нему и соединенных с ним по узким протокам другим озерам. Жилые домики-коттеджи из деревянных сборных конструкций расположены в лесной зоне метрах в 200 от административного здания. Каждый домик состоит из двух квартир, вход в каждую с противоположных фасадов через веранды. В каждой квартире два места. В противоположной квартире домика, где поселили нас, отдыхает подполковник в отставке из органов КГБ, оказавшийся очень приятным собеседником и товарищем и с которым мы общались весь период пребывания в санатории. Со временем я решил, что курорт «Выборг-Приморский» принадлежит министерству обороны, о чем свидетельствовало большое число отдыхающих военных чинов и то, что о путевках в этот курорт больше никогда не слышал и не встречал людей, бывавших там после 1954 года, очевидно не стали распространять путевки в другие ведомства.

Погода благоприятствовала нашему отдыху, был август, дожди редко и не ливневые. Собирали много грибов, особенно лисичек. Часто отдыхающие весь сбор сдавали на кухню и повара приготавливали их для всех. В ближайших озерцах водилось очень много рыбешек (не помню их названия), и мы с подполковником ходили на утреннюю зорьку с самодельными удочками. За пару часов удава-

лось поймать по несколько килограммов, которые тоже сдавали на кухню и угощали ими жареными весь контингент. Много плавали по озерцам на лодках, природа – чудо. В последнее воскресенье августа был «День Шахтера» и я дал обед группе товарищей по случаю этого традиционного праздника.

При посещении леса следовало внимательно обращать внимание на предупредительные плакатики на которых были и такие надписи: «Мин нет на 24,5 метра влево и вправо от просеки».

Даже в пределах этих метров мы обнаруживали развалины бывших дотов и дзотов линий финских укреплений, думали, что «линии Маннергейма».

Отдыхом мы остались довольны, этому способствовали и приятные сотоварищи, с которыми здесь познакомились и общались.

Это примеры отдыха в санаториях других ведомств. Минсредмаш же и его ЦК профсоюзов за последующие годы создал большую сеть санаториев и домов отдыха практически на всех известных курортах Союза, и даже был пионером в освоении других, ранее неизвестных мест с возможностями использования их бальнеологических свойств природы и водоисточников. На память перечислю некоторые из них, на которых мы с Юлией побывали на отдыхе и лечении:

«Красная Москва» – в Сочи; «Прогресс» – в Хосте; «Горный» – в Ялте; «Южное взморье» в Адлере; «Имени 50-летия Октября» – в Ессентуках; «Прогресс» в Евпатории; «Киргизское взморье» – на Иссык-Куле; несколько санаториев и домов отдыха в Подмосковных городках и в Усть-Нарве в Эстонии и другие.

Возвращались через Ленинград. О наших связях с Ленинградом и обязательных посещениях этого прекрасного и со своим неповторимым «лицом» города хочу рассказать особо и подробно.

Ленинградцами во все годы нашей трудовой деятельности в СССР были три младших брата Юлиной мамы, Рахель Исаевны – Давид Исаевич, Ихил Исаевич и Яков Исаевич Вишневские; одна из сестер Юлиного отца Макса Борисовича – Нина Борисовна Шатуновская; брат моей мамы – Илья Ефимович Белинский. Ленинградцами они стали в разное время и по разным причинам.

Нина Борисовна Шатуновская – оперная певица в театре оперы и балета в г. Ташкенте и ее муж Густав (фамилию вспомнить не можем), немец по национальности, в те времена (начало тридцатых прошлого столетия) – директор этого театра, в середине тридцатых переехали в Ленинград, где ему предложили должность коммерческого директора студии «Ленфильм». Получили они пре-

красную квартиру в престижном районе на «Каменном острове» на первом этаже двухквартирного коттеджа с приусадебным участком. Квартиру обставили очень добротной мебелью и дорогим роялем. В самом начале ВОВ Густав был репрессирован и дальнейшая его судьба неизвестна по сей день. Нина Борисовна была вывезена из Ленинграда по «ледовой дороге жизни». При эвакуации она оставила свою квартиру своим друзьям с условием что те сохранят рояль, многочисленные театральные костюмы и мебель. В эвакуации Нина Борисовна жила в Ташкенте у сестры, Агнессы Борисовны. По возвращению в Ленинград бывшие «друзья» показали Нине Борисовне «кукиш» и не согласились что-либо ей возвращать. После многочисленных судебных разбирательств Нине Борисовне вернули лишь рояль и часть театральных костюмов. Ленгорсовет выделил ей одну комнатку в двухкомнатной квартире на Большом проспекте Васильевского острова. Рояль в комнате не помещался, был продан и куплено пианино – необходимо было давать уроки музыки, чтобы кормиться. Комнатка была не более 10–12 м². Мы неоднократно бывали у Нины Борисовны при приездах в Ленинград, в частности и в 1954 году и в последующие годы, она познакомилась и с нашими детьми. Мы старались ей иногда «подбрасывать» небольшие суммы, жила она очень скромно по своим доходам. Скончалась она в самом конце пятидесятых годов.

Мой дядя Белинский Илья Ефимович, стал ленинградцем в самом конце ВОВ. Он в 1941 году в Одессе был мобилизован с учетом возраста и состояния здоровья на строительство оборонительных сооружений, скоро оказался в немецком окружении, после долгого блуждания на оккупированной территории (числился украинцем), освобождения территории и возвращения в Одессу, узнав о гибели жены и сына, решил обосноваться в Ленинграде. Он был единственным из детей в семье, который имел высшее образование, причем два: окончил педагогический институт, а затем электротехнический, в тридцатые годы. Я уже о нем упоминал в первой книге, но еще раз добавлю, что он в гражданскую войну воевал в рядах 2-й Конной Армии комиссаром казачьей сотни, коммунист, украинец (так он числился), имел несколько ранений, перенес сыпной тиф и демобилизовался в 1924 году. Из некоторых его рассказов я понял, что он вышел из партии где-то в 1925 году, причин не объяснял, но я додумываю, что причиной послужил наметившийся раскол между Троцким и Сталиным, разочаровавший Илью Ефимовича. В Ленинграде он по началу перебивался случайными заработками, а затем устроился на работу продавцом в «Книжную лавку писателей» на

Невском проспекте. Это очень серьезный книжный магазин, здесь был свой покупатель, как правило, эрудированный. Продавец должен был знать, уметь преподнести и оценить продаваемую продукцию. Часто в распродаже участвовали сами авторы продаваемых книг, с которыми надо было общаться и знать предмет обсуждения. Илья Ефимович женился на очень интересной, общительной добрейшей женщине, вдове, работнице какого-то издательства – тете Любе. Жили они на улице Рылеева в комнатухе в 9–10 м² в коммунальной квартире, где было еще не менее 6–7 семей.

Жили они очень скромно, но при этом тетя Люба очень любила и умела приготавливать вкуснейшие блюда и печенья, с громадным удовольствием угощала ими, очень аппетитно сама ела и заражала этим участников трапезы. Мы любили бывать у них, понравилось у них и нашим детям при поездках в Ленинград. Тетя Люба, коренная ленинградка, прекрасно знала город, пригороды, их историю, рассказывала об этом и пару раз сопровождала нас в поездках по историческим местам. Бывало, что при посещении их мы в застолье задерживались у них допоздна, они нас не отпускали возвращаться на улицу Герцена (мы останавливались у Юлиного дяди Якова Исаевича, где была довольно большая квартира) и Любовь умела устроить ночлег на всех (нас и детей) в скромной крохотной, заставленной лишь необходимой мебелью, комнатке, да так, что никто не оказывался в обиде. Дядя Илья старался подбирать для нас дефицитную художественную литературу в лучших изданиях и при очередном нашем приезде мы увозили ее, а иногда и присылал нам посылки. Было не только необходимо, но и модно тогда, иметь и пополнять личные библиотеки. Илья Ефимович в обеденное время всегда питался в одном и том же кафе-автомате, съедая стандартный для него обед стоимостью 2 руб. 50 коп. Известно, что в 1961 году в СССР была проведена денежная реформа, увеличившая содержание рубля в 10 раз. Имелось ввиду, что и зарплаты, и цены всех товаров уменьшаться в 10 раз, сменились бумажные денежные купюры. А стандартный дядин обед стал не 25 коп., а 30 коп. Илья Ефимович возмутился, это здорово ударило по его карману. Но ответ директора кафе был однозначным – развел руками и – «Так приказано!» Оказалось, что реформа явно была не в пользу трудящихся, я и сам обнаружил: металлическая 20-литровая канистра (покупал для запаса бензина в багажнике автомобиля) до реформы стоила 25 руб., а после стала 4 рубля. Илья Ефимович держался в форме для своего возраста, по утрам делал зарядку, увлекался рисованием. К сожалению, тетя Люба в конце семидесятых скончалась от рака, и дядя

какое-то время был в одиночестве. Но через пару лет он сошелся со вдовой, ленинградкой из интеллигентной среды Елизаветой Михайловной, у которой было два сына, живущих в Ленинграде. У нее была большая комната в коммунальной квартире по ул. Плеханова (недалеко от Казанского собора), где они и жили до кончины Ильи в 1982 году. Мы неоднократно бывали в гостях у четы, принося подарки, и нас тоже принимали с радостью, особенно с нашими детьми. Мне довелось побывать на 90-летнем юбилее Ильи Ефимовича. Отмечали в квартире, собрались сыновья Елизаветы Михайловны с женами, из г. Кишинева прилетела моя двоюродная сестра Белла Шварц, были кто-то из соседей. Во время застолья в квартиру вошел офицер в морской форме, представившийся как представитель райвоенкомата, и вручил Илье Ефимовичу послание министра обороны с поздравлением, удостоверение участника Гражданской и Великой Отечественной войн и решение об увеличении ему пенсии (до сих пор он получал минимальную пенсию, так как не имел справок о заработках многих лет).

Теперь о братьях Вишневских. Первым стал ленинградцем самый младший Яков Исаевич. Он после окончания профтехшколы в городке Черкассы получил специальность слесаря 6 разряда и отправился в 1930 году в Ленинград, где его взяли на работу в машиностроительный отдел (МО) Обуховского завода. В этом цехе создавали легкие советские танки Т-26. Через пару лет этот отдел стал самостоятельным заводом. Яков отличался смекалкой и прилежностью в работе и уже в 1931 году избирается председателем комитета профсоюза цеха (не освобожденная должность). В 1931 году Яков вызывает в Ленинград брата Ихила, который устраивается на работу на турбиностроительный завод и здесь становится токарем со временем высокого разряда, а завод в будущем стал называться «Металлический завод им. II Партсъезда КПСС». Живут они на съемной квартире. В 1932 году они вызывают старшего брата Давида, который устраивается на завод, где трудится Яков, и становится инструментальщиком, начиная с ученика и до высшего разряда.

Якова преследует «ярлык» сына раскулаченного родителя, отец действительно был владельцем небольшой мельнички в Золотоноше, которую у него реквизируют в конце 20-х годов. Якова вроде реабилитировали, разобравшись, что он живет собственным трудом рабочего, но как только он 1934 г. уволился с МО, куда надо было далеко ехать с местожительства, и устроился на завод по изготовлению автоцистерн, тут же напомнили о его происхождении и мобилизовали в трудармию, куда призывали всяких лишенцев. Отправи-

ли его на Дальний Восток к китайской границе на стройку, откуда, как правило, мало кто возвращался, не выдерживая физических нагрузок и недоедания. Пытался его преследовать по антисемитским мотивам и политрук войсковой части, и это заставило Якова самовольно уйти из части и добраться до главного военного прокурора Дальневосточного Округа, где отнеслись к нему с пониманием. Он был отправлен в свою часть, куда вскоре пришло предписание освободить специалиста от трудовой повинности как незаконно мобилизованного в трудовую армию. Он возвратился в Ленинград в декабре 1934 г. и стал работать на ремонте автодвигателей, учиться на вечерних курсах ВТУЗа при Турбинном заводе. В начале ВОВ его перевели на ремонт танковых двигателей, а затем в 1942 г. мобилизовали в армию, где он стал бойцом штурмового батальона. Остался живым и невредимым после двух штурмов немцев под Шлиссельбургом. В боях под Колпино он был тяжело ранен, без сознания, а затем придя в сознание, пролежал на поле боя более двух суток, и случайно был обнаружен санитарями. За это время его посчитали погибшим, о чем сообщили родственникам. Это произошло в феврале 1943 года. После лечения во многих госпиталях и в последнем, который был в Ташкенте в здании средней школы по ул. Полторацкого, он вернулся в Ленинград инвалидом ВОВ. Работал мастером производственного обучения, начальником цеха трудовой терапии и реабилитации при большой больнице. Женился он лишь в 1950 году на Мирьям Лapidус, жившей в Ленинграде с родителями на ул. Герцена (недалеко от Исаакиевского собора) в большой двухкомнатной квартире бельэтажа дома дореволюционной постройки с отдельным по деревянной лестнице входом со двора и проходной кухней, которая была сооружена, также, как и туалет, в узком коридоре. Большие две комнаты высотой до потолка в 3,5–4 м с громадными из благородных сортов дерева дверьми и бронзовыми литыми ручками, с огромными окнами на ул. Герцена (прямо напротив «Дома композиторов» тоже в дореволюционном здании). Все издержки планировки квартиры были последствием дележки когда-то больших домов аристократии на многочисленные квартиры для советских семей. С точки зрения простого советского человека эта квартира была верхом возможного блаженства и зависти многих. К моменту моего личного знакомства с братьями Вишневыми и их семьями, а произошло это в 1954 году, когда мы с Юлией приехали для отдыха в санатории «Выборг-Приморский», в этой квартире жили чета Вишневских с двумя малыми детьми и младший брат Миры участник и инвалид ВОВ Исаак (Изя) Лapidус. Я так подробно описываю именно эту

семью Вишневских потому, что во все дальнейшие и частые поездки в Ленинград мы останавливались в этой квартире и в этой семье, имевшей лучшие квартирные условия.

Ихил Вишневский, высокий стройный красавец с голубыми глазами во время моего с ним знакомства был женат на дородной русской женщине Наташе, и жили они на одной из Красногвардейских улиц (а их было несколько так и называвшихся – 1-я, 12-я) в коммунальной квартире из 6–7 семей, где занимали узкую длинную комнату площадью квадратов 14–15 с общей кухней, в которую надо было подниматься по лестнице. Он (Ихил) так и работал на заводе токарем, был асом своего дела, но очень обижался на положение, при котором «начальство» не давало возможности перевыполнить нормы выработки так, чтобы заработать приличную зарплату, ограничивая пределом ее в 140–150 руб. в месяц (это в ценах 1961 г., после денежной реформы). Ихил пережил всю Ленинградскую блокаду, работая на заводе, имея бронь, и в Армию не призывался. Тетя Наташа была очень хлебосольной, умеющей готовить простые и вкусные блюда русской кухни, которыми щедро угощала, умела пригубить рюмку в застолье, с ней было просто в общении. Детей у них не было. К сожалению, в середине 80-х она скончалась, и Ихил последние годы своей жизни прожил вдовцом. Он тоже скончался в 1990 году от рака кишечника.

Давид Вишневский самый старший из братьев. В самом начале ВОВ пошел добровольцем на фронт, воевал, был тяжело ранен и стал инвалидом ВОВ. Женился он поздно, кажется в 1954 (или 56) году на инженерке Софье Михайловне. Жили они на Фонтанке в доме с лифтом на 4 этаже в большой комнате коммунальной квартиры много лет, и лишь примерно в середине 80-х Давиду, как инвалиду ВОВ, выделили однокомнатную квартиру на 12 этаже 14-этажного дома в районе новой застройки Ленинграда, на Художественном проспекте. Детей у них тоже не было. Мы неоднократно бывали у четы Вишневских в гостях и на Фонтанке, и в районе Художественного проспекта. Тетя Соня принимала гостей тоже с удовольствием, но она работала несколько времени и после получения пенсии, поэтому «кухня» у нее была больше из покупных полуфабрикатных продуктов. Тетя Соня тоже скончалась раньше Давида, и ему довелось вдовствовать несколько лет. Ушел он из жизни в конце 80-х.

Примерно в 1985 году дом, в котором жила семья младшего из Вишневских, Якова, был определен как подлежащий полному капитальному ремонту и реконструкции, а жильцам предлагались различные варианты предоставления квартир в других районах Ленин-

града. Яков, как инвалид ВОВ с тяжелыми последствиями ранений (рана изуродованной ноги часто открывалась, причиняя сильные боли), имел определенные льготы и только это, и его многомесячная выдержка борьбы с городскими чиновниками позволили получить квартиру в одном из центральных районов, возле площади Мира на ул. Казначейской. Дом этот был также после капитально-восстановительного ремонта старинного здания, в котором когда-то снимал жилье Ф. М. Достоевский, о чем на здании свидетельствовала мемориальная доска. Новая квартира, состоящая из трех смежных комнат и кухни на 4-м этаже (без лифта), хотя была весьма приличной по советским меркам, не соответствовала запросам инвалида и числу членов семьи при разнополых взрослых детях. В тяжбе между бюрократами и Яковым у последнего нервы не выдержали и он согласился на эту квартиру, потому что оставаться жить на старом месте, откуда уже съехало большинство семей и практически дело шло к отключению всех инженерных коммуникаций, стало невозможным. Нам с Юлей довелось дважды побывать в гостях у Вишневских на этой квартире, где мы с ними с удовольствием общались и где они принимали нас, предоставляя комнату сына Оси. Здесь семья прожила до отъезда в 1991 году на постоянное место жительства в Израиль. До этого сын Ося женился, и уже у молодых рос сын Леонид, так что в Израиль выехало две семьи. Пропущу много лет и сообщу, что Яков Исаевич Вишневский, Слава Богу, вместе со своей супругой Мирой и дочерью Любой живут в г. Реховот в Израиле и по сей день (а сейчас март 2007 г.) в весьма приличной съемной квартире, а сын Ося со своей семьей, в которой уже в Израиле родились еще двое детей – сын Гася и дочь Майя («сабры») – живут в том же городе Реховот в собственной большой квартире. Мы перезваниваемся еженедельно и встречаемся по случаям семейных праздников регулярно.

В этой статье расскажу о моих родственниках со стороны мамы. Рассказ этот был навеян во время моей поездки из Учкудука на Украину, в частности, в Донбасс, где прошло мое детство и часть юности. Я смог выкроить время для встречи с потомками моей двоюродной сестры, старшей дочери дяди Гриши, Евгении Белинской, той, что, в свое время, помогла моей маме получить юридическое образование. Женя, как мы ее называли, имея (не знаю точно высшее или среднее) юридическое образование, в 30-е годы вышла замуж за Александра Збарского, от которого имела сына Анатолия. По каким-то причинам они разошлись. Евгения, красивая и преуспевающая, работала в Сталинской областной прокуратуре следова-

телем. В этот период областным прокурором был Р. А. Руденко, который впоследствии стал представителем обвинения от СССР на Нюрнбергском процессе и Генеральным Прокурором СССР. Говорили, что он настойчиво ухаживал за Евгенией. Но она вышла замуж вторично за инженера-химика Сергея Львовича Козельского, который стал одним из руководителей большого химического завода в г. Горловка, Сталинской области (потом Донецкой). Здесь они жили, отсюда семья эвакуировалась на восток, в связи со сдачей территории немцам во время ВОВ, затем вернулась в Горловку. Сергей Львович с августа 1941 и по март 1944 г. был в Советской Армии, на фронте. Здесь, в Горловке, у Жени появилось еще двое детей – сын Виктор и дочь Валентина. Я их посетил в 1946 году, когда был на первой производственной практике в Донбассе (писал об этом в первой книге). К описываемому времени (т.е. в 1964 г.) Евгении уже в живых не было – «Да останется светлая память о ней в наших сердцах!». Она скончалась в 1955 году. Я связался с Анатолием, инженером-химиком, жившем и работавшем в Донецке, посетил его, он пригласил в Донецк Виктора и Валентину, по-прежнему живших в Горловке. С последней я познакомился впервые, потому что в 1946 году ее еще не было. Мы провели один вечер. Они мне приходится двоюродными племянниками. С Анатолием я (а больше моя мама) поддерживали почтовую связь, изредка обмениваясь письмами, а больше поздравительными открытками по поводу советских праздников. Анатолий всё грозился приехать в гости в Ташкент, но так и не собрался. А вот свидеться нам пришлось уже в Израиле. А дело было так. Летом 1996 года в Израиле через русскоязычное радио, функционирующее здесь, меня (нас) нашла еще одна из моих двоюродных племянниц Элла (Элеонора), дочь другой двоюродной моей сестры Беллы, третьей дочери дяди Гриши. Она (Элла) живет в США, куда в конце восьмидесятых эмигрировала со своей семьей и мамой. В Израиль она приезжала в гости со своим мужем Натаном Сосновским, инженером-механиком, для встречи с его родным братом и ее двоюродными сестрами Валентиной Козельской и Светланой Пальчик (девичья фамилия Шухман), дочерью другой (второй) дочери дяди Гриши, Анны. С Эллой, ее мужем и его братом мы свиделись, они приезжали к нам, в Нетанию. И от нее мы узнали, что в Иерусалиме живут мои племянницы. Через пару лет в Израиль репатриировался из Горловки Виктор Козельский с семьей, который тоже поселился в Иерусалиме, рядом с родной сестрой. Таким образом, здесь, на Исторической Родине, я обрел довольно близких родственников, с которыми, практически, в

бывшем Союзе не общался. К сожалению, с двоюродными сестрами Анной и Бэллой мне свидеться, после репатриации, не удалось, так как Анна скончалась в 1996 г. здесь, в Израиле, а Бэлла – в США. С Анной я последний раз виделся в 1942 году в Ташкенте, в эвакуации, откуда она уехала в Сибирь, а с Эллой мы видались в конце 70-х. Тогда мы (Юлия и я) после отдыха на курорте в Крыму, прилетели в Кишинев, где жила Элла с мужем, Федором Ивановичем Марининым. Пробыли у них 5 дней. В Кишиневе жил и сын Бэллы Владимир, работавший в то время заместителем районного прокурора, а его супруга – директором одной из средних школ. Мы с ними познакомились. Дочь же Бэллы, Элла, жила в это время в г. Тирасполе со своей семьей, мужем и двумя сыновьями. Федор Иванович, полковник в отставке – второй муж Бэллы – симпатичный, добрый, умный, но уже больной человек, очень нам понравился. К сожалению, он через два-три года скончался. Отец детей Бэллы, Ханан Шварц, доктор юридических наук, профессор был старше Бэллы лет на 15–17. Он, будучи аспирантом в Москве, познакомился с молодой девушкой, пожелавшей получить юридическое образование, влюбился в нее, и они поженились. Кандидат юридических наук получил направление на работу в Юридическом институте города Саратова, где у них в 1939 году появилась дочь Элла. С самого начала ВОВ, уже профессор Ханан призывается в Советскую Армию, где назначается председателем военного трибунала фронта и получает генеральский чин. Его семья эвакуируется в г. Ташкент, где она получает однокомнатную квартирку в большом доме по ул. Полторацкого. Здесь мы и виделись несколько раз, а в конце ВОВ Белла вернулась в Саратов, где и работал Ханан заведующим кафедрой. Через несколько лет Шварцы переехали в г. Ростов-на-Дону, где он продолжал свою педагогическую работу в Юридическом институте, а еще через какое-то время получил приглашение и переехал на работу в Кишиневский университет. Здесь Ханан Борисович Шварц скончался. Через пару лет Бэлла вышла замуж за Ф. И. Маринина? который и усыновил Владимира, дав ему фамилию – Владимир Маринин. Это звучало лучше, чем Владимир Шварц, для продвижения по службе в органах прокуратуры (такие вот времена были). Однако, и это не помогло, когда Молдавия стала самостоятельной республикой, когда необходимо стало знать молдавский язык и прочие положения. Владимир Маринин с семьей тоже эмигрировал в США, естественно, с помощью сестры, и поселился в городе Атланте, штат Джорджия, где и проживают Элла и Натан. Мы с Юлией дважды были в гостях у Эллы и Натана, при наших посещениях США по

приглашениям нашего младшего сына Виктора Бен-Шира, живущего уже более семи лет в штате Мериленд, близ Вашингтона. Старший сын Эллы проживает в Москве, где у него приличный бизнес в области книгоиздательства, а младший – в Атланте, женился на коренной «американке», уже есть доченька, внучка Эллы и Натана. Это об одной моей двоюродной племяннице и о ее семье. Теперь об отпрысках другой моей двоюродной сестры – Анны Белинской. Она до ВОВ вышла замуж за Григория Шухмана, инженера-металлурга (я видал его, наверное, в году 1936), которого смутно помню. Анна с дочкой Светланой, 1940 года рождения, эвакуировались в г. Ташкент, а отсюда переехали в Сибирь (город не знаю), куда был эвакуирован завод, на котором трудился Шухман. Там, по неизвестным мне причинам, Анна с Григорием разошлись в 1946 году. Анна с дочкой после этого переехали в г. Кишинев, а затем в г. Потти (Грузия). Здесь Анна выходит замуж за Павла Исааковича Шрагина, с которым и прожила до его кончины в 1971 году. Светлана же заканчивает университет 1962 году и выходит замуж за Александра Пальчика, военно-морского офицера в звании капитан III ранга. Молодые отправляются на Камчатку, к месту службы офицера и здесь рождается у них в 1964 году дочь Анна. Но, в 1965 г. Светлана разводится с Александром и возвращается в г. Потти, затем устраивается на работу в г. Севастополе, а затем переезжает в г. Ростов-на-Дону, работает и поступает в аспирантуру. После смерти Шрагина, к ней переезжает мама. После защиты диссертации в 1976 г. семья возвращается в г. Потти, где Светлана работает юрист-консультантом на заводе. Дочь Аня заканчивает среднюю школу и едет учиться в Университет в г. Ленинграде, в 1981 г., заканчивает учебу в 1986 г. Светлана заключает договор на работу на три года на севере, где в поселке Ревда, Мурманской области вся семья живет до 1990 года и отсюда репатрируется в Израиль. И Светлана, и Аня-младшая по окончанию «ульпана» (школа обучения азам языка иврит для репатриантов), моют подъезды домов, делают уборку квартир у местных жителей – удел большинства репатриантов независимо от образования! Аня-младшая, которая легко освоила иврит, пробивается на курс подготовки преподавателей математики, заканчивает его успешно и получила право на преподавание в средней школе, чем и занимается до сих пор. В 1993 году Анна-младшая выходит замуж за израильянина, инженера-программиста, с которым уже имеют четверо сыновей, «сабр» (так здесь называют родившихся в Израиле – «Дай им Бог счастья!»), и проживают они в г. Иерусалиме. У Светланы с «языком» было значительно хуже, но со временем она

тоже устроилась в социальной службе на какую-то младшую должность, где проработала до выхода на пособие по старости. Мама Анна скончалась, как я уже отмечал, в 1996 г. Вся семья по приезду в Израиль, по мне неизвестным причинам, стала изучать правила иудаизма, придерживаться их требованиям, т. е. стали верующими. Муж Ани-младшей тоже из религиозной семьи. Я пока не хочу вдаваться в подробности, тем более, что еще и сам не силен в тонкостях, но скажу, что в иудаизме много религиозных течений и среди них мне наиболее симпатичны, так называемые, «религиозные сионисты», носящие вязанные кипы. Это течение в начале прошлого века создал раввин по фамилии Кук, который сумел доказать правомочность создания государства Израиль до прихода «машиаха» («Мессия») и необходимость защищать его (государство) от врагов. К такому течению принадлежит и муж Ани, и их дети.

Теперь следует продолжить о Козельских. Валентина Козельская, еврейка по маме, репатриировалась в Израиль в 1991 году с мужем и одним из двух сыновей. Они поселились в Иерусалиме. Абсорбция проходила тяжело, как и у большинства репатриантов, но они не чурались любой работы и, в конце концов, устроились работать на завод близ Иерусалима, где и продолжают работать до сих пор. Пару лет назад купили квартиру в собственность с помощью ипотечной ссуды, имеют автомобиль. Ее брат, Виктор Козельский, репатриировался из г. Горловки уже в конце 1999 года большой семьей – супруга Томила, сын Сергей, дочь Евгения, ее муж Александр и их сыночек Рома. Все члены семьи приобрели право на репатриацию и Израильское гражданство, как члены семьи Виктора, мать которого еврейка. Возраст Виктора подходил уже к 60-ти (немного не хватало), а в этом возрасте найти работу в Израиле тогда, да и сейчас, невозможно, хотя он имел высшее образование инженера-химика. Он и его супруга получили пособие для лиц предпенсионного возраста. По окончании ульпанов все взрослые члены семьи устроились – Александр на завод, Евгения сдала вступительный экзамен и начала учиться на трехгодичных медицинских курсах медлаборантов, Сережа в школу, а Виктор и Томила по «черному» (не официально) и официально мыть подъезды и помещения в офисах. Проживали они года три в одной квартире всей семьей (так дешевле оплачивать съем квартиры), а затем, после адаптации, разъехались. В этом году сын Сережа уже призывается на службу в Армию Обороны Израиля.

После того, что я узнал о моих племянниках и получил номера их телефонов, мы стали изредка перезваниваться. В 1997 году исполнялось 70-летие Юлии. Мы пригласили всех Козельских и Светлану

Пальчик отметить Юлин юбилей, который был намечен на субботу в небольшом ресторанчике в Нетании. Валентина с мужем Сашей и Виктор с Томилой приехали (на машине Валентины), а Света не могла приехать. Во-первых, суббота, а религиозные в такие дни не ездят на транспорте, во-вторых, ресторан не «кошерный». Таким образом, мы свиделись и фактически познакомились с семьями Козельских. После этого мы с Юлей побывали пару раз в Иерусалиме, гостили и у Виктора, и у Светланы, и у ее дочери Ани, где познакомились с мужем и детьми.

Старший сводный брат Виктора и Валентины Анатолий Збарский около трех лет назад тоже репатриировался в Израиль. Но репатриация прошла необычно. Надо несколько подробнее об этом. От Виктора Козельского я узнал, что Анатолий, инженер-химик, окончивший аспирантуру, но не доведший свой труд, по каким-то причинам, до защиты диссертации, уже много лет занимается в Донецке изучением иудаизма. Уже сам преподает в еврейских школах, организуемых всемирной еврейской организацией «Сохнут», стал глубоко верующим человеком и его чуть ли не величают равом! В самом конце 2001-го года стало известно, что Анатолий прилетает в Израиль в составе делегации из Украины на организуемый «Сохнутом» симпозиум в Иерусалиме. Он действительно прилетел, принимал участие в заседаниях. Я приехал в Иерусалим, где мы и встретились у Виктора. В беседах встал вопрос и о положении Анатолия в Донецке, о неустроенности, тяжелом существовании. Возраст Анатолия подходил уже к 70-ти, пенсии на проживание не хватало, перебивался случайными приработками. Давно назрел срок репатриации его в Израиль, но он хотел как-то улучшить положение его гражданской жены, с которой прожил уже почти 30 лет. Перед отъездом на симпозиум в Израиль, Анатолий зарегистрировал брак с Раисой. Мы, узнав об этом, решили, что он, по возвращению в Украину, оформит отъезд в Израиль на постоянное место жительства вместе с ней. При обсуждении этого вопроса, Анатолий высказал желание остаться сейчас в Израиле, оформить репатриацию на месте. Такой вариант официально допускается, но оформление статуса репатрианта может затянуться на два-три месяца. В это время человек не имеет никаких гражданских прав, а самое главное, не имеет медицинской страховки. Последнее очень опасно, так как оплачивать любую медицинскую помощь придется из собственных средств (если они есть) и в очень крупных размерах – медицина очень дорогая! Виктор и я рекомендовали Анатолию вернуться в Украину, оформить репатриацию нормальным порядком. Вроде на

этом и порешили. В день отлета Анатолий в аэропорту «Бен-Гурион» выходит из очереди на регистрацию, приняв всё же решение остаться, и звонит к нам домой, сообщив о своем решении. Меня дома в этот момент не было, а Юлия разрешает Анатолию приехать к нам, взяв весь риск на нас. Оказалось, что Анатолий, используя свои связи с некоторыми деятелями из местных организаций «Сохнута», получил заверения от них о помощи на сокращение срока оформления документов. Действительно, Анатолий прожил у нас около месяца (очень тревожное для нас время, окончившееся благополучно) и получил место на обучение в одной из «ишив», располагающейся на «территориях» в районе северо-восточнее Иерусалима. «Ишива» – это школы в системе ортодоксального иудаизма, субсидируемые государством, где постоянно изучается «Тора», Анатолий и по сей день проживает там, учится, пользуется достаточно высоким авторитетом в ученической среде и у руководства «ишивы», часто приглашается в семьи соучеников на дни праздников, семейных торжеств. Он иногда приезжает к нам в гости и проводит несколько дней у нас. По телефону общаемся чаще. Во время личных встреч у меня с ним возникают дискуссии по некоторым, мне непонятным религиозным положениям. Я и Юля придерживаемся воззрения свободы выбора, более того, поддерживаем иудейскую религию, с большим удовольствием прочитали «Тору» и другие книги «Танаха», о которых не имели никакого представления в прежней жизни. Надо прямо сказать, что это был большой пробел в нашем образовании, лишивший нас (я имею ввиду всех наших советских сверстников) возможности правильно понимать многие известные художественные шедевры искусства, авторы которых зачастую использовали библейские истории и легенды, и другие положения мировой истории и истории религий.

Этим я закончил рассказ о потомках самого старшего брата моей мамы, Григория Яковлевича Белинского, родившегося в 1887 году и скончавшегося в 1971 году в г. Запорожье, где он проживал последние свои тридцать лет со второй женой. Здесь его знала почти вся дорожная милиция, так как он до самой кончины разъезжал по городу на мотоцикле. Любовь к велосипеду, затем к мотоциклету сопровождала Григория всю жизнь, думаю потому, что он много лет в молодости провел на коне, будучи бойцом в рядах отряда Григория Котовского, ставшего затем подразделением Красной Армии, в которой прослужил до середины 20-х годов прошлого столетия. Тезки «Григории», Котовский и Белинский, были, как мне рассказывал еще в конце тридцатых годов дядя, довольно дружны. От дяди

Гриши я узнал много разных историй из событий Гражданской войны, о которых я, в последствии, уже читал в художественной литературе и газетных статьях-воспоминаниях.

Думаю, что следует уже рассказать и о других моих близких родственниках и их потомках. Вторым, по старшинству, братом моей мамы был Владимир (Вульф – Вэлвэл – так его звали близкие) Белинский, как он был по отчеству не знаю. Дело в том, что отца мамы, моего деда, звали Иохим (на идиш это звучало как Ёйхим). Дети, в последствии, разлетевшись в разные места и оформляя документы, присвоили себе разные отчества в переводе на русский язык. Старший стал Яковлевичем, младший сын стал Ефимовичем, мама стала Иосифовна, а меня назвала Леонидом, хотя считалось, что называет меня в честь покойного деда, Ёйхима. Это было уделом большинства еврейских детей в период становления Советского режима. Так вот, Владимир стал единственным из детей, оставшихся в родном местечке Тростянец, в собственном доме Белинских. Здесь, в Тростянце Бершадского района Каменец-Подольской губернии, а затем Винницкой области, был в 1919 году убит Ёйхим Белинский с несколькими сотен мужчин-евреев во время погрома. Чудом остался жить Владимир, выбравшись порубленным шашкой из груды трупов. В этом доме проживал и я у бабушки Евы, с которой уехал в г. Одессу, в 1929 или 30 г., к маме, работавшей уже в одном из отделений милиции. У дяди Володи с его супругой Полиной (Песя) было два сына и дочь. Старший из сыновей, Николай (Наум) Белинский, в 1939 году, после окончания строительного техникума, был призван на действительную службу в Красную Армию. Стал участником кампании раздела Польши, войны с Финляндией, ВОВ и войны с Японией в Корее. Демобилизовался в 1946 году. Остальные члены семьи, оставшиеся в Тростянце, были уничтожены немцами-фашистами по имеющимся у нас сведениям в Бершадском гетто. По демобилизации Николай приехал в г. Ташкент, где, кроме нас, проживали с довоенных лет три сестры мамы Николая, тети Поли. В Ташкенте Николай женился на Евгении Браславской, тоже участнице ВОВ. Здесь они жили всю свою дальнейшую жизнь и воспитали двух детей – сына Владимира (в честь покойного деда) и дочь Ларису. Дети получили высшее образование. Владимир с детства занимался боксом, отслужил в Советской Армии, где стал чемпионом Армии по боксу в своем весе, имел звание «Заслуженный мастер спорта СССР». Работал в строительных организациях в Ташкенте. Женился, родили двух сыновей – Павла и Михаила. Брак был неудачным и, когда детям уже стало по 10–12 лет,

распался. Николай женился на женщине, его первой любви, Ирине, уже тоже имевшей двух сыновей от первого брака. Мой двоюродный брат Николай скончался в 1983 году, а его супруга Евгения – в 1993 году и похоронены они в Ташкенте. В период перестройки Володя пробовал приобщиться к бизнесу, с каким-то компаньоном что-то строил, монтировал оборудование в реконструируемом здании Узбекского представительства в Москве, где долго пребывал в командировках. Лариса Белинская по окончании института вышла замуж за инженера-механика Владимира Либстера. В этой семье родились тоже двое детей, сын Григорий и дочь Ирина. После распада СССР и начавшегося становления республик СНГ, развала экономических связей между ними, в период шагающей в пропасть инфляции и обнищания простого народа, особенно пенсионеров и служащих, начавшейся безработицы и задержки выплаты зарплаты, резко возрос поток отъезжающих из республики Узбекистан: русскоязычного населения в Россию, еврейской национальности – в Израиль. Первым из семьи по молодежной программе, организованной Сохнотом, уехал в Израиль старший сын Владимира Белинского – Павел. После года обучения языку, прохождения подготовительного курса и адаптации, сумел поступить и за три года закончить первую степень строительного факультета Хайфского Техниона. Затем, в марте 1995 году уехала семья Владимира Либстера в полном составе – жена Лариса, сын Григорий, дочь Ирина. Они поселились в г. Хайфе, где проживал и учился Павел. Глава семьи Владимир Либстер после ульпана устроился на работу заправщиком на бензозаправке, где и продолжает работать по сей день. Работа посменная, тяжелая по 10 часов в сутки, но прилично оплачиваемая по здешним меркам. Других перспектив не намечалось, несмотря на имевшееся высшее образование. Лариса устроилась кассиром в магазин, затем стала заниматься уходом за престарелыми людьми на их дому (есть такая служба в Израиле). Сын Григорий, получив отсрочку от призыва в Армию Оборона Израйля, поступил и закончил первую степень Хайфского Техниона, отслужил в Армии, работая по специальности строителя, демобилизовался, устроился на работу, женился, купил квартиру и уже есть потомство. Дочь Ирина, закончив среднюю школу, отслужила в Армии Оборона Израйля (2 года), вступила и закончила колледж при Технионе, устроилась на работу и вышла замуж. Несколько лет назад в Израиль репатрировался и Михаил, после окончания Ташкентского Транспортного института. Здесь, в Израиле, он поступил и за два года закончил вторую степень и продолжает обучаться на третью степень (доктор) на

строительном факультете Хайфского Техниона. Он привез жену из Ташкента с ребенком и уже здесь они завели второго. Со всей этой большой семьей мы общаемся очень мало, в основном по телефону. Понятно, что Лариса – это моя двоюродная племянница, остальные уже довольно дальняя родня.

Владимир Белинский, мой двоюродный племянник, раза два приезжал в гости в Израиль к своей сестре Ларисе и сыну Павлу, но переезжать не стремился. В Ташкенте, когда назрело время нашего отъезда, Володя уделил много внимания и оказал неоценимую помощь нам, мне и Юле. Ведь мы были одни, наши сыновья были уже в Израиле. Отъезд в Израиль был очень трудным мероприятием не только по моральным мотивам, но и требовалось много физических сил, поездок по различным инстанциям, организацией продажи приватизированной квартиры, автомобиля, гаража. Последние действия были и небезопасны. Были известны факты и ходили легенды об обманах, вымогательствах и даже убийствах при этих сделках. Володя купил нашу квартиру, имея ввиду продать свою, которая была такой же трехкомнатной в таком же панельном доме, но в районе Чиланзара, т. е. значительно худшем, чем район расположения нашей квартиры. Он решил купить и мой автомобиль, и гараж. За последние покупки он отдал нам деньги сразу, а за квартиру привез нам уже в Израиль. Он и проводил нас при отъезде, что тоже было немаловажно. Владимир снял с нас большой груз и бремя всего кошмара, который приходится на отъезжающих навсегда с места постоянного проживания в другую Страну, особенно из Страны, где в это время царил беспредел коррупции, бандитизма и прочих «преlestей»! Володя еще несколько лет прожил и проработал в Ташкенте, но дела не ладились. Он репатриировался в Израиль, в наш город Нетанию. Они (Володя и Ирина) прожили у нас недели три, сняли квартиру и обустроились в ней. Владимир был готов к репатриации – закончил в Ташкенте курсы и получил удостоверение на право вождения большегрузных машин и легкового транспорта с числом мест более восьми. Здесь он купил со вторых рук микроавтобус «Форд» и открыл свой бизнес. Так он стал зарабатывать на жизнь перевозками пассажиров в составе какого-то кооператива. Ирина (его супруга), инженер-строитель, тоже была подготовлена к местным условиям, закончила в Ташкенте курсы и прошла практику косметических процедур, начала эту деятельность на дому, оборудовав кабинет. Жизнь у них наладилась, нашлись друзья и однокашники, встречи и т.п. Но... неожиданно, обнаружилось, что у Володи уже метастазы в отдельных органах от ракового коварного заболевания

кожи – «меланомы». Оказывается, еще в Ташкенте, у него на левом бедре выросла небольшая опухоль, которую удалили в онкологическом диспансере, но не акцентировали внимания на необходимость систематических периодических медицинских наблюдений и проверок. Болезнь охватила лимфатические железы. Сделали радикальную операцию, проводили «химию» и радиоактивное облучение, но всё уже оказалось бесполезным – Володя «сгорел» за 4–5 месяцев, скончался, не дожив до 52-х лет. Таким образом, у нас уже есть в Израиле и первая могила. Похоронен Володя Белинский на кладбище в г. Нетания.

На этом, наверное, можно и закончить рассказ о моих родственниках со стороны моей мамы. О родственниках со стороны отца я не имею никакого понятия, так как с отцом мама разошлась через два–три года после женитьбы, его я видал один раз и умер он в г. Одессе от «разрыва сердца» в 1933 году, о чем я узнал из рассказа бабушки Евы.

На этом и закончу повествование о наших родственниках и некоторых деталях прошлой жизни в этом приложении к третьей и заключительной моей книге «Взгляд изнутри».

Приложение 2

Дорогой Леонид Борисович!

От имени многотысячного коллектива Навоийского горно-металлургического комбината с большой теплотой и сердечностью поздравляем Вас – талантливого инженера и организатора, крупного специалиста в области проектирования горнодобывающих предприятий – с ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЕМ!

Более 30 лет Вашей жизни связано с Навоийским горно-металлургическим комбинатом, в котором Вы работали и главным инженером Северного, и директором Южного рудоуправлений, а, перейдя в СредазНИПИпромтехнологии осуществляли руководство и принимали непосредственное участие в важнейших проектах строительства нашего предприятия.

В нашем коллективе помнят, ценят и любят Вас!

Рады доложить Вам, дорогой Леонид Борисович, что комбинат, в становление и развитие которого Вы вложили немало сил и энергии, продолжает наращивать выпуск продукции и неизменно является флагманом промышленности Узбекистана.

Низкий поклон Вам от всех нас!

В этот прекрасный юбилей желаем Вам, дорогой Леонид Борисович, светлого счастья, крепкого здоровья, душевного равновесия, новых творческих успехов. Пусть так же ярко горит Ваш семейный очаг, излучая тепло, уют и любовь, пусть радуют Вас Ваши близкие.

Не уставайте!

От имени коллектива

Генеральный директор
НГМК Н. И. Кучерский

г. Навои, 5 февраля 2006 г.

